Annotation

Дочери барона Робсарта — Ева, пережившая ряд бурных романов и тоскующая по разгульной атмосфере королевского двора, и тихая Рэйчел, привыкшая заглушать страстные порывы своего сердца, — казалось, навсегда заперты в родовом замке Сент-Прайори, над которым тяготеет страшное проклятие. Но вот в замок вместе со своим спутником попадает король Карл II, скрывающийся от своих врагов. Он рад насладиться невольной передышкой и не подозревает, что его появление в замке — лишь начало головокружительной, захватывающей истории, которой суждено изменить судьбу всех ее участников.

- Симона Вилар
  - Пролог
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ТРИНАДЦАТЬ
  - ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2

- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16

Симона Вилар
Замок тайн

Пролог

Октябрь 1651 года

Гладкая поверхность большого овального зеркала в черепаховой с оловом раме отражала богато обставленную комнату. Казалось, все в этих покоях дышит уединением, роскошью и негой. Но вот напротив зеркала распахнулась дверь, и в комнату почти вбежала молодая женщина. Она на ходу сбросила плащ на руки семенящей следом пухленькой горничной, кинулась к зеркалу и приникла к своему отражению: тонкие ноздри чуть подрагивают, лицо бледное, локоны развились и в беспорядке свисают вдоль щек. А красивые глаза так и горят!

— О, Боже мой!.. Боже мой!.. — выдохнула Ева Робсарт своему отражению, потом почти упала в кресло, тяжело дыша и не сводя глаз со своего отражения.

Горничная, прижимая к груди плащ, всхлипывала:

— О, миледи!.. Такой ужас!.. Как они посмели?! Вы — дочь барона Робсарта, а они…

Ева только что вернулась с воскресной мессы, и служанка, узнав из скупых слов жениха своей госпожи, что случилось в церкви, была напугана до слез.

— О, Боже, Боже, — причитала она. — Я чувствовала: что-то должно случиться! Я видела дурной сон… Я ведь говорила: не стоит вам ездить к этим фанатикам в Уайтбридж!

— Поди вон, Нэнси, — раздраженно оборвала горничную Ева. Бормотание служанки мешало Еве сосредоточиться. Ей необходимо было остаться одной, чтобы хорошенько обдумать случившееся.

Горничная опешила и осеклась на полуслове. Чем же она не угодила обычно такой приветливой своей госпоже? Уже уходя, она взглянула на леди с укором.

В зеркале было видно, как за нею закрылась тяжелая дверь, но Ева Робсарт словно не заметила этого. Она глядела на себя, будто видела свое отражение впервые.

— Ты, — она прижала пальчик к зеркалу, — ты сегодня встретила короля. Его Величество Карла II Стюарта. И он спас тебе жизнь…

Она откинулась в кресле и улыбнулась, мечтательно глядя в сводчатый потолок…

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Остановись, негодяй! — раздался совсем рядом грозный оклик, и дорогу спешно идущему по переулку человеку загородила чья-то тень. Но даже во мраке путник увидел, как блеснула сталь клинка.

— О, сэр… — только и пролепетал несчастный.

В следующий миг, когда он уже собрался с духом в попытке звать на помощь, резкая боль обожгла грудь, а губы ощутили соленый привкус крови. Человек захрипел, хватаясь за сердце, и стал медленно оседать вдоль стены, вздрагивая всякий раз, когда его пронзала боль, ибо тот, кто преградил ему путь, не желал останавливаться, и все новые удары шпаги пронзали тело несчастного. Но поверженный уже ничего не чувствовал, не видел, как возле нападавшего появился еще один человек и схватил первого за плечи.

— Довольно, Джулиан, довольно! — Второй стал оттаскивать нападавшего. Он чувствовал, как его сотоварищ мелко дрожит и рвется, словно хочет продолжить кровавое дело. — Довольно, милорд! Что с вами? Этот человек уже мертв, оставьте его!

Убийца с трудом перевел дыхание.

— О, простите, ради Бога, Ваше Величество, — все еще задыхаясь, произнес он. — Сам не знаю, что на меня нашло. Но если бы этот пес свернул за угол, он бы был уже у мэрии и донес, что король в Солсбери. Я еле догнал его. Просто сдали нервы, простите.

Карл II Стюарт успокаивающе похлопал своего спутника по плечу. Он сам не на шутку испугался, когда понял, что слуга из гостиницы узнал его. Этот предатель тут же кинулся прочь. Еще бы, ведь тому, кто выдаст парламентским властям беглого короля, обещана награда в тысячу фунтов! И пока новый хозяин гостиницы удерживал Карла, дабы тот расплатился за ужин, сопровождавший короля со дня поражения под Вустером молодой лорд кинулся следом за доносчиком.

— Да полно, Джулиан. Что с тобой? Ты ведь недавно сражался со мной под Вустером и куда более хладнокровно отправлял в преисподнюю круглоголовых[1].

Спутник короля продолжал дрожать всем телом, его зубы выбивали нервную дробь.

— Ради Бога, простите, Ваше Величество! — срывающимся голосом пытался оправдаться тот, кого король назвал Джулианом. — Одно дело убивать противника в открытом бою, а другое… вот так, из-за угла… как простой разбойник. Ужас!.. Словно сам дьявол толкал меня под руку. Но ведь этот круглоголовый… предатель. И каков мерзавец!..

Однако Карл, рука которого все еще покоилась на плече подданного, по сути сотоварища по несчастью, готов был поклясться, что щепетильный Джулиан, отпусти он его, вновь бы кинулся на поверженного противника. И король снова повторил — сухо, холодно, властно:

— Довольно, сэр! Уймитесь! Нам нужно подумать, как быть дальше. Вряд ли мы сможем вернуться в гостиницу и спокойно дождаться вестей от лорда Уилмота.

Лорд Гарри Уилмот, приближенный молодого короля Карла, был единственным, кто знал, по какому пути проследует беглый монарх Англии после того, как роялисты[2] почти насильно увезли его с поля боя под Вустером. Тогда Карл был на грани отчаяния и только твердил, что пусть его лучше разрубят на куски, чем он переживет последствия этого рокового поражения. Но его преданные сторонники не без основания опасались, что если Карла схватят люди лорда-протектора Оливера Кромвеля[3], то их делу будет нанесен непоправимый удар. И хотя среди спасшихся с поля боя роялистов нашлось бы немало тех, кто не задумываясь готов был сложить свою голову, сопровождая короля, выбран был Уилмот как наиболее скрытный и рассудительный. А тот, когда обстоятельства вынудили его вплотную заняться подготовкой побега, поручил короля заботам молодого Джулиана Грэнтэма.

— Этот человек бесконечно предан вам. К тому же я не знаю никого, кто лучше него дрался бы на шпагах, и более меткого стрелка. Он наблюдателен, рассудителен и хладнокровен. И он высокого роста, почти как вы, сир, а ваш рост — основная примета на всех этих дьявольских листках с описанием Вашего Величества, которые проклятые круглоголовые развешали везде, где только можно.

Джулиан действительно ростом походил на Карла Стюарта. А в рассудительности этого молодого лорда, как и в его беззаветной преданности, королю не раз посчастливилось убедиться за тот месяц,

что они пробирались через враждебные территории. Серьезность и трезвый ум Джулиана спасали Карла, привыкшего самонадеянно и легкомысленно идти навстречу опасности. Королю уже не раз случалось полагаться на своего спутника больше, чем на себя. И вот Джулиан сорвался. Сейчас они стояли в темноте, и Карл слышал, как тяжело дышит его верный спутник. Наконец тот, по-видимому, пришел в себя.

— Думаю, Вашему Величеству будет опасно возвращаться в гостиницу, — произнес Джулиан.

О себе он не упоминал. Он был лишь тенью при наследнике Стюартов, своя жизнь в сравнении с жизнью августейшей особы для него ничего не значила; Карла даже смущала такая преданность. За годы несчастий избалованный вниманием король научился ценить верность и сейчас невольно пожал Джулиану руку.

— Но как же нам быть? Уилмот занят фрахтовкой судна в Саутгемптоне, а мы должны ожидать вестей от него в Солсбери. Как же мы свяжемся с ним?

Джулиан склонился, вытирая окровавленную шпагу о тело предателя.

— В любом случае, сир, вам надо исчезнуть. Вас может опознать еще кто-либо, если этот мерзавец и так не успел шепнуть кому-либо словечко… А я… Что ж, *я* буду наведываться в Солсбери. В конце концов, моя голова не так ценна для Англии, как ваша.

Карл невольно коснулся головы, поправил съехавшую набок широкополую пуританскую шляпу с высокой тульей, без всяких украшений, кроме скромной оловянной пряжки над лбом.

— Но, черт возьми!.. Где же все это время буду пребывать я? — растерянно спросил король.

— Неважно. Найдем какое-нибудь укрытие. Сейчас главное…

Он не договорил, так как сверху распахнулось окошко, и сноп света осветил двоих стоящих над трупом мужчин. В следующий миг раздался испуганный женский визг, а затем мужской голос стал громко звать стражу.

— Идем! — только и сказал Джулиан, и оба, — и беглый король, и его спутник, — грохоча тяжелыми сапогами, со всех ног кинулись прочь.

Они остановились, лишь пробежав квартала два, не меньше, и шум позади стал не так слышен. Здесь Джулиан втолкнул молодого короля в темную арку какого-то дома и велел ждать, пока он не приведет лошадей. Солсбери следовало покинуть до того, как закроют городские ворота.

Ночной сумрак все сгущался. Карл устало опустился на подставку для всадников у дома, где велел ждать Джулиан. Король опустил голову на руки. Как он устал!.. От постоянной опасности, от бегства, от страха, который вынужден прятать под маской беспечности и бравады. Вот уже почти месяц он блуждает по дорогам Англии, измученный, под чужим именем, переодетый в мрачную пуританскую одежду, даже стриженный, как круглоголовый — так коротко, как только смогли обрезать ножницы его длинные черные волосы.

Чего только не пришлось ему пережить и испытать за этот месяц! Однажды ночью, например, он, спасаясь в лесу от преследования, вынужден был, словно загнанный дикий зверь, влезть на старый дуб. И нос к носу… столкнулся с тем, кто уже сидел на дубе. К счастью, это был роялист, полковник его войск Карлис, который тоже не нашел ничего лучшего, как устроить себе тайное пристанище на ветвях старого дуба. Так они и просидели на дереве сутки. Порой Карл засыпал, положив черноволосую голову на худые колени Карлиса. Позже он узнал, что круглоголовые все же поймали храброго полковника и повесили, как обычного вора…

Да, повсюду, где он проходил, свирепствовала смерть. Он один умудрялся миновать ее, но все, кто помогал ему, оказывались жертвой властей. Он один избегал кары… вернее, смерти, ибо знал, что его-то не помилуют. Как не помиловали его отца, когда объявили своего короля изменником и казнили при огромном стечении народа, выдав цареубийство за величайший подвиг во славу отечества. Та же участь ждала и Карла II, если бы не удача да, пожалуй, забота Джулиана Грэнтэма. Это Джулиан узнал, что все пути в Уэльс, куда поначалу намеревался пробраться король, отрезаны, и, связавшись с Уилмотом, отвез короля в Бристоль.

Случались у Карла и забавные приключения. Например, когда он путешествовал в компании с очаровательной Джейн Лейн. Джейн была пуританкой[4], но семья ее оставалась верна монархии, и Джейн с охотой согласилась стать прикрытием несчастному, гонимому юноше

Карлу Стюарту. Он путешествовал как ее грум, но не упускал ни малейшего повода проявить к своей прелестной защитнице любезность. Джейн была девушкой строгих правил, но Карл не упускал случая проверить, насколько крепка ее нравственная стойкость. И когда он понял, что почти победил, вмешался Джулиан и разлучил Карла и Джейн.

Джулиан был почти зол на Карла, зол настолько, насколько позволяло его почтение перед монаршей особой. Он говорил, что у Карла сейчас должны быть иные цели, чем соблазнение девиц, да и охранявший их в пути роялист Лассел, который был помолвлен с Джейн, уже начал не на шутку ревновать, а от ревности и обиды до предательства — один шаг. И все же, когда Карл вспомнил, как при расставании Джейн кинулась ему на грудь и зарыдала, он счел, что был полным дураком, что так долго разрывался между учтивостью, благоразумием и страстью. Ведь у него так долго не было женщин, а любовная интрижка помогла бы ему расслабиться и хоть на миг избавиться от того чудовищного напряжения, в котором он пребывал последнее время.

Правда, позже у Карла появилась возможность наверстать упущенное с другой девицей — Джулией Конингсби, под видом лакея которой он ехал из Бристоля. Джулия была из семьи преданных роялистов и свои верноподданнические чувства проявляла столь открыто, почти бесстыдно, что Карл даже растерялся. Он считал себя неплохим любовником, но ему претила чувственность, замешанная лишь на верности престолу. Да и опасности, подстерегавшие беглецов после отъезда из Бристоля, заставили короля забыть о плотских вожделениях. Карла опознал кузнец из Чартмута, и им пришлось спасаться от погони, так что ему даже не удалось попрощаться с пышнотелой Джулией.

Позже он узнал, что красавица попала в лапы преследователей и подверглась надруганию. Бедная глупенькая кокетка! У него даже не было возможности послать ей сочувственное письмо. Они тогда готовились отплыть из Бридпорта, но тут случилась очередная неприятность. Жена капитана судна, которое им удалось зафрахтовать, выведала от мужа, кем является пассажир ее мужа, и, опасаясь, как бы у супруга не было неприятностей с властями, спрятала все штаны своего суженого, а самого незадачливого капитана заперла под замок.

Смех, да и только… если бы не было столь прискорбно. И опасно. Ибо никогда еще Карл не оказывался столь близок к тому, что его схватят. Слава Богу, Джулиан смог раздобыть прекрасных коней, самых лучших, какие только отыскались в Соммерсетском графстве…

Карл вдруг заволновался, поняв, что Джулиана нет уже давно. И тут же перевел дыхание, заметив в конце улицы силуэт человека, ведущего под уздцы двух лошадей. Слава Богу, это Джулиан. Король узнал своего спутника по росту. Джулиан был почти высок. Двое высоких менее привлекали к себе внимание, нежели один, описание которого было указано в объявлениях о поимке Карла во всех юго-западных графствах Англии. К тому же внешность Джулиана также подходила под описание Карла: высокий брюнет, хорошо сложен, карие глаза, смуглая кожа, немного иноземный выговор — а ведь и в речи Джулиана звучал легкий акцент. По отцу он был французом, и бретонский выговор, какой он приобрел, живя до пятнадцати лет в Бретани, так и не изжил себя за все время, пока Джулиан был хозяином поместья на севере Англии в графстве Камберленд.

Единственное, что отличало Джулиана от августейшего спутника, — он был поразительно хорош собой. Тонкие правильные черты лица, нежная, словно венецианский бархат, кожа, прекрасные блестящие глаза — все выдавало в лорде Грэнтэме аристократа по рождению, тогда как Карла вряд ли можно было назвать красавцем. Однако у Джулиана не было и сотой доли обаяния короля, которое так пленяло всех, кто общался с Его Величеством, все равно — женщин или мужчин.

Чтобы отвлечь внимание от особы Карла, Джулиан был одет более броско, скорее как роялист, нежели суровый пуританин, в платье которого обрядили короля. И в отличие от остриженного под горшок и отрастившего бороду Карла, лорд Грэнтэм оставил длинные волосы. Потому-то к нему первому и проявляли интерес суровые представители закона.

— Куда мы направляемся? — равнодушно-устало поинтересовался король, когда Джулиан придерживал стремя, помогая ему сесть верхом.

— Еще не знаю, но точно — из этого проклятого города, в глубь Солсберийской равнины. Остальное в руках Божьих.

«В руках Божьих». Этот ответ Карл не раз слышал из уст Джулиана за время их опасного путешествия. И хотя Джулиан казался очень рассудительным человеком, в нем явственно чувствовался какой-то бесконечный фанатизм. Карл знал, что Джулиан был католиком, исповедовал религию, которую наиболее ненавидели в протестантской Англии. Мать Джулиана происходила из старинного английского рода, но вышла замуж за француза из рода де Бомануаров и долго жила в Бретани, где и родила своего единственного сына. Но та ветвь Бомануаров, к которой она принадлежала, была бедна, и, когда в Англии скончался ее бездетный брат, пэр Англии, они с супругом переехали в его наследственное имение и приняли имя Грэнтэмов.

Джулиан остался во Франции, где служил офицером в армии Людовика XIII. В Англию он приехал уже после казни Карла I и стал полковником в войсках лорда Уилмота. Он, не задумываясь, принял сторону молодого Карла II, воевал за его дело, ибо был глубоко уверен, что убийство монарха, совершенное сторонниками республики, — величайшее зло в подлунном мире. И он считал огромной честью, что ему доверили охранять особу Карла Стюарта в его бегстве от властей Кромвеля.

Теперь перед путниками расстилалась обширная безлюдная равнина. Огни селений, встречавшиеся ранее, теперь совсем исчезли, и беглецов окутывал серый ночной мрак, из которого лишь кое-где пятнами выступали небольшие рощи да порой темнели невысокие холмы с длинными покатыми склонами. Изредка они проезжали мимо торчащих из земли каменных глыб — Карл заметил, что их называют серыми баранами из-за величины и цвета. Но в основном король молчал, понуро направляя своего серого жеребца за лошадью Джулиана. Было темно и тихо, лишь ветер шелестел в вереске и иногда уныло кричал козодой. Солсберийская равнина казалась бесконечной. К счастью, дождь утих, и сквозь разорванные тучи показался бледный лик луны, осветив неприветливую нескончаемую пустошь. Над зарослями осоки клубился туман. Таким же зловеще-размытым казался и далекий горизонт, и вообще вся равнина — холодная, неприветливая, чужая.

Они скакали уже несколько часов. Порой Джулиану казалось, что Карл подремывает в седле. Возможно, имело бы смысл спешиться и переночевать просто на земле, невзирая на холод. Карл, вероятно, не

стал бы возражать — он был очень вынослив и неприхотлив, этот потомок королей. Джулиан преклонялся перед его мужеством; правда, были в характере Карла и другие черты, совсем не радовавшие лорда Грэнтэма: дерзкая бравада, к месту и не к месту, легкомыслие, а главное — неуемное сластолюбие, которое Карл почему-то возводил едва ли не в главную свою добродетель. Джулиан вспомнил, как в минуту горького отчаяния Карл сказал:

— Да, я ничтожество и неудачник, — но тут же подумал о чем-то и улыбнулся: — Зато превосходный любовник.

Этого Джулиан не понимал. Порой ему казалось, что Карлу Стюарту женщины дороже трона. Он оживал, становился веселым и обаятельным, едва рядом оказывалась женщина. Не таков был его отец. Вот кем стоило восхищаться, вот кто был истинным помазанником Божьим! Как он боролся за свой трон, с каким достоинством держался на суде перед палачами, как мужественно принял смерть на плахе! Недаром он заслужил такую преданную любовь королевы Генриетты-Марии. Джулиан служил в ее охране еще во Франции. Там же он встречался и с Карлом, тогда принцем Уэльским. И уже в то время Джулиана возмущало, что Карл, даже несмотря на трагедию, нависшую над его семьей, находит время для увлечения женщинами. Но когда до Франции долетела весть, что его отец предстал перед судом, исход которого был предрешен, принц Карл поступил мужественно и благородно. Он послал судьям короля чистую грамоту с печатью и подписью Карла II. Принц просил вписать в этот лист любые условия, которые они сочтут нужными. Он готов был отдать в их распоряжение все, чем обладал: право на престолонаследие или даже собственную голову, если они согласятся сохранить жизнь его отцу.

Это не возымело действия. Карл I был казнен, а принц, принявший титул Карла II, поклялся посвятить свою жизнь возвращению трона…

— Вы что-то сказали, сир? — оглянулся Джулиан к королю.

— Сказал, — кивнул тот. — Готов сжевать свою черную пуританскую шляпу, если я не слышу впереди лай собак. И будь это хоть пастушья хижина, вам, мой драгоценный лорд Джулиан, уже не удастся отговорить меня от ночлега.

Но это была не хижина, а целый городок. Множество черепичных крыш, церковь с колокольней, горбатый древний мост через ручей, протекающий вдоль палисадников домов. Довершало картину большое дерево у моста, на нижней ветке которого раскачивалась тень висельника.

Карл задержал коня возле повещенного. Зеленый мундир приверженца роялистов. Карл скривил рот в подобии улыбки.

— Плохие времена настали для старой доброй Англии, раз на ее дубах произрастают такие желуди.

— О, ради Бога, сир, тише, — положил руку на уздечку королевского коня Джулиан. — Мы в краю, где живут самые отъявленные сторонники парламента!

— Да, — кивнул король. — И тебе, Джулиан, следует прекратить называть меня титулом. Теперь я всего лишь… Как я там зовусь в нашей дорожной грамоте?

— Трентон, сир. Чарльз Трентон.

— Что ж, хорошо, что Чарльз, Так мне хоть легче будет откликаться[5].

Они въехали на мощенную булыжниками улицу, и копыта коней гулко зацокали. При свете луны городок казался чистым, даже приветливым. «Уайтбридж» — прочли они на вывеске. Путники ехали мимо притихших домов довольно долго, пока не оказались на небольшой площади у церкви. Напротив нее высился добротный дом из красного кирпича с оконными рамами и гнутыми балками из серебристо-серого дуба. Над крыльцом на цепях покачивалась чугунная вывеска, указывающая, что это гостиница. Джулиан спешился и постучал в дверь. Из верхнего окна высунулась взлохмаченная голова хозяина. Джулиан громко потребовал, чтобы их впустили.

Хозяин вскоре вышел, поднимая повыше фонарь и кутаясь в стеганый халат, надетый поверх ночной сорочки.

— Да будет с вами Господь, добрые люди. Нечасто в Уайтбридж заезжают путники, да еще в такое время.

Джулиан сухо заявил, что они посланцы комиссаров парламента, что сбились с пути и заблудились на равнине. Хозяин кликнул слугу, который принял у путников лошадей и взял их дорожные баулы.

Джулиан негромко заметил королю, что нечастые визиты чужеземцев — факт отрадный, и, возможно, рука провидения привела их туда, где они смогут какое-то время находиться в безопасности. Но уже следующая сказанная хозяином гостиницы фраза заставила его насторожиться:

— Не будьте, милостивые господа, в обиде, если я расположу вас в верхних комнатах, вернее, в мансарде. Гостиница переполнена, а там вас никто не потревожит.

— Как вас понимать, сударь? — удивился Джулиан. — Вы ведь только что говорили…

Он сдержался, не желая показывать хозяину, насколько им необходимо спокойствие. Но хозяин — говорливый, как все представители его профессии, — сам стал объяснять, что завтра воскресенье, а значит, в Уайтбридж съехались сквайры со всей округи, чтобы присутствовать в церкви, где будет произносить речь знаменитый проповедник Захария Прейзгод, известный своими поучительными проповедями о спасении души.

Карл и Джулиан переглянулись. Само имя Прейзгод, что означает «Слава Всевышнему», говорило о сектантской среде, из которой он вышел. Если этот проповедник столь популярен, сам собой напрашивался вывод, насколько сильны в этом краю пуританские нравы, а значит, и симпатии к республике.

Меж тем они вошли в обширный зал гостиницы и любезно приняли приглашение хозяина выпить по кружке эля. Путники старались держаться по-пуритански сдержанно, ибо видели, что хозяин разглядывает их с особым интересом.

Однако за элем и неизбежной беседой напряжение быстро спало, и трактирщик, как и многие другие, попал под обаяние короля, плененный его улыбкой и манерами. Разговорившись, хозяин гостиницы сообщил путешественникам последние местные новости, *с* похвалой отозвавшись о помощнике шерифа Стивене Гаррисоне.

Улыбка медленно сползла с лица короля. Он даже чуть нахмурился:

— Стивен Гаррисон, вы сказали? Не родственник ли он знаменитого святого Томаса Гаррисона, по делам которого мы направляемся?

Трактирщик с готовностью закивал:

— Он самый и есть. Двоюродный племянник славного комиссара Гаррисона. Его отец приходится Гаррисону кузеном.

Джулиан видел, какого труда стоило королю выдавить улыбку. Карлу было непереносимо слышать имя фанатика и мистика, который вез его отца на суд, был с ним груб, а позже на суде настаивал на решении предать Карла Стюарта смертной казни. Для себя Джулиан отметил иное: если племянник Гаррисона имеет власть в Уайтбридже, то им следует быть осторожными вдвойне. Однако тон, каким он задал вопрос, ничем не выдал его обеспокоенности:

— Скажите, уважаемый, а чем занимается в Уайтбридже родственник славного комиссара и почему протекция дядюшки не обеспечила его местом где-нибудь поближе к парламенту?

Трактирщик пожал плечами:

— Поговаривали, что он чем-то обозлил влиятельного дядю. И должность помощника шерифа в Уайтбридже, по сути, является ссылкой для него. — Тут глаза хозяина гостиницы весело блеснули: — А знаете, джентльмены, ведь и Стивен Гаррисон отчасти повинен, что столько людей съехалось в Уайтбридж. Суетные мысли овладевают людскими умами — да что тут поделаешь!.. Люди ожидают скандала: вместе с Гаррисоном сюда прибыла и его невеста, красавица Ева Робсарт, а там, где она, всегда что-то происходит. Когда Ева Робсарт увела у мисс Рут Холдинг жениха, да-да, нашего славного помощника шерифа — он ради Евы расторг помолвку, — вся округа просто кипела, все только и говорили об этом. Вот забавно теперь будет посмотреть на встречу двух местных красоток. Особенно если учесть, что мать Рут, благочестивая Сарра Холдинг, никому не дает спуску. Как и леди Ева. Так что будут дела! — И он плебейски захихикал, потирая руки.

Улыбка на лице Карла стала совсем вымученной, и Джулиан поспешил прекратить беседу. Хозяин провел их по длинному коридору, далее — по узкой винтовой лестнице в мансарду. В комнате было чисто и уютно, от разогретой жаровни веяло приятным теплом.

Едва хозяин, пожелав доброй ночи, вышел, Карл, не раздеваясь, рухнул на кровать. При мерцании угольев Джулиан увидел, насколько его спутник измучен и утомлен. Он ожидал, что Карл сразу заснет, но все то время, пока он снимал и укладывал на ларе перевязь со шпагой, расстегивал и вешал сюртук, а после проверял пистолеты, Карл

ворочался и вздыхал. Джулиан ни о чем не спрашивал, но король заговорил сам:

— Ты слышал, о ком он говорил? О Еве Робсарт.

Джулиан подавил зевок:

— Ну и что?

Карл протяжно вздохнул.

— Это была самая красивая фрейлина двора моей матушки, девушка, из-за которой я совсем потерял голову. А ведь мне не было и пятнадцати. Я носил титул принца Уэльсского, на меня заглядывались все девушки, от первых леди до простых служанок. А Ева… О, она тоже была мила со мной. Но смотрела лишь на моего двоюродного брата Руперта, а я невыносимо ревновал. Боже, как я мучился тогда! Да и после я долго не мог забыть свою первую любовь. Пока… — он улыбнулся, — пока не встретил другую женщину, заполнившую мое воображение.

Из этих слов Джулиан понял, что это был не такой уж долгий срок.

— Ева Робсарт, — мечтательно повторил Карл. — Надо же, через столько лет… — Он тихо засмеялся. — Там, где появлялась леди Ева, всегда бушевали скандалы.

— Она дочь Дэвида Робсарта? — только и спросил Джулиан.

— Да, — сказал Карл, и улыбку на его лице сменило злое выражение. — Она дочь предателя. Ничего удивительного, что она теперь сошлась с Гаррисоном.

Он отвернулся. Спустя некоторое время по ровному дыханию короля Джулиан понял, что тот уснул. Сам же он не собирался пока спать. Он вообще за последнее время научился довольствоваться лишь крохами сна — сознание долга и ответственность научили его этому. Он не мог сомкнуть глаз, пока не убеждался, что его августейшему попутчику ничего не грозит. А сейчас, пока они находились в незнакомом месте, в краю, где столь сильна приверженность парламенту и всем заправляет родственник проклятого Гаррисона, он не мог оставаться спокойным. Поэтому, положив поближе пистолеты и опершись спиной о стену, Джулиан приготовился бодрствовать.

Джулиан заставил себя думать о лорде Дэвиде Робсарте, которого Карл назвал предателем. Он никогда не встречал его, но был весьма наслышан об этом лорде, считавшемся едва ли не другом Оливера

Кромвеля, одним из немногих английских лордов, которые признали республику. В свое время Робсарт сражался против короля в войсках лорда Эссекса, причем столь успешно, что одним из любимых тостов роялистов стало: «Выпьем за светлый день, когда мы вздернем проклятого Робсарта». После пленения короля лорд оставил службу в армии и занялся Вест-Индской компанией[6]. Во время суда над Карлом I, когда палата лордов вся до единого высказалась против казни короля, он единственный сохранил молчание, чем вызвал враждебное отношение к себе со стороны пэров. Где он сейчас и чем занимается, Джулиан не ведал, но если дочь его здесь, значит, тут может оказаться и Робсарт, а он вполне может опознать сына казненного монарха. Как и она сама, ставшая невестой одного из Гаррисонов. Так что тихое прибежище, на какое поначалу надеялся Джулиан, им не суждено. Но уехать так, сразу, они не могут, ибо путешествие, на взгляд пуритан, — праздное занятие, и в воскресенье следует заниматься религиозными размышлениями, а не делами и поездками. Что ж, придется на день-другой задержаться в Уайтбридже и сходить на проповедь. Неявка в церковь, да еще в воскресный день, станет в глазах пуритан едва ли не преступлением.

Неожиданно Джулиан понял, почему он сам ставит перед собой все эти вопросы и стремится их разрешить. В глубине души он панически не хотел думать о том, что произошло в Солсбери, о том, что жгло его душу и заставляло дрожать руки. Убийство. Он — лорд Джулиан Грэнтэм — совершил подлое убийство безоружного. Это была не благородная дуэль, не схватка в бою, даже не убийство в целях обороны. Это было убийство из-за угла. И самое ужасное, что он получил от этого удовлетворение, почти удовольствие. Да, он убил ничтожную тварь, предателя, но он сразил слабого, беззащитного человека. Более того, набросился на него, искромсал, как мясник, и сам король присутствовал при этом и видел, как его верный подданный не совладал с собой. Джулиан рванулся вперед, схватил себя за волосы и несколько раз сильно дернул:

— О Господи, спаситель мой!

С одной стороны, он испытывал ужас от содеянного, а с другой — торжество. И это, второе, чувство претило душе щепетильного дворянина, лорда Джулиана Грэнтэма.

Джулиан высунул голову в окошко. Он и не заметил, что уже стало светать. На улице появились редкие прохожие; явственно белело покрывало прикованного к позорному столбу. Кое-кто из прохожих подходил к нему, но в основном, опустив глаза, все спешили мимо. Накрапывал мелкий Дождь, и на большой луже, окружавшей позорный столб и доходившей почти до портала церкви, расходились круги. И Джулиан вдруг понял, что ему необходимо сходить в церковь, просто постоять под ее сводом и произнести покаянную молитву. Только тогда он ощутит облегчение, и в его душу снизойдут мир и покой.

Схватив шляпу и убедившись, что Карл крепко спит, он покинул комнату. На лестнице Джулиан немного замешкался, услышав шаги внизу. Он склонился через перила и увидел женщину в черной мужской шляпе, не спеша сходившую по ступенькам. Обождав, когда она выйдет, он двинулся следом. Ему не хотелось ни с кем разговаривать, он думал только о покаянии.

Из-за угла показался крестьянин в широкополой шляпе и темном плаще, который нес на плече лоток с яйцами. Так они и двигались в сером утреннем сумраке — три фигуры в темной одежде — женщина, осторожно придерживая юбку, крестьянин с лотком яиц и Джулиан, закутавшийся в плащ.

Джулиан с грустью вздохнул, отвел взгляд и вновь поглядел на шедшую впереди незнакомку. Костюм ее, несмотря на полное отсутствие украшений, на которые так падки знатные леди (а то, что эта женщина принадлежит к высшему сословию, сразу бросалось в глаза), все же выглядел очень элегантно. Темные пышные юбки, которые грациозно колыхались в такт движениям, только подчеркивали удивительное изящество тонкого стана девушки. Затейливо присобранные рукава оканчивались кружевными манжетами и были чуть прикрыты в запястьях отворотами темных лайковых перчаток. Вернее, была видна лишь одна рука, а другой незнакомка, видимо, придерживала у шеи широкую пелерину, опушенную по краям дорогим темным мехом. Волосы ее были зачесаны наверх и прикрыты маленьким кружевным чепчиком, поверх которого была надета черная шляпа с высокой тульей и жесткими полями. Шляпа сидела на голове с небрежным изяществом, не скрывая от идущего позади Джулиана стройной молодой шеи незнакомки, красивой линии покатых плеч. Да, глядеть на нее было приятно, и

Джулиан невольно улыбнулся, любуясь прелестной женщиной. Что она хороша собой, он был почти уверен. Джулиан зашел сбоку, чтобы увидеть профиль незнакомки, невольно досадуя, что снующий перед глазами крестьянин то и дело заслонял ему женщину. Но тут последний наконец свернул, ибо они оказались у большой лужи перед входом в церковь, и крестьянин, видимо, опасаясь за свой хрупкий груз, пожелал ее обойти.

Через лужу к ступеням церкви была перекинута дорожка из небольших булыжников, чтобы прихожане не испачкали обуви. И теперь, когда Джулиану ничто не загораживало идущую впереди женщину, стало видно, как она, грациозно подобрав юбки, осторожно переступает, ставя ноги в узких полуботиночках на высоких квадратных каблуках с камня на камень. Ножки были удивительно маленькими. Почему-то это умилило Джулиана, и у него даже возникла мысль помочь ей, подать руку. Он сдержал себя, ибо подобный жест был в духе галантных роялистов, а не пуритан, для которых женщины — это прежде всего дочери прародительницы Евы, а следовательно, несут на себе проклятье ее греха и недостойны особой щепетильности.

Он немного постоял на месте, давая незнакомке отойти, и заметил, что прикованный к столбу мужчина, приподняв голову, наблюдает за ним. Почему-то это рассердило лорда Грэнтэма, и, хмурясь, он шагнул вперед. Камень оказался не очень устойчивым, да и лужа, видимо, была довольно глубока. Он шагнул еще и еще, но в тот же миг понял, что следующий камень является частью одного из разбитых воинствующими пуританами изваяний святых. Как католик, он внутренне ужаснулся этому, и, уже занеся ногу, резко отдернул ее. В результате Джулиан потерял равновесие и рухнул в воду.

— Проклятье!..

Он представил, как он смешон. Шляпа слетела, руки увязли в грязи, волосы сбились на лицо, к тому же он весь промок: вода попала даже за отвороты сапог. Но хуже всего было, что незнакомка вдруг повернулась и направилась к нему.

— Ты, видно, здорово ушибся, голубчик.

Джулиан был поражен фамильярности ее обращения: она точно говорила с существом низшим, достойным лишь небрежной снисходительности. Правда, растрепанный и обрызганный грязью, он

и не заслуживал иного. Поэтому Джулиан промолчал и поднял ногу, выливая затекшую в голенище воду.

А она не унималась:

— Давай, я помогу. Ну, давай же руку! Давно говорила мэру Лимптону: это безобразие, что у входа в церковь такая лужа. Ну, как же это ты, а? И что теперь твои бедные яйца?

Джулиан так и вытаращился на нее. Подобная фамильярность в устах пуританки — это уже слишком.

— Ах, как мне жаль твои яйца, голубчик. Как они? Наверное, совсем плохо?

— Да нет… все нормально, — наконец выдавил из себя Джулиан.

Но она только всплеснула руками:

— Да как же нормально? Поверь, мне очень жаль твои бедные яички.

Джулиан был готов послать ее ко всем чертям.

— Какое вам дело, сударыня, до моих яиц? — почти прорычал он.

— Но в наше голодное время…

Ее реплику прервал громкий смех мужчины у позорного столба. Прикованный так и залился хохотом. Джулиан и молодая женщина недоуменно оглянулись на него. Тут до Джулиана стало доходить, в чем дело. До женщины тоже. В сумраке у противоположных домов она увидела обходившего лужу крестьянина с лотком яиц на плече. Глаза ее расширились, она словно хотела что-то произнести, но вдруг взвизгнула и, подхватив юбки, понеслась по камням прочь.

В следующий миг Джулиан тоже расхохотался. Он смеялся, пробуя встать, но поскальзывался в грязи и падал. Появились какие-то люди. Они недоуменно смотрели на странную картину: хохочущего у позорного столба наказуемого и еще одного весельчака, барахтающегося в луже. Наконец Джулиан встал. Он весь извалялся в грязи, но никак не мог успокоиться. Так, запачканный, хохоча, он прошел мимо собравшихся зевак, машинально стряхивая с мокрого пера шляпы воду. Его едва ли не шатало от смеха, даже слезы на глазах выступили.

Джулиан смог взять себя в руки только у дверей гостиницы и подумал, что срочно надо привести себя в порядок: платье было безнадежно испорчено; следует побыстрее переодеться в новое. Когда он увидел, как изумленно уставился на облепленного грязью

постояльца хозяин, то вновь едва не рассмеялся, но все же сдержался. Главное, он добился своего: смех снял напряжение, изгнал из души чудовищное смятение. Ему наконец-то стало легче.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Джулиан не стал рассказывать королю о рассмешившем его происшествии. Когда зазвонил колокол, созывающий верующих в церковь, он разбудил Карла. Джулиан торопливо извинился перед позевывавшим королем: чтобы не вызвать подозрение, им следует присутствовать на проповеди.

Они слились с толпой пуритан, молчаливых и угрюмых в своей сосредоточенности, и не спеша прошли в церковь по деревянным мосткам, которые чья-то услужливая рука перекинула через злополучную лужу. Чтобы оказаться подальше от любопытных, Джулиан увлек короля на хоры. В старой церкви было сыро и душно; сверху прихожане своей темной массой напоминали стаю воронья.

Король поглядывал на это собрание со своей обычной циничной усмешкой.

— Боже, и это наши веселые англичане! — Он вздохнул и процитировал чуть гнусавя, на манер пуританских проповедников: — «И изрек Он: станьте людьми, сыны человеческие».

— Тише, мистер Чарльз Трентон, — сжал его локоть Джулиан. — Ведите себя скромнее, ибо на нас и так обращают внимание.

— Ничего удивительного, ведь наши лица им незнакомы. А пуританам, несмотря на их мрачность, все же свойственно любопытство.

Король с интересом пробегал глазами по лицам женщин. Все они по случаю воскресной проповеди принарядились, их чепчики и воротники были украшены кружевами, многие были в одеждах из камлота и бархата. Король даже Указал Джулиану на одну из них.

— Погляди, до чего миленькая пуританочка! — Он кивнул в сторону прелестной девушки, из-под кружевного чепчика которой на шею сбегали две волнистые белокурые пряди — дань женского кокетства, которое не смогли истребить аскетические проповеди пуритан о том, что подобные ухищрения нашептаны дьяволом. — Да она просто прелесть, ну, Джулиан, обрати же внимание!.. Если бы так сурово не поджимала губки. Клянусь небом, малютка отчего-то нервничает.

И в самом деле, белокурая девушка выглядела явно встревоженной, все время оглядывалась и один раз даже встала, словно намереваясь уйти. Сидевшая рядом с ней тучная, важного вида дама в черной мужской шляпе поверх чепца повернулась к ней и, сжав девушке локоть, не позволила ей этого сделать, принуждая сесть.

— Видит Бог, это и есть оставленная невеста нашего Стивена Гаррисона, — шепнул Джулиану король. — А соседствующая с ней матрона, не иначе как ее матушка, которая, по словам нашего славного хозяина, никому не дает спуску. Она-то уверена в себе. А вот ее доченька явно нервничает, опасаясь появления соперницы. И правильно делает, я хорошо помню Еву Робсарт. Пусть эта пуританка и мила, но Ева — словно солнце. Хотел бы я ее снова увидеть, клянусь Богом!

— О тише, мистер Чарльз, — почти зашипел Джулиан. — Если эти пуритане услышат, что вы божитесь… — Он не успел договорить, когда снизу началось какое-то движение; прихожане стали оглядываться и вставать, и путники увидели, как по проходу к кафедре движется проповедник.

— Ну, тут и говорить нечего, — только и шепнул Карл, когда проповедник взошел на кафедру и обвел всех присутствующих мрачным взглядом.

Да, вид проповедника говорил сам за себя. Перед ними предстал один из истинных представителей того сурового фанатизма, чье влияние и вера приучили англичан к суровым пуританским традициям. Захария Прейзгод был высок и аскетически худ, настолько, что мантия болталась на нем, как на шесте, а скулы, казалось, вот-вот прорвут желтую, словно пергамент, кожу. Впечатление довершало лицо проповедника: густые, щетинистые, мрачно насупленные брови и темные, глубоко посаженные глаза горели таким мистическим огнем, какой встречается только у патриархов, более общающихся с Богом, нежели с людьми. Но подбородок его был твердый, волевой, а голос, когда он раскрыл Библию и воскликнул: «Восславим же Господа, дети мои», — прозвучал неожиданно звучно и сильно.

Он затянул псалом, и все присутствующие в церкви встали и хором подхватили:

Все те, кто в мире сем живут,

Творцу хвалебный гимн поют.

И служат с трепетом живым,

Придите, радуйтесь пред Ним.

Пели они монотонно, безрадостно. И тем не менее это унылое песнопение придавало общую привлекательность протестантскому богослужению. Джулиан с удивлением заметил, что и король вторил словам псалма. Да, ведь король тоже был протестантского вероисповедания, хотя по его почти эпикурейскому восприятию жизни это было трудно вообразить.

Наконец пение умолкло, и громогласный голос Захарии Прейзгода загремел с кафедры:

— Я — недостойный работник в винограднике Господа и свидетельствую об Его святом завете гласом и мышцею своею. И я не перестану клеймить вероотступничество, измену, ереси и колебания в нашей истинной вере. Ибо вы колеблетесь и сомневаетесь, забывая: «Грядет Господь Иисус на красном коне сразиться с нечестивцами, со змеями, попирающими землю».

Голос преподобного Захарии так и гремел под каменным сводом, глаза пылали фанатичным огнем. Дикция у него была прекрасная, слог и знание текста завораживали. Он говорил цветисто, если подобное определение можно применить к проповеди, сулящей кары и муки за малейшее прегрешение. И все же от оратора исходила такая мощная, почти гипнотическая волна, что даже Джулиан невольно поддался ей, наклонился вперед, онемевший и завороженный настолько, что обычный звук крышки захлопываемых часов подействовал на него так, что он чуть не вскрикнул. Джулиан резко повернулся к Карлу, который спокойно прятал часы в карман. Карл чуть подмигнул ему и пожал плечами; вся магия слов и взоров оратора вызвали у его августейшей особы лишь обычную циничную полуулыбку.

Преподобный Захария закончил очередной гневный пассаж и только обратил свой огненный взор к пастве, чтобы еще раз насладиться видом плачущей и кающейся толпы, как вдруг с грохотом распахнулась дверь, и в проходе меж молящимися появилась группа новых прихожан.

Проповедник так и застыл с гневно вознесенным над головой кулаком. Присутствующие словно очнулись, стали оглядываться, переводя дыхание и обмениваясь репликами. Карл Стюарт невольно подался вперед. И даже невозмутимый Джулиан застыл, открыв рот.

Вошедшие остановились на возвышении у лестницы, и тусклый дневной свет осеннего дня словно заискрился на них. Вернее, сияние исходило от молодой дамы, стоявшей впереди, от ее яркой, вызывающей красоты и роскошного платья алого шелка, расшитого золотом. Она была истинно великолепна, словно луч света среди темной массы прихожан, и отвести глаз от нее было невозможно.

Несмотря на свой невысокий рост, она была безупречно женственна и грациозна. Из-под широкополой шляпы, капризно-небрежно украшавшей ее безукоризненную голову, ей на плечи стекали тугие завитки солнечно-золотых, почти перламутровых локонов. Пышный плюмаж черно-белых перьев опускался на одно плечо. Бархатный плащ, тяжелыми складками ниспадавший до пола, был надет так, чтобы не скрывать роскошного платья с отложным воротником голландских кружев, и само платье было достаточно открыто, чтобы оказался виден низкий вырез лифа и пышные рукава, обшитые позументом, в прорезях которых виднелся нижний рукав из сборчатой кисеи. В руках красавица держала длинноухого щенка персикового цвета и, чуть подняв подбородок, окидывала взглядом зал. Когда она повернулась, стало видно ее на удивление привлекательное лицо. Овал его по форме напоминал сердечко: широкий выпуклый лоб, высокие скулы и округлые щеки, плавно сужающиеся к маленькому, чуть заостренному подбородку. Кожа ее казалась светлой, как лунный свет, очаровательный гордый рот, небольшой нос безупречной формы и под темными дугами изысканных бровей — миндалевидные, словно лисьи, глаза глубокого темно-синего цвета.

— Ева! — почти выдохнул Карл.

А Джулиан подумал, что так же хороша должна была быть и сама праматерь Ева, если ради нее Адам забыл все заповеди Божьи. Он сам, как зачарованный, глядел на девушку, будто вбирая в себя теплоту и чувственность, чарующее обаяние, каким словно светилась Ева Робсарт. Да, такая могла увести из-под венца любого.

В церкви воцарилась тишина. Ева, чуть высокомерно оглядев собравшихся и поудобнее перехватив спаниеля, грациозно сошла по лестнице и направилась к передним рядам, где для дочерей лорда Робсарта были предусмотрительно оставлены места. Двигалась она легко, словно ее нес невидимый ветер, будто она не видела никого вокруг, лицо ее светилось высокомерием. Она откинула голову

немного назад, делая вид, что ее не интересует впечатление толпы, собравшейся в церкви. А в зале и в самом деле произошло движение, возник ропот, переходящий в возмущенный гул. Само появление этой красавицы в ее яркой одежде, с чуть заметной улыбкой являлось унижением суровых нравов пуритан, и они глухо роптали, не смея громко высказать возмущение; лишь немногие улыбались, а некоторые даже привстали, приподнимая шляпы. Кланялись не только девушке, но и ее спутникам.

Джулиан обратил внимание на рослого, широкоплечего мужчину в военном мундире. Так вот каков племянник убийцы короля, этого трижды проклятого Гаррисона! Хорош собой, одет элегантно, но без щегольства. Мужественное лицо с аккуратной небольшой бородкой, светлые глаза. Волосы русые, почти золотые, были острижены не под скобу, как у пуритан, но короче, чем у кавалеров, и лежали красивой естественной волной. Гаррисон двигался мягко, как свойственно сильным крупным мужчинам, но в том, как он шел, опустив плечи и чуть склонив голову, чувствовалось, что ему явно не по себе. И не только потому, что они прервали проповедь или его ожидала встреча с брошенной невестой. Он явно не одобрял того неприкрытого вызова, какой всем своим видом выражала его прекрасная спутница. Тем не менее он подчинялся ей — значит, помощник шерифа был полностью под каблуком у своей невесты.

Но Джулиан тут же перестал думать о нем, лишь только взглянул на спутницу этой пары, шедшую чуть позади. Он сразу узнал в ней свою утреннюю знакомую. Она и в самом деле была высокая, и, как оказалось, совсем молоденькая — ей не было и двадцати. Это угадывалось по хрупкой девичьей фигуре и застенчивой робости, с какой она держалась. Как и Стивен Гаррисон, она явно была смущена тем вниманием, которое они привлекали к себе. Девушка шла, опустив голову, нервно сжимая тонкими пальцами томик Библии. Когда она чуть повернулась, Джулиан увидел ее лицо. Красавицей в полном смысле она не была, но большие карие глаза под длинными темными дугами бровей и кремово-медная смуглая кожа придавали особую прелесть этому серьезному сосредоточенному личику. Нос был несколько длинноват, но тонок, а рот, пожалуй, слишком велик и излишне чувственен для столь скромного взгляда. Вот открытая стройная шея была по-настоящему красива: длинная, чуть склоненная

вперед — такие называются лебедиными; голова посажена на ней с врожденной естественной грацией, с гордостью, внушающей почтение.

Меж тем новоприбывшие заняли свои места перед кафедрой, и суровый пастор продолжил речь. Но при этом взгляд его так и впился в даму в алом:

— Внемлите же мне, дети мои, и помните: Судный день грядет! И те, кто кичится своими пышными одеждами, будут ввергнуты в бездну отчаяния! А человеческое воображение в силах представить все ужасы ада!..

При этом проповедник почти указывал на Еву Робсарт и даже облизнулся, наверное, представляя себя в роли палача Господня, а красавицу в алом — в роли вожделенной жертвы. В зале стоял гул, многие согласно кивали. Но Стивен Гаррисон, видимо, контролировал ситуацию. Он даже встал и что-то сказал проповеднику. Тот смерил помощника шерифа гневным взглядом, но все же несколько успокоился, даже постепенно сменил тему проповеди. Теперь он говорил, что верующим следует настаивать, чтобы Господь Иисус Христос был признан единственным и вечным королем Англии, чтобы законы этого царя небесного, как они записаны в Ветхом завете, были объявлены окончательным судом для всего подлунного мира.

Неожиданно поток его красноречия был прерван чистым и звонким голосом Евы Робсарт:

— Если сделать, как вы требуете, преподобный, тогда бы воров в Англии не клеймили, а убивали. Но разве не гласит одна из заповедей Иисуса — не убий? И какого Бога вы имеете в виду — Бога ненависти Ветхого завета или Бога милосердного Нового завета?

Кажется, красавица намеревалась сорвать проповедь теологическим диспутом. Захария и в самом деле запнулся и смотрел на нее, открывая и закрывая рот, немо, как рыба, выброшенная приливом на берег, словно от возмущения и гнева у него перехватило дыхание. И опять под старым каменным сводом церкви пронесся недовольный гул. Были и такие, кто встал и покинул церковь, явно ожидая, что проповедь окончится скандалом. Стивен попытался увести свою дерзкую невесту, к нему присоединилась и знакомая Джулиана. Но Ева Робсарт отрицательно покачала головой. Она потешалась.

Происходящее вызывало у нее улыбку, которая в какое-то мгновение, так показалось Джулиану, окрасилась каким-то хищным оттенком.

Наконец Захария Прейзгод совладал с собой и продолжил речь. Теперь он говорил о зле, с которым должны бороться праведные.

— Вокруг нас сгущается нечто худшее, чем тьма египетская. Но я верю в вас, верующих в Мессию. Недаром в этой мирской суете вы, не жалея ни себя, ни своих близких, боролись за Божье дело. Среди нас есть те, кто понес утраты в этой борьбе. Достойная Сара Холдинг потеряла двоих старших сыновей, которые с оружием в руках стояли за дело славного Оливера Кромвеля, и мы скорбим об ее утрате и вместе с ней радуемся, что пали они за святое дело.

Тут важная пуританка, восседавшая рядом с белокурой Рут, встала.

— Не жалейте о моих сыновьях, святой отец, как не жалею я. Истинно говорится: Бог дал, Бог взял. А когда подрастет мой меньшой, — и она положила тяжелую ладонь на плечо мальчика-подростка, сидевшего подле нее и Рут, — я сама вложу в его руки меч и буду счастлива, если он прольет кровь за наше святое дело.

— Вот достойная мать! — воскликнул Захария. — Та, чей пример должен вдохновлять всех нас!

А Ева Робсарт вдруг повернулась к Стивену и сказала достаточно громко:

— Видишь, Стив, от соединения с каким змеиным кодлом спасла тебя любовь ко мне.

Рут Холдинг при этом вдруг громко вскрикнула и лишилась чувств. Несколько дам кинулись к ней, подняли, стали обмахивать платочками. Стивен тоже встал, хотел было подойти к ним, но взгляд Евы удержал его. Тогда он схватил шляпу и спешно направился к выходу.

Меж тем в церкви поднялся гул, похожий скорее на грозный рокот. Выходки Евы, ее презрение к богослужению по-настоящему обозлило пуритан. Спутница Евы поняла это и стала что-то негромко объяснять красавице, видимо, уговаривая ее уйти. Она даже попыталась взять из ее рук спаниеля, чтобы заставить ее встать. Ева отвела ее руки и, насмешливо улыбаясь, повернула голову в ту сторону, где пришла в себя и плакала ее поверженная соперница. Свирепый взгляд грозной Сары Холдинг явно не предвещал ничего хорошего.

— Гаррисон не должен был оставлять Еву, — услышал Джулиан негромкий голос короля.

Грэнтэм в ответ только усмехнулся:

— Эта девица сама будет виновата, если спровоцирует прихожан.

В самом деле, теперь, когда Стивен Гаррисон, представляющий реальную власть в округе, вышел, Захария Прейзгод открыто повел свою речь против дерзкой Евы.

— Презренная! — говорил он спокойно, но грозно. — Ты похожа на ту заблудшую овцу, которая и не думает о своем спасении. Ты носишь красные одежды, а красное — это цвет сатаны.

— Далось вам мое платье, — пожала плечами Ева Робсарт, словно не замечая стараний спутницы сдержать ее. — Я — дочь лорда и буду носить то, что мне заблагорассудится!

Она держалась спокойно, почти иронично, и это окончательно вывело проповедника из себя. Привыкший к своей неограниченной власти над верующими и получив вдруг такой отпор, он прямо-таки рассвирепел.

— Дети мои! — вскинул руки преподобный Захария. — Взгляните на эту дщерь антихриста, пришедшую смущать вас. И выразите ей свое презрение, я же, властью, данной мне от Бога, проклинаю ее!

— Святой отец… — Ева грациозно и гордо поднялась со своего места. — Напоминаю вам, что у хулы есть повадка возвращаться назад, на тот самый насест, с которого она слетела. Помните это и не будьте столь щедры на проклятия.

Теперь и она, кажется, готова была уйти, но дорогу ей преградила разъяренная Сара Холдинг.

— Что ты сделала с моей дочерью, блудница Вавилонская? Чтоб ты сдохла! Ты являешься сюда, отравляешь нашу святую молитву и издеваешься над моей дочерью!

— Ваша дочь слишком уж трепетна для пуританки, — со спокойным равнодушием заметила Ева.

— Она ангел! — проорала разгневанная фурия. — Но я-то иная! И я сама разделаюсь с тобой, ибо вижу на твоем лице печать зверя! — Губы матроны побелели, в уголке рта заблестела слюна. Она стала засучивать рукава и шагнула вперед.

Хрупкая фигурка Евы перед ней казалась особенно беззащитной, но в том, как девушка горделиво вскинула подбородок, чувствовались решимость и достоинство.

— Не унижайте себя манерами дешевой торговки, миссис Холдинг, — произнесла она. — Иначе всем станет ясно, сколько обиды накопилось в вашей душе из-за того, что Стивен предпочел меня Рут.

Эти слова только подзадорили Сару. Она замахнулась, но Ева успела отступить. Тут песик на руках Евы залился лаем, соскочил на землю и, схватив юбку обидчицы его хозяйки, стал ее яростно трепать. Сара Холдинг с силой пнула спаниеля, и тот с визгом откатился к кафедре, а сама она решительно двинулась на попятившуюся леди. Какое-то напряжение нависло под старыми сводами церкви, прихожане подались вперед. На их лицах читались ярость и гнев. Казалось, достаточно малейшей искры, чтобы вся эта толпа взорвалась и сдерживаемая ярость выплеснулась наружу.

Ева Робсарт теперь выглядела испуганной. Она надменно отступала от взбешенной фурии, когда меж ними выросла высокая тонкая фигура спутницы молодой леди.

Она только глянула на Сару своими огромными глазами, и та отпрянула.

— Оставьте в покое мою сестру, миссис Холдинг, — негромко, но властно проговорила девушка. — Оставьте или… или я обещаю, что с вами случится несчастье.

Сара Холдинг на миг опешила, потом медленно повернулась к столпившимся прихожанам.

— Вы слышали?! Эта ведьма Робсартов готова наслать на меня свои чары. Вы все сейчас были свидетелями колдовства.

Как ни странно, вмешательство сестры Евы вызвало в толпе куда больше гнева, чем выходки самой леди. По церкви прокатился гулкий угрожающий рокот. Маленький спаниель Евы испуганно тявкнул, а затем залился истеричным лаем.

Джулиан склонился к королю.

— Думаю, самое время уйти. Нам не следует вмешиваться, что бы ни произошло.

Но Карл лишь сбросил его руку со своего предплечья. Нахмурившись, подавшись вперед, король напряженно следил за происходящим.

А сестра Евы Робсарт повернулась к проповеднику и твердо произнесла:

— Святой отец, не забывайте, что вы представляете Бога, который осуждает насилие. Поэтому, прошу, утихомирьте своих прихожан.

Однако ее спокойные, разумные слова возымели на оскорбленного проповедника совсем обратное воздействие. Он почти взвыл, сжимая кулаки.

И тут случилось что-то страшное. Крики, вой, рев. Благочестивые пуритане, вмиг забыв о своей суровой сдержанности, стали перескакивать через лавки и, толпясь в проходе, рванулись вперед на двоих несчастных. Женщины визжали, рвали их за волосы, мужчины опускали на них кулаки. Истошно кричали дети. Кое-кто из более благоразумных прихожан кинулся к выходу, но их теснили те, кто рвался принять участие в «охоте Господней»; произошла давка.

Джулиан хотел удержать рвущегося Карла, но не успел. Карл единым махом перескочил через перила вниз, врезался в толпу и, раздавая удары кулаком направо и налево, прорвался к сестрам Робсарт. Выхватив шпагу, он загородил их собой. Кто-то закричал, напоровшись на лезвие шпаги, а Карл, с размаху ударив вцепившуюся в него Сару Холдинг в лицо, умудрился выхватить пистолет и стрельнуть в воздух.

От звука выстрела толпа отпрянула. Карл, загораживая собой двоих растрепанных, в изорванных платьях женщин стоял перед глухо рычащей массой пуритан со шпагой в одной руке и дымящимся пистолетом в другой. Он еще тяжело дышал, но, несмотря на весь драматизм ситуации, весело улыбался.

— Итак, возлюбленные собратья мои, вы, я вижу, превратились в охотничьих псов этого кровожадного попа и совсем забыли самую главную заповедь Христову — не убий. — Он продолжал улыбаться, но острие шпаги медленно скользило вдоль лиц еще не остывших от пыла пуритан, а глаза, в отличие от улыбки, были холодными и колючими, под стать шпаге. — Что ж, обещаю — как истинный слуга Божий, я отправлю в преисподнюю любого, кто сделает хоть шаг.

Это было произнесено решительно и твердо. Прихожане стали переглядываться.

За спиной Карла растрепанная Ева помогала подняться своей сестре. Она заботливо прижала платочек к ее кровоточащей губе и уже

не казалась испуганной.

— Псы! — бросила она толпе.

Кто-то из прихожан спросил короля, кто он такой. Карл едва ли не рассмеялся.

— Я тот, кому Бог велел, как Аврааму, оставить Харрон, землю отца его, и идти в землю Ханаанскую. А точнее, я такой же верный христианин, как и вы, может, даже более верный, раз вступился за слабых.

Прихожане стали переглядываться. Этот высокий бородатый юноша был похож на простого пуританина, но в нем чувствовалась сила и властность человека, привыкшего повелевать.

В это время подал голос Захария Прейзгод:

— Чего вы стоите, слуги Божьи? Или вы забыли, что тот, кто не с нами, тот против нас и…

— Заткнитесь, преподобный отец! — неожиданно прозвучал громкий и властный голос Джулиана. — Еще одно слово, и я прострелю вам голову.

Прихожане стали оборачиваться. На хорах стоял молодой красивый человек, и в каждой руке его было по пистолету.

— Это касается каждого. Одно движение — и он сегодня же отправится на праведный суд с простреленной головой. — В наступившей гробовой тишине голос Джулиана звучал раскатами грома.

Карл улыбнулся еще шире:

— Видит Бог — это так. Мой товарищ никогда не промахивается.

Ситуация все равно оставалась критической, но в этот миг дверь распахнулась и в церковь ворвался Стивен Гарри-сон со своими людьми.

«Давно пора, — подумал Джулиан, опуская пистолеты. — Пока этот олух мешкал, его красавицу с сестричкой могли превратить в пару телячьих отбивных».

Внизу солдаты прикладами бесцеремонно разгоняли толпу, грубо распихивали именитых граждан и местных сквайров. Не менее любезно они обращались с их женами и детьми. А те словно опомнились — многие стали плакать, некоторые молили о прощении, падали на колени перед Стивеном и сестрами Робсарт. Стивен сурово прогонял их. Он подошел к невесте, чтобы утешить ее, но Ева глядела

лишь на Карла. Бледная, с широко открытыми глазами и разметавшимися по плечам золотыми кудрями, с расцарапанной щекой, в сползшем с плеча платье, она не сводила глаз со своего спасителя.

Джулиан испытал почти болезненный укол страха. Он сбежал с хоров и едва не налетел на Сару Холдинг, почти тащившую к выходу заходившуюся плачем дочь. Ее сын, втянув голову в плечи, уже выбежал из ворот церкви.

Тут Сару Холдинг нагнала растрепанная Ева и, словно забыв о своей аристократической сдержанности, вцепилась в чепец матроны.

— Змея! Она растоптала моего маленького Персика!

«Какая дура! — подумал Джулиан. — Сама едва избежала подобной участи и опять напрашивается. Интересно, не узнала ли она Карла Стюарта в своем защитнике? Похоже, что нет, раз ее больше волнует Персик».

Он видел, как Стивен Гаррисон оттащил Еву от возмущенной матроны и передал на руки сестре.

— Миссис Холдинг, — громко сказал он. — Жду вас через полчаса в мэрии. Вам следует ответить за то, что вы здесь совершили.

Толстый подбородок дамы задрожал, а ее дочь разразилась еще более громким плачем. Сара Холдинг все же выпрямилась:

— Горько мне видеть, Стивен, что ты, кто стал мне почти сыном, переметнулся к врагам и стал презренным Иудой.

На строгом лице Стивена ничего не отразилось.

— Идите, миссис Холдинг, после поговорим. Это касается и вас, преподобный Захария, — обратился он к пытавшемуся выскользнуть через дверь проповеднику.

Тот сделал высокомерное лицо и воздел руки к небу.

— Ихабод! — воскликнул он. — Отошла слава от Израиля!.. — С этими словами он величаво удалился.

Джулиан подошел к Карлу. Король лишь чуть улыбнулся и пожал плечами. Джулиан же был напряжен. Сейчас все решится, и, возможно, самым плачевным образом, если эта скандалистка опознала Карла Стюарта. Не понравилось Джулиану, как она глядела на короля. Правда, Карл говорил, что видел ее последний раз еще подростком. Сможет ли она вспомнить в своем заступнике, в этом бородатом

мужчине с короткой стрижкой и одежде круглоголового, того юного принца, который с обожанием смотрел на нее?

Ева взяла жениха под руку.

— Это наши спасители, Стив. Если бы не они… О небо! Я не знаю, что тогда могло бы случиться. Ведь ты оставил нас, — добавила она с обидой в голосе и повернула к Карлу сияющее лицо.

Она быстро отошла от потрясения, в отличие от своей сестры. Та же, хоть и вела себя мужественно, встав на защиту Евы, теперь тихо сидела на скамье, уткнув голову в ладони, и плечи ее чуть подрагивали. Кто-то из солдат Гаррисо-на принес ей кружку воды. Все еще всхлипывая, она немного отпила.

Стивен Гаррисон внимательно глядел на спасителей своей невесты. Его волосы растрепались, длинная прядь упала на проницательные светло-голубые глаза. Он перевел взгляд с Джулиана на короля, потом опять окинул взглядом более нарядного молодого лорда. У Джулиана мелькнула мысль, что, несмотря на их пуританский вид, этот парень сразу понял — они не те, за кого себя выдают. Да, он знал таких людей, как Гаррисон, и понимал, что их не проведешь. Все же он ощутил облегчение, заметив, что Стивен более внимательно смотрит на него, чем на короля, и был за это почти благодарен круглоголовому.

— Имею честь представиться, — чуть поклонился Стивен. — Полковник парламентской армии Стивен Гаррисон. К вашим услугам, джентльмены.

— Чарльз Трентон, — приподняв шляпу, представился король с той легкой непринужденностью, какая не оставляла его даже в самые трагические минуты. — А это мой попутчик, комиссар сэр Джулиан Грэнтэм. Мы едем по делам генерала Гаррисона, и у нас имеется подорожная, подписанная самим лордом-протектором.

У Джулиана сжалось сердце при мысли, что Стивен попросит предъявить документ. Но тот лишь кивнул.

— Рад познакомиться, джентльмены. И отныне я ваш вечный должник. Примите мою сердечную благодарность.

Он держался сдержанно, как истинный пуританин, но вместе с тем просто и приветливо. Сейчас он даже понравился Джулиану.

Ева теперь открыто улыбалась. Улыбка у нее была восхитительная, а на щеках играли прелестные ямочки.

— Что же до меня, господа, то я до конца своих дней стану молить за вас Бога, и признательность Евы Робсарт не будет знать границ. Вы спасли нас — заступились, как самоотверженные самаритяне и… О, Рэйчел, да перестань плакать! Поблагодари джентльменов.

Рэйчел Робсарт подошла. Лицо ее было мертвенно-бледным, вокруг глаз легли темные печальные круги, кудри растрепались, но почему-то из-за этого лицо девушки обрело какое-то трогательно-детское выражение и показалось Джулиану особенно милым. Интересно, узнала ли она его? Похоже, что нет.

Девушка присела в глубоком реверансе, погружаясь в пышные юбки. В глазах ее все еще стояли слезы, но она улыбнулась сдержанной полуулыбкой, исполненной скромности и приветливости.

— Как мне выразить свою признательность?.. Наверное, таких слов просто не существует… — тихо произнесла она, и ее голос, печальный, но глубокий и чистый, умилил Джулиана.

— Ты не слишком-то красноречива, сестра, — заметила Ева, и опять Джулиану не понравилось, как она взглянула на короля. — Я же, господа, от всего сердца приглашаю вас…

— Ева! — прервал ее Стивен. — Думаю, в сложившейся ситуации это излишне. — Он вновь поклонился. — Не сочтите меня нелюбезным, джентльмены, но будет лучше, если вы уедете из этих мест. Я, конечно, не допущу никаких вольностей, но народ в этих краях неспокойный, грубый. Вы же оскорбили их живого мессию, их кумира — Захарию Прейзгода, а люди злопамятны. Так что лучшее, что мы можем сделать, это снабдить вас всем необходимым и пожелать счастливого пути.

— Стив! — всплеснула руками леди Ева, но молодой Гаррисон мягко ее остановил и сказал, что после того, что она сегодня учинила, ей вообще стоит держаться потише.

Для себя же Джулиан отметил лишь одно — несмотря на все происшедшее, они свободны. А значит, его король в безопасности. Он видел, как Рэйчел Робсарт тоже стала уговаривать Еву быть послушной. Кажется, ей это удавалось лучше, чем полковнику.

Джулиан подошел к королю и едва слышно проговорил:

— Ради всего святого, сэр, едем, пока не поздно. И будем молить Бога, чтобы в дальнейшем все шло благополучно.

Он увидел, что Карл не сводит горящих глаз с раскрасневшейся, что-то доказывающей жениху Евы. Джулиан хорошо знал, что предвещает этот взгляд.

— О, сэр… — умоляющим голосом произнес он.

— Но ты ведь сам говорил, что путешествовать в воскресенье у пуритан не принято, — улыбаясь, пресек король слабую попытку спутника вразумить его.

В принципе это был веский аргумент. Похоже, и Ева Робсарт склонила к тому же своего жениха. Стивен подошел к ним несколько сконфуженный, смущаясь той явной властью, какой обладала над ним леди Ева.

— Видимо, вам лучше задержаться до завтрашнего дня. Я прослежу за вашей безопасностью.

— Не стоит, сэр, — улыбаясь, пожал плечами Карл. — Лучше следите за безопасностью этих очаровательных леди. Хотя… ваши храбрые гвардейцы и так уже навели порядок. А то, что случилось, так это, как гласит пословица: где женщина и гуси, там не обходится без шума.

Джулиан негромко кашлянул, давая понять Карлу, что тот говорит сейчас как роялист, но Карл уже и сам это понял и, отвесив поклон, направился к выходу.

Уже у дверей он оглянулся. Ева глядела ему вслед. Глаза короля и Евы Робсарт встретились.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ева влетела в свою опочивальню, будто на крыльях. Насмерть перепуганная служанка, бежавшая за госпожой от ворот замка из боязни, что обессиленная пережитым ужасом хозяйка может в любой момент упасть в обморок, просто-таки обомлела, когда Ева обернула к ней свое лицо. В нем не читалось и намека на какие-либо страдания. Весь облик госпожи излучал торжество; раскрасневшееся лицо выдавало возбуждение, но не от пережитого страха, а от радости.

Ева ликовала. Ей надо было побыть одной.

— Поди вон, Нэнси! — резко бросила она, когда ошеломленная горничная попыталась выяснить, все ли с ней в порядке.

Служанка опрометью вылетела из комнаты, осеняя себя крестными знамениями и приговаривая слова молитвы — больше всего ее страшила мысль, что молодая леди повредилась в уме.

Ева минуту пристально вглядывалась в свое отражение в зеркале, будто хотела увидеть там нечто, доселе ей неизвестное.

— О, Боже мой, Боже мой! — выдохнула она своему отражению, потом почти упала в кресло, тяжело дыша и не сводя с зеркала глаз. — Ты, — она прижала пальчик к гладкой блестящей поверхности, — ты сегодня видела короля. Его величество Карла II Стюарта! И он спас тебе жизнь!

Она откинулась в кресле и улыбнулась, мечтательно глядя в сводчатый потолок. Авантюрная жилка скоро позволила ей опомниться после того, как их чуть не растерзала толпа. И именно эта черта характера не давала ей покоя, кружила голову при одном напоминании, что спас ее сам король. Король-беглец, за голову которого назначена немыслимая награда — тысяча фунтов. Но это для плебеев все решают только деньги, а для нее, Евы, награда должна стать иной. Король здесь — и она ему понравилась! Всю дорогу домой Ева напряженно размышляла о происшедшем, невпопад отвечала на взволнованные вопросы Стивена о своем самочувствии и постаралась как можно скорее отделаться от жениха. Не пожелала она и успокаивать младшую сестру, которая сидела всю дорогу, отвернувшись от них, невидящим взором глядя в окошко кареты.

И вот она дома, в Сент-Прайори. Уайтбридж вместе с королем остался позади, но она не могла успокоиться. Глупо. Разум говорил, что приключение окончено, и ей остается только отвлечься, не будоражить душу помыслами о том, как восхищенно и жадно глядел на нее Карл Стюарт.

Она окинула взглядом покои. Сент-Прайори был старинным замком, возникшим на месте древнего бенедиктинского аббатства, которое досталось ее предкам во время роспуска монастырей при Генрихе VIII[7]. И хотя Сент-Прайори после этого перестраивали, он так и не утратил чего-то средневекового, напоминающего о былом величии аббатства. Каменные стены, сводчатые потолки, стрельчатые арки дверей и окон — ото всего веяло стариной и основательностью. Но Ева была женщиной другого времени, и свои апартаменты в одной из башен она превратила в очаровательное гнездышко. Теперь это была богато декорированная дамская комната с высоким сводчатым потолком, изысканной мебелью в новом вкусе, с инкрустациями и новой резьбой; каменную кладку стен скрывали фландрские шпалеры ярких сочных тонов с тиснением; на двух больших стрельчатых окнах висели длинные портьеры из золотистого индийского штофа. Таким же штофом была убрана роскошная широкая кровать на возвышении, с резными столбиками по углам, поддерживающими пышный балдахин, с которого свисали богатые драпировки, соединенные позументом и по краям обшитые длинной золотистой бахромой.

Ева глядела сейчас на всю эту роскошь едва ли не с отвращением. Она не любила Сент-Прайори. Здесь она чувствовала себя словно в ссылке. Ее тяготил старый замок с его тайнами и преданиями, где давно не было гостей, не играла музыка, где в запутанных коридорах, помнящих еще тихую поступь монахов, лишь изредка попадался кто-то из немногочисленной прислуги или спешила куда-то озабоченная Рэйчел. Вот для ее сестры Сент-Прайори всегда оставался домом, она никуда не уезжала, она родилась здесь. Она-то никогда не задумывалась над страшным проклятием последнего аббата Сент-Прайори, которого ее предок, барон Джон Робсарт, выгнал из обители прямо на дорогу умирать в нищете, когда король Генрих передал ему аббатство в ленное владение. Тогда аббат проклял род Робсартов до седьмого колена, и с тех пор ни один из их семьи не дожил до спокойной старости, каждый умер при трагических обстоятельствах.

Начал эту страшную традицию сам барон Джон Робсарт, свалившись с лестницы и сломав себе шею. До сих дней сохранилось поверье, что его напугал призрак загадочного черного монаха, который выплыл к нему из пустынного прохода; и хотя свидетелей тому не было, многие слышали, как ужасно кричал барон, прежде чем неудачное падение и сломанная шея не оборвали его жизнь. С тех пор поговаривали, что черный монах неизбежно возникал перед каждым очередным владельцем Сент-Прайори незадолго до его кончины. Последним его видел старший брат ее отца, сэр Роберт Робсарт, накануне той нелепой дуэли, на которую его вызвал местный сквайр, узнав, что пэр Англии барон Робсарт соблазнил его жену.

После этого пэрство Робсартов и замок Сент-Прайори достались ее отцу. Тетушка Элизабет, младшая сестра Дэвида Робсарта, тоже божилась, что видела страшного черного монаха, но с ней-то ничего не случилось, разве что она так и не вышла замуж. И теперь они — дети Робсарта — седьмое поколение… Старший брат Евы, Эдуард, почти не бывал в Сент-Прайори, так как в основном жил за границей. Но и его постигла смерть, когда он приехал в Англию и вопреки воле отца, стоявшего за парламент, вступил в войска Карла I. Он погиб в битве при Нэйсби, и мрачные пуритане положили его труп к ногам генерал-лейтенанта парламентских войск Дэвида Робсарта, С тех пор отец очень изменился и ушел из армии. Его тогда простили и круглоголовые, и роялисты. Лишиться наследника, продолжателя рода — это было настоящее горе. Правда, от второго брака у него остался сын Николас, но даже сам Робсарт не любил вспоминать об этом. И была еще Рэйчел от третьего брака отца с загадочной женщиной — испанкой Пилар д'Альварес. Рэйчел родилась здесь, в Сент-Прайори, и ее рождение стоило жизни третьей жене Робсарта. С тех пор барон больше не женился, а над замком нависла странная, напряженная тишина. Тишина, которую так ненавидела Ева.

Она смутно помнила иные времена. Ей было три года, когда отец привез их с Эдуардом сюда, после того как был смещен с поста лорда-наместника Ирландии. Тогда Сент-Прайори сиял огнями, здесь часто бывали гости, отец устраивал пиры и большие охоты. Потом мать Эдуарда и Евы, ирландка Кэтлин Раффери, умерла, заболев оспой, и замок притих. Но ненадолго. Отец был молод, и вскоре женился на фрейлине королевы Генриетты-Марии, француженке Шарлотте де

Бомануар. Хотя Еве тогда не исполнилось и пяти, она хорошо помнила эту шумную красивую даму, которая хоть и была равнодушна к детям мужа от первого брака, но умела внести в Сент-Прайори веселье. Шарлотта ни дня не могла провести без празднеств, замок весь ходил ходуном; порой это становилось утомительным, а временами — просто невыносимым.

Потом леди Шарлотта родила Николаса. Что-то случилось тогда между ней и отцом. Они почти не виделись, и лишь по прошествии нескольких лет Ева узнала причину разрыва меж ними. А тогда отец услал жену с сыном к ее родне во Францию, где Шарлотта де Бомануар вскоре умерла. В это время маленькая Ева уже жила с отцом в Лондоне, в его богатом городском особняке, а ее брат был услан во Францию и служил пажом при дворе Людовика XIII. Третья женитьба отца стала для Евы настоящей трагедией. И не потому, что ей не нравилась новая мачеха, просто отец собирался покинуть двор и вновь поселиться в имении. К счастью, отец с женой уехали без нее, а она осталась в столице под попечительством тети Элизабет и ворчливого дяди Энтони. Позже она узнала, что у нее родилась сестра Рэйчел, но ее это мало волновало. Ведь жизнь в Лондоне была такой веселой! Даже когда вновь вернулся отец, постаревший, мрачный, в жизни Евы мало что изменилось.

Когда Еве исполнилось двенадцать лет, лорд Робсарт представил ее ко двору и королева Генриетта-Мария, очарованная редкой красотой девочки, приблизила ее к своей персоне. Ах, какая тогда была жизнь! Ева принимала участие в роскошных выездах королевского двора, танцевала на балах, веселилась на маскарадах. Королева благоволила к юной красавице, да и сама была охоча до всякого рода неожиданностей. Один раз она даже устроила бал, на который явилась в ярком платье, но с лицом и руками, вымазанными в саже, и под звуки бубнов и кастаньет исполнила мавританский танец. Позже в Лондоне вышел памфлет, обвиняющий королеву в развращении двора. Генриетту-Марию не очень любили за то, что она пыталась настроить короля на введение в Англии католического вероисповедания. Сердца англичан со времен королевы Марии Тюдор отвергли эту религию, да и нравы пуритан распространялись все более, их представители заседали в парламенте и все сильнее подавали свой голос против двора, против доброго короля Карла и его католички-супруги. Но Ева

тогда мало обращала внимание на это, хотя все чаще встречала в Лондоне суровых, вечно мрачных людей в темных одеждах с хмурыми лицами и резкими речами. Один раз она даже видела, как у позорного столба по приговору Звездной палаты были выставлены Джон Баствик и священник Генри Бертон. Им обрезали уши и на лбу выжгли клеймо. Это было ужасно, ей даже стало плохо, но она сдержалась. Ибо тогда рядом с ней был принц Руперт, красавец Руперт, в которого она была без памяти влюблена, и потому боялась выказать при нем слабость.

Руперт Пфальцский стал первой настоящей любовью Евы Робсарт. Она тосковала о нем, когда он уехал, хотя всячески скрывала это, стараясь отвлечься утехами двора. Придворная жизнь: увеселения, роскошь, блеск, поклонники, флирт — была ее природной стихией. Ева рано поняла, что хороша собой и нравится мужчинам, это делало ее дерзкой и смелой. Она дразнила их, играла ими, вела себя вызывающе. Ей ничего не стоило закрутить небольшую интрижку, она не боялась ночных свиданий, пылких поцелуев и ласк. А однажды, чтобы развеселить королеву, даже плясала на столе, вскидывая юбки и показывая всему двору свои красивые ножки в алых чулках с золотистыми стрелками. Она заметила, как восхищенно глядел на нее маленький принц Уэльский, который громко заявил, что леди с красными ножками — самая красивая дама в Англии.

Да, Еве Робсарт чудесно жилось при дворе, и она старалась не замечать тех туч, что сгущались у нее над головой. Вернее, над головой ее отца. Гром грянул, когда началась война с Шотландией и ее отец, единственный английский генерал, имевший боевой опыт, так как сражался в континентальных войнах, наотрез отказался принимать участие в походе против шотландцев. У него уже тогда были натянутые отношения с королем — Дэвид Робсарт открыто встал на сторону средних землевладельцев, которые поднялись против войны, ибо считали, что Карл I попирает их религиозные права. Робсарт относился к среднему дворянству как к соли земли Англии и полагал, что Карлу следует больше считаться со своими подданными. Это привело к окончательному разрыву отца с двором, хотя до Евы и доходили слухи, что сама королева умоляла отца быть сговорчивее и помочь ее супругу. Но барон Робсарт отказался. Он удалился от двора в свое поместье Сент-Прайори и забрал дочь с собой.

Так Ева впервые оказалась в глуши, в ссылке, как считала она, и ощутила весь ужас громады Сент-Прайори. Она впервые познакомилась здесь с младшей сестрой и была удивлена той любовью, с какой малютка Рэйчел относилась к поместью — хотя Рэйчел всегда была странным ребенком! Еве льстило то немое обожание, каким одаривала ее младшая сестра, и она даже привязалась к малютке, но сама-то она была здесь несчастна. Так несчастна!..

Тут, в провинции, текла совсем иная жизнь. И все больше набирали силу пуритане. Эти люди в длинных, черных, наглухо застегнутых плащах, носившие у пояса Библию и полагавшие, что они одни достойны внимания Господа на земле, были всюду, и их мрачный характер словно накладывал отпечаток на округу. Они настаивали на запрещении ношения длинных локонов, пышных воротников, бархатных камзолов с лентами, всюду вводили свою суровую моду. А главное, они всячески боролись с развлечениями. В краях солсберийских пустошей и так немного населения, но если где-то собирался народ, то тут же появлялись пуритане и сразу следовали проклятья — запретить танцы, хороводы, не разрешать петушиные бои, не посещать городские таверны, не играть в кости и карты. И Ева восстала против этого. Иначе она не могла. Она стала созывать местных помещиков на балы и охоты, дерзила пуританским священникам, уличала их в лицемерии. Окрестные жители, еще не до конца увязшие в новых веяниях пуритан, были то очарованы, то шокированы ее поведением. Эта девушка вносила в их угрюмую жизнь разнообразие, потому что заражала их весельем, которое они боялись проявлять, запуганные пуританской моралью. Да, весть о своенравной красавице шла далеко. Ей исполнилось всего шестнадцать лет, но яркая личность и удивительная красота сделали ее главной фигурой во всем графстве.

Возможно, тогда она впервые привлекла к себе внимание Стивена Гаррисона. Хотя что значил он, сын простого сельского сквайра, в глазах светской красотки? Но она флиртовала и с ним, как со многими другими, ибо любила внимание мужчин, жаждала восхищения, и ей надо было постоянно убеждать себя в том, что она не пропадет в этой глуши. Тем более что все меньше оставалось надежд на возвращение ко двору. Дэвид Робсарт тоже стал склоняться к пуританизму, и дерзкие выходки дочери его шокировали. Но он никогда не пенял ей,

ибо считал себя в чем-то виноватым перед ней. А может, он уже тогда все больше погружался в себя: все чаще запирался в своих покоях, углублялся в чтение Библии. Мучительные раздумья о своей судьбе, о ее предопределении становились его страстью и болезнью. Потом он был призван в Лондон на заседание парламента. Ева очень надеялась, что он возьмет ее с собой, а когда этого не случилось, закатила отцу настоящую истерику. Барон уехал ненадолго и вернулся еще более мрачный; теперь он все чаще высказывался против короля Карла.

— Наш монарх считает, что правит от имени Господа, но в стране есть люди, не согласные с этим.

Еве казалось, что он имеет в виду самого себя, и она холодела от страха. Ведь если отец окончательно порвет с двором, то и ей придется провести жизнь в этой глуши. А она так любила двор с его балами, празднествами, фейерверками, любила Лондон с его сутолокой, сплетнями, сенсациями. Она скучала даже по вони этого огромного города, по дымам его мыловарен и печей для обжига извести.

Вскоре после этого началась война. Король окончательно рассорился с парламентом, уехал в Ноттингем, где поднял свой штандарт. Это послужило сигналом к войне, в округе все только и говорили о кавалерах и круглоголовых. Некоторое время спустя и барон Дэвид Робсарт отбыл на войну, чтобы сражаться на стороне парламента.

Для Евы это означало крушение всех надежд. Она жила в каком-то странном возбуждении, которое затем сменилось апатией. Она ненавидела огромный безлюдный Сент-Прайори и теперь то приходила в ярость, то вдруг становилась тихой и печальной, то неожиданно заходилась в безудержных рыданиях. Однажды в Сент-Прайори приехал ее брат Эдуард. Он рассказал, что двор короля обосновался в Оксфорде и Эдуард отправляется туда, чтобы предложить королю свою шпагу. Он не поддержал отца! Как это было восхитительно!

Ева вдруг поняла, что не может больше оставаться в Сент-Прайори, с его тайнами и проклятьями. Ей невероятно опостылело здесь все: и низкое небо над равниной, и безлюдье, и пуританское ханжество. Уговорив тетушку Элизабет сопровождать ее, оставив младшую сестру на попечение уже ставшего священником дяди Энтони, она вместе с Эдуардом отправилась в Оксфорд.

И вновь наступила настоящая жизнь. Мрачная тень войны еще не наложила свой отпечаток на двор. Здесь все сияло блеском и роскошью, давались балы, кавалеры были любезными, а дамы нарядными. В Оксфорде царило веселье, там насмехались над суровой религиозностью парламента, кутили и развлекались вовсю. Эдуард Робсарт был принят королем с распростертыми объятиями и получил чин полковника кавалерии, сорокалетняя тетушка Элизабет Робсарт тоже удостоилась быть принятой монархом и столько времени проводила с престарелым лордом Монтгомери, что, когда огласили помолвку, это никого не удивило. Что же касается Евы Робсарт — она истинно блистала. Ей было девятнадцать лет, она была в расцвете своей красоты, мужчины сходили по ней с ума, дрались на дуэлях, добивались внимания красавицы, чей отец сражался в армии противника. На положении Евы, впрочем, это никак не отражалось. Сам король расточал ей комплименты и, в отсутствие находившейся во Франции супруги, открывал балы под руку с Евой Робсарт. Четырнадцатилетний принц Уэльский бегал за ней, как щенок, и выглядел влюбленным. Она смеялась и кокетничала с ним, совала ему в рот леденцы. Но главное — в Оксфорде был принц Руперт, и старая страсть вспыхнула с новой силой. Победитель парламентских войск при Эджхилле, герой войны, принц Руперт обладал в глазах Евы неоспоримой привлекательностью, и, хотя вокруг нее вращалось немало достойных претендентов и предложение руки и сердца следовало одно за другим, глаза Евы начинали сиять, лишь когда появлялся Руперт. Она была очарована, безоглядно влюблена. Однако как дочь пэра Англии она была честолюбива и, понимая, что обстоятельства благоприятствуют ей, стремилась не просто очаровать племянника Карла I, она поставила целью женить принца на себе.

Они были прекрасной парой: юная Ева Робсарт и двадцатичетырехлетний, овеянный боевой славой принц Руперт. К тому же все видели, что Руперт просто теряет от Евы голову. И если чувственная и горячая Ева пьянела от страсти в объятиях Руперта, то у последней черты ее удерживали лишь практичность и честолюбие. Больше всего она боялась, что, если Руперт не сделает ей вот-вот предложение, она все равно уступит ему. Что вскоре и произошло.

Однажды, в мае, веселый принц Руперт собрал пышную кавалькаду из дам и кавалеров и с Евой по правую руку возглавил эту

конную прогулку, двигаясь в сторону одной из ближайших усадеб. По сути дела, это было полное безрассудство, ведь войска парламента приближались к королевскому Оксфорду, и они могли столкнуться с неприятелем в любой момент. Только такой беспечный человек, как Руперт, мог затеять подобную авантюру, да еще взять с собой наследного принца Карла и дам. Когда они только расположились на обед в поместье преданного роялиста, их неожиданно обложили отряды круглоголовых. Поднялась паника: усадьба была обычным сельским домом, даже не обнесенным рвом, и Руперт, не на шутку испугавшись, заметался между наследником и дамами. И тут Ева овладела ситуацией. Склонившись в низком реверансе перед Карлом, она сказала:

— Если ваше высочество только прикажет… Я думаю, мы прорвемся. — Она решительно взяла своими маленькими ручками два пистолета.

Ее самообладание воодушевило присутствующих. Все быстро оседлали коней, и, едва распахнулись ворота, все они, кроме нескольких робких дам, карьером вынеслись на неприятеля и, открыв огонь, вонзили шпоры в бока коней и прорвались сквозь осаду.

Руперт тогда получил сильный нагоняй от короля за то, что посмел рисковать свободой наследного принца, а Ева стала героиней дня. Король при всех поцеловал ее в лоб, называя своей милой девочкой, принц Карл смотрел на нее с обожанием, а взгляд Руперта был непередаваем. Но Ева впервые не упивалась почестями и лестью. Улучив момент, она ушла в парк и там, в отдаленной беседке, дала волю слезам от пережитого испуга, который довел ее едва ли не до состояния шока. Там, плачущую, ее нашел Руперт. Приголубил, приласкал, а она и не заметила, как расслабилась в его сильных руках, как его прикосновения, его страсть разожгли ответный огонь в ее теле и она уступила ему, позволила овладеть собой.

При дворе ничего нельзя утаить, и вскоре все узнали, что Ева Робсарт стала любовницей принца Руперта. Но Ева уже сама не могла себя сдержать. Чувственная от природы, она таяла в любви и находила столько восхитительного в ее физической стороне, в плотских радостях, которые обрушились на нее столь внезапно, что в жажде физического удовлетворения совсем забыла о честолюбивых помыслах. Так был упущен благоприятный момент. Принц Руперт

отбыл на север, где в битве при Морстон-Муре потерпел сокрушительное поражение и вынужден был скрываться. Король Карл покинул Оксфорд, его маленький двор распался, и Ева вынуждена была возвратиться в ненавистный Сент-Прайори вместе с тетушкой Элизабет, которой тоже так и не пришлось предстать перед алтарем, ибо ее жених, лорд Монтгомери, сложил голову при Морстон-Муре.

А вскоре Ева поняла, что беременна.

Дочь лорда, опозорившая себя подобным падением, теперь она жила тихо и уединенно. Она писала Руперту несколько раз, но не получала ответа. То ли письма не доходили до принца в терзаемой гражданской войной стране, то ли он не имел возможности ответить, то ли не хотел. Так или иначе, а Ева Робсарт таилась от всех, беременность была ей в тягость, она затягивалась в тугие корсеты, и, когда до истечения срока разродилась мертворожденным ребенком, которого тут же тайно похоронили преданные слуги, она сочла это едва ли не избавлением.

Ева очень изменилась, исчезла ее веселость, она стала мрачной; даже красота ее несколько поблекла. Тем не менее она продолжала без памяти любить Руперта, ждала встречи с ним, жадно ловила вести о своем неверном возлюбленном. Когда она узнала, что Руперт вновь обрел силы и готовится к новой битве при Нэйсби, то, несмотря на смутное время и протесты родни, выехала к нему в Нортхемптоншир.

Дорога оживила ее. Она не боялась путешествовать по разоренной, враждебной стране. Когда ее останавливали роялисты, она напоминала, что ее брат состоит в армии короля, а если дорогу преграждали сторонники парламента, ссылалась на то, что ее отец, лорд Робсарт, — генерал в войсках командующего парламентскими силами лорда Ферфакса. Ее пропускали, и она приказывала вознице гнать коней, ибо просто жаждала поскорей увидеться с Рупертом, объясниться с ним.

Ее не пропустили дальше Нэйсби. Несколько дней она ютилась в отвратительной гостинице, по ночам ее будили пушечная пальба, крики. Когда через городок, отступая, промчались отряды зятя Кромвеля генерал-комиссара Айр-тона, она с радостным криком кинулась на улицу, полагая, что кавалеры победили. И тут она увидела Руперта. На коне, с обнаженной шпагой, без шляпы, он преследовал отступающих. Едва увидев возлюбленного, Ева бросилась к нему

навстречу; она кричала, звала, наконец он ее заметил. Его холодные голубые глаза взглянули на нее почти что с ненавистью. Конь рвался под ним, и он едва сдерживал его, пока бросал в лицо Еве жестокие злые слова:

— Какого дьявола, миледи? Убирайтесь ко всем чертям! Вас нам только и недоставало! — И он умчался, обдав ее облаком пыли.

Ева осталась на дороге, все еще не веря в случившееся. Она увидела, как храбрые отряды Руперта, овладев городком, приступили к грабежу. Обычное дело на войне: победители не щадят побежденных. Но Ева еще никогда не видела всех ужасов поражения. И сейчас широко открытыми глазами она смотрела, как галантные роялисты, превратившись в зверей, врывались в дома, выбрасывали оттуда людей, грабили, жгли. Сам красавец Руперт подавал им пример, носился на коне среди вопящей, разбегающейся толпы, стрелял, колол шпагой.

Еве тоже не повезло: ее схватили, поволокли куда-то. Она отбивалась, кричала, звала Руперта. Тщетно. Ее затащили в какой-то сарай, кинули под телегу, стали насиловать. Она не сразу поняла, почему ее отпустили. Насильники вдруг кинулись прочь, а когда Ева, плача и пошатываясь, подошла к воротам сарая, она увидела, что ситуация изменилась и теперь роялисты разбегаются, ибо в Нэйсби ворвались круглоголовые.

Один из них остановился около нее.

— Леди Робсарт? — Она с трудом узнала в этом грязном, растрепанном человеке своего поклонника Стивена Гарри-сона. — Как вы здесь оказались, миледи? Давайте скорей руку. Надо уходить. Вы что, не знаете — война отнюдь не место для красивых девушек?

Теперь-то она это понимала. Оглушенная, заплаканная, униженная, она позволила Стивену увести себя. Он повел ее к небольшому, отдаленному хутору, был с ней мягок и предупредителен, но она ничего этого не замечала. Она была оскорблена пренебрежением Руперта, сердце ее было разбито; она поняла, что ничего не значит для принца, что он — просто убийца и мародер.

Когда Стивен привел к ней отца, она уже смогла взять себя в руки и держалась спокойно. Лорд Робсарт прекрасно понимал, что привело ее в Нэйсби, ибо Руперт не делал тайны из своих взаимоотношений с дочерью генерала республиканцев и ее роман получил широкую

огласку. Робсарт не стал упрекать дочь — ему было не до того: он только что получил тело сына. Он лишь сказал Еве:

— Мы уезжаем. Эдуарда убили. Нам надо отвезти его тело в Сент-Прайори и похоронить в фамильном склепе.

И вновь вернулась гнетущая тишина солсберийских пустошей, а проклятье Сент-Прайори давило на душу. Тогда Еве казалось, что жизнь кончена, ее стали мучить кошмары, она просыпалась по ночам от собственного крика.

Лорд Робсарт вскоре уехал. У него была деятельная натура, а в Сент-Прайори он просто сходил с ума от безысходности. Теперь, оставив службу в армии, он всецело посвятил себя торговым делам, занял пост в Вест-Индской компании и с головой окунулся в дела. Тогда Ева умоляла отца увезти ее с собой. Но он отказался, сказав, что в Лондоне творится такое, от чего его детям лучше держаться подальше.

Вскоре они поняли, о чем говорил отец. 30 января король Карл I взошел на плаху и при огромном стечении народа был обезглавлен.

Весть об этом пришла в Сент-Прайори лишь через два месяца после казни короля.

Ева тогда проплакала целый день. И не от того, что так жалела казненного монарха, а оттого, что, как ей казалось, ее жизнь никогда больше не озарится радостью. Она тосковала о старом времени, жалела себя, оплакивала свою погубленную юность. Рэйчел старалась, как могла, утешить сестру, пытаясь отвлечь ее своими заботами, делами о хозяйстве. Что-то толковала, что люди разорены и даже самые аккуратные налогоплательщики приходят в замок с просьбой отсрочить платежи. У Рэйчел были свои заботы, она уходила в них с головой, пряталась за них, чтобы не думать о себе, о своем одиночестве. А ведь ей было семнадцать лет, самое время, чтобы девушка получала от жизни все удовольствия. Особенно если учесть, что Рэйчел стала хорошенькой. Именно эта расцветшая миловидность сестры повлияла на Еву. Она вдруг подумала, что сильно подурнела за последнее время и мужчины уже не так восхищенно смотрят ей вслед, что сильно поправилась, а это ей не шло и страшило ее. Силы небесные — неужели ее время прошло, неужели в свои двадцать четыре года она стала старухой, и ей останется увянуть в глуши,

превратиться в чопорную, нудную старую деву, невыносимую для всех, как тетушка Элизабет?!

Эта мысль словно подстегнула Еву. Она перестала отсиживаться в своей комнате и лить слезы, ожила и стала писать отцу, чтобы он прислал ей новые ткани, образцы новых выкроек да и всякие остальные мелочи: веера, перчатки, сумочки, без которых ни одна женщина не мыслит своего существования.

Лорд Дэвид Робсарт всегда был известным щеголем, несмотря на его увлечение пуританской религией, и Ева знала, что он поймет дочь и не откажет ей. К тому же теперь, когда он стал столь богат, ему не составит труда удовлетворить ее прихоти. Нет, она, Ева Робсарт, так просто не смирится!

Прежде всего она решила заняться своей внешностью. Она стала много двигаться, ездила верхом, путешествовала по окрестностям. Теперь Ева прекратила находить утешение в обжорстве и ограничивала себя буквально во всем: поначалу отказалась от своих излюбленных сладостей, потом перестала есть хлеб, а после и попросту отказываться от пищи. Поначалу ей приходилось туго. Однако со временем она заметила, что чем дольше сдерживаешь желание поесть, тем меньше испытываешь потребность в пище, и отвратительные спазмы в желудке исчезают. В конце концов она обнаружила, что стала влазить в старые платья, а талия, как в годы юности, уменьшилась до девятнадцати дюймов. Ева начала спать на жестких тюфяках, вместо подушки клала тугой валик, а по утрам ежедневно умывалась холодной водой и делала примочки парным молоком. Наконец зеркало показало, что она опять стала той Евой, которая очаровывала каждого, кто хоть единожды глядел в бездонный омут ее синих глаз. Ах, какая она вновь стала легконогая, подвижная, очаровательная! Но кого же ей прельщать в этом суровом краю солсберийской пустоши, где мужчины спешат надвинуть на лбы шляпы и опускают глаза, едва увидят по-настоящему красивую женщину? Ах это — «если твое око тебя соблазняет!..».

Первым мужчиной, который осмелился смотреть на нее с открытым восхищением, оказался Стивен Гаррисон. Ева не знала, отчего он, кому родство с генералом Гаррисоном сулило столь блестящую карьеру в армии, вдруг был сослан в глушь и удовлетворился всего лишь должностью помощника шерифа.

Поначалу она даже не желала его принимать, памятуя, в каком жалком, позорном виде явилась ему при последней встрече в Нэйсби. А потом стала замечать, как начинают розоветь щечки у Рэйчел, такой обычно скрытной и тихой, при одном упоминании о полковнике Стивене, стала слышать разговоры, что на него положила глаз местная красотка Рут Холдинг. Постепенно любопытство взяло верх, и она согласилась его принять. Стивен был, безусловно, интересным мужчиной: рослый, сильный, несколько сдержанный, однако не настолько, чтобы его можно было обвинить в лицемерии. К тому же Ева просто наслаждалась, когда видела, как загораются его глаза, когда он следит за ней взглядом.

Ее неожиданно заинтересовали его рассказы о Лондоне, о том высоком положении, какое сейчас занимает ее отец при новом дворе, где всем располагает лорд-протектор Оливер Кромвель. Перед этим Ева неожиданно получила тайное послание от неверного Руперта, но если оно и взволновало ее, то не настолько, чтобы терять голову, ибо она уже охладела к бравому принцу. Она была достаточно проницательна, чтобы уловить за фразами о любви и извинениями явную заинтересованность Руперта в ее отце. У Робсарта в подчинении находился огромный флот, а Руперт, потерпев поражение на суше, не оставил борьбы с республикой на море. И если его настолько интересует Робсарт, что он ищет подход к нему через брошенную любовницу, то дела отца, видимо, и в самом деле блестящи. Почему же она прозябает в этой глуши? Ей надо отправляться в Лондон. Для того чтобы вновь блистать, она даже готова стать республиканкой.

Неожиданно она нашла поддержку в лице дяди Энтони. Ранее он был англиканским священником и рассчитывал подняться при монархии едва ли не до епископской митры, теперь же стал ярым пресвитерианцем, одним из первых в крае, и за это получил обширный приход. Когда Ева завела с ним речи, что родственникам главы Вест-Индской компании место не в глухой провинции, а в окружении лорда-протектора, он с готовностью поддержал племянницу.

Приехав в Лондон, они не застали там ни лорда Робсарта, ни самого Оливера Кромвеля. Ева поначалу скучала. Одетая в темные одежды, она ходила с Библией в церковь, приглядывалась к лондонцам. Порой узнавала старых роялистских знакомых, но они

сторонились ее, да и она не рвалась возобновлять былую дружбу. Утешение она находила лишь в соколиной охоте, какой сильно тогда увлеклась и поэтому почти ежедневно уезжала верхом с птицей на руке поохотиться в болотистых низинах Вестминстера. Однажды она там познакомилась с неуклюжим молодым человеком, который привлек ее внимание тем, что открыто носил нарядные одежды, и его охранял целый отряд конных гвардейцев. Они стали встречаться, он представился Ричардом, более ничего не добавив. Да Ева и не интересовалась. Ей было забавно наблюдать, как этот увалень заглядывается на нее, забывая следить за птицами, как пытается ухаживать, лопочет маловразумительные, пестрящие библейскими сравнениями комплименты. Один раз он проводил ее до дома и даже поцеловал руку. Ну прямо-таки кавалер-роялист! Еву это позабавило, хотя она украдкой вытерла платочком обслюнявленное запястье. Обернувшись, она увидела в окне вытянутое лицо дяди Энтони. Едва она вошла в дом, он чуть не сбил ее с ног.

— Ева, детка, да знаешь ли ты, кого подцепила? — Эти речи приятно отличались от обычного дядюшкиного занудствования. Никаких цитат из Библии, простой лондонский жаргон. Дядюшку так и трясло от возбуждения. — Ева, это сам Ричард Кромвель, сын лорда-протектора!

Ева заморгала, а потом упала в кресло, заходясь от хохота. Дядя пытался ее успокоить, затем рассердился, однако, против обыкновения, не наговорил племяннице грубостей.

— Ладно, дитя, — встал он, приняв свой обычный лицемерный вид. — Ты, я знаю, разумная девушка и сама поймешь, что надо делать.

Да, она понимала: дядя готов продать ее словно дешевую шлюху! Она перестала смеяться и устремила взгляд на огоньки свечей — да, она тоже была готова продать себя Ричарду Кромвелю. И ценой должно стать ее замужество. О, Ева уже поняла, что брак — отнюдь не романтическая сказка о вечной любви. Это контракт, сделка, в которой каждый что-то выигрывал. И брак с неуклюжим, простоватым, малосимпатичным Ричардом Кромвелем и ею, дочерью аристократа, пэра Англии, тоже кое-что нес с собой. Ибо всем уже было ясно, что настоящим главой Англии стал именно победитель и убийца короля Оливер Кромвель. Именно к нему прибывали иноземные послы, ему в

личное пользование были отданы королевские дворцы Уайтхолл и Хемптон-Корт с прилегающими роскошными парками, а ежегодный доход его составлял четыре с половиной тысячи фунтов стерлингов. Ни одно постановление парламента не считалось законным без подписи Оливера, а окружающие оказывали ему поистине королевские почести. Интересно, как долго в данной ситуации Кромвель будет довольствоваться титулом лорда-протектора? В народе уже открыто поговаривали, что скоро он захочет примерить корону и даже распевали песенку:

Король придет, но какой?

Кто может стать королем?

Ах, наш милый Оливер, храбрый, дюжий Оливер, Томный и галантный…

Раньше Еву смешили подобные куплеты. Но сейчас она смотрела на это совершенно иначе. Если Кромвель и в самом деле станет английским монархом, а она, Ева, его невесткой, женой его единственного оставшегося в живых сына и наследника… У нее захватывало дух. Да, Ева была импульсивной, безрассудной, но одновременно и честолюбивой, и практичной. И сейчас, глядя на огоньки свечей и вспоминая, как пожирал ее глазами сын великого Нола[8], она стала улыбаться.

На другой день она не встретила на охоте своего нелепого поклонника, но, когда возвращалась в Лондон, столкнулась с огромной кавалькадой, во главе которой ехал сам Оливер Кромвель: сильный, суровый человек с умным некрасивым лицом бордового цвета, крупным носом и маленькими проницательными глазками. Когда Ева встретилась с ним взглядом, она улыбнулась ему и низко склонилась к гриве лошади, выражая почтение.

Вечером она была приглашена в Уайтхолл, и молодой Ричард Кромвель лично представил ее отцу. Он не скрывал своего восхищения дочерью лорда Робсарта, и, как заметила Ева, лорд-протектор не выразил по этому поводу своего неудовольствия.

С тех пор Ева стала частой гостьей в Уайтхолле. В былом королевском дворце на всем лежал отпечаток казармы, но все же чувствовалось, что новые властители жизни входят во вкус жизни с чисто роялистским размахом. Они жили среди роскоши, ели изысканные блюда, вели чисто светские беседы. Здесь Ева

познакомилась с супругой Оливера Элизабет Кромвель, которая слыла образцом пуританской добродетели, но, как заметила Ева, обожала пышные наряды и драгоценности, особенно жемчуг, причем в некоторых гарнитурах Ева узнавала личные вещи королевы Генриетты-Марии. Были здесь веселые дочери Кромвеля — Бетти, Марси и Френсис, которые так и атаковали Еву, чтобы она научила их придворным манерам и изысканному кокетству. Появлялась яркая красавица-католичка графиня Дайзорт, которая, как поговаривали, слыла заступницей роялистов, но, поскольку она стала любовницей лорда-протектора, никто и слова дурного не смел сказать о ней. Присутствовали и другие дамы, были военные, суровые на людях, но расслабленные в кругу своих — зять Кромвеля Айртон, судья Карла I Бредшоу, лорд-хранитель государственной печати Уайтлок.

Часто в их веселой компании появлялся и сам Оливер. Здесь, не на людях, он был общительным, грубо шутил, даже норовил ущипнуть дам, но каждый вечер удалялся к себе для молитвы. Правда, Ева скоро пришла к выводу, что он пьянствует, и пару раз даже видела, как этого моралиста под руки утаскивали в опочивальню, и молчаливые слуги стаскивали с распростертого на королевском ложе Кромвеля сапоги, снимали камзол. Однако она никому ничего не говорила. При общении была мила и любезна со всеми, но, Боже правый, как же она презирала и ненавидела всех этих лицемеров, со словами Библии на устах, но уже всячески перенимавших манеры тех, кого они ограбили и уничтожили. Тем временем все уже открыто говорили, что не за горами тот день, когда сам Кромвель соединит перед алтарем руки своего сына и леди Евы Робсарт. Кромвелю явно хотелось породниться со старой аристократией. Так, дочь свою Бетти он выдал за кавалера Джона Клейпола, Френсис открыто флиртовала с лордом Ричем, внуком графа Уорвика, и в том, что Ричард Кромвель, как привязанный, ходил за Евой Робсарт, никто не видел ничего предосудительного. Все ждали только возвращения бывшего в колониях Робсар-та, чтобы он дал свое отеческое согласие на этот союз.

Однако когда Робсарт прибыл, он решительно отказал. Опешившей Еве он пояснил:

— Хватит и того, что я вынужден терпеть это змеиное кодло. Ты достойна лучшей участи.

— Какой?! — взвизгнула Ева. — Ты что же, убережешь меня от Кромвелей и вновь ушлешь в проклятый Сент-Прайори?

Робсарт побледнел так, что Еве стало его жаль; разразившись рыданиями, она выбежала из комнаты.

Вечером как ни в чем не бывало она нарядилась и отправилась в Уайтхолл. Она хотела поговорить лично с Кромвелем, но, видимо, выбрала не лучшее время. Оливер был пьян в стельку. Поначалу он пристально и исподлобья глядел на нее, слушал ее взволнованную речь. Ева в платье с. низким декольте, нервничающая, трепетная, была чудо как хороша. Взгляд Кромвеля загорелся, он подошел поближе.

— Конечно, дитя мое, я поговорю с вашим отцом. Я ведь тоже хочу, чтобы вы стали моей дочерью, моей милой маленькой девочкой.

Ева взвизгнула и отпрянула, когда он попытался ее облапить. Она хотела сдержаться, но ее вдруг охватило такое отвращение, что она не выдержала и, прежде чем отдала себе отчет в том, что делает, отпустила Оливеру звонкую пощечину.

Обратно она бежала сама не помня себя. Дома долго металась из угла в угол, рвала кружевные манжеты и ругалась, как паромщик. Все было кончено. Но какое же облегчение она испытала!

Ее больше не приглашали в Уайтхолл. Отец был мрачен, неразговорчив, но, как заметила Ева, не на шутку испуган. Дядя открыто говорил, что она дура и дрянная шлюха, раз не сумела продать себя за достойную цену, а она в ответ обвиняла его в лицемерии и в сутенерстве. Дело кончилось тем, что вмешался Робсарт и выслал брата.

Ева осталась в Лондоне, но ненадолго. Слишком много протеста и гнева накопилось в ней, чтобы она не совершила очередного безрассудства. Лондон бурлил, и однажды, увидев за окном шествие женщин, направлявшихся к зданию парламента, она надела чепец и передник Нэнси и примкнула к демонстранткам. Она оказалась в колонне женщин-петиционерок, требующих, чтобы в мирное время прекратились военные суды и расстрелы. Кто-то протянул бутылку с бренди, и она отпила. Многие женщины были в подвыпившем состоянии, они шумели, ругались, стучали в двери парламента, грозились силой захватить лидеров парламента и утопить их в реке, как слепых котят, бросали в окна камни. Еве стало весело. Когда из

здания парламента к ним вышел пожилой почтенный пуританин и стал просить их разойтись, женщины подняли крик:

— Разве мы тоже не подобие Божье? Разве мы не заинтересованы в свободе, какую вы, олухи, нам обещали?

Джентльмен махал руками и уверял их, что их требования ни на что не похожи. Кто-то крикнул в ответ, что они необычны не более чем поведение членов парламента, отрубивших голову помазаннику Божьему. В толпе засмеялись и зааплодировали. Ева тоже смеялась. Вот это была жизнь!

Кончилось все плачевно: против них выставили отряд милиции, который стал разгонять толпу кнутами. Началась настоящая давка. Еву едва не растоптали, но чья-то сильная рука выволокла ее из сутолоки. Оказалось — зять Кромвеля Айртон. Красавец, которому Ева недавно строила глазки, грубо потащил ее к Кромвелю. Но, как ни странно, она не испугалась. Было ли тому виной выпитое бренди, азарт драки или давно накопившаяся ненависть к этим лицемерам, но Ева покуражилась вовсю. Она кричала Кромвелю все, что она думает о нем и его семейке. Ее еле уволокли, а к вечеру последовал приказ покинуть столицу.

Теперь Ева стала героиней в глазах роялистов. На первом же постоялом дворе к ней прибыли сторонники монархии, беседовали с ней, рассказывали последние новости. Так Ева узнала, что на севере Англии и в западных графствах идет подготовка к мятежу, молодой Карл Стюарт готовится к войне за трон отца и теперь гнездом восставших стала Ирландия, где под командованием графа Ормонда собрались значительные силы роялистов и находился флот принца Руперта. Ева оживилась. Ей Нравилось участвовать в заговоре. Хотя она понимала, что восставших интересует не столько она, сколько ее отец, имевший в Вест-Индской компании значительный флот, она, не задумываясь, написала ему в Лондон, умоляя его примкнуть к восставшим.

Это был неосмотрительный шаг, ошибка, едва не ставшая роковой для всей семьи. У Кромвеля было великолепно налажено шпионское дело, и ее отец имел крупные неприятности. Она узнала об этом, когда барон Робсарт догнал ее в дороге и, ни слова не говоря, прилюдно надавал пощечин. Он еще никогда не был столь груб. с ней, и Ева испугалась. Особенно когда отец сказал, что, если она не угомонится,

он ушлет ее во Францию, где заточит в самый суровый монастырь. Это звучало не пустой угрозой — у отца имелись влиятельные родственники. К тому же и во Франции было неспокойно, начались волнения Фронды, и французский двор из политических соображений поддерживал протектора Кромвеля. Ева понимала, что, если поступит просьба заточить опасную мятежницу в монастырь, это будет выполнено словно строжайший приказ.

И Ева смирилась. Молчаливая и замкнутая, она вернулась в Сент-Прайори, в объятия нежной Рэйчел и заплаканной тетушки Элизабет.

— Мне кажется, эти стены станут моей могилой, — оглядев темные своды старого аббатства, грустно обратилась Ева к родным пенатам.

Конечно, это не входило в ее планы. Более того, сейчас Ева, как никогда, сильно ощутила, насколько ей хочется не просто жить, а наслаждаться жизнью. Ужасно, что ее молодость пришлась на годы гражданской войны, но это не означало, что следует отказаться от плотских радостей, от желания любить, выйти замуж, рожать детей. Да, ей нужно замуж, ибо теперь, в свои двадцать шесть лет, она отчаянно боялась остаться старой девой, повторить судьбу жалкой тети Элизабет, «невесты стариков», как ее шуточно называли в округе, ибо сестра Дэвида Робсарта четыре раза была помолвлена, всякий раз с людьми гораздо старше себя, но так ни разу и не предстала перед алтарем. Это сделало тетушку желчной, чопорной, излишне суровой к грехам и малейшим проступкам других, хотя по натуре она была существом безобидным, даже слабым. Ева панически боялась повторить ее судьбу. К тому же однажды в лавке Ева услышала, как две почтенные матроны достаточно громко обсуждают ее.

— Наша красавица что-то заневестилась, — заявила одна, а другая, ею оказалась Сара Холдинг, цинично заметила:

— Да кто на ней женится, на этой распутнице?

Ева смерила их холодным взглядом, хотя в ней все так и клокотало от гнева.

Она и сама понимала, что ей надо выйти замуж. Не только ее разум, но и тело требовали этого. Она сходила с ума от беспричинных желаний, ее воображение будоражили сладострастные сны, она стала нервной, вспыльчивой, часто плакала без причины. Теперь она была готова на любое безумство. Еще по дороге из Лондона она сошлась с

одним роялистом, и взрыв чувственности, какой она испытала, отдавшись малознакомому мужчине, привел ее к выводу, что не только с возлюбленным можно получить наслаждение. Теперь, живя в Сент-Прайори и изнывая от плотских желаний, она решилась на шаг, какой ранее сочла бы немыслимым. У них был работник Джек Мэррот, привлекший ее почти животной силой и красотой. И хотя Ева только глядела на него, он скоро понял, что нужно от него госпоже, сам нашел ее, а она и не думала сопротивляться. Более того, потом она сама стала искать встречи с ним, и хотя их животные быстрые соития возмущали ее, но они несли радость и успокоение ее жадному телу. Она презирала себя за эту связь и видела единственный выход из столь унизительного положения только в замужестве. Брак даст ей возможность освободиться от плотской зависимости от Джека, избавиться от насмешек за спиной и позволит наконец развеять тоску мрачных стен Сент-Прайори.

Однако выбрать себе партию оказалось не так-то просто. Одни разорились, другие впали в пуританство, третьи скрылись за границей. Ева даже стала подумывать, чтобы и самой уехать на континент — доходили слухи, что там теперь подвизались немало англичан-роялистов, среди которых она могла найти мужа. Останавливали ее только опасения, что за подобное своеволие отец может лишить ее наследства, а быть нищей Ева никак не могла себе позволить.

Ответ пришел сам собой, когда однажды, охотясь с соколом — забава, которую она так любила, — Ева столкнулась со Стивеном Гаррисоном. Теперь она поглядела на него совершенно иными глазами. Стивен был очень привлекательным мужчиной, пользовался почетом в округе, разбогател, а главное, в нем ни на йоту не чувствовалось того лицемерного ханжества, которое Ева так презирала в пуританах. Его ненавязчивое щегольство, какое-то ироничное чувство юмора и та легкость, с какой он обращался с ней, очаровали капризную красавицу. А главное, он был так ловок и силен, что Ева едва не стонала от желания оказаться в его объятиях.

Домой она тогда приехала сама не своя и сразу отыскала хлопотавшую в кладовой Рэйчел.

— Малютка, что ты можешь сказать о полковнике Стивене?

Она была слишком озабочена собственными мыслями, чтобы заметить, как вдруг безудержно покраснела младшая сестра.

— Его очень уважают, — запинаясь, начала девушка. — Он любезен в обхождении и добр. Очень добр, но и непреклонен. Без него Захария Прейзгод полностью подчинил бы округу. А так Сти… мистер Гаррисон… Он стал теперь достаточно богат. Я слышала, после смерти отца ему досталось несколько акров хорошей земли, и дядюшка говорил, что полковник получает с них более сорока фунтов годового дохода. К тому же он открыл свое шерстяное дело в Уайтбридже…

Ева слушала ее и чуть кивала собственным мыслям, но в следующий миг нахмурилась.

— Что ты сказала?

— Говорю, Рут Холдинг давно заглядывалась на него, и не далее как месяц назад он попросил ее руки. Теперь они помолвлены.

Ева опешила, но еще больше разозлилась. Этого нельзя допустить! Чтобы такой самец, как Стивен Гаррисон, достался бледной мыши Холдингов?! Нет, она этого не допустит!

Возникшее препятствие только подстегнуло стремление Евы покорить Гаррисона. А уж она была умелая соблазнительница, весь опыт ее вращения при дворе был тому порукой. И хотя она начала издалека, но тем не менее отступать не собиралась. Якобы случайные встречи сменила дружба. Она казалась со Стивеном столь простодушной, приветливой, но в то же время веселой и такой очаровательно-беззащитной. Теперь Стивен все чаще начал наведываться в Сент-Прайори, и Ева веселила его, смешила, ему было так хорошо и интересно с ней. Она стала вникать в его дела, слушала с интересом, а порой давала вполне разумные советы. Когда он уезжал, она глядела ему вслед с такой грустью, что Стивен каждый раз оглядывался и часто возвращался. Один раз он вдруг притянул ее к себе и поцеловал. Ева чуть с ума не сошла. После грубых объятий и мужицких ласк Джека поцелуй Стивена едва не заставил ее обезуметь и подарить ему ответный. Лишь усилием воли она заставила себя разомкнуть объятия.

— Что мы делаем, Стив? Ради Бога, у вас ведь есть невеста. Не мучайте меня. У меня и так в жизни было много горя.

Делая вид, что плачет, она убежала, а у себя в комнате принялась весело отплясывать джигу. Лишь когда в комнату ворвалась Рэйчел, Ева заставила себя успокоиться.

— Что ты творишь, Ева?! — почти кричала обычно спокойная младшая сестра. — Стивен ведь помолвлен! Он обещался Рут Холдинг!

Ева окинула сестру горящим взглядом:

— Ты что, тоже стала лицемерной ханжой, Рэйчел? Или ты считаешь, что эта мышь Рут — соперница мне?

Рэйчел как-то сразу сникла:

— Делай, как знаешь, Ева. Но Рут… Наверное, она невыносимо страдает.

— Страдает? О да! Будьте покорны, я уж заставлю ее помучиться. Но тебе-то что до этого, малышка? Лучше смотри на меня и учись, как надо бороться за свое счастье.

— Счастье… — эхом отозвалась Рэйчел. Ее глаза странно потускнели. — Но ты хоть любишь его, Ева? — робко спросила она.

— Я? — Ева счастливо расхохоталась и, кружа вокруг Рэйчел, стала цитировать из «Песни Песней»: — «О, как ты прекрасен, возлюбленный мой! Волосы твои душисты. Ноги твои, как мраморные столбы. Живот твой точно ворох пшеницы, окруженный лилиями». Эй, ты куда?

Рэйчел вышла, сгорбившись, как старуха. Ева покачала головой. Нет, эти пуритане совсем забили голову девочке своими понятиями о добропорядочности.

Одновременно с тем, как Ева превращала каждую встречу со Стивеном в фонтан радости, страсти и веселья, она постаралась рассорить его с Рут. Зная, что если до Рут будут доходить лишь сплетни о встречах жениха с леди Робсарт, то, веря в пуританскую порядочность Стивена, она будет сдержанной. Ева же специально постаралась распускать слухи, что уже стала любовницей полковника. Верная Нэнси очень помогала ей в этом. Однажды горничная прибежала к госпоже с сообщением, что видела, как Стивен вышел из дома Рут, сердито хлопнув дверью, а из открытого окна вовсю неслись рыдания его невесты. В другой раз Рэйчел поведала Еве, что видела, как Сара Холдинг прилюдно стала кричать на Стивена, будто он понапрасну мучает ее дочь.

Ева лишь посмеивалась. Что ж, пусть уже сейчас убедится, на какой истеричке он намеревался жениться и что за мегера его будущая теща. Ева неизменно встречала Стивена улыбкой, никогда ни в чем не

упрекала и ждала своего часа. Однако постепенно она начала волноваться. Ей было ясно — Стив мучается, что он влюбился в нее без памяти, однако его суровое понимание долга и пуританская мораль могли вынудить его исполнить задуманное и сдержать обещание жениться на Рут.

И тогда Ева решилась на отчаянный шаг. Она видела, как глядит на нее полковник, как напрягаются его скулы и горят глаза. В том, что он желает ее страстно, она не сомневалась. И однажды в полдень, когда они в одиночестве прогуливались у ручья, она сделала вид, что ей стало дурно, и упала в его объятия. Когда мнимый обморок миновал, Стивен уже целовал ее. На этот раз она не стала вырываться, сама обняла его, страстно отвечая на поцелуй, но не проявляя всей той страсти, что клокотала в ней. Страсть прорвалась сама, когда она в исступлении стала кричать и кусать его за плечо. Но Стивен уже не мог остановиться и лишь застонал, Вскоре и его накрыла волна высшего экстаза, он жадно приник к содрогающемуся в его руках нежному телу.

Когда Ева пришла в себя, Стивен сидел рядом, обхватив колени, и старался не глядеть на нее. Он вздрогнул, когда она погладила его по спине.

— Миледи, то, что произошло, недопустимо… — с мукой в голосе произнес он.

Пряча улыбку, Еаа ждала, что дальше скажет этот пуританин, свято веривший, что путь на небеса лежит через отказ от мирских радостей, и так неловко попавший в расставленный ему силок. Ей было забавно наблюдать за ним.

— Мы не должны были так поступать… я не должен был. Это страшный грех.

— Какой же это грех, Стив? — мягко промурлыкала Ева. — Грех — это вредить другим… — Она запнулась, понимая, что сейчас они оба согрешили против Рут, но тут же отвлекла его от этих мыслей. — Не мучай себя, милый. Это только мой грех. — Она вовсю старалась придать своему голосу смиренность, а потом почти выкрикнула, вложив в свой голос всю имеющуюся в ее душе страсть и нежность: — Но я так люблю тебя!.. А любовь и благоразумие не сочетаются, — тихо добавила она.

Стивен повернулся к ней:

— Вы любите меня? Вы?..

Она засмеялась, наматывая на палец завитки его волос:

— Иначе я бы не пошла на это. Но знай: я не хочу связывать тебя, обязывать тем, что случилось. Возвращайся к своей Рут, если хочешь. Лишь об одном прошу: помни, что Ева Робсарт любит тебя. Давно. С тех самых пор, когда ты, . мой герой, мой рыцарь, спас меня в Нэйсби. Но ты всегда был так холоден и учтив со мной. И я боялась… Боялась, что ты презираешь меня. — В ее глазах засверкали слезы. Она сейчас почти верила в то, что говорила.

Стивен привлек ее к себе и нежно провел рукой по разметавшимся волосам.

— Боже мой, Ева. Я так счастлив с тобой, но мне невыносимо больно. Что мне делать? Ты необыкновенная девушка, красивая, милая… Я не должен был поступать так… Это не по-мужски и недостойно тебя. Прости, я будто сошел с ума.

Она чувствовала это, видела, как вновь дрожат его руки и сбивается дыхание. Ева ликовала: несмотря на свои принципы и воззрения, он снова жаждет ее. И когда Ева вновь стала ластиться к нему, он не смог сдержать себя.

Еве оставалось лишь ждать результатов и, как оказалось, совсем недолго. И недели не прошло, как к ней вбежала взволнованная Рэйчел и сообщила, что Уайтбридж так и бурлит, все обсуждают последнюю новость: Стивен Гаррисон расторг помолвку с Рут Холдинг.

Однако после этого Стивен стал словно избегать Еву, прошел почти месяц, прежде чем она сама нашла его. Теперь она не стала притворяться и так и заявила — раз уж он решил порвать со своей пуританкой, то отчего бы ему не сделать предложение ей? Ведь после того, что случилось между ними, он просто обязан это сделать.

Стивен словно боялся посмотреть на нее. Да, он понимает, что теперь должен просить ее руки. Оказывается, он просто ждал, когда появится ее отец, и он честно попросит у него разрешения жениться на Еве. А до этого… Он не в силах допустить, чтобы то, что случилось меж ними, произошло опять… Ева поняла: он не может себе позволить обращаться со своей избранницей как с простой шлюхой. Но то, что он безумно этого хочет, Ева поняла тоже. Стивен был страстным мужчиной с горячей кровью, и теперь, когда он познал то, что может

дать ему Ева, он желал ее еще больше, чем раньше. И она счастливо рассмеялась.

— Все это и умно, и глупо. О, Стив, не будь же смешным и обними меня.

Да, они вновь стали любовниками, которые искали и находили места для тайных свиданий. Просторы Солсбе-рийской равнины были необъятны и пустынны, стояла теплая погода, и вся земля могла стать для них ложем. Потом настали холода, и им все труднее стало искать место для любовных утех; а по округе так и ползли сплетни о них. Стивен страдал от этого, Ева оставалась равнодушна к мнению тех, кого презирала. Да и разве не была она всегда притчей во языцех?

Лорд Дэвид Робсарт приехал в Сент-Прайори после рождества 1650 года. Стивен, как и обещал, попросил у него разрешения жениться на Еве. Лорд дал свое согласие. Был подписан брачный контракт, но свадьбу отложили до того момента, когда лорд уладит дела в колониях.

— Вам придется отложить венчание до осени, девочка моя, — сказал лорд Робсарт.

— Почему так долго? — спокойно поинтересовалась Ева.

— Я хочу, чтобы ты лучше присмотрелась к Стивену.

— Он вам не нравится, отец?

— Что? Нет, мне он очень даже нравится.

И Дэвид Робсарт начал рассказывать Еве, как во время битвы при Нэйсби Стивен почти решил участь сражения: когда роялисты стали теснить вражескую пехоту, только умелое командование Гаррисона, возглавившего рукопашную, пока не подоспела конница Кромвеля, помогло удержать фланг. За это сражение Стивен и получил чин полковника.

Ева нетерпеливо выслушивала все эти речи, пока отец не заметил ее нервозности и не сказал, что хочет отложить венчание дочери, чтобы она более трезво подумала, подходит ли Стивен Гаррисон под то представление о супруге, какого хочет иметь его своенравная дочь.

— Учти, дитя, Стивен хороший парень, порядочный, храбрый. Но он совсем не честолюбец. Он не поднимется выше того, что имеет теперь. Жизнь в провинции его устраивает более, чем блестящая карьера, какую он мог иметь, но от которой отказался… по соображениям чести. Поверь, я даже уважаю его за это. Я бы так не

смог, прости меня, Боже… Но ты-то, Ева! Ты моя дочь, моя плоть и кровь, и я знаю, что тебе нужно от жизни. Поэтому, я настаиваю, подумай: хочешь ли ты стать миссис Гаррисон?

В словах отца было нечто, заставившее Еву задуматься. С одной стороны, ей очень хотелось выйти замуж, да и, по трезвому размышлению, давно пора, а с другой… так ли уж надо становиться женой мелкопоместного сквайра, пуританина в придачу, чтобы безвыездно сидеть дома, солить впрок грибы, считать перед стиркой белье, прясть в долгие зимние вечера и никуда не отлучаться, разве что ходить в воскресенье в церковь, чтобы слушать длинные нравоучительные проповеди или делиться с местными кумушками последними сплетнями? Нет, она мечтала блистать, быть кумиром, вызывать восхищение. Однако когда она начинала говорить с женихом, что неплохо бы ему вернуться в Лондон и, пользуясь родством со знаменитым дядюшкой, поправить свое положение, он лишь замыкался в себе. Стивена, вполне устраивало нынешнее состояние вещей, и он не желал возвращаться в свет. А когда он заводил с ней речь о будущей семейной жизни — неплохо бы купить мыловарню, на которую снята кромвельская монополия, и постараться захватить рынок, поставить оборудование и нанять людей, Ева с трудом сдерживала зевоту.

Конечно, Стивен был предприимчивым, деятельным человеком, и что-что, а ее материальное положение при нем будет обеспечено. Но Ева всегда купалась в роскоши и не могла представить себе, что можно жить иначе, поэтому все разговоры о ведении хозяйства считала ненужными. Она не понимала, зачем Стивен обсуждает с ней такие вещи. Работа — это мужское дело. Например, ее отцу, который во время своего пребывания в поместье мог часами беседовать с ее женихом о планах на будущее, и в голову не приходило заводить речь на ту же тему с Евой. С Рэйчел — да, но у сестры совсем иной взгляд на вещи. Когда Ева представляла себя в роли простой сельской леди — она терялась: Жить в глуши… Она уже побывала в семье жениха и, хотя его усадьба Ательней была хорошим, добротным домом, выстроенным в елизаветинских традициях — из красного кирпича с шиферными кровлями и квадратными большими окнами, все равно Ева после громады Сент-Прайори находила его мелким, незначительным, почти невзрачным.

Отец, пожалуй, оказывался прав, они со Стивеном совсем разные люди. И постепенно, полностью приручив жениха, Ева стала терять к нему интерес. Тем более что сам Стивен поставил в их отношениях барьер, прекратив близость из соображений чести, сказав, что опасается последствий, из-за которых, не дай Бог, что-то случится, и тогда он не сможет глядеть в глаза лорду Робсарту. Ева страстно желала утех плоти, но не настаивала. Не могла же она рассказать жениху, который считал ее едва ли не неземным созданием, что не боится никаких последствий, потому что старая Мэг, местная ведьма, научила ее всяким премудростям, помогающим избежать неожиданной беременности. И если Стивен так щепетилен, то Ева вполне могла утолить свой физический голод и с Джеком Мэрротом. Тот по крайней мере не изводил ее рассуждениями о греховности плотской любви, не освященной браком, и был всегда пылок и умел.

А потом до Евы дошли слухи, что сын казненного монарха Карл Стюарт, потерпев поражение в Ирландии от войск Кромвеля, бежал в Шотландию, где короновался и собрал значительные силы для борьбы за английский трон. Неожиданно у Евы появилась надежда, что вернутся старые добрые времена и республика будет свергнута. Так что же тогда делать ей, ведь она уже будет женой круглоголового? Ева Робсарт теперь была довольна, что ее венчание отложено, и начала сторониться Стивена Гаррисона, даже стала вести себя с ним вызывающе. На окончательный разрыв с ним она не шла из практических соображений — мало ли как все сложится. Ведь Кромвель столько раз показал себя непобедимым, так что еще ничего не ясно. И Ева то удерживала у себя Стивена, то просто прогоняла и не обращала внимания на его удивленные, даже разочарованные взгляды, какие он порой на нее бросал.

— Зачем ты мучаешь его, Ева? — вступилась за Гаррисона Рэйчел.

Милая, добрая, сострадательная Рэйчел! Она всегда была расположена к Стивену и всячески его защищала в глазах сестры. Однако она не понимала, что, как бы ни вела себя Ева, Стивен не откажется от невесты уже из соображений порядочности. Помолвку расторгнуть может только Ева.

Потом пришла весть, что войска короля потерпели сокрушительное поражение под Вустером. Поговаривали даже, что

молодой Карл убит. Ева тогда плакала, прощаясь со своими надеждами; ей опять приходилось смиряться со своей участью. Даже когда пошел слух, что король избежал гибели и где-то скрывается, она больше ни на что не надеялась. Над Англией нависла по-пуритански тяжелая, мрачная тишина, все головы склонились перед всесильным диктатом Оливера Кромвеля, уста онемели, руки опустились. Надежд больше не оставалось.

Тогда-то в голову Евы и пришла мысль ради развлечения шокировать пуританский городок Уайтбридж, смутить умы простолюдинов пренебрежением к их нравам. Хоть какое-то развлечение!.. Развлечение, которое едва не закончилось для нее трагически. И спас ее — силы небесные! — сам король Карл.

И сейчас, думая об этом, Ева не находила себе места. Карл Стюарт. Влюбленный мальчик-принц, теперь возмужавший, смелый, веселый… Как он глядел на нее! Король Англии, пусть и без королевства, но — король, помазанник Божий, который, рискуя своей августейшей особой, встал на ее защиту! Нет, в ее жизни все-таки произошло чудо! И она еще долго будет вспоминать об этом, как об одном из ярчайших эпизодов своих приключений. Вспоминать? Неужели это все, что ей осталось?

Ее душа была в таком смятении, что, когда грохнула входная дверь в комнату, она едва не подскочила.

— Дядюшка!.. Сколько раз учить вас стучаться? У вас манеры простолюдина, а не потомка аристократического рода!

После поездки в Лондон ее отношения с дядей так и не наладились. И сейчас, видя, как дядя — в темных одеждах, в круглой, облегающей голову шапочке пресвитера, из-под которой торчали его оттопыренные уши, с длинной бородой, отпущенной на манер пуританских патриархов, — глядит на нее и качает головой, Ева ни на йоту не верила в его сочувствие и лицемерное смирение. Слишком уж хорошо она знала своего дядюшку, чтобы поверить в его сострадание.

— Бедная моя девочка, — вздыхал дядя Энтони. — Что тебе пришлось пережить! Но ты ведь сама виновата. Сама, Ева.

Его отнюдь не обескуражила недовольная гримаска на лице племянницы. Он подошел к ней.

— Ты неразумное дитя, Ева. Мы ведь все отговаривали тебя от этой поездки в Уайтбридж, но твоя гордыня не желает никому

покоряться. Поэтому я принес тебе книгу книг, в которой каждая женщина может почерпнуть дух смирения, покорности и благоразумия. Читай ее почаще, и всякий раз найдешь в ней ответ на то, что тебя тревожит. Чтение Библии возвышает душу.

С этими словами он положил на столик подле Евы увесистый том в кожаном переплете и величественным шагом удалился.

— Лицемер, — проворчала Ева сквозь зубы. — Ты ведь был бы только рад, если бы я погибла. Ибо я слишком хорошо тебя знаю, чтобы… Случись что с дочерьми Робсарта — вот был бы прекрасный повод для никчемного проповедника Энтони свалить своего популярного соперника Прейзгода!

Однако она взяла Библию в руки и раскрыла ее наугад. Как часто было принято в те времена, она искала в Писании нечто, что направило бы ее, помогло определиться. Библия оказалась раскрытой на странице «Книги притчей Соломоновых», и первая строфа, на которой остановился взгляд леди, гласила: «Сердце человека обдумывает путь свой, но Господь управляет шествием его».

Ева медленно перевела дыхание. Как и все, она была суеверной, и эта строфа оказала на нее странное воздействие. Будучи по своей натуре законченной эгоисткой и воспринимая все через призму собственных чаяний, Ева поняла эту строфу, как ей было удобнее. Разве это не знак свыше? И то, что таилось глубоко в ее сознании, о чем она боялась подумать, вмиг захлестнуло ее. Ведь это перст Божий: когда она была так разочарована и растеряна, судьба неожиданно свела ее с наследником престола, да еще при столь необычных обстоятельствах. Она посмотрела на свое отражение в зеркале. Напряженная, красивая, женственная — она вдруг напомнила себе военную лошадь, услыхавшую зов боевой трубы. Чего же она ждет? Разве это не ее шанс? Карл Стюарт здесь, совсем близко, и, возможно, подобного случая больше никогда не представится! Он, король-изгнанник, сейчас как никогда уязвим… и доступен. А ведь он всегда восхищался ею. Пленить короля, подчинить его, увлечь… Кто знает, к чему это может привести? О, она знает! Ей необходимо использовать эту возможность и женить его на себе. О своем женихе Ева почти не вспоминала. В конце концов, Стивена всегда можно придержать про запас.

Ева придирчиво оглядела себя. Разве она не хороша, чтобы свести с ума любого? Эти васильково-синие, бездонные глаза в обрамлении черных ресниц и тонких, будто прочерченных рукой умелого художника бровей, контрастирующих с золотым блеском волос, эти нежные щечки и красивые зубы, эти ямочки и особенно точеный, словно лепесток лилии, изящный носик. Ее дядя говорит, что такое лицо не может принадлежать добропорядочной женщине. Глупости! Она словно ангел. И вести себя будет как ангел. Она не даст понять Карлу, что узнала его. Он ведь так изменился! Да, она будет изображать саму невинность, воспылавшую чистым чувством к своему спасителю. Правда, Карл на пять лет моложе ее. Чепуха! Разве мало она старалась, чтобы сохранить облик юной девушки? Да она порой выглядит моложе сестры! Кожа у нее по-девичьи гладкая и белая, чистая линия подбородка, рот почти по-детски припухлый. Ева была довольна собой. Единственным своим недостатком она считала несколько короткую шею. Вот шейка Рэйчел… Ерунда, Ева всегда знала, как скрыть это и подчеркнуть свои прелести. А вот у Рэйчел не было ни малейшей фантазии и умения преподнести себя.

Она оглянулась. На каминной полке стояли часы с черненым серебряным циферблатом. Уже три часа. Следует поторопиться. Ей необходимо выглядеть просто сногсшибательно, чтобы и следа не осталось от той истерзанной женщины, какую Карл видел, уходя из церкви. Но — черт возьми! — она заметила, что понравилась ему и такой!

Ева принялась яростно трясти колокольчик.

— Нэнси!

Когда запыхавшаяся горничная вбежала в покой, Ева так и накинулась на нее:

— Где моя душистая пудра и ящик с румянами?! И быстренько нагрей щипцы для завивки. Мои волосы стали ни на что не похожи, их надо немедленно привести в порядок. Достань амазонку для верховой езды! Да не смотри так на меня, толстуха! Поторапливайся!

Горничная Нэнси давно привыкла к причудам своей госпожи и научилась угождать ей, однако и она терялась перед быстрыми перепадами настроения и постоянно меняющимися прихотями леди. Нэнси состояла при Еве уже давно, была ей слепо предана и знала почти все секреты госпожи. И сейчас она принялась вовсю стараться

для нее. Миледи добра и милостива, когда довольна, но может и поколотить, если что-то не так. Но все же Нэнси была обескуражена и потому, румяня Еву и завивая ей локоны, поглядывала на нее с удивлением. Что у той на уме? Ведь после случившегося ей следовало быть тише воды, носу никуда не выказывать и благодарить Бога за свое избавление.

Преображение Евы заняло часа полтора. Наконец она решила, что выглядит как должно. Подкрасив кармином губы, она подправила щеточкой брови и смахнула излишки пудры; затем оглядела спадающие вдоль щек волосы с легкой челкой на лбу и тугим узлом на затылке. Все. Она поправила последнюю складку на корсаже и, не сказав Нэнси ни слова, схватила шляпу с длинным пером и выскочила из комнаты.

Ева стремглав, перепрыгивая через ступеньки, сбежала по лестнице. Впереди уходил длинный сводчатый коридор, по которому в ее сторону двигались чем-то озабоченные младшая сестра и Патрик Линч. Управляющий был ирландцем по крови, служил Робсартам еще с тех времен, как лорд Дэвид был наместником Ирландии. Он был по-настоящему преданным слугой, впрочем, как и вся немногочисленная челядь Сент-Прайори. Предупредительный, хозяйственный, практичный Патрик Линч многое сделал для семьи. Но сейчас, глядя на его нахмуренные кустистые брови и растрепанные седые волосы, — а ведь Линч всегда так педантично аккуратен, — Ева поняла: что-то случилось. Да и Рэйчел выглядела взволнованной, даже испуганной. Оба они с удивлением посмотрели на нарядную, одетую в свой лучший костюм для верховой езды винно-красного цвета с золотым позументом Еву. Она оглядела их с независимым видом и демонстративно перекинула длинный шлейф через руку. Ей не хотелось, чтобы кто-то мешал ее планам, и своим поведением Ева подчеркивала: что бы ни произошло, ей и дела нет до их проблем.

Рэйчел приблизилась к сестре:

— О, Ева!.. Милая Ева…

— Успокойся, все уже позади. Ты дома. А мне нужно срочно уехать.

Рэйчел все же взяла ее за руку.

— Милая моя сестра, случилось нечто ужасное. Наш охранник Филип Блад… Его только что нашли. Он изуродован, растерзан… Это

не труп, а какие-то лохмотья.

— О нет! — выдохнула Ева. Она стала смертельно бледна, на миг все вокруг потемнело. Усилием воли Ева взяла себя в руки и машинально повернулась к окну, выводящему во внутренний двор. Там вдоль стены была установлена большая клетка. За толстыми коваными прутьями сидели, бродили и лежали около десятка устрашающего вида огромных псов. Когда наступала полночь, их выпускали в старинный парк замка, и никто в целой округе не решался ступить в его пределы. И сейчас Ева глядела на них и думала об ужасном проклятии, нависшем над Сент-Прайори.

— Ты слышишь меня, Ева? — раздался низкий грудной голос Рэйчел. — Это уже второй случай за последние два месяца. А ведь Филип Блад был охранником… Сильным, умеющим постоять за себя. Так больше не может продолжаться.

Ева с трудом проглотила ком в горле и кивнула:

— Конечно, Рэч. Я уверена, ты и мистер Линч сделаете все полагающееся. А я… Мне надо ехать. — Она вздохнула, натягивая перчатки, и заговорила уже спокойно: — Прошу тебя, пусть у нас сегодня будет отменный ужин, пусть Долл и Кэтти помоют пол в холле горячей водой со щелоком, чтобы убить запах затхлости, и прокурят все розмарином… — Ева весело подмигнула сестре. — В Сент-Прайори сегодня будут гости!

Огромные глаза Рэйчел изумленно расширились:

— О нет, Ева, ты не можешь…

Но своенравная красавица уже лихо надвинула шляпу и поспешила вниз. Рэйчел переглянулась с управляющим. Тот укоризненно покачал головой, нахмурился, и морщины на его лице обозначились еще резче. В следующий миг девушка кинулась за сестрой. Не менее легконогая, чем Ева, она догнала ее в каминном зале и, схватив сестру за плечо, развернула к себе.

— Нет, Ева. Это невозможно. Ты все понимаешь не хуже меня. — В голосе Рэйчел слышалась непреклонность.

Ева сердито прищурилась.

— Будет так, как я сказала! Остальное — твоя забота. Но я сегодня приведу в Сент-Прайори тех двух джентльменов, что спасли нас. Ты не можешь отказать им в гостеприимстве.

Лицо Рэйчел стало грустным.

— Ты понимаешь, что делаешь?

— А ты понимаешь? — зашипела Ева, сжав локоть сестры. — Неужели ты, наивная простота, не поняла, что эти двое — роялисты, спасающиеся после Вустера? Я узнала одного из них и могу в этом поручиться. А всех, кто там сражался, ловят и вешают. Где твоя благодарность, Рэйчел, раз ты можешь позволить случиться подобному? Вспомни, что произошло сегодня и чем мы им обязаны. Ведь Стив совсем не дурак, он поймет, кто они, и выдаст по долгу службы.

Теперь Рэйчел выглядела растерянной, но больше — расстроенной.

— Стивен не сделает этого, Ева. Наверное… — тихо добавила она, заметив усмешку сестры. — Но привезти их в Сент-Прайори?!

— Сент-Прайори — замок лорда-республиканца, — перебила ее Ева, — и здесь они будут в полной безопасности. Их не станут тут разыскивать. Даже Стивен не станет, если я этого захочу. Поэтому они сегодня же будут здесь. Я так решила, и так будет! — закричала она, и ее сошедший на визг голос гулко отлетел от высоких сводов зала.

Больше она ничего не добавила. Подхватив шлейф и сердито похлопывая себя по подолу хлыстом, Ева направилась к выходу.

Во дворе было пустынно, лишь у древнего постамента, где в старину стояло изваяние Девы Марии, возились, играя, спаниели Евы — штук пять или шесть. Завидев хозяйку, они радостно кинулись к ней, но она прошла мимо, словно не заметив своих любимцев. Подойдя к служебным постройкам, она увидела темноволосого крепкого парня, который надевал новые зубья на грабли. Ева окликнула его. Она не была столь непредусмотрительна, чтобы после сегодняшнего утреннего инцидента заявиться в Уайтбридж без охраны, а могучие мышцы и широкая спина этого молодца выглядели более чем внушительно.

— Эй, Джек Мэррот! Поди сюда, ты мне нужен.

Он оглянулся через плечо, и на его привлекательном, хотя и грубом лице появилась хитрая усмешка. Он не спеша отложил грабли и развязно подошел, вытирая руки о рубаху. Кажется, он собирался ее обнять, но Ева остановила парня, уперев хлыст ему в грудь. В последнее время Джек стал излишне самоуверенным, и хотя

временами Еву возбуждала его дерзость, сейчас она была настроена совсем иначе.

— Ну-ка, быстренько приведи себя в порядок и оседлай Мечту. Будешь сопровождать меня.

Ей казалось, что он возится неимоверно долго, и она, ожидая его, нервно прогуливалась вдоль фасада замка, теребя набалдашник хлыста. Потом остановилась, окидывая взглядом замок. Она оглядела его придирчиво и внимательно, словно давно не видела этих величественных стен. Да, она не любила отцовскую вотчину, но должна была признать, что Сент-Прайори производит подобающее впечатление.

Неожиданно ей пришло в голову, что Сент-Прайори, несмотря на старомодность и некоторую мрачность, — великолепный замок, богатый и внушительный. И сюда не стыдно приглашать гостя. Даже если это сам король.

Сзади по плитам зацокали подковы коней. Появился Джек, ведя под уздцы двух взнузданных лошадей — белого иноходца под дамским седлом для госпожи и пегого мерина для себя. Он был уже в ливрее дома Робсартов, синей с коричневым, на голове его красовалась черная шляпа с пряжкой на тулье. Пока леди ласково трепала по гриве лошадь и поправляла притороченные у седла пистолеты, он глядел на нее, с неприкрытой похотью. Он знал, зачем обычно бывал нужен госпоже, и, когда придерживал ей стремя, помогая сесть в седло, не удержался и жадно огладил ее по бедру.

— Ну, ты!

Леди Ева, кажется, сегодня не была расположена к его ласкам.

— Но почему, миледи? — Он недоуменно поднял брови. — Ваш женишок прибудет лишь к ужину.

Ева поудобнее перехватила хлыст. Мысли ее, казалось, витали далеко, и она торопилась.

— Скачи следом, Джек. Нам надо как можно скорее поспеть в Уайтбридж.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Небольшую гостиницу в Уайтбридже охраняли люди из милиции Стивена Гаррисона. Сделано это было лишь для того, чтобы никто из взвинченных Захарией Прейзгодом прихожан не посмел причинить двум вступившимся за дочерей Робсарта постояльцам неприятностей. Однако после разгона пуритан в церкви жители Уайтбриджа, похоже, успокоились и отсиживались по домам. Длинная мощеная улица выглядела бы почти пустынно, если бы не солдаты, собравшиеся у пивной. Расстегнув мундиры и держа пивные кружки в руках, они о чем-то переговаривались, порой бросая взгляды на гостиницу, где нескольким из них приходилось нести службу, оберегая приезжих.

— Никогда не думал, что кто-то из Гаррисонов окажется столь предупредителен к вашему величеству, — попробовал было пошутить Джулиан, но сама его манера говорить, сухая и чуть циничная, сделала шутку едва ли не упреком королю, который был вынужден сегодня любезничать с родичем одного из убийц его отца.

Но сейчас Карл никак не отреагировал на слова своего спутника. Задумчивый и молчаливый, он полулежал на своей узкой кровати, опершись спиной о стену, и машинально теребил в руках перчатку. Ноги в высоких ботфортах он вытянул через всю комнату, шляпу небрежно отбросил на пол. Сейчас Карл выглядел почти мрачным. И причиной стал его разговор с полковником Гаррисоном, который состоялся уже в гостинице.

Тогда Карл был еще возбужден после событий в церкви и почти весел. На вопрос Гаррисона, куда лежит их путь, он ответил, чуть гнусавя, по-пуритански, что они «всего лишь недостойные сосуды, посвятившие свои услуги делу истинной веры», и сейчас движутся по указанию родича Стивена в одно из близлежащих имений, однако они не должны говорить, куда именно. При этом он открыто и весело улыбался. Джулиана всегда поражало, как легко король мог улыбаться людям, особенно если учесть, что разговаривал он с человеком по фамилии Гаррисон.

Стивен, поняв из их слов, что эти двое путников давно не были в столице, поведал им последние новости. О том, что Оливер Кромвель после победы под Вустером возвратился в Лондон, где ему устроили

торжественную встречу, едва ли не схожую с триумфом древних завоевателей, и теперь господин Молчание[9] обосновался в Хемптон-Корте, а парламент издал постановление считать 3 сентября[10] Днем благоденствия. Рассказывал он о гибели под Вустером лорда Гамильтона, о чем Карл уже знал, а также о том, что схвачены и другие соратники Стюартов — Дэвид Лесли и лорд Ло-дердейл, а графу Дерби отрубили голову. Тогда Карл лишь произнес несколько подходящих цитат из Библии, но уже у себя в комнате разразился грубой площадной бранью, давая выход отчаянию. Он был в таком состоянии, что Джулиан, собиравшийся попенять королю за необдуманный поступок в церкви, предпочел помалкивать. Лорд уже понял, что, несмотря на легкомыслие Карла и его пренебрежение своим положением, король глубоко переживает все случившееся, и у него болит душа о каждом из павших соратников.

Сейчас Джулиан вспомнил случай, когда они с Карлом скрывались, пробираясь с поля боя, и были свидетелями, как круглоголовые ловили беглых роялистов и тут же вздергивали их прямо на сучьях деревьев. Один раз ему пришлось силой удерживать в кустах короля, когда тот едва не кинулся на солдат, которые собирались повесить его личного оруженосца. Тогда для Карла Стюарта все было бы кончено. Джулиан пытался урезонить короля, говорил, что он не простой смертный и что монарху следует вести себя иначе. Позже Карл заметил с присущим ему цинизмом, что он всего лишь король без королевства, а значит, просто человек, и уже стал привыкать поступать по-человечески. Именно эта человеческая слабость и толкнула его сегодня встать на защиту дочерей Робсарта и привлечь к себе всеобщее внимание. Джулиан считал подобную выходку, проявлением безрассудства и полного пренебрежения к тем, кто ради его августейшей особы рисковал всем, чтобы иметь надежду на возвращение Стюартов. По понятиям лорда Грэнтэма, король прежде всего должен оберегать свою особу, а уж потом думать о человеческих устремлениях. И он лишь сказал:

— О, сир, каким жестоким испытаниям подверглось сегодня ваше священное величество!

Карл ничего не ответил. На него нахлынул один из тех приступов меланхолии, какие все чаще случались с ним в последнее время. И хотя внешне он зачастую казался беспечным, внутри его царил холод и

мрак. Сколько бедствий обрушилось на него в годы его юности, сколько неудач он претерпел, сколько людей погибло ради него! Стоили ли его устремления всего этого?

Карл долго размышлял, не отдавая себе отчета во времени. Но в конце концов, устав от мрачных размышлений и желая избавиться от столь несвойственного ему уныния, он решил прибегнуть к наиболее простому способу — поспать.

Часа три крепкого сна вернули ему бодрое расположение духа. Однако он был несколько обескуражен, поняв по поведению своего спутника, что тот собирается в путь.

— Сейчас мы пообедаем, а затем постараемся получить у полковника пропуск, — сказал Джулиан, заметив недоуменный взгляд короля.

— И куда же мы двинемся? — почти равнодушно спросил Карл.

Джулиан перестал укладывать сумки и на миг задумался.

— По правде сказать, не знаю. Но одно мне ясно: чем скорее мы покинем это осиное гнездо, тем лучше. Думаю, нам следует найти какое-нибудь тихое пристанище, где я смогу оставить вас, а сам вернусь в Солсбери, чтобы связаться с лордом Уилмотом.

— Ехать в Солсбери сейчас небезопасно, — заметил Карл, и Джулиан был тронут участием в его голосе.

Однако выбора у них не оставалось. Не нравился Джулиану этот Стивен Гаррисон, тревожила предупредительность помощника шерифа и его проницательный взгляд. Этот полковник почти не глядел на короля, и лишь один раз, когда они уже поднимались по лестнице в свою комнату, Джулиан оглянулся и увидел, что тот следит именно за молодым королем. Это длилось лишь мгновение, но именно в момент, когда в лице полковника не было сдержанной учтивости, Джулиан заметил, каким мрачным и сосредоточенным был Стивен Гаррисон.

Когда он поделился этими опасениями с королем, Карл лишь пожал плечами:

— Делай, как знаешь.

Он уже привык полагаться во всем на лорда Грэнтэма. Это соответствовало его натуре, в которой львиную долю занимала природная лень. Однако за этой ленью скрывались и своеобразная мудрость, и природный фанатизм, и вера в будущее.

Джулиан вышел. Карл хотел было предаться каким-нибудь приятным воспоминаниям, но у него пошла носом кровь. Это с ним случалось довольно часто, поэтому сейчас он спокойно намочил платок в тазу с водой и приложил к переносице. Полежав немного, он встал и, все еще держа платок у лица, выглянул в окно. Джулиан Грэнтэм беседовал со Стивеном Гаррисоном. Карл видел, как полковник согласно кивнул, и собеседники учтиво коснулись полей шляп в знак приветствия. Видимо, договорились.

Когда Джулиан вернулся, сказав, что лошади оседланы, Карл лишь молча взвалил дорожные баулы на плечо.

— Этот Гаррисон весьма учтив, — заметил Джулиан. — Ни о чем особо не спрашивал, даже предложил нам своих людей в сопровождающие, но не настаивал, когда я отказался.

— Да, — кивнул Карл, — и признаюсь, я его даже понимаю. Какой ему смысл возиться с нами, когда его ждет такая невеста!

Джулиан лишь хмыкнул.

Когда они выехали из Уайтбриджа, часы на колокольне показывали четверть пятого. Они миновали городские посты и не спеша двинулись по ведущей через пустошь грунтовой дороге. Никакой особой цели у них не было, и они ехали не спеша. Через милю путники миновали небольшой поселок, где под напором ветра слабо вращались крылья ветряной мельницы. Дальше простиралась открытая, чуть волнистая равнина, поросшая вереском и дроком. Выглянуло солнце, и теплый ветер трепал поля шляп всадников, спутывал гривы коней.

Чем-то суровым и романтичным веяло от этих мест, но кровавая действительность недавних времен нет-нет да и напоминала о себе. Пару раз они миновали разрушенные усадьбы, глядевшие вдаль пустыми глазницами окон господских домов. Сейчас здесь все густо поросло травой, а ведь когда-то эти поля были плодородной пашней! Порой попадались одинокие хижины, вокруг которых паслись тощие овцы и коровы. Лишь один раз им повстречался прохожий, седой крестьянин, за которым бежала собака. Крестьянин сумрачно посмотрел на всадников, но по укоренившейся привычке стащил с головы шляпу.

Они почти не разговаривали. Полускрытая разросшейся рыжей травой дорога вела, казалось, в никуда. И от этого настроение не

улучшалось. Слушая приглушенный перестук копыт, Джулиан из-под полей шляпы оглядывал окрестность, ожидая увидеть какое-либо подходящее пристанище, сохранившуюся усадьбу роялистов, где бы он мог оставить короля. Правда, был еще один план. Они находились недалеко от города Эймсбери, где могли остановиться на любом постоялом дворе. Но едва он открыл рот, чтобы поделиться своими соображениями, как Карл вдруг оживился и, указывая на что-то рукой, пришпорил коня.

— Поехали, Джулиан. Это Стоунхендж. Я давно хотел там побывать.

Даже Джулиан был поражен, просто онемел, когда они подъехали к этому циклопическому каменному кольцу в центре великой равнины. Массивные, грубо обтесанные столбы четко вырисовывались на фоне синевы осеннего неба. Они стояли двумя кругами, и некоторые из них были соединены вверху поперечными плитами, словно древние проемы арок когда-то существовавшего здесь жилища неведомых богов. Камни стояли здесь давно, всегда. И само одиночество, окружавшее их среди бескрайних просторов, казалось, переполняло сердце немым благоговением.

Всадники медленно объехали вокруг этого гигантского каменного кромлеха[11]. Стоячие камни отбрасывали в лучах заходящего солнца длинные черные тени. Оставив лошадей пастись, они прошли во внутренний круг кольца. Даже воздух здесь был словно другим, и своенравный ветер, казалось, не решался проникнуть сюда. Путники молча стояли там, где, по преданиям, еще до вторжения римлян в Британию, древние жрецы-друиды совершали свои таинственные обряды.

— Потрясающе! — невольно вырвалось у Джулиана, и он даже перекрестился.

— Еще бы! — согласился Карл. — Говорят, покуда стоят столбы Стоунхенджа, Англия будет незыблема, как они. И когда я гляжу на них, — он, как холку коня, любовно огладил один из каменных колоссов, — я невольно горжусь, что это моя страна.

Тут какая-то мрачная мысль пришла ему в голову, он нахмурился, и на его лице резче обозначились морщины у крыльев носа. Однако Карл сразу взял себя в руки и шутливо добавил, что существует предание: если считать камни, то их количество постоянно меняется.

Он тут же принялся пересчитывать глыбы, но вскоре сбился, засмеялся и стал рассказывать, что и теперь окрестные жители, когда происходит какое-то необычайное событие, сходятся сюда, как в старину друиды. Ведь это место величественно и необычно само по себе. Стоунхендж еще называют «Пляской висячих камней» или «Пляской гигантов», ибо, по легенде, эти камни заколдованы магом Мерлином. Это гигантские исполины, которых он зачаровал, когда они собрались в круг для исполнения своих воинственных танцев.

— Да, мне стыдно, что я, король Англии, впервые оказался здесь, ибо Стоунхендж, несомненно, гордость этого острова.

Он о чем-то задумался, подошел к одному из поваленных каменных колоссов и сел на него, обхватив колено. В наступившей тишине было слышно, как позвякивают уздечки пасущихся невдалеке коней. Джулиан стоял как зачарованный. Это пустынное место, эти каменные колоссы, стоявшие кругами, не могли не потрясать воображение. Даже в атмосфере Стоунхенджа витало что-то неизъяснимо волнующее и притягательное. Грэнтэм едва осмеливался дышать. Казалось, нечто незримое пристально следит за ним. Седая древность? Души умерших друидов? Тени жертв, принесенных здесь? В отличие от уже пережившего первое потрясение короля, он словно глубже ощущал это и невольно вздрогнул, услышав беспечный голос своего венценосного спутника:

— А ведь лорд Дэвид Робсарт наверняка неоднократно бывал здесь. Ибо Робсарты — владельцы доброй половины земли в этих местах.

Джулиан будто очнулся. Знакомое имя из сегодняшнего дня отвлекло его от почти мистических мыслей.

— А этот Робсарт… Что он такое?

— Загадка, — спокойно ответил Карл, и это слово заставило лорда вздрогнуть.

Король заметил его удивленный взгляд и чуть улыбнулся:

— Робсарты всегда были могущественны и богаты. А отец нынешнего лорда изрядно приумножил свое состояние, женившись на дочери французского банкира Болье. И при моем отце Робсарт слыл одним из самых значительных пэров Англии. Поэтому первая его загадка в том, почему он примкнул к Нолу, этому антилорду, ненавидящему всех аристократов.

Джулиан презрительно хмыкнул:

— В нем, видимо, заговорила его плебейская кровь. Ведь по матери он просто Болье.

Карл чуть оттопырил губу, покосился на Грэнтэма.

— Как давно вы в Англии, милорд?

— Около трех лет.

— И все время ты жил на севере, где так сильны древние традиции почитания лордов-дворян и где аристократия является чем-то старинно привилегированным, особым. А до этого ты жил во Франции, где дворянин, даже разорившийся, считает ниже своего достоинства пожать руку лавочнику, а саму торговлю почитает делом позорным, недостойным его рода. Здесь же, в Англии, дворяне не только не гнушаются участвовать в торговле, но сплошь и рядом являют пример удачной коммерции. Поэтому если сын виконта или даже герцога добивается руки дочери богатого торговца, то его отец в этом не видит ничего зазорного. Грань, отделяющая лорда от знатного торговца, очень тонка, и наши лорды зачастую отдают своих младших сыновей на обучение в купеческие дома, чтобы те впоследствии смогли открыть свое дело и обогатиться.

— Поэтому ваши буржуа и возомнили о себе столь много, — с усмешкой заметил лорд Грэнтэм, — что даже решились судить помазанника Божьего.

Он осекся, поняв, что коснулся запретной темы, но уж слишком его задело то, как небрежно и снисходительно говорил король о вопиющем, по мнению Джулиана, мезальянсе.

— Вторая загадка Робсарта, — спокойно продолжал Карл, — заключается как раз в том, что мой августейший родитель в одном из попавших ко мне на континенте писем неожиданно просил меня быть добрее к несчастному Дэвиду Робсарту. Я долго ломал голову над этой строкой. Отчего отец вдруг заступается за своего врага, генерала «круглоголовых», который сражался против него при Марстон-Муре и Нэйсби? Правда, потом Робсарт ушел из армии, но возглавил Вест-Индскую компанию и трудится не покладая рук во благо проклятого Кромвеля. Отчего же, черт побери, отец считал его несчастным и просил за него? Есть и еще одна загадка Робсарта… О, мне было лет восемь, когда я увидел нечто, поразившее мое детское воображение. Однажды я услышал громкие стенания в кабинете моей матери, а так

как я был любопытен, да к тому же любил подслушивать и подглядывать — да-да, мой дражайший Джулиан, и этот порок был мне присущ, — то я подкрался к двери и заглянул в замочную скважину. И что же я увидел? Моя мать стояла на коленях перед лордом Робсартом и, ломая руки, молила его простить ее. Представь, гордая, надменная Генриетта-Мария валялась в ногах у лорда Робсарта и умоляла о снисхождении!

Этого Джулиан, хорошо знавший королеву, не мог представить.

— А что Робсарт? — тихо спросил он.

Карл отбросил травинку, которой все время вертел в руках.

— Он оставался непреклонен. Сказал лишь, что ее величество нанесла ему такую рану, от которой он никогда не оправится, и ушел. А мать еще долго сидела на полу и всхлипывала. Но самое странное, что после она тоже заступалась за Робсарта.

— Да он сам дьявол! — зло процедил сквозь зубы Джулиан. Глаза его холодно сверкнули. — Подумать только, и я состою в родстве с этим человеком!

Брови Карла удивленно приподнялись. Джулиан отвел взгляд:

— В очень дальнем родстве, сир. Одна из рода де Бомануаров, моя троюродная кузина, была замужем за ним. Это был несчастливый брак, — добавил он тише.

Король чуть кивнул, сбивая пыль с отворотов ботфортов.

— Кажется, я понимаю, о чем ты говоришь. Робсарт был женат трижды, и каждый раз на иноземках. Первый раз — на ирландке, второй — на француженке, твоей родственнице, и напоследок — на испанке. Все три католички, между прочим. А вот сам он стал пуританином. Зато его дочь… — Карл мечтательно улыбнулся. — В ней пуританского нет ни на йоту.

Какое-то время они молчали. Карл глядел вдаль. Джулиан наклонил голову, поправляя шляпу:

— Думаю, сир, нам надо ехать. И тронемся мы в сторону…

— Силы небесные! — вдруг прервал его король. — Взгляни, Джулиан. Ты видишь? — Он даже забрался на камень и куда-то указал рукой.

Джулиан вгляделся в даль. Это было красивое зрелище. В лучах заходящего солнца по гребню отлогого холма стремительно неслась всадница на белом коне. Она правила им с удивительной ловкостью,

чуть откинувшись в седле; ее посадка отличалась удивительной грациозностью, алые перья на широкополой шляпе развевались, пламенея огнем в лучах заката. Далеко позади нее скакал еще один всадник, но все внимание беглецов было приковано лишь к прекрасной амазонке.

— О перст Божий! — воскликнул Карл и заулыбался. — Ставлю свою голову против дырявого пенни, что эта красавица — Ева Робсарт!

А Джулиан проворчал тихо:

— Помяни дьявола, он и появится.

Он явно не ожидал ничего хорошего от предстоящей встречи. То, что всадница их заметила, не оставляло сомнений. Она вдруг резко осадила лошадь так, что та встала на дыбы и заржала. Сдерживая ее, Ева Робсарт глядела на двух мужчин в кругу Стоунхенджа, а потом поскакала к ним через открытое пространство.

— Нам лучше уехать, ваше величество, — коснулся локтя короля Джулиан. — Ведь уже ясно: где эта дама, там неприятности.

Но король только улыбнулся:

— Я не пуританин, чтобы избегать встречи с красоткой. И пуританство, черт возьми, отнюдь не подходящая религия для джентльмена с моими вкусами.

Меж тем Ева Робсарт приблизилась и остановила лошадь в проеме гигантской каменной арки. Карл во все глаза глядел на нее. Она показалась ему сейчас еще одним чудом Солсберийской равнины. Ее яркая длинная юбка сбилась на *круп* лошади и сверкала золотыми нашивками в лучах заката. От быстрой езды щеки Евы разрумянились, тонкие ноздри трепетали. Высокая грудь бурно вздымалась под сукном плотно облегающего ее стан жакета. Из-под изящно сдвинутой набок широкополой шляпы выбивались слегка растрепанные золотые кудри, пушистой массой обрамлявшие нежное красивое лицо. Конь, разгоряченный скачкой, нетерпеливо бил копытом, переступал ногами, вскидывая голову, но миниатюрная наездница справлялась с ним без особого труда.

Она чуть улыбнулась:

— Говорят, среди колонн Стоунхенджа происходят удивительные вещи. И право, я была удивлена, увидев вас здесь. Я думала, что вы все еще пребываете в Уайтбридже.

— А мы думали, что после сегодняшнего инцидента вы не решитесь путешествовать всего с одним сопровождающим, — заметил Карл, кивнув в сторону подъезжающего крупной рысью охранника Евы.

Она оглянулась, жестом велев тому оставаться в стороне, и вновь мило улыбнулась Карлу. У короля даже перехватило дух, так она была дивно хороша.

— Вы очень храбрая девушка. Вы не устрашились разгневанных прихожан в церкви, а теперь, несмотря на наше неспокойное время, путешествуете по равнине, где, как я слышал, орудует не одна шайка разбойников, для которых вы можете стать легкой добычей.

Ева Робсарт лишь слегка пожала плечами.

— Смею вас заверить, я ни для кого не с тану легкой добычей. — И она огладила рукой в узкой алой перчатке рукояти двух притороченных к седлу пистолетов. — Я довольна, что совершила верховую прогулку, которая подарила мне еще одну встречу с моими храбрыми спасителями. Мне хотелось бы еще раз выразить вам безграничную признательность. О, я еще издали заметила вас и узнала. В здешних краях редко встретишь двоих столь высоких мужчин.

— Стивена Гаррисона, к примеру, — иронично заметил Джулиан.

Но Ева лишь рассмеялась:

— Я вижу достаточно хорошо, чтобы не спутать вас с полковником Гаррисоном, к тому же достаточно проницательна, чтобы разглядеть под вашими темными одеждами сердца истинных роялистов.

Карл и Джулиан переглянулись с тревогой, но Ева невозмутимо продолжила:

— Добавлю еще, что я не настолько болтлива, чтобы выдать тех, кому, во-первых, обязана своим спасением, а во-вторых, делу которых искренне сочувствую.

И снова повисла напряженная тишина. Путники не опровергали сказанного Евой, но выжидали, как далеко зайдет ее догадливость, и не признается ли она в том, что узнала короля.

Ева, будто прочитав их сомнения, заметила с улыбкой:

— Я никогда не встречала вас при дворе, но ошибиться не могу. Вы беженцы из-под Вустера, и это столь же очевидно, как то, что столбы Стоунхенджа простоят еще не одну сотню лет. И я понимаю,

что вам опасно сейчас, когда кругом рыскают ищейки носатого Кромвеля, продолжать свой путь по столь преданному республике краю.

— Не можем же мы перенестись отсюда на крыльях, — сухо заметил лорд Грэнтэм. — И нам остается только молить Всевышнего, чтобы наши враги не были столь догадливы, как вы, миледи.

Карл немного вышел вперед и положил руку на уздечку ее лошади:

— Клянусь истинным спасением, миледи, нам отрадно встретить вас, и так как вы узнали, кто мы, то и мы, в свою очередь, готовы высказать свое восхищение и заметить, что в наше время, полное суровых предрассудков, приятно встретить женщину, которая не боится бросить пуританам в лицо все, что она о них думает.

Его глаза так и сверкали восхищением; Ева чуть потупилась и мило покраснела.

— О, сэр…

— Трентон. Чарльз Трентон, миледи.

— Что ж, сэр Трентон, тогда и я скажу, что рада, что вы уже покинули это осиное гнездо Уайтбридж. Истинным роялистам там небезопасно. Но раз уж мы с вами так неожиданно встретились, то я нижайше прошу вас принять мое предложение и погостить немного в нашем замке Сент-Прайори, что в двух милях западнее отсюда.

Джулиан не видел лица короля, но даже по его спине понял, что тот согласен окончательно и бесповоротно. И все же лорд Грэнтэм попытался вежливо отказаться.

— Мы рады встретить сочувствие и поддержку в лице столь очаровательной и храброй леди. Однако, насколько нам известно, вы дочь Дэвида Робсарта, а он приверженец лорда-протектора.

Ева на миг скорчила очаровательную гримаску и пожала плечами:

— Пусть это вас не беспокоит. Моего отца сейчас нет в замке и, похоже, долго еще не будет, так как он отбыл в торговую экспедицию за море. Он ведь считает, что работа в Вест-Индской компании очень важна для страны.

Это была ложь, так как ее отец уже вернулся в Англию. Но она солгала прежде, чем подумала, и сейчас, пряча невольную растерянность, склонилась в седле, потрепав гриву коня. Когда она выпрямилась вновь, то заметила в глазах мужчин тревогу и недоверие.

Особенно у красавца с ледяным взглядом. Она почувствовала, что теряется перед ним, и поспешила встретиться глазами с королем. Он был далеко не так хорош, как его спутник, но ее согревало тепло его взгляда, которое словно обволакивало ее.

Однако теперь вперед вышел именно красавец, под опекой которого, видимо, находился Карл Стюарт.

— Мы благодарны вам, миледи, и ничуть не сомневаемся в искренности ваших намерений.

— И в искренней радости моей сестры Рэйчел, — поспешно вставила Ева и вновь поглядела на Карла. — Она будет просто счастлива, если я вернусь со своими храбрыми спасителями. Однако даже ей я не скажу, что вы за короля.

Высокий красавец чуть кивнул, и на лице его впервые за это время промелькнула тень улыбки.

— С кем еще предстоит нам встретиться в вашем замке? Ведь не может же лорд Робсарт оставить своих дочерей на столь длительное время без присмотра.

Для себя Ева отметила лишь, что они почти согласны. И внутренне возликовала.

— О, там еще наши дядя и тетя. Дядя Энтони Робсарт поселился сравнительно недавно. К сожалению, он стал явным приверженцем республики и пресвитерианцем самого строгого толка. Однако он ни разу не был при дворе и не сможет опознать… — Она осеклась, но спешно добавила: — Он просто недостаточно наблюдателен, чтобы отличить роялиста от круглоголового. А тетушка Элизабет Робсарт…

Опять последовала пауза. Почему-то Ева меньше всего думала, что тихая тетушка Элизабет может помешать ее планам укрыть в замке короля. Однако тетушка бывала при дворе и не раз видела Карла, тогда еще принца Уэльского. Но ведь Карл так изменился с тех пор! И она решительно добавила:

— У леди Элизабет Робсарт забавное прозвище — «невеста стариков», так как она не единожды была помолвлена и всякий раз с особами почтенного возраста. Сейчас она уже дама в летах, зрение ее весьма ослабло, как и память. Если она и видела кого-то из вас, джентльмены, ранее, то полагаться на ее память все равно, что искать иголку на Великой равнине. Так что если мы выдадим вас за посланцев парламентских комиссаров, прибывших откуда-то с запада к лорду

Робсарту и задержавшихся в ожидании его, это ни у кого не вызовет сомнений.

Карл переглянулся с Джулианом, и последний, извинившись перед Евой, отвел Его Величество в сторону.

— Не нравятся мне все ее увертки и оговорки. Вы что, и в самом деле встречались ранее с ее тетушкой? — прошептал Джулиан.

— Когда я был еще мальчиком, она уже была почтенной дамой и вряд ли распознает в бородатом пуританине принца Уэльского. Ведь не узнала же меня сама Ева.

— Вы в этом уверены?

— Думаю, ей было бы лестно оказать гостеприимство не обычному кавалеру, а королю. — И он через плечо Джулиана взглянул на раскрасневшуюся амазонку.

Ева смотрела на него с улыбкой, которая цвела восхищением. Конечно, он проигрывает во внешности Джулиану, но ведь именно он кинулся на ее защиту сегодня, а женщины просто обожают своих спасителей, мелькнула мысль у Карла.

— В конце концов, — раздраженно добавил он, вырывая локоть из руки удерживавшего его Джулиана, — леди Ева предложила нам именно то, в чем мы нуждаемся, — надежный приют. Никому не придет в голову, что Карл Стюарт станет скрываться в замке республиканца Робсарта. К тому же, сэр, — и голос короля стал сух, — я думаю, мы поступаем невежливо, заставляя леди так долго упрашивать нас. Мы просто не можем отказаться от ее любезного предложения. В котором, кстати, столь нуждаемся. — И король решительно направился к Еве.

Карл склонился к ее руке с излияниями благодарности. Джулиан лишь пожал плечами и пошел за лошадьми. Он знал: король, подобно охотничьей гончей, учуяв запах добычи, уже не может остановиться. К тому же в словах Карла был резон: Ева предложила им именно то, в чем они нуждались, — укрытие.

Лорд Грэнтэм не спеша ехал за непринужденно беседующими королем и Евой. Впереди, возглавляя их небольшую кавалькаду, двигался охранник, который порой оглядывался и одаривал короля недоброй ухмылкой. Ева мило щебетала, Карл смеялся и расточал ей комплименты. Но сам Джулиан был угрюм. Что-то не нравилось ему в Еве Робсарт. Нет, безусловно, он находил ее красивой, обворожительно

красивой, однако ее красота казалась ему вызывающей, почти агрессивной, в ней даже на расстоянии ощущались чувственность и необузданная страсть. Конечно, королю с его неуемным сластолюбием трудно не подпасть под власть чар подобной женщины.

Джулиан невольно прислушался к словам Евы. — Вы и представить себе не можете, сэр Чарльз, как все изменилось в этом краю с приходом к власти пресвитериан. Раньше мы умели веселиться, у нас были прекрасные праздники — майские, рождественские, когда мы украшали дом падубом и плющом и танцевали до угра. Конечно, это нельзя сравнить с придворными торжествами, однако все же было весело. Теперь же мы окутаны пеленой страха. Одеваться надо лишь угрюмо-пристойно; церковь посещать регулярно, молиться по четыре раза в день и думать только о конце света. А произвол властей? Где в Библии сказано, что надо убивать медведей и сворачивать головы бойцовым петухам? Они даже издали указ, чтобы арестовывать лошадей, которые паслись в воскресенье, и удерживать их до понедельника.

Король громко расхохотался, и смех Евы вторил ему, словно серебряный колокольчик.

— Но вы-то сами не больно придерживаетесь этих правил? — заметил Карл, окидывая взглядом роскошный наряд Евы.

— О да! — она вскинула голову. — Я роялистка до мозга костей, ибо никогда не признаю власть тех, кто говорит, что радоваться — это грешно. А сами-то… — она даже передернула плечами. — Была я при новом дворе господина Молчание и скажу: все это лишь жалкое подобие того, что я видела при монархии. Однако сколько же лицемерия и притворства при этом!

— Так вы бывали и при дворе Стюартов? — негромко спросил Карл, не спуская глаз с точеного профиля Евы.

Она кивнула:

— Я состояла в услужении у королевы, была одной из ее фрейлин.

— И, видимо, многих знали?

Опять кивок:

— Почти всех, кто был приближен к их величествам.

— А помните ли вы принца Уэльского?

Джулиан напрягся, он счел это грубым ходом, хотя сам с нетерпением ждал, что скажет Ева.

— Его высочество? — Ева чуть повернулась к королю. — Конечно, я его отлично помню. Этакий смуглый ребенок, некрасивый, но веселый и полный обаяния. По-моему, я ему нравилась. Как всякая пригожая леди, разумеется. Но я-то ведь тогда была очарована принцем Рупертом и никого не замечала. А Карл Уэльский… Помню, я кормила его леденцами. Бедный Карл Стюарт!.. Ходили слухи, что он погиб, и я даже плакала из-за этого.

— Нет, он жив, — заметил король.

— И слава Богу, — улыбнулась Ева. — Правда, теперь он изгнанник, король без королевства. Однако я свято верую, что когда-нибудь он вернет отцовский трон, и не перестаю молить об этом небеса.

Ева достойно вынесла испытание. Джулиан видел, как напрягшиеся было плечи короля расслабленно опустились. Он даже украдкой обернулся к Джулиану и подмигнул. Джулиан тоже перевел дыхание. Однако тревога не проходила. Почти инстинктивно, словно нутром, Джулиан ощущал в Еве Робсарт какую-то фальшивость, и это вселяло в него опасения. Сегодня в церкви он счел ее поведение глупым и вызывающим, теперь она вела себя приветливо и разумно. Что-то здесь не вязалось, и лорд Грэнтэм был все время настороже.

Они подъехали к Сент-Прайори, когда солнце уже заглядывало за кромку горизонта, а на востоке стали сгущаться темно-синие вечерние облака, озаренные блеклым ликом луны и ранними звездами. Местность сделалась более живописной и обжитой, стали попадаться селения в буковых рощах, слышалось мычание возвращавшихся к домам коров и щелканье кнута пастуха.

Сент-Прайори возник, когда они миновали небольшой холм. Замок был расположен не на возвышении, а в небольшой низине, и его окружало несколько больших сел. Высокие каменные столбы, являвшиеся, по сути, изувеченными древними распятиями, указывали дорогу к замку. Сент-Прайори, полузамок, полумонастырь, безусловно, впечатлял и казался одновременно и грозным, и роскошным. А главное, он был расположен в стороне от широкого тракта, который вел на север от Солсбери.

Замок стоял посреди громадного парка, почти леса, над которым возвышались его внушительные башни и унизанные флюгерами кровли. Всадники спустились с холма и, миновав узкий проезд между

двумя большими прудами со стоячей водой, подъехали к чугунным воротам с виньетками и позолоченными остриями — дань новой моде. Эти роскошные ворота казались здесь даже не к месту, так как их со всех сторон окружала, примыкая с двух сторон, массивная каменная стена.

Ворота как раз были открыты, и из них выходила довольно значительная группа людей, все мрачные, хмуро бросавшие взгляды на всадников.

— Это наши поденщики, — пояснила Ева. — Они никогда не остаются на ночь в замке. Это приказ отца.

Она о чем-то переговорила с вышедшим из сторожки привратником. Говорила тихо, но до короля все же долетела фраза — «отпевание окончено».

— В замке кто-то умер? — спросил Карл. — Может, мы не вовремя?

Но Ева уже направила коня в ворота.

— Для посланцев комиссаров наш дом всегда открыт, — многозначительно сказала она и через минуту будничным голосом добавила: — Умер наш слуга. Несчастный случай — его растерзали псы отца.

Король почувствовал себя неуютно. Да и сама атмосфера, когда они въехали в парк, словно придавила плечи. Здесь меж деревьев уже царили сумрак и тишина. Они словно попали в какой-то иной мир, таинственный и безлюдный, что столь не свойственно для крупных поместий. Аллея к замку была не прямой и все время петляла. Казалось, замок должен был возникнуть за следующим поворотом, но его все не было, и путников окружали те же могучие деревья. Хотя подъездная дорога была широкой, посыпанной гравием и ухоженной, а вдоль нее на всем протяжении росли стройные ели, они служили словно оградой, а за нею простирались заросли давно не расчищаемого парка. Тихое, безлюдное, дикое место, совершенно не соответствующее живому характеру их проводницы.

Наконец за очередным поворотом аллея выровнялась, как стрела; в просвете поредевших деревьев показался сам замок.

Он действительно впечатлял. Картина здесь менялась: мощеный двор, газон перед замком, еще зеленый и ровно подрезанный с пирамидально остриженными пихтами по всему парапету. Последние

лучи солнца горели огнем в больших готических окнах. И всюду царило безмолвие и пустота. Разве что мальчик-конюх подбежал к ним и принял поводья коней.

Слуг они увидели лишь в холле: человек пять-шесть мужчин и четыре женщины в чепцах и передниках. Если это и вся прислуга, то их удивительно мало для столь большого поместья.

Король Карл невольно присвистнул, оглядывая холл. Какая роскошь! Холл был очень высок, и в его стрельчатых арках над головой еще чувствовалось что-то монастырское. Но это каменное кружево розеток и капителей колонн не утратило своей привлекательности, несмотря на старомодность. Пол был выложен светлыми мраморными плитами, стены в человеческий рост покрыты деревянными резными панелями, а выше выбелены до слепящей белизны и украшены начищенным до блеска оружием, старинными кирасами, меж которыми красовались и охотничьи трофеи — растянутые меховые шкуры, искусно выделанные чучела: головы оленей с ветвистыми рогами, ощетинившиеся клыками вепри и оскаленные морды волков. Вдоль стен стояли высокие кованые канделябры искусной работы с пучками длинных белых свечей, а скамьи и столы, хотя и массивные, были украшены затейливой резьбой с прекрасными инкрустациями из олова и перламутра. Несмотря на торжественность, холл казался светлым и приветливым. И все же отпечаток суровости лежал и на нем. Возможно, причиной тому были пустота и тишина, надежно воцарившиеся в замке, а может, именно его средневековый облик внушал гостям неясное беспокойство.

Но Ева уже увлекла их в следующий зал, у створчатых дверей которого, как безмолвные стражи, застыли две латные фигуры из начищенных до блеска доспехов со скрещенными на рукоятях мечей стальными перчатками и опущенными забралами. Едва миновав их, гости оказались в еще одном зале, точнее галерее, с большими трехстворчатыми окнами с одной стороны и рядом фамильных портретов в позолоченных рамах на противоположной стене. В огромном камине полыхал огонь, и, возможно, именно из-за его неровного освещения создавалось впечатление, что лица на портретах бросают на гостей внимательные взгляды. Возле одного из них Карл замедлил шаги.

— А это, если не ошибаюсь, и есть барон Дэвид Робсарт?

Ева утвердительно кивнула и тоже повернулась к портрету. На темном фоне был изображен красивый мужчина, на лице которого лежала печать благородной гордости. Он был одет в стальной нагрудник кирасы, его белокурые, завитые в длинные локоны волосы ниспадали на отложной ван-дейковский воротник из тонкого кружева.

Рядом с ним висели еще три портрета — по-видимому, жен барона Робсарта. На одном из них была изображена улыбающаяся женщина в старомодном костюме со стоячим воротником и высоко заколотыми золотыми колечками волос. Второй изображал надменную даму с открытым декольте, темными волосами и челкой в виде запятой над изогнутыми бровями. У этого портрета Джулиан несколько задержался, поняв, что это и есть женщина из рода Боманауров — вторая жена лорда Робсарта. А на третьем была изображена испанка — туго накрахмаленные брыжи ее воротника оттеняли матово-смуглый оттенок кожи, в темных, короной возлежавших волосах алела свежая роза.

— Ваш отец выбирал себе в супруги удивительно красивых женщин, — заметил король.

Ева не ответила, так как на лестнице как раз появилась Рэйчел.

— Рада приветствовать вас в отчем доме, джентльмены, — склонилась она в реверансе. — И раз уж нам предстоит доставить нашим спасителям кров, то смею заверить, ничто нам с сестрой не сулит большей радости.

В ней чувствовалась открытая юношеская искренность без тени кокетства, а милая улыбка была ласковой и приветливой — доброй улыбкой любящей сестры. От этого у путников вмиг рассеялось то несколько напряженное настроение, какое владело ими с того момента, как они оказались в Сент-Прайори, и им стало легко и по-домашнему уютно.

Джулиан первый подошел и приложился к руке Рэйчел Робсарт, чем несколько удивил короля.

— Со своей стороны мы надеемся, что наше пребывание в Сент-Прайори не будет навязчивым и мы не причиним вам неудобств.

— О нет, что вы, — поспешно заявила Рэйчел и даже чуть пожала руку Джулиану. О, эта сельская простушка совсем не была знакома с правилами этикета, но ее искренность просто очаровывала. — В Сент-

Прайори нечасто заезжают гости, и мы будем вам даже признательны, если вы разделите с нами наше тихое одиночество.

«Что-то во всем этом не так, — подумал Джулиан. — Уединенный замок, где никто не бывает, малочисленная прислуга, запущенный сад. В этом месте словно скрыта какая-то тайна».

Но под теплым лучистым взглядом карих глаз Рэйчел Робсарт он не мог предаваться мрачным мыслям. Интересно все же, узнает ли она его? Он стоял почти спиной к камину, и вряд ли она могла как следует разглядеть его. Хотя на какой-то миг ему показалось, что на лице Рэйчел промелькнуло озадаченное выражение, но ее тотчас отвлекла сестра, и девушка подошла к ней.

Удивительно, как не схожи меж собой были две дочери барона Робсарта. Ева с ее сверкающими золотом кудрями, задорная и элегантная, и смуглая, гораздо выше сестры, брюнетка Рэйчел. Почему-то Джулиан вспомнил, как сегодня в церкви кто-то назвал ее ведьмой Робсартов. Такая милая девушка… Хотя эти темные бездонные глаза и казались необычными, а в манере вести себя чувствовалась твердость, но залогом этой твердости была простота, и Джулиан даже возмутился за девушку. Как они смели так обозвать ее! Негодные плебеи!

Одета Рэйчел была в местных традициях, почти по-пуритански. Ее волосы покрывал плотно прилегавший чепец из беленого полотна, тщательно скрывавший густые черные кудри, которые Джулиан успел заметить сегодня в церкви. Такой фасон головного убора мог обезобразить любую женщину, но Рэйчел он шел, несмотря на некоторую неправильность черт ее лица. Платье было нарядное, но строгое, из темно-серого бархата с пышными рукавами и широким, ложившимся на плечи воротником из белоснежного полотна, обшитым тонкой кружевной тесьмой. Такой же тесьмой были украшены и манжеты. На руках Рэйчел Джулиан задержал взгляд и невольно нахмурился. Тонкие, красивой формы, они покраснели и обветрились от домашней работы. Неужели этой девушке приходится работать, словно простой служанке?

Она, кажется, заметила этот неодобрительный взгляд и, поспешив спрятать руки в складках юбки, повернулась к сестре.

— Я уже все приготовила, как ты велела. Для джентльменов отведены две комнаты в западном крыле.

Джулиан оглянулся на короля. Тот чуть нахмурился. У обоих мелькнула одна и та же мысль: Ева Робсарт заранее была готова к тому, что привезет их в Сент-Прайори. Конечно, этот план мог возникнуть у нее до того, как они встретились среди Пляски Гигантов, но за время вынужденного путешествия у них уже выработалась манера всех подозревать.

Рэйчел поняла, что сказала что-то не так, и растерянно взглянула на сестру. Но Ева держалась спокойно и не глядела на гостей, а когда в приоткрытую дверь вбежало штук семь спаниелей, стала играть с ними.

Карл переглянулся с Джулианом, но потом, пожав плечами, присоединился к Еве. Всем была известна его слабость к этим маленьким ласковым собачкам. Он даже взял одного песика на руки.

— Прелестные создания.

Ева согласно улыбнулась. Потом, сняв шляпу и кокетливо тряхнув локонами, сказала:

— Я пойду переоденусь к ужину, а ты, Рэч, проводи гостей в их покои. — И, подхватив шлейф амазонки, Ева быстро взбежала по лестнице.

ГЛАВА ПЯТАЯ

После того как Карл обмылся с дороги, переоделся и пригладил щеткой свои непокорные черные волосы, его настроение окончательно исправилось. Здесь, в этом монументальном жилище лорда-республиканца, он чувствовал себя почти спокойно, а сама мысль, что он проведет время в обществе прекрасной Евы, приводила его в великолепное расположение духа. К тому же и сестра ее была такой хорошенькой, если не сказать — трогательно-простодушной.

Комната Джулиана была смежной — еще одно неоспоримое удобство. Король вошел без стука и не сразу заметил переодевающегося за ширмой лорда. Тот вышел, поправляя кружевные манжеты, откидывая на плечи длинные черные волосы.

Карл, одетый в черное сукно, невольно позавидовал вызывающему англиканству расшитого бархатом камзола своего спутника с отложным бархатным воротником и богатой перевязи, с которой свисала шпага.

— Ты выглядишь, как кавалер из Уайтхолла, Грэнтэм, — ревниво заметил король. — Не забыл ли ты о своей обычной осторожности, сэр? Мы ведь в жилище республиканца, да и дядюшку пресвитера тоже не стоит сбрасывать со счетов.

— Пусть лучше заподозрят меня, а не Ваше Величество, — сдержанно ответил лорд. — И пусть лучше подозревают во мне кавалера, нежели опознают вас. Поэтому напомню, что вам следует держаться поскромнее и не столь горделиво вскидывать голову…

— Ну, уж если меня опознают, мало кого заинтересует моя манера держать голову. По той простой причине, что тогда я ее просто лишусь, — весело завершил фразу Карл.

Джулиану не понравилась шутка.

— Сир, не говорите так. Ведь для вас это просто голова, а для меня и для многих таких, как я, это голова короля, надежда нации.

— Ладно, сэр Грэнтэм. Обещаю быть осторожным и всячески оберегать священную королевскую голову.

В этот миг в дверь постучали. На пороге стоял управляющий со старинной бронзовой лампой в руках. Окинув гостей быстрым взглядом, он, как и ожидалось, задержал взгляд на нарядном костюме

Грэнтэма. Но лишь на миг. Затем поспешил поклониться с выправкой хорошего слуги.

— Извольте следовать за мной, джентльмены.

По запутанным темным коридорам он повел их в столовую. Несмотря на роскошь замка, ковровые дорожки, позолоченные резные двери, расписанные цветами панели, Сент-Прайори производил нерадостное впечатление. Дважды они спускались и поднимались по винтовым лестницам, где в углах сгущался мрак, а с оснований сводов скалились искаженные маски горгулий. Было удивительно тихо.

— У вас невелико количество челяди, — невольно заметил король, и управляющий, как прежде леди Ева, ответил, что таков наказ лорда Робсарта. Что это — скупость, желание утаить что-то или барская прихоть?

— Наверное, в замке легко заблудиться? — заметил Джулиан, когда они миновали очередной сводчатый переход.

— Это вам так кажется с непривычки, — ответил их провожатый. — Хотя слов нет — замок очень велик. — В его голосе прозвучала невольная гордость, и он пояснил: в Сент-Прайори осталось многое от времени, когда здесь было аббатство, одно из крупнейших в Англии, но все столько раз перестраивалось и достраивалось, что замок и в самом деле сильно запутан.

— Я бы не советовал вам первое время без провожатых разгуливать по поместью. Упаси Боже вас спускаться в сад. Охранников здесь и в самом деле маловато, но есть огромные свирепые овчарки, которых мы с наступлением полуночи выпускаем на волю. Встреча с ними не сулит ничего хорошего.

Оба гостя Сент-Прайори вспомнили о несчастье, о котором поведала им сегодня леди Ева, и обоим стало как-то не по себе. Да, атмосфера старинного замка кого угодно могла вывести из равновесия.

Однако когда они оказались в трапезной, где было тепло и уютно, приятно пахло кушаньями, а свет в огромном камине заливал все золотистым сиянием, они несколько расслабились. Теплые отблески огня скользили по затейливому узору паркета, отражались от лощеной меди, керамики и фаянса, сияли атласными отблесками высоких портьер на окнах. Посредине помещения был расположен длинный стол, уставленный посудой из тонкого фарфора, хрустальными бокалами, бонбоньерками и серебряными вазами для фруктов. Вдоль

стола стояли стулья с высокими прямоугольными спинками и витыми ножками.

Камин был очень большим, почти монументальным сооружением, мраморную полку которого обрамляли подпоры в виде статуй атлантов. Возле него они увидели ожидавших домочадцев и приветствовали их поклонами. На фоне огня, да еще после мрака коридора, они не сразу смогли разглядеть их. Первой узнали Рэйчел, стоявшую возле высокого мужчины; к удивлению гостей, это оказался полковник Стивен Гаррисон. В том, что он присутствовал здесь, не было ничего удивительного, ведь помощник шерифа Уилтшира был нареченным женихом Евы Робсарт. Однако, приглашая в замок короля и Джулиана, она ни словом не обмолвилась, что они будут вынуждены встречаться здесь с Гаррисоном, а им самим это как-то не пришло в голову.

Стивен сделал шаг вперед и поклонился. Сейчас он был одет богато и даже изысканно для пуританина. На нем был элегантный костюм из темного шелка, в разрезах широких рукавов которого виднелась сорочка голландского полотна с отложным воротником из белых кружев; на широкой перевязи висела шпага с чеканным эфесом, а на ногах красовались сапоги из мягкой кожи, облегающие по голени, но с расширяющимися над коленом отворотами.

— Я не знал, что столь скоро вновь буду иметь честь видеться с вами, джентльмены, — сказал он. — И хотя вы не называли конечную цель вашего визита, я выполню ваше пожелание не разглашать того, где мы встретились; в этом вы можете на меня положиться.

Король услышал тихий вздох облегчения, вырвавшийся *у* Джулиана, и сам тоже расслабился. А Стивен Гаррисон повернулся к двоим другим фигурам, стоявшим у огня.

— Вы еще не знакомы? Тогда позвольте представить вам леди Элизабет Робсарт и преподобного Энтони Робсарта.

Король несколько напрягся, когда подошел к почтенного вида даме и приложился к ее пухлой, чуть влажной руке. Узнает ли его сестра республиканца Робсарта? Но дама лишь близоруко щурилась и произнесла несколько любезных фраз, заодно извинившись за отсутствие племянницы.

— Ева всегда очень щепетильна в вопросах выбора туалета, и нам частенько приходится ее ожидать.

Похоже, леди Элизабет ничего не заподозрила. И, по-видимому, несмотря на свой возраст, а может быть, именно благодаря ему, тоже была щепетильна в вопросах туалета. Почтенная дама надела платье из шуршащего темного шелка, застегнутого на необъятной груди на два ряда гранатовых пуговиц. Тюлевые оборки чепца окружали ее обрюзгшее лицо с двойным подбородком. Если она когда-то и была хорошенькой, то теперь ничто не напоминало об этом. Карл подавил улыбку, вспомнив ее прозвище — «невеста стариков», оно удивительно ей подходило. Оставшись старой девой, она, видимо, находила отраду в чревоугодии, была очень полной, передвигалась тяжело, опираясь о палку черного дерева, и все время близоруко щурилась. А голос был негромким, душевным, что несколько не вязалось с тем, как чопорно, почти брезгливо, она поджимала тонкие губы.

Приложившись еще раз к ее руке и представив лорда Грэнтэма — старая леди приветливо заулыбалась, взглянув на красавца Джулиана, — Карл повернулся к преподобному Энтони Робсарту. Это был важный господин с большим носом, нависающим над окладистой белой бородой, и полным нетерпимости взглядом. Его маленькие темные глазки так и сверлили гостей из-под выпуклых надбровных дуг. Одет он был во все темное, даже чулки надел черного цвета, а на тупоносых башмаках красовались банты черного бархата. Седеющие волосы преподобного сэра Энтони были коротко острижены, их покрывала черная шелковая шапочка — она так плотно сидела на голове, что уши неестественно топорщились — примета, по которой роялисты дали пресвитерианцам прозвище «ушастые».

Как и тетушка Элизабет, Энтони Робсарт выразил гостям свою признательность за спасение племянниц, правда, отметил, что те сами повинны в том, что случилось. Затем он сразу перешел к другому, более занимавшему его вопросу.

— Мне сообщили, что у вас дело к моему досточтимому брату, не соблаговолите ли пояснить, какое именно?

Карл опустил глаза, пряча усмешку, ибо понял, что этот Робсарт явно желает, в отсутствие в замке настоящего хозяина, чувствовать себя таковым. Поэтому пока Джулиан окидывал любопытного пресвитера холодным взглядом, Карл принял самый благочестивый вид:

— Боюсь, мы не уполномочены делиться данным поручением с кем-либо, кроме его светлости. Но пусть этот ответ не покажется вам дерзким. Ибо мы всего лишь поборники правого дела, которые, смею думать, следуют по узкому тернистому пути, где человек — ничто, а Бог — все.

Эта маловразумительная, но исполненная пуританского благочестия фраза умерила любопытство пресвитерианина, хоть он и не получил желанного ответа. Энтони Робсарт тут же ответствовал словами Писания:

— Воистину «тяжкое бремя возложено на сынов Адамовых с того дня, когда они вышли из чрева матери, и до того, как возвратятся в лоно матери сущего». Времена сейчас неспокойные, и старая Англия поделена меж теми, кто стоит за Бога, и теми, кто продолжает держать руку Антихриста.

Карл ответил что-то в этом же духе и постарался отвлечь слишком пристальное внимание сэра Энтони от Джулиана, который своим роялистским видом явно не вызывал у того Доверия.

Наконец благочестивый дядюшка Энтони заговорил о чем-то более существенном, то есть об ужине, заявив, что не стоит дожидаться племянницу до того, как все блюда остынут. Однако он тут же впал в противоречие, ибо, едва все заняли места за столом, и Карл уже почти с благоговением вдыхал запахи изысканных кушаний, как Энтони Робсарт с очень важным лицом стал читать бесконечную молитву, сочиненную им самим. Она начиналась с благодарения за ниспослание пищи, продолжалась рассуждениями о церкви и государстве и переходила в моление о ниспослании помощи «детям израилевым»…

Громко распахнулась дверь, и как ослепительное видение возникла Ева. Она мило извинилась за опоздание, хотя сам ее вид служил достаточным извинением. На леди Еве было надето прелестное платье светло-голубого шелка, его юбка заканчивалась сзади небольшим шлейфом, а по бокам была высоко подобрана и спадала спереди округлыми складками, позволяя видеть нижнюю юбку из серебристой парчи. У платья был квадратный, очень низкий вырез, открывающий восхитительные полушария ее груди, меж которыми сверкающей каплей покоился бриллиантовый кулон на золотой цепочке. Воротник из тонких кружев лежал на ее покатых плечах,

корсаж украшали голубые бантики. Такими же бантиками были перехвачены пышные буфы рукавов. Аккуратно уложенные волосы тугими локонами спускались вдоль щек до ключиц и сверкали, как живое золото. На затылке волосы были свиты в высокий узел, сколотый невидимыми булавками. Выглядела она просто великолепно: в таком виде не стыдно было появиться и при дворе, однако ничего в нем не было чрезмерным, чтобы казаться вызывающим. И все же Ева сознательно принарядилась так, чтобы пленять. Она приличия ради обменялась улыбкой со Стивеном, и тут же поспешила взглянуть на Карла. Увидев, как он жадно сглатывает слюну, она еле сдержала торжествующий вздох. Быстро заняв свое место за столом, Ева молитвенно сложила руки, но, вскоре поняв, что речь дяди, перешедшая на обличение суетности всяких мирских устремлений, будет бесконечной, решила взять дело в свои руки. Глубоко вздохнув, она твердо изрекла, перебив дядю:

— О, Господи наш всемилостивейший, благодарим тебя за эту обильную трапезу и за радость принять наших гостей, которые могут разделить ее с нами. — Расправив юбку, она опустилась в торце стола, делая знак двоим прислужникам, чтобы начинали подавать кушанья.

Все тут же начали рассаживаться, лишь преподобный Энтони стоял какое-то время, испепеляя племянницу гневным взглядом, но, поняв, что его никто не поддерживает, тоже сел и стал сердито расправлять салфетку.

Вначале ужин проходил в молчании, все были заняты исключительно трапезой. Она стоила того: жареная утка, фаршированная устрицами и луком; баранина с приправой из свежих овощей; запеченная в тесте оленина; краб, приправленный имбирем и ликером; большой сырный пирог с румяной корочкой и множество разнообразных овощей. В графинах мерцало сладкое темное вино и легкое сухое. Обслуживали вкушающих двое слуг, действовавших столь расторопно, что вскоре стало ясно, что большой штат челяди и не нужен. И был еще управляющий, следивший, чтобы хватало приборов, но больше державшийся в стороне, возле буфета с посудой.

Карл всегда любил поесть, и сейчас он испытывал истинное наслаждение гурмана. Ему с трудом удавалось сдерживать себя, подражая пуританской скромности и отказываясь от желания отведать все блюда сразу. Однако он был не одинок. Напротив него восседала

Элизабет Робсарт, и король с невольной иронией наблюдал, как ее близорукие серые глазки жадно шныряют с одного блюда на другое, даже когда тарелка перед ней была полна. Она караулила каждый кусок на больших блюдах, словно опасаясь, что его перехватит кто-то другой.

Суровый пуританин Энтони Робсарт мало в чем отставал от нее, и это представляло заметный контраст с тем, как был воздержан к пище сидевший подле него полковник Стивен. Пару раз король заметил, что Рэйчел обеспокоенно поглядывала в сторону полковника, и это заинтересовало короля. Но девушка словно заметила его внимание и в упор поглядела на короля, подозрительно, почти сердито. Странно, но у Карла вдруг появилось ощущение, будто взгляд ее темных глаз отодвинул его куда-то, заставив растеряться и застыть с не донесенной до рта вилкой. Он поспешил опустить глаза и какое-то время приходил в себя, переводя дыхание. Судя по всему, эта милая девушка не так проста, как казалось поначалу. Он вновь решился взглянуть на нее, но Рэйчел уже невозмутимо разрезала мясо на тарелке. Скромная, спокойная юная леди.

Карл сделал глоток вина. Покажется же такое!.. Он отбросил салфетку.

— У вас великолепные повара, — решился заметить он, и Ева тут же поддержала разговор:

— Отчасти, сэр Трентон, вы должны похвалить саму Рэйчел. Ведь именно она готовила многое из того, что на столе, а она знает в этом толк.

— Как?! Дочь лорда Робсарта сама занимается стряпней? — невольно удивился Карл.

Рэйчел смутилась и мило покраснела:

— Я не отказываюсь ни от какой работы, мистер Трентон. А готовить просто люблю. К тому же у нас так мало слуг… — Голос девушки дрогнул, и в нем мелькнули извиняющиеся нотки.

— Мы это заметили, — кивнул Карл. — Таково распоряжение хозяина Сент-Прайори. Однако в столь обширном имении это наверняка причиняет массу неудобств?

— У нас прекрасный управляющий, — заметила Рэйчел. — Да и я стараюсь…

Карл подумал, что эта милая девушка, должно быть, очень трудолюбива, хотя в ее возрасте заправлять таким большим хозяйством довольно тяжело. Он невольно проникся уважением к Рэйчел и улыбнулся ей через стол тепло и ласково. Смутное подозрение, недавно мелькнувшее у него, было забыто под впечатлением ее ответной благодарной улыбки. К тому же Карл всегда любил женщин и относился к ним с нежностью.

Ева занервничала от того, что полный нежности взгляд короля подарен не ей, а младшей сестре. И тут же постаралась обратить на себя внимание.

— О, Рэйчел в Сент-Прайори настоящая хозяйка, правая рука отца. Не то что я, такая неумелая, легкомысленная, недомовитая дама. — Она оделила короля такой ослепительной улыбкой, что стало понятно: Ева хороша уже тем, что существует на свете.

Ее дядя явно не находился под очарованием племянницы. Раздосадованный, что она посмела прервать его перед ужином, он на протяжении всей трапезы то и дело бросал через весь стол в ее сторону гневные взгляды, а так как Ева на них не реагировала, то он поспешил прибегнуть к слову:

— Воистину это справедливо, и мне отрадно, племянница, что ты хоть изредка говоришь о себе правдивые речи. И хотя отец всегда баловал тебя, было бы лучше, если бы он последовал премудрости Соломона и воспитывал своих детей в строгости.

— Аминь, аминь, — кивнула Ева и с самым невинным видом пригубила бокал.

Однако преподобного Энтони явно не устроила такая лицемерная покорность.

— Сейчас тяжелые времена, разорение и бедность ниспосланы добрым англичанам во испытание, и когда я сижу в этом доме и вижу, как все здесь наслаждаются греховными мирскими благами… Это никогда не выведет нас на тернистый путь к спасению. Вспомните, например, как любившие чрезмерную роскошь и чревоугодие вавилоняне были повержены трезвыми и скромными персами, а когда же персы ударились в пороки, их побили греки. Нет, подобные излишества, — и он обвел рукой стол и роскошную обстановку трапезной, — никогда не должны прельщать доброго христианина.

Ева Робсарт бросила поверх бокала колючий взгляд в сторону дяди:

— То-то они не прельщают вас настолько, что вы поспешили при первой же возможности перебраться жить в Сент-Прайори и оставить свой скромный пасторский дом в приходе.

— Не кощунствуй! — величественно поднял перст сэр Энтони. — Тебе не хуже меня ведомо, что послужило причиной, отчего я оставил свое жилище и поселился под кровом, где вырос и имею полное право пребывать.

Повернувшись к гостям, он поведал душещипательную историю о том, как он предоставил свое жилище семье разорившихся роялистов — из христианских побуждений, разумеется, а не по политическим мотивам. И сделал он это лишь потому, что Ева отказала им в приюте, а ведь вдова роялиста, которая с детьми осталась без крова, когда-то была подругой Евы Робсарт и очень рассчитывала на ее поддержку. Теперь он, давший им приют, получил благословение всей округи и стал желанным гостем в любом доме.

Глаза Евы помрачнели.

— Вы отлично знаете приказ отца, дядюшка, чтобы в Сент-Прайори не было чужих людей. Распоряжение, которого мы не вправе ослушаться. А что касается вашего благородного поступка, то он, по сути, всего лишь повод, чтобы поселиться среди роскоши, к какой вы привыкли с детства. И к тому же вы теперь стали ближе к наследству Робсартов, которым так жаждете завладеть.

Сэр Энтони побледнел от гнева и весь надулся, словно намереваясь что-то сказать, но только выдохнул воздух. Похоже, слова племянницы задели его за живое и тем выдали, что предположение, высказанное Евой, не так уж далеко от истины.

Карл и Джулиан невольно переглянулись. Похоже, в этом доме стало обычаем выставлять семейные ссоры на обозрение гостей. За столом возникла напряженная тишина, которую дружелюбно настроенный король постарался разрядить.

— Возможно, ваше последнее высказывание, миледи Ева, не совсем справедливо. Хотя состояние рода, за вычетом приданого за женщинами, передается по мужской линии, я слышал, что у лорда Робсарта было еще два сына. Один — да пребудет душа его в мире —

уже предстал перед Творцом, но ведь был еще один сын. Николас, если я не ошибаюсь?

Сэр Энтони только пожал плечами, а Ева заметно смутилась и обменялась взглядом с сестрой, словно ища у той поддержки.

— Наш брат Николас уже много лет живет на континенте, — медленно начала она. — Мы почти не знаем его, и отец не поддерживает с ним никаких связей.

— Он услал его во Францию, — сказал сэр Энтони, — как в свое время несчастного Эдуарда. Хотя чему могут научить потомка английских лордов эти лягушатники?

Карл увидел, что стоявший у буфета и протиравший ножи управляющий повернулся и стал прислушиваться. Заметив, что за ним наблюдают, он принялся торопливо складывать ножи на поднос. Сэр Энтони невозмутимо продолжал:

— Я слышал, что мой брат отрекся от него. Там что-то связано с его второй супругой и, памятуя, как дерзко, почти бесстыдно, вела себя сия дама, я не удивлюсь, что и с Николасом не все чисто по крови. Возможно, поэтому Дэвид не желает его знать. Помню, его привозили еще ребенком, но вскорости направили к его родне, к этим Бомануарам. Там он сейчас и находится, где-то в Бретонском графстве.

Державшийся молчаливо все это время Джулиан невольно подался вперед:

— Прошу вас не отзываться об этом роде в таком тоне, преподобный отче. Я тоже происхожу от Бомануаров и…

Его слова прервал оглушительный грохот. Управляющий уронил поднос с ножами. Он замер, глядя расширившимися глазами на Джулиана.

— Вы, сэр? Вы из Бомануаров? — В голосе старика звучал если не страх, то уж точно испуг.

— Да, — спокойно ответил лорд. — И жил в Бретани до того, как по матери не унаследовал владения Грэнтэмов. Смею заметить, мне не доводилось никогда слышать о сыне лорда Робсарта.

— Странно, — пробормотал управляющий. — Я ведь сам отвозил мальчика в Бретань.

Лицо Джулиана покрыла смертельная бледность.

— Я не лгу. И утверждаю, что ничего не знаю о Николасе Робсарте.

— И все же он там, — почти дерзко повторил Патрик Линч. — Я не знаю, куда его упрятали эти Бомануары. Они странные люди, смею заверить. Но ребенка я передал с рук на руки.

Стивен, до этого сидевший невозмутимо, вдруг резко повернулся к управляющему и сказал почти гневно:

— Что такое, Патрик? Ты будешь пререкаться или займешься своими обязанностями?

— Просто я хотел сказать…

— Довольно! Тебе не следует забываться!

Карлу показалось, что Гаррисон излишне резок со старым слугой, но тот виновато засуетился и стал торопливо собирать ножи. Руки его при этом дрожали. И еще Карл заметил: управляющий как-то странно посматривает именно на него. Словно бы с жалостью.

Стивен, кажется, почувствовал себя неловко от того, что дал прорваться гневу. Он попытался улыбнуться, но улыбка скорее напоминала гримасу.

— Вы, господа, как сами пояснили, прибыли с севера. Значит, вы в курсе, как разворачивались там события. Не поведаете ли нам о них?

Карл покосился на Джулиана. Тот молчал, явно предоставляя королю, как более красноречивому, вести беседу. И Карл с этим был вполне согласен. У него было больше воображения и фантазии, чтобы изложить историю так, как это сделал бы круглоголовый. К тому же Джулиан совсем не умеет притворяться, в то время как король всегда с успехом разыгрывал из себя пуританина. И он начал с цветистой похвалы Оливеру Кромвелю, поведал, как легко он разбил силы короля при Донбаре, хотя потом ему и пришлось туго, когда шотландцы развязали против него настоящую лесную войну. Король в это время находился в графстве Пертшир, где собирал силы роялистов, и Кромвель не мог с этим ничего поделать, ибо не имел возможности удалиться с западного побережья Шотландии, откуда получал морем подкрепления и фураж для войск. Но Кромвель — великий человек, и он решился на отчаянный шаг. Рискуя быть оторванным от своих сил, он совершил рейд на север Шотландии. Будь молодой король умнее, а его советники талантливее, они не упустили бы столь выгодного шанса отрезать генерала круглоголовых от основных сил и разбить среди гор и ущелий, где Кромвеля окружали только враждебные кланы горцев. Но роялисты были ослеплены одной мыслью — теперь, когда

Кромвель на севере, им открыта дорога в Англию. Этот молодой король надеялся, что, едва он вступит в королевство своего отца, все ринутся под его знамена. Но тут он просчитался. Парламентарии успели разгромить силы, какие могли поддержать его, а основное население Англии приняло короля, приведшего шотландцев, как захватчика, и не оказывало ему поддержки. И теперь Кромвель шел с севера и буквально наступал королю на пятки, генерал Гаррисон отрезал ему путь на Лондон, и даже Фер-факс, так долго отказывавшийся воевать с сыном казненного Карла I, вдруг объявил приход Карла II военным вторжением и, собрав в Йорке войска, отдал их под командование Оливеру Кромвелю.

— Вызывает восхищение, — продолжал король, — как действовали парламентские силы, когда они одновременно прибыли к Вустеру, где Карл II поднял свой штандарт, и нет ничего удивительного, что они одержали победу.

Карл говорил спокойно, со знанием дела, так как уже не один раз проанализировал все свои ошибки, но рассказывал он почти весело и даже поднял бокал за Оливера Кромвеля, великого стратега и полководца.

— Единственное, что может служить оправданием роялистам в битве при Вустере, так это то, что их силы значительно уступали противнику, — заключил он, опуская бокал, так и не пригубив вина.

Заметив удивление во взгляде Евы и почти физически ощутив недовольство, исходящее от Джулиана, король даже не повернулся к нему, опасаясь, что укор в глазах подданного передастся и ему, напрочь лишив его нервозной бравады, с какой он держался все время, пока рассказывал.

В разговор вступил Стивен Гаррисон, заметив, что понял со слов гостя, что тот хороший стратег, а дядюшка разразился целым потоком библейских изречений, в то время как леди Элизабет продолжала невозмутимо поглощать кушанья. Наконец возникла пауза, и тут Ева сказала, что, несмотря на все, о чем поведал рассказчик, многие считали, что дело под Вустером чуть не закончилось поражением республиканцев, ибо именно в это время главнокомандующий Кромвель слег в приступе тяжелого недуга.

Рука Карла чуть дрожала, когда он глядел сквозь рубиновое вино на свет огня в камине, но голос прозвучал спокойно:

— Это так, миледи. Насколько мне известно, король Карл возлагал на этот недуг лорда-протектора немало упований — в тот момент только Кромвель мог возглавить войска, а он, говорят, был так слаб, что…

Карл вдруг ощутил сильную душевную боль, как в тот роковой день при Вустере, когда понял, что и этой его надежде не суждено сбыться. Рука его заметно задрожала, и он опустил бокал на стол, опасаясь расплескать напиток.

В это время заговорила Рэйчел.

— Ходят слухи, что сам дьявол помог Оливеру Кромвелю встать на ноги.

Все поглядели на нее, и она, смутившись, продолжила:

— Вечером перед Вустерским сражением генерал Кромведь попросил вынести его подышать в ближайший лес и оставить там одного. Но не прошло и нескольких минут, как к нему из зарослей вышел человек в темных одеждах и сел рядом. Генерал хотел было отослать его, но было в незнакомце нечто, что не позволило ему проявить грубость. А незнакомец вдруг протянул ему свиток пергамента, текст которого был написан на каком-то непонятном языке, и сказал, что ежели Кромвель поставит на нем свою подпись, то семь лет будет исполняться все, что он только пожелает. Кромвель уже понял, с кем имеет дело, и хотя незнакомец протягивал ему перо, сказал, что у него нет чернил. Возможно, он хотел уклониться, но жажда победить оказалась сильнее. Тогда он надрезал себе руку и, используя вместо чернил собственную кровь, поставил на документе подпись.

Стивен Гаррисон повернулся к Рэйчел:

— Силы небесные, девушка, что ты говоришь?

А Джулиан как-то спокойно произнес:

— Тогда мне понятно, почему в тот день удача так сопутствовала господину Молчание.

Король лишь прошептал обреченно:

— Семь лет.

Ева вдруг сердито отбросила вилку, и все вздрогнули, когда она звякнула о тарелку.

— Не рассказывай сказки, Рэч! Послушать тебя — ты едва ли не видела это все своими глазами.

Карл заметил, как Элизабет Робсарт почему-то не смогла донести кусок баранины до рта и положила его опять на тарелку, словно лишилась аппетита. Она почти со страхом вперилась взглядом в младшую племянницу. Та сидела, опустив глаза, но сказала твердо:

— Так мне поведала старая Мэг.

Теперь воцарилась просто гнетущая тишина. Где-то в парке заухала сова, и Карл уловил, что Джулиан еле сдержался, чтобы не перекреститься. Карл попытался улыбнуться:

— Кто такая эта всезнающая Мэг?

Рэйчел подняла глаза:

— Люди зовут ее ведьмой, сэр.

И опять наступила тишина. Когда преподобный Энтони начал сердито возмущаться, все от его брезгливого голоса вздохнули словно с облегчением.

— Ты говоришь сущие небылицы, Рэйчел. Мало ли что взбредет в голову этой полоумной старухе, которой ты потакаешь. Только она способна плести подобные сказки. Но разве не ведомо, что все дары и благодеяния в нашей жизни от Господа? И тот, кто хает Оливера, одержавшего по воле Божьей столько побед, не отступник ли, восстающий против воли нашего Всевышнего, явственной столь очевидно?

Ева вдруг рассмеялась сухим нехорошим смехом.

— О да! Этот пивовар столь уверен, что он избранник небес, что в своей непогрешимости не побоится примерить венец короля Англии. Стивен, ты ведь состоял охранником при детях несчастного короля-мученика Карла I и рассказывал кое-что о том, что изволил говорить при принцах «старый Нол». Как раз перед тем, как сбежал принц Джеймс.

Король удивленно взглянул на полковника. Его не волновало, какие высказывания Кромвеля имела в виду Ева. Куда больше его заинтересовал факт, что Стивен был охранником его братьев и сестры. И именно когда сбежал Джеймс. А ведь брат рассказывал, что некий офицер, близкий к одному из убийц короля, если не помог, то не препятствовал ему, хотя видел, как Джеймс спускался из окна, связав простыни. Странная догадка мелькнула у него. Он глядел на Стивена и видел, как тот растерялся от вопроса Евы, даже поглядел на нее с упреком. Однако когда он заговорил, голос его звучал спокойно:

— Я могу лишь сказать: покуда Карл Стюарт на свободе, Кромвелю не знать покоя.

Весьма двусмысленная, даже дерзкая фраза в устах круглоголового. Карл незаметно обменялся взглядом с Джулианом.

— А где сейчас сам король? — неожиданно подала голос леди Элизабет. — Я очень хорошо его помню. Смуглый, как цыганенок, и похож на родню своей матери — Валуа и Медичи. Все остальные принцы и принцессы пошли в отца — настоящие шотландцы — голубоглазые и светловолосые. Так где он?

Она глядела лишь на своего брата Энтони. Тот пожал плечами:

— За его голову назначена награда. Говорят, он где-то скрывается, бродит, едва ли не питаясь подаянием. И в этом я вижу перст Божий, наказующий гордыню. Ибо сказано в Писании: «Видел я рабов на конях, а князей, ходящих подобно рабам, пешими». Однако Карла Стюарта, именующего себя королем, скоро схватят. Ведь тысяча фунтов огромные деньги. Так что желающие получить награду всегда найдутся.

— А вы сами-то смогли бы предать короля? — неожиданно в упор спросила Ева.

Энтони Робсарт даже подскочил. Глаза его забегали.

— Почему ты спрашиваешь, Ева?

Она невинно улыбнулась, но не сводила с дяди глаз.

— И все же, дядюшка?

— Ну… я… — Он с достоинством огладил бороду. — Видит Бог, я поступил бы, как повелевает мой долг. И…

Но Ева уже не слушала. Она повернулась к жениху.

— А ты, Стивен?

Лицо полковника было непроницаемым. Хотя в голосе Евы звучал явный вызов, но он словно сошел на нет от спокойной уверенности Стивена Гаррисона.

— Странный вопрос, миледи. Что ж, я отвечу. Хоть я и состою на службе нового правительства, а тысяча фунтов большие деньги, но они не принесут счастья тому, кто выдаст Карла Стюарта. Лично я не хотел бы отягощать этим свою совесть и не смог бы спать спокойно, если бы знал, что предал короля и обрек тем самым его на гибель.

Он сказал это спокойно, легко и уверенно. Зато Энтони Робсарт занервничал, покосился на молча слушавших ответ гостей.

— Но ведь он же враг республики!

Стивен лишь пожал плечами, но тут негромко заговорила Рэйчел:

— Пусть за несчастного короля и обещают большую сумму, но это кровавые деньги. Республика сама должна разыскать короля… если сможет. Не следует перекладывать грязную работу на плечи честных людей.

Ева с довольным видом откинулась на спинку стула. На гостей она по-прежнему не глядела.

— А вы, милая тетушка? Вы интересовались, где Карл? Но как бы вы себя повели при встрече с ним?

Тучная дама не спеша отерла салфеткой губы.

— Не знаю. Право же, не знаю. Но, думаю, когда твой отец, Ева, окончит дела в Саутгемптоне и приедет, я расспрошу его, как обстоят дела насчет казненного монарха.

Ева чуть побледнела и отвернулась. Краем глаза она видела, как старавшиеся до этого сохранять спокойствие гости быстро переглянулись.

— Так лорд Робсарт в Англии? — подал голос Джулиан.

Преподобный Энтони с важным видом кивнул.

— Конечно. Он прибыл недели две назад. Сейчас он в Саутгемптоне занят вопросами постройки новой конторы, ибо он — глава Вест-Индской компании.

Непроизвольно Джулиан и Карл разом поглядели на Еву. Карл нахмурился, впервые подумав, что за этим очаровательным личиком таится корысть и ложь. Ева не глядела на него, чуть щурясь на пламя в камине. Неожиданно она сказала, словно бы ни к кому не обращаясь:

— Я никого не хотела пугать, зная, как это необоснованно.

— О чем ты, Ева? — в наступившей тишине спросил Стивен.

Она лишь пожала плечами и повернулась к управляющему:

— Патрик, думаю, можно приступать к чаю.

Чай считался модным новшеством, а если учесть, что страна была разорена, то и неслыханной роскошью. Однако не для Робсартов. И сейчас по приказу Патрика Линча чай предложили гостям в прекрасном сервизе и поставили возле каждого прибора серебряный стаканчик для бренди, который следовало подавать к чаю. Карл глядел, как Ева изысканно пьет маленькими глоточками чай, поглядывая на него игривым, словно бы обещающим взглядом, и, как очарованный,

улыбнулся в ответ. Пожалуй, ему бы стоило быть сдержанней и подумать о женихе прекрасной искусительницы. Но если сама Ева не больно-то заботилась о том, какое впечатление на Стивена произведет ее внимание к гостю, то Карлу и подавно не было до этого дела. О том, что он недавно подозревал ее в лживости, он уже не думал.

Карл вообще обладал способностью отгонять неприятные мысли и верить в то, во что хотел верить. Поэтому для себя он решил, что Ева Робсарт, видимо, и в самом деле боялась спугнуть их без особых оснований. Ведь ее отец задерживается на побережье, а ей просто хотелось оказать услугу своим спасителям. Особенно ему, ибо именно к нему она то и дело обращала свое красивое личико, и глаза ее так и сияли. Поэтому Карл отвлекся от мрачных предчувствий и охотно завязал столь хорошо ему ведомую игру взглядами, за которой может последовать и нечто большее.

Он был уверен, что красавица-роялистка восхищена своим спасителем настолько, что предпочитает беседу с ним общению с женихом-пуританином, которого, к счастью, преподобный Энтони отвлекал рассуждениями о судном дне. Конечно, Карла мог бы удержать Джулиан, но молодой лорд, не отдыхавший уже вторые сутки, был вял и сонно глядел на чашку чая, лишь порой бросая короткие взгляды на Рэйчел, что-то обсуждавшую у буфета с управляющим.

Карл попытался завести с Евой негромкий разговор о прошлых временах и незаметно перевел тему на принца Руперта, с интересом наблюдая за выражением лица собеседницы. Но Ева явно заскучала, отвечала односложно и, когда возникла пауза, мило предложила сыграть для гостей на клавикордах.

В этот миг леди Элизабет, видимо, уязвленная тем, что никто не уделяет ей внимания, вдруг громко произнесла:

— Если молодого короля схватят, его казнят, как и его мученика-отца.

Все поглядели на нее; воцарилась тишина, а почтенная дама, удовлетворенная произведенным ее словами впечатлением, с важным лицом изрекла:

— Это будет великое бедствие, и я не удивлюсь, если тогда в Сент-Прайори опять явится черный монах. — Она с важным видом оглядела взиравших на нее собравшихся. — Черный монах —

предвестник несчастий, и я поручусь, что если мы заметим его, то едва ли не первыми во всей Англии сможем предречь, что ожидает несчастного молодого короля.

Карл почувствовал, как спазм сдавил горло, а сердце забилось так, что стало больно в груди. Но он быстро овладел собой.

— О чем вы говорите, миледи?

Он видел, как Рэйчел подошла и, положив руку на плечо тети, что-то стала ей шептать. Но та лишь сердито глянула на племянницу.

— Я говорю то, что знаю. Сент-Прайори древний замок, имеющий свои тайны и предания. И черный монах — одна из них. — Она даже облизнулась, словно предвкушая удовольствие от того, что собиралась поведать. — Время от времени силуэт загадочного призрака возникает в пределах аббатства. И всегда предвещает бедствие. Я утверждаю, что это так, ибо сама видела его, а после до нас дошло известие, что погиб бедный Эдуард.

— Но, тетя, — вмешалась Ева, — вы ведь сообщили нам о своей встрече с призраком, лишь когда узнали о гибели моего брата, но не до этого.

Тетя метнула в ее сторону сердитый взгляд:

— Что ты можешь знать об этом? Тебя же тогда не было в Сент-Прайори. Носилась, как угорелая, за своим Рупертом.

Ева просто задохнулась от возмущения и вдруг вспылила:

— Старая дура! Ты-то ведь ни за кем не носилась, вот и осталась одна. И теперь придумываешь всякие сказки, чтобы показать, что и в твоей жизни происходило хоть что-то занимательное!

Ева произнесла это с такой яростью, что, казалось, не присутствуй здесь приезжие, она не ограничилась бы словесными оскорблениями.

Карл услышал, как рядом презрительно хмыкнул Джулиан, и тут же с почтением в голосе обратился к преподобному Энтони:

— А вы что скажете, святой отец? Как относитесь вы к подобным россказням, хотя, может, и вы встречались с таинственным призраком?

— Упаси Боже! — всплеснул руками пресвитер. — Чаша сия миновала меня. Но даже если все это свести к женским причудам, нам все же не следует отказаться от веры в них, ибо тогда следует подвергнуть сомнению текст Писания и усомниться в эпизоде с Андоррской волшебницей. И я помню, что случилось со второй женой моего брата, леди Шарлоттой, вашей родственницей, сэр, — он чуть

кивнул Джулиану, — ибо она-то наверняка видела монаха. Она стала почти буйной после этого, начала заговариваться, и супругу пришлось даже запирать ее. А ведь сия дама была уже на сносях, и подобные вспышки то страха, то ярости могли повредить ребенку, которого она носила.

— И какое же несчастье повлекла за собой ее встреча с призраком? — спросил Джулиан.

Сэр Энтони пожал плечами:

— Да никакого. Она в срок разрешилась здоровым крикливым младенцем мужского пола. Правда, ее отношения с супругом совсем разладились, и он услал ее на континент к родне. Где, однако, она вскоре и приняла безвременную смерть. Вам, сударь, если вы из Бретани, наверное, это лучше известно.

Джулиан лишь пожал плечами.

— Но все-таки она умерла, — подала голос леди Элизабет. — А это подтверждает, что такая встреча не сулит ничего хорошего. Да и наш брат, лорд Дэвид, видел монаха. Он-то не признавался в этом, но, я помню, в каком состоянии я встретила его, когда он шел от руин, что в парке. Знаете, джентльмены, у нас в парке сохранились руины старой часовни. Один из переводов замка почти доходит до них. Мой брат, когда навещает замок, имеет привычку гулять там перед сном. Один раз он пришел оттуда сам не свой, без кровинки на лице. Я-то сразу поняла, в чем дело.

Почтенная дама откусила большой кусок кекса и, жуя его, с торжеством посмотрела на слушателей. Похоже, она почти гордилась, что в Сент-Прайори обитает столь роковой призрак.

Наконец она прожевала.

— Тогда я допытывалась у Дэвида, не встречался ли ему достославный монах. И хотя он сам ничего конкретного не ответил, я поняла, что без монаха не обошлось. Что же еще могло взволновать столь невозмутимого человека, как мой брат?

— И что? — заинтересовался Карл. — Опять случилось нечто ужасное?

Леди Элизабет даже отложила начатый кекс. Ее слова прозвучали почти торжественно.

— Да. В Лондоне отрубили голову королю.

Ева резко встала:

— Ах, тетя, вы говорите сами не знаете что. Какое отношение мог иметь призрак из Сент-Прайори к той трагедии, которая потрясла весь христианский мир?

— Трагедия, — фыркнул пресвитер Энтони. — Это был акт достойного правосудия. Ибо тот, кто считал себя величайшим человеком в Англии, этот антихрист из рода Стюартов, хотел ввести в стране идолопоклонство, и его жена-еретичка во всем потакала ему.

— То-то вы стояли за англиканскую церковь, пока своевременно не переметнулись в пресвитерианство.

Преподобный Энтони так и подскочил.

— И ты упрекаешь в этом меня? Ты, которая строила глазки сыну Кромвеля и присутствовала на всех богослужениях в семье лорда-протектора?!

Ева гордо вскинула голову:

— Вы ошибаетесь, дядя. Лишь обстоятельства принуждали меня общаться с Кромвелями, и, если вы запамятовали, я рассталась с этим семейством едва ли не враждебно.

Кажется, снова грозила вспыхнуть ссора, и Карл, почувствовавший себя от напоминания о трагической кончине отца совсем несчастным, вздохнул едва не с облегчением, когда Рэйчел Робсарт заметила, что время уже позднее и пора отправляться отдыхать.

Старый управляющий, как и ранее, повел гостей в отведенные апартаменты. Замок вновь встретил их тишиной, мраком и таившимися по углам тенями. Мысли о призраке теперь сами собой лезли в голову, и король даже решил спросить у Патрика Линча — уж он-то, как старый слуга, наверняка не раз видел загадочного призрака?

— Бог миловал, — спокойно ответил старик. — К тому же, думаю, тень монаха пугает лишь тех, кто отрекся от старой веры. А мне, как католику, встреча с собратом по вере ничем не грозит.

— Так вы католик? — спросил король. — В таком случае мне понятна та неприязнь, какую к вам испытывает полковник Гаррисон. Он-то ведь является ярым пуританином, и ему сложно терпеть ваше общество.

Старик ответил, лишь когда они миновали пролет лестницы и оказались в коридоре, где располагались комнаты для гостей.

— Стивен Гаррисон, хоть и пуританин, но отнюдь не фанатик. И пока он не посватался к леди Еве, мы с ним спокойно уживались. Однако я всегда считал, что дочь Робсартов отнюдь не пара для такого простого джентльмена, как мистер Гаррисон.

— Но ведь…

Он не договорил, когда Джулиан вдруг стиснул его руку.

— Смотрите, что это там?

После недавних рассказов Карл едва не подскочил. К тому же в конце сводчатого перехода он и вправду увидел проблеск света и чью-то мелькнувшую тень. Он невольно выругался:

— Чертово семя! Пропади все пропадом! Неужто это проклятый монах?

Но управляющий сразу отрезвил его спокойным тоном.

— Призраки не имеют привычки разгуливать со свечой. Да еще через черный ход. А это… Спокойной ночи, господа. Вот ваши покои.

И он почти побежал по проходу, что нисколько не вязалось с его спокойным тоном.

Король и Джулиан переглянулись. Не сговариваясь, вместо того чтобы войти в отведенные комнаты, они двинулись вслед за Патриком Линчем.

Он стоял на верхней ступеньке винтовой лестницы и, приподняв лампу, освещал уже успевшего спуститься Стивена Гаррисона. Тот говорил резко, почти гневно:

— Какого черта вы превышаете свои полномочия, Патрик, и ведете себя со мной как с нашкодившим мальчишкой?

Голос управляющего был сдержан и сух.

— Я лишь выполняю поручение своего господина. И вы, сэр, прекрасно знаете, что милорд не позволяет кому попало бродить по замку и спускаться с наступлением темноты в парк.

Стивен резко поднялся по лестнице и почти вплотную подошел к управляющему. Голос его дрожал от сдерживаемого гнева.

— Во-первых, милейший, я вам не кто попало. А во-вторых, что худого в том, что мне захотелось подышать свежим воздухом перед сном. Ведь до полуночи еще далеко и вы еще не спустили в парк своих псов-убийц.

— И все же, сэр, — так же спокойно продолжал управляющий, — приказы милорда следует выполнять. Я не понимаю, что вы искали

ночью в замке. Сент-Прайори, хотя вы и жених леди Евы, вам не принадлежит, и вы ведете себя более чем вызывающе, нарушая его правила. Вы здесь гость, мистер. Пока Сент-Прайори в моем ведении, я буду просить вас не превышать свои полномочия.

Несмотря на смысл речей, тон управляющего был бесстрастным — отличная школа. Но тут Патрик Линч заметил, как Стивен поглядел через его плечо, и, оглянувшись, увидел застывших в проходе гостей. Он ничего не сказал и вновь повернулся к Стивену. Тот, похоже, был смущен, что его застали ссорящимся со старым слугой. Поэтому он не стал больше спорить, а молча двинулся по лестнице, направляясь в свои покои. Карл поглядел ему вслед с некоторым злорадством. Он не мог испытывать приязни к этому круглоголовому как из-за его родства с фанатиком Гаррисо-ном, так и из-за того, что он жених Евы; сейчас последнее обстоятельство даже задевало короля, он испытывал нечто, похожее на ревность. Поэтому, хоть он и нашел, что управляющий вел себя вызывающе, да и странные порядки в Сент-Прайори ему тоже не нравились, но сейчас он все же более был склонен поддержать Патрика Линча.

— Вы, похоже, недолюбливаете жениха своей хозяйки, старина, — миролюбиво заметил он и даже похлопал управляющего по плечу. — Однако к чему все эти тайны? Ведь Сент-Прайори не военная территория, где позволяется куда-то идти, а куда-то нет?

Но почтенный слуга лишь поклонился:

— Таков заведенный здесь порядок. И еще раз, спокойной ночи, джентльмены.

— Поистине мы попали в странное место, — заметил Карл Джулиану, когда они уже подходили к комнате короля. — Тайны, призраки, запреты. Как же здесь умудрилась вырасти такая певчая птичка, как Ева Робсарт?

Джулиан ничего не ответил. Он принял из рук короля камзол едва ли не с меньшим почтением, как первый лорд-камердинер принимает у монарха горностаевую мантию. Хотя в их совместном путешествии многими условностями этикета приходилось пренебрегать, все же Джулиан, когда представлялась возможность, старался оказывать королю положенные почести. Карла сейчас волновали совсем иные заботы, и хотя он почти машинально позволял спутнику обслуживать себя, мысли его витали далеко.

— Как вам эта семейка, сэр Грэнтэм?

Джулиан откинул покрывало на постели короля и поправил подушку.

— Мне они не понравились. Даже плебеи стараются вести себя сдержанней при посторонних и не вываливают на всеобщее обозрение свое грязное белье. А тут — каждый готов опорочить всех. Преподобный Энтони, к примеру, всячески стремится проявить свое рвение в пресвитерианской догматике и при этом не упускает случая унизить присутствующих. Стивен Гаррисон уже сейчас желает чувствовать себя здесь хозяином, причем отнюдь не милостивым, если учесть, как он груб. с этим стариком Линчем. Досточтимая дама Элизабет — жалкая обжора. Ева Робсарт…

— Ее-то хоть пощади… — весело прервал Джулиана король. — Ведь разве ты не заметил, что все в ее поведении было рассчитано, чтобы показать нам, кто здесь друг, а кто враг? Даже Стивена она умудрилась представить не как слепого приверженца круглоголовых. Что же касается ее сестры… Странная девушка.

— Вы нашли ее странной, сир? А по мне, она самый нормальный человек в этом семействе. Ваша Ева просто лгунья, смею заметить. Из слов ее дяди о сыне Кромвеля, я могу предположить, что эта красавица не раз меняла свои взгляды, чтобы приноровиться к ситуации.

— Разве тебя удивило, что она приглянулась сыну Кромвеля? По мне, так вполне естественно. Ведь при взгляде на нее только евнух не возгорелся бы желанием.

— Она солгала нам в отношении лорда Робсарта, — заметил Джулиан. Зачем? Неужели только для того, чтобы заманить нас в этот замок?

— Не заманить, а пригласить, Джулиан, — улыбнулся король. — Эти светские дамы, вынужденные в наше время томиться в глуши, просто умирают от скуки, каждый новый гость для них событие. А мы к тому же не простые гости, а ее спасители. Нет, черт побери, я доволен, что приехал сюда. Пусть даже под этим кровом и не все благополучно. Это только разжигает интерес, будоражит кровь.

Король в самом деле казался оживленным, в то время как Джулиан выглядел вялым и утомленным. Разворошив кочергой уголья в камине и подкладывая дрова, он не смог подавить невольный зевок и устало провел ладонью по лицу. Вторые сутки без сна и постоянное

напряжение сказывались на нем. Король заметил это и попросил Джулиана больше не утруждать себя заботами о его особе и идти отдыхать.

— Тебе нужно как следует выспаться, если завтра ты хочешь совершить путь в Солсбери, — сказал он, мягко выпроваживая товарища по несчастью.

Джулиан, похоже, колебался:

— Не нравится мне этот замок. Имею ли я право оставить священную особу моего короля в столь непонятном месте?

Король улыбнулся каким-то своим мыслям:

— У нас ведь нет другого выбора, не так ли?

Когда Джулиан удалился, Карл какое-то время ходил по комнате. Толстый шерстяной ковер заглушал стук каблуков, от пламени в камине исходило тепло и, хотя король был лишь в легкой рубахе, он чувствовал себя уютно. Расстеленное ложе его отнюдь не манило. В отличие от своего спутника, он прекрасно выспался ранее, да и новизна обстановки и впечатления тоже не располагали ко сну. Какое-то время он размышлял о своем положении изгнанника, о том, что после сокрушительного поражения под Вустером у него нет никаких конкретных планов на будущее, но от подобных мыслей ему становилось не по себе, хотя оптимизм, присущий этому царственному юноше двадцати одного года, брал верх над тоской. Да, он должен победить, у него хватит времени сокрушить врагов и вернуть трон. Когда? Он предпочитал не особенно вдаваться в эту тему. Превратности судьбы приучили его жить сегодняшним днем. А сегодня основным, что волновало Карла, была Ева Робсарт.

Он вздохнул и сладко потянулся. Спать не хотелось. Небольшая комната была полна лунного света, который так и искрился на граненых стеклах большого окна. Карл распахнул его и, опершись коленом о приоконную скамью, стал глядеть в парк.

Какое-то время он прислушивался к тишине — шелесту листвы, уханью совы, далекому крику козодоя. Луна, еще не совсем полная, но яркая до ослепительности, освещала мир прохладным сиянием. Уже покрытые яркой раскраской осени старые деревья в парке сейчас казались одинаково серебристо-палевыми с черными тенями там, куда не попадал свет луны. Из своего окна Карл видел боковой фасад замка: серый камень поблескивал в лунном свете, высокие, узкие,

трехстворчатые окна казались темными и таинственными. Карл заметил башенку с часами. Было достаточно светло, чтобы он разглядел время — начало одиннадцатого. По-видимому, в Сент-Прайори принято рано отходить ко сну, ибо ни в одном из окон не было заметно света. Поэтому, когда где-то стукнула дверь, Карл даже чуть вздрогнул. В следующий миг он увидел силуэт человека, вышедшего из западного крыла замка, который был хорошо виден из окна Карла.

Длинная открытая галерея, древняя и обветшалая, отходила от замка в сторону зарослей. Она была высокой, и снизу ее поддерживал ряд каменных арок, наподобие тех, что строили еще римляне в качестве подпор для своих акведуков. Именно по ней шел тот, кого заметил король. По Старческой походке и манере держаться Карл распознал в нем Патрика Линча. Король усмехнулся: старик запретил Стивену Гаррисону наслаждаться прохладой лунной ночи, а сам предпринимает поздние прогулки. Карл несколько удивился, заметив в руках управляющего узелок, наподобие тех, что поселянки носят на пашню для своих мужей.

Патрик Линч торопливо двигался мимо открытой колоннады. Вообще, парк здесь имел запущенный вид, как и весь внутренний двор, когда-то ухоженный, а теперь утративший былое великолепие, хотя в свете луны картина была более чем живописной. Поэтому когда на крыльце неожиданно возник силуэт женщины, Карл даже не удивился. Ее появление соответствовало романтическому настроению, навеянному красотой ночи.

Она постояла на крыльце лишь мгновение. Высокая, гибкая, легкая, но очаровательная, благодаря высокой груди и пышным, разметавшимся по плечам черным волосам. Карл, хотя и узнал Рэйчел, глядел на нее в восхищении. Теперь это была не чопорная пуританка со сдержанными манерами, а легкая ночная нимфа, раскованная в уверенности, что за ней не наблюдают. И эти пышные черные волосы так красили ее. Королю и в голову не пришло в этот миг сравнивать ее с сестрой. Он даже не вспомнил о Еве, а продолжал любоваться Рэйчел. Девушка постояла какое-то время неподвижно, потом закинула руки за голову и сладко потянулась.

У Карла гулко забилось сердце. В каждом движении Рэйчел ощущалась чувственность и нега. Сейчас она казалась ему едва ли не

желаннее Евы. Он увидел, как она подкинула в руке небольшой кубок, потом легко сбежала по лестнице и устремилась в сторону зарослей. Когда она исчезла во мраке, Карл ощутил даже разочарование. И вдруг принял решение.

Какие-то странные запреты о том, что не следует в одиночку ходить по замку, его не остановили. Задержала лишь сделавшаяся привычкой манера советоваться с Джулианом. Но когда он чуть приоткрыл дверь и услышал ровное дыхание спутника, то решил, что не стоит его беспокоить. Глупо. Он ведь не ребенок. Более того — сейчас Карл ощущал себя ловцом, вышедшим на охоту.

Прекрасная способность ориентироваться подсказала ему путь. Он спустился по лестнице, где Патрик Линч задержал Гаррисона, и, толкнув дверь, оказался на крыльце, где недавно стояла Рэйчел. Ночь и старый парк не пугали его, скорее манили. И все же, когда он миновал освещенную лунным светом площадку и вошел под сень деревьев, ему на миг стало не по себе. Когда по неровным каменным ступеням он проследовал в сад и ветки разросшихся кустарников стегнули его по ботфортам, Карл невольно приостановился. Парк был столь тих, мрачен и неухожен, что у Карла Стюарта возникло впечатление, будто он попал в девственный лес. Вокруг, склоняясь друг к другу, стояли буки с белыми обнаженными сучьями. Приземистые дубы усеяли вокруг землю желудями, которые гнили среди зарослей терна и дрока. Ясень и тис почти срастались кронами, еле давая проникать свету, так что старая аллея, сузившаяся до размеров простой тропы, была едва видна. Карл стоял, замерев, и когда над головой прозвучал жалобный крик совы, он вздрогнул и хотел было вернуться, но тут же посмеялся над собой. Не раз он смело смотрел в лицо опасности куда более реальной, чем страх перед темной чащей. Карл решительно двинулся вперед, лишь порой чертыхаясь и ворча, когда за одежду цеплялась ветка или он спотыкался о выступающие корни.

Он шел довольно долго, но заблудиться не опасался, ибо справа то и дело замечал арки длинной галереи. Вдруг деревья расступились, и король оказался на открытом пространстве перед блиставшим в свете луны водным зеркалом.

В душе Карла всегда боролись циник и романтик, и первый зачастую преобладал над вторым. Но сейчас Карл ощущал чуть ли не вдохновение. Как зачарованный он глядел на открывшийся взору вид.

Озеро, заросшее по краям ряской, посередине искрилось лунным серебром. Плакучие ивы обрамляли его, опустив к лепечущей воде свои ветви, и на противоположной стороне темнели живописные руины старых готических построек. Легкие и воздушные, они светились проемами окон, тянули к небу свои тонкие башенки. Они были столь красивы, что становилось ясно, почему их не тронули новые владельцы Сент-Прайори. Длинная галерея вела к ним, проходя над узким заливом озера. А за руинами виднелась еще одна, стоявшая чуть поодаль, постройка — старая романская башня, приземистая и очень широкая, со старинным зубчатым парапетом наверху. Она была столь древней, что казалась старой рядом с руинами, и если и сохранилась, то лишь благодаря монолитной толще стен. Несколько грубая, сейчас, в синеве ночи, даже она казалась прекрасной и гармонировала с лунным пейзажем.

Карл невольно вздохнул и хотел подойти ближе, но едва он двинулся вдоль озера, как оказался в зарослях крапивы и сердито зашипел, тряся обожженной кистью.

— Зуд скоро пройдет, — раздался рядом негромкий голос. Карл резко повернулся, вздрогнув от неожиданности, и тут же смешался, что выказал испуг при молодой девушке.

Рэйчел стояла неподалеку среди огороженных дорожками грядок и спокойно глядела на него.

— Будь сейчас посветлее, я бы нашла для вас щавелевый лист, чтобы вы потерли больное место. Удивительно, как скоро щавель снимает зуд крапивы.

— О, какие пустяки, — произнес Карл, выходя из зарослей и приближаясь к ней. — Сейчас вы, наверное, начнете журить меня, что я в одиночку разгуливаю по вашим владениям.

— Отчего же? Вы — гость. Правда, если бы вы вышли несколько позднее…

— Знаю, знаю. Ваши свирепые псы. Но часы находятся как раз напротив моего окна, а я слышал, что собак спускают лишь в полночь. К тому же я видел, как вы спустились в парк, а перед этим и ваш слуга, мистер Патрик, прошел куда-то в эту сторону. Видимо, в Сент-Прайори сейчас самое время для вечерних прогулок. Кстати, ваш управляющий нес узелок. Вы не знаете, для чего?

— Узелок? — Голос Рэйчел был спокоен: ни особого волнения, ни любопытства. — А, наверное, это для ланей. Несколько из них обитают в парке и стали совсем ручными. Их всегда чем-нибудь угощают. Они наши любимцы.

Какое-то время они молчали. Рэйчел, кажется, не испытывала волнения от того, что находится в столь поздний час наедине с мужчиной. Ее спокойствие словно передалось королю. Он молча наблюдал, как легко она склоняется, собирая с листьев росу в кубок. Двигалась она легко и грациозно, не смущаясь присутствием постороннего.

— Сейчас самое время собирать росу. Она помогает при подагре, которой страдает дядя Энтони.

— Вам не страшно выходить одной в такую пору?

Она улыбнулась.

— Я ведь у себя дома, сэр. А все эти слухи о призраках… Знаете, я с самого детства испытывала к ним интерес, и меня никогда не пугали эти рассказы. Я не страшусь ни призраков, ни духов и даже, наверное, несколько разочарована, что мне ни разу не пришлось повстречаться хотя бы с одним из них.

Она выпрямилась. В лунном свете она вдруг показалась Карлу невероятно привлекательной. Ночь красила ее, это была ее стихия. Сейчас ее кожа казалась скорее бледной, чем смуглой, а глаза — особенно большими и темными. Они, словно отражая сияние ночи, блестели дивным огнем. Необыкновенно прелестно выглядели эти пышные завитки волос: легкие и пушистые, они обрамляли ее лицо, словно темное облако. Она притягивала Карла, и он захотел обнять этот тонкий стан, но что-то его точно сдерживало. Почему-то он вспомнил, как утром в церкви ее назвали ведьмой, а потом этот взгляд за столом, от которого ему стало не по себе. Да, в этой девушке было нечто колдовское.

И все же Карл не смог сдержать комплимента.

— У вас удивительно красивые волосы, Рэйчел. Жаль, что вы днем прячете их под чепец.

— Так принято, — тихо сказала она и, похоже, несколько смутилась.

Карл улыбнулся:

— Здесь удивительно красиво. И эта лунная ночь, и прекрасная женщина рядом. В такую ночь хочется быть поэтом или влюбленным.

Рэйчел мило улыбнулась, глядя на блики воды.

— Да, здесь очень красиво. Мне нравится, что наш парк так разросся. Природа всегда искуснее человека, и я люблю гулять в этих диких зарослях.

Карл понял, что, по сравнению со старшей сестрой, Рэйчел не наделена и сотой долей обычного женского кокетства, а перед истинной невинностью он всегда пасовал — она попросту его не привлекала. Он вновь подумал о Еве.

— А ваша сестра…

— О, Ева совсем другая. Ева жила при дворе, у нее иные вкусы. Мы очень разные с ней, хотя искренне любим друг друга. Вам ведь очень понравилась Ева. Это нетрудно было заметить.

После этой фразы Карл не знал, как и начинать ухаживать за девушкой. Он обронил только, что ему следовало бы вести себя сегодня сдержаннее, ибо то, что не укрылось от глаз Рэйчел, мог заметить и Стивен Гаррисон.

— Мог, — согласилась Рэйчел и внимательно поглядела на короля.

Опять ее прямота раздосадовала Карла. Она проницательна — нет слов, но в ней и на йоту нет манящей дерзости сестры. Та словно всему миру бросала вызов — и его хотелось принять. Рэйчел же, в глазах Карла, могла стать скорее товарищем, сестрой, но не объектом соблазнения. А жаль. У девушки такая прелестная грудь и открытый доверчивый взгляд. Даже ее колдовское очарование словно рассеялось.

Но Карл был слишком галантным кавалером, чтобы, проведя с дамой какое-то время, не попытаться ее увлечь. И он вновь заговорил с Рэйчел; сменив тему разговора, он заметил, что они, видимо, находятся среди аптекарских грядок, и поинтересовался, каким травам Рэйчел отдает предпочтение.

— Разве вы понимаете в этом? — удивилась девушка.

— О, я знаю травник наизусть. Вас удивляет это? Или, по-вашему, мужчину может интересовать только война? Что ж, я вас разочарую. Более того, замечу, что из меня вышел бы неплохой аптекарь. Моя матушка, хоть и весьма знатная дама, интересовалась травами, и ее увлечение, видимо, передалось и мне.

— Тогда я вас проверю, — улыбнулась Рэйчел. — Скажем, что бы вы применили при спазмах?

Карл усмехнулся и ответил в тон вопроса:

— Скажем, отвар мелиссы или боярышника. Или терна. Но с терном надо быть осторожным, ибо он является также и сильным слабительным.

И Карл тут же, несмотря на щекотливость темы, рассказал забавный случай. Рэйчел наконец рассмеялась. Королю все же удалось разбить некую холодность, что возникла меж ними, и Рэйчел, как и прочие, невольно поддалась его обаянию. Вскоре она уже рассказывала о растениях, которые трудолюбиво выращивала на своих грядках; они обсуждали и сравнивали их достоинства. Она даже указала «мистеру Трентону» на полосу посевов кукурузы, которую отец привез несколько лет назад из Америки; она очень хороша при болезни печени, какой страдает тетушка, — Она так же помогает при ожирении и снижает аппетит, — заметил Карл, и, хотя он не добавил больше ни слова, они переглянулись и весело рассмеялись.

Теперь Рэйчел глядела на собеседника с явным удовольствием. В его речах и манерах проступала такая непринужденность, что и ей стало легко. Он начал нравиться ей, и она невольно поняла сестру, которая сегодня не сводила глаз с этого некрасивого юноши. У него была приятная улыбка, а карие глаза, казалось, не, смотрят, а ласкают и завораживают. Не поддаться его обаянию было трудно. Рэйчел сделала над собой усилие, чтобы закончить разговор, и заметила, что они достаточно долго гуляют и им следует возвращаться.

Едва они вошли в заросли, как Карл остановился будто вкопанный. Какой-то звук — рычание, переходящее в хохот, долетело со стороны озера, и было в этом звуке нечто такое, что у него мурашки пробежали по спине и гулко застучало сердце.

— Силы небесные! Что это?

Рэйчел тоже остановилась. Карл чувствовал, как во мраке она смотрит на него.

— Вы разве не слышали, Рэйчел?

Она некоторое время молчала, потом нерешительно произнесла:

— Может, это собаки?..

Карл ощутил внезапное раздражение.

— Не морочь мне голову, девушка, — довольно резко произнес он. — Я еще поверю, что псы могут рычать, но не смеяться же.

Она опять долго молчала.

— Идемте, мистер Трентон, мне страшно.

Карл скривил в усмешке рот:

— Вы ведь не боитесь ночных призраков?

Она не ответила.

В это время в просветах меж деревьев показалась аркада галереи, и Карл увидел будто вынырнувшего из зарослей Патрика Линча.

— Уж не ваш ли управляющий оглашает округу этими воплями? Что он за человек?

Рэйчел не ответила, она тоже глядела на Патрика Линча, Но старик шел спокойно, даже понуро. И вдруг остановился как вкопанный.

В этот миг Рэйчел слабо ахнула и неожиданно вцепилась в руку Карла.

— О!.. — почти простонала она.

Теперь Карл увидел то, что испугало Рэйчел. За колоннами навстречу управляющему медленно, почти плавно, двигался еще один силуэт. Что-то странное, неестественное было в его медленной поступи, во всем его облике. Руки его были сложены на груди, опущенную голову покрывал островерхий капюшон, скрывающий лицо.

У Карла зашевелились волосы на голове. Он понял, что видит знаменитого черного монаха.

Призрак вдруг стал двигаться быстрее, а потом произошло что-то непонятное, он словно напал на управляющего. Громкий крик огласил округу, подле Карла испуганно завизжала Рэйчел. В следующий миг он увидел, как Патрик Линч, неловко взмахнув руками, перевалился через перила. Еше один вопль, и тело, упав со страшной высоты, гулко ударилось оземь.

Рэйчел с криком спрятала лицо на груди короля. Он еле успел подхватить ее, когда она стала оседать. А когда поднял глаза, призрака уже не было на галерее.

Король весь дрожал. Облако скрыло луну, где-то яростно лаяли собаки. Вокруг царил сплошной мрак. Карл сам не заметил, как стал читать молитву. Тяжесть бесчувственного тела Рэйчел на руках

немного привела его в себя. Ему хотелось бежать, со всех ног кинуться к дому, к людям, но он не мог бросить девушку. Уложив голову Рэйчел на плечо, Карл подхватил ее под колени, и, спотыкаясь и почти плача от ужаса, понес ее к замку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Глаза у Стивена Гаррисона были светло-голубыми, но сейчас, когда он переводил взгляд с одного лица на другое, от них веяло ледяным холодом. Слуги терялись под этим взглядом и отводили глаза. Только бедный Патрик Линч никогда не боялся взгляда жениха их госпожи и мог поставить этого выскочку на место. Бедный мистер Патрик… Они едва вернулись с его похорон, когда полковник велел им собраться на кухне и начал свой допрос.

Одна лишь кухарка Сабина Берли с самым невозмутимым видом раскатывала тесто для пирога. Кухня была ее Царством, здесь она чувствовала себя в своей стихии и не собиралась стоять по струнке перед помощником шерифа. Она, как и остальные слуги барона Робсарта, не испытывала особого почтения к Гаррисону. Пусть он и дослужился у круглоголовых до чина полковника, но на своем веку она повидала господ и поважнее его. А этот даже не джентльмен, у него нет герба; его отец до того, как по жене унаследовал усадьбу Ательней, был обычным мясником в Лондоне. Но сейчас все откровенно его побаивались. Они еще не вполне опомнились после тревожной ночи, а теперь, едва они стали отходить от похорон, как он созвал их и учинил допрос.

— В Сент-Прайори все принято делать быстро и скрытно. Вчера скоренько похоронили несчастного Фила, а сегодня вы так же поторопились и с вашим управляющим — упокой, Господи…

Сзади кто-то хмыкнул. Стивен повернулся. Этот парень, Мэррот — не то лакей, не то конюх, не то охранник. Из-за недостатка слуг многие должности в замке были совмещены. Стивен столкнулся с наглым взглядом крепкого молодца и почувствовал, что тот глядит на него с насмешкой. Дерзкий малый. Держится наигранно почтительно, одет всегда просто, но щеголевато, а волосы отпустил до плеч в подражание сильным мира сего.

— В чем дело, Джек?

Тот облизнул губы, словно собирался сплюнуть, но сдержался, лишь сказал:

— Вам не стоит таиться за показным смирением, мистер. Мы ведь знаем, что вы ненавидели несчастного Патрика.

На лице Стивена ничего не отразилось, он просто продолжал глядеть на Джека. В наступившей тишине тот вдруг занервничал и снова хмыкнул, словно подбадривая себя:

— А от того, как скоро все делается в замке, не наша воля. Госпожа Рэйчел приказала — мы повиновались.

Рэйчел. Этой ночью, когда в холле ее привели в чувство, она сама была не своя. Но уже утром Стивен видел ее совсем другой — по-обычному деловой, решительной, твердой. Теперь, когда не стало Линча, на котором лежало большинство хозяйственных обязанностей, все заботы по имению падут на хрупкие плечи юной Рэйчел. Но уже сейчас никто не сомневался, что она справится и с этой ношей. Рэйчел Робсарт всегда была подлинной госпожой Сент-Прайори. И вряд ли она наймет другого управляющего, ибо штат замка словно специально был сведен к минимуму. Сейчас это облегчало задачу Стивена.

— Я собрал вас, чтобы расспросить, где каждый из вас находился, когда случилось несчастье.

Он видел, как они недоуменно переглядывались, но не спешил пояснять, с какой целью расспрашивает об этом. Полковник ни на миг не сомневался, что дело вовсе не в призраке, ибо призраки никого не сталкивают с высоты. А ваг под сутаной призрака мог оказаться кто угодно из господ и из прислуги, как мужчина, так и женщина.

Он повернулся к одному из сторожей — Бену Петтигрю, флегматичному крупному мужчине, которого видел редко и который вечно где-то пропадал. Как и сейчас его напарник. Стивен осведомился, где тот, но Бен лишь пожал плечами. Когда-то Бен служил под командованием лорда Робсарта, был его ветераном и оставался слепо предан барону. На Стивена он глядел почти враждебно.

— Что ж, Бен, начнем с тебя. Где ты был, когда все случилось?

— Я? Я был с собаками. Надо же их кормить перед тем, как спустить. Ждал, когда Осия принесет кормежку.

Стивен не знал, что псов кормили перед тем, как спускать. Странно, ведь тогда они менее злы. А ведь в округе ходят просто легенды об этих чудовищах Робсартов.

— Осия тогда еще не пришел, и я сидел у клеток. Вот и увидел, как этот чернявый джентльмен несет леди Рэйчел.

— Чего-нибудь странного не заметил?

— Ничего. Ну, если не считать криков из парка. Я тогда еще подумал, не стряслось бы чего. Но ведь псы еще были в клетке.

Стивен кивнул:

— А ты, Осия?

Мальчик-подросток жался к Джеку Мэрроту, которым явно восхищался. Он вздрогнул, когда Стивен назвал его по имени, взглянул на Джека, словно ища поддержки, и втянул голову в плечи.

— Ну же, Осия.

Лицо мальчика было хмурым, как у маленького старичка.

— Не приставайте к нему, мистер, — вступилась толсту-ха Сабина, не прекращая орудовать скалкой. — Он находился в кухне, и я сама подогревала ему похлебку для псов. Да он только вышел, когда начался переполох.

Почему-то у Стивена сложилось впечатление, что от него что-то скрывают, как это принято в Сент-Прайори, в чем особенно упорствовал именно погибший управляющий. И теперь все словно объединились, чтобы следовать прежней традиции. Для себя Стивен решил, что попозже все же поговорит с мальчиком.

Он окинул всех пристальным взглядом:

— Вы должны понять, что я не просто так расспрашиваю вас. Мне и дела нет до всяких историй о призраках. Особенно о призраках, сталкивающих стариков с восьмиярдовой высоты. Поэтому я считаю, что Патрика Линча попросту убили. И моя обязанность как помощника шерифа выяснить, кем было совершено убийство.

Он осекся, поняв, что вряд ли поднимет свой и без того невысокий престиж, если начнет вдаваться в объяснения перед прислугой. Одновременно он отметил, что его слова не удивили челядь. Последовало какое-то удрученное молчание, словно они были согласны с ним, но предпочитали по-прежнему хранить мысли при себе. Что ж, если разговора не выйдет, он будет говорить с ними тем языком, который они понимают, — языком официального лица, требующего подчинения.

Допрос мало чем помог. Оказалось, что большинство из них, как часто бывает в таких домах, попросту собрались здесь после отхода хозяев ко сну, чтобы выпить рюмку перед затухающим камином и потолковать о своих делах. Здесь был Джек Мэррот, служанки Кэтти и Долл и ныне отсутствующий второй охранник Томас Легг, супруги

Шепстон — Мэтью и Ребекка. А вот их сын Ральф отсутствовал, так как находился в это время у Энтони Робсарта, ибо того мучила бессонница, и он вел с юношей богоспасительные речи. Сейчас длинный как жердь Ральф невольно хихикнул с явной издевкой. Что ж, преподобного Энтони, родившегося в Сент-Прайори, но долго жившего вне стен замка и поселившегося здесь, по сути, недавно, слуги не жаловали, как и остальных чужаков. По крайней мере, это вычеркивало из круга подозреваемых и сэра Энтони, и Ральфа. Не было в кухне в тот злополучный час и горничной леди Евы, так как Нэнси уже спала.

Стивен тяжело вздохнул. Все они выбежали из кухни лишь на шум, узнать, что же произошло. Тогда они все были напуганы, но сейчас удивительно спокойны, даже едины в этом спокойствии. Стивен понял, что ничего не добьется, и решил поступить иначе. Он оставил их, но, поднявшись по лестнице, попридержал шпагу, чтобы не стучала по ступенькам, и осторожно вернулся, замерев у дверей.

— Неужели это и в самом деле призрак? — раздался взволнованный голос служанки Долл.

— Все может быть, — сказал Мэтью Шепстон. — Я уже много лет живу в Сент-Прайори, и хоть считаю, что каждый замок должен иметь в себе нечто этакое, но, клянусь Богом, сам-то ничего подобного не видывал. А ведь я знаю замок, как никто. С закрытыми глазами пройду по всем закоулкам.

— Призрак, призрак, — проворчала кухарка Сабина. — Мы-то ведь все знаем, что это был за призрак.

— Молчи, женщина! — прервал ее охранник Бен. — Я готов ставить голову на отсечение, что ты ошибаешься. Кому, как не мне, это знать.

Последовала долгая пауза, а затем Нэнси взволнованно произнесла:

— Может, нам стоит ему сказать? Сколько это будет продолжаться?

— А ты пойди посоветуйся со своей госпожой, — развязно бросил Джек. — Вмиг лишишься места.

Опять последовало молчание.

— Бедный старина Патрик, — со вздохом произнесла Сабина. — Рано или поздно это должно было случиться.

— Говорю, ты не о том толкуешь! — почти гаркнул обычно спокойный Бен. — И я, и Томас можем поручиться в этом. А вот что так напугало мисс Рэйчел, это вопрос. Она ведь ничего не боится — ни призраков, ни гоблинов, ни оборотней. А тут едва не выдала все.

Несколько реплик прозвучало так тихо, что Стивен ничего не разобрал. А потом раздались быстрые шаги, и Осия распахнул дверь прямо перед носом Стивена. Увидев его, мальчик издал сдавленный возглас, и лицо его исказилось таким ужасом, что Стивен испытал даже злость. Он видел, как все замерли, глядя на него, и почувствовал смущение, что его застали за подслушиванием. Но чувство долга вернуло ему уверенность, и он спокойно оглядел присутствующих.

— Вы думаете, я рано или поздно сам не докопаюсь до истины?

Они были растеряны, а потом на Стивена словно повеяло упрямой враждебностью их взглядов. «Эти будут стоять до конца», — понял он и молча удалился.

Теперь он направлялся в летнюю гостиную, где попросил собраться обитателей замка и гостей. Здесь присутствовали почти все. Почти, ибо кресло у большого окна-эркера, где обычно сидела за пяльцами Рэйчел, пустовало. Остальные были в сборе: Элизабет Робсарт разместила рыхлое тело на диванчике у стены и ела леденцы, доставая их из вышитой сумки на поясе; преподобный Энтони с глубокомысленным видом читал; Чарльз Трентон и Ева играли в шахматы, сидя на низких скамеечках по обе стороны прелестного шахматного столика венецианской работы из красного дерева и слоновой кости. Стивен Гаррисон невольно задержал на них взгляд, и сердце невольно кольнуло, когда он увидел, как этим двоим хорошо вместе. Ева, довольно улыбаясь, двинула своего коня и убрала с доски ладью соперника. Она была прелестна в платье темно-серого шелка с тонкой кружевной пелериной на плечах, ее волосы золотились в лучах солнца, обрамляя нежное лицо. На вошедшего она едва взглянула. Она казалась милой и оживленной, похоже, мрачные события минувшей ночи не сильно взволновали ее. Стивен уже успел заметить, что неприятности обитателями Сент-Прайори забываются на удивление легко, видимо, потому, что в замке довольно часто что-то происходило.

Стивен опустился на скамью у стены и не спешил начинать разговор. Он просто разглядывал покои. Здесь было очень светло, благодаря ряду высоких окон, сквозь которые лился дневной свет,

придававший покою нечто теплое и уютное. Это было роскошное помещение, где на каменном полу лежали блестящие соломенные циновки, в простенках стояли в кадках лимонные и другие экзотические деревья, а потолок был украшен затейливой росписью.

Он перевел взгляд на собравшихся. Теперь его неспешная манера привлекла к нему внимание. Джулиан Грэнтэм первый не выдержал. Перестав ходить, он остановился перед полковником.

— Буду весьма признателен, сэр, если дело, по которому вы нас собрали, не займет много времени. У меня есть мандат от парламента, по которому мне следует сегодня отбыть в Солсбери.

— Одному? — осведомился Стивен и перевел взгляд на Чарльза Трентона.

Тот теперь тоже повернулся. Он сидел на низком сиденье, что, казалось бы, должно придать его рослой, почти двухъярдовой фигуре неуклюжесть, но держался столь изысканно, что в его небрежной позе и грациозном развороте сильного торса не было никакой нелепости, одно изящество. Стивен, как и ранее, испытал почти неуловимое беспокойство при взгляде на него. Знакомое подозрение… он постарался отогнать его. Пусть скорее оно будет касаться его ревности, чем чего-то иного. Он не хотел об этом думать. Даже если он не ошибается насчет того, кто эти двое, он приказал себе не думать об этом. Ведь если проследить за ними, то явно чувствовалось, что главным из них является именно Джулиан Грэнтэм. Стивен с готовностью ухватился за это предположение.

Он взглянул на Джулиана.

— Так вы отправляетесь один?

Тот спокойно кивнул:

— Это будет непродолжительная отсрочка, и, посоветовавшись, мы решили, что нет нужды гонять обеих лошадей. К тому же несколько нелюбезно так скоро прерывать приглашение леди Евы погостить в Сент-Прайори. — Лорд Грэнтэм несколько помедлил и окончил: — Даже несмотря на то что случилось этой ночью.

Стивен кивнул:

— Что ж, я постараюсь не злоупотреблять вашим временем, однако по долгу службы вынужден расспросить вас, так как ночью все были слишком возбуждены и растеряны, чтобы отвечать на вопросы.

— Я ведь говорила, что черный монах еще даст о себе знать, — вдруг важно заметила леди Элизабет, и в голосе ее слышалось нескрываемое торжество.

Стивен никак не реагировал. Он обратился к Еве, осведомившись, где ее сестра. Она ответила, что Рэйчел еще утром отбыла по делам. Ничего удивительного в этом не было. Однако у Стивена возникло ощущение, что Рэйчел избегает разговора с ним. Несколько нелепо, ибо позже он все равно расспросит ее. Он повернулся к Чарльзу Трентону.

— Прошу вас, мистер, еще раз рассказать обо всем, что случилось ночью. Вы заметили что-нибудь подозрительное?

— Да почти все, — усмехнулся тот.

Ночью он уже рассказывал им, что случилось, правда, несколько сумбурно. Все были возбуждены и плохо соображали, их поднял шум, и они сбежались в холл на крики Трентона. Сейчас Стивен постарался припомнить, как все происходило, но с сожалением отметил для себя, что пришел в холл последним, когда все были уже там. Его тогда больше интересовала Рэйчел и просто захлестнуло чувство жалости к ней. Он никогда еще не видел девушку такой испуганной и несчастной. Даже вчера в церкви она не выглядела настолько потерянной. К тому же, увидев его, Рэйчел так и вцепилась в него, плакала, совсем забывшись, и умоляла не оставлять ее. Он утешал ее как мог и отвел вместе с Нэнси в ее покои, а когда Нэнси убежала за успокаивающим питьем для госпожи, сидел у постели Рэйчел, хотя следовало соблюсти приличия и не оставаться с девушкой наедине. Тогда ему было не до условностей: Рэйчел было спокойнее с ним, и он держал ее за руку, пока она не заснула. Уже тогда у него мелькнула мысль, что девушка удерживает его с умыслом — не пустить на место происшествия. Когда он вышел от нее, то увидел, что Джек Мэррот и Мэтью Шепстон уже принесли тело Патрика Линча. У старика был сломан позвоночник у основания шеи и проломлена голова. Видимо, смерть наступила мгновенно.

Сейчас, внимательно слушая рассказ Чарльза Трентона, он спросил:

— Вспомните еще раз, сэр, как произошло столкновение призрака с Патриком Линчем. Оступился ли старик, перевалившись через

низкий парапет, или был сброшен, ведь он падал именно головой вниз, не так ли?

Трентон на миг задумался, выпятив пухлые губы. Лицо его стало почти по-обезьяньи некрасивым. «И что Ева нашла в нем такого?» — невольно подумал Стивен, снова ощутив где-то в глубине души укол ревности.

— Боюсь, что не могу вам точно ответить, сэр. Право же, я был так взволнован тогда… скорее даже напуган… Так что сейчас меня могут ввести в заблуждение собственные фантазии и подвести память. Но что-то я не слыхал, чтобы призраки имели привычку толкаться. Так что…

— Не припомните ли вы еще чего-либо, что поразило бы вас?

— Тогда поразительным казалось все. Однако… Знаете, за несколько минут до того, как мы увидели управляющего и черного монаха, я слышал… Да, тогда меня это сильно поразило. Это был… вой или скорее рычание. А потом — хохот.

Стивен краем глаза уловил резкое движение руки Евы.

— Наверное, это были наши псы, — сказала она.

Чарльз Трентон повернулся к ней:

— Так же сказала и ваша сестра, миледи. Но мне казалось, что она ошибается. Или что-то скрывает.

Стивен был готов поклясться, что Ева смутилась, но быстро взяла себя в руки.

— Чарльз, вы не сказали, что делали в парке ночью с моей сестрой?

Этот вопрос заинтересовал Стивена. Трентон перед этим был свидетелем, как Патрик Линч запретил ему, Стивену, входить в парк, но лично для себя, видимо, не счел этот запрет существенным. Стивена неприятно поразило, что его невеста обратилась к гостю по имени. Они, видимо, уже весьма сблизились, раз Ева позволяет себе такую вольность. Но он сдержался и выслушал ответ Трентона, как тот случайно встретил девушку в парке и она поведала ему о своих лекарственных травах, и снова спросил:

— Каков был этот призрак? Будьте добры, опишите его, исходя из расчета, что им мог быть реальный человек, мужчина или женщина, укутавшиеся в плащ.

— Что за глупости! — невольно воскликнул Энтони Робсарт. — Кто стал бы рядиться в балахон монаха, дабы напугать мистера Линча?! Что касается этого хохота, то я сам пару раз слышал его, и он пугал меня, пока мой брат Дэвид не пояснил, что так кричит какая-то ночная птица. Он даже называл ее, правда, название трудное, и я не упомнил.

Похоже, Чарльза Трентона не очень удовлетворило это пояснение, но он не стал возражать и постарался ответить на вопрос полковника как можно точнее. Стивен, кивнув, обвел присутствующих взглядом.

— Я уважаю легенду о черном монахе, однако считаю, что под плащом мог прятаться и реальный человек, который по какой-то причине имел желание расправиться с беднягой Патриком.

Он выдержал паузу, давая собравшимся возможность обдумать услышанное.

— И этим человеком в плаще, исходя из описания, может оказаться любой обитатель Сент-Прайори. Только что я допрашивал слуг. Теперь я прошу вас пояснить, где находился каждый из вас примерно в половине двенадцатого. Все произошло в это время, не так ли? Вас, мистер Трентон, я не стану утруждать расспросом, ибо вы с мисс Рэйчел… но остальных…

Элизабет Робсарт даже поперхнулась леденцом и закашлялась, но тут же возмущенно воскликнула:

— Это оскорбление! Отдаете ли вы себе отчет в том, что собираетесь допрашивать нас, словно какой-то сброд!

— Я только выполняю свои обязанности, миледи.

Лицо дамы даже побагровело от гнева.

— Но вы забываетесь, сударь! Вы здесь всего лишь гость. И вам в любой момент могут указать на дверь.

— Успокойтесь, тетушка, — мягко остановила ее Ева. — Никто не станет выгонять Стивена. Я не думаю, что он всерьез считает, будто вы покинули свое теплое ложе, чтобы нарядиться в плащ и напасть на нашего преданного управляющего.

Она с трудом подавила улыбку, представив подобную картину.

— Однако лучше мы ответим Стивену, нежели сюда для расследования прибудет кто-нибудь, кто не вхож в наш дом, и нам все же придется давать пояснения.

Стивен отметил, что последний довод охладил пыл разгневанной дамы, но все же она бросила на него исполненный гнева и презрения взгляд. Он остался спокоен — для него давно не являлось секретом, что Элизабет Робсарт, мягко говоря, недолюбливает его.

— Что ж, сударь, извольте. Я была, как и положено в ночной час, у себя в опочивальне. Сплю я чутко и, едва услышала шум, стала звать Долли или Кэтти. Но эти бездельницы где-то пропадали, поэтому я оделась в кофту и сама сошла в холл. Там уже были почти все слуги. Потом появился мистер Грэнтэм, — голос ее стал мягче, она бросила на Джулиана почти кокетливый взгляд. — Он был без камзола. А потом к нам присоединился мой брат Энтони. Явно из спальни, так как пришел в халате и шлепанцах…

— Я и был в спальне! — почти возмущенно воскликнул пастор. — Я только собирался отходить ко сну, когда все началось.

— Разве с вами не было Ральфа? — спросил Стивен.

— Был, — согласился Энтони. — Но за полчаса до этого я отослал его. Я читал ему одну из поучительных историй о царе Давиде, однако он бесстыдно задремал, и я выгнал его. Прискорбно видеть, как мало думают о святом эти простолюдины, как забыли о душе, забыли, что все мы лишь странники в этом мире, а настоящая жизнь ожидает нас…

— Довольно, преподобный отец. — поднял руку Стивен и повернулся к Джулиану. — Что скажете вы, сударь?

Джулиан пожал плечами.

— Мне нечего ответить на ваш вопрос. Я спал. Я был очень утомлен и уснул сразу же, как только голова коснулась подушки. Правда, мне нечем подкрепить свои слова.

— Я могу это подтвердить, — вмешался Трентон.

— Но ведь вы были с мисс Рэйчел? — удивился Джулиан.

— Да, но перед тем, как спуститься в парк… — Карл на минуту остановился, перевел взгляд на Стивена и продолжил: — Я заходил в комнату своего спутника, и он даже не проснулся. Однако по дыханию спящего можно определить, притворяется он или нет.

— Вы уверены в своих словах? — настаивал Гаррисон.

— Да я готов поставить золотой нобль против республиканского фартинга… — Он осекся, почувствовав, как все повернулись к нему. Слишком роялистская фраза в устах человека, изображающего пуританина. И тут же, чтобы отвлечь от себя внимание, Карл выпалил:

— А вы сами, полковник Гаррисон? Где вы были до того, как явились на шум? Вы ведь пришли последним.

— И в самом деле, — почти радостно подхватила леди Элизабет и с таким хрустом раскусила леденец, словно грызла кости врага. Зубы-то у нее, несмотря на возраст, были отменные.

Стивен спокойно оглядел их.

— Я спал у себя в покос. Я ведь всегда располагаюсь в угловой комнате в конце восточного крыла. И шум там почти не слышен.

— А ведь у вас были не самые лучшие отношения с Патриком Линчем, — вдруг спокойно заметил Джулиан. — Вчера мы видели, как вы грубо обошлись с ним во время ужина, а после стали невольными свидетелями вашей ссоры, когда он запретил вам пройти в парк.

— Что вам понадобилось ночью в парке? — удивленно приподняла брови Ева. — И что это за ссора?

Стивен вынужден был рассказать.

Элизабет Робсарт почти торжествовала.

— Вы и в самом деле не ладили с нашим управляющим. Ибо он всегда указывал вам ваше место. А сейчас вы с самым благородным видом пытаетесь разведать, кто бы это мог желать его смерти… — язвительно сказала она.

Стивен чувствовал на себе множество взглядов. На него смотрели так, словно загнали в ловушку. Только выдержка позволила Стивену сохранять спокойствие.

Обстановку разрядила Ева.

— Что касается меня, то я почивала сном младенца и проснулась, лишь когда меня растолкала Нэнси. Я и не знала, что весь этот переполох произошел из-за неосторожности управляющего, который так испугался призрака, что сорвался с галереи.

Она улыбнулась, мило пожав плечиками. Веселая, очаровательная Ева Робсарт, которую ничуть не расстроила смерть преданного слуги. А ведь Патрик Линч когда-то качал ее на коленях! В реальности призрака она словно не сомневалась, отнюдь не отягощая себя раздумьями, что это мог быть кто-то еще. На обычно наблюдательную и пытливую Еву это было не очень-то похоже.

В этот момент вошел слуга Ральф и заявил, что к помощнику шерифа прибыл мировой судья города Уайтбриджа.

Стивен ощутил облегчение, но и оно не могло изгнать той грусти, что росла в нем по мере того, как он ощутил себя под подозрением. И основой этой грусти была антипатия окружающих, которую он почувствовал столь явственно. Да, его не любили в Сент-Прайори. Это задевало больше, чем хотелось признаться себе. Он-то ведь любил это место, его тянуло сюда. Возможно, его манили загадки замка, ибо уже прошло то время, когда он несся сюда как на крыльях только для того, чтобы встретиться с невестой. Он давно понял, что их отношения с Евой изменились. Еве нужна была его страсть, но, хоть он и жаждал ее, как и ранее, он сам поставил преграду меж ними, ибо его моральные нормы и воспитание не позволяли грешить там, где в этом не было необходимости. Разве после воздержания их объятия станут менее сладкими? Наоборот, он ждал этого часа, пребывал в томительном, напряженном ожидании, причинявшем ему муку и сладость. Ева была упоительно страстной любовницей, которую он хотел безумно, и все же его шокировала ее вседозволенность. Он бы счел ее распущенной, если бы не привык относиться к ней с уважением. Но еще более Стивен почитал отца своей невесты. Ему становилось хорошо от мысли, что он породнится со столь выдающимся человеком, взгляды которого ему были близки, а память об их задушевных беседах и откровениях вызывала в нем гордость. Где-то в глубине души он чувствовал, что и Робсарт не одобряет их брака с Евой, но заставлял себя не думать об этом. И все же та печаль, что светилась в глазах Робсарта, когда он глядел на него, именно на него, во время их с Евой помолвки, не забывалась. Он помнил, как его мать сказала:

— Думаешь, барон не понимает, что вы с его дочерью вовсе не пара? Я могу поверить, что Робсарт испытывает к тебе симпатию, но убеждена, что он, как и я, видит: ничего хорошего этот союз не принесет. Просто он не прочь все же выдать за тебя свою заневестившуюся красавицу-дочь.

Мать Стивена была на редкость мудрой женщиной, и Стивен привык считаться с ее словами. Но его тянуло к Еве, он хотел ею обладать, правда, при условии благословленного небом союза. Иначе его замучила бы совесть.

Эти мысли поглотили его, когда он вслед за Ральфом спускался в холл, где его ожидал некий Эзикиэл Бате, неприятный человек,

мировой судья Уайтбриджа, рьяный пресвитерианец, с которым у Стивена были натянутые отношения. Встреча эта не предвещала для полковника ничего хорошего, и он заставил себя встряхнуться, готовясь к ней. Но тут он вспомнил, что еще не говорил с Ральфом, и окликнул его. Тот оглянулся. Здоровенный увалень, с простодушным, почти глуповатым лицом. «Вряд ли, — подумал Стивен, — по крайней мере, разговор стоит отложить».

И он спустился в холл, где нетерпеливо бродил, клацая шпагой по плитам, Эзикиэл Бате.

Разговор и в самом деле вышел неприятным. Мировой судья был возмущен тем, что Стивен принудил вдову Холдинг уплатить штраф за нарушение спокойствия в городе, освободил раньше времени от стояния у позорного столба Михея Баррела и изгнал преподобного Захарию Прейзгода.

— Вы воспользовались моим отсутствием и превысили свои полномочия. Это вам не сойдет с рук, у меня найдутся влиятельные знакомые в парламенте, а вы, как я слышал, не пользуетесь симпатией у властей, и даже ваш дядя генерал-майор Гаррисон не желает о вас слышать. Дружба с Робсартом вас не спасет.

Почти полчаса он нападал на Стивена, расходясь еще больше от спокойствия последнего. В конце концов Стивену это надоело, и он сказал, что в Сент-Прайори у него еще есть дела, а все остальные вопросы они уладят вечером, когда он прибудет в Уайтбридж. Эзикиэл Бате почти кинулся за ним по лестнице, но тут появилась Ева, и судья предпочел излиться в почтительных речах и сочувствии перед дочерью барона Робсарта, причем Сару Холдинг он поносил не менее рьяно, чем перед тем защищал.

Стивен вышел в парк и остановился, заставляя себя успокоиться. Оглядевшись, он увидел, что почти дошел до озера. Водная гладь поблескивала сквозь расцвеченную яркими красками осеннюю листву.

Стоял один из тех удивительно ясных и солнечных дней, благодаря которым многие люди так любят осень. Воздух был теплый и прозрачный, сияющий красками удивительных цветов листвы — золотистыми, рыжими, пурпурными. Солнце высоко стояло над раскидистыми кронами деревьев и, пронзая их, высвечивало капли росы на паутинах; они сверкали, будто чистой воды бриллианты. Буйство и яркость красок поражали воображение. Пахло ароматом

свежей земли и легким грибным духом, в котором чувствовался почти сладостный привкус осени. А вверху необъятным шатром раскинулось глубокое лазурное небо, ослепительное и далекое.

Стивену стало легче. Как бы он не старался казаться сдержанным, в душе он всегда оставался романтиком. И сейчас, любуясь окружавшей его красотой, он почти расслабился, сбил мальчишеским жестом зависшую на паутине гусеницу, сорвал желтый лист и покрутил его меж пальцами. Со вздохом он заставил себя собраться, вновь стать помощником шерифа и вспомнить, зачем он пришел в парк. Повернувшись, он направился туда, где, как ему указывали ранее, был найдено тело Патрика Линча.

Дикий виноград, окутывавший массивные подпоры галереи, был почти малиновым, а высоко поднимавшиеся над головой столбы колоннады светились в лучах солнца. Трудно было поверить, что здесь произошла трагедия. Утром Стивен хотел подняться на этот Бог знает зачем сохранившийся переход, но, как оказалось, туда вел лишь ход через покои в башне барона Робсарта, и дверь в них оказалась запертой. Как, впрочем, и всегда. А ключи, оставшиеся с Патриком Линчем, уже забрала Рэйчел. Сейчас Стивен прикинул высоту огромных подпор, отметил относительно низкий парапет наверху галереи, через который так легко упасть. Спрашивается, с чего это управляющему пришла охота бродить там ночью? Он вообще был странным человеком, этот старый слуга Робсартов. Стивен вдруг понял, что совсем не испытывает жалости к нему. Да, он не любил Патрика Линча. Более того, едва переносил. После Элизабет Робсарт, Линч был вторым, кто так ясно указывал Стивену, что он не пара леди Еве. Брак Евы Робсарт, дочери пэра Англии, и сына мелкопоместного сквайра, в прошлом мясника, — разве не чудовищный альянс в глазах слуги, привыкшего едва ли не молиться на своих господ? Поэтому Линч был всегда так резок с Гаррисоном, и тот вскоре понял, что возненавидел старого ирландца, и все чаще позволял себе быть почти грубым, стараясь поставить старого слугу на место. Его самого удивляла эта неприязнь к Патрику. Возможно, сказывалось и раздражение, что слуга скрывал от него нечто, более того, шпионил за ним и постоянно с самым непреклонным видом вставал на его пути. Он будто охранял что-то, или Стивену это только казалось? Что ж, теперь его не стало. Стивену следовало помолиться за упокой его

души, но, видимо, он скверный христианин и великодушие не входит в число его добродетелей.

Ему стало не по себе от подобных мыслей. Повернувшись, он пошел назад. Приходилось почти продираться через заросли бузины и боярышника, ветки хлестали по ботфортам, и пугливые лягушки прыгали в стороны, спасаясь под листьями папоротника. Зачем Робсарт превратил такой прекрасный парк в чашу?

Стивену не давал покоя еще один вопрос. Почему Робсарт завел привычку спускать по ночам своих псов-людоедов?

Стивен подошел к вольеру, где обитали псы Робсарта, все как на подбор огромные и черные. Специально выведенная бароном порода. Зачем? Он ведь в состоянии нанять целый отряд охранников. К чему этот варварский метод? Он как-то не полюбопытствовал об этом у барона в те долгие зимние вечера, когда они говорили, сидя у камина. Стивен ни перед кем так не открывал душу, как перед Робсартом, и никого так не слушал, как его. Много было схожего в их судьбах!

Но эти псы… Стивен вдруг вспомнил, что собак кормят перед тем, как спустить. Значит, они не так уж голодны, когда охраняют, а следовательно, и не очень злы. Сытый зверь благодушен. И еще Стивен вспомнил: несмотря на то что тело Патрика Линча пролежало всю ночь, и он сам слышал, как выли над ним собаки, они не растерзали его, как перед тем труп Филипа Блада. Или этим зверям непривычно трогать мертвечину и их интересует только охота?

Глядя на эти устрашающие морды, Стивен ощутил, как его пробрал озноб. Он сделал шаг к клетке. Звери глухо заворчали, потом залились лаем, почти прыгая на прутья. Исчадия ада! Стивен невольно попятился.

— Не стоило бы вам их злить, — раздался рядом глухой низкий голос.

Стивен вздрогнул, но повернулся нарочито медленно. Второй охранник Томас Легг. Стивен крайне редко сталкивался с этим слугой, но не узнать его было невозможно. Внешность у Томаса была впечатляющая: огромный, квадратный, мышцы так и перекатываются под фланелевой рубахой. Из-под нависающих на лоб, чуть тронутых сединой волос глядят светло-карие блестящие глаза, сверкают по-волчьи. От него чуть попахивало спиртным, но держался он твердо. Томас подошел к клетке, успокаивая собак; те вмиг завиляли

обрубками хвостов. Когда он касался прутьев грубыми, как клещи, руками, псы начинали даже поскуливать, норовили лизнуть. Томас оглянулся на полковника и повторил:

— Не стоит вам их злить.

А взгляд говорил: «И меня тоже».

Стивен ушел. Ему надо было уезжать. Он зашел в летнюю гостиную, надеясь застать там Еву, но там была только служанка Кэтти, смахивавшая кисточкой пыль с мебели. Он попросил ее найти госпожу. Ожидая, Стивен стоял у окна и наблюдал, как Чарльз Трентон играл перед фасадом замка со спаниелями Евы. Маленькие собачки (он невольно сравнил их с черными псами-охранниками) так и прыгали вокруг этого крупного мужчины. Забавно было видеть, как он убегает от них, а они носятся за ним пятнистой, гавкающей массой. И вдруг Стивен подумал, что этот человек симпатичен ему. Даже несмотря на то что он ревнует к нему Еву.

В этот миг из-за угла бокового крыла замка выбежал Осия. Он несся, оглядываясь, и не видел, как налетел на спаниеля. Песик истошно взвизгнул. Мальчик подскочил, оступился, потом упал. Чарльз Трентон расхохотался, затем подошел и поднял ребенка. Тот глянул на него со страхом, вырвался и кинулся прочь. Стивен вспомнил, как сегодня точно так же мальчик испугался и его. Он нахмурился. Не забыть бы ему еще раз поговорить с Осией.

Но тут появился Джулиан Грэнтэм, который вел под уздцы уже оседланного коня. Стивен не знал, что он еще в Сент-Прайори — ведь недавно он так торопился. Но тут его внимание привлекло нечто другое. Чарльз Трентон продолжал сидеть на корточках, лаская спаниелей, только повернул к Джулиану лицо. Джулиан стоял перед ним с непокрытой головой, всем своим видом выражая глубокое почтение, и это не оставляло сомнения, кто из них был главным. Выходит, ранее Стивен ошибался. Это не понравилось ему и пробудило прежние подозрения. Подозрения, которые почти внушали страх.

— Дьявольщина! — грубо выругался он.

И тут же услышал за спиной смех Евы.

— И это наш достойный пуританин-полковник!

Она говорила весело, но Стивен отчетливо уловил в ее словах оттенок презрения. Стивену стало больно.

— Ева, вы же знаете, что я не такой педант, каким вы хотите меня представить.

— Неужто?

Чуть приподнятые в насмешливом изломе брови, а глаза холодные, колючие. Стивен вздохнул. Он сам поставил барьер меж ними и знал, что Ева в обиде на него за это. Но как бы ни желал Стивен Еву, он прежде всего уважал ее отца и не хотел разочаровывать его, не хотел, чтобы эта связь опорочила доброе имя барона Робсарта.

— Ева…

— Что? — резко отозвалась она.

Почти интуитивно он чувствовал, что она хочет, чтобы он поскорее ушел. И вдруг ощутил, что желает того же. Как случилось, что после всего, что было между ними, настало это холодное отчуждение? Стивен искренне надеялся, что после свадьбы все изменится.

Сейчас же он лишь сказал, что вынужден уехать, и позвал ее, чтобы проститься. Она присела в низком реверансе, он поклонился. Они стали почти чужими. В следующий миг внимание Евы привлек лай спаниелей за окном, она повернулась, и Стивен понял, что о нем уже забыли. Глаза девушки засветились при взгляде на Чарльза Трентона. Стивен надел шляпу и вышел. Его обуяла злость — да знает ли эта глупышка, на кого заглядывается? Сам-то он опасался, что знает.

Он постарался отвлечь себя делами. Надо было посетить несколько имений приверженцев короля, у которых следовало взимать штрафы, заехать в одну усадьбу, где недавно исчезла дочь хозяев — как подозревал Стивен, ее попросту пришиб отец семейства, уличив в близости с местным сквайром, — а также договориться о покупке шерстяной мануфактуры. Но охотнее всего он побыл бы один. Поэтому прямо посреди пустошей он остановил коня, пустил его пастись и, сев на кочку, глубоко задумался.

Да, он подозревал, кем мог оказаться Чарльз Трентон. И если он не ошибается, как поступить тогда? Исполнить долг и навлечь немилость на дом невесты, укрывшей того, кого ловит вся полиция Кромвеля, а кроме того, поступить вопреки своей совести? Ибо если ранее он безоговорочно поддерживал парламент, то теперь его взгляды претерпели сильные изменения. Он уже понял, что за всеми речами

парламентариев о свободе и справедливости стояли только корысть и расчет. А ведь как он им верил поначалу!

Он увлекся новыми идеями, еще когда учился в Кембридже, куда его отправили получать образование родители. Кембриджский университет был пронизан духом протестантизма, и на юном Стивене это не преминуло сказаться. Когда по окончании учебы он вернулся домой, то только и говорил, что король попирает старые английские вольности и хочет править, не созывая парламент. Уже тогда Стивен сошелся с пуританами, но это не мешало ему иметь пару хорошеньких любовниц и заигрывать с дочерью лорда Робсарта. Когда началась война, он сразу же вступил в парламентскую армию. Ему казалось, что он борется за правое дело, и даже те неудачи, что поначалу преследовали сторонников парламента, не погасили его пыл. Как ни странно, первые сомнения стали рождаться, когда они начали побеждать. Стивен задумался над тем, что король Карл все же монарх этой земли, а они попросту мятежники, восставшие против него; но тогда подобные мысли посещали его редко.

Он служил в армии Ферфакса, видел восходящую звезду Оливера Кромвеля и преклонялся перед гением этого человека. Но война… Они ведь убивали таких же англичан, как и сами, и в этом Стивен видел величайшее зло, что бы ни говорили их капелланы. Он восстал против мракобесия, какое несли с собой пуритане, потому что видел, как солдаты врывались в церкви, разрушали алтари, сжигали украшения, и вздрагивал, когда их топоры крошили распятья. А потом была победа под Нэйсби, когда он вновь встретил Еву, а позже помог ее отцу разыскать тело сына. Тогда у него впервые состоялся откровенный разговор с Дэвидом Роб-сартом, и он понял, что барон, как и он, сомневается в правоте их дела. Барон тогда оставил армию, Стивен не смог. Им еще владели честолюбивые помыслы, он был повышен в чине, а покровительство дяди Гаррисона сулило ему блестящую военную карьеру. Он остался и увидел воочию, как постепенно рушатся его идеалы.

В то время Стивен был охранником младших детей Карла I — Джорджа, Елизаветы и Генри — и порой сопровождал их на свидания к королю. С детьми этот властный сухой человек становился мягким и добрым, играл с ними, как обычный фермер. Но с остальными он был предельно сдержан. Стивен не мог понять той преданности и любви,

какие прямо светились в глазах личных слуг его величества. Его, не привыкшего склоняться перед власть имущими, это поначалу раздражало. Конечно, король был всегда предельно вежлив в обращении, никогда не позволял себе повышать на них голос и все же всегда умел дать понять, что он — существо высшее. Однажды Карл Стюарт обратился к нему и двумя-тремя словами выразил признательность, что Стивен так добр и предупредителен с его детьми. Он протянул руку для поцелуя — высшая милость в былые годы. Но Стивен был сторонником парламента, и лишь вежливо поклонился, делая вид, что не заметил протянутой руки. Король удалился, словно ничего не произошло — маленький, изыскано одетый человек с величественной осанкой. А камергер его величества едва ли не кипел от злости. Слепая собачья преданность, думал тогда Стивен. Потом он стал узнавать кое-какие детали. Так, когда у того же камергера заболела жена, Карл, которого еще содержали чисто по-королевски, распорядился прислать к ней своего личного лекаря, а когда горничная случайно разбила дорогую вазу и зашлась плачем, король лишь пожал плечами и подал неудачливой служанке свой платок с королевским вензелем. Постепенно Стивен стал понимать привязанность к венценосному господину этих людей и даже сам проникся симпатией к царственному пленнику.

Однажды, когда Стивен привел к нему детей и Карл гулял с ними в саду, Стивен увидел, как на примыкавшей к парку террасе появился сам Оливер Кромвель. Какое-то время он глядел на августейшее семейство и даже умильно прослезился. В руке у него был свиток. Когда он подошел к Карлу и протянул его, то держался даже почтительно; потом голоса стали громче, но Стивен стоял слишком далеко, чтобы разобрать слова. Король коротко отвечал, был сдержан и спокоен, что составляло значительный контраст рядом с беснующимся генералом Кромвелем. Стивену в какой-то миг даже показалось, что Оливер был готов ударить короля, и невольно поспешил к ним. Он даже разобрал последнюю фразу Карла I:

— Без меня вы ничего не сможете сделать. Если я вас не поддержу, вы погибнете.

Король знал, что говорил. Пленение его особы многих взволновало в королевстве. Ибо, что бы ни постановил парламент, без подписи короля это не будет считаться законным. Но Карл решительно

отвергал те унизительные требования, какие вынуждал его подписать парламент, свято верил в свою власть от Бога и не желал становиться марионеткой военных диктаторов.

Поэтому Кромвель и злился. Ведь без согласия с королем банкиры из Сити не выделят ему денег, роялисты не сложат оружия, а шотландцы вторгнутся в страну. Невысокий бледный человек с кроткими глазами и слабой складкой губ оставался непреклонен, Кромвель ушел в ярости. Уходя, он повернулся так резко, что задел по ноге короля эфесом шпаги. Стивен видел, какой ненавистью было искажено лицо Оливера Кромвеля. Карл I стоял меж ним и властью, а Кромвель слишком многого достиг, чтобы идти на попятную.

Вечером Стивен видел, как принц Джеймс спустился из окна по связанным простыням, но не поднял тревогу. В темноте мальчик почти налетел на него и едва не закричал от страха, но Стивен лишь повернулся и ушел. Зная нрав Кромвеля, он понял, что детям грозит опасность, поэтому был даже доволен, что второй сын Карла I окажется на свободе.

Побег Джеймса Стюарта наделал много шума. Стивен впал в немилость, и его услали в Понтефракт, одну из крепостей на севере Англии, которую все еще удерживали роялисты. Но, к своему изумлению, он попал в абсолютно мирную обстановку. Осада крепости велась вяло, осажденные часто покидали крепость, и зачастую можно было видеть, как «брат круглоголовый» братался с «братом кавалером»; общие обеды и визиты друг к другу тут не были редкостью. И Стивен вдруг понял, как он тоскует по мирной жизни, вспомнил старые добрые времена, и, хотя его послали ускорить наступление на Понтефракт, он не предпринял ничего, чтобы нарушить установившуюся там идиллию. Более того, когда в ставку под Понтефракт прибыл суровый фанатик Рейнсборо и стал требовать возобновления штурма крепости, Стивен использовал все имеющееся у него влияние, чтобы Рейнсборо услать как можно дальше.

Да, время, проведенное под Понтефрактом, было самым светлым воспоминанием Стивена за годы войны. А потом пришел приказ от его дяди Гаррисона прибыть в Лондон.

— Мы отправляемся за Карлом Стюартом, — заявил дядя прибывшему племяннику. — Он находится в заключении на острове

Уайт, и у меня есть постановление парламента доставить его в Лондон для суда.

Стивен с трудом проглотил ком в горле.

— Не ослышался ли я, ваше превосходительство? Вы сказали, что помазанника Божьего собираются судить? Но кто? Кто посмеет судить человека, который может держать ответ только перед Господом?

Дядя хмуро посмотрел на него.

— Странные речи для полковника республиканской армии, Стивен. Довольно, мы выезжаем завтра на рассвете.

Короля везли с острова Уайт спешным маршем, и генерал Гаррисон всячески старался притеснять короля, стремясь показать, что он ничем не отличается от обычного преступника. На пути кортежа то и дело собирался народ, люди сочувствовали, плакали, тянули к королю детей. Но едва Карл протягивал для благословения скованные кандалами руки, как генерал Гаррисон велел ускорять ход конвоя, и они проносились мимо толп крестьян, обдавая их грязью из-под копыт.

В Лондоне Карла содержали в унизительных и суровых условиях. Белье ему не меняли, при нем оставили лишь одного слугу; камин почти не топили, а еду подавали остывшей. Карл не жаловался и даже в таком унизительном положении умудрялся сохранять удивительног достоинство. И все же он сильно изменился, его волосы совсем поседели, он стал сутулиться, глаза погасли. Когда выпадало дежурство Стивена нести охрану, он старался, как мог, облегчить положение своего августейшего узника — следил, чтобы комнату обогревали жаровнями, чтобы у короля не было недостатка в свечах и теплой одежде. Карл, казалось, не обращал на это внимания, оставаясь безучастным, однако в то роковое утро, когда его пришли звать на суд, он вдруг повернулся к Стивену и поблагодарил его за старание и сочувствие. И тогда республиканец Стивен, забыв о своих былых принципах, встал перед королем на колено и припал к его руке.

— Да ниспошлет Господь мужества Вашему Величеству.

— Благодарю, сэр, — бесцветно ответил король, глядя куда-то поверх головы коленопреклоненного стража. — Мужество — это как раз то, в чем я сейчас особенно нуждаюсь.

Во время процесса Карл I держался с удивительным величием и хладнокровием. Его судили… за государственную измену. Состав суда был крайне малочислен, ибо хотя люди Кромвеля упразднили из

парламента всех, кто хоть мало-мальски сочувствовал королю, но и те, кто остался, под всякими предлогами постарались покинуть Лондон. Когда палата лордов решительно отвергла ордонанс о привлечении Карла I к суду, военные диктаторы ее попросту упразднили… Еще одно грубейшее нарушение старинного закона.

И тем не менее пятьдесят три человека отважились на беспрецедентный случай — суд над своим монархом.

Поначалу процесс был открытым, и Стивену удалось проникнуть в зал суда. Короля посадили спиной к залу и потребовали, чтобы он из уважения к судьям снял шляпу. Король никак не отреагировал на это. Никогда еще не случалось, чтобы монарх обнажал голову перед своими подданными. Держался он с достоинством и даже при его небольшом росте казался величественным. А его ответы на обвинения судей были столь логичны и обоснованны, что в зале то и дело раздавались аплодисменты и одобрительный гул. Присутствовавшая на суде жена генерала Ферфакса просто учинила скандал, выкрикивая, что все обвинения против Карла I ложны, а Кромвель — предатель. Зрители долго шумели, когда ее выводили из зала, и судьям еле удалось их угомонить.

И все же суд состоялся. Позорный суд, ибо король защищался, опираясь на закон, а его судьи пытались апеллировать к тому же закону, но только все больше запутывались, так как по всем статьям закон был на стороне монарха. Их Доводы превращались в ничто перед простыми ответными обвинениями короля:

— Я отказываюсь признать законность этого суда. Вы разогнали нижнюю палату и отменили палату лордов. На каком же законном основании вы судите меня? Вы не считаетесь с тем, что я получил власть от Бога. Но титул короля Англии никогда не был выборным, а на протяжении тысячелетий являлся наследственной привилегией и обязанностью. И я нахожусь сейчас не перед правосудием, а перед силой.

В зале раздались крики; Кромвель, сидевший в задних рядах судей, потребовал перенесения заседания на завтрашний день. На другой день и на третий ситуация не изменилась. Король говорил разумно и конкретно, судьи же путались в демагогических рассуждениях, упрямо продолжая обвинять короля во всех бедах гражданской войны. Лондон в эти дни бурлил.

— Ничего у них не выйдет, — говорили одни.

— Короля все же заставят ответить за все, — отвечали другие.

Последние оказались правы. Чтобы разрубить завязавшийся узел, республиканцы попросту решили провести закрытый процесс. Лишь через двадцать дней суд снова был открыт для публики, когда состоялось оглашение окончательного приговора.

Все эти дни Стивен беспробудно пил. Он никогда еще так не напивался. Последний день суда он попросту проспал, и, когда на другой день его, совсем распухшего от пьянства, отыскал генерал Гаррисон, он только пробурчал:

— Все кончено? Я могу ехать?

Ему было стыдно, что он участвовал в этом фарсе. Что король обречен, он понимал уже из того, что Карл Стюарт был последним препятствием на пути к власти для Кромвеля. И он так и не понял, почему тогда не покинул Лондон. Смалодушничал, подчинившись приказу дяди принять участие в оцеплении плахи в день казни.

День 30 января 1649 года выдался ветреным и холодным. Солдаты в три ряда оцепляли плаху и оттесняли от нее народ. Король взошел на нее прямо по сходням из окна своего дворца в Уайтхолле. Он остался королем до конца. Перед казнью он обратился к народу с речью. Ветер уносил слова обреченного монарха, а люди жадно подхватывали их, словно последнее благословение святого.

— Не я начал эту войну, а парламент, — говорил король. — Но палаты не повинны в том, что меня убивают, повинны те, кто встал между мной и парламентом. Вы стоите на ложном пути, ибо теперь в Англии воцарится грубая сила. Вернитесь в старину, воздайте кесарю кесарево, а Богу Божье.

Он говорил спокойно, как милостивый монарх, наставляющий своих подданных, словно неразумных детей. Но слова его уносил ветер…

Потом он с помощью епископа убрал свои длинные поседевшие волосы под шапочку, снял плащ, опустился на колени и положил голову на плаху.

Палач отрубил ему голову одним ударом и, взяв за волосы, показал толпе:

— Вот голова изменника!

Сначала воцарилась полная тишина, а потом раздался такой громкий и протяжный стон, что у Стивена волосы зашевелились под стальной каской. Люди теряли сознание. Многие бросились к помосту, чтобы омочить платки в королевской крови, как в крови святого. Стража стала разгонять их пинками.

Стивен опомнился только на краю города. Он брел, неведомо куда, не знал, где оставил лошадь. Потом у него появилось жгучее желание напиться. Он направился в так называемый клуб Телячьей головы, где пьянствовал до этого, и нос к носу столкнулся с тем, кто судил короля, с самим Кромвелем. Они пили красное вино из телячьего черепа, все уже были пьяны и веселы. Захмелевший дядя протянул ему полный до краев череп.

— Выпей за наше богоугодное дело, Стив.

У Стивена кровь прилила к сердцу. Он едва не задохнулся от бешенства и, прежде чем понял, что делает, свалил генерала Гаррисона кулаком в челюсть.

На этом кончилась его блестящая военная карьера. Вряд ли его это огорчило. Когда наутро Стивен покидал Лондон, то небо, которое до этого было ясным, заволокло черными тучами и пошел такой снег, что за какие-то два часа мир стал ослепительно белым. Стивен слышал по пути разговоры, что этот белый покров является знаком небес, символом невиновности короля Карла I. И вот теперь, спустя два года, у Стивена появилась возможность захватить его сына. Человека, которого ищут по всей Англии, мужчину, которым явно увлеклась его невеста. Он может одним махом возобновить свою карьеру и избавиться от соперника. Стивен понимал, что Ева узнала Карла II и не в силах устоять перед ним. Вдруг до него дошло, что он смирился с неверностью невесты. Он даже удивился, что совсем не испытывает досады. Стивен был уверен в одном: он не предаст сына короля-мученика.

Он встал, размял онемевшие члены и пошел ловить лошадь, успевшую далеко отойти.

Сегодня у него было еще одно дело, и он решил отвлечься мыслями о нем. Ему надо было посетить усадьбы квакеров и поговорить с их главой о повышении налога на шерсть. Стивен всегда брал с квакеров повышенный налог, но делал это неофициально. Весь излишек платежа полковник отдавал в качестве уплаты церковной

десятины. Сами квакеры отвергали эту церковную подать, ибо, по их мнению, это являлось торговлей религией, но Стивен уплачивал ее за них, оберегая общину от разгона властями. Глава общины Джошуа Симондс понимал, что помощник шерифа таким образом защищает квакеров, и, будучи человеком практичным, закрывал на это глаза. К тому же Стивен недавно узнал, что квакеры ведут подпольную торговлю контрабандным коньяком, но не вмешивался в это, так как квакеры содержали приют для инвалидов гражданской войны; немало их, обездоленных и нищих, бродило по дорогам, а у правительства, как всегда, не находилось средств на содержание несчастных. Поэтому Стивен прощал квакерам даже незаконную торговлю коньяком, чтобы те имели возможность содержать приют. Он всячески защищал общину от местных пуритан, которые ненавидели квакеров за то, что те не почитали Священное Писание, считая его лишь описанием обрядов и религии, в то время как для пуритан содержанием Библии исчерпывался смысл и цель существования. Как пресвитерианин, Стивен отвергал догматы квакеров, но все же полагал, что раз сектанты делают столько добра, то отчего бы не оставить их в покое, ибо разве мало английской крови было пролито в эти годы?!

Когда он подъезжал к усадьбе квакеров, солнце уже клонилось к горизонту, освещая большой деревянный дом с покатыми крышами, располагавшийся за мощной каменной стеной, окружавшей всю усадьбу. Стивен окинул взглядом свежую кладку стен. Квакеры знали, что их ненавидят, и после двух попыток разгромить их обиталище не преминули себя обезопасить. Ворота в стене были тоже внушительные, обитые полосами железа, но на каменной арке над ними была выбита полная оптимизма надпись: «Я отринул беды прочь».

На стук ворота отрыл сам глава общины Джошуа Симондс.

— А, Стивен, ты! Заходи, дорогой друг.

Когда-то Стивена удивляла простецкая манера квакеров общаться со всеми как с равными, раздражала казавшаяся непочтительной манера не снимать ни перед кем шляпу. Теперь он привык, и их простота даже стала ему нравиться. Он въехал во двор, кинул повод мальчику-слуге. Тот тоже обращался к нему по имени, как и все прочие, радостно приветствовавшие его. Все члены общины дружелюбно относились к помощнику шерифа, хотя он редко

приезжал к ним и всякий раз требовал денег. Джошуа Симондс пригласил его в дом, где вся обстановка была подчеркнуто простой, почти бедной. Но Стивен знал, что деньги у квакеров водились, поэтому без обиняков объявил, зачем прибыл.

Джошуа Симондс, казалось, не огорчился, а лишь согласно кивнул.

— Сейчас я все приготовлю. Не желаете пока выпить рюмочку коньяку?

Сами квакеры никогда не употребляли спиртного. И то, что Симондс запросто угощал коньяком гостя, говорило о том, что он догадывается, что полковнику известно о его делах. Стивен внимательно поглядел на квакера, но ничего подозрительного или напряженного не обнаружил. Вообще-то Стивену нравился Джошуа. Открытое лицо и приветливая улыбка, рыжеватые волосы слегка тронуты сединой, но взгляд волевой, подбородок сильный, а торс прямо-таки богатырский.

— Что ж, не откажусь, мистер Симондс. А пока вы будете считать деньги, я бы хотел осмотреть ваш приют и лечебницу.

Так, с рюмкой в руке, он и отправился к длинному, крытому соломой, зданию, где нашли себе пристанище многие несчастные. По сути дела, это был сарай, но теплый и ухоженный. На утрамбованном земляном полу стояли простые лежанки. Несколько женщин-квакерш в передниках и белых чепцах ухаживали за лежачими больными. Они заулыбались, когда подошел полковник. Стивен поговорил с несколькими пациентами и убедился, что настроение у них бодрое. Да и он сам — способствовал ли тому выпитый коньяк или всеобщая открытая и доброжелательная атмосфера — тоже воспрял духом, начал даже шутить. Потом одна из женщин проводила его в ткацкие мастерские, приспособленные для того, чтобы те из пациентов, кто был уже в состоянии работать, смогли сами содержать себя, дабы не тяготиться иждивенчеством. Далее находилось еще одно помещение, где квакеры приютили несколько нищенок с детьми. Дверь была чуть приоткрыта, и Стивен увидел сидевших за прялками женщин, возле которых возились младшие из детей. И тут он увидел Рэйчел.

Она стояла к нему спиной, разговаривая с одной из женщин, державшей на руках ребенка. До него донеслись ее слова:

— Это чудодейственная мазь, Мерсия. Я изготовила ее по старинному рецепту, и, если ты будешь прикладывать ее на нарыв ребенку утром и вечером, она должна помочь.

Стивен знал, что Рэйчел как врачевательница нередко помогает соседям в округе. Некоторые принимали это с благодарностью, другие же, хотя и давали себя лечить, но за глаза делали старинный знак, оберегавший от темных сил. Ибо среди суеверного населения ходили слухи, что с Рэйчел не все чисто и она может не только лечить, но и колдовать. Девушка родилась в ночь Хелоуин[12], когда особенно сильны темные силы, ее матерью была испанка-католичка, по местным взглядам, едва ли не идолопоклонница, а кормилицей малышки стала ведьма Мэг, с которой младшая дочь Робсарта до сих поддерживала тесную связь. Все это давало им повод считать, что и сама Рэйчел знается с нечистой силой. Даже то, что она добра и проста, казалось им не совсем искренним, ибо с чего бы ей быть доброй, если к ней относятся с неприязнью. Нет, ведьма просто хочет их задобрить, чтобы заманить в свои сети. Однако здесь, в усадьбе квакеров, она явно пользовалась доверием и симпатией. Стивен видел, как приветливо держались с ней квакерши, как доверчиво подходили к ней их подопечные, подводили детей.

В этот момент Рэйчел почувствовала взгляд Стивена и оглянулась. Казалось, в первый миг она обрадовалась, даже чуть улыбнулась. Но затем улыбка исчезла, а в темных глазах отразился испуг. Взволновало ли ее, что жених сестры встретил ее у сектантов, или то, что она явно после ночного происшествия избегала беседы с ним, Стивен не знал. Однако то, что эта милая, приветливая девушка сторонится его, даже боится, почему-то расстроило его. Он постарался улыбнуться ей как можно мягче и подошел ближе.

— Приветствую вас во имя Божье, мисс Рэйчел.

— Слава Иисусу Христу, — ответила она. И тут же засуетилась, сказав, что ей уже пора уходить.

— Если хотите, я провожу вас, — предложил Стивен. Когда она стала благодарить и отказываться, он настоял: — Мне все равно ехать в ту же сторону, что и вам, а нам, думаю, есть о чем поговорить.

Она казалась испуганной, но покорно кивнула. Пока Джошуа рассчитывался со Стивеном, Рэйчел терпеливо ожидала его во дворе. Она выглядела почти несчастной, и от этого полковнику стало не по

себе. Он хорошо относился к Рэйчел, она была единственной, кто всегда тепло принимал его в Сент-Прайори. Однако она что-то хотела скрыть от него, и, видимо, этим объяснялось ее нежелание разговаривать с ним сегодня. Стивен понимал, что ему не удастся узнать это «что-то». Рэйчел, несмотря на кажущееся простодушие и открытость, была волевой и сильной девушкой, и если она замкнется, ему ничего не удастся у нее выведать. Поэтому, когда они выехали из усадьбы квакеров и серый мул Рэйчел мирно затрусил рядом с жеребцом полковника, она лишь сухо отвечала на его незначительные фразы о квакерах, о предстоящей стрижке овец и о восстановившейся хорошей погоде.

Стивен наконец не выдержал.

— Прошу вас, мисс Рэйчел, не бойтесь меня!

— А я и не боюсь, — тихо ответила девушка.

— Но вы напряжены, как струна. Ради Бога, не надо так нервничать. Я ваш друг, а скоро стану и родственником, так что отношусь к вам с величайшей нежностью и симпатией.

Она повернулась к нему. Глаза темные, зрачки такие, что под длинными загнутыми ресницами почти не видно белка. «Колдовские глаза», — невольно подумал Стивен. И вдруг от этого взгляда у него появилось ощущение, словно какая-то сила притягивает его к девушке. Такое бывало с ним ранее, но он не придавал этому значения. Восхищаясь Евой, он считал ее сестру едва ли не дурнушкой, но сейчас у него неожиданно появилось сильнейшее желание притянуть ее к себе, прильнуть к этому пухлому чувственному рту, сорвать с кудрей жесткий чепец, запустить пальцы в волнистую массу шелковых волос. Этот порыв был так силен, что Стивену понадобилась вся его воля и выдержка, чтобы совладать с ним. Он отвернулся, даже дернул повод, заставляя коня отойти в сторону. Показалось ему или нет, но Рэйчел грустно вздохнула.

— Благодарю вас за теплые слова, сэр, и понимаю, что только долг заставляет вас допросить меня.

— Не допросить, а расспросить, милая Рэйчел.

Стивен смутился оттого, что назвал ее «милой». Он слишком редко бывал с ней наедине, и даже то, что она являлась сестрой его невесты, не давало повода для подобной фамильярности.

Щеки Рэйчел вспыхнули, и она поджала губы, словно стремясь спрятать улыбку.

— Я внимательно слушаю вас, сэр.

Он начал издалека. Заговорил о том, что после смерти управляющего ей будет тяжело одной вести хозяйство. Это непосильная ноша для столь юной девушки, но ведь вскоре в Сент-Прайори приедет лорд Робсарт, и он непременно подыщет замену Патрику. Что же касается бывшего управляющего — упокой, Господи, его душу…

— Вы ведь не любили его, — вдруг произнесла Рэйчел. Это звучало одновременно и как утверждение, и как вопрос.

Она видела, как кровь отлила от щек Стивена. Казалось, он сделал над собой усилие, прежде чем произнес:

— Но не настолько, чтобы лишить его жизни.

Она молчала, отвернувшись, и лишь спустя какое-то время произнесла:

— Патрика Линча никто не убивал.

— Почему вы так говорите? Или вы поняли, что я считаю иначе?

Она явно смутилась, стала бормотать, что, ежели он этим интересуется, значит, не верит, что старик просто сорвался с галереи, увидев призрак.

— Вы наблюдательная девушка, мисс Рэйчел, — кивнул полковник. — Поэтому я взываю к вашей проницательности и прошу припомнить, как все происходило.

Она стала рассказывать. Сначала сбивчиво, потом все более уверенно. Да, она пошла в парк на свои грядки, позже к ней присоединился мистер Трентон. Они беседовали, потом решили вернуться.

— Мистер Трентон говорил, — перебил ее Стивен, — что слышал какой-то странный звук. Хохот, если я не ошибаюсь?

Теперь Рэйчел глядела ему прямо в лицо.

— Да. Но это был просто крик совы. Тогда ночью он напугал нас.

Исчерпывающий ответ. Если не принимать во внимание, что тогда Рэйчел считала, будто это собаки.

Потом она рассказала, как они увидели управляющего. И призрак.

— Вы уверены, что это был именно призрак, а не реальный человек? Вы ведь очень испугались, Рэйчел. А я слышал, что вы не

боитесь духов тьмы.

Теперь она даже улыбнулась:

— Оказывается, боюсь. До этого я никогда не встречала их. В этом и заключалось мое бесстрашие. Легенды, предания… В них столько таинственной прелести. С детства я даже желала увидеть нечто необъяснимое. Но на самом деле все оказалось ужаснее. Я испугалась смертельно.

— Вы считаете, что призрак не сталкивал управляющего?

Она молчала какое-то время, словно обдумывая его слова. Девушка явно нервничала и даже случайно дернула удила; ее смирный мул вскинул голову, но потом затрусил той же мерной рысью. Рэйчел тоже вроде бы взяла себя в руки.

— Он шел навстречу мистеру Патрику, это я видела. И старик попятился, шарахнулся от него. Парапет на галерее низкий, едва выше колена обычного смертного. Он просто не удержался. Я видела это воочию.

— Ваши показания на удивление точны, мисс. Особенно если учесть, что вы были столь напуганы, что тут же потеряли сознание. А вот мистер Трентон дал очень сбивчивые показания. Выходит, даже в полуобморочном состоянии вы не утратили способности все замечать.

Она резко натянула поводья и посмотрела на него в упор. Стивен увидел, как сжаты ее губы. В следующий миг Рэйчел спросила:

— Что вы хотите от меня?

Стивен устало провел ладонью по лицу и поплотнее надвинул шляпу.

— Я хочу узнать, что за странная тайна существует в Сент-Прайори. Закрытые двери, запреты идти куда вздумается, перешептывание и враждебность челяди, кстати, удивительно немногочисленной для столь обширного замка. Что скрывает в себе Сент-Прайори? Что таят его старые стены?

— Никогда не думала, что у вас, мистер Гаррисон, такая богатая фантазия, — сухо, почти враждебно произнесла девушка.

Привыкший к ее обычной манере общения, Стивен был задет за живое и удивленно взглянул на нее. Рэйчел растерялась, даже губы задрожали.

— Скоро приедет отец, — тихо сказала она. — Задайте ему ваши вопросы. Я лишь скажу, что все, что происходит в Сент-Прайори,

делается по его распоряжению. Тетушка говорила, что когда-то и он встречал черного монаха и после этого велел создать в замке столь странный, на ваш взгляд, уклад. Но я привыкла к нему. Меня он устраивает.

Они какое-то время ехали молча. Потом Стивен спросил:

— А как вы думаете, куда в столь поздний час мог ходить ваш управляющий?

Рэйчел пожала плечами:

— Галерея ведет к старым руинам, точнее, в никуда, так как в конце ее проход давно заложен. Наверное, мистер Линч просто прогуливался по ней.

Стивен сказал, что хотел еще днем осмотреть галерею, но дверь была заперта.

— Приезжайте завтра, — ответила девушка, — я провожу вас на нее через покои отца.

Они как раз подъехали к развилке дорог, одна из которых вела в Сент-Прайори, и слова Рэйчел прозвучали словно намек, что сегодня он будет нежелательным гостем в замке.

Стивен не стал настаивать и остановил коня. Рэйчел тоже сдержала своего мула. Какое-то время они молчали, потом глаза их встретились. Стивена поразила безысходная печаль во взгляде Рэйчел.

— Простите за этот допрос, девушка, — как можно мягче проговорил он. — И не держите на меня обиду. Вам следует возвращаться, у вас гости. Вернее, гость, так как лорд Грэнтэм, кажется, покинул сегодня замок. А Чарльз Трентон… — Стивен выдержал паузу. — Приглядывайте за ними. За ним и Евой. Это ведь не слишком дерзкая просьба? Просто мне бы не хотелось, чтобы еще до свадьбы моя невеста поспешила украсить мой лоб тем украшением, какое охотники имеют привычку вешать над камином.

Он почти улыбался. Рэйчел даже растерялась:

— Вы заметили? И говорите об этом столь спокойно?

Стивен пожал плечами:

— Я лишь предполагаю. Ни я, ни вы, Рэйчел, не были при дворе, где привыкла вращаться и привычки которого усвоила ваша сестра. И нам трудно понять, где кончается обычный светский флирт и начинается грех.

— А мистер Трентон? — почти шепотом спросила Рэйчел. — Вы считаете, он тоже бывал при дворе и принял условия ее игры? Но… Он ведь круглоголовый.

Как много успела сказать сестре Ева Робсарт? Стивен не знал этого. Но он знал, кем мог оказаться тот «круглоголовый», о ком говорит Рэйчел. И знал, что можно ожидать от его ветреной невесты. Конечно, он ревновал. Но не столь сильно, как должен был. Просто Стивен был задет поведением Евы. Почему-то он давно ожидал, что Ева может совершить нечто подобное, и эта давнишняя мысль словно смирила его.

— Всего доброго, мисс Рэйчел, — сказал он, приподняв шляпу и разворачивая коня.

Уже отъехав, он все же оглянулся. Девушка не спеша Двигалась в сторону замка. Она никогда не носилась по равнине, как старшая сестра, но в ее посадке и в том, как легко она правила животным, была такая непринужденная грация, что Стивен невольно залюбовался ею. И еще он подумал, отчего лорд Робсарт не исполнит своей отцовской обязанности и не подыщет для младшей дочери жениха. Ведь, живя в глуши и не знакомясь с молодыми людьми, Рэйчел недолго остаться и старой девой. Но барона Робсарта, казалось, мало волновала судьба дочерей. Он словно с охотой взвалил на плечи Рэйчел управление хозяйством, а Ева… Хотя Стивен и видел, что Робсарт доволен их помолвкой со старшей дочерью, однако сам он все чаще сомневался, подходит ли для него и Евы Робсарт их союз. Они были слишком разными людьми. Даже то чувство, которое поначалу связывало их, казалось, угасло. Что же осталось?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как бы поздно ни ложился спать Карл Стюарт, он всегда поднимался чуть свет. А так как в Сент-Прайори было принято укладываться рано, то Карл высыпался более, чем привык обычно, и поэтому проснулся еще затемно.

Какое-то время он понежился в постели, даже попытался вновь уснуть, но утренний сон претил его натуре. К тому же за те два дня, что он провел в замке Робсарта, он успел отдохнуть более, чем за все последнее время, и хотя он ценил эту неожиданную передышку, но все же не собирался проводить время, лежа под одеялом.

Быстро встав, он начал одеваться. Зубы его выбивали дробь — камин успел остыть за ночь, и от каменных стен тянуло сыростью. Одевшись, Карл поспешил покинуть помещение. Он уже начал ориентироваться в этом крыле замка, и потому быстро нашел лестницу, ведущую в кухню.

Толстуха Сабина Бери, еще позевывая и потирая глаза, уже гремела кастрюлями.

— Ох, и ранняя же вы пташка, мистер, — улыбнулась она королю, отчего ее круглое лоснящееся лицо расплылось и стало похожим на головку сыра. — Точно монах, встаете ни свет ни заря.

— Истинно так, истинно, — принял иронично благочестивый вид Карл.

Сабина скоренько подала ему легкий завтрак — холодную баранину, хлеб и пиво. Пока он ел, они обменивались шутками и смеялись. Когда она пожаловалась, что ее помощник мальчик Осия второй день где-то пропадает, Карл даже вызвался помочь ей и принес несколько охапок дров. «Бэкингем и Уилмот умерли бы со смеху, если бы увидели меня за подобным занятием», — думал он, сгибаясь под тяжелой вязанкой сухих поленьев.

— Вашему Осии надо надрать уши, — задыхаясь, заметил он, когда скинул вязанку возле камина. — Оставить столь милую даму без помощи…

Сабина даже приосанилась при слове «дама», но потом стала защищать мальчика.

— Он ведь сирота. Только тетка у него и осталась. Живет она в дальнем хуторе, на равнине. Вот к ней-то мальчик и бегает. Пропадает там по нескольку дней. Только вряд ли ему там рады — у тетки самой целый выводок ребятишек, которых они с мужем еле-еле могут прокормить. А Осию там попросту заставляют батрачить. Но он и за это берется с радостью. Все же единственные у него кровные родичи на всем белом свете.

Карл поговорил с ней еще немного, а потом через черный ход вышел во двор. Осеннее утро встретило его холодным и густым туманом, но небо отливало чистой голубизной, обещая, что позже станет жарко. После дождей установилась почти по-летнему теплая солнечная погода.

Карл поглядел на окна галереи вверх, улыбнулся своим мыслям. Вчера вечером он целовался там с Евой Робсарт. Как-то само собой вышло, что после игры в карты и нежных пожатий рукой под столом он вышел следом за ней и застал ее ожидающей на галерее. Они стали целоваться, как в лихорадке, как в бреду. У него ведь почти год не было женщин, а Ева оказалась чувственной и пылкой, горячо отвечала ему, и он совсем обезумел. Если бы на лестнице не раздались тяжелые шаги и постукивание палки Элизабет Робсарт, он овладел бы Евой прямо в нише окна. А так девушка испугалась и, на ходу поправляя платье, кинулась прочь. Он был в таком состоянии, что еле взял себя в руки и пожелал спокойной ночи почтенной даме. Последние ночи, после бурной первой, и в самом деле были спокойными, он хорошо отдохнул; лишь напряжение от близости Евы не проходило. Карл хотел ее безумно, до боли в костях, и молил Бога, чтобы Джулиан еще немного отсутствовал, не доставляя ему повода уехать; тогда у него останется достаточно времени добиться своего. Что-то сладко подсказывало Карлу: прекрасная дочь барона Робсарта желает того же, что и он.

От размышлений его отвлекло тявканье спаниелей, которых вывел осоловевший со сна Мэррот. На Карла он глянул отнюдь не дружелюбно. Король приписал недовольство этого здоровенного парня тому, что слуге приходится возиться с собачками госпожи и из-за этого вставать в такую рань.

— Иди спи, — дружелюбно улыбнулся Карл. — Мы с этими зверюшками прекрасно прогуляемся и без тебя.

Слов благодарности он так и не услышал. Да и не ждал, ибо тут же забыл о Джеке, играя с обступившими его радостной сворой собачками. Он гладил их, ласкал, почесывал, а затем кинул палку, и они со звонким тявканьем кинулись за ней, устроили настоящую возню.

Карл был хорошим ходоком, и вскоре оказался уже у ворот. Сонный привратник вышел из сторожки и выпустил его. Спаниелей еле удалось загнать обратно; лишь одного, черно-белого, Карл взял с собой. Тот радостно кинулся вперед, пока остальные обиженно тявкали за решеткой ворот.

Карл шел быстро. Он миновал узкий перешеек меж озерами, над которыми клубился туман, прошел селение, где уже мычали коровы, слышалось блеяние овец и щелканье кнута пастуха. Он продолжал идти, не имея какой-либо определенной цели. За деревней открылась серая болотистая низина. Яркая раскраска редких деревьев на фоне стоячей темной воды казалась особенно сочной — золотая, зеленая, багряная. Опавшие листья разноцветными бликами кружили по темной поверхности. А дальше шла бесконечная, чуть волнистая, равнина. Солнце уже светило вовсю, туман почти рассеялся, лишь кое-где еще белым молоком собирался в ложбинах. Волны вереска катились по открытой равнине, порой обегая невысокие курганы. Воздух был теплый и влажный. Иногда из шелковой травянистой массы испуганно вспархивали неторопливые куропатки, и спаниель несся за ними со звонким лаем, а потом возвращался с недовольной миной, но тут же начинал вилять куцым хвостиком, когда Карл, жалея, гладил его, говорил смешные ласковые слова. Порой он видел пастуха в окружении овец. Нагулявшие за лето достаточно жира, овцы более предпочитали лежать, чем пастись, и глядели на проходившего короля бессмысленными круглыми глазами.

Карл все шел и шел, пока местность не стала совершенно пустынной. Но это его не удручало. Ему было спокойно и хорошо на душе, как не бывало уже давно. Уже много лет его жизнь состоит из постоянной гонки, из опасностей и травли, когда ему приходилось то нападать, то скрываться, ища приюта в случайных убежищах, прибегать ко многим неприятным личинам, постоянно рисковать и спасаться. Поэтому сейчас он был несказанно рад этому одиночеству и душевному покою.

Зашел он все же очень далеко. Маленький спаниель стал уставать, больше не гонялся за куропатками, плелся следом, а под конец устало сел на землю, причем его мордашка даже сложилась в некое подобие кислой мины, что рассмешило короля. Он взял собачку на руки, чтобы дать ей отдохнуть, и пошел назад. Вскоре он понял, что заблудился. Это его не сильно огорчило, ибо он всегда мог сориентироваться по солнцу. И теперь он шел так, что оно светило ему прямо в лицо, поэтому не сразу разглядел небольшую хижину. Ему даже показалось, что дом вырос едва ли не из-под земли. Правда, он тут же понял, что не увидел хижины лишь потому, что домишко спрятался в небольшой низине, и заметить его можно было лишь с той стороны, с какой он подошел. Это было небольшое каменное строение под поросшей травой дерновой крышей. Хижина выглядела бы необитаемой, если бы не легкий дымок, струящийся из отверстия в кровле.

Казалось, этому строению сотни лет; здесь, в ложбинке, было так тихо, что Карлу, несмотря на ясный день, отчего-то стало не по себе. Дверь в хижину была отворена, и к ней вела узкая, протоптанная в дроке тропинка. Но почему-то у Карла сложилось впечатление, что проем, словно пасть, ухмыляется ему недоброй, темной усмешкой. Он даже остановился, не решаясь приблизиться. Спаниель у него на руках глухо заворчал. Карл тут же понял причину неудовольствия животного — на пороге, вытянув лапы, грелся на солнышке большой черный кот. Карл сделал еще несколько шагов и, когда раздался хриплый, шедший словно из-под земли голос, даже вздрогнул.

— Либо заходи, либо убирайся.

Любопытство заставило короля войти. Со света в темной хижине он ничего не мог разглядеть. Окон здесь не было, а в небольшом очаге хоть и горел огонь, но низко подвешенный над ним на треноге котелок закрывал свет. В домике приятно пахло сушеными травами и ароматом горящего торфа.

В этот миг спаниель на его руках стал вырываться, и, когда Карл спустил его, кинулся к кому-то, сидевшему за очагом, и стал радостно поскуливать. Тут Карл увидел склонившуюся к ласкающейся собачке старуху. Поначалу он разглядел лишь ее склоненную голову под темным платком, темное платье и старческую изуродованную руку, ласкающую спаниеля. Потом она подняла голову, и Карл понял, что женщина была не так уж и стара. Или все же стара? Пряди,

спускавшиеся вдоль ее щек, были совсем седыми, но лицо, хоть изборожденное морщинами, выглядело живым и выразительным. Оно выглядело изможденным: очень худым и некрасивым — желтые маленькие глазки, крючковатый нос, бескровный, тонкий, как шрам, рот, казавшийся запавшим по сравнению с острым выступающим подбородком. Эта женщина явно зябла — она куталась в темную шаль, а ноги в грубых сабо поставила в теплую золу очага.

Карл шутливо поклонился:

— Добрый день, матушка. Если бы этот зверь не признал вас, я бы подумал, что вас можно испугаться.

Женщина молча пристально разглядывала его. И вдруг сказала:

— Мне бы следовало низко поклониться вам, да мои больные кости взвоют в один голос. Так что будьте снисходительны к старой женщине, высокородный господин.

Карл чуть вздрогнул:

— Вы знаете меня?

Она отвела взгляд, пожала плечами.

— От вас исходит сияние власти. Хотя одеты вы как обычный человек. — И добавила, поглаживая прильнувшую к ней собачку: — А Спота я лечила этой зимой. Видать, он меня не забыл.

И тут Карл догадался:

— Значит, вы бывали в Сент-Прайори. Выходит, вы и есть та ведьма Мэг, которой покровительствует мисс Рэйчел.

Она глядела на огонь; от этого ее желтые глаза казались прозрачными и словно слепыми.

— Одни называют меня так, другие — иначе. Но я была не так и стара, когда принимала роды у последней жены барона, поэтому, когда та ушла к Богу, я кормила девочку.

Похоже, она чуть улыбнулась:

— Она ведь славная малышка, Рэйчел Робсарт. Совсем другая, чем Ева. — Последние слова она произнесла глухо и печально. И уже совсем тихо добавила: — Но в мире вдвоем им тесно. Бедная Рэч.

Почему-то Карлу стало не по себе от этой фразы. Он продолжал стоять, пока Мэг не проворчала:

— Садись уж, раз пришел. Не дело заставлять стоять почтенного господина.

Она жестом указала ему на низкую треногую табуретку у стены. Карл взял ее. Сидеть на ней столь крупному мужчине, как он, было неудобно, колени поднялись едва не до плеч, но зато теперь он смог лучше видеть хозяйку, и, так как хижина, несмотря на ее монолитность, была тесной, он уже не чувствовал себя таким огромным.

— Зачем пришел? — спросила Мэг. — Хотя, постой. — Она вперила в него взгляд, потом отвернулась и пожала плечами. — Вижу, у тебя нет никакой цели. Что ж, я рада и случайному гостю.

Королю было не по себе от ее проницательности. Или она все-таки ведьма? Глупости, только необразованные крестьяне верят в ведьм. Хотя с другой стороны, она ведь сразу уловила, что он не простой путник.

Карл прокашлялся, почувствовав ком в горле:

— А что, просто так к вам никто не захаживает?

Теперь женщина улыбнулась, почти оскалилась. Карл невольно сделал незаметный старинный знак, предохраняющий от темных сил. Улыбка у Мэг выглядела жутко, зубов почти не было, а обломки оставшихся торчали, как клыки.

— Люди уж много лет боятся и чураются меня. Мне дарован особый дар от Бога, но они считают, что от дьявола. Хм! Стала бы я помогать им, если бы от дьявола. А так, половина жителей долины побывали у меня со своими бедами Я всем помогла, но они меня ненавидят. Как и бедняжку Рэйчел. Я словно наложила свою печать на девочку. Даже в ее доброте они видят что-то таинственное и подозрительное.

Король вспомнил, что и он находил в девушке нечтс странное, но умолчал об этом. Он понимал, что местных суеверных жителей должны поражать и странность этой женщины, и таинственность ее молочной дочери. Интересно, сколько же лет Мэг? Если она была кормилицей Рэйчел, тс она не так и стара.

— Почему вас не оставили в Сент-Прайори, если вы были кормилицей младшей дочери Робсарта?

— Я сама ушла, — просто ответила она. — Нет у меня силы противостоять давлению камней аббатства. А вот у Рэйчел есть. Она умеет разгонять темноту.

И опять Карл вспомнил Рэйчел в парке Сент-Прайори в ту ночь, когда они видели призрак. Ведь до того, как Рэйчел испугалась, она и в самом деле была там, как в своей стихии. Это же он замечал и позже, когда следил за ней. Рэйчел, безусловно, счастлива в этом заброшенном замке.

— А Ева?

Ему показалось, что Мэг как-то странно поглядела на него.

— Ева? Ну, от нее хлопот поболее, чем от четырех новорожденных ягнят. Она не так сильна, как младшая сестра. И ей плохо в аббатстве. Ее отец взял большой грех на душу, принудив ее жить там. Сам-то он стремится унестись как можно дальше от проклятого замка.

Старуха говорила все это просто и с подкупающей откровенностью. Это расположило к ней короля. Исчезло даже то напряжение, какое он поначалу испытывал рядом с ней. Она это словно поняла и поглядела на него внимательно.

— А ведь вы тоже очень сильный человек.

Карл придвинулся:

— Ну, если уж мы встретились, Мэг, может, ты поведаешь мне еще что-то обо мне? Скажем, я тоже пришел как один из просителей и нуждаюсь в совете и помощи.

Она кивнула, не глядя на него.

— Да, ты очень несчастен. Но у тебя есть дар удивительной легкости, и это помогает тебе преодолевать беды.

— Славное определение, — улыбнулся король.

Какое-то время они молчали, и Карл заметил, что старуха украдкой наблюдает за ним. Ему даже показалось, что она побаивается его, и это внушило ему уверенность.

— Можешь ли ты предсказать мне судьбу?

— А ты хочешь ее знать?

Карла от этого вопроса даже пронзил озноб. Но та легкость, с которой говорила Мэг, не позволила ему отступить. Он согласно кивнул.

— Что ж…

Она порылась в складках одежды, достала стянутый шнурком полотняный мешочек и, развязав его, высыпала содержимое. Карл увидел множество дощечек, испещренных надрезами. Он с

удивлением понял, что это руны — древняя забытая письменность викингов, завоевателей с севера, прибывших в Англию почти тысячу лет назад. Он чуть улыбнулся, осознав их почти языческую древность. Боже правый, с каким же суеверием ему пришлось столкнуться! Однако любопытство сдержало его, и он продолжал наблюдать за колдуньей.

Она несколько раз бросала их перед собой, чуть шевелила губами, словно читая. Брови ее удивленно поднялись.

— У тебя две судьбы. И ты как раз стоишь на перепутье.

Карл ничего не понял, и она заметила это. Помолчала, пожевывая губами, потом сделала знак приблизиться:

— Дай-ка твои руки.

Карл опустился перед старухой на колени, засучил манжеты и охотно протянул руки ладонями вверх. Мэг взяла кончики его длинных сильных пальцев, долго смотрела на ладони. Спаниель Спот поначалу решил, что это игра, и тоже полез было к ним, но Мэг довольно грубо оттолкнула его. Песик сел в стороне и даже как будто вздохнул от огорчения. Мэг склонилась совсем низко, опять шевелила губами, будто что-то читала. Наконец она отпустила ладони Карла, словно отбросила.

— Да. Все то же самое. Странная, двойная линия судьбы. Но ничего, со временем одна из них исчезнет. Ты сам выберешь свою судьбу.

— И это все? — недоуменно спросил Карл. — Я-то думал, что ты скажешь нечто конкретное. Как в случае, когда рассказывала Рэйчел о встрече Кромвеля с господином в черном перед Вустером.

Старуха осталась невозмутимой и заговорила, не повышая тона.

— Порой я многое вижу. Вижу так, словно сама была там. Тебе же я скажу… — Теперь она глядела на него в упор. — Ты высоко поднимешься, так высоко, что будешь стоять над всеми. И случится это, когда ты совсем разуверишься. А главное, тебе не придется прилагать для этого усилий. Твоя судьба вознесет тебя, как океанская волна.

Только через минуту Карл понял, что улыбается. Улыбается глупой, счастливой улыбкой.

— Давно я уже не слышал столь приятных слов, Мэг. Спасибо тебе.

Но его благодарность только рассердила ее.

— То, что я предсказала тебе, не самое главное. Есть еще две линии судьбы, и вот они-то и решат, получишь ли ты радость от жизни или… Нет, не горе. Свое горе ты уже пережил. А вот разочарование, истинное разочарование, а с ним тоска — это еще грядет. Если ты пойдешь не той дорогой.

Карл стал испытывать раздражение и спросил, отчего Мэг не хочет все пояснить ему.

— А что тут пояснять?

Старуха казалась тем более спокойной, чем сильнее горячился Карл.

— Ты сам все решаешь, и я тут помочь бессильна. Ты уже встретил свою судьбу. Отвергнешь ее — и твой род зачахнет. У тебя не будет продолжателей.

Это было страшное предсказание. Карл подумал о веренице Стюартов, из поколения в поколение передававших корону своим потомкам. Его род был не простым. Стюарты были королями. И знать, что ты последнее звено в этой цепи…

Карл осторожно вздохнул:

— У меня что, не будет детей?

Он вдруг вспомнил прелестного малыша, оставленного им в Голландии с матерью, его любовницей Люси Уотер. Люси была женщиной пылкой, но ненадежной. У нее были и другие мужчины, однако она уверяла Карла, что это его сын. К тому же малыш Джеми был так похож на него. И еще у него был один ребенок. Тоже сын, от Маргарет Картрэ, дочери синьора Тринитийского. Он жил на острове Джерси, и хотя Карл еще ни разу не видел его, но регулярно писал его матери. А леди Маргарет была дамой нравственной, и ей он верил. Так что же несет эта глупая старуха? Он вполне способен производить потомство.

Но старуха лишь заворчала и снова взяла его ладонь в свои.

— Дети. Да, у тебя они уже есть. И будут еще. Много. Около дюжины или гораздо больше. Но все это дети со стороны, ублюдки. А вот прямого потомка, законного наследника… Хотя, если ты выберешь себе иную судьбу…

— Говоря о судьбе, ты имеешь в виду женщину? — оживился вдруг Карл. — Ведь все эти разговоры о судьбе и детях… Я что,

должен поскорее жениться?

Почему-то ему вспомнилась Ева — блистательная, остроумная, великолепная. Какая бы королева из нее получилась! Но нет, это невозможно. Красивых женщин много, но он по положению не может допускать подобный мезальянс. Он — Карл II Стюарт, и дочь сподвижника Кромвеля, республиканца?.. Невозможно! Карл вдруг подумал, что в словах Мэг скрыта какая-то корысть. Но зачем? Ведь ясно, что к Еве она относится куда холоднее, чем к Рэйчел. Хотя почему он решил, что она намекает на какую-то из дочерей Робсарта? Или на женщину вообще?

Он в упор глядел на нее. Но Мэг не отвечала, она что-то мурлыкала себе под нос, обхватив локти и чуть покачиваясь на стуле. Взгляд ее стал словно бы отрешенным. Вдруг она замерла и прислушалась. А через минуту и Спот заволновался, тявкнул и в следующий миг кинулся в проем двери. Теперь и Карл различил легкие шаги. Наконец в проеме двери возник силуэт женщины с корзиной в руке. Карл узнал Рэйчел.

Как и ранее Карл, она плохо видела со света и не заметила его, но в дом вошла уверенно.

— Мэг, где ты? И как тут оказался Спот?

Она все еще не видела короля. Поставив корзину на пол, девушка ласково погладила прыгающего на ее юбку спаниеля.

— Я вам кое-что принесла вкусненького. Вот кувшинчик с медом, немного сыра, варенье из черной смородины, а вот лепешки, испеченные на свином сале, и три копченые форели…

Она явно чувствовала себя как дома в хижине Мэг, видимо, бывала тут часто и уверенно расставляла принесенные лакомства на каменном приступке стены. Но вот она оглянулась, глаза ее уже стали привыкать к темноте, и она увидела Карла. Улыбка медленно сползла с ее лица. Она так и застыла, опустив руку в корзину, и смотрела на него почти испуганно.

— Мистер Чарльз Трентон?.. Вы… Здесь…

Карл же улыбался.

— Да, вот зашел посудачить с мудрой Мэг. Весьма поучительная беседа вышла, клянусь честью.

При появлении девушки словно рассеялась та почти мистическая аура, которая до этого окружала его и колдунью. Рэйчел выглядела

смущенной и отвернулась. Карл понял ее неловкость. Бедняжка Рэйчел. О ней и так Бог весть что судачат, а тут он застает ее с поличным и видит, что эта странная девушка нередкая гостья у колдуньи. Хотя что тут такого, если Рэйчел навещает свою кормилицу? Вот если бы только кормилица не была ведьмой. Встреть ее здесь не он, заезжий, к тому же не страдающий предрассудками человек, а кто-то из местных, у Рэйчел могли бы возникнуть неприятности.

Девушка вновь бросила взгляд на Карла. Странное дело, он словно ощутил приказ, повеление уйти. Порой эти черные жгучие глаза обладали удивительной силой. Может, и в самом деле в Рэйчел таилось тоже нечто колдовское. Поэтому-то ее так и тянуло к Мэг. Любая другая леди давно отреклась бы от подобной связи, опасаясь за свою репутацию. А может, и Рэйчел колдунья? Эдакая хорошенькая молодая колдунья, пусть и немного простоватая. Их с Карлом связывала тайна той ночи, когда явился призрак, поэтому Карл не боялся девушки. В ней было нечто непонятное, что притягивало его. И еще он помнил: в ту лунную ночь, когда она думала, что за ней не наблюдают, она была раскованной и сладострастной. Если бы она так не захлопывалась в броню показной смиренности! Поэтому Карл в ответ на ее изгоняющий взгляд лишь улыбнулся. Как можно нежней. И тут же ощутил ответное тепло.

Раздался голос Мэг — скрипучий и почти гневный:

— Я думаю, вы загостились, господин. Вам надо идти.

Слова не взгляд. К взглядам, каковы бы они ни были, он оставался равнодушен, слова прозвучали, словно приказ. Карл покорно надел шляпу и, кликнув спаниеля, вышел.

Рэйчел какое-то время нежно ворковала с Мэг, почти ластилась к ней, спросила, принимает ли та ее снадобья. Старуха ворчливо отмахивалась. К недугам она уже привыкла и, если понадобится, может справиться с ними сама. А вот что происходит с ней, с Рэйчел? Чем она встревожена? Девушка постаралась отвлечься обычным объяснением: просто она очень обременена заботами. Особенно сейчас, когда не стало Патрика Линча, ее верного помощника. Осень — такое хлопотное время! Кроме обычных забот, приходится заниматься и урожаем: надо рассортировать и отложить про запас яблоки и груши, насушить ягод, наварить варенья. Еще надо подготовиться к забою скота, заготовить рыбу — консервированную,

соленую, маринованную. Да проследить за запасами дров, уложить так, чтобы они оставались сухими и штабеля не рушились. И еще…

— Довольно, Рэч, — прервала ее старуха. — Ты всегда была хорошей хозяйкой, и эти заботы тебе привычны. Я спрашиваю, что происходит с тобой?

Девушка какое-то время медлила:

— У меня появилась надежда.

Лицо Мэг стало внимательным.

— Ты о Стивене?

Рэйчел застенчиво улыбнулась:

— По-моему, Ева хочет расторгнуть помолвку. И он… Ну, он, мне кажется, примет это спокойно.

Старуха пожевала губами:

— Понимаю.

Она посмотрела в проем двери, куда удалился недавний посетитель, потом махнула рукой и вздохнула:

— А если ничего не выйдет, Рэч?

Рэйчел, подсевшая было к женщине, даже отшатнулась:

— Ты так думаешь? О нет… — Она поникла. — Тогда все пропало.

— Ничего не пропало! — почти зашипела Мэг. — Почему ты не попробуешь что-то сделать сама? Почему сдаешься и уступаешь его сестре?

Грустная улыбка скользнула по лицу девушки.

— Я ничего не уступила. Ведь была еще Рут Холдинг — Стивен никогда не был моим.

— Да, а ты только плакала мне в колени и жаловалась, что некрасива… — Старуха взяла кривыми руками личико Рэйчел, заставила ее посмотреть себе в глаза. — Ты ведь прекрасна, Рэч. И становишься все краше. Но ты словно не позволяешь раскрыться своей красоте. В тебе пылает потаенный огонь, который может ослепить любого мужчину. Но ты прячешь его под передником, ходишь, опустив голову и спрятав глаза. Твои дивные колдовские глаза, моя девочка.

Рэйчел вздохнула и сказала, глядя на угасающий огонь:

— Люди не любят меня, считают ведьмой.

— Они глупы, — сухо отозвалась Мэг.

— Но я живу среди них, — заметила девушка.

Старуха пожала плечами.

— И желаешь стать такой же серой, как они. Прискорбно, Рэч. Тебе все же следует кое-чему поучиться у сестры.

Рэйчел не ответила. Помешав варево в котелке, она спросила, что это.

— Чебрецовый отвар, — ответила Мэг. — Он может излечить все, что угодно, кроме разбитого сердца.

— Не начинай, Мэг, — резко сказала Рэйчел. — Если я тебе поведала, что у меня появилась надежда, то это еще не означает, что я сама разрушу счастье своей сестры. Ведь как бы ни вела себя Ева, я еще помню, как она была счастлива во время помолвки!.. Она — его невеста, и я никогда не нанесу ей удар в спину… К тому же… Стивен едва глядит на меня.

— Тогда он просто глуп, — заявила Мэг. — В тебе есть, на что посмотреть. Вот тот, что только что вышел отсюда, это понял.

Рэйчел удивленно глянула на нее, но затем мечтательно улыбнулась. Мэг заметила это и рассердилась:

— Не будь дурой, Рэч. Этот — не для тебя.

— Уж не для Евы ли? — насмешливо-обиженно заметила девушка.

— Может быть.

Рэйчел вскочила, заметалась по маленькой хижине.

— Все не для меня. Ни Стивен, ни Чарльз Трентон, ни…

Она осеклась.

— Ну, говори, — внимательно посмотрела на нее старуха. И вдруг прищурилась, словно что-то разглядывала в Рэйчел.

Мечтательная улыбка вновь появилась на лице девушки. Она напомнила Мэг свой рассказ, когда двое джентльменов спасли их в церкви. Один был мистер Трентон, второй — Джулиан Грэнтэм. Этот второй очень красив, просто вызывающе прекрасен. Он держится сдержанно, да и в замке пробыл недолго. Однако Рэйчел заметила, что он проявляет к ней внимание и глядит нежно.

Старуха вздохнула:

— Что ж, может, это и к лучшему. Его внимание избавит тебя от твоей болезни — любви к Стивену Гаррисону. Хорошо, что у тебя появились новые знакомые, девочка моя. Ты ведь так одинока. К тому же Робсарт взвалил на тебя тяжелую ношу.

— Не надо, Мэг…

— Я знаю, что говорю! — рассердилась старуха. — Он, твой отец, законченный себялюбец. Как и твоя сестра. Но она-то скоро вспорхнет и улетит. Не знаю, когда, но это случится скоро. А вот ты словно прикована к аббатству. И если у тебя появится мужчина и заступник… — Она по-прежнему внимательно вглядывалась в Рэйчел. — Я боюсь за тебя, девочка. Тебе угрожает опасность. Она словно дымкой тянется к тебе. Я ее вижу.

— Но я ведь осторожна, — тихо сказала девушка. Она догадывалась, о чем говорит колдунья, и ей стало страшно.

Тут она отвлеклась, заметив в дверях виляющего хвостиком Слота.

— Он что, отстал?

И тут же, выглянув в дверь, заторопилась:

— Мистер Трентон не ушел, он ждет меня. Зачем? Я все же пойду, Мэг. Мистер Трентон добрый человек, но и он может проболтаться, что я долго была с тобой.

Лицо старухи стало печальным.

— Что ж, лети, моя ласточка. Я приношу тебе только беду. Чем дальше ты будешь от меня, тем лучше.

Рэйчел мягко стала возражать, но явно торопилась. Чмокнув на прощанье старуху в щеку, она поспешила прочь.

Карл ждал ее, сидя на склоне лощины. Он сказал, что не хотел оставлять молодую женщину одну в столь безлюдном месте и с охотой проводит ее домой.

— Мне ничего не грозит, — улыбнулась Рэйчел. — Люди побаиваются меня, считая, что я, как и Мэг, обладаю колдовскими чарами.

— Что-то они запамятовали это, когда набросились на вас в церкви, — проворчал Карл.

Он сам пожалел, что напомнил об этом, когда Рэйчел вздрогнула. Но Карл отвлек ее и на подъеме предложил опереться на его руку. Девушка приняла его поддержку с почтительной скромностью и без тени смущения. Нет, она решительно нравилась Карлу, несмотря на ее пуританский вид.

Когда они отошли немного и Карл оглянулся, то был заметно удивлен: хижина Мэг словно растворилась, ее совсем не было видно в

ложбине. Вокруг расстилалась необозримая, бесконечная равнина, темная от поросшего на ней дрока и одновременно яркая в лучах солнца.

— Да, ваша знакомая впечатляет, — заметил он. — Она, что, и в самом деле ведьма?

Рэйчел тут же стала объяснять, что если Мэг и зовут ведьмой, то она просто женщина, наделенная непонятным характером, который местные жители считают колдовским. А если и ведьма, то белая ведьма, то есть добрая, которая собирает травы, готовит из них снадобья и лечит окружающих. Еще она знает, как ворожить, снимать сглаз и порчу и предсказывать будущее. Люди часто обращаются к ней за помощью. Местные пресвитеры считают ее существом порочным, поклоняющимся дьяволу и даже пару раз нападали на нее. Но Мэг взялся защищать Стивен Гаррисон, и он не позволит им устроить самосуд.

— Гаррисон, что же, не верит в ее колдовские чары? — осведомился король. Сам-то он почти поверил в них. Карл почувствовал, как Рэйчел внимательно поглядела на него.

— У него свой взгляд на это. Он говорит, что чем больше люди верят в колдовство, тем чаще его обнаруживают. И он всегда защищает Мэг, считая ее просто странной, но одинокой и слабой женщиной. Ведь по натуре Стивен справедлив и великодушен. Он никогда не позволит обидеть слабого и беззащитного. Поэтому благородство заставило его встать на ее сторону и оградить от посягательств. Стивен хоть и немного пуританин, но все же, ручаюсь, он джентльмен, человек порядочный…

— Да и хорош собой, — вставил Карл. Рэйчел, прежде чем сообразила, согласно кивнула, но тут же опомнилась и безудержно покраснела. Она поняла, что говорила излишне горячо и откровенно для девицы ее лет и похвалы Стивену выдают ее с головой. Чувствуя внимательный взгляд Чарльза Трентона, она не сразу осмелилась поднять на него глаза. Но взгляд спутника ее успокоил. Это был понимающий, добрый взгляд. И нежный. С такой нежностью на Рэйчел еще никто не смотрел. К тому же в его глазах проступали такое понимание и мягкость, что Рэйчел стало легко. Да, он нравился ей. Лицом не красавец, но необычайно притягателен. Она улыбнулась ему. И почему это Мэг так резко заметила, что он не для нее?

Она поняла это тотчас же. Чарльз Трентон вдруг оглянулся и резко остановился. Рэйчел тоже поглядела, что же его привлекло. И увидела скачущую по равнине сестру. Белая лошадь Евы несла всадницу эффектной стелющейся рысью. Направлялась Ева явно в их сторону.

У девушки сложилось впечатление, что спутник тотчас забыл о ней. Ей стало даже грустно, но она быстро смирилась. Как привыкла смиряться всегда, молчаливо уступая старшей сестре.

Ева подъехала, натянула поводья, и ее длинногривая неаполитанская лошадка так и загарцевала под ней. Подвески на уздечке раскачивались, поблескивая, алые перья на шляпе всадницы колыхались. Карл откровенно любовался Евой. Все в ней было элегантным: от изгиба запястья над поводьями, прямой и гибкой линии спины до манеры держать голову. Эти синие яркие глаза сейчас прямо полыхали, а взгляд почти гневно переходил с Карла на сестру и обратно. Король был в восторге. Ева ревновала!

Ее слова подтвердили его догадку.

— Как это вышло, что вы опять гуляете вместе? И так далеко от замка?

От такого прямого натиска Рэйчел опешила, потупилась, а король лишь забавлялся. В то же время ему стало жаль Еву — она ему нравилась, и он не хотел доставлять ей неудовольствие.

— Случайная встреча. Я посетил вашу знаменитую колдунью Мэг, а Рэйчел пришла к ней с небольшим подношением.

Ева скорее смутилась, чем успокоилась. Ей пришлось не по душе, что младшую сестру застали со столь подозрительной особой, она стала объяснять, что Рэйчел по доброте душевной навещает свою кормилицу так же, как и других бедняков, которым покровительствует из милосердия. Она говорила несколько запальчиво, пока Рэйчел не надоела роль подзащитной и она не прервала сестру, сказав, что у нее еще много дел и, если они не будут возражать, она их оставит.

Они не возражали. Им хотелось побыть вдвоем. Ева какое-то время глядела вслед удаляющейся быстрой походкой Рэйчел, потом перевела взгляд на короля. Его глаза излучали тепло, и Ева расслабилась. Она мило потупилась и промолвила:

— Моя сестра вся в делах. Увы, она погрязла в повседневных мелочах, и какими важными они ей кажутся!

— А вы, Ева?

— Я? О, я скучаю.

— Тогда давайте скучать вместе.

Он склонился к ее руке, взглянул из-под длинных ресниц дерзким и манящим пристальным взглядом. Рукой в перчатке он поглаживал мягкий бок ее лошади. Казалось, продвинь он руку чуть дальше, и коснется колена всадницы. Ева заметила это и вдруг ощутила приятное тепло внизу живота. Память о вчерашних поцелуях была так свежа!.. Как же она хочет его! Кажется, готова прямо сейчас спрыгнуть с седла в его объятия. Но она пересилила себя. Ей следует вести себя сдержанно. Чтобы Карл хотел ее до безумия.

Ева заговорила о другом:

— Вам не стоило бы в одиночку уходить из замка, мистер Трентон. Это небезопасно.

— О, слово «безопасность» мало подходит для нас, вустерцев. Если меня что-то и волнует, так это то, что ваш отец в Англии и может прибыть в Сент-Прайори в любой момент. А он республиканец и…

— Он никогда не был республиканцем, — убежденно сказала Ева. — И вам не следует опасаться его.

Она видела вопрос в его глазах и внутренне подготовилась к тому, что собиралась сказать. Это была тайна ее отца, но Ева давно решила, что именно этому человеку ей следует ее поведать.

— Вы участвовали в битве при Нэйсби? — спросила она, глядя вдаль. Чуть тронув поводья лошади, она пустила ее шагом так, чтобы Карл мог идти рядом. — Мой отец был там, сражаясь на стороне парламента. В душе он уже тогда понимал, что совершает ошибку. И ему удалось исправить ее. Когда конница Руперта умчалась преследовать неприятеля, мой отец сражался на другом фланге и увидел, как Кромвель прорывается туда, где лишь с небольшой личной гвардией оставался король Карл I. Пехота его величества была смята, и король Карл, стараясь спасти положение, сам кинулся вперед, надеясь остановить их и возглавить атаку. В тот момент, когда фанатики-круглоголовые уже ощутили свою силу, это было бы равносильно самоубийству, но король был в отчаянии и мой отец это понимал. Тогда он оставил своих людей, поскакал наперерез королю и, схватив его лошадь под уздцы, увез его величество в безопасное место.

Она вздохнула:

— Да, в тот день он спас короля, хотя битва была проиграна, как и само дело Карла I. А мой отец потерял своего наследника, моего брата Эдуарда, но тогда он об этом еще не знал. Он виделся с королем, они долго разговаривали. Его величество простил моего отца и даже подарил ему свой перстень с рубином в знак примирения. Лорд Робсарт с тех пор не расстается с ним. После победы парламентариев он оставил армию, не, желая более принимать участия в этом бесчестном деле.

Она умолкла.

Карл тоже молчал. Он шел возле коня Евы, глядя под ноги. Теперь ему стало ясно, почему отец просил за Робсарта. И все же многое оставалось загадочным.

— Когда палата лордов выступила против казни короля, ваш отец один воздержался.

Ева глубоко, почти с болью, вздохнула.

— Он делал это по приказу. Я не могу вам всего объяснить, но есть нечто, отчего Оливер Кромвель имеет над Дэвидом Робсартом страшную власть. Он настаивал, чтобы отец уговорил палату ратовать за казнь. Мой отец сделал все, что мог. Он воздержался.

— Они ведь когда-то были дружны с Кромвелем?

— О, это было простое знакомство двоих молодых людей. Более того, именно отец ввел Кромвеля в дом меховщика Буршье, на дочери которого позже женился Нол. Бур-шье ведь приходится нам родственником. Очень дальним, правда.

Возникла небольшая пауза. В ней было нечто неловкое, словно удаляющее их друг от друга. Ева поспешила исправить это.

— Не думайте, что лорду Робсарту так легко сошел с рук отказ воевать на стороне парламента. К тому же кое-кто видел, как он уводил короля с поля боя. Его дело было даже передано на рассмотрение двенадцати высших судей королевства, но его защитил Нол. Оливер нуждался в связях со знатью Англии. Тогда он предложил отцу возглавить Вест-Индскую компанию. Для отца это был способ занять себя и послужить на благо Англии. Он всегда считал: кто бы ни правил в королевстве, честная добросовестная работа принесет стране только пользу.

Теперь в голосе Евы зазвучали гордые нотки. Она стала рассказывать о работе отца: он усмирил мятежи в колониях, наладил

торговые отношения. Ведь сейчас, когда дела в Англии так плохи, а большая часть населения разорена, торговля с заокеанскими землями сулит немалую выгоду. Ева со знанием дела принялась перечислять ее положительные стороны, давая понять Карлу, что она вовсе не хорошенькая глупышка, а женщина умная и практичная. Она коснулась различных отраслей производства английских графств, отметила, что захирело за годы войн, а что еще в порядке; сказала, что колонистов всегда интересовала английская шерсть, а еще пиво, воск, молочные продукты. Из американских колоний везут драгоценные металлы, жемчуг и дерево разных пород. Она бегло прошлась по конкуренции с другими странами и заключила, что для Англии сейчас основными соперниками на море стали не испанцы, а именно голландцы, у которых самый сильный флот. Ее отец считает, что мощь Англии как островной державы именно во флоте, и немало сделал для его расширения. Она особо подчеркнула, что у ее отца сильный флот, ибо понимала, что Карла Стюарта, потерпевшего сокрушительное поражение на суше, может заинтересовать именно это. Ева добилась своего и заметила, что Карл глядит на нее с невольным восхищением и уважением. Что ж, на сегодня довольно. Она убедила его, что достойна его внимания как личность. Теперь пусть узнает, что она еще и восхитительная женщина.

Они как раз обогнули небольшой холм, где было тихо и прелестно в свете неяркого октябрьского солнца, и свернули на тропу для вьючных лошадей. По ее сторонам простирались заросли куманики, порыжевшие и золотящиеся в свете осени. Ева медленно остановила лошадь, и Карл, немного обогнавший ее, остановился, глядя, как Ева плавно соскользнула с седла и стояла какое-то время с закрытыми глазами, подставив лицо лучам солнца. Их свет слепил ее сквозь сомкнутые веки; когда она подняла ресницы, мир показался тусклым. Ева шагнула в сторону, сорвала листик.

— Куманика. Обычно мы с Рэйчел собираем на исходе лета ее ягоды для заготовок. Я ведь не такая уж никчемная хозяйка, как хочу показаться. К тому же здесь, в глуши, надо занимать себя хоть чем-то.

Медленно, нарочито медленно, она повернулась к Карлу. Он смотрел на нее темным, но горящим взором. Она была так чувственна в каждом движении, так желанна и красива. Золотистые волосы спадали на ее чело легкими завитками, особенно прелестными рядом с

красивыми темными дугами бровей. Влажные губы манили нежным блеском. Карл не сводил с них глаз. Ева, почти хмелея от счастья, поняла, как он хочет ее, и тотчас, как вспышку молнии, ощутила ответное желание. Она влекла его своим бездействием, мысли путались, она с трудом пыталась внушить себе, что ее ответное желание должно быть скрыто за неким Удивлением и смущением, но без всякой чопорности… Ах, к черту все! Она еще не забыла вкус его поцелуев вчера вечером. И вдруг, перестав рассуждать, совсем забывшись, шагнула к нему. Почти кинулась.

Это было как штормовая волна, способная смести любое препятствие на пути. Аромат его уст совсем лишил ее способности рассуждать. Его губы прильнули к ее устам, жаркое и мягкое давление нарастало, их языки искали и находили друг друга, тела, тесно прильнув друг к другу, беззвучно кричали, требуя еще большей близости, мир кружился и звенел…

Ева не заметила, когда среди бурных ласк слетела ее шляпа, она почти стонала, ощущая силу рук Карла, сжимавших и ласкавших ее. Колени подкашивались. Она едва не падала, откидывая назад голову, и только сила рук Карла помогала ей устоять на ногах. Но даже на грани потери рассудка что-то удержало ее. Лишь через томительно долгий миг она поняла, что ее встревожило, остановило. Краем хмелеющего сознания она уловила громкий лай спаниеля. Через мгновение и Карл отпустил ее, почти отшатнулся. Все еще дрожа и задыхаясь, он поглядел куда-то. Слабо понимая, в чем дело, она проследила за его взглядом, думая лишь об одном — их опять прервали. Весь мир против их любви, что-то всегда вмешивается и мешает их близости.

К своему удивлению, несмотря на бешеный стук сердца, она взяла себя в руки. И тут же поняла, что случилось. Топот копыт, звон металла. Ее лошадь призывно заржала, ей ответило сильное ржание. Они стояли в низине, и круп лошади заслонял от нее приближающихся. Но Карл был выше — и он уже видел. Спаниель, умчавшийся с яростным лаем, теперь, повизгивая, возвращался, трусливо поджимая куцый хвост. Несколько всадников на крупных конях стремительно неслись к ним. Небольшой отряд милиции, во главе которого скакал ее жених Стивен Гаррисон.

Если Ева и испугалась, то никак не проявила этого. А у Карла всегда была железная выдержка. Он спокойно наклонился и, подняв

шляпу Евы, протянул ей. Она почти машинально отряхнула се, на Стивена и его людей поглядела спокойно, может, чуть удивленно. Хотя по тому, с каким подозрением он оглядывал их и как сконфуженно опускали глаза его сопровождающие, она поняла, что всадники смущены, встретив невесту их офицера с чужаком, и что-то заподозрили.

— Добрый день, Стив, — спокойно произнесла она, поправляя растрепавшиеся локоны. — Прекрасная погода сегодня. Мы с мистером Трентоном решили совершить небольшую прогулку по равнине.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла нервной и неестественной. Что успел заметить Стивен? И заметил ли вообще? Взгляд его был спокойным, почти отсутствующим. Но он всегда умел держать себя в руках. Ева даже уважала его за это. Хотя сейчас, когда он встретил их одних… К дьяволу! Чарльз Трентон — гость в Сент-Прайори, и нет ничего дурного, если она уделяет ему внимание.

Стивен спокойно снял шляпу и поклонился в седле. Вид у него был мрачнее тучи.

— Странные вещи происходят, миледи.

— В чем дело? — почти взвизгнула Ева и надменно вздернула подбородок. Она не позволит ему оскорблять себя при посторонних!

Но Карл понял: что-то произошло. Стивен выглядел подавленным, его люди казались встревоженными. Карл даже заподозрил, что им стало известно о нем. Но нет — они не окружили его, не схватили. Он спросил:

— Что-нибудь серьезное? — Он был взволнован, и лишь железная воля позволяла ему держаться спокойно.

Стивен мрачно поглядел на него:

— Серьезное. Еще одно убийство.

Только теперь они увидели странный сверток, перекинутый через круп его лошади.

Гаррисон проследил за взглядом короля и чуть кивнул:

— Это малыш Осия.

— Что?

Ева не поняла — то ли прошептала, то ли прокричала это. Ей вдруг стало безумно страшно. До нее донесся спокойный голос Карла:

— Кухарка Сабина говорила, что он отправился погостить к своей тетке. Он часто уходит к ней и пропадает по несколько дней.

— Если бы, — вздохнул Стивен. — Местный пастух нашел его случайно. Он лежал на равнине, уже окоченевший, с перерезанным горлом и вспоротым животом. Пастух весь трясся, когда рассказывал об этом. Да и мы, когда прибыли… я всякое видел, но это зверство ошеломило меня.

Ева слабо вскрикнула. Она качнулась, но, когда Кард поддержал ее. отшатнулась в сторону. Шагнув к лошади, она прижалась к ее теплой холке, обняла, пряча лицо в гриве животного, словно хотела укрыться от всего мира.

— Не стоило так пугать вашу невесту, мистер Гаррисон, — с укором заметил Карл.

Стивен остался спокоен:

— В Сент-Прайори никого не удивишь известием о чьей-то смерти. Слишком часто там гибнут люди.

Ева вдруг выпрямилась и гневно поглядела на него:

— Ты забываешься, Стив!

Но ее взгляд помимо воли притягивала страшная ноша его жеребца. Она добавила уже тише:

— Бедный Осия ведь был убит не в замке. — И совсем тихо: — Такое жестокое убийство… О Стивен, ты уверен, что это не звери?

— Я не стану демонстрировать его труп, Ева. Но сомнений не остается. Его убили ножом. А сейчас мы направляемся в Сент-Прайори. Вы поедете с нами?

Ева молча кивнула. Карл, подхватив Спота, устроился на крупе лошади позади одного из людей Стивена.

Они быстро доскакали до замка. Карл ехал рядом с полковником и всю дорогу не мог отвести взгляд от страшного свертка за его спиной. Убитый ребенок. Кто мог поступить с ним столь жестоко? Бандиты, скрывающиеся на Солсбе-рийской равнине? Сумасшедший одичавший отшельник? Но что-то подсказывало ему, что гибель мальчика как-то связана с проклятым замком. Он вспомнил, когда последний раз видел Осию живым. Странный ребенок. Дикий и чем-то невероятно напуганный. Сейчас Карл явственно это помнил, тогда же едва обратил внимание.

Во дворе замка их встретила Рэйчел. Она вышла со стороны кладовок — рукава платья закатаны, полы верхней юбки заткнуты в карманы. Вся в делах, словно прислуга. Но Карла невольно удивило, как засветилось ее лицо при взгляде на Стивена. Она даже словно начала прихорашиваться, оправлять одежду. Стивен не заметил этого. Чуть склонившись к ней в седле, он заговорил вполголоса. И лицо Рэйчел погасло, потом сменилось гримасой ужаса. Но она быстро взяла себя в руки, кликнула Мэтью Шепстона, указала на труп.

Ева ушла к себе. Через час она вышла как ни в чем не бывало: элегантная, прелестная. За обедом она была спокойна, словно ничего не произошло, хотя при Стивене боялась и заговорить с Карлом. Несмотря на ее браваду, остальные были подавлены. Дядюшка Энтони даже не обращал внимания на провокационные вопросы Евы.

— Три смерти за пять дней — не это ли перст Божий? — только и бормотал он.

Карл был молчалив. Стивен тоже. Порой Ева замечала, как они перекидываются быстрыми подозрительными взглядами. Как ни странно, это несло удовлетворение: ей было приятно оказаться предметом ревности двоих мужчин. Про бедного Осию она старалась не думать. Ева уже научилась отметать неприятные мысли, не обременять себя ими.

После обеда она вызвала Джека Мэррота и велела взять несколько мушкетов в холле на стене. Ей хотелось развлечься стрельбой по голубям. Она не придала значения мрачному виду Джека. Ева знала, что он покровительствовал Осии, и понимала, как он удручен гибелью мальчика, но не утруждала себя особой щепетильностью.

Джек нашел ее у озера. Он принес оружие и корзину с голубями. Ева сама зарядила мушкеты, поглаживая их с любовью.

Коллекция ружей у ее отца была превосходная — на стволах стояли клейма самых известных мастеров Европы. А у Евы со времени Оксфорда осталось страстное увлечение огнестрельным оружием. Хотя оно было громоздким и неудобным, она предпочитала его в стрельбе по голубям обычному арбалету.

Уложив ствол мушкета на подставку и прижав приклад к плечу, она делала знак Джеку. Тот выпускал голубку, и, когда та, взмахивая крыльями, набирала высоту, Ева нажимала спусковой крючок. От выстрела ее обволакивало дымом, приклад при отдаче ударял в плечо,

и Ева знала, что скоро там появится синяк. Она не придавала этому значения и, отмахиваясь от дыма, следила, насколько удачен выстрел. Первая же голубка была сбита и камнем упала в озеро. По воде пошли круги; Ева довольно улыбнулась и взяла другой, уже заряженный, мушкет. Однако то ли мысли ее были далеко, то ли ей просто не везло сегодня, но несколько следующих птиц избежали смерти и преспокойно улетели в сторону голубятни.

Ева начала злиться и обвинила Джека, что он плохо выпускает птиц. Джек на это никак не отреагировал, а спокойно ждал, пока она перезарядит ружья. Это было непростое, трудоемкое занятие, и пальцы Евы вскоре стали темными от пороха. Но она предпочитала заниматься этим сама. Джек заметил, что Ева сегодня не особо внимательна: время от времени засыпая порох в гнездо и проверяя фитиль, она оглядывалась в сторону замка, словно кого-то ждала.

Так оно и было. Ева очень хотела, чтобы грохот выстрелов указал Карлу Стюарту, где она. Конечно, то, что убили Осию, ужасно, как и ужасна и непонятна странная смерть Патрика Линча. Но у Евы были свои планы, и ей не хотелось, чтобы трагические события повлияли на ее шанс пленить короля. В кои-то веки у нее появилась такая возможность, и Карл, похоже, сам шел к ней в руки; к тому же и этот его суровый спутник в отъезде. Что-то подсказывало Еве, что тот не расположен к ней и будет отрицательно влиять на короля. И вдруг начались все эти неприятности. Нет, несмотря ни на что, она должна исполнить задуманное. Даже если Стивен здесь. Что ему надо? Ева подумала о том, что мог заметить сегодня Гаррисон. Но она была уверена, что сможет оправдаться. А вот Карл… Она безумно хотела, чтобы он пришел к ней.

Однако появился Стивен. Ева скорчила недовольную гримасу, когда он вышел из зарослей, и невозмутимо отвернулась, приложив приклад к плечу. Это был двухзарядный колесцовый мушкет. Ева сделала знак Джеку и прицелилась.

Прогремел выстрел. Когда облако дыма рассеялось, голубка спешно летела прочь. Ева едва не выругалась сквозь зубы, Стивен был уже рядом.

— Неудачное время ты выбрала для стрельбы, Ева, — спокойно заметил он.

Ева неприветливо поглядела на него:

— Я еще не твоя жена, Стив, и ты не волен мне приказывать, что делать, а чего нет.

Она опять сделала знак Джеку и вновь промахнулась. Плечо начало побаливать. Ей не везло, и она чувствовала себя раздраженной.

Стивен держался с прежним хладнокровием.

— Сейчас в Сент-Прайори все напряжены. Много странного и непонятного произошло в замке за последние дни. Это уже третья смерть. Поденщики волнуются, говорят о проклятье замка и хотят уйти. Они боятся, и звуки выстрелов могут окончательно вывести их из равновесия.

— Подумаешь, какие неженки! — хмыкнула Ева. — Если сами обитатели замка вынуждены смириться, то отчего бы волноваться этим простолюдинам? Хотя, я думаю, Рэйчел сможет успокоить их. А если нет — в наше сложное время мы всегда сможем найти других. Благо желающих получить работу хватает.

Она вновь выстрелила, но даже не удосужилась глянуть, попала ли, и лишь стояла, отмахиваясь от дыма.

Стивен глядел на нее:

— Похоже, тебя не волнует все это. Я имею в виду три связанные с замком смерти.

Ева взяла новый мушкет и стала устанавливать его на подпорке.

— Почему они должны меня волновать? Филип Блад погиб в результате несчастного случая. Патрик Линч просто испугался и был неосторожен. Осия…

Она наконец установила мушкет.

— Осия погиб вне стен замка. Несчастный мальчик. Но при чем тут мы?

Джек ожидал сигнала, но Ева глядела на Стивена.

— Это зедь твоя работа — разобраться со всем этим, — с холодным вызовом Ева отмела все упреки.

Гаррисон кивнул:

— Да. Но я хотел бы разобраться еще кое в чем. Мне любопытно, считаешь ли ты по-прежнему, что нас что-то связывает? Или у тебя иные планы? Я имею в виду мистера Трентона.

Ева подала знак Джеку, но ей явно сегодня не везло. Она промахнулась и удрученно вздохнула.

— При чем тут мистер Трентон? Он любезен — и только. Я просто встретила его с Рэйчел на равнине. А когда сестра ушла, появился ты. Воистину, равнина стала слишком людным местом, чтобы…

— Чтобы ты могла уединиться с кем хочешь, — закончил за нее полковник, и глаза его холодно блеснули.

Ева, уже взявшая мушкет, резко повернулась к нему:

— Ты не имеешь права обвинять меня в том, в чем не уверен сам. Я не твоя собственность и могу общаться с кем захочу. А с мистером Трентоном мне интересно и весело. Он знает, как занять даму. В отличие от такого «круглоголового», как ты.

Стивен неотрывно глядел на нее, на щеках его напряглись жедваки.

— Похоже, еще недавно ты так не считала.

— Я могла и ошибаться.

Она нервничала и никак не могла установить мушкет. Стивен вдруг шагнул к ней и резко выхватил у нее оружие. Ева даже испугалась гнева, что полыхал в его глазах, и отшатнулась. Но Стивен уже отвернулся и сделал знак Джеку. Он даже не воспользовался подставкой, просто вскинул тяжелый мушкет и выстрелил, почти не целясь.

Несчастная голубка камнем рухнула в озеро. Стивен медленно опустил ствол. На Еву он не глядел. Но что-то в его спокойствии, в сдержанном гневе, очаровало ее. Она чувствовала клокочущую в нем лаву, и ей это нравилось. Почти нежно Ева сказала:

— Стив, я и не знала, какой ты отличный стрелок.

Очень медленно он повернулся и вернул ей мушкет.

— Я подумаю о ваших словах, миледи. О том, насколько вы могли ошибаться. Или насколько ошибался я сам.

Она глядела ему вслед. Ей даже захотелось вернуть его, окликнуть. Но она сдержалась. В конце концов, все это просто ревность, а где ревность, там и любовь. Значит, Стивен не потерян. Однако не стоит сейчас приближать его, лучше всего, если он и в самом деле уедет. Пока ее интересует только король. А Стив… Что ж, она уверена в своих силах и всегда сможет вернуть его. Он утешит ее, если у нее ничего не получится. Ведь он все же нравится ей.

Она повернулась к подошедшему Джеку.

— Ну что?

— Птицы закончились.

Она не ответила, думая о своем. И лишь когда Джек приблизился вплотную, Ева поглядела на него.

— Что тебе надо?

Ей не понравился его взгляд.

— Я все слышал. Вы что же, хотите наставить этому парню рога с чернявым юнцом?

Она надменно вскинула подбородок:

— Ты будешь последним, у кого я спрошу совета на этот счет.

— Разве? А следовало бы.

— Что ты себе позволяешь?! — взвизгнула Ева, когда он вдруг сильно прижал ее к себе.

Он дышал ей прямо в лицо. Она слышала запах вина и пота и стала вырываться.

— Пусти меня! Как ты смеешь?

Она вдруг охнула, когда он сильно сжал ее грудь.

— Смею? О, я смею. Вы сами дали мне право на это, когда я валял вас в сене, как последнюю девку. И мне и дела не было до того, что вы невеста полковника Гаррисона. Мне нравилось вдвоем с вами наставлять ему рога. Но я не желаю, чтобы вы с кем-то наставляли рога и мне.

— Что?

Она бы, наверное, рассмеялась, если бы не была столь напугана. Руки Джека медленно поднялись от ее груди и сомкнулись на горле. Она вдруг ощутила себя маленькой и удивительно хрупкой в руках этого мужлана. Давление его пальцев на горле не позволяло ей издать ни звука, кроме сдавленного глотка. Но он вдруг отпустил ее и впился ей в губы бешеным поцелуем. Ева ответила ему, хотя без чувства, наоборот, мысли ее лихорадочно заработали. Джек явно решил, что раз она изменяет Стивену с ним, то полковник ему не соперник. А вот к Карлу он начал ревновать. Нелепо. И страшно. Она не ожидала этого.

Наконец, он ее отпустил.

— Вы даже не подозреваете, насколько вы моя, — он довольно оскалился, но в следующий миг тряхнул ее, как куклу. — Я заметил, вы проходу не даете этому чернявому. А чем он лучше меня? Всего лишь посланец республиканцев. Я бы тоже мог им быть, если бы не

торчал здесь, а вступил в армию. В наше время многие могут подняться. Мясник Гаррисон, например.

— Бедный мой Джек, — произнесла Ева, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно нежнее, но, по сути, прошептала, так у нее заболело горло. — Ты и не знаешь, о чем говоришь.

Он хмыкнул:

— Все я знаю. И много чего могу порассказать. Кому? Стивену Гаррисону, например. Или мистеру Трентону.

И видя, что она его не понимает, добавил:

— Я ведь давно живу в Сент-Прайори.

Теперь она сообразила. И так побледнела, что Джеку даже стало жаль ее. С жалостью появилось и торжество, а с торжеством — чувство превосходства и желание обладать ею. Не как слуга, а как господин, который может приказывать. Он улыбнулся и стал увлекать ее к кустам. Какого черта, разве она сама не использовала его, когда хотела? Ева понимала, что ей не следует сейчас его злить. Но и уступать ему она не желала. Она молча повиновалась, отвечая на поцелуи, и нарочито тяжело задышала, когда он, прижав ее к стволу дуба, стал поднимать юбку. Где-то треснул сучок, и она тут же воспользовалась этим, оттолкнув его.

— Ты слышал?

Кажется, он не понял, в чем дело, и хотел вновь привлечь ее. Но она мягко удержала его, приложив палец к губам.

— Тсс!

— Дьяволово семя! Я ничего не слышу. Кто будет лазать по кустам сейчас?

Но он все же немного колебался, и Ева воспользовалась этим.

— О, Джек, милый, мне страшно. Я прошу тебя… — Привстав на цыпочки, она чмокнула его в подбородок. Ничему не обязывающая ласка — нежная, но не страстная. — Не сейчас, прошу. Мы ведь всегда были так осторожны… Приходи ночью туда, за озеро, к руинам.

Она умоляюще смотрела снизу вверх, обнимала его за талию. Он скорее удивился, чем что-то заподозрил:

— Почему туда?

— Помнишь, мы были там? Когда ты сажал меня на себя, как на лошадку.

Приятное напоминание. Джек улыбнулся.

— Там ведь никого не бывает, — продолжала Ева. — Тихое таинственное место. Его боятся. Но не мы с тобой. За час до полуночи я буду ждать тебя там.

Наконец она освободилась из его объятий и, обещающе улыбнувшись на прощание, поправляя одежду, пошла прочь. Но едва она отвернулась, как лицо ее изменилось. Даже челюсти свело, так крепко она сжала зубы. Ненависть клокотала в ее груди. Негодяй, сволочь, мерзавец. Как он смел!.. Что ж, он сам вынудил ее к этому.

Свернув на боковую тропинку, она подхватила юбки и со всех ног кинулась в сторону развалин.

В замок она пришла почти через час. Пошла к себе, но уже через несколько минут, приведя себя в порядок, появилась в летней гостиной. Ева счастливо вздохнула, застав там короля. Он стал обучать ее новой карточной игре — ландскнехт, названной так, ибо ее ввели в моду швейцарские наемники. От общения друг с другом Карл и Ева получали явное удовольствие, порой они поддразнивали друг друга, смеялись. Обычное фривольное общение, не выходившее за рамки пристойности. Вскоре в летней гостиной появилась леди Элизабет, которая сидела, глядя на них круглыми, как у совы, глазами. Несколько раз заходила Рэйчел. Она сообщила, что дядя Энтони занят погребением Осии. Стивен тоже был там, но вскоре уехал со своими людьми.

Глаза у нее были грустными, она с укором поглядывала на беспечную сестру, но ее взгляды задевали более Карла, нежели легкомысленную Еву. Ева даже на то, что Стивен уехал не простившись, почти не отреагировала. Рассказ Рэйчел, как ей пришлось уговаривать работников, Ева слушала вполуха. Она глядела в карты, но ее ножка под столом то и дело касалась ног короля, он поднимал на нее глаза и видел на щеках ямочки — легкий намек на потаенную улыбку. Любуясь Евой, он забывал о новой трагедии Сент-Прайори и чувствовал лишь влечение. Настолько сильное, что начинало болеть сердце. Он вспоминал слова Мэг: «Свою судьбу ты уже встретил». Что это? Не предзнаменование ли? Он задумывался, но мысли начинали путаться от стука собственного сердца. Карл чувствовал себя влюбленным, увлеченным, заведенным. И это легкое заигрывание Евы, прикосновение колен под столом. Она поднимала ресницы, глядела призывно. Меж ними словно установилась

невидимая связь. Они понимали, что думают об одном и том же, прерванная дважды страсть подготовила их к этому. Больше не было сил ждать. Карл видел это и восхищался ею. Он не терпел долгих ухаживаний, жеманницы его не привлекали. А Ева словно звала — взглядом, улыбкой, прикосновением. Даже сладкий запах ее жасминовых духов сводил Карла с ума. Ах, эти приличия! Ему просто хотелось схватить ее, увлечь…

Пришлось вынести еще и ужин с долгими разглагольствованиями преподобного Энтони о тщете всего земного, подавленную молчаливость Рэйчел, обжорство леди Элизабет. Едва ужин кончился — Ева почти не прикоснулась к нему, Карл тоже — все разошлись. В коридоре Карла остановила горничная Евы, Нэнси.

— Приходите через час в маленькую галерею с каменной химерой. Я встречу вас и провожу к госпоже.

Похоже, девушке не впервой было выполнять подобные поручения, она выглядела спокойной. А Карл едва с ума не сошел за это время. Он метался у себя по комнате, как зверь в клетке.

Ему уже следовало выходить, когда он уловил в коридоре чьи-то легкие шаги, шелест одежды. Несмотря на лихорадочное состояние Карла, это его насторожило. Он осторожно приоткрыл дверь. По коридору очень тихо, прикрывая ладонью пламя свечи, шла Рэйчел. Дверь в комнату короля была смазана и открылась беззвучно, но все же образовался легкий сквозняк. Пламя свечи заколебалось, и Рэйчел остановилась. Лицо, словно застывшая маска, темные глаза в пол-лица. Казалось, они видят его в темноте, но Карл понимал, что это не так. Свет свечи освещал для девушки лишь круг, в котором она стояла, слепил ее и не давал увидеть, что таится во тьме. Похоже, она успокоилась и крадучись пошла дальше. И это хозяйка Сент-Прайори! Карл видел, как ее белый чепец растворился во мраке сводчатых переходов. У него вдруг мелькнула мысль пойти за ней, проследить. Может, ему и удастся разгадать что-то из тайн замка. Но эта идея исчезла так же, как и появилась. Надо было спешить. Его ждала Ева!

Нэнси, как тень, выскочила из-за изваяния вросшей в стену каменной химеры. Карл еле разглядел служанку, так как из-за занавешенного плющом окна лунный свет сюда почти не проникал.

— Идемте, сэр.

В башне они проскользнули мимо покоев Рэйчел.

— Тише, ради Бога, — шептала девушка.

— Ничего, ничего, мисс Рэйчел ушла.

Кажется, горничная оглянулась на него в темноте. Но Карл не обратил на это внимания. Дверь Евы была перед ним, и он ни о чем не мог думать, только о той, что ждала его.

В камине полыхал огонь, и в его дрожащем золотистом свете Карл увидел вставшую с кресла девушку. Длинный пеньюар из опушенного мехом светлого атласа скрывал ее до кончиков пальцев. Распущенные волнистые пряди волос стекали по плечам до пояса. Она была словно нимфа, фея, ночное видение. И это видение ждало его. У себя в комнате Карл придумал множество нежных, страстных фраз для нее, но сейчас он напрочь забыл их. Лишь видел, как скользят атласные блики по ее вздымающейся груди, как таинственно и маняще блестят звезды глаз. Голова шла кругом от дурманящего запаха ее духов. У него пересохло во рту, жгучее желание наполнило тело, кровь глухими ударами стучала в висках. Боже правый, как давно у него не было женщины! И вот она перед ним, прекраснее и желаннее всего, что он только мог вообразить.

Он привлек ее к себе нежно, ибо боялся, что если схватит ее сильно, то причинит боль. Сдерживая мучительную дрожь, он начал целовать, ласкать губами ее приоткрывшиеся уста, сначала мягко, потом все с большим пылом, с трудом сдерживая полыхавший в нем огонь. А потом атлас соскользнул с ее плеч, сверкающей лужицей лег у ног. И перед ним предстала Ева, нагая и прекрасная, как в раю в преддверии своего грехопадения. Это было восхитительно. Он почувствовал, что сейчас одежда является чем-то ненужным, неудобным. Карл резко скинул камзол, почти сорвал рубаху и, подхватив Еву на руки, будто величайшую драгоценность понес к ложу.

Он не мог более сдерживаться, и она с охотой уступала. Это было как вихрь, как ураган, и Ева даже испытала разочарование, что все так быстро кончилось. Кончилось ли?.. О, ее дивное приключение только начиналось. Карл отнюдь не был тем мужчиной, которого интересовало собственное наслаждение. Он любил женщину и считал, что обязан дать ей то же, что получил сам. Не успела Ева отдышаться, как он вновь принялся ласкать ее. О, она еще не знала, что мужчина может быть так нежен и ласков. Весь ее предыдущий опыт был ничто

по сравнению с тем, что происходило сейчас. Помимо воли в ней поднялось невероятное ощущение радости, в которую она словно уплывала… тонула… Пока его губы блуждали вокруг полушарий ее груди, жаркие ладони поглаживали ее подрагивающий живот, бедра, ноги — она стонала и выгибалась, не сдерживая себя, вела себя, как девка, где-то в глубине сознания понимая, что это ему нравится.

В какой-то миг он словно удалился от нее, и его голос донесся как будто издалека.

— Что это? Что это было?

— О, ничего. Не уходи. Будь со мной. Я люблю тебя!

Это было совсем не похоже на то, что она считала любовью ранее. Ей казалось, что она любила Руперта первой пылкой любовью, а к Стивену ее тянуло проснувшейся зрелой женской чувственностью, но сейчас… Когда Карл целовал ее — шею, круглые груди, живот, включая самые сокровенные и укромные уголки тела, — ей казалось, что она впервые узнала, что такое любовь.

Она забыла, кем он был, отринула свои честолюбивые планы и лишь прижималась к нему, раскрывалась навстречу и только порой со всхлипыванием твердила:

— О, Чарли…

Ночь была упоительна, как мечта. Порой они замирали, лежали в глубоком молчании, находясь где-то между сном и бодрствованием, в том блаженном состоянии, которое придавало их телам почти невесомую легкость. Затем они снова тянулись друг к другу: Карл, восхищенный, жаждущий утолить свой плотский голод и очаровать ее, — она же, захваченная той счастливой, все сокрушающей волной чувственности, какой и не подозревала в себе.

Под утро он забылся сном у нее на груди, она же боялась заснуть и лежала, перебирая завитки его вьющихся черных волос, порой мечтательно улыбалась в полудреме, но когда открывала глаза, тогда в них мелькала почти боль. Как она боялась потерять его!..

Легкий стук в дверь разбудил чутко спавшего короля.

— Госпожа, это я. Уже пора.

Карл торопливо одевался, а Ева все льнула, ластилась к нему, беспомощная и нежная, в каком-то полудетском испуге предстоящего расставания. Карл заметил это ее состояние и замер, глядя на нее, а потом взял ее лицо в ладони.

— Ева?..

Казалось, он только сейчас разглядел ее. С припухшими губами и кругами у глаз, растерянная, трогательная, почти испуганная, она так отличалась от той вызывающе красивой, самоуверенной женщины, какой была вчера! Она была, как ребенок, нежный и чистый. И Карл вдруг понял, что это он сделал ее такой.

— О Бог мой, Ева! Ангел мой… — И почти выдохнул: — Я так люблю тебя.

Последний поцелуй, обещающий и сулящий. Ева нежно погладила его по заросшей щеке. Он прижал ее ладонь к глазам, потом к губам и поцеловал.

— Я люблю тебя.

О, как ей этого хотелось!

Он оглянулся на пороге. Задержался на миг, словно хотел вернуться к ней, но совладал с собой и вышел.

Ева вдруг почувствовала себя невероятно одинокой. Ей надо было взять себя в руки, обдумать дальнейшие действия. Да и последствия того, что она сделала. В конце концов, ей следовало немного поспать. Но она продолжала стоять, дрожа в предутренней прохладе, глядя на закрывшуюся дверь. И лишь шептала:

— Как же я люблю вас, мой повелитель, мой Бог, мой король, Карл Стюарт!.. Помоги мне, Боже…

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Рэйчел видела, что с Евой что-то происходит. Сестра была странно тиха за завтраком, однако вопреки обычной умеренности в еде аппетит у нее был волчий.

— Тебе так пришлись по вкусу телячьи котлеты? — невольно удивилась младшая сестра.

Ева словно смутилась. Ева, дерзкая, насмешливая Ева, смутилась! Рэйчел не верила своим глазам. И не поняла, чем поставила сестру в неловкое положение.

Но дядя Энтони уже встрял:

— Ева, голубушка, ты словно работала всю ночь, а не отдыхала.

Даже тетя Элизабет перестала жевать, повернулась к Еве.

Положение спас мистер Трентон. Он стал заверять, что завтрак великолепен, а котлеты просто чудо, но ему не под силу определить, чем они приправлены. Рэйчел отвлеклась, стала пояснять, что добавляет в фарш особую приправу из примулы и ноготков. Карл тут же поддержал разговор, сказав, что существует много трав, из которых готовят изумительные приправы. Внимание от Евы было отвлечено.

Но тут вошел Мэтью Шепстон и сообщил, что прибыл полковник Гаррисон.

— О, явился, — совсем недружелюбно заметила леди Элизабет. — Ездит сюда по поводу и без повода. Будет теперь расспрашивать, вынюхивать что-то.

Лицо Евы словно окаменело. Она, похоже, тоже не была рада приезду жениха. Рэйчел стало больно оттого, что Стивена ожидает столь холодный прием в замке. Ведь когда дома был отец, к Стивену относились совсем иначе, с ним были любезны и приветливы: тетушка любила потолковать о старых временах, Ева поджидала его в переходах замка, слуги угодливо кланялись. А сейчас только дядя Энтони вступился за помощника шерифа, но это не было расположением, скорее расчетом, ибо после того, как Стивен изгнал основного соперника Энтони Робсарта, Захарию Прейзгода, дядя откровенно рассчитывал при помощи полковника занять место проповедника. Он один встал поприветствовать Стивена. Что же касается Рэйчел, то хоть сердце ее и подпрыгнуло от радости при

имени Стивена, но и она постаралась избежать встречи с ним, опасаясь его расспросов. Спешно выйдя из-за стола, Рэйчел удалилась в библиотеку.

Библиотека в Сент-Прайори была старинная, сохранившаяся еще со времен, когда здесь было аббатство. Вела в нее узкая винтовая лестница, темная даже в самый светлый день, ибо окон здесь не было. Но стоило толкнуть почти горизонтальную дверцу в ее конце, больше напоминающую крышку люка, как глаза сразу заливали потоки света, вливавшиеся через огромные вытянутые окна, занимавшие одну из стен комнаты. По своим размерам библиотека могла бы называться залом, от всего старого помещения веяло чем-то монастырским и старинным. Особо это подчеркивалось высоким сводчатым потолком, поддерживаемым декоративными, встроенными в стену колоннами, резными каменными капителями еще романского стиля.

Стены и потолок в библиотеке были побелены ослепительной белизны известкой, что придавало помещению особую легкость и делало его еще светлее; от этого высокие книжные шкафы мореного дуба, выстроившиеся вдоль стен и простенков окон, казались особо темными. Все полки были уставлены книгами. Огромные фолианты и толстые рукописные книги, сохранившиеся со времен аббатства, занимали отдельный шкаф. Был там даже экземпляр Вульгаты[13], прикованный цепью из-за неимоверной его ценности. В отдельных шкафах стояли переводы античных авторов, особо любимые Рэйчел — переводы басен, творения Гомера, речи Цицерона, Овидия, Вергилия, Плавта и особо почитаемого ею Плутарха. Были и «Основы античной геометрии» Декарта, и приобретенный гораздо позднее экземпляр «Об обращении небесных сфер» Коперника. Одно из первых печатных изданий «Легенды о круглом столе короля Артура» соседствовало с целым рядом душещипательных рыцарских романов позднего времени, а далее стоял шкаф, в котором покоились тома по законодательству и еще множество книг с надписями на корешках «Дела графства». Они велись полтора столетия, с тех пор как Робсарты стали владельцами Сент-Прайори.

Рэйчел прошла мимо них. Подол ее платья шелестел по плитам пола, словно сухие листья. Она остановилась возле шкафа, где стояли тома Шекспира и Бена Джонсона, любовные сонеты Ронсара — с превосходной рифмой и хитроумными поворотами сюжета, которыми

она так зачитывалась долгими зимними вечерами. Здесь же лежал томик с романом мадам Скюдери — Стивен Гаррисон подарил его своей невесте, но Ева так и не удосужилась прочитать книгу. Рэйчел зачитала ее до дыр и нашла восхитительной. Но сейчас девушка отодвинула стоявшие корешками в рад книги и достала из-за них небольшой томик, на темном переплете которого была вытеснена золотом коленопреклоненная фигура перед аналоем. Надпись гласила «Августейший лик». Это была запрещенная правительством книга, которую барон Робсарт приобрел из-под полы, и стоила она огромных денег. В книге заключались молитвы короля-мученика Карла I и его воспоминания о своей жизни, начиная с созыва Долгого парламента и до его бегства на остров Уайт. А заканчивалась книга рассказом другого автора, и там суд над королем сравнивался с судом над Христом.

Рэйчел прочла ее этой зимой, и книга потрясла ее до глубины души. Но сейчас она не знала, зачем достала ее. Рэйчел села за конторку со склоненной столешницей и заточенными перьями возле чернильницы. Книга лежала перед ней, но она ее не открывала. Даже «Августейший лик» не мог ее отвлечь от мысли, что Стивен Гаррисон здесь и ей безумно хочется пойти к нему, но рассудок приказывает оставаться на месте.

Стивен!.. Рэйчел казалось, что она любила его всегда. Она была еще ребенком, когда стала особо выделять его из многочисленных поклонников старшей сестры. Еве тогда было восемнадцать лет, она считалась первой невестой в округе, а Рэйчел еще была нескладной девочкой-подростком, сильно вытянувшейся в свои одиннадцать лет, с длинными руками и ногами и еще без намека на женственность. Странная дурнушка, которую уже тогда сторонились дети окрестных дворян, а их матери делали за ее спиной знак, предохраняющий от сглаза. Возможно, оттого, что сверстники в лучшем случае избегали ее, а бывало и оскорбляли, гнали прочь, едва не кидая камни, она так рано осознала свою отверженность, стала дикой, озлобленной, нелюдимой. А рядом была приехавшая из Лондона красавица-сестра — такая веселая, жизнерадостная, блестящая. Она чуть поддразнивала дикарку Рэйчел, но была с ней добра и часто смешила ее. Рэйчел восторгалась Евой, просто обожала ее, и была благодарна, что та не уделяет Стивену Гаррисону особого внимания. Стивен тогда был веселым,

общительным парнем. Вообще мир был другим, еще не запретили ярмарки и нарбдные праздники. Рэйчел знала, что Стивен любил принимать в них участие — он выигрывал призы в соревнованиях стрелков, вызывался бороться с медведем. Он был очень сильным. Она запомнила это с того момента, когда однажды чуть не слетела с лестницы, споткнувшись в потемках, и он ее поймал. Сильные, горячие руки, которые прижали ее к себе, так ласково гладили, успокаивали.

— Так легко и шейку свернуть, малышка, — сказал он и фамильярно потрепал ее кудрявую челку.

Рэйчел чуть не замурлыкала от удовольствия, но Стивен уже словно забыл о ней. От него пахло духами, камзол был украшен бантиками, а глядел он туда, откуда доносились перезвоны лютни и смех Евы. Он спешил к ее сестре. Рэйчел тогда еще не осознала боли ревности. Ощутила лишь счастье находиться в мужских руках. И когда Стивен, перескакивая через ступеньки, убежал к ее сестре, стояла, как дура, счастливо улыбаясь кому-то в темноте.

Потом Ева уехала, а вскоре отбыл и Стивен Гаррисон. Рэйчел скучала по нему, плакала по ночам в подушку, ненавидя эту войну, заставившую мужчин уезжать. Она никому не говорила о своей первой любви. К ней тогда была приставлена наставница — сухая чопорная мистрис Карфакс, которая должна была воспитывать девочку. Она состояла при Рэйчел с пяти лет, учила ее манерам, следила за образованием, но явно ненавидела свою подопечную. Девочка платила ей тем же: дерзила, часто убегала, забивалась в какой-нибудь закуток и с мстительным удовольствием слушала, как тонкий голос воспитательницы, разыскивавшей ее, переходит в визгливую истерику. Наставница все же чего-то добилась — обучила девочку чтению и письму, греческому и латыни. Правда, уроки шли плохо, и мистрис часто порола ее розгами. Она была женщиной сильной, и рубцы на теле Рэйчел заживали долго.

— Я выбью из тебя дьявольский дух, маленькая ведьма, — шипела мистрис, опуская на оголенные ягодицы воспитанницы смоченные рассолом розги.

При этом она словно испытывала садистское удовольствие и распалялась еще более от того, что, сколько бы она ни секла непокорную ученицу, не могла вырвать у той ни стона, ни писка.

Выгнали ее не за эту жестокость, а за то, что она распространяла слухи, будто младшая дочь барона Робсарта не обычный ребенок, а маленькая колдунья. Иначе почему она так любит гулять в лунные ночи и бегает без конца к проклятой ведьме Мэг?

Однако когда мистрис Карфакс не стало, Рэйчел даже затосковала о ней. Ибо отныне круг ее общения окончательно сузился. Мистрис Карфакс хоть брала ее с собой, когда навещала соседей или ходила в церковь. Оставшись без наставницы, Рэйчел окончательно оказалась отдаленной от всех. Дядя Энтони, с которым она тогда жила в Сент-Прайори, едва замечал ее, отец и сестра были в отъезде, а соседи и сверстники явно сторонились ее. Рэйчел стала совсем нелюдимой и общалась лишь со слугами. Именно тогда она нашла утешение в чтении книг. Теперь, когда никто не заставлял ее учиться, она сама потянулась к знаниям. Рэйчел, закутавшись в плед, просиживала ночи напролет с книгой в библиотеке. Она стала мечтательной и задумчивой. Ее духовный мир складывался под воздействием рыцарских романов и религиозных книг. За ними наступил черед Ронсара и Шекспира, и Рэйчел плакала над книгами, негодовала, Восхищалась. Потом она прочла античных авторов, и теперь целый мир греков и троянцев приводил девочку в трепет, увлекая легендами о героях, чудовищах, богах и смертных женщинах, которых небожители желали даже более страстно, чем бессмертных красавиц с Олимпа. Когда она пережила пору физического созревания собственной плоти, ее жаждущая и страстная натура открыла для себя мир любовной поэзии. Откровенные стихи римского поэта Малагра, полные чувственных признаний, а затем «Искусство любви» Овидия и, наконец, строки нескромных новелл Боккаччо и игривость поэтических намеков Чосера. Она порой отрывала глаза от книг, замирала, чувствуя, как кровь так и кипит в ее жилах. В такие минуты она думала о Стивене. Никто другой не занимал ее воображения, ничей иной образ не приходил в память. И она ждала его, как же она его ждала!

Вернулись Ева с тетушкой. Леди Элизабет стала замкнутой и уже ничем не напоминала той любопытной, властной женщины, что так решительно указала на дверь мистрис Карфакс. Она полюбила обильные трапезы и уединение в дальних переходах Сент-Прайори, стала очень религиозной и не позволяла никому вторгаться в свой мир.

Но что-то появилось в ней и неприятное: она полюбила сплетни, с наслаждением смаковала местные слухи и скандалы, и лишь об одном из них хранила молчание. Рэйчел узнала о нем сама. Ева была беременна!.. Хотя старшую сестру это тяготило, младшая была в восторге: в Сент-Прайори появится малыш! Его, разумеется, выдадут за подкидыша, но как же она, Рэйчел, будет любить маленького бастарда своей сестры! И она жалела Еву, ластилась к ней, а порой была для нее подлинной поддержкой. Ибо Ева совсем пала духом, и Рэйчел впервые ощутила себя сильной и незаменимой.

Вскоре ей в полную меру пришлось ощутить, как ей понадобится ее сила. Отец тайно прибыл в Сент-Прайори, созвал своих дочерей и сестру (дядя Энтони никогда не был в хороших отношениях с братом и к тому времени уже жил в отдельном доме в приходе) и поведал, что их ожидает. Как оказалось, более других он рассчитывает на свою рассудительную младшую дочь. Рэйчел не могла обмануть доверие горячо любимого отца, хотя и понимала, что эти страшные события оборвали ее беззаботную юность — началась обременительная зрелость. Да, с той роковой ночи она стала взрослой и, более того, постарела.

А на Сент-Прайори опустился покров тайны.

Самым ужасным было сжиться с этим, но Рэйчел нашла в себе силы, потому что привыкла таить все в себе. Она по-прежнему была одинока, только теперь стала молчаливой и замкнутой; ощущение какой-то безысходности струилось по ее жилам, словно вялая кровь. Она чувствовала себя несчастной, и только воля удерживала ее от отчаяния, поскольку она знала, что отчаяние — это грех, и отвлечься от него можно, лишь уйдя в работу. Теперь она словно с удовольствием втягивалась в дела имения, в ней стало расти сознание собственной значимости.

Порой Рэйчел боялась того, что таилось в ней. Лишь Мэг смогла разгадать ее терзания и, как ни странно, даже одобрила это. Она объяснила, что некоторые женщины уже с рождения знают все об отношениях меж людьми обоих полов. Мэг была своеобразной личностью, и то, что она считала достоинством своей молочной дочери, сама Рэйчел, наслушавшись проповедников, почитала грехом. Скромные манеры, сдержанность — вот достоинства доброй

христианки, а не тайное вожделение, что бередит душу, ведет к бесстыдным помыслам и мечтам.

Оставалась еще Ева, у которой на все были свои взгляды. После поездки в Лондон Ева очень изменилась, стала какой-то неестественно веселой, вызывающе дерзкой. Рэйчел, несмотря на свои строгие взгляды, восхищалась сестрой и любила ее. Ева была единственным, кроме отца, существом, кто был нежен к ней, но отец так редко бывал дома. Рэйчел, как свет солнца, ловила редкие проявления любви со стороны капризной и взбалмошной сестры и бесконечно любила ее.

Рэйчел была скрытной и, по возможности, сторонилась людей, Еву же ничего не пугало. Она была словно из другого, незнакомого Рэйчел, мира — яркого, свободного, бесстрашного. Сестра смотрела на всех этих пуритан так, что они, что бы ни шептали у нее за спиной, неизменно кланялись и уступали ей дорогу. Рэйчел видела, что они ненавидят Еву за презрение к ним, и это заставляло ее волноваться за сестру и… завидовать ее смелости. Ева великолепно одевалась, носила дорогие украшения. А Рэйчел, хоть отец и одаривал ее, как и старшую дочь, словно стеснялась столь явно украшать себя, почитая это едва не грехом. Ева порой дразнила ее, но Рэйчел смирялась. Явное превосходство сестры не угнетало, а, скорее, восхищало ее.

Потом это причинило ей боль, когда она поняла, что Ева всерьез занялась Стивеном. Ее Стивеном, которого она продолжала тайно и безнадежно любить, даже смирившись с его утратой.

Ева же была другая.

— Надо бороться за свое счастье! — сказала она.

Так же говорила и Мэг. Но для Рэйчел, привыкшей терпеливо сносить удары судьбы, это казалось немыслимым. Поэтому она только пожелала счастья старшей сестре, когда та добилась своего и стала невестой Стивена. Восхищение Евой даже пересилило ревность и боль. Что ж, она всегда уступала сестре, уступила и на этот раз, даже заставила себя порадоваться ее счастью. А потом вдруг поняла, что Еве не нужен Стив. Это вызвало в ее душе целую бурю чувств. Они клокотали в ней: даже когда ее лицо было спокойным, сердце разрывалось на части. Она ведь видела, что Стивен страдает, и мучилась вместе с ним его болью. Как бы невозмутимо ни держался Стивен Гаррисон, она чувствовала, что за этой ледяной оболочкой

таится страстная, живая натура. В чем-то они были схожи с Рэйчел, и она прекрасно его понимала.

Затем в Сент-Прайори появились Чарльз Трентон и Джулиан Грэнтэм — двое сильных, интересных мужчин, которым она с сестрой была обязана своим спасением. И это восхитило Рэйчел. Она никогда и не думала, что в ее монотонной, беспросветной жизни может случиться нечто подобное. Еще она заметила, что красавец Джулиан Грэнтэм не спускает с нее глаз, и это взволновало ее больше, чем хотелось признаться себе. А Чарльз Трентон… Она угадывала в нем ту же страстную живую натуру, что и в Стивене Гаррисоне. Но если Стивена жизнь сделала замкнутым, почти мрачным, то в Чарльзе Трентоне чувствовалась редкая легкость и нежность. Рэйчел могла понять, почему Ева предпочитает его общество молчаливому жениху. Ей самой порой хотелось поболтать с ним, взлохматить ему чуб, смеяться вместе с ним. Но Трентон, как и в свое время Стив, глядел лишь на Еву. А Ева — на него, в то время как Стивен то ли не замечал этого, то ли относился к происходящему с насмешливой иронией. Стал ли он менее любить ее сестру? Или не видел ничего серьезного во флирте невесты с гостем Сент-Прайори?

В душе Рэйчел стали оживать неясные мечты. Сейчас, когда Ева все свободное время проводит с мистером Чарльзом, может, она, Рэйчел, имеет право чаще бывать со Стивеном? Но нет. Так уж сложилось, что Стивен именно сейчас стал особо опасен для Сент-Прайори и его тайны, и ей следует, по возможности, избегать его. А ведь он в прошлый раз назвал ее «милой». И когда позже приходил, чтобы она через покои отца провела его на галерею, тоже держался почтительно и приветливо. Но не обольщается ли она? Ведь со времени его помолвки с Евой он всегда был предупредителен и добр с будущей свояченицей. Стивен стал для Рэйчел словно навязчивой идеей. Она думала о нем днем и ночью, а дни, когда они не встречались, казались ей пустыми. Но ее долг обязывал, принуждал: ради чести рода сторонись его!

От этих мыслей Рэйчел стало совсем тяжело. Как всегда в таких случаях, она постаралась отвлечься делами. Достав чистый лист и отточив перо, она начала писать отцу. По сути дела, это было не письмо, а обычный список того, что ему следовало прислать в замок. И Рэйчел сосредоточилась, старательно обдумывая все, что им могло

понадобиться: миндаль, сахар, горчица, лавровый лист, апельсины, финики, чай, вина, ткани.

Мысли ее вошли в привычное русло, и она вписывала все новые и новые наименования. Однако помимо воли ее глаза нет-нет да поднимались к противоположной торцовой стене библиотеки. Там, за камином, виднелась небольшая створчатая дверца из толстого мореного дуба, задвинутая засовом. У нее был вид, словно ее давным-давно не открывали. Но у Рэйчел в кармане покоился ключ от нее, и ее мысли невольно возвращались к тому, что именно через эту дверь в последний раз прошел несчастный Патрик Линч, а не через покои отца, как она сказала Стивену. Тот не должен был знать о втором потайном ходе, как и о многом, что таилось в замке. Она вдруг вспомнила, что по совету Патрика Линча когда-то добавляла немного опиума в вино Стивена, когда он впервые ночевал в Сент-Прайори. Она еще не забыла, как тайком пробиралась в его комнату, чтобы посмотреть, как он спит. Потом она воспротивилась опаивать жениха сестры. Она знала, что опиум вреден, и боялась злоупотреблять им. Покои Стивена были дальше других, и она перестала волноваться, что его что-то обеспокоит. К тому же у Стивена, намотавшегося за день по делам, был крепкий сон. Она убедилась в этом, когда, как и ранее, стала тихо посещать его ночью. Она только смотрела на него — на разметавшиеся во сне волосы, почти по-детски безмятежное выражение мужественного лица, сильные руки, покрытую густой порослью грудь… Потом она возвращалась к себе и металась в постели, клялась, что больше не станет совершать подобных глупостей. Она и в самом деле вскоре отказалась от этого. После того как однажды подошла к двери Стива и услышала за ней негромкий смех сестры. И столько нежности было в нем, что у Рэйчел перехватило дыхание от отчаянных усилий не разрыдаться в полный голос. Итак, ее сестра и Стивен уже стали одним целым. Хотя это ранило сердце, как удар бича, она должна была сдерживаться.

В конце концов, Рэйчел закончила список и вновь поглядела на дверь. Вдруг ее заполнило отчаяние. Сколько это может продолжаться? Неужели все они и в самом деле прокляты? И главное — ее отец потворствует этому. Как он может быть с ними так жесток! Решительно обмакнув перо в чернильницу, она дописала

постскриптум: «Милый отец, ты так нужен здесь. Приезжай скорее, как только сможешь!»

Она запечатала письмо, откинулась на спинку стула и стала обдумывать, какие еще дела ей предстоят сегодня. Распорядиться насчет обеда, велеть Мэтью Шепстону, выполняющему, кроме прочего, обязанности плотника, заняться дверью в трапезной — она немного заедает. Еще неплохо бы сегодня сходить к арендаторам и заключить новые контракты. Не самое приятное занятие, ибо некоторые из крестьян вели себя с ней грубо, почти вызывающе, намекая на ее связь с нечистым. Но работники они были хорошие, арендную плату вносили исправно, и она старалась вести себя так, словно ничего не замечала. Раньше ей очень помогал в этом Патрик Линч. Управляющий умел держать себя с таким достоинством, что простолюдины прямо благоговели перед ним.

Да что простолюдины! Он даже Стивена вынуждал считаться с собой. Стивену приходилось применять грубость, чтобы осадить мистера Патрика. Рэйчел было больно от этого. К Патрику Линчу она была очень привязана, ценила и уважала старого слугу и понимала, что его оскорбительная слежка за Стивеном, когда тот в замке, просто необходима. Стивен что-то чувствовал, пытался докопаться до истины, а Патрик ему всячески мешал. Теперь это предстояло делать ей. Мешать Стивену. Но вместо этого она его избегала. Слишком сильна была ее тяга к нему, какое-то темное горячее чувство жило в ней и рвалось наружу, едва он оказывался рядом. Рэйчел боялась самой себя. Ее страсть к нему была словно болезнь. А ведь Стивен — помолвленный жених ее сестры. Любимой сестры. И как бы ни складывались их отношения, ей грешно так стремиться к нему.

Рэйчел вздрогнула, когда стукнула крышка двери-люка. И почему-то сразу поняла, кто это. Стивен. Он поднялся в библиотеку. Словно что-то запело в груди Рэйчел, когда он улыбнулся и подошел к ней. Рука небрежным жестом покоилась на эфесе шпаги, шпоры негромко позвякивали по плитам пола. А глаза были такими голубыми! Волосы, зачесанные назад, свободно падали ему на плечи и без всякой завивки были волнистыми и пушистыми. Одна прядь надо лбом спадала чуть набок, волной накрывая бровь над левым глазом и висок.

Рэйчел спохватилась, что прямо-таки сияет, отвела глаза и сказала первое, что пришло, на ум:

— Я как раз думала о вас, мистер Гаррисон.

Не самая умная фраза. Рэйчел с досадой закусила губу.

Стивен поглядел на нее с легким недоумением:

— Правда? И что же, осмелюсь спросить, навело вас на мысли о моей скромной особе?

Рэйчел не знала, куда девать глаза. Заметив пятно от чернил на пальце, она стала пытаться стереть его.

— Я вспомнила Патрика Линча. И подумала, что он сильно досаждал вам.

Опять не то. Рэйчел была готова расплакаться от досады, что она такая глупая и неуклюжая. Ева, вот кто сумел бы выкрутиться из любой ситуации.

Она услышала, как Стивен огорченно вздохнул, и взглянула на него извиняющимся взглядом.

Стивен рассматривал бюсты поэтов, историков и философов на одной из полок шкафов.

— Упокой, Господи, его душу, — негромко произнес он. — Знаете, мисс Рэйчел, то, что вы сказали, правда, но самое странное, что мне сейчас словно бы и недостает его слежки. Будто в Сент-Прайори мне стало чего-то не хватать.

Рэйчел постепенно перевела дыхание:

— Мне тоже трудно без несчастного Патрика. Он был хорошим помощником в делах.

— Когда приедет ваш отец?

— Я ему только что написала, — она взяла в руки пакет со списком. — Думаю, он будет где-то через неделю.

Она умолкла, заметив, что Стивен глядит не на послание, а на книгу с вытесненным коленопреклоненным королем.

— О, «Августейший лик». Запрещенная книга, смею заметить.

Он взял томик в руки, бережно, словно она была из хрупкого папируса.

— Я знаю, ее написал священник, отец Годен. Изящный стиль. Я прочел ее с удовольствием.

Рэйчел, судорожно обдумывавшая оправдания, заморгала:

— О, вы читали? Ее привез нам…

Она осеклась, не решаясь упомянуть отца. Ведь, в конце концов, Стивен был парламентарием, сторонником тех, кто казнил короля-

мученика. Поэтому она сдержала себя.

— Вы хотели видеть меня, сударь?

— Да, мисс.

Он осторожно положил томик на прежнее место. Почему-то Рэйчел знала, что он скроет, что видел у нее «Августейший лик».

— Я уже расспросил всех об Осии. Остались только вы, Рэйчел. Вы специально ушли, чтобы не встречаться со мной?

Она уже смогла взять себя в руки, даже вскинула голову:

— Я слушаю вас.

И тогда Стивен спросил, не заметила ли она кое-что странное в поведении мальчика в то утро, до того как он покинул Сент-Прайори. Лично ему показалось, что Осия был словно чем-то напуган.

Рэйчел пожала плечами:

— В то утро у меня было много дел. Следовало все приготовить к похоронам управляющего. Что же касается Осии, то он всегда был странным ребенком. Сейчас я не могу припомнить то утро, но даже если бы я и заметила что-то необычное в поведении Осии, то не придала бы значения.

Она украдкой бросила взгляд на него. Взгляд Стивена был обращен на что-то у нее за спиной, и почти интуитивно поняла, что он смотрит на дверцу за камином.

— У вас есть еще вопросы?

Помимо воли ее голос прозвучал напряженно, почти резко. Стивен спокойно поглядел на нее:

— Жаль, что вы, обычно такая проницательная, ничего не заметили. Но мальчик действительно чего-то боялся. Или кого-то. По крайней мере, у него был враг. Тот, кто убил его. Жестоко убил. Почти выпотрошил.

— О Господи!

Стивен даже взял ее руку в свои.

— Простите, ради Бога, Рэйчел. Я не хотел напугать вас.

Но она уже не боялась. Более того, от прикосновения его ладоней, сжимавших ее руку, ее бросило в жар, а кончики пальцев начало покалывать, словно тонкими иголочками. Опасаясь, что выдаст свое смятение, она мягко отняла руку.

— Если вы хотите побольше узнать об Осии, спросите Джека Мэррота. Мальчик был очень привязан к нему. Он мог кое-чем с ним

поделиться.

— Так же сказала и ваша тетушка, — заметил Стивен, и у губ его пролегла горькая складка. Рэйчел подавила вздох. Она могла догадаться, каким тоном это было преподнесено полковнику Гаррисону.

Стивен вдруг оставил ее и, пройдя через все помещение библиотеки, приблизился к маленькой двери. Он взял в руку замок и внимательно оглядел его.

— Куда ведет эта дверь? Рэйчел напряглась:

— Никуда. То есть там есть какой-то проход, но им уже давно никто не пользуется.

— Разве? Но замок, видимо, недавно смазывали. Вот даже следы свежей смазки.

— Возможно. Слуги в доме приучены к аккуратности, и, вероятно, кто-то из них, для порядка, смазал и этот замок.

Стивен мельком глянул на нее. Она стояла прямая, как пламя свечи, руки нервно сцеплены под передником. Стивен ничего не сказал, а, отойдя чуть в сторону, выглянул в окно.

— Похоже, если там и есть ход, он ведет к длинной галерее, тянущейся к развалинам. Вон, даже небольшое зарешеченное окошко какого-то внутреннего помещения. Ход явно уходит в сторону. Или там есть проход в башню барона Робсарта? По расположению весьма подходит.

— Я не знаю, — только и ответила Рэйчел.

Теперь Стивен медленно шел к ней.

— Не знаете, мисс? Вы? Вы, которой Сент-Прайори известен как свои пять пальцев?

Она заставила себя улыбнуться:

— Выходит, я не так уж хорошо знаю свои пальцы.

Он подошел столь близко, что у Рэйчел возникло жгучее желание шагнуть к нему навстречу и прильнуть. Или приказать ему обнять себя. О, она знала, что в ней таится какая-то таинственная сила, которая одним взглядом позволяет ей притянуть к себе человека или, наоборот, оттолкнуть. Но это была греховная, темная сила. Еще ее отец заметил за ней это и строго-настрого запретил пользоваться ею.

— Это грех, дитя мое, — говорил он. — Душой человека всегда правят Бог и дьявол. И если ты не хочешь, чтобы сатана прибрал твою

душу, ты научишься сдерживать это.

А вот Мэг была в восторге от дара своей молочной дочери.

— Ты даже не знаешь, какой силой обладаешь. Да это же бесценный дар!

Но Рэйчел более склонялась к тому, что говорил отец. Все ее суровое, почти пуританское воспитание говорило в поддержку этого. А Мэг была изгнанницей общества, и Рэйчел совсем не хотела последовать ее примеру. Поэтому она сдерживалась.

Сдержалась и сейчас. Даже попятилась от Стивена. Вздрогнула, когда он назвал ее по имени.

— Рэйчел, порой вы удивительно напоминаете мне Патрика Линча. То же желание что-то скрыть, утаить от меня. А ведь в замке происходят странные, даже страшные вещи. Помогите же мне, мисс. Вы ведь не считаете меня своим врагом?

Девушка подняла на него полные тайной тоски глаза:

— Что вы хотите от меня, мистер Гаррисон? Осия погиб вне стен замка. Спросите о нем Джека.

— Его почему-то нигде не могут найти.

— У Джека много обязанностей. Но порой он устает от них и пропадает неизвестно где. Я обещаю, едва он появится, прислать его к вам.

— Благодарю.

Это было сказано так сухо, что у Рэйчел заболело сердце.

— Что вы еще хотите?

Стивен вздохнул:

— Если я попрошу у вас ключ от этой двери, вы ведь не дадите мне его? — В его голосе за убежденностью явно проступала печаль.

Рэйчел крепко сжала зубы. Потом заставила себя расслабиться и сказала как можно спокойнее:

— Я даже не уверена, что он существует. Хотя от Патрика Линча осталась внушительная связка ключей. Возможно, какой-нибудь и подойдет.

Про себя она решила, что спрячет этот ключ как можно дальше. Правда, дубликаты ключей были еще и у двух охранников — Томаса Легга и Бена Петтигрю. Но на них можно положиться.

Она вскинула голову, заставив себя поглядеть Стивену прямо в глаза:

— Если у вас больше нет вопросов, я осмелюсь покинуть вас. У меня еще много дел.

По лестнице она едва ли не бежала, так было больно от последнего, полного сожаления и тоски, взгляда Стивена. А ведь он и в самом деле мог им помочь. Нет, нельзя. О, отец, приезжай скорее! Это уже становится невыносимо. Зачем ты повесил на нас такую непомерную тяжесть!

Она уже собралась уходить, накинула плащ, когда в дверь постучали. У порога со шляпой в руке стоял Бен Петтигрю и переминался с ноги на ногу:

— Мне надо поговорить с вашей милостью.

Рэйчел встревожилась:

— Что-то случилось? Отчего вы покинули свой пост?

Бен был огромным мужчиной, почти на голову выше Рэйчел. Рядом с ним она чувствовала себя почти маленькой девочкой.

— Все дело в Томасе, мисс.

— Он что?.. Опять?

— Да, он опять хватил лишку, мисс. Это опасно, вы ведь понимаете?

Рэйчел устало уронила руки.

Томас был весьма привержен к пьянству. Он преданный слуга, и она ему доверяла. Но эта слабость… С другой стороны, она его понимала, и к тому же она не могла сейчас ни уволить Томаса, ни подыскать ему замену.

— Где он сейчас?

— Отсыпается.

Она вздохнула и затянула у горла завязки плаща.

— Хорошо, Бен. Спасибо тебе. С Томасом я поговорю позже.

И где только он взял спиртное? От Томаса ведь так старательно его запирали, а кухарке Сабине строго-настрого было ведено не давать охраннику ни пинты выпивки.

Рэйчел размышляла об этом, когда шла по тропинке прочь от замка. Она не воспользовалась мулом, поскольку любила ходить пешком. К тому же погода была так чудесна! О, эти редкие осенние дни, когда природа, словно в преддверии дождей и ветров, дарит смертным последнее сияние уходящего лета! Это неяркое мягкое сияние солнца, почти дремотная золотистость дней и ясная синева

неба… Рэйчел почувствовала, как смятение постепенно покидает ее душу.

Правда, ненадолго. Обход арендаторов был делом неблагодарным. Люди встречали ее хмурыми лицами, женщины, словно боясь сглаза, прятали от нее детей, в речах были сухи. Лишь на одной из ферм ей предложили стаканчик эля. А на самой дальней хозяйка устроила настоящую истерику: якобы ее малыш начинает всякий раз хворать, едва Рэйчел навестит их. Словно не та же Рэйчел вылечила ее мужа прошлой зимой.

Рэйчел была очень сердита, когда уходила. Пройдя пешком уже немало, она чувствовала себя утомленной, но двигалась быстро, стараясь погасить клокотавшую в душе обиду. Кто они такие, все эти люди, что так смеют вести себя с ней? Вон Еве спешат поклониться, даже если и злословят за ее спиной. А Рэйчел словно стремятся выплеснуть все в лицо.

Она остановилась, резко рванула шнуровку плаща и сорвала с головы чепец. Сердито тряхнув головой, она позволила волосам в беспорядке рассыпаться по плечам. Теплый ветер так и заиграл волнистыми прядями, и это было приятно. Затем она подставила лицо теплому солнцу и постепенно снова успокоилась. Грешно гневаться, если вокруг такая красота.

Солнце приятно грело, небо отливало осенней синевой ветер гнал волны по высушенным, пожелтелым вереску и травам, делая их похожими на розоватое море. Невдалеке, в низине, поблескивали стоячие воды болота, и порой, сливаясь со свистом ветра, долетал протяжный крик выпи. А далее, без малейшего перерыва к горизонту, простиралась необъятная равнина.

Рэйчел вздохнула всей грудью. Она любила этот край. Может, потому, что не бывала в других землях. Вся ее жизнь прошла здесь, на просторах Великой Солсберийской равнины. Лишь дважды она посещала город Солсбери, несколько раз бывала в Эймсбери, а так ограничивалась походами в Уайтбридж. Вот Ева много где побывала, да и отец повидал разные края. Рэйчел же знала только эти равнины, необъятный пейзаж, который оживляли лишь древние холмы да впечатляющее кольцо каменных гигантов Стоунхенджа. И тем не менее Рэйчел не чувствовала себя обделенной. Этот простор… Он всегда восхищал ее. Кажется, стоит взмахнуть руками и полетишь!

Она расставила руки, потянулась, вдыхая теплый солнечный ветер.

И тут же замерла, услышав стук подков и звон металла.

Оглянулась.

Всадник.

Он только что появился из-за зарослей камыша за болотом, где в низине пролегала дорога, поэтому она не сразу заметила его. Но он-то ее увидел. Выехав на сухое место, он повернул коня и быстрой рысью поскакал в ее сторону.

Одной рукой всадник придерживал шляпу, другой держал поводья. Длинное перо на шляпе плескалось на ветру. Конем он правил удивительно грациозно, коленями и корпусом, почти не прибегая к помощи удил. Рэйчел не испугалась, а даже залюбовалась им. И узнала. Спутник мистера Трентона, Джулиан Грэнтэм.

Девушка наконец опомнилась и стала пытаться собрать волосы, чтобы надеть чепец. Тщетное усилие — ветер, как проказник, только еще более взлохматил их. Она сдалась, опустила руки и даже невольно расслабилась. Сколько восхищения было в его взоре!

Джулиан Грэнтэм, видимо, понял ее намерение и, еще подъезжая, поднял руку, останавливая ее:

— Ради Бога, мисс, не надо. Простите мою фамильярность, но ваши волосы, эти каскады иссиня-черных кудрей, так великолепны! Доставьте мне удовольствие видеть их!

Рэйчел сильно покраснела, потупилась, но вместе с тем ощутила себя счастливой. Ей никто не говорил комплиментов, к тому же таких искренних. Оказывается, это так приятно!

Она стояла, опустив ресницы, и теребила в руках чепец. Потом решилась обратить взор на собеседника — и сколько же блеска и света было в ее бездонных карих глазах!

— Добрый день, сэр Джулиан. Вернее, уже добрый вечер.

У нее был низкий, приятный молодой голос, и звучал он не робко, а уверенно. Джулиан спешился и подошел, ведя коня под уздцы. Он улыбался мягкой полуулыбкой:

— Добрый вечер, мисс. А ведь я не сразу и признал вас, принял за фею равнин. Воздушную, пышноволосую фею.

Он попытался было склониться к ее руке, но девушка испуганно отшатнулась. И тут же смутилась своей дикости под его недоуменным

взглядом.

— Простите, сэр, наши нравы так просты…

— По-пуритански просты, — с сожалением вздохнул он. — Но ведь вы же не пуританка?

— Нет. Хотя, наверное, и кажусь таковой.

Он чуть улыбнулся.

— Возможно. Ваша скромность и откровенность, хотя и чисто пуританские, нравятся мне. Я не любитель жеманниц и притвор. Хотя и в них есть нечто женское — желание украсить себя, подчеркнуть свои достоинства. Красивые волосы, например.

Рэйчел опять почувствовала, что краснеет, и бросила на молодого человека быстрый взгляд. Он улыбался ей, и в его улыбке сквозила почти женственная мягкость, но это не портило его. Классическая, почти девичья красота черт Джулиана приятно гармонировала с развитой мужской фигурой, смуглой, немного обветренной кожей, уверенной манерой держаться, смелым взором. Он был совсем иным, нежели Стивен Гаррисон, и все же Рэйчел нашла, что он нравится ей. Ей было приятно то восхищение, с каким он глядел на нее. У него были очень длинные ресницы, но не загнутые вверх, а скорее чуть приспущенные, словно затенявшие глаза. Рэйчел вспомнила, что прежде ей казалось, будто глаза у него темно-карие или даже черные. Сейчас, освещенные солнцем, они светились янтарным блеском, прозрачным и чистым, как вода в заводях, когда сквозь нее проглядывают лежащие на дне осенние листья. Осенние глаза…

Рэйчел поймала себя на том, что слишком откровенно разглядывает его. Это нескромно и предосудительно. Она постаралась скрыть смущение за первой, пришедшей на ум фразой:

— Вы появились столь неожиданно. Я не сразу узнала вас.

Он чуть пожал плечами, похлопывая коня по холке.

— Это неудивительно.

— Почему? Хотя, знаете, я с нашей первой встречи в церкви Уайтбриджа не могу отделаться от впечатления, что уже видела вас. Или вы мне кого-то напоминаете.

Он на миг склонился, отводя рукой растрепанные ветром волосы. А когда взглянул на нее, в его глазах словно плясали чертики. Казалось, он с трудом сдерживает смех.

— Право же, не знаю, как начать. Возможно, я вам и в самом деле кого-то напоминаю. Мы и вправду встречались. Правда, вид тогда у меня был не совсем достойный. Я сидел в луже перед церковью в Уайтбридже, а вы…

— О! — невольно вскрикнула девушка и быстро отвернулась. Она все поняла, ей стало стыдно, но почему-то и необычайно весело. Теперь уже она сдерживала смех, но когда все же повернулась и глаза их встретились — оба громко расхохотались. Смеялись как сумасшедшие, едва за бока не хватались от смеха.

— Наверное, вы сочли меня до невозможного вульгарной, — вытирая выступившие от смеха слезы, наконец вымолвила Рэйчел. Хотя положение ее все еще казалось щекотливым, но первое смущение уже прошло.

Продолжая смеяться, Джулиан пожал плечами. По натуре он был сдержанным, замкнутым человеком, но рядом с этой девушкой ему становилось удивительно легко.

— Право, поначалу я был шокирован. Потом понял, в чем дело, и меня это изрядно развеселило. И расположило к сердобольной девице.

Они вновь расхохотались. Этот приступ неожиданного веселья как-то сразу сблизил их, исчезла натянутость, свойственная малознакомым людям. Им стало просто и хорошо вместе, и они двинулись по тропинке, продолжая болтать, как добрые приятели, что было для обоих необычно — и для привыкшей дичиться людей Рэйчел, и для сдержанного Джулиана. Он вел под уздцы коня. Рэйчел удерживала у горла плащ и позволяла ветру играть волнами волос. Оба высокие, стройные, улыбающиеся.

Джулиан Грэнтэм осведомился, как обстоят дела с его спутником, и, узнав, что Трентон совершает по утрам долгие пешие прогулки по равнине, лишь улыбнулся.

— О, он всегда был хорошим ходоком, и, мне кажется, если лишит себя этого, ему будет казаться, что день начат не так, как должно.

Потом они поговорили о прекрасной солнечной погоде, и Рэйчел даже огорчилась, узнав, что над Солсбери уже собираются тучи — это означало, что погода испортится и здесь. Жаль. Осенние, пронизанные неярким светом дни полны такого очарования!

Она спросила, как уладились дела Джулиана в Солсбери, и по его несколько сдержанным ответам, по довольному виду, поняла, что он

выполнил задуманное.

Джулиан взглянул на нее:

— Не будет ли дерзостью с нашей с мистером Трентоном стороны еще немного погостить в Сент-Прайори? Буквально несколько дней, ибо я сказал нашему поверенному, где мы остановились.

Рэйчел тут же стала уверять, что они будут только рады, и заставила себя прогнать мрачные мысли о том, что каждый незнакомец в замке может быть небезопасен для ее семьи. О нет, ей не хотелось об этом думать. Она так устала склоняться под тяжестью долга. Да, ей будет отрадно, если и веселый, обаятельный Чарльз Трентон, и этот красивый лорд Джулиан еще немного погостят у них. Особенно Джулиан, ибо она чувствовала, что нравится ему. Ведь Стивен… О, Стивен не для нее!

И Рэйчел с улыбкой сказала, что они, сестры Робсарт, будут только счастливы, если их спасители пробудут у них, сколько пожелают.

— Или пока не приедет наш отец.

Джулиан чуть приподнял брови.

— Почему вы сказали об отце, мисс?

Рэйчел несколько смутилась, поняв, что проболталась.

— Но… Барон Робсарт ведь сторонник нового режима. А вы… вы ведь роялисты?

Теперь он не глядел на нее.

— А что, это столь очевидно?

— О нет, — поспешила заверить его девушка. — С вашей сдержанностью, сэр, и со знанием текстов Библии мистера Трентона ваши роялистские взгляды никому не станут известны. Мистер Чарльз, тот просто порой говорит, как пророк Иеремия, так что даже мой дядюшка-пресвитерианин внимает ему с благоговением. Что же касается меня, то если бы Ева не сказала, что вы вустерцы, признавшись, что узнала одного из вас, я бы сама ни за что не догадалась.

Джулиан быстро поглядел на нее и отвернулся. Показалось ей или нет, меж его бровей залегла глубокая борозда, а губы нервно сжались. Он молчал довольно долго, и Рэйчел стало жаль, что та легкая близость, что возникла между ними, словно исчезла. Это огорчило ее даже больше, чем она хотела признаться себе. Поэтому она стала

уверять Джулиана, что хотя и отослала к отцу письмо, но, учитывая, как сейчас работает почта или сколько у ее отца дел, он приедет не ранее чем через неделю-две. И даже добавила с жаром:

— Даже если он застанет вас, уверяю, вам ничего не грозит, ибо хоть барона Робсарта считают республиканцем, но он, как и вся старая аристократия, никогда не выдаст парламентариям людей, сражавшихся за правое дело.

— Вы говорите слишком уверенно, девушка, — вздохнул Джулиан. — И забываете, что укрывательство роялистов сейчас приравнивается к государственной измене. А ваш отец служит новому правительству, и, ежели он узнает, кто мы, перед ним встанет выбор: предать тех, кому служишь, либо предать нас. Поэтому как джентльмен, как человек долга я прошу вас: едва станет известно, что лорд Дэвид Робсарт прибывает в свой замок, сообщите нам, и мы уедем. Так будет спокойнее и для нашей чести, и для его.

Он говорил это горячо и убежденно. Рэйчел слушала Джулиана, словно зачарованная, и согласно кивала. Слова Джулиана о чести и долге восхитили ее. Ей даже показалось, что она стала героиней одного из тех рыцарских романов, какими так зачитывалась с детства и где понятие рыцарской чести ставилось превыше всего. Ее глаза светились от воодушевления, а сердце так гулко билось в груди, что Джулиан словно почувствовал это и невольно остановился, с нежностью глядя на нее.

Порывы ветра шевелили завитки иссиня-черных волос девушки. Ее смуглое личико повернулось к нему, будто цветок к солнцу. И эти восхитительные темные глаза… мягкие, влекущие губы. Джулиану показалось, что он получил сильнейший призыв обнять ее, прильнуть к этим сладостным манящим устам. Сердце его гулко забилось. Помимо воли он опустил глаза на ее грудь — высокую, полную, этакие две восхитительные сферы над удивительно тонкой, сжатой корсажем, талией. Ему вдруг захотелось коснуться ее, и это его шокировало. Девушка была так чиста и невинна, так доверяла ему. Он отшатнулся от нее, словно взгляд ее обжигал, и даже отвернулся. Он стоял так какое-то время, пока не заметил, что ветер сорвал плащ с ее плеч. Тогда он наклонился, поднял его и укутал ей плечи. А она просто и без жеманства сказала:

— Благодарю вас, сэр.

Джулиану стало легче. Он улыбнулся:

— Вы славная девушка, мисс Рэйчел. Мне хорошо с вами.

Она промолчала. Рэйчел не могла понять, что произошло, но почувствовала, как этот мужчина словно удалился от нее. Он шел рядом с ней, однако мысли его витали далеко.

Они двигались какое-то время молча, потом Джулиан предложил ей вместе с ним сесть на гнедого, чтобы быстрее Добраться до замка. Она согласилась, хотя еще никогда не ездила на одной лошади с мужчиной.

Оказалось, ничего страшного или непристойного. Просто, уже сидя в седле, Джулиан подал ей руку, и она, поставив ногу на его ногу в стремени, увлекаемая сильной рукой, вскочила на круп коня позади него. Правда, сидеть ей пришлось по-мужски, и она спешно одернула юбки, прикрывая ноги. Рэйчел держалась за пояс Джулиана, приноравливаясь к легкой рыси коня и стараясь несильно прижиматься к спутнику, ибо что-то подсказывало ей, что он не одобрил бы этого.

— Как обстоят дела в замке? — спросил он спустя какое-то время. — Как ваша сестра, тетушка и преподобный Энтони Робсарт?

Рэйчел почувствовала нараставшее в душе беспокойство. Все же будет лучше, если она сама скажет ему про Осию.

— Мои родичи, хвала Всевышнему, в порядке. Вот только наша прислуга… мальчик Осия…

— Кто-кто? — не расслышал из-за ветра Джулиан.

— Наш мальчик-слуга. Его нашли убитым на равнине.

Джулиан даже ослабил повод, когда повернулся к ней. Его конь почувствовал это и сразу потянулся к живой изгороди, окаймлявшей дорогу.

— Что случилось? — взволнованно спросил Джулиан.

Рэйчел было неприятно говорить об этом, но все же она с каким-то вызовом произнесла:

— Один из местных пастухов нашел его тело недалеко от замка. Ребенок был убит, и притом зверски. Его просто изрезали вдоль и поперек.

— Силы небесные!

Она почувствовала, как он вздрогнул. Джулиан сидел какое-то время неподвижно, позволяя лошади щипать поросль на кустах.

— Бог мой, мисс Рэйчел! На что же смотрит этот Стивен Гаррисон, если позволяет разбойникам творить такое! Ему бы следовало прочесать всю равнину и выловить их.

— Стивен считает, что убийство как-то связано с Сент-Прайори, — тихо заметила Рэйчел.

Ее спутник лишь пожал плечами. Девушка почувствовала, как он сжал одно из ее запястий. Его ладонь была теплой и надежной, а произнесенные вслед за этим слова тронули ее:

— Как вы не боитесь одна ходить по столь пустынной местности? Хорошо, что вы встретили меня, не какого-нибудь… О нет! — закончил он, словно ужаснувшись того, что представилось его взору.

В следующий миг он склонился и поцеловал ее руку. Это был быстрый и словно отчаянный поцелуй. Сердце Рэйчел гулко забилось. Этот человек заботился о ней!.. А ведь она привыкла, что ею никто не интересуется. Ей захотелось утешить его, сказать, что люди в округе боятся ее, избегают встреч, потому что о ней идет дурная слава, и ее никто не тронет хотя бы из страха… Но она сдержалась. Ей не хотелось, чтобы он знал о ее силе. Ей вдруг понравилось быть слабой и беззащитной, чтобы этот рыцарственный мужчина оберегал ее.

Она лишь крепче сжала его пояс, когда он пришпорил коня и быстрым галопом понесся в сторону Сент-Прайори.

Солнце медленно клонилось к горизонту, заливая все мягким розоватым светом. Рэйчел было хорошо и надежно скакать с этим человеком. Когда показались башни замка, ей невольно взгрустнулось. Они подъезжали со стороны обширного парка, там, где массивная стена окружала купы деревьев, словно не позволяя им вылиться на равнину. Стена тянулась на расстояние нескольких миль; они какое-то время ехали вдоль нее, когда Рэйчел попросила Джулиана остановиться:

— Прошу прощения, сэр, но, думаю, будет неблагоразумно, если вы привезете меня. У нас здесь строгие нравы, и, если нас увидят вместе, это даст толчок досужим сплетням. А я дорожу своей репутацией.

Казалось, Джулиан понял ее и помог спешиться. После непривычной посадки ее ноги заболели, и она оступилась, сразу почувствовав себя неловкой и неуклюжей.

— Езжайте, сэр.

— А вы?

— Я уже дома.

Она приблизилась к одному из контрфорсов[14], укреплявших древнюю стену, настолько древнюю, что на равных основаниях друг от друга высились каменные статуи крылатых ангелов, украшавших ее, видимо, еще со времен католичества в Англии. Позднейшие ревностные антикатолики постарались их сбить, но стена была высокой, и им удалось лишь обезобразить крылатые изваяния, отбив им головы или одно-другое крыло. Под стеной же, где стояла девушка, ангел был почти целым, не считая изъянов камня от ветра и непогоды. Сложив молитвенно ладони, чуть склонив голову, он, казалось, наблюдает сверху за молодыми людьми.

У Джулиана даже возникло желание перекреститься, но он сдержался, памятуя, что его спутница относится к другой церкви. Он поглядел на нее, и она, по-своему истолковав его взгляд, пояснила:

— Видите, здесь калитка. Я пройду через нее.

Узкая дверь была выкрашена в светло-серый цвет, в тон камню, и в тени контрфорса была почти незаметна. Рэйчел толкнула ее, и она легко поддалась с негромким скрипом. Когда девушка, чуть улыбнувшись, исчезла за ней, Джулиану стало даже одиноко. Ни скрипа замка, ни стука засова он не услышал. По-видимому, калитка обычно оставалась открытой. Он вспомнил о страшных псах, охранявших поместье, и понял, что такая предосторожность и не нужна.

Он въехал в замок через главные ворота. В парке уже лежала вечерняя тень, но расцвеченные осенью вершины деревьев еще были ярко освещены. Когда он приблизился к конюшням, навстречу вышел долговязый Ральф, чтобы принять у всадника лошадь. Джулиан отказался от его помощи, сказав, что все сделает сам. Он вошел в проход конюшни и занял один из свободных денников. В помещении было полутемно и очень чисто, пахло сухим сеном. Джулиан сам расседлал лошадь и приготовил ей мягкую подстилку. Это был хороший гнедой жеребец. Хотя у Джулиана он находился недавно, он был доволен конем и обращался с ним по достоинству, ласково и внимательно. Сняв уздечку, хозяин ласково потрепал коня по гриве, шепнул ему на ухо тихие добрые слова. Конь словно понимал, тыкался головой в плечо, тихонько пофыркивал. Казалось, только эти звуки и

раздавались в полумраке конюшни, да еще топтались и жевали сено лошади в соседних денниках.

Неожиданно Джулиан замер, услышав приближавшиеся голоса. Голоса были женскими, негромкими, но сердитыми, почти шипящими. Выглянув из-за спины лошади, Джулиан увидел в освещенном фонарем проходе двух приближающихся служанок. Они его не заметили, и он вскоре разобрал их речь.

— Хозяйка искала тебя, Кэтти, — говорила та, что пониже, — только моя доброта не позволила мне сказать, что ты полдня крутишься по конюшне, стараясь подловить Джека.

— Ха! Твоя доброта! — фыркнула другая, растрепанная и явно не очень аккуратная, но более молодая и миловидная. — Так я и поверила в твою доброту, Долли. Ты просто боишься, что Джек, как и в прошлый раз, надает тебе пинков за то, что ты выдала меня. У самой-то, клянусь Богородицей, от зависти, что я с Джеком, готовы кишки от злости вылезти.

— Да нужен мне твой Джек, как рыбной торговке мороз. Бегаешь за ним, будто дворняжка. То эля принесешь, то сплетни всякие рассказываешь. Он же только потешается над тобой.

— Это не твое дело, Доля!

— Смешно видеть, как ты крутишься здесь, да все без толку. Где же твой Джек? Что-то он не спешит на свидание с тобой.

— Он, видимо, просто ушел из поместья. А когда вернется…

— Ха, Кэтти, ты же прекрасно знаешь, что наш красавчик конюх смотрит лишь на миледи Еву.

— Ну и что? Он и на мисс Рэйчел смотрит.

— Да, но Рэйчел другое дело.

Джулиан, хотевший было показаться, чтобы не слушать дрязги двух «потаскух», какими ему представились обе служанки, сейчас, при упоминании имени понравившейся ему девушки, невольно затаился.

— Рэйчел! — остановилась некрасивая Долл. — С таким же успехом ты бы могла говорить, что он пялится на толстую Элизабет Робсарт. Рэйчел он просто боится. Ведь всем ведомо, что она ведьма.

Теперь, казалось, и Кэтти готова была переменить тему на разговор о молодой хозяйке.

— Конечно, Рэйчел дама, что там и говорить. Но вот уж право, как она глянет на меня своими колдовскими глазами, так меня и холод

пронизывает.

— И меня, — согласилась Кэтти. — С мисс Евой все проще. Та может за волосы оттаскать, надавать пощечин, но и быть милостивой. Вот подарила мне свою старую нижнюю юбку. Она-то ведь из шелка, так и шуршит, когда идешь в ней. А Рэйчел… Ее сам Захария Прейзгод побаивается и плюет ей вслед, когда та проходит.

— Старая Джоан говорит, что, едва Рэйчел зайдет к ним, у них то мясо в погребе испортится, то тыквы засыхают прямо на грядках.

— Истинно, с ней силы зла. Потому-то она то и дело бегает к старой Мэг. Уж та…

Джулиан не желал больше слушать и резко вышел. Обе служанки в страхе отпрянули от него.

— Только дурные слуги порочат хозяев, которые дают им хлеб и кров, — спокойно и сухо заметил он. — Вас обеих следовало бы выдрать как следует.

Он окинул холодным взглядом прижавшихся друг к другу женщин и направился к выходу.

— Как ты думаешь, он донесет? — спросила спустя какое-то время дурнушка Долл.

Кэтти постаралась придать себе храбрый вид.

— Вряд ли. Он здесь чужак. А если и донесет, нас все равно не уволят. — Она с тоской оглянулась на проход конюшни. — Но куда же все-таки запропастился Джек?

Долл лишь злорадно захихикала.

Джулиан прошел в замок через черный ход. Он шел уверенно, погруженный в свои мысли, почти не задумываясь, какой путь выбрать. Ему было неприятно то, что он услышал о Рэйчел. Про себя он тоже отметил, что в девушке словно таится какая-то загадка. И все же она ему очень нравилась. О том, что служанки сказали о Джеке и Еве, он почти не думал и вспомнил лишь, когда услышал долетавший откуда-то смех Евы.

Он уже находился в большой галерее над холлом, где ряд окон выходил в парк, откуда и долетал смех леди. И хотя свет проступал сквозь высокие окна, окаймленные свинцовыми рамами, разглядеть что-либо сквозь грани стекол было трудно. Джулиан распахнул окно.

В золотистых лучах закатного солнца он увидел короля и Еву, игравших в кегли на площадке перед увитой малиновым виноградом

каменной беседкой. Они были очень увлечены и веселы. Карл снял камзол и выглядел почти по-домашнему в одной рубахе с напуском. Он метнул шар, но промахнулся, и Ева довольно рассмеялась. Вся в легком светлом шелке со множеством розовых бантиков в складках, она казалась совсем юной, такой хорошенькой и беспечной. Ева довольно захлопала в ладоши, когда сбила кегли. Потом она повернулась к королю, что-то сказала, и у Джулиана перехватило дыхание — до того она показалась ему ослепительно красивой, просто сияющей. Высокий, прекрасно сложенный Карл Стюарт и грациозная миниатюрная Ева робсарт — они великолепно смотрелись вместе. Но у Джулиана почему-то кольнуло сердце. Он вспомнил, как Рэйчел сказала: «Она узнала одного из вас». И уж наверняка не его, так как вряд ли им доводилось когда-либо встречаться.

— Вы находите, что они неплохо смотрятся вместе? — раздался недалеко негромкий голос, но Джулиан едва не подскочил от неожиданности и резко оглянулся.

Леди Элизабет Робсарт сидела в большом кресле, повернутом к камину, и сейчас выглядывала из-за высокой спинки.

Джулиан поспешил снять шляпу и поклонился:

— Простите, миледи. Я не заметил вас.

— Да, уже пора приказать разносить свечи.

Она встала с кресла. Джулиана несколько удивила та легкость, с какой она двигалась, словно тяжелое тело не обременяло ее. То, что она забыла свой традиционный посох и спешно подошла, тоже показалось ему странным.

— Вас никто не встретил, сэр? Это прискорбно. Но в доме так мало слуг. Вы приехали только что?

— Да, миледи.

Она вздохнула:

— Простите наше невнимание. Что ж, я рада приветствовать вас в Сент-Прайори. С возвращением. Увы, в замке так редко бывают молодые люди. Особенно столь знатные и красивые.

Джулиан с невольным удивлением уловил в ее голосе кокетливые нотки, но виду не подал, лишь вежливо поклонился.

Старуха захихикала и слегка шлепнула его веером по руке — почти вульгарное заигрывание… Леди Элизабет поглядывала на него с лукавой улыбкой, чуть щуря близорукие глазки. Джулиан только

сейчас заметил, что ее кожа покрыта рябинками, которые дама, безусловно, пыталась скрыть под толстым слоем бело-розового крема. Завитые темные волосы покрывал богатый чепец из мягкой флорентийской тафты и брюссельских кружев, богатый, но в чем-то легкомысленный, что придавало важной даме нелепо игривый вид.

Джулиану стало неприятно. Он с трудом выдавил улыбку, в ответ леди Элизабет улыбнулась широко, словно демонстрируя крупные, хорошо сохранившиеся зубы.

— И как обстоят ваши дела, сэр? Погостите ли вы еще в замке или намерены немедленно уехать?

— Если хозяева не будут возражать, нам бы хотелось еще какое-то время насладиться покоем Сент-Прайори.

— Чудесно, чудесно, — кивнула дама. — Мы будем только рады. А покой… О, его-то здесь сколько угодно! — Она не сдержала печального вздоха, но, поглядев в окно, вновь заулыбалась: — Правда, с мистером Трентоном здесь стало веселее. Прелестный юноша, и такой обходительный. Я понимаю свою племянницу. Уж, по крайней мере, он куда достойнее этого мужлана Стивена Гаррисона. В мистере Трентоне сразу чувствуется воспитание, даже забываешь, что он не так красив, как вы, сэр. — И опять этот кокетливый шлепок веером.

Теперь Джулиану стало по-настоящему противно. Он молча отвернулся к окну и нахмурился. Ева стояла подле короля и, глядя на него с беспокойством, подала ему свой платок. У Карла опять пошла носом кровь.

Важная дама тоже это заметила.

— Боже правый! Бедняга. И столько крови, даже рубашку залил. А знаете, я помню, что у наследника престола тоже бывали вот такие неожиданные кровотечения.

Джулиану показалось, что его сердце подскочило в груди и забилось где-то в горле. Он искоса поглядел на леди Элизабет, но та продолжала глядеть лишь в окно, наблюдая за парой внизу.

— Ничего, Ева сможет выходить мистера Трентона. А вот и Рэйчел. О, Рэйчел — прекрасная врачевательница, люди поговаривают даже, что она чуть-чуть колдунья. Ваш приятель, сэр Джулиан, в надежных руках.

— Простите, мэм, — выдавил Джулиан. — Я только что с дороги…

— Понимаю, понимаю, — заулыбалась дама. — Не смею вас больше задерживать.

И она, игриво подхватив юбки, пошла к креслу. Быстро. Потом словно опомнилась, шаги сделались медленными, тяжелыми. Уже выходя, Джулиан оглянулся и увидел, как она величаво, тяжело опираясь на посох, движется к противоположному выходу.

С королем Джулиан встретился только перед ужином. Им надо было переговорить, но за ними уже прислали Ральфа, поэтому Джулиан отложил разговор, успев лишь шепнуть Карлу, что дела, похоже, складываются неплохо.

— Когда нам ехать? — тихо спросил король.

— Не сразу.

При слабом освещении он заметил на лице Карла довольную улыбку. Похоже, Карл, как всегда, отложил самое важное на потом, наслаждаясь обществом Евы. Единственное, что порадовало лорда, так это искренняя радость короля от встречи с ним. Это даже внесло некоторое удовлетворение в его настроение, так что за ужином он чувствовал себя почти благодушно.

Кроме гостей, за столом присутствовали дочери Робсарта, леди Элизабет и, как всегда, мрачный и брюзгливый дядюшка Энтони. Полковника Гаррисона не было, и это обрадовало Джулиана. Он больше всего беспокоился насчет этого «круглоголового». Но, как он понял из застольной беседы, помощник шерифа за время его отсутствия наезжал в замок лишь несколько раз, и ни разу не оставался.

— Он побаивается призрака, — с явным злорадством заметила леди Элизабет, и все, кроме Рэйчел, рассмеялись.

Рэйчел сегодня выглядела особенно привлекательно. В кои-то веки она пришла без чепца, красиво уложив волосы узлом на затылке. Высокая прическа придавала ее горделивой посадке головы особую прелесть, и девушка теперь выглядела просто очаровательно, как настоящая леди. Джулиан затаил надежду, что, возможно, это встреча с ним так повлияла на нее, и пару раз нежно улыбнулся ей через стол. Карл же рассыпался в комплиментах, и Джулиану пришлось чуть коснуться его под столом, чтобы утихомирить. Боже, можно представить, как легкомысленно вел себя без своего наставника беспечный король! Джулиан обратил внимание, что преподобный

Энтони, ранее явно благоволивший к мистеру Трентону, теперь поглядывает на него исподлобья и еще более сурово посматривает на Еву, считая, что сия разнузданная особа сбивает с пути порядочного юношу.

В основном обстановка за столом оставалась непринужденной. Джулиан прислушивался к разговору, в котором, безусловно, главенствовала Ева. Она блистала остроумием, и если лорд Грэнтэм испытывал к ней неприязнь, то и он должен был признать ее неоспоримое обаяние. За столом она была центром притяжения, и даже Энтони Робсарт порой смеялся ее шуткам, но тут же начинал ворчать об излишне беспечной манере поведения нынешней молодежи.

А поведение и впрямь было беспечным. После очередной шутки короля Ева сделала вид, что хочет заколоть его вилкой, и он послушно подставил ей сердце.

— Неслыханно, — возмутился преподобный и весь надулся, словно набрав в легкие воздуха для очередной проповеди, но в это время его отвлекла фраза Рэйчел, обратившейся к одному из слуг:

— Послушай, Мэтью, огонь в камине почти погас. Почему принесли недостаточно дров?

— И в самом деле, — поддержал ее дядя. Он любил тепло и всегда располагался поближе к огню. — Где этот негодник Мэррот? Ведь он должен следить, чтобы корзины для дров были полны!

Мэтью Шепстон тут же стал оправдываться, что Джека нигде не могут найти, но поспешил отослать сына за топливом, и не успел Энтони Робсарт закончить поток своего нравоучительного красноречия, как дрова в камине запылали с новой силой.

Сейчас, в наступающих сумерках, это было особенно приятно. Дрожащее красноватое пламя огня осветило комнату яркими отблесками. Заискрились складки портьер на окнах, покрытая лаком мебель; теплые отсветы скользнули по гладкому паркету пола. И в этот момент Джулиан, старавшийся не встречаться взглядом с излишне милостивой к нему леди Элизабет, все же невольно заметил, как толстуха перестала жевать и внимательно посмотрела в конец стола, где сидела Ева. Почти машинально он тоже поглядел в сторону странно притихшей молодой леди. И его поразило выражение ее лица — жесткое, почти жестокое. Губы плотно сжаты, глаза прищурены, но

так и полыхают мрачным блеском. В следующее мгновение Ева взяла себя в руки и, мило улыбнувшись, велела своей горничной Нэнси принести лютню.

Голос у нее был несильный, но приятный. Однако всех поразила явная крамольность текста исполненной песни. Ева пела известные роялистские куплеты, в которых говорится, как веселые подмастерья дразнят пуритан в высоких шляпах, и каждый куплет заканчивался двустишием, в котором содержался намек на то, что со временем все изменится, скоро запоют иные птицы и в Англии опять наступят прежние времена.

Энтони Робсарт в конце концов не выдержал. Он встал так резко, что его тяжелое резное кресло с грохотом отъехало по полу. Ева прижала ладонь к струнам и поглядела на дядю столь невинно, что даже Джулиан не смог удержаться от улыбки. Чертовка была просто восхитительна!

Энтони Робсарта трясло от гнева.

— Ты ведешь себя, Ева, как презренная отступница! А известно ли тебе, девушка, к чему могут привести подобные напевы?

— Уж не собираетесь ли вы выдать меня властям, дядюшка? — чуть прищурилась Ева. — Интересно, что скажет тогда мой отец, лорд Дэвид Робсарт, хозяин титула и земель рода Робсартов?

Она, видимо, умышленно повысила тон на последних словах, и преподобный Энтони лишь шумно выдохнул воздух, словно спуская пар. Он даже попытался взять себя в руки и, повернувшись к гостям, сказал, словно взывая к их снисхождению:

— Моя племянница всего лишь женщина, бренный сосуд. Она так и не смогла сбросить с себя цепей антихриста, в коих родилась.

После этого он было направился к выходу, когда его окликнула леди Элизабет.

— Прошу, задержись, Энтони. Мне надо кое о чем переговорить с тобой.

Она стала подниматься с кресла столь тяжело, словно ноги отказывались ей повиноваться. Но преподобный Робсарт даже не оглянулся, лишь сделал неопределенный жест рукой. Он шел, высоко вскинув голову, и развязавшаяся шнуровка чулка свешивалась сзади из широкой штанины.

Джулиан смог поговорить с Карлом, лишь когда они после трапезы вышли прогуляться в саду. Солнце уже село; был тот серый сумеречный час, когда день уже окончен, но ночной мрак еще не опустился на землю. Карл был в приподнятом настроении и шел, сбивая тростью вечернюю росу с кустов. Они уже дошли до озера, за которым темнели древние руины, и теперь двигались в их сторону, огибая водную гладь, светившуюся серым отсветом неба.

— Как тебе Ева? — смеялся Карл. — Что за прелестный бесенок!

Джулиан глядел себе под ноги.

— Я вижу, эта Линдабарда[15] полностью очаровала Ваше Величество. Уж не влюблены ли вы, сир?

Карл жадно, словно с наслаждением, вдохнул аромат сырого воздуха. Ветер утих, в парке было удивительно тихо.

— Влюблен? Что ж, можешь считать, что влюблен, если любовь — это непреодолимая страсть.

По облику короля, по его довольному виду и плотоядной улыбке Джулиан понял, что отношения Его Величества и Евы Робсарт зашли далеко.

— Что ж, сир, если все обстоит так, как вы говорите, я почти спокоен. Вы ведь также пылали чувствами и к небезызвестной Люси Уотер, и к леди Женнон, и к Кэтрин Пегг. Была еще и юная фрейлина мадемуазель Монпансье, за которой вы столь убивались. А ваше романтическое влечение к храброй Джейн Лейн…

— Но, осмелюсь заметить, — вдруг серьезно прервал его король, — ни у одной из перечисленных тобой особ, Джулиан, не было отца, владеющего флотом. Что сейчас нам столь необходимо.

— Но он ведь сторонник носатого Кромвеля! — даже остановился Джулиан.

Король лишь глянул на него через плечо, продолжая идти, и Джулиан двинулся следом.

— Насчет барона Робсарта и его верности Оливеру у меня возникли определенные сомнения, — нефомко сказал Карл.

— Уж не думаете ли вы, что сделаете Робсарта из республиканца монархистом только потому, что залезли под одеяло к его дочери! — возмутился Джулиан.

Карл шел молча, и Джулиану сделалось плохо от возникшего у него подозрения.

— Сир, — произнес он, — я понимаю, что златовласая леди Ева очень хороша собой. Однако те, кто рожден для престола, в личной жизни лишены многих радостей. В том числе и возможности по собственному усмотрению выбирать себе спутницу жизни.

— Я что, заговорил о браке? — почти резко спросил король.

— Смею надеяться, что и не заговорите, сир.

Они уже обогнули озеро и приблизились к древним руинам. Странное, величественное место, полное загадочной тишины, нарушаемой лишь плеском воды о ступени старинной башни. Джулиану отчего-то стало здесь неуютно и захотелось скорее уйти, однако он не возражал, когда король опустился на плиту у основания башни. Карл молча обхватил колени, лицо его было хмурым, словно от слов Джулиана ему сделалось не по себе. Верный лорд продолжал:

— Осмелюсь напомнить Вашему Величеству, что кровь Стюартов славна своей чистотой и благородством и ни разу не осквернялась неравным браком. Поэтому никто из тех, кто борется за дело царственного рода Стюартов, не потерпит, чтобы его глава, король Карл II, запятнал себя союзом с женщиной более низкого рода. Ибо даже жемчужная россыпь на баронской короне Евы Робсарт не спасет короля от бесчестья.

— Короля? — иронично заметил Карл. — Короля без королевства, изгнанника без будущего. Так ли уж важна в моем случае подобная щепетильность?

Джулиан вздохнул:

— Ваше Величество слишком долго вели жизнь изгоя и скитальца. Но так будет не всегда, верьте мне.

— Я верю, — вдруг оживился Карл. — Знаете, милорд, некая дама, местная колдунья, между прочим, предрекла мне в будущем исполнение всех моих честолюбивых планов.

— Это отрадно, — чуть улыбнулся Джулиан, невольно забавляясь, насколько суеверным стал обычно циничный король.

Но Карл не уловил иронии в голосе своего спутника и заговорил серьезно и взволнованно, поведав подданному о предсказании Мэг насчет того, что он уже встретил свою судьбу, ибо, в противном случае, род Стюартов, о котором только что говорил Джулиан, придет к затуханию.

Джулиан не зашелся смехом лишь из уважения к монаршей особе Карла. И все же, когда он заговорил, в его голосе явно чувствовалась насмешка:

— Любопытно, сколько заплатила Ева Робсарт за подобное предсказание местной ведьме?

— Думаю, она ей не платила, — спокойно произнес Карл, — Ева вряд ли поддерживает с ней отношения. Она слишком знатная дама для этого. А вот ее сестра… Она — молочная дочь ведьмы и часто посещает ее. Но я ни на йоту не поверю, что наша пуританочка Рэйчел льет воду на мельницу старшей сестры и платит, чтобы прорицательница Мэг ворожила в пользу Евы.

На какое-то время воцарилось молчание, и Джулиану опять стало не по себе среди этих, словно излучавших таинственность, камней. А может, у него просто вызвала неприятный осадок мысль, что Рэйчел тесно связана с колдуньей?

— Так она ее молочная дочь? — только и повторил он, припомнив, что уже ранее слышал об этом. — Жаль. Такая милая девушка и столь порочащая связь.

— Ну, не такая уж и порочная, — снисходительно улыбнулся Карл. — Особенно если учесть, что и в самой Рэйчел Робсарт есть нечто колдовское и необъяснимое. Эти местные простолюдины даже считают ее ведьмой. Правда, если она и ведьма, то самая хорошенькая из всех, каких можно только представить. Ты ведь тоже такого мнения, Грэнтэм? Я заметил, какими улыбками ты обменивался сегодня со смуглой мисс Робсарт.

Джулиан отвел взгляд.

— Если в уединении Сент-Прайори даже столь незначительная любезность, как улыбка, привлекает к себе внимание, то что говорят о вашем милом общении с красавицей Евой? Ведь она — помолвленная невеста, а ее жених явно обратит внимание на «мистера Трентона», заигрывающего с его милой. Это опасно и может его настроить против вас. Ибо, как гласит восточная мудрость: «не одалживай деньги у скупого и не заводи роман с возлюбленной ревнивца — дабы злоба их не пала тебе на голову».

— Аминь, — скривил рот в усмешке король. — Однако достойнейший полковник, насколько я наблюдал, похоже, совсем не обращает внимания на поведение своей невесты. Он даже с большей

охотой общается с ее младшей сестрой. Как и наша милая ведьмочка, смею заметить.

Он бросил лукавый взгляд на Джулиана. Но лицо молодого лорда оставалось непроницаемым.

— Я бы хотел надеяться, сир, что Стивен Гаррнсон и впрямь не придает значения вашей так называемой дружбе с леди Евой. Но старая пословица гласит: мудрый пастух опасается смиренных волков. Поэтому нам ни в коем случае нельзя недооценивать нашего помощника шерифа. Он представляет власть парламента, который по-прежнему не оставляет надежд поймать Ваше Величество.

— О, наконец-то ты кончил говорить цитатами, друг мой, и перешел к делу. Надеюсь, ты теперь сообщишь мне новости о том, что творится в королевстве, ибо я в этой глуши совсем забыл об остальном мире и почти свыкся с жизнью обычного смертного.

Джулиан продолжал почтительно стоять возле возомнившего себя простым англичанином монарха. Да, ему следовало возвратить Карла с его любовных облаков на грешную землю и напомнить, что немало людей, пока он тешится с дочерью республиканца Робсарта, работают не покладая рук, чтобы спасти его от ищеек Кромвеля и отправить на континент, где его с тревогой ожидают сторонники монархии.

— Вести весьма благоприятные, сир, — начал лорд Грэнтэм. — Нашим людям удалось убедить республиканцев, что вы успели отбыть из Бристоля за границу. Однако у Нола дьявольский нюх, да и его помощник, глава тайной полиции Томас Скотт, не тот человек, чтобы успокоиться до тех пор, пока Карл Стюарт открыто не появится при дворах на континенте. Поэтому вся Англия кишит их агентами, как Египет — вшами и лягушками. Когда я встретился с лордом Уилмотом и сказал ему, что вы укрылись в Хемпширском графстве, в расположенном вдали от проезжих трактов имении лорда-республиканца Дэвида Робсарта, он нашел, что лучшего места для укрытия и не сыскать. К тому же он навел справки: Дэвид Робсарт вряд ли скоро прибудет в свое имение, ибо занят наблюдением за прибытием торгового флота из Вест-Индии и строительством торговой конторы в Саутгемптоне. Так что милорд Уилмот советует нам и дальше оставаться гостями Сент-Прайори, пока он не зафрахтует для Вашего Величества надежное судно; тогда он пришлет за вами своего человека с указанием места, куда следует прибыть.

Король слушал, чуть наклонив голову, и Джулиан скорее догадался, чем заметил, что король довольно улыбается. У него есть время для Евы Робсарт — вот что более всего понравилось Карлу в речах Джулиана. Непростительное легкомыслие! Думать о какой-то шлюхе, в то время как столько людей рискуют жизнями для его спасения!

Джулиан сухо поведал остальные новости. Лорд Уилмот обосновался в усадьбе некоего мистера Лоренса Хайда, родственника канцлера Карла II Эдмунда Хайда, которое расположено в тридцати милях от Солсбери. Поэтому Джулиан и задержался, так как не сразу отыскал местонахождение лорда Уилмота, который, по словам Джулиана, все свое время посвящает поискам займов среди верных роялистов, чтобы они смогли зафрахтовать судно. У них уже есть некоторая сумма, но не вполне достаточная, чтобы купить честность какого-нибудь капитана, дабы тот не предал столь ценного пассажира парламентским властям. У парламента сейчас огромные средства, и им легко перекупить тайну у судовладельца. Поэтому поиск денег продолжается, а это, увы, ведет к тому, что все большее и большее число лиц оказываются вовлеченными в интригу и узнают, что сын короля-мученика все еще в Англии. Конечно, лорд Уилмот предельно осторожен, и все, с кем он связан, преданные короне люди, причем Уилмот даже решил не обращаться к герцогу Саутгемптонскому, ибо тот, хотя и мог бы существенно им помочь, но уж слишком окружен людьми Томаса Скотта, чтобы можно было рисковать. К тому же для отвода глаз Уилмот распорядился пустить среди всех, с кем он связан, слух о том, что Карл Стюарт остановился в усадьбе Хилл, что в нескольких милях севернее Солсбери, дабы, в случае чего, сбить ищеек Кромвеля со следу. Но пока вокруг Хилла все тихо, что указывает на преданность сторонников короля и говорит об их желании искренне помочь беглому монарху…

— Джулиан, что с тобой? — неожиданно перебил рассказ лорда король. — Ты чем-то взволнован?

Джулиан перевел дух. Он говорил нервно, почти задыхаясь. Он и сам не мог понять, что с ним. Но это место, этот сумрак, эти древние камни… Ему было неспокойно, почти страшно.

— Давайте уйдем отсюда, сир. Это нехорошее место. Я не могу объяснить… но даже в воздухе чувствуется что-то неладное.

Теперь он почти дрожал и несколько раз нервно оглянулся.

Король, наоборот, был спокоен.

— Это очень уединенное место. Сюда, как я узнал, редко кто заходит, и здесь мы можем разговаривать без помех или опасения, что нас кто-то услышит. Даже кусты здесь в некотором отдалении, так что к нам никто не приблизится незамеченным.

Но Джулиан все время оглядывался. Он глубоко втянул ноздрями воздух, точно принюхивающаяся собака. Да, он что-то различал. Запах. Какая-то тошнотворная сладковатая вонь, которую он давно учуял, и сам себе боялся признаться, что она ему напоминает. Кровь.

— Ради Бога, сир, давайте возвращаться. Скоро совсем стемнеет.

Король почти забавлялся его волнением. Итак, Джулиана пугает темнота. Но, даже если они просидят здесь до ночи, им осветит путь луна. Не сегодня-завтра полнолуние, в парке будет даже прелестно, а этих собак Робсарта спускают гораздо позже.

— Ну ладно, милорд, — снисходительно вздохнул король. Нарочито медленно он поднялся, достал часы и поглядел, который час. — Всего семь. Как, однако, рано темнеет. Не буду вас больше удерживать. Вы утомлены после дороги, изнервничались. А главное, не стоит заставлять Еву так долго томиться в ожидании.

Джулиан словно не заметил последнего, игривого замечания короля и пошел быстро, слегка втянув голову в плечи. Карл следовал за ним не спеша, при этом чуть насвистывал и глядел по сторонам. Может, поэтому он и заметил что-то в сгущающемся сумраке.

— Господи, помилуй! — Его испуганный возглас остановил уже зашедшего под сень деревьев Джулиана.

Тот тут же забыл свои страхи и кинулся назад к королю. Карл стоял у кромки кустарников и широко открытыми глазами смотрел на что-то у своих ног. Джулиан тоже увидел и невольно перекрестился.

Из-под нижних ветвей разросшегося кустарника выглядывала рука. Мужская, крупная рука, лежащая ладонью вверх. Два пальца на ней были откушены, кровавые потеки засохли, исчезая под полотняным манжетом рукава. Остальные скрывали нависшие ветви. И этот, такой теперь ощутимый, запах крови!

Джулиан и ранее видел умерших не своей смертью, но когда сейчас он осторожно раздвинул ветки, его стало трясти, как в лихорадке. Труп лежал, перевалившись спиной через корни, и в его

позе было нечто неестественное, словно мертвец силился привстать. Ужасный, изуродованный труп. Лицо, как кровавое месиво, обглоданное до оскаленных зубов. От шеи остались одни лохмотья кожи. Одежда разорвана. На груди, на бедре зияли ужасные раны, следы укусов, вырванная с клочьями мяса одежда.

Джулиан отпустил ветки, и они закрыли страшную картину. Мужчины поглядели друг на друга. Тишина старого парка, эта сероватая мгла, как свинцовая плита, легла на плечи.

— Собаки, — только и выговорил Карл.

Джулиан кивнул:

— Ужасно.

Он с трудом справлялся с каким-то странным волнением, то ли безмерный ужас, от которого хотелось вопить, то ли дикое возбуждение, грозящее разразиться истерическим хохотом. Но он сдержал себя; когда Джулиан заговорил, голос звучал спокойно:

— Опять смерть в Сент-Прайори. Думаю, нам надо пойти сообщить об этом.

Карл согласно кивнул.

Они пошли, сами не замечая, как ускоряют шаг. Потом побежали, перепрыгивая через бурелом, разбрызгивая воду в мелких заводях заболоченного берега, врезаясь в кусты. Что-то жуткое, почти невыносимое словно гнало их, толкало в спины.

Джулиан не заметил, как обогнал короля. От этого Карла обуял почти панический страх — он боялся отстать.

Уже подбегая к замку, он закричал, даже не отдавая себе отчета, что выкрикивает самое некоролевское слово:

— Помогите!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Леди Элизабет Робсарт считала себя женщиной недюжинного ума. Или редкостной хитрости — разве это не одно и то же?

Ей нравилось вводить окружающих в обман, заставлять поверить, что дело обстоит так, а не иначе, и наблюдать за их реакцией. Это развлекало ее, давало пищу для размышлений. Она следила за ними, близоруко щурясь, хотя обладала ястребиной зоркостью, предпочитала создать впечатление о себе как о женщине, ничем не интересующейся, хотя всегда старалась быть в курсе всех событий. Это создавало у нее возвышенное мнение о себе. Они недооценивают ее — и ладно. Считают никчемной старой девой — что ж, она еще им покажет, на что способна.

Элизабет Робсарт не любила людей. Одинокая, никому не интересная, разуверившаяся в собственной судьбе, она затаила в душе обиду на весь мир, а особенно — на своих близких. Никчемные создания, борющиеся с судьбой и топчущиеся на месте, по сути, как куры в навозе. Уж куда разумнее никак себя не проявить, в то время как знаешь все обо всех и умеешь делать правильные выводы.

Леди Элизабет всегда придерживалась мнения, что ей фатально не везло в жизни, в отличие, например, от братца Дэвида, которому все доставалось шутя: карьера, успех, женщины. А вот она так и осталась «невестой стариков» — все сватавшиеся к ней почтенные джентльмены почему-то не доживали до свадьбы; поневоле поверишь в фамильное проклятье. Какие она могла составить блестящие партии! Например, третьим по счету к ней посватался Самюэль Дэврэ — древний род, обширные земельные угодья, богатые коммерческие вклады, и все это должно было достаться ей!

Правда, когда Самюэль Дэврэ прибыл ко двору, она едва совладала с собой. Жениху было под девяносто, голова его тряслась, и он ходил, опираясь на руки двоих дюжих лакеев. К невесте он отнесся благосклонно.

— Какая роскошная дама! — прошамкал он и даже протянул сухонькую ладонь, словно желая коснуться ее груди. — Ишь, какие шары. Будет за что подержаться.

Элизабет была шокирована, однако роскошное колье с крупными изумрудами, которое лорд Дэврэ приподнес невесте, сразу же расположило ее к нему.

Свадьбу намечалось отметить в ближайшие дни, и даже известие, что ее брат овдовел в третий раз, не помешало Элизабет готовиться к венчанию. Она скрыла от всех, что ей полагается носить траур, и щеголяла во всех новых дорогих украшениях, которые дарил ей сэр Самюэль, длинные нити жемчуга, броши с алмазной россыпью, серьги с зелеными смарагдами, с голубыми искорками в глубине, браслеты из пластин с красными, как кровь, карбункулами в чеканной золотой оправе…

В положенный день Элизабет ожидала жениха в платье из темно-зеленого атласа со стоячим кружевным воротником и вышитым золотом шлейфом в шесть локтей длиной. От удовольствия она похорошела, и даже ее милашка-племянница Ева отметила, что тетя выглядит, как настоящая невеста. В тот день Элизабет была доброй: она нежно приголубила свою племянницу и подарила ей целый моток кружевной тесьмы.

Но оказалось, что в церкви жениха нет. Элизабет ожидала его, все сильнее нервничая, пока не появился слуга в ливрее дома Дэврэ и не пояснил, что ночью с милордом произошел сердечный приступ и сейчас у него священник, ибо не остается сомнений, что сэр Самюэль отходит. Для Элизабет это был удар. И все же она старалась держаться. Накинув темный плащ, чтобы прикрыть вызывающую роскошь наряда, она отправилась в дом жениха. Там уже собралась вся многочисленная родня лорда в ожидании, когда тот отойдет в лучший мир и будет зачитано завещание. На явившуюся Элизабет поглядывали со злорадством, ибо теперь она для них не была опасна, и они не боялись, что ей, как вдове, отойдет треть состояния старца.

Ее проводили к лорду. Сэр Самюэль хрипел, не приходя в себя, и даже не почувствовал, как она взяла его руку, а через несколько минут священник стал читать отходную.

Опять леди Элизабет осталась ни с чем. Она стала нервной, плаксивой, кляла во всем свою судьбу и злополучный род Робсартов. Свою племянницу она еле выносила. Ведь Ева была такой хорошенькой, популярной, ее звезда еще только восходила, тогда как для нее, Элизабет, все было кончено.

Тем не менее именно благодаря Еве она получила еще один шанс в жизни. Это было в Оксфорде, уже в годы войны. Ева в глазах леди Робсарт была существом порочным, легкомысленным и греховным. Маленькая девочка, к которой она когда-то испытывала нежность, превратилась в яркую, выразительную красавицу, которая вызывала в стареющей даме зависть и негодование. Нежности не осталось. Однако леди Элизабет с удовольствием согласилась составить ей компанию для поездки ко двору Карла I в Оксфорд, хотя и понимала, что в глазах племянницы является чем-то ненужным, но обязательным, на манер дорожного баула. Когда Ева закрутила роман с принцем Рупертом, она не удивилась этому. Однако в кои-то веки не стала донимать племянницу упреками и разговорами о чести.

Тогда ей было не до Евы. Лорд Монтгомери, солидный, внушительный мужчина, сдержанный и рассудительный, полностью завладел ее вниманием. Но главное — и он проявлял к ней интерес! Они спокойно беседовали, прогуливались по дорожкам вдоль готических строений старинного университета, обсуждали политику и нынешний упадок нравов у молодежи, им было хорошо и интересно вместе. Когда лорд Монтгомери предложил ей скрасить его одинокую старость, она с тихой радостью согласилась.

Из этого тоже ничего не вышло. Лорд Монтгомери был убит в битве при Марстон-Муре, а она вместе с печальной Евой вернулась в Сент-Прайори. Теперь Элизабет не сомневалась, что на ней, как и на всех представителях рода Робсартов, лежит проклятье. Теперь она уже была настроена с гордостью нести свой крест. Даже узнав, что Ева в положении, она восприняла это как одно из проявлений их злосчастной судьбы, хотя и негодовала. Только бастардов им и недоставало! Она глядела на Еву с презрением и с гордостью отмечала, что хотя ее жизнь и не сложилась, но она не уронила чести рода и сможет с достоинством относиться к себе самой. Ей есть за что уважать себя.

К счастью, ребенок Евы умер. Она, как и Ева, ни минуты не жалела о нем, считая, что так намного легче скрыть позор, и не понимала, почему так убивается о случившемся Рэйчел. Рэйчел вообще была странной девушкой. Опять-таки, если, когда Рэйчел была ребенком, да еще и некрасивым, Элизабет порой испытывала к ней похожую на жалость привязанность, то едва Рэйчел начала взрослеть и

хорошеть, против нее в душе тети стало расти раздражение. Как это бывает у многих старых дев, она не переносила молодых, была к ним придирчива и безмерно строга. Ведь у них впереди было столько шансов!

Потом прибыл ее брат Дэвид Робсарт и обратился за помощью. Элизабет была возмущена его просьбой. Как, этот думающий только о себе эгоист, красавчик Дэвид, который не позаботился о ней, и, похоже, не сильно утруждал себя заботами о дочерях, теперь смеет просить их о помощи, навязывать им свои проблемы?! Ей хотелось бросить ему в лицо все, что она о нем думает, но она сдержалась — в конце концов, Сент-Прайори принадлежал именно ему. Да и честь рода Робсартов, которую Элизабет теперь возводила едва ли не в культ, требовала от нее, чтобы она смирилась. Но она не пожелала обременять себя этим. Если сам Дэвид этого не хочет, то уж с нее взятки гладки. И она не сказала ему ни да ни нет, лишь величественно удалилась к себе.

Теперь она стала, как никогда, заносчивой, надменной, скрытной. В скрытности она находила особое удовольствие. У нее стали появляться свои странности, которые, однако, ее очень развлекали. Так, когда все считали, что она сидит за рукоделием в своей комнате, она тайно шныряла по переходам, подглядывала, подслушивала, собирала сплетни. А позже появлялась: громоздкая, неуклюжая, опираясь на свой солидный посох и близоруко щурясь. Теперь ей даже нравилось казаться старше, чем она есть, чтобы никто и не заподозрил, какая сила и проворство еще сохранились в ее тучном теле. Ей нравилось всех обманывать и считать глупцами, а себя умной, которой известно все. Страсть к сплетням и скандалам по поводу и без повода стала едва ли не ее болезнью. Она расположила к себе глупенькую болтливую служанку Кэтти, которая, накручивая волосы госпоже на папильотки, бездумно выкладывала ей все окрестные новости. Она-то первая и поведала ей, что леди Ева заинтересовалась помощником шерифа Стивеном Гаррисоном, но тогда Элизабет считала, что Ева никогда не снизойдет до подобного мужлана, и, когда Ева уехала в Лондон вместе с Энтони, с самодовольством решила, что была права. Ева вернулась несолоно хлебавши, и Элизабет буквально торжествовала. Так этой шлюхе и надо. Теперь ей, как и самой

Элизабет, уготована одна участь — остаться в глуши, стать старой девой. Да еще и с подмоченной репутацией.

О приключениях Евы в Лондоне Элизабет поведал Энтони. Теперь он снова жил в Сент-Прайори, и Элизабет с мстительным торжеством отметила, что и его честолюбивым планам не суждено сбыться. Правда, ныне Энтони стал пресвитерианином, но на этой стезе у него тоже не очень-то складывалось. Хотя к Энтони, единственному из всей семьи, она испытывала какую-то толику нежных чувств, но и его неудачи только радовали ее. Она давно поняла, что, разочаровавшись в духовной карьере и идя по ней по инерции, Энтони жаждет лишь смерти старшего брата, ждет, пока тот впадет в немилость у властей или даже погибнет, чтобы стать владельцем Сент-Прайори, но в душе надеялась, что и этой его мечте не суждено воплотиться в жизнь. Дэвид все-таки был весьма ловким и сильным мужчиной, и он не допустит, чтобы суетный младший брат стал главой рода.

С возрастом у нее усилилась и еще одна страсть — к безмерному чревоугодию. О, с каким наслаждением она предавалась обжорству! Часто после излишних вкушений пищи ей даже приходилось посылать слуг за рвотным. Но потом опять: жирные ростбифы, всевозможные паштеты, приправленная острыми приправами дичь — в любое время суток. Благо кухарка у них была преотличная. Да и малышка Рэйчел знала толк в готовке.

Когда в доме появились эти два молодых человека, судя по всему беглые вустерцы, леди Элизабет, казалось, почти не обратила на них внимания, но на самом деле следила очень зорко и отметила явное внимание Евы к одному из них. Выбор племянницы несколько обескуражил Элизабет. Мало того, что Ева распутница, но у нее к тому же дурной вкус. Выбрать этого страшненького, смуглого, как черт, когда рядом сидел такой ослепительный красавец!.. Джулиан Грэнтэм сразу очаровал Элизабет, и даже сильнее, чем она хотела признаться себе. Какие тонкие черты, какой аристократизм! Даже кружку с элем с подноса он брал с чисто аристократическим изяществом. Ей так захотелось привлечь к себе его внимание, она даже не побоялась шокировать его рассказами о Черном монахе.

Монах появился. Как она и хотела. Ее не особо волновали причины его появления и трагическая смерть управляющего. А вот

отъезд лорда Грэнтэма расстроил. Уж не перегнула ли она палку своими страшными рассказами? Правда, в Сент-Прайори остался мистер Трентон, а это было подтверждением того, что Джулиан скоро вернется. И Элизабет ожидала его, даже порой позволяла себе помечтать — ведь если он роялист, то, значит, нищ, значит, лишился всего и стал бедняком. А в таком случае, брак со столь состоятельной особой, как она, несет ему определенные выгоды. Нет, она не обольщалась насчет его чувств к ней, да и возраст меж ними тоже служил ощутимой границей. Однако если она даст ему понять, что он ей мил, то, может, его рассудок — а сэр Джулиан Грэнтэм производил впечатление серьезного молодого человека — подскажет ему идею поправить свои дела за счет брака с богатой наследницей Робсар-тов. Пусть уже немолодой и не очень-то хорошенькой. Если это получится, она наконец-то выиграет свой лучший приз в жизни. Правда, были две другие предполагаемые невесты, ее соперницы — Ева и Рэйчел. Но Ева, как шальная, кинулась в интрижку с мистером Трентоном, а Рэйчел… о, у нее слишком дурная слава, к тому же она смотрит только на этого низкородного Стивена. Дура, да и только! Как и Ева. А вот Элизабет умна и предприимчива. Она рискнет.

Занимая себя подобными соображениями, она решила выйти прогуляться в парк. Сначала она шла, тяжело переваливаясь, а когда углубилась в заросли, то попросту взяла посох под мышку и пошла широким шагом, легко переступая через поваленные деревья. Услышав звуки выстрелов, она догадалась, что Ева опять палит по голубям. Когда она выглянула из кустов, то заметила, что Еве помогает Джек Мэррот. Зная об их связи, она наблюдала, не проявят ли себя как-нибудь любовнички. Уж она бы тогда навела кого-нибудь на них. Ведь и Стивен еще в замке, да и мистеру Чарльзу было бы любопытно узнать, чем занимается с прислугой его златовласая фея.

Когда появился Стивен, Элизабет едва не разочаровалась. Глупец, пришел бы попозже… Она не могла разобрать, о чем они говорят с Евой, и это ее раздосадовало. Зато тетушка была вознаграждена зрелищем невольно прорвавшегося гнева полковника. То, как он вырвал у Евы мушкет, как лихо сбил птицу, указывало на его клокочущую ярость. А ведь он всегда столь невозмутим!

Она продолжала наблюдать, и, когда Стивен ушел, едва не облизнулась, заметив, как грубо и вольно повел себя с Евой Джек

Мэррот. Потом Элизабет испугалась, потому что Джек неожиданно потащил Еву как раз к тому месту, где она засела в кустах. Она едва успела отскочить за деревья. Итак, он сейчас Еву… Движения грубые, быстрые, ни намека на нежность. Ева не сопротивлялась, и Элизабет уже предвкушала предстоящее зрелище и разрывалась между желанием поглядеть и поспешить к замку и кого-нибудь кликнуть. Последнее едва не победило, но, к несчастью, под ногой хрустнула ветка — пропади она пропадом!.. Это сразу насторожило любовников. Элизабет слышала, как Ева уговаривала Джека отложить свидание, и даже разобрала, где и когда они условились встретиться. Место встречи ее озадачило. Там… Почему? С сожалением она поняла, что как раз туда она никого не приведет. И не пойдет сама. Ни за что!

Потом, наблюдая за Евой и мистером Трентоном, она пришла к выводу, что вряд ли Ева убежит сегодня на свидание в парк. Она решила пораньше отослать сегодня служанку, а самой проследить. И, как оказалось, была права. Сначала она увидела спешащую куда-то в темноту Нэнси, потом горничная вернулась, ведя Чарльза Трентона. Элизабет проследила, Как они поднялись в покои Евы, и впервые пожалела, что Стивена Гаррисона нет в замке. Вот уж была бы у нее возможность позабавиться! Ей пришлось вернуться к себе и утешиться куском пирога с куриными потрохами и грибами.

Наевшись и сытно рыгнув, она взгромоздилась на ложе и уже засыпала, когда ее что-то разбудило. Какое-то время она раздумывала, не позвать ли Кэтти или Долл, но потом, поняв, что девчонки вряд ли ночуют под ее спальней в своей комнатушке, передумала. В конце концов, она догадывалась, что это мог быть за шум. Она уже привыкла к подобным звукам, теперь они ее не пугали, как ранее.

На другой день Элизабет было забавно наблюдать за Евой. Та казалась непривычно ранимой, даже робкой. Но под взглядами Чарльза, от его внимания и нежности стала оживать, вновь стала веселой и очаровательной. И прямо-таки лучилась счастьем, отчего казалась даже милее обычного. Элизабет вспомнила, что такая же ослепительная улыбка и смеющиеся глаза были у Евы во времена романа с принцем Рупертом, и поняла, что Ева опять влюблена, безрассудно и безоглядно, в этого изгнанника-роялиста, без кола и двора, как все сторонники Карла II в эти времена. Что ж, променяла шило на мыло. Стивен хоть был состоятельным мужчиной. А этот…

Ева затеяла опасную игру, и если Элизабет поведет себя разумно, то может подстроить все так, что эта вертихвостка не получит ни того, ни другого. Останется меж двумя стульями, как говорится.

Леди Элизабет провела день в раздумьях, как бы повыгоднее воспользоваться ситуацией; она вовсю строила планы и плела интригу. Лишь когда после обеда расстроенная Кэтти сболтнула, что нигде не может найти Джека, это отвлекло ее и невольно заронило подозрение. Она стала кое-что сопоставлять, а когда узнала, что Том еще и напился этой ночью, у нее даже возникли определенные соображения. Но уверена она не была и, несмотря на высокое мнение о своем остром уме, захотела с кем-нибудь посоветоваться. С кем? Конечно же, с Энтони. Правда, этим она предаст Дэвида, не доверявшего младшему брату. Но что сделал для нее Дэвид, чтобы она хранила ему верность?

К сожалению, Энтони еще до обеда был вынужден уехать по делам своей паствы. Приходилось его ожидать. И размышлять. Может, это и к лучшему: вдруг Мэррот вот-вот появится, и тогда она в глазах Энтони будет выглядеть дура дурой.

Элизабет скучала в кресле перед погасшим камином в большой галерее, слышала веселые голоса Евы и Чарльза в саду и ожидала вестей о Джеке. Потом услышала быструю тяжелую поступь, звон шпор и вскоре увидела Джулиана Грэнтэма.

В полумраке он не заметил ее. Она же глядела на него, и сердце ее подпрыгнуло, как у молоденькой девочки. Как же он хорош! Черные локоны до плеч, грациозные и сильные движения, чем-то напомнившие ей поступь породистого скакуна, утонченные, чуть мрачные черты лица. А как элегантен! Костюм из темно-коричневого бархата выгодно подчеркивал фигуру. Короткий черный плащ, отделанный по краям тройной серебряной каймой, изящно наброшен на одно плечо и перехвачен на груди шнурком с кистями на концах. Мягкие высокие ботфорты облегали стройные ноги до бедер. На боку — шпага с чеканным серебряным эфесом, а с другой стороны — парный ей длинный кинжал. Да, лорд Джулиан выглядел как истинный вельможа, на которого приятно поглядеть после всех этих суконных простаков пуритан.

Набравшись духу, Элизабет заговорила с ним и была милостива, даже очень. Он должен был оценить ее расположение. И он все понял, хотя это его явно смутило. Скромный юноша, не то что его спутник,

который к ней умудрился проявить игривую, чуть ироничную любезность, и даже Дурнушку Долл очаровал мягким обращением, так что та постоянно краснела, хоть глаза и сияли от удовольствия. Джулиан не таков — настоящий вельможа и джентльмен. То, что он поспешил уйти, не расстроило Элизабет. Она не обольщалась насчет своих чар, главное — сделать намек. Он юноша неглупый и еще подумает над этим.

Во время ужина Элизабет ощутила острое разочарование. Джулиан Грэнтэм явно избегал ее взгляда, зато то и Дело улыбался Рэйчел, да и Рэйчел выглядела по-особому, отнюдь не как прислуга, без чепца и фартука, с красивой прической и в элегантном, хотя и скромном, платье. Элизабет ощутила гнев и ярость. Даже еда не приносила ей обычного удовольствия. Кто бы мог подумать? Джулиан обратил внимание на эту тихую ведьмочку Рэч! И Элизабет стала размышлять, как бы опорочить племянницу в его глазах, поведать все о ее странностях и явной связи с нечистым.

Потом она услышала об исчезновении Джека и вдруг испугалась. Он ведь был там, где… И это выражение на лице Евы. Элизабет вдруг подумала, что совсем не знает племянницы. Более того — ощутила страх. О, как ей надо было с кем-либо посоветоваться! Она обратилась к Энтони, но брат ушел, проявив к ней полнейшее пренебрежение. Это задело ее сильнее, чем она ожидала, и даже отвлекло на какое-то время от Евы. Ведь, по сути дела, все это лишь подозрения.

Но подозрения не проходили. После обеда она поднялась в летнюю гостиную, где стояли ее пяльцы с неоконченным вышитым узором из сплетенных стеблей лилий с цветами. Вышивала леди Элизабет действительно чудесно. Она, как всегда, зажгла побольше свечей, но к иголке так и не притронулась. Пришла Сабина, как уже вошло в традицию, осведомилась, что прислать госпоже на ночь поесть. Это несколько отвлекло Элизабет. Значит, так: запеканку из колбасы с устрицами, пирожки с орехами, небольшой кувшинчик красного бордо. Да! Еще паштет, этот острый паштет из гусиной печени, который подавали на ужин. Он ей очень понравился.

Вышивать ей сегодня не хотелось, и, задув свечи, Элизабет отправилась к себе. Пришла расстроенная Кэтти и молча стала возиться, накладывая в постельную грелку уголья из жаровни. Элизабет поинтересовалась, не видела ли служанка Джека? Но

девушка лишь сокрушенно покачала головой в съехавшем на затылок чепчике. Внешне Элизабет оставалась спокойной и не спеша втирала в запястья огуречный крем для белизны рук. Она всегда следила за собой.

Вскоре появилась Сабина с Ребеккой Шепстон, такой же замкнутой и молчаливой, как и ее супруг Мэтью. Они принесли кушанья и расставили их на низком столике возле кровати. Запах был такой, что Элизабет захотелось есть, словно она и не ужинала недавно. Однако не успела она и салфетку повязать, как ее внимание привлек шум в замке. Кто-то кричал, взывая о помощи.

Сабина и Ребекка уже вышли, одна Кэтти стояла у постели, согревая простыни грелкой. Элизабет обменялась с ней удивленным взглядом. Потом кивком указала на дверь.

— А ну-ка, милочка, сбегай узнай, что стряслось. Потом доложишь мне.

Куда там! Кэтти, как выбежала, так больше и не появилась. А шум все усиливался — снизу явственно доносились громкие голоса, возгласы, плач.

Элизабет вскоре не выдержала и сердито отбросила салфетку. Не забыв подхватить посох, она торопливо вышла.

Голоса раздавались в холле. Подходя, Элизабет приняла достойный вид и появилась наверху лестницы, важно опираясь на посох. Здесь собрались все: что-то взволнованно говорившие гости, смятенная, схватившаяся за щеки Рэйчел, пытавшийся сохранить достоинство Энтони, причитавшая что-то Сабина, молчаливые супруги Шепстон, их дико озиравшийся сын Ральф. Долл, пытающаяся успокоить заходившуюся в рыданиях Кэтти. Огромный Томас Легг, стоявший с понурым видом. Только Бена Петтигрю не было. Но охранников никогда нельзя было заметить вместе. Один из них всегда нес службу. И не было Джека Мэррота. Что-то подсказало Элизабет, что именно из-за него поднялся весь этот переполох. Она отыскала глазами Еву. Племянница, бледная как полотно, стояла перед торопливо рассказывавшим о найденном растерзанном теле Чарльзом. Руки ее бессильно упали на юбки, глаза зияли на осунувшемся личике, как два темных пятна. Именно ее окликнула, подходя, Элизабет:

— Ева!

Девушка медленно повернулась:

— Что, тетя?

Во взгляде пустота, как всегда, когда она старалась что-то скрыть.

— Что случилось?

— Собаки. Опять, — как-то бесцветно ответила Ева, а Элизабет ощутила, как по телу пробежала крупная дрожь.

— Это Джек! — рыдала Кэтти. — Я чувствовала! Он никогда не уходил так надолго!

Спустя какое-то время Чарльз Трентон кивнул:

— Что ж, может быть, это он. По одежде похоже. Но все так изорвано…

Он запнулся, когда вопли Кэтти усилились.

Энтони неожиданно взял все в свои руки. Прикрикнув на Кэтти и приказав ей угомониться, он велел Ральфу и Томасу Леггу взять фонари и лоПаты и идти с ним к развалинам. Предварительно расспросив более спокойного Джулиана, где они обнаружили останки, всем остальным он приказал расходиться. Держался Энтони властно, даже с достоинством, явно желая показать, что хозяин в Сент-Прайори сейчас именно он.

— А ты, Ральф, скачи что есть силы к Стивену Гаррисону. Думаю, нам следует поставить его в известность.

— Энтони! — окликнула его Элизабет.

Он резко повернулся:

— Что? И не вздумай мне перечить, Элизабет! Стивена надо вызвать. Хватит с меня этой дурацкой таинственности по велению моего дражайшего брата.

— Энтони!

Элизабет даже забыла опираться на палку, когда торопливо сходила с лестницы.

— Ради Бога, Энтони, мне надо с тобой поговорить. Срочно. Это очень важно.

У него даже щеки задергались.

— Иди к себе, Элизабет. Мне сейчас не до тебя.

Он ушел, а она все еще стояла, держа тяжелый посох на весу.

Кэтти всхлипывала, но уже тише. К ней подошла Сабина, сказав, что принесет успокаивающего макового отвара, чтобы та заснула. Потом она повернулась к гостям:

— Я и вам принесу, джентльмены. После того что вам довелось увидеть, это будет как раз кстати.

Они не возражали. Все вышли. Ева догнала Чарльза и взяла его под руку. Элизабет медленно вернулась к себе — даже в смятенных чувствах не могла отказать себе в удовольствии поесть. Позже пришла невозмутимая Ребекка Шепстон помочь госпоже раздеться, так как от Кэтти сейчас было мало прока.

— Зря вы так наедаетесь на ночь, миледи, — покачала она головой, но Элизабет только цыкнула на нее. Будет ей еще кто-то указывать!

Но, видимо, служанка оказалась права. Заснуть Элизабет не могла, мучила изжога. То ли от красного вина, то ли паштет и впрямь был очень острым. А может, виной всему ее смятенное состояние. Завтра она непременно переговорит с Энтони, что бы за этим ни последовало. Теперь она все поняла, сложила один к одному. Кто бы мог подумать?! О, эта миленькая Ева! Она знала, что Патрик Линч досаждал Стивену. Опасалась ли она разоблачений Патрика или просто шла на встречу к возлюбленному? Хотя здесь звено рассуждений Элизабет было самым слабым. Она не знала, обрядилась ли Ева сама или же попросила кого-нибудь. Осия, видимо, что-то видел, потому и был так напуган и поспешил покинуть замок. Он бежал от хозяйки, а она в тот день уехала верхом на равнину. В красной амазонке — красное на красном не так заметно. Элизабет вдруг вспомнила бессильно лежащие на складках юбки ручки Евы, такие маленькие и беспомощные. Но она вспомнила, как легко Ева управляется с тяжелым мушкетом, без малейшего затруднения. Сколько же силы в этих точеных руках? И еще одно воспоминание: давнишняя охота при дворе. Тогда собаки поймали лань, и Ева, чтобы блеснуть перед Рупертом, сама попросилась прикончить ее. Сделала она это мастерски, одним взмахом. Двор тогда аплодировал, а Ева смеялась. Кровь веселила ее и была почти незаметна на алой юбке амазонки. Ева всегда предпочитала красные тона.

Элизабет заворочалась так, что кровать страдальчески заскрипела под ее грузным телом. Потом до нее донесся топот копыт. Наверняка Гаррисрн. Быстро же он! Может, ей стоит сойти и рассказать ему кое-что? Обойдется. Хотя и забавно будет поглядеть на него, когда он узнает все о своей раскрасавице невесте. Хотя бы о ее связи с Джеком.

О том, что Джек пытался шантажировать ее, грозился все раскрыть, а она его за это убрала. Теперь Элизабет не сомневалась, что это так. И Томас Легг в тот вечер был пьян. Несомненно, Ева и поднесла ему выпивку — у нее-то есть ключи от погреба, а Томас никогда не откажется от спиртного. Да еще о милостивой госпоже будет помалкивать и о том, что потерял бдительность, когда Джек Мэррот оказался среди руин.

Из-за окна долетал лай собак, который порой переходил в протяжный вой. Потом все стихало. Гаррисон, похоже, не собирался поднимать переполох. Но ему она все равно ничего не скажет, только Энтони. Завтра.

Элизабет уже стала подремывать, когда легкий стук в окно разбудил ее. Летучая мышь билась о стекло, привлеченная светом. Элизабет тихо выругалась и задула свечу ночника. Темнота стала кромешной, да и глаза уже совсем слипались.

Но спала она плохо, изжога мучила и во сне. Она порой просыпалась, ворочалась, и именно в одно из таких пробуждений что-то учуяла. Какой-то шорох. Совсем близко, во мраке. Она замерла, прислушиваясь. Хотя Элизабет и не зашторила занавеси полога на ночь, в комнате царил полнейший мрак. Даже луны видно не было, и проем окна высвечивался в темноте блеклым пятном.

Тут она опять ощутила шорох — под чьими-то тихими шагами зашуршала плетеная циновка. Чья-то тень скользнула мимо окна.

Элизабет почувствовала, как в груди все словно застыло от страха. И зачем только она погасила ночник?

Элизабет резко села, кровать скрипнула.

— Кто здесь? Отвечайте или я криком разбужу весь замок!

Ответа не последовало, а у Элизабет вдруг мелькнула ужасная догадка. Оно. Если это оно… Говорят, оно хитрое и опасное. И любит убегать.

От страха у нее сперло дыхание. Лишь с неимоверным усилием ей удалось втянуть воздух, чтобы закричать, но она не успела этого сделать.

— Тсс!

Это «тсс» оглушило ее и не дало подать голос. Затем было уже поздно: что-то налетело на нее, опрокинуло, схватило за горло. В

следующий миг подушка была вырвана у нее из-под головы, ее набросили на лицо Элизабет и надавили.

В первый миг она даже не сопротивлялась, но ее тело стало действовать раньше, чем опомнился разум, — оно билось, вырывалось, изгибалось. Элизабет, несмотря на возраст, все же была очень сильной женщиной, и тому, кто сидел на ней, придавливая подушкой, приходилось туго. Паника увеличила ее силы, и она так рвалась, что кровать едва ли не развалилась под ними, ходила ходуном.

Оставшиеся свободными, ее руки вцепились в убийцу, толкали, откидывали, пока не начали ослабевать. Может, именно в этот момент, хватаясь за того, кто сверху, она в полумраке сознания заподозрила, кто это. Это словно удесятерило ее силы, вызвало полубредовые остатки сопротивления, возмущения и негодования. Она была очень сильна; тот, кто сверху, не мог совладать с ней. В какой-то миг она почти скинула с себя убийцу. По крайней мере, подушки больше не было на лице, и она с диким хрипом втянула спасительный воздух.

И тут же, после резкого металлического звука, Элизабет ощутила обжигающий холод на горле и со страшным удивлением поняла, что оно перерезано; хрип перешел в тихое похлюпывание рвущейся наружу крови. Сквозь весь свой ужас она осознала, что еще жива и даже понимает, что прилипшее к ее губам и высунутому языку — это пух из распоротой вместе с шеей подушки, которая и не позволила убийце прикончить ее сразу.

А потом она поняла, что он делает с ней, — сквозь мякоть сального покрова на животе добирается туда, где покоилось содержимое ее ужина. На мгновение ее пронзила боль от желудка и выше, а затем ощущение, как металл натыкается на ребра. От ужаса и боли она все же захрипела каким-то нечеловеческим хрипом. А руки, хватаясь за живот, увязли в собственной липкой плоти.

Больше она не могла даже вздохнуть, проваливаясь во мрак, и последней ее мыслью было: «Я тону».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Джулиан Грэнтэм любил начинать день беседой с собственной душой. Поэтому, несмотря на то что его голова после вчерашнего макового отвара была тяжелой, он все же, едва одевшись, поспешил преклонить колени и вознес обычную утреннюю молитву, не забыв помолиться и за короля, моля Бога охранить от всех бед и опасностей Его неспокойное Величество.

Что Карла уже нет в соседней комнате, он и не сомневался. Карл всегда вставал очень рано, и даже успокоительное зелье, что принесла им служанка на сон грядущий, не смогло заставить его остаться в опочивальне дольше обычного часа. Порой Джулиану казалось, что молодой король наделен какой-то сверхчеловеческой энергией, не свойственной обычным смертным; он был уверен, что Карл уже покинул замок ради своей привычной утренней прогулки. К тому же Джулиан припомнил обрывки вчерашнего разговора короля с Евой, когда они уже шли в свои покои: любовники договаривались, что Карл утром, как обычно, пойдет прогуляться пешком, а Ева попозже присоединится к нему верхом, чтобы не вызвать ни у кого подозрений.

При мысли о Еве Джулиану стало не по себе. Эта женщина, безусловно, расставила силки для Его Величества, в которые молодой король кинулся сломя голову. Если после шока вчерашних событий они и отменили ночное свидание, то навряд ли это продлится долго, что бы ни таилось за всеми этими жуткими смертями в Сент-Прайори.

Джулиан старался не думать о вчерашней находке, но мысли сами собой лезли в голову. И ему становилось стыдно от того, что он позволил себе вчера так впасть в панику. Но этот обглоданный труп… Вчера он даже едва не забыл о своем долге — охранять Карла Стюарта! А ведь он, Джулиан, почуял неладное еще там, среди развалин. Теперь он не мог понять, как это у него вышло. И это его смущало. Какое-то потаенное, почти животное чувство подсказало ему опасность. Это казалось странным, словно кто-то другой, кто таился в нем где-то за пределами объяснимого, мутил его разум, приказывал, повелевал. Он не смог совладать с собой, струсил, а Карл, этот циничный, насмешливый Карл, все видел. Но разве и король не поддался панике, когда они, двое бывалых, не раз видевших смерть

мужчин, были напуганы, словно школьники, и вели себя вовсе не подобающе? Или это воздух Сент-Прайори помутил их разум? В этом замке что-то не так. Нездоровое, таинственное место, им следовало бы покинуть его как можно раньше. Но там, где он был вчера утром, среди других людей, с их заботами о спасении от властей Его Величества, он об этом не думал. Как не думал и о той опасности, какой теперь стала для них Ева Робсарт. А сегодня выходило, что не только она.

Сейчас он вспомнил, как эта дама Элизабет стремилась о чем-то рассказать своему брату. Джулиан понял, что она не так проста, как прикидывается, и не на шутку испугался.

Да, странный вчера был вечер. Страхи, подозрения, беспокойство. Громада Сент-Прайори словно давила их своими загадками. Ужасное место. И им ведь еще придется жить здесь, пока не явится посланец от лорда Уилмота.

Однако сейчас, утром, все казалось не таким уж и мрачным. Солнце светило в окна, утро вставало ясное, солнечное, великолепное. Нет ничего лучше солнечного света, чтобы смыть все страхи, которые приходят во мраке. На свете они становятся словно слабыми тенями. Только… Он знал, что загадки Сент-Прайори не оставят их в покое.

Джулиан вышел из покоев с мрачным лицом. В проходе старых стен еще таился полумрак. Но слуги уже проснулись, со стороны кухни доносился звон посуды и обрывки речи, а когда он миновал холл, то даже различил запах бекона. Джулиан решил пройти в замковую часовню, чтобы хоть там немного успокоиться. Она занимала угловое положение в замке, он уже заходил сюда перед отъездом в Солсбери. Как католик, он относился с особым почтением к подобным помещениям. К тому же старинная часовня, хоть и лишенная, по новым традициям, всяких украшений, все же таила в себе какое-то особое очарование, оставшееся со времен, когда Сент-Прайори был аббатством, — строгая и воздушная, с изящными веерообразными сводами, окнами-витражами и семейными надгробиями вдоль стен.

Подойдя к высокой сводчатой двери, Джулиан заметил, что она отворена, и, приблизившись, увидел Рэйчел. У него дрогнуло сердце. Девушка стояла на коленях, молитвенно сложив руки.

— Боже мой, мисс Рэйчел! Неужели вы католичка?

Она испугалась и быстро встала, явно смущенная.

Опять обычная, строгая Рэйчел в чепце, завязанном под подбородком, и темной шали на плечах.

— Доброе утро, сэр…. — Она нервно теребила края шали, прятала глаза.

— Вы католичка, мисс? — опять спросил Джулиан, и в груди его потеплело. Он заулыбался.

Она наконец взяла себя в руки и поглядела на него. Он нашел ее не менее привлекательной, чем раньше. Крупные, хорошо очерченные губы таили нежность, а взгляд был волевым и умным, хотя и настороженным.

— Вы не должны упрекать меня, сэр. К тому же вы ошибаетесь.

— Разве? Но ведь вы стояли на коленях. А по нынешним верованиям…

— Знаю, знаю. Надеюсь, вы не скажете об этом моим близким?

Его взгляд, похоже, успокоил ее. Она расслабилась и поглядела на стены часовни.

— Моя мать ведь была испанкой. Когда мне бывает трудно, я прихожу сюда, склоняюсь у ее могилы. Мне так жаль, что я не знала ее, но, когда я стою здесь, мне хочется поговорить с ней. Эта старая часовня… Меня тянет порой сюда, хотя здесь так холодно… Этот холод словно отрезвляет меня. Сейчас мне, как никогда, нужна ясная голова.

Джулиан опять был очарован ее простотой и откровенностью. Ему стало легко, исчезла тяжесть в душе. Подойдя, он взял ее руки в свои и успокоил, сказав, что она может располагать им и рассчитывать на его понимание и поддержку.

Рэйчел взглянула на него с благодарностью. Ладони лорда Джулиана были теплыми, сулящими, волнующими. Она сама не могла понять, что ее тревожит. Может, она просто дрожала от сырости в старом помещении? В следующий миг она нашла объяснение своему беспокойству — она поняла, что они не одни. У порога стоял Стивен Гаррисон.

Они не слышали, когда он подошел, и теперь он просто стоял и глядел на них. Свет лился сзади, и Рэйчел не могла разглядеть выражение его лица. Но что-то в его неподвижности и молчаливости смутило ее. Словно она была в чем-то виновата, и Стивен имел право обвинять ее.

Она медленно отняла руку у Джулиана и услышала, как молодой лорд сердито задышал, тоже не сводя глаз со Стивена. Чтобы предотвратить стычку меж ними — что-то подсказывало ей, что эти двое явно не благоволят один к другому, — Рэйчел спешно произнесла:

— Я слушаю вас, мистер Гаррисон.

Он чуть кивнул:

— Могу я поговорить с вами, мисс?

Она знала, о чем он начнет расспрашивать. Опять допрос, и опять она будет вынуждена лгать. Сейчас она даже пожалела, что ей придется оставить Джулиана ради Стивена, и это удивило ее. Разве еще недавно она не замирала от счастья при одной мысли о встрече со Стивеном? Теперь же она охотнее осталась бы с Джулианом — таким красивым, обходительным и нежным. А Стивен… она не хотела говорить с ним. Ей нечего было ему сказать. Она почти жаждала, чтобы он уехал.

Они остановились возле подстриженного тиса, у ступеней лестницы часовни. Рэйчел подняла на Стивена глаза, измученные, несчастные, усталые. Глаза старой женщины на юном личике девочки. Полковник не выдержал ее взгляда и повернулся в сторону противоположного фасада замка, за которым, у служб, виднелись фигуры пришедших на работу поденщиков. Они не спешили браться за дела, стояли, сбившись кучками, — им, видимо, уже стало известно про Джека. Стивен понимал их волнение и страх: люди гибли в замке слишком часто! Это кого угодно выведет из равновесия, особенно если учесть, что все смерти оставались загадками. Но у него уже сложилось свое мнение о тайне Сент-Прайори. И сейчас, почти машинально задав девушке пару вопросов: когда-де она в последний раз видела Джека Мэррота живым, не заметила ли чего-либо странного в его поведении, он вдруг повернулся прямо к ней и, словно с усилием, заставил себя поглядеть ей в глаза.

— Зачем вы таитесь от меня, Рэйчел? Почему не расскажете обо всем? Вам ведь есть что мне сказать, не так ли?

Рэйчел уже успела взять себя в руки. Лицо ее словно окаменело.

— О чем вы, сэр?

— О тайне Сент-Прайори. Ведь в замке есть какая-то тайна, не так ли? Все о ней знают, но упрямо молчат. И вы, и леди Элизабет, и

Ева, и слуги… Я же, пытаясь вам помочь, будто натыкаюсь на какую-то стену. Я словно становлюсь вашим врагом со своими вопросами. Что ж, если вы хотите, я прекращу их и уеду. Не буду вмешиваться. Этого ли вы хотите? Я ведь вижу, что вам нужна помощь, и готов ее предложить. От всего сердца. Ибо я ощущаю, как вам тяжело, мисс. Почему же вам не обратиться ко мне? Вы знаете меня достаточно хорошо, я близок вашей семье, почти что один из вас. Так к чему все эти тайны, Рэйчел?

Ее губы по-прежнему были твердо сжаты. Лишь чуть участившееся дыхание указывало, как она напряжена. Однако Стивен понял, что она ничего не скажет. Он вздохнул:

— Что ж, я уеду. Вести следствие сейчас бессмысленно. Вы будете по-прежнему твердить, что опять случился несчастный случай, что Джек был неосторожен и эти ужасные псы…

— Так и было, — спокойно и твердо произнесла девушка.

Стивену стало грустно. И очень жаль ее. Он сказал, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно мягче:

— Если вы пожелаете, я пришлю охрану из отрядов ми лиции в замок. Вы расположите их, как сочтете нужным.

— Благодарю, не надо, — торопливо молвила Рэйчел и даже словно испугалась.

Но Стивен попробовал еще раз. Ему совсем не хотелось настаивать, но он сделал это, стремясь исполнить свой долг. В замке небезопасно, уверена ли Рэйчел, что им не понадобится помощь? Ибо, хоть Рэйчел и сильная женщина, но сейчас замком словно завладел какой-то злой дух.

Губы девушки сложились в презрительную гримасу.

— Чтобы избавиться от злых духов, надо прокурить в помещениях кориандром и смесью укропа. Однако я не знала, что вы столь суеверны, мистер Гаррисон. И почему, интересно, вы обсуждаете это все со мной, а не переговорите, например, со своей невестой? Или с более пожилой и рассудительной леди Элизабет? Или с дядюшкой Энтони?

Она дерзила, значит, нервничала, и невозмутимость Стивена являла разительный контраст рядом с беспокойством девушки.

— Я говорю с вами, мисс Рэйчел, лишь потому, что отдаю отчет, что именно вы являетесь настоящей хозяйкой в Сент-Прайори.

Тогда она пожала плечами:

— Боюсь, вы преувеличиваете опасность. К тому же вскоре должен приехать отец, и тогда, думаю, все недоразумения решатся сами собой.

— Дай-то Бог, — согласился полковник. — Но разве до его приезда вы можете поручиться, что беды минуют сей кров?

— По-моему, леди ясно дала понять, что не нуждается в вашей помощи! — раздался рядом голос Джулиана Грэнтэма. Он появился со стороны часовни, откуда, должно быть, мог слышать их разговор.

Стивен ответил ему спокойным взглядом: лицо его было невозмутимым, не выражало ни смущения, ни гнева.

— Что ж, я вижу, в Сент-Прайори есть джентльмены, которые позаботятся о вас. Я же прошу позволить мне откланяться.

Он надел шляпу:

— Принесите от моего имени извинения вашим близким, что я отбыл не простившись.

Рэйчел с Джулианом смотрели, как он прошел в сторону конюшен и вывел своего вороного. Поденщики было приблизились к нему, но он ограничился двумя-тремя фразами и вскочил в седло.

Рэйчел стало не по себе, когда он исчез за деревьями. Ей ведь в самом деле нужна была помощь, которую она не смела попросить. Но теперь рядом с ней находился лорд Джулиан. Она поглядела на него, и ей стало легче от его улыбки, от нежности в его взгляде. Она уже поняла, что нравится ему, и это слегка вскружило ей голову. Тем не менее она не осталась с ним и, сославшись на дела, ушла.

Джулиан не удерживал ее, ибо как раз в этот момент увидел Еву. Она явно торопилась и почти пробежала к конюшням, на ходу надевая шляпу. Красавица просто проспала, и ее личико было даже еще чуть припухшим со сна. На Джулиана она глянула лишь мельком, чуть кивнула и, прикрикнув на поденщиков, чтобы приступали к работе, исчезла в проеме дверей конюшни. Но Джулиан пошел за ней. Ему необходимо было переговорить с Евой.

Она сама седлала лошадь и делала это с неожиданной для столь хрупкой леди силой и сноровкой. Уже застегивая подпругу седла, она заметила наблюдающего за ней Джулиана.

— Вам что-то угодно, сэр?

Тон был недовольный и вызывающий. По-видимому Ева уже поняла, что этот гость замка отнюдь не благоговеет перед ее чарами. Более того, он ее недруг.

— Угодно, — спокойно ответил Джулиан.

Он сам удивился, отчего он так равнодушен к красоте этой прелестницы. Рэйчел рядом с ней казалась явно грубее. А эта — само очарование. Прелестная лисья мордочка точеный носик, ямочки на щеках, длинные ресницы словно подчеркивают лукавый разрез глаз. Но Джулиану все в ее облике казалось лживым, наигранным, полным притворства. Лиса, хитрая и коварная женщина. Однако он достаточно опытный охотник, чтобы понять это.

— Мне ведь все ведомо о вас, леди Ева.

Она вздрогнула, даже словно чуть испугалась, но лишь пожала плечами в ответ.

— Да ну?

— Именно так, миледи. Если мой спутник ослеплен вашими чарами, то я вижу вас насквозь.

Она глядела на него странным, давящим взглядом.

— Что вы собираетесь делать?

— Для начала я предупрежу мистера Трентона о ваших планах. О вашей охоте на него. Ведь вы выбрали его своей добычей и идете на него, как хищный зверь по следу.

Она спокойно проверила седло:

— Похоже, вы заблуждаетесь. Мы уговорились с мистером Трентоном, где встретимся, и я сейчас просто спешу к нему.

Она уже взяла лошадь под уздцы, когда Джулиан вдруг сильно схватил ее за запястье и развернул к себе:

— Не советовал бы вам играть со мной, мисс Ева! Ведь мы оба знаем, кто такой мистер Трентон, и я могу доказать ему, что ваш интерес к нему не случаен. Когда я открою ему глаза на ваши козни, так ли уж благосклонно он будет принимать ваши знаки внимания?

Выражение на лице Евы менялось, как блики на поверхности воды: страх, удивление, гнев, злость, насмешка. Потом она так резко вырвала у него руку, что ее лошадка испуганно фыркнула и попятилась. Но Ева удержала ее. Она рассмеялась неприятным, злым смехом, ее глаза сузились, взгляд стал жестким.

— Не кажется ли вам, что вы много берете на себя, сэр? Вы всего лишь мой гость, но гость, которому я имею право в любой момент указать на дверь.

— В таком случае и мистер Трентон последует за мной.

— Вы уверены?

Она взглянула на него едва ли не кокетливо:

— Вы просто ревнуете меня к мистеру Трентону. Вы ревнивы, как жена на сносях, сэр. И это выглядит отвратительно.

— А по-моему, ревновать следовало бы не мне, а помощнику шерифа. Вот на ком вам бы следовало сосредоточить свое внимание.

Она спокойно пожала плечами:

— А это уже не ваше дело, милейший. Впрочем, я еду. Если вы будете меня удерживать, я подниму шум и обвиню вас в самых худших грехах. Скажу, что вы приставали ко мне. Посмотрим, понравится ли это мистеру Трентону. — И опять этот насмешливо-кокетливый взгляд.

Она спокойно направилась к выходу, а Джулиан едва не задохнулся от ее наглости. О, эта женщина способна на все. И самое ужасное, что она знает, что делает. Король, безусловно, примет ее сторону.

Ева уже садилось в седло, когда Джулиан, все еще кипя от негодования, вышел из конюшни.

В это время со стороны замка стали долетать крики, почти визг. Невольно и Джулиан, и Ева повернулись в сторону фасада замка. Потом Джулиан услышал, как Ева решительно произнесла:

— Ах, что бы там ни случилось!..

Она хлестнула по крупу лошадь и поскакала по аллее прочь. Джулиан ее понимал. Эта женщина поставила себе цель и будет идти к ней, несмотря ни на что. Какова чертовка!

То, что произошло, потрясло всех.

Кэтти, отоспавшись после макового отвара, направилась в сторону спальни леди Элизабет, которая тоже не спешила вызывать прислугу звоном колокольчика. Но завтрак был уже готов, дядя Энтони ожидал в трапезной, а его сестра словно бы и не торопилась приступить к излюбленному занятию — еде. Сонная служанка была даже благодарна ей за эту задержку. Позевывая и протирая глаза, она прошла в опочивальню миледи… и спустя мгновение вынеслась оттуда с округлившимися от ужаса глазами, вереща во все горло. Когда

сбежались на крики, она ничего не могла произнести, ее лишь вырвало прямо на блестящий паркет.

Это был кошмар. Леди Элизабет Робсарт лежала на собственном ложе в луже крови с перерезанным горлом и выпотрошенными внутренностями, перемазанная кровью и покрытая перьями из распоротой подушки. Рэйчел едва не потеряла сознание, когда увидела все это, и еле смогла выйти из комнаты. В первый миг она едва не велела позвать Стивена, но сдержалась, вспомнив, что сама же отказалась от его услуг.

Однако послать за Стивеном все же пришлось. Позже, когда тело леди Элизабет уже привели в порядок и даже обрядили для погребения. В Сент-Прайори это делалось привычно быстро. Рэйчел спокойно отдавала приказания, всем своим видом стараясь не показать, как ей страшно. А ведь ей после того, как она переговорила со слугами и охранниками, стало по-настоящему страшно. Она все прислушивалась — не раздастся ли топот копыт Гаррисона. Рэйчел сама не знала, зачем так ждет его. Ибо уже понимала, что опять будет ему лгать. Девушка взвалила на себя тяжелейшую ответственность, велев всем, даже оторопевшему Энтони, скрывать, как умерла тетушка. У леди Элизабет просто остановилось сердце — так было велено говорить всем. Даже если Энтони был возмущен этим, то доводы Рэйчел, что это необходимо, дабы не порочить репутацию семьи, его убедили. Слуги прекрасно поняли госпожу, лишь Джулиан был мрачен, но и он согласился молчать.

Ближе к обеду прибыли Карл и Ева, безмятежные, счастливые, улыбающиеся. Потом Ева узнала, что случилось, и тихо осела без сознания на руки короля. Джулиан презрительно отвернулся. Эта лисичка была слишком сильна и хитра, чтобы вдруг проявить такую слабость. Она просто играла на жалости короля, как играла и потом, когда плакала и дрожала в его объятиях, казалась столь испуганной и беспомощной. Но в этот странный день даже то, что Ева так жалась к гостю замка, не вызвало ни у кого удивления. Все были слишком оглушены случившимся, сбиты с толку, напуганы.

Стивен прибыл ближе к вечеру. Рэйчел чувствовала, что не в силах глядеть ему в глаза. Однако когда Энтони Робсарт попросил полковника прислать в замок своих людей, она решительно отказала. Пожалуй, это было единственное, в чем проявилась ее воля. В

остальном она была молчаливая, словно оглушенная. Энтони же теперь, когда оказался старшим в семье, наоборот, решительно взял все в свои руки. Он отдавал краткие и точные указания, провел отпевание, достойное леди Элизабет Робсарт, прочитал проповедь о тщете всего земного и даже успокоил пытавшихся разойтись поденщиков — от них постарались скрыть, как умерла старая леди, но все же кое-какие слухи просочились и изрядно всех напугали. Энтони сумел все уладить, он долго говорил с ними, путано и туманно, чем совсем очаровал и подчинил простолюдинов. Он ходил по замку как хозяин.

Стивен ни во что не вмешивался и услал двоих приехавших с ним людей, так ничего им не сообщив. Ева при нем держалась со скромным достоинством, даже не льнула больше к Карлу. Но ночью Джулиан слышал, как король покинул свою комнату и тихо прошел по коридору. Он даже зубами скрипнул с досады. Как же! Пошел утешать на ложе свою нежную Линдабарду, целовать ее заплаканные лживые глаза. У Джулиана даже мелькнула мысль разрубить махом этот узел — пойти и провести в комнату любовников Стивена Гаррисона. Он все же сдержался: что бы ни происходило, он должен прежде всего думать о безопасности короля и не привлекать к нему лишний раз внимания парламентария Гаррисона.

Следующие два дня прошли на удивление спокойно, если учесть, что все словно старались не выказывать своего страха. Зверское убийство Элизабет Робсарт потрясло всех Даже сильнее, чем гибель Джека, — если смерть слуги хоть как-то можно было объяснить, то убийство Элизабет выглядело загадочным и ужасным. Обитатели замка косились Друг на друга, но молчали. Кем-то произнесенная фраза, что-де, когда прибудет барон Робсарт, все выяснится, почему-то сразу прекратила все вопросы и догадки. Стивен ви-Дел, как сестры понимающе переглянулись, словно вздохнули с облегчением, и это его еще более опечалило. Похоже, они знали, в чем дело, но если и казались взволнованными, то явно не собирались посвящать его в свои мысли. Они не желали принимать от него помощи.

Энтони Робсарт держался даже спокойно, а гости были поглощены тем, что утешали женщин: Трентон — Еву, а Джулиан — Рэйчел. Пожалуй, только эти двое мужчин были по-настоящему встревожены и терялись в догадках. Но даже они не требовали, чтобы

Гаррисон начал следствие. Они с охотой поддержали членов семьи, что расследование следует отложить до прибытия барона, и согласились с общим решением скрывать до времени, что Элизабет Робсарт погибла не своей смертью. Ева сама переговорила со Стивеном, попросив скрывать трагическую и непонятную кончину тети. Он был удивлен просьбой, но согласно кивнул. Что ж, раз никто не желает, чтобы был найден настоящий убийца, то и он, Стивен, не станет навязывать им своей воли. Он уехал, сказав напоследок, что всегда поспешит к ним, если понадобится помощь.

Несмотря на мрачную атмосферу, царившую в Сент-Прайори, все остались довольны его отъездом. Карл по-прежнему не расставался с Евой. Рэйчел была молчалива и задумчива, предоставив управляться со всем дяде Энтони. Порой она странно поглядывала на него. Он как-то сразу изменился, а теперь выглядел едва ли не довольным. Рэйчел сторонилась его, общаясь лишь, когда это было необходимо.

Джулиан проводил время по-своему — то уезжал кататься верхом, то одиноко бродил по замку или удалялся в парк. Его не останавливало даже то, что погода испортилась и теперь все время моросил мелкий октябрьский дождь. Один раз, прогуливаясь вдоль стены парка, он обнаружил в ней ту небольшую калитку, сквозь которую когда-то прошла Рэйчел. Калитка и самом, деле не запиралась, и Джулиан отметил, что это хорошо, ибо им с королем всегда необходимо иметь запасной выход.

Промокший до нитки, он возвращался в замок, старательно обходя руины у озера. Порой он подавлял в себе желание пойти к ним, ибо его влекло туда, но едва он приближался, как начинал испытывать безотчетный, почти животный ужас. Словно чем-то веяло от этих старых камней — чем-то жутким, от чего перехватывало дыхание и леденела кровь.

Джулиан возвращался в замок, а там теперь царил преподобный Энтони, словно после сестры и в отсутствие лорда Дэвида он стал полноправным господином. Один раз, идя по коридору, Джулиан слышал, как служанка Долл говорила Ребекке Шепстон:

— Нашего пресвитера раздуло от важности, как корову от мокрого клевера.

Джулиан невольно улыбнулся. До чего же меткое сравнение! Действительно, маленький, сухонький Энтони Робсарт сейчас словно

казался выше, он вышагивал с гордо поднятой головой, для важности опираясь на посох убитой сестры, и даже стал будто дороднее: изо всех сил выпячивал живот, силясь придать себе больше солидности. Он устроил кое-какие изменения в замке: руководил перестановкой мебели, велел поменять портьеры, заставил челядь провести генеральную уборку, натереть всю мебель воском и вымыть полы. Для этого он пригнал в замок целый отряд помощников, заявив Рэйчел, что желает увеличить штат прислуги. Девушка во всем уступала желаниям дяди, то тут она осталась непреклонна. Она согласна, чтобы днем в замке находились чужие, но к вечеру требовала, чтобы посторонние покидали его пределы.

Ева ни во что не вмешивалась, она уделяла внимание лишь Карлу. Они то сидели в каком-нибудь укромном уголке, то прогуливались рука об руку по галереям замка, то уходили гулять или кататься верхом — приличия соблюдались, и они никогда не выезжали вдвоем: всегда сначала Карл, затем Ева, или наоборот. Даже непогода не останавливала их. За трапезой они вели себя не менее откровенно, особенно Ева. Она то и дело заговаривала с королем, брала его руку в свои, следила за ним поверх бокала, а он в свою очередь пил за ее здоровье. И все это на глазах удивленной Рэйчел и под гневными взглядами исподлобья преподобного Энтони. Джулиан был молчалив. Порой он, словно с изумлением, замечал, что Ева и в самом деле кажется безмерно влюбленной, а Карл так и загорался при одном взгляде на нее. Тогда Джулиану становилось горько, он садился на лошадь и уезжал на равнину под струи дождя, словно стараясь остудить свой гнев.

Но у Джулиана нашлись и другие заботы, и они оказались необыкновенно приятными. Рэйчел Робсарт. Она очень нравилась ему. Порой после ужина, когда девушка позволяла себе немного отдохнуть от дел, присаживалась с вышиванием у камина, он располагался рядом, и они вели долгие спокойные беседы. Рэйчел была девушкой разумной и начитанной, у нее на многое имелась своя точка зрения, и Джулиану было интересно с ней. К тому же она обладала удивительным достоинством и стыдливой сдержанностью, которые так красили ее. Джулиан находил ее восхитительной. Порой даже он с охотой вникал в ее дела, выслушивал ее заботы. Один раз девушка

сокрушенно пожаловалась, что пропал один из мушкетов, что украшали стену холла.

— Как это пропал? — удивился лорд.

— Это старинное пороховое оружие, дорогой фитильный мушкет из Австрии, на котором стояло клеймо мастеров Годль. Его ствол украшала серебряная насечка, а приклад отделан инкрустацией из перламутра и жемчуга. Мушкет был очень красив, наш отец любит дорогое оружие. Я точно помню, где он висел в холле: на стене, слева от одной из латных фигур у дверей. Там есть и другие мушкеты, старинные кулеврины и пистолеты с самыми современными колесцовыми курками. Поэтому я не сразу и заметила исчезновение этого мушкета.

Джулиан пожал плечами:

— Его просто убрали в другое место, и все. Вы спрашивали преподобного Энтони? Он ведь сейчас так стремится все переделать.

Девушка говорила, что справлялась у дядюшки, но тот лишь раздраженно отмахнулся. Она расспросила всех слуг. Кто-то сказал, что последний раз оружие снимали со стен, когда леди Ева три дня назад затеяла стрельбу по голубям. Поэтому она спросила и у Евы, но сестра ответила, что оружие осталось тогда у Джека Мэррота и это он должен был вернуть его на место.

Джулиан и Рэйчел умолкли, почувствовав некоторую неловкость. У Джека уже нельзя было ничего спросить. Рэйчел украдкой бросила взгляд на Джулиана. Его глаза были задумчивыми, почти отрешенными. Потом он повернулся к ней, заметил, что уже поздно, и, пожелав спокойной ночи, удалился.

Когда он уходил, Рэйчел долго глядела ему вслед. Если днем, следя за прислугой, погруженная в лихорадочные хлопоты по дому, работу на маслобойне и в кладовой, она почти не вспоминала о галантном госте, то эти вечера, когда дождь стучал в окно и тихо потрескивали поленья в камине, будили в ее душе романтические настроения. Ей нравился Джулиан, он был так красив! Однако чувствовалась в нем какая-то отстраненность, которая и пугала, и влекла к нему; он был человек из другого, незнакомого ей мира — много повидал, сражался в боях, вел совсем иную жизнь. Он в самом деле заинтересовал Рэйчел, но главное, благодаря ему она не так тосковала о Стивене. Невольно девушка сравнивала двоих мужчин,

пытаясь разобраться в своих чувствах к одному и другому. Рэйчел давно была уверена, что любит Стивена Гаррисона и хочет быть с ним, но ее всегда смущало, что, помимо возвышенных чувств, она еще и желает его столь страстно, что это порождает в ее душе стыд и муку.

С Джулианом все было иначе. В нем ощущалась некая таинственность, и это интриговало Рэйчел. Однако того физического влечения, какое она чувствовала к Стивену, он не вызывал. Он был мил и предупредителен, и ей было с ним спокойно. Возможно, потому что он так сдержан и благовоспитан. Хотя и Стивен порядочный человек, но с ним, в отличие от Джулиана, Рэйчел испытывала так шокировавшее ее желание совратить его. Видимо, оттого ее отношение к жениху сестры было таким бурным, а к Джулиану — приятным и ни к чему не ведущим. Она замечала, что нравится ему, и это приятно льстило ее самолюбию.

Днем Джулиан едва обменивался поклонами с Рэйчел. Днем он думал о другом: о короле и Еве. Джулиан понимал, что такие женщины, как эта рыжая лиса, чувствующие влечение к мужчине, сами притягивают его. Меж ними возникает особая связь. Он утешал себя тем, что, чем больше Карл утолит свой плотский голод с Евой Робсарт, тем скорее она ему прискучит. Ведь не говорил же он более о своих планах насчет брака с ней. Смущало Джулиана нечто другое. Карл выглядел не просто влюбленным — счастливым. С Евой он наслаждался близостью к природе и отсутствием церемонности. А главное, он был уверен, что она не догадывается, кто он, и его самолюбие было польщено тем, что она полюбила в нем не короля, а человека. И выбрала его, когда рядом такой красавец, как Джулиан! Лорд Грэнтэм начинал буквально кипеть от гнева, едва король со счастливым лицом говорил ему об этом. Но едва он пытался разуверить короля, тот начинал смеяться, пожимал плечами и уходил. Ох уж эта его черта характера: верить лишь в то, во что сам желаешь!

К вечеру третьего дня Джулиан попытался решить все проблемы, заведя за ужином разговор, что они, наверное, уже в тягость хозяевам, так как изрядно загостились, и им пора уезжать. Карл лишь вопросительно поднял бровь и поглядел на спутника истинно королевским взором — властно и беспрекословно. Когда Ева стала уверять, что они нужны в Сент-Прайори, в их поддержке здесь так нуждаются, король с охотой принял ее предложение остаться.

Глядя на Карла, Джулиан внутренне негодовал. Казалось, этот коронованный юнец забыл все на свете: своих сторонников и клятвы вернуть престол, все еще опасное собственное положение, когда малейшего подозрения будет достаточно, чтобы его схватили и отправили на плаху. Когда вечером Карл с насмешкой напомнил, не забыл ли лорд Грэнтэм, что именно в Сент-Прайори им надлежит ждать известий от лорда Уилмота, Джулиан промолчал, ибо уже не верил в благие намерения Карла Стюарта.

Оставалось лишь надеяться, что гонец от Уилмота прибудет со дня на день, и тогда Карлу все же придется вспомнить о возложенных на него Богом обязанностях. Но прибыл не гонец. В Сент-Прайори приехал сам лорд Дэвид Робсарт.

Это случилось в сырой ветреный полдень, когда Карл только вернулся с верховой прогулки с Евой, а Джулиан, как обычно, где-то отсутствовал. Король только сменил одежду и поправлял неказистый полотняный воротник, когда его внимание привлекло некое оживление в замке и шум. Пригладив непокорные кудри, он вышел из комнаты и, дойдя до окна в конце сводчатого прохода, выглянул во двор.

Что-то сразу подсказало ему, кто приехал. Охватившее его волнение словно заставило оцепенеть: он лишь стоял и смотрел, как к крыльцу подъезжает несколько громоздкий, но внушительный экипаж — черный, блестящий, с красными спицами колес и красной упряжью четверки темно-гнедых лошадей.

Потом дверца с ярким гербом Робсартов отворилась, откинулась ступенька и показалась нога в изящном сапоге желтой кожи с высоким каблуком. Лорд Робсарт вышел легко, почти молодцевато, даром что ему было уже за пятьдесят. Сверху из окна король видел лишь невысокого полноватого мужчину в роскошном одеянии, лицо которого скрывала широкополая шляпа с пышными завитыми перьями. Тем не менее он узнал его: он хорошо помнил элегантного, красивого лорда, перед которым когда-то стояла на коленях его надменная мать.

Во дворе поднялась суматоха. У ног лорда вертелись спаниели, прибежали поденщики, которые падали перед лордом на колени, стремясь поцеловать край плаща, прильнуть к руке в перчатке. Потом через двор пробежала Рэй-чел. Карлу показалось, что она сейчас кинется к отцу на шею, но девушка сдержалась и присела в

почтительном реверансе, подставив родителю лоб для поцелуя. Появился и преподобный Энтони. Рядом с невысоким братом он вдруг стал казаться меньше, сжался; куда и подевалась его горделивая надменность — приблизился семенящей походкой, что-то говорил. Только что оживленный лорд Робсарт замер, слушая брата, плечи его поникли. Карл почему-то понял, что Энтони поспешил сообщить ему о кончине сестры. Видимо, письменного извещения барон еще не получил.

— Чарльз!..

Король оглянулся. В сводчатом проеме коридора стояла Ева. Она медленно приблизилась, взволнованная, почти испуганная.

— Отец приехал, — вымолвила она побледневшими губами. Все еще в амазонке — в темной, по случаю траура по тете; волосы в беспорядке развились после прогулки и спутанными прядями свисали вдоль щек. Ева была в таком смятении, что в кои-то веки не удосужилась позаботиться о своей внешности. — Отец приехал, — вновь повторила она, и в голосе ее не чувствовалось ни оживления, ни радости. Скорее безысходность. — Я не знала, что он прибудет так скоро.

Она смотрела на него виновато и беспомощно. Карл вдруг почувствовал, сколь огромная пропасть разделяет их. Он — беглый король, за голову которого обещана немалая награда, и она, дочь республиканца, от воли которого зависит дальнейшая его свобода, даже жизнь. Возможно, осознав это, Карл произнес даже суше, чем хотелось бы:

— Так в чем дело, миледи? Идите встречайте его.

Она смотрела на него, словно ожидала какого-то знака, совета. Но он молчал, и Еве пришлось действовать самой. Глубоко вздохнув, она собралась с духом, взяла себя в руки и сказала уже спокойнее:

— Я думаю, не очень желательно, чтобы барон Робсарт встречался с вами. Вы ведь роялист, а у моего отца нюх на приверженцев короля. Поэтому, каковы бы ни были на данный момент политические настроения отца, лучше будет, если вы с ним не встретитесь. Скажитесь больным. Лорд Робсарт редко когда задерживается в Сент-Прайори более чем на день-два. Так что встречи можно будет избежать. Вы останетесь у себя, лорд Грэнтэм сошлется на то, что у вас что-нибудь опасное — грипп, ангина, болотная

лихорадка, — все, что угодно. А сам встретится с отцом и извинится за вас.

Теперь она говорила уверенно, твердо. И Карл, который за личиной сдержанности скрывал подлинную панику, с охотой подчинился ей. О том, что Ева старалась скрыть от отца только его, но совсем не заботилась, что Робсарт распознает роялиста в Джулиане, он тогда не подумал. Эта мысль пришла позднее, когда он уже лежал в постели, всеми силами симулируя болезнь. Но когда наконец появился лорд Грэнтэм и Карл поведал о своих сомнениях спутнику, Джулиан не обратил на слова короля ни малейшего внимания, словно знал, что так и должно было произойти. Наоборот, в кои-то веки, он восхитился сообразительностью Евы, сказав, что им следует слушать ее и лучше, если он один предстанет перед Робсартом, благо тот никогда его не видел и не сможет узнать.

— А не лучше ли нам сбежать прямо сейчас? — взволнованно спросил король. — Просто сесть на коней и уехать?

Джулиан отвернулся, пряча довольную улыбку. Что ж, хоть в минуту опасности король не особо обременял себя рассуждениями о разлуке с Евой. Но когда он повернулся, лицо ее осталось невозмутимым.

— Это лишь вызвало бы подозрения, сир. Я сам предстану пред светлые очи барона Робсарта и один буду играть роль сторонника Кромвеля. К тому же нам следует быть в замке до появления гонца от Уилмота. Ведь если Робсарт покинул Саутгемптон, Уилмоту это должно быть известно, и он ускорит события. Так что пока старательно болейте, Ваше Величество, и предоставьте все улаживать мне. Думаю, мы сможем справиться и с этой ситуацией.

Однако когда ближе к вечеру он вернулся, то уже не был настроен столь оптимистично. Поначалу все шло, как нельзя лучше: Робсарт провел много времени в часовне у могилы сестры, долго о чем-то беседовал у себя в башне с дочерьми, потом и вовсе не выходил, словно не интересовался своими гостями. Но, видимо, он послал за Стизеном Гаррисоном, тот прибыл, и именно Стивен представил Грэнтэма лорду Дэвиду. Он же поведал и о том, что Грэнтэм и Чарльз Трентон спасли его дочерей от разъяренной толпы в Уайтбридже. Черт бы побрал любезность этого «круглоголового»! Ибо теперь Робсарт

намерен навестить заболевшего Трентона и выразить ему, как и недавно Джулиану, свою беспредельную признательность.

— Видимо, нам все же придется спешно покинуть замок, — мрачно констатировал Джулиан.

— Не стоит, — ответил король, задумчиво поглаживая бородку.

Джулиан глядел на него удивленно и взволнованно, и Карл пояснил свои мысли. Лорд Дэвид Робсарт видел в последний раз его, Карла, еще совсем юнцом, мальчишкой с длинными локонами и нежными, как у девушки, щеками. Узнает ли он его теперь, когда он стал сильным рослым мужчиной, лицо которого столь изменяла борода и стриженые волосы. Ведь Элизабет Робсарт, которая встречалась с Карлом гораздо позже барона, ничего не заподозрила.

— Я в этом не уверен, — угрюмо буркнул Джулиан. — Ну да что теперь судить об этом. Дама мертва — и мир ее праху. А вот лорд Робсарт — у него цепкий взгляд воина и моряка. Он словно пронзил меня, пока на устах были любезные фразы и изъявления благодарности. Я очень опасаюсь этого человека.

Какое-то время они молчали, понимая, что попали в безвыходную ситуацию. Они не могли уехать, не вызвав этим подозрений, но и оставаться было опасно.

Легкий стук в дверь отвлек их внимание. Пришла Ева, более спокойная и уверенная в себе. На Джулиана она глянула лишь мельком и обратилась к королю. Не смущаясь присутствием постороннего, она села подле короля, почти прильнула к нему, обволакивая его ароматом духов, своим теплом и нежностью. Она говорила, что все не так уж плохо, как ей показалось вначале. Отношения отца с Кромвелем сейчас хуже некуда, отец покинул свои дела в Саутгемптоне из-за разногласий с Нолом. Так что даже если он и заподозрит, что его гость из противоположного лагеря, то не выдаст его.

— Но ваш отец может пожелать поправить свои дела, — начал Джулиан, — захочет выслужиться, проявив свою верность лорду-протектору тем, что выдаст беженцев из-под Вустера.

Ева поглядела на него потемневшими от гнева глазами:

— Сударь, слово «выслужиться» подходит к лорду Роб-сарту не более, чем к вам слово «клоунада». И речь идет не о стремлении моего отца поправить свои дела за счет заискивания перед господином Молчание, а о том, что лорд Роб-сарт не желает быть марионеткой в

его руках. Он недоволен Оливером, его ужасает положение дел в Англии, и он полностью разочарован властью парламента. Однако если вы чего-то опасаетесь…

Она заговорила о том, что будет лучше, если не Робсарт придет к мистеру Трентону, а сам гость изъявит желание спуститься к вечерней трапезе, где в обширном помещении столовой будет полутемно, ибо она позаботится, чтобы на столе не горели свечи, а освещение исходило только от камина, к которому Чарльз Трентон сядет спиной, если не хочет быть узнанным.

Ева ни единым словом не дала понять, что понимает, как опасна встреча Карла и ее отца, прошлась по самой грани, ничем не проявив, что понимает истинный смысл происходящего. Джулиана даже восхитило ее умение вести интригу. Все ведь было столь очевидно! Почему же король остается слеп? К своему огорчению, Джулиан видел, что Карл опять попал под очарование Евы, верит ей и считает ее план вполне приемлемым.

В отношении полумрака Ева сдержала обещание. В трапезной, куда они пришли к ужину, горел лишь камин. Приглушенность освещения оправдывалась трауром по смерти леди Элизабет. Все были в черном, так что офицерская, светло-песочного цвета куртка Стивена выглядела единственным светлым пятном. Они даже не сразу увидели барона, восседавшего в кресле у стены. Он поднялся поприветствовать их, и Карл поспешил встать спиной к камину, чтобы на лицо не падал свет. Держался он спокойно, негромко отвечая на выраженную благодарность Робсарта.

Поначалу, глядя на лорда Сент-Прайори, король подумал лишь о его удивительном сходстве с портретом, виденным им ранее. У него было горделивое, аристократическое лицо, немного печальное, немного надменное, может, чуть презрительное из-за капризной формы верхней губы, выглядывавшей из-под аккуратно подстриженных усов. К своему удивлению, Карл отметил, что барон Робсарт и Ева очень схожи меж собой. Портрет этого не передавал, а в воспоминаниях Карла Робсарт всплывал некоей туманной и более молодой фигурой. Теперь же перед ним был полный невысокий мужчина, но с прекрасной осанкой и отличной военной выправкой: чувствовалось, что этот человек привык повелевать. Так что даже королю не составляло труда держаться перед ним почтительно и

скромно. И еще было в нем нечто, на чем Карл заострил внимание — прическа Робсарта. Карл был удивлен тем, что барон Дэвид Робсарт, этот лорд-парламентарий, приверженец пуританина Кромвеля, так явно копировал прическу казненного короля. Как и у Карла I, его белокурые, чуть золотистые волосы были завиты высокой челкой надо лбом, слегка разделенной прямым пробором, а по бокам спускались волнистыми прядями и крупными локонами ложились на плечи. А бородка-эспаньолка меж нижней губой и подбородком была совсем как у Карла I! Да и одет он был в духе времени казненного короля. Черного бархата куртка шведского покроя с короткой талией и с широкими разрезными рукавами, отложной вандейковский воротник из тонких кружев, складчатые пышные штаны из переливающейся ткани, сапоги на высоком каблуке с широкими голенищами и квадратными носами. Во всем его облике звучала вызывающая роскошь времен кавалеров монархии. Что это? Дань моде молодости или подчеркнутое отмежевание от пуританских традиций новых времен?

Карл вздохнул спокойнее, когда позвали к столу и его разговор с Робсартом прервался. Он занял, как и предполагалось, место спиной к камину. Похоже, Робсарт ничего не заподозрил, спокойно встав у кресла во главе стола. После краткой молитвы по пресвитерианскому обычаю все приступили к трапезе. Барон ел с аппетитом, но не спеша, и Карл нашел, что ему нравятся манеры хозяина замка.

Это был странно тихий ужин, проходивший словно в неловком молчании, прерываемом одними «прошу вас», «вы очень любезны» и «не желаете ли отведать». Чувствовалось некое напряжение. Робсарт был словно не вернувшимся домой главой семьи, а важным гостем, перед которым все робеют. Ева порой внимательно поглядывала на отца. Ее место было подле Стивена, но они с женихом едва ли обмолвились парой фраз и сидели, словно чужие. Карлу показалось, что Робсарт наблюдает за ними, иногда хмурясь. Однако Стивен был единственным, к кому барон обращался за ужином, и полковник отвечал спокойно и без напряженности, один раз даже вызвав ответом улыбку лорда. Карл отметил, что Гаррисон нравится Робсарту, и почему-то ощутил грусть. Лорд Дэвид явно будет рад иметь полковника зятем.

Рэйчел казалась особенно печальной, а так как она сидела как раз напротив Карла и была освещена отблесками камина, у короля

создалось впечатление, что ее глаза даже красны, словно после слез. Неужели эта милая девушка вызвала чем-то неудовольствие отца? Или что-то в его решениях так огорчило ее? Карл вспомнил, как радостно она кинулась навстречу отцу, и, поняв, что, видно, эта встреча не принесла ей ожидаемого, даже расстроился за нее.

Энтони Робсарт был единственным, кто пытался завязать разговор. Он все не желал сдавать своих позиций и хотел продемонстрировать свое влияние в семье, но делал это не лучшим способом. Постоянно напоминая Робсарту о трагической кончине сестры, он твердил, что не стоит печалиться о смерти праведницы, ибо сказано, что праведники, умирая, лишь покидают юдоль скорби. При этом он беспрестанно цитировал текст Писания.

Робсарт порой поглядывал на него отнюдь не любезно, словно приказывая умолкнуть. Но преподобный не унимался.

— Все мы в тоске, — вздыхал он и возводил очи горе, — все, как евреи, вышедшие из Египта, бредем по суровой пустыне и терпим всевозможные бедствия и лишения, пока Богу Израиля не будет угодно указать нам землю обетованную.

Робсарт мрачно глянул на разглагольствующего брата поверх бокала:

— Вот что, братец: если тебе угодно сказать что-то конкретное, то лучше перестань говорить на еврейском и переходи на добрый английский язык.

Карл невольно улыбнулся и вдруг отметил, что ему симпатична прямота барона. Тут он поймал на себе его пристальный изучающий взгляд и даже поперхнулся от волнения. Синие, проницательные глаза лорда, казалось, пронзают его насквозь.

К десерту разговор все же оживился. По крайней мере, лорд уже не был столь замкнут. Он говорил, что прислуги в Сент-Прайори и в самом деле весьма мало и он привез с собой несколько человек, которым вполне доверяет; их следует зачислить в штат челяди. Также он подберет еще нескольких человек из местных жителей, с которыми предварительно ознакомится и обсудит их достоинства. Обращался барон в основном к дочерям и Стивену. Энтони сидел молча, нервно теребил салфетку и был явно задет, что брат столь откровенно его игнорирует. Обычный домашний разговор, где никто не спешил развлекать гостей. И все же король нет-нет да и ловил на себе взгляды

барона. Непроизвольно он стал нервничать, уронил ложку, и, забывшись, поднял ее до того, как подошел слуга. Словно ища помощи, он поглядел на Джулиана. Тот был напряжен и так бледен, что это было видно и в полумраке. Карлу стало еще более не по себе. Не выдержав, он первый поднялся, сказал, что все еще чувствует себя неважно и просит присутствующих его извинить. Он весь похолодел, когда барон задержал его:

— Одну минутку, мистер Трентон. Я бы хотел переговорить с вами.

Карл просто стоял и глядел на него. Краем глаза он заметил, что Ева тоже встала, окликнула отца, стремясь завладеть его вниманием, но говорила какие-то обрывки фраз, ничего конкретного, пока Робсарт жестом не велел ей сесть.

И тут раздался спокойный, почти властный голос Джулиана:

— Прошу прощения, милорд, но и я хотел бы к вам обратиться. Дело мое, как полагаю, достаточно важное, чтобы я рассчитывал на ваше внимание.

Он поднялся и, подойдя к Робсарту, встал, как бы невзначай, между ним и королем.

— Я прошу руки вашей младшей дочери, леди Рэйчел Робсарт.

Воцарилась тишина, стало слышно потрескивание дров в камине.

Карл даже сел на прежнее место, не сводя глаз с Джулиана. Все присутствующие тоже молчали, словно не зная, что сказать. А ведь гость не произнес ничего из ряда вон выходящего: молодой красивый мужчина просил у главы дома соизволения обручиться с его младшей дочерью.

Король взглянул на девушку. Рэйчел тоже выглядела удивленной, потом коротко вздохнула и повернулась к Стивену, словно ожидала от него чего-то. Полковник молчал и выглядел откровенно мрачным. Встретившись глазами с Рэйчел, он попытался улыбнуться, словно стараясь подбодрить ее. Но это было лишь подобие улыбки, жалкая гримаса, в которой таилось что-то вымученное, несчастное. Потом он отвернулся.

Робсарт долго глядел на стоящего перед ним молодого человека:

— Несколько неожиданно, смею заметить.

— Неожиданно лишь в связи с вашим долгим отсутствием, милорд, — как ни в чем не бывало, не повышая тона, заметил

Грэнтэм. — Я уже несколько дней живу в замке, общаюсь с Рэйчел Робсарт и могу сказать, что просто очарован ею. Леди Рэйчел девица на выданье, она свободна и находится в поре, когда девушке положено выходить замуж. Почему же я не могу стать подходящей партией для нее? Если она, конечно, не откажет мне.

Теперь все смотрели на Рэйчел. Она почувствовала это внимание, смутилась и опустила глаза. Рэйчел все еще выглядела растерянной, но Карл был готов поклясться, что она хочет улыбнуться. Когда она заговорила, голос ее звучал хоть тихо, но спокойно:

— На все будет воля моего отца.

Лорд Робсарт медленно встал.

— Все же это несколько неожиданно, — повторил он и взглянул на Джулиана. — Ваше имя, милорд, говорит, что вы человек состоятельный и хорошего рода. Однако я о вас не знаю почти ничего. Какие у вас доходы, планы, намерения? Кто ваши родители? Живы ли они и как отнесутся к этому сватовству?

— Они оба умерли, сэр. Я же достаточно взрослый человек, чтобы самому решать свою судьбу. И хочу связать ее с вашей дочерью.

— Это надо обсудить, — сказал барон.

— Согласен. Я в вашем распоряжении, сэр.

Теперь и речи не могло быть, что Робсарт отложит столь важную тему ради беседы с кем-либо другим. Он жестом пригласил лорда Джулиана в сторону, остальные вынуждены были откланяться.

Последней из покоев вышла Рэйчел, оглянувшись на сидевших у камина отца и Джулиана. Ей показалось, что отец благосклонно слушает претендента в ее супруги.

В коридоре ее обняли руки сестры.

— О, Рэч! Это так неожиданно, так чудесно! Он ведь нравится тебе, не правда ли?

Рэйчел была еще слишком поражена случившимся и лишь молча глядела на Еву. Та радостно улыбалась:

— Если быть откровенной, я скажу, что нахожу лорда Грэнтэма несколько резким и сухим. Однако и я вынуждена признать, что он очень красив. Если ты станешь миледи Грэнтэм!.. О, это звучит! Старинный род, громкое имя. Но что же ты молчишь? Уж не думаешь ли, что отец откажет? Да он просто права не имеет! Не хочет же он,

чтобы ты увяла в этом проклятом замке только из-за того, что он в свое время совершил ошибку?

Она умолкла, испугавшись собственных слов, и оглянулась на темный сводчатый проход, словно опасаясь чего-то. Постепенно ее возбужденное состояние прошло. Сестры еще какое-то время сидели рядом в полумраке не разговаривая. Потом Ева встала и, не проронив больше ни слова, ушла.

Рэйчел осталась одна. Сидя на скамье в нише глубокого окна, она вглядывалась в темноту, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Разве она и в самом деле не находила Джулиана Грэнтэма красивым, приятным, обходительным? Почему же теперь она не испытывает радости? Может, от того, что все произошло слишком неожиданно? Хоть она и видела, что нравится ему, но Джулиан ни разу не признался ей в своих чувствах, не говорил, что относится к ней столь серьезно. Может, он поступал как должно, как положено истинному джентльмену, которому прежде всего надо заручиться согласием отца избранницы, а уже потом говорить с ней. Ее порочная, чувственная натура словно ожидала, что поначалу должны быть любовь, объятия, объяснения, а уже потом разговоры о браке. Видимо, она и в самом деле грешница, жаждущая чего-то иного, чем договор и достойный союз.

Она опять вспомнила мягкое ухаживание лорда Грэнтэма, их разговоры и то взаимопонимание, что сложилось между ними. Разве это не доставляло ей удовольствия? Однако сейчас Рэйчел поймала себя на мысли, что всегда замечала: сколь бы ни был любезен с ней лорд Грэнтэм, она почему-то чувствовала, что его беспокоит нечто другое и его истинные мысли и заботы находятся где-то далеко. Не потому ли его предложение явилось для нее такой неожиданностью? А может, она просто смирилась, что ей уготована участь старой девы, затворницы Сент-Прайори, помощницы отца, может, она сжилась с мыслью, что в ее жизни не будет ничего иного? Но будет ли? Отдаст ли ее отец за Джулиана, в то время как она так необходима ему здесь, когда она единственная, с кем он может разделить груз того проклятья, которое вынужден нести сам? Разве не сказал он ей это сегодня так печально и непреклонно, что она разрыдалась от безысходности и отчаяния? Избавление пришло столь неожиданно, но согласится ли

отец? Сможет ли обойтись без нее? Не к легкомысленной же Еве ему обращаться за помощью?

Рэйчел постаралась представить, что отец, ее любящий отец, не захочет лишать ее счастья, даже если ее отъезд поставит перед ним кучу проблем. Ведь не может же он быть таким эгоистом, что бы ни говорила Мэг. Если он даст согласие… У Рэйчел дух перехватывало при мысли, как изменится ее жизнь. Тогда она покинет этот мрачный дом, уедет с красивым молодым мужчиной, который будет любить и оберегать ее, увезет далеко от всех тайн и проклятий Сент-Прайори, и там, вдали, она наконец обретет счастье, станет ему верной женой, хозяйкой в его поместье, матерью его детей… Ведь будут же у них дети, она так любит детей и хочет их иметь.

Все то, о чем Рэйчел не осмеливалась и мечтать, о чем не позволяла себе думать, вдруг представилось ей столь ясно, что она едва не рассмеялась от радости. О, теперь она почти опасалась, что отец все же откажет!

И все же где-то глубоко, у самого сердца, по-прежнему таилась боль.

— Стив, — прошептала она так тихо, что даже ее тень не услышала этого. И тут же приказала себе: «Не смей! Это не для тебя!»

В этот момент дверь наконец отворилась и появились отец и Джулиан. Сноп света из покоя осветил сидевшую в нише окна девушку. Они заметили ее, но, видимо, и ожидали встретить. Отец сделал ей знак, и она приблизилась.

— Итак, Рэйчел, я нашел предложение лорда Грэнтэма весьма достойным и приемлемым. Однако я не сказал окончательного слова, ибо не хочу пренебрегать твоим желанием.

Они оба смотрели на нее, оба такие спокойные, сдержанные. Ни пылкости жениха в Джулиане, ни волнения у ее отца. Полнейшее самообладание. А сердце девушки так билось и трепетало! Решалась ее судьба!..

— Я жду, что ты скажешь, Рэйчел, — произнес отец. — Я не хочу неволить тебя.

Итак, он не сделал ее жертвой своих ошибок и отцовской власти. Он отпускает ее!

До Рэйчел наконец дошло, что она свободна.

— Я согласна, — почти выдохнула она, даже не замечая, как счастливо улыбается.

В лице Робсарта что-то дрогнуло.

— Да снизойдет на тебя благодать Господня, девочка моя.

Он обнял ее, поцеловал в лоб и заморгал, словно удерживая слезы. А потом вложил ее руку в ладонь Джулиана.

— Что ж, отныне вы жених и невеста. Свадьба состоится сразу по окончании траура по несчастной Элизабет. Думаю, мы сыграем сразу две свадьбы — вашу и Евы со Стивеном Гаррисоном.

У Рэйчел что-то кольнуло в груди при его последних словах, но она не стала об этом думать. Отец ушел. Они остались одни. Джулиан улыбнулся ей, и она ответила ему улыбкой.

Потом он проводил ее до дверей комнаты. Они шли молча, и у Рэйчел опять сложилось впечатление, что мысли Джулиана где-то далеко. Словно и не было той духовной близости, которая сложилась, когда они раньше просто беседовали у камина.

У дверей они остановились. Рэйчел почувствовала, что жених смотрит на нее в темноте. Она даже различила его улыбку. Сердце вдруг запрыгало у нее в груди — она ждала, не поцелует ли он ее сейчас как невесту. О, она так хотела этого и даже чуть качнулась к нему. Но он лишь на какое-то мгновение поднял руку к ее лицу и слегка коснулся щеки. Потом пожелал доброй ночи и ушел.

Девушка вздохнула. Что ж, не стоит огорчаться. У них все впереди.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Было полнолуние. Карл стоял у окна, не сводя глаз с огромного диска ночного светила, всплывавшего над деревьями. Свет луны отражался в темных глазах короля, заставляя их сверкать белыми холодными искрами. Лицо Карла словно окаменело, однако в душе полыхал настоящий пожар Холодный пожар, сродни лунному, трезвость мыслей Карла была обострена настоящей паникой. Он понял, что Робсарт узнал его, и теперь размышлял, чем это может для него обернуться.

Карл понимал, что неожиданное сватовство Джулиана к младшей дочери барона, по сути, явилось лишь кратковременной отсрочкой его разоблачения. Что теперь? Опять бегство, опасности, непредсказуемость? Карл представил, что произойдет, если они этой же ночью покинут Сент-Прайори. Его исчезновение, а особенно исчезновение жениха Рэйчел, может только обозлить Робсарта. Как он отнесется к этому? Если воспримет как оскорбление, то вполне может организовать погоню. Он приобщит к этому Стивена Гаррисона, и они устроят на них в Хемпшире настоящую облаву, не говоря уже о том, что властям станет известно, где скрывается Карл Стюарт, и они стянут сюда свежие силы. Кроме того, усилится охрана всех южных портов, а с этим исчезнет надежда в ближайшее время покинуть Англию.

У Карла мелькнула еще одна мысль. О Еве. Король понимал, что сколь бы ни была неприятна разлука с возлюбленной, но Ева не пропадет. Она сильная женщина, несмотря на всю впечатлительность и кажущуюся ранимость. К тому же, она помолвленная невеста Гаррисона и Карл не имеет на нее никаких прав. Король подумал, что даже Рэйчел после сватовства, а затем поспешного бегства жениха придется хуже. Но как бы ему ни было жаль обеих дочерей Робсарта, сейчас, когда вопрос встал о его жизни и свободе, не следует предаваться глупым сантиментам. Ибо, что бы ни подозревал в отношении Карла Джулиан, Карл всегда помнил, кто он и что являет собой для сторонников монархии. Поэтому он не имеет права думать о личных переживаниях. Если только… Карл вздохнул. Если, конечно, его личные интересы не совпадут с его политическими планами.

Тогда он стал думать о Робсарте. Где-то в глубине души у короля жило почти интуитивное предчувствие, что барон не выдаст его. Поначалу оно основывалось лишь на том, как спокойно вел себя Робсарт, не проявив ни малейшего волнения при его особе. Если барон и был удивлен, распознав в госте беглого короля, то никак не выдал своих чувств. Он не был похож на человека, готового арестовать августейшего гостя. Да и какая ему в том корысть? Робсарт достаточно состоятелен, чтобы не польститься на денежную награду в тысячу фунтов, какая могла бы привлечь кого-либо ниже по рангу. К тому же барон не мог не отдавать себе отчета в том, что, передай он в руки республиканцев сына казненного монарха — и доступ в круг английской аристократии будет для него навсегда закрыт. Он станет изгоем среди равных себе. Ведь даже лорд Ферфакс, сражавшийся с Карлом I, в свое время решительно выступал против казни короля, и, как знал Карл, помог скрыться от властей некоторым роялистам. Имя Робсарта запятнано тем, что перед казнью он единственный из английских лордов не воспротивился вынесению смертного приговора королю. Захочет ли он окончательно опорочить себя, передав в руки убийц Карла I его сына?

Карл снова и снова анализировал поведение Робсарта во время их встречи за ужином, его внимательные взгляды, легкое удивление и печаль на лице. И опять в нем рождалось чувство, что барон его не выдаст. Вместе с интуицией об этом свидетельствовали и факты, которые он узнал о Робсарте. Лорд Дэвид спас во время разгрома при Нэйсби короля Карла I и сделал это в ущерб своей карьере, почти с риском для жизни. Более того, когда дело Карла I уже считалось проигранным и парламентарии торжествовали, он оставил службу у них. Его работа в Вест-Индской компании, кроме того, что служила на благо Англии, позволяла Робсарту держаться в стороне от пришедших к власти убийц короля. Да и недавние слова Евы о том, что ее отец недоволен положением дел в стране и не в ладах с Кромвелем, не были похожи на вымысел. Но было еще нечто, что говорило в пользу того, что Робсарт не выдаст короля. Во-первых, Карл был гостем Сент-Прайори, и, как лорд и джентльмен, Робсарт не мог пойти против своей чести, предав его. А во-вторых, мистер Трентон был не просто гостем, он был спасителем дочерей барона. И Робсарт оставался у него в долгу.

Карл отвернулся от окна. В камине тихо потрескивали поленья, но после слепящего света луны Карлу показалось, что в комнате на редкость темно. Он едва не налетел на кресло у камина и выругался сквозь зубы. Он был очень напряжен, да и Джулиан что-то слишком задерживался. Карл вдруг решил, что не станет его ожидать, а сам пойдет к Робсарту и все выяснит. Пожалуй, Джулиан этого не одобрил бы, но Карлу было уж слишком тяжело. Он хотел разрубить узел сомнений и противоречий, выяснить все раз и навсегда, К тому же у него появился план. Он знал, что предложить Робсарту.

Однако когда он коснулся дверной рукояти, нечто его остановило. Он замер, прислушиваясь, и кровь словно заледенела в его жилах. Крик. Истошный вопль доносился со стороны парка. Долгий, протяжный, перешедший в пронзительный вой и закончившийся резкими прерывистыми звуками, отдаленно напоминающими не то лай, не то смех, жуткий, безрадостный смех.

Карл замер. Через минуту-другую он заметил, что дрожит. Он помнил, что уже слышал это в ночь, когда они с Рэйчел заметили призрак черного монаха. Рэйчел тогда уверяла, что этот звук издают собаки. Потом кто-то сказал, что так кричит какая-то птица. Сейчас Карл был готов дать руку на отсечение, что это кричал человек. Сколько мрачного торжества звучало в этом вопле!..

Королю понадобилось немало самообладания, чтобы взять себя в руки. Он стоял, прислушиваясь, однако все было тихо. Гнетущая, мрачная тишина Сент-Прайори словно давила на плечи. Карл заставил себя взбодриться. В конце концов, он уже давно понял, что с этим домом не все ладно, и пора привыкнуть к этому. Главное сейчас — уладить все с Робсартом.

Как король ни стремился отвлечься, он был слишком напряжен и, когда вышел из комнаты и различил в темном проходе звук шагов, невольно отпрянул прочь, заскочил в глубокую оконную нишу и затаился. Вскоре на фоне светившегося лунным светом окна он различил силуэт рослого мужчины и узнал Джулиана. В первый миг Карл хотел выйти к нему, но потом передумал. Конечно, ему было любопытно узнать, чем кончилась встреча Грэнтэма с бароном, но он также понимал, что Джулиан сделает все, чтобы не допустить встречи с хозяином замка самого короля. А Карл не мог поделиться с Джулианом, какой у него был план в отношении барона, поэтому он

лишь молча наблюдал из своего укрытия, видел, как Грэнтэм поначалу постучал к нему, потом, не дождавшись ответа, приоткрыл дверь, и лишь когда убедился, что короля нет в комнате, пошел к себе. Медленно, весь погруженный в свои мысли. Карл невольно улыбнулся. Пожалуй, он знал, о чем думает его спутник: мистер Трентон, как всегда, у Евы Робсарт. Поэтому-то он так и сник, и Карл даже различил его сокрушенный вздох, слившийся с легким стуком двери о косяк.

Да, хорошо, что Карл не встретился с Джулианом. Он уже давно научился спрашивать совета у себя самого и не желал, чтобы та непринужденность, которая возникла между ними в пути, позволила Джулиану расспрашивать короля или пытаться удержать его.

Когда Карл один зашагал по темным переходам замка, ему вновь стало не по себе. Давешний крик все не шел у него из головы, да и сама атмосфера в замке, эти темные покои, сводчатые переходы, узкие лестницы наводили на неприятные мысли. Подумать только, а ведь еще недавно, спеша на свидание с Евой, он даже не думал об этом.

В передней перед покоями барона горел настенный факел, однако, вопреки ожиданию короля, здесь не было ни дежурного лакея, ни пажа. Безусловно, челяди в замке маловато, но лорд Дэвид мог бы окружить себя хоть маломальской свитой.

Карл еще никогда не был в башне, где обитал барон, и сейчас чувствовал себя здесь чужаком, вторгшимся на запретную территорию. Но все же он был королем и мог позволить себе нарушить установленные в замке правила. Поэтому он решительно постучал. Поначалу было тихо, даже когда Карл повторил стук и окликнул лорда Робсарта. Ответа по-прежнему не было, лишь где-то наверху тявкал один из спаниелей. Этот звук заставил короля повести себя решительнее, и он вошел. Узкая лестница была покрыта ковром. Карл беззвучно поднялся и у очередной двери снова постучал. Вновь безуспешно, если не считать, что собака лаяла теперь прямо под дверью. Где же хозяин? Карл какое-то время колебался и даже подумал, не следует ли ему вернуться. Потом мысль, что барон, возможно, уже сообщает Гаррисону, кто его гость, заставила Карла войти. В конце концов, если поднимется суматоха, покои Робсарта будут последним местом, где станут искать короля.

Маленький спаниель теперь радостно повизгивал, узнав гостя, ластился, забавно прыгал на задних лапках, дергая передними. Карл

невольно улыбнулся и, подхватив пса, огляделся, отстраняя пытающегося облизать его спаниеля.

Он, похоже, попал в кабинет барона. Прямо перед ним возле разожженного камина стоял письменный стол красного дерева с вызолоченными углами, на котором лежала стопка чистой бумаги, письменные принадлежности, чеканная пепельница с курительной трубкой. Рядом стоял большой глобус на деревянной подставке. В полумраке покоя под выгнутым сводом выступала крестовина тяжелых балок. шкафы и бюро у стен были украшены затейливой резьбой, кресла обиты темным бархатом в тон длинным портьерам на окне и в дверных проемах. Пол был устлан тканными брюссельскими коврами. Вся обстановка свидетельствовала о богатстве, но тем не менее создавалось впечатление строгой умеренности, а не нарочитой роскоши. Карл вспомнил, что Робсарт, несмотря на внешний лоск и манеру одеваться как кавалер, был человеком строгих правил, даже склонным к пуританству. Но где же он сам?

Опустив спаниеля, Карл прошел к противоположной двери и, откинув занавес, толкнул ее. Каменная лестница вела наверх в опочивальню. Карл не решился подняться, лишь позвал. Опять тишина. Робсарта не было в башне, и тем не менее что-то подсказывало королю, что недавно он был здесь. Вскоре он понял, что навело его на эту мысль. В покоях пахло курительным табаком, а трубка на столе еще испускала дым. Видимо, барон оставил ее, так и не докурив. Все эти господа, связанные с колониями, заядлые курильщики, и Робсарт не исключение. Но что же отвлекло его от излюбленного занятия? Карлу показалось, что он догадывается, в чем дело. Вовсе не в его августейшей особе. Тот крик. Барон ушел, едва заслышав его. Он хозяин замка, посвященный во все его тайны, пошел узнать, в чем дело, и отдать распоряжения.

Вскоре Карл заметил еще кое-что. Каменные стены покоя в человеческий рост были обшиты панелями черного дуба, искусно расчлененными на прямоугольники. Возле одного из таких прямоугольников и крутился спаниель, тыкался в него носом, поскуливая, и даже скреб лапкой. Карл понял, что там есть ход. Подойдя, он слегка надавил на панель. Она подалась, открыв за собой ведущую куда-то лестницу. Тайны Сент-Прайори… Взяв с каменной полки свечу, король посветил. Узкий сводчатый проход, соединяясь с

еще одним, уводил куда-то вниз, во мрак. Карл какое-то время глядел на него. Любопытство побуждало его пойти, но чувство благородства и воспитания заставляли остаться на месте. Он бьы здесь гостем и не имел права вмешиваться в то, что его не касалось. Поэтому он поставил панель на место и, подхватив спаниеля, вышел. Если ему и следовало подождать Робсарта, то все же не стоило указывать, что он в чем-то его подозревает. Поэтому он спустился в прихожую и, сев на скамью у стены, погрузился в раздумье.

Ждать пришлось не очень долго. Спаниель первый учуял появление хозяина, завозился и, соскочив с коленей короля, стал скулить под дверью. Тогда Карл вторично постучал. На этот раз Робсарт сам открыл ему дверь:

— Вы?

Он жестом предложил гостю войти. Барон выглядел мрачным и словно постаревшим. Держа в руках подсвечник, он провел гостя в кабинет. Карл молча сел на указанное кресло, наблюдая, как лорд выбил трубку, вновь наполнил ее табаком и прикурил от уголька в камине, с явным удовольствием выпуская изо рта несколько голубых колец. Если он и знал, кто его вечерний посетитель, то никак не проявил этого. Вообще у Карла создалось впечатление, что мысли барона где-то далеко.

— Вы уже чувствуете себя лучше? — наконец спросил Робсарт, поворачиваясь.

— Я не был болен, — спокойно констатировал Карл.

— Что ж, это отрадно.

Теперь барон смотрел на короля. В его глазах светился ум, аскетичный и суровый.

— Я слушаю вас.

Карл, несмотря на всю свою решимость, замялся, не зная, с чего начать.

— Я недавно слышал странный крик.

— И что же? — сразу встрепенулся Робсарт. Карл увидел, как он нервно сжал в руке трубку. Алым отсветом сверкнул рубин на его безымянном пальце. Карл вспомнил рассказ Евы, что этот рубин подарил Робсарту его отец после битвы при Нэйсби. Он узнал этот перстень с овальным камнем на руке отца. И вот он у Робсарта. В знак их примирения — так сказала Ева.

На душе короля немного потеплело. Он понял, что, если хочет добиться расположения этого лорда-республиканца, ему не следует намекать, что он в чем-то подозревает его, вмешивается в их семейные тайны. Поэтому он заговорил о другом. Сославшись, что давно был отрезан от событий в Лондоне и плохо знает расстановку сил в стране, он попросил сэра Дэвида просветить его. Карл ожидал реакции. Удивит ли Робсарта столь неожиданная просьба гостя, да еще в столь неурочный час? Проявит ли он недоумение или, наоборот, выдаст себя? Но Робсарт лишь раскурил трубку и стал спокойно рассказывать: Кромвель сейчас полноправный хозяин в Англии, парламент подле него ничто, даже петиции в Вестминстере поступают не в палату общин, а на имя Кромвеля. Кромвель чувствует свои силы и беззастенчиво заявляет, что, будь он лет на десять моложе, не осталось бы в Европе короля, которого он не заставил бы дрожать. И в этих словах есть горькая истина. Как бы Европа ни ужасалась деяниям кровавого Нола, теперь она заискивает перед ним и ищет мира. Многие государства уже прислали к нему своих представителей: Германия, Венеция, Генуя, короли датский, португальский, а шведская королева Христина даже подарила свой портрет в знак особой дружбы. Только русский царь Алексей не пожелал признать республику убийц короля. Что же до Франции и Голландии…

— О Боже! — невольно вырвалось у короля.

Робсарт, словно не заметив этого, спокойно продолжил:

— Эти страны пока придерживаются нейтралитета. Но вот что удивительно — одной из первых власть лорда-протектора, пуританина и убийцы монарха, признала католическая Испания.

— Не может быть! — только и выдохнул король. — Нет, они не могли…

— Не стоит отчаиваться, сир. Политика — вещь изменчивая. Сегодня все за Кромвеля, завтра же…

— Вы обратились ко мне сир? — быстро перебил король.

Робсарт на миг исчез в облаке дыма. Потом Карл увидел его прямой, острый взгляд.

— А вы не заметили? Я стою перед вами, когда вы сидите. Стою с непокрытой головой. И если я не спешу припасть к руке моего короля, то лишь потому, что еще не получил на это соизволения.

Карл был напряжен, как натянутая тетива.

— А если я вам позволю?

Робсарт молча положил трубку на стол, приблизился к Карлу. Но когда он хотел преклонить колена, король удержал его:

— Не стоит. Я в вашей власти. А вы лорд-республиканец.

— Я никогда не был им. — Это было сказано твердо.

— И вы не выдадите меня?

Барон горестно вздохнул:

— Я сражался на стороне парламента, это правда. У меня были сомнения насчет злоупотребления властью вашим отцом. Видите, я откровенен с вами. И также откровенно скажу, что пошел на войну, движимый не столько государственными помыслами, сколько мелким личным чувством, а точнее — местью. В этом была моя вина, за которую я и ныне несу наказание, ибо теперь я полностью во власти Кромвеля. Есть нечто, известное лорду-протектору, что накрепко приковало меня к нему. По сути, я его пленник. Ваш отец тоже знал мою тайну, но он был человек благородный — да покоится душа его в мире. Оливер же…

Он умолк, и Карл вдруг увидел выражение неприкрытой ненависти, вмиг изменившее обычно отчужденно-холодное лицо барона. В следующий миг тот уже взял себя в руки, не определенно взмахнул рукой и вновь отошел к камину.

— Вы странный человек, лорд Дэвид, — негромко произнес Карл. — Из мести вы пошли сражаться против Стюартов, теперь ненавидите Кромвеля. Сколько же желчи храните вы в себе?

Барон глядел на огонь:

— Моя ненависть — моя боль.

Карл невольно поежился. Сейчас от Робсарта словно веяло чем-то тяжелым, мрачным… Как своды его замка.

— Моя мать когда-то стояла перед вами на коленях, — сухо заметил Карл. — Она и потом просила за вас. Она относится к вам неимоверно мягко. Мой отец тоже просил о вас. Вы же толкуете о мести.

Брови Робсарта сошлись к переносице, резкие складки обозначились у крыльев носа, он чуть скривил рот. Когда он глянул на короля, то показался ему сразу постаревшим Но глаза его, отражавшие красный свет камина, сверкнули по-волчьи.

— Я простил ваших родителей, сир, хотя они и навлекли на меня величайшее несчастье. Сначала ваша матушка, по своей прихоти, потом ваш отец, так как поддерживал ее. Они вынудили меня жениться.

Карл едва не фыркнул. Это ли причина для ненависти?

— Вы могли отказаться.

— Не мог. Дама была беременна, и Стюарты приняли ее сторону, проявили свою власть. Я ведь скомпрометировал себя тем, что поддерживал ирландцев. В то время, когда в Ирландии вспыхнул мятеж, моя поддержка им была равносильна государственной измене. Они обещали замять дело, если я женюсь на фрейлине ее величества.

— На Шарлоте де Бомануар, — догадался король. — Я слышал, это был неудачный брак. Но раз дама была в положении… По-моему, мои родители лишь требовали справедливости.

Робсарт молчал. Потом медленно обошел стол и чуть толкнул глобус. Очертания Англии медленно выплыли из-под его руки.

— Что привело вас ко мне? — не глядя на короля, произнес он. — Если вы волнуетесь, что я донесу на вас, можете быть спокойны. Я вынужден служить Кромвелю, но это не означает, что я предам в его руки сына короля-мученика. Вас это привело ко мне?

Карл встал, подошел. Теперь они стояли совсем близко — Робсарт с погасшей трубкой в руке и молодой король. Меж ними была лишь модель сферы земли. Карл поглядел на изображение Атлантического океана прямо перед собой. Океана, который бороздил флот Робсарта. Огромный флот.

В темных глазах короля зажглись искры.

— Да, мне нужно было убедиться, что вы не враг. Более того, я хотел сделать вас своим другом.

Робсарт чуть пожал плечами:

— Я связан с Кромвелем.

— Так порвите с ним. Служите мне.

Робсарт удрученно молчал. Карл ощутил нетерпение.

— Вы говорили, что политика — вещь изменчивая. Да, Европа сейчас признала силу Оливера Кромвеля. Но надолго ли? Что такое Оливер? Сколько времени этот узурпатор продержится у власти? Я же имею право на сочувствие и помощь при иностранных дворах уже по праву рождения. И рано или поздно — верю — я верну себе трон. Мне

даже предрекли это, как и другое, — что я уже встретил свою судьбу. Я не легковерен и не сентиментален. Но сейчас положение особое. Я знаю, кто моя судьба!.. Ваша дочь Ева. Поэтому я прошу у вас ее руки.

Робсарт выронил трубку и широко открытыми глазами смотрел на короля.

— Ева уже помолвлена, — наконец, словно с трудом, произнес он.

— Разве я не более предпочтительная кандидатура в глазах аристократа Робсарта, нежели сквайр Гаррисон? Сама то Ева уже сделала свой выбор. И только дочерняя почти тельность удерживает ее от того, чтобы не попросить ва расторгнуть эту помолвку.

Робсарт все еще пребывал в смятении, глядя на короле. Коротко остриженные кудри Карла придавали ему сходство с «круглоголовыми». Но эти искрящиеся выразительные глаза были глазами кавалера и вполне соответствовали его обаятельному, хоть и некрасивому лицу. Робсарт подумал, что эта выразительная внешность вполне могла расположить к мистеру Трентону его влюбчивую дочь. Но знает ли она, кто их гость? Он спросил короля, был ли у того с Евой разговор о том, кто он. Карл отрицательно покачал головой, немного подумал и твердо ответил:

— Ваша дочь, милорд, ничего не знает. И этим мила мне.

Робсарт словно сомневался.

— Она догадывается, что вы хотите просить ее руки?

— Нет.

Барон задумчиво покусывал мундштук трубки.

— Ева уже невеста. И помолвка с Гаррисоном состоялась с ее согласия. Конечно, она неглупа и могла понять, что этот союз не принесет им обоим счастья. Она вполне могла увлечься вами, могла быть мила и кокетлива, не зная, что играет с огнем, хотя и не имеет на это права. И потому, что обручена с другим, и потому… — Он глубоко вздохнул. — Свет не поощряет подобные альянсы.

Карл грустно рассмеялся:

— Пусть сначала свет признает во мне короля. Пока я лишь изгнанник, которым играет судьба. Я тот, кто выбился из общего шага с окружающим миром. Я плыву, куда меня несет ветер. И разве он не может занести меня в тихую гавань под названием супружество?

— Ваше Величество, — наконец выговорил титул короля Робсарт. — Вы не должны говорить о себе так. Вы помазанник Божий,

вы — король, с короной ли или без нее, безразлично. И должны быть выше того, что судьба предоставляет простым смертным. Вы всегда обязаны думать лишь о своем титуле, и это будет вашей силой и добродетелью.

Карл печально улыбнулся:

— В моем характере, сэр Дэвид, есть много хорошего. Но вот силы и добродетели, увы, нет!

Что-то в его тоне заставило Робсарта насторожиться. Он внимательно поглядел на короля.

— Уж не хотите ли вы сказать, что вы и Ева…

Королю показалось забавным его смущение.

— Я взрослый мужчина, сэр, а ваша дочь уже не невинная девушка. Однако я люблю ее. Пусть я и помазанник Божий, но сердце у меня живое, и кровь такая же теплая, как у обычных смертных. А что до соображений морали… Что ж, сейчас в Англии пуритане считают, что тащить женщину в постель — смертный грех, но по мне нет греха, если она сама не против.

Это было сказано сухо, с известной долей цинизма. Карл понимал, что Робсарт знает, что представляет собой его старшая дочь, и хотел расставить все точки над «и». Он не давал барону опомниться.

— Если, как вы сказали, у Кромвеля есть, чем придавить вас, то родство со Стюартами освободит вас от этой зависимости.

Робсарт закрыл глаза.

— Вы не понимаете, о чем говорите, сир, — устало произнес он.

— Наоборот. Понимаю, и очень хорошо. Мне кажется, вы дали согласие на брак с моим лордом для своей младшей дочери, и я не понимаю, почему противитесь союзу старшей со Стюартом. Надеюсь, дело здесь не в вашей благосклонности к полковнику Гаррисону? Ибо вы человек не сентиментальный и понимаете, какие выгоды несет вам родство с королем. Даже с королем-изгнанником. Черт побери, я и упрашиваю вас не как монарх, а как простой смертный. Смешно, право! — Карл откровенно громко расхохотался.

Робсарт вздрогнул от этого молодого задорного смеха. Плечи его по-прежнему были опущены, но вот взгляд, устремленный на глобус, постепенно прояснился.

— Корабли, — произнес он и бросил на Карла проницательный взгляд. — Вас интересует сформированный мною флот. Флот, который

станет приданым моей дочери.

— И отличным приданым, — отметил король.

Он понял, что не стоит таиться. Более того, мысль о флоте уравнивала изгнанника-монарха и адмирала Робсар-та. Это словно оживило барона. Он сразу приободрился, выпрямился, даже тон его голоса изменился. Теперь они говорили о том, что так интересовало Карла Стюарта, — сколько у Робсарта торговых кораблей и сколько военных, каково количество людей на них, кто предан республике и сколько колеблющихся, в каких гаванях можно расположить суда и где набрать на них преданных монархии людей.

Карл видел, насколько опытен в этом вопросе Робсарт, и понимал, как он может быть ему полезен; обсуждал с ним возможности связи с преданными роялистами и сторонниками на континенте. Робсарт явно воспрял духом. Он уже начал понимать, какие выгоды сулит ему предложение короля, глаза его загорелись. Воистину фортуна, соединившая их, преподнесла обоим неожиданный подарок. Они говорили лишь о делах, не возвращаясь более к вопросу об обручении Карла с Евой. Это казалось само по себе делом решенным. Под конец Робсарт даже открыл буфет, где у него была припасена бутылочка сладкой мадеры. Они чокнулись.

— За моего будущего тестя! — белозубо улыбнулся Карл, придавая своим обаянием весомость и без того лестной фразе.

И Робсарт не смог уже не ответить улыбкой, впервые за все время.

— Да благословит Господь наши начинания, — ответил он.

Карл отказался от того, чтобы хозяин проводил его. Он шел от него по коридору, едва ли не насвистывая. Даже мрак замка словно отступил, так легко было у него на душе. Ему ничего не угрожало, он заполучил сильного союзника м любимую женщину. Тем не менее, когда в темноте он едва не налетел на поджидавшего его в проходе Джулиана, Карл невольно вскрикнул:

— Рази тебя гром, милорд! Ты напугал меня.

Джулиан поклонился:

— Простите, сир. Но я волновался за вас. Где вы были?

По сути, Джулиан не имел права задавать подобный вопрос своему королю. Но Карл сейчас и не подумал об этом. Он прямо-таки выпалил:

— У Робсарта!

Джулиан молчал, во мраке Карл не мог различить выражение его лица. Наконец Грэнтэм вздохнул:

— Я почему-то догадывался. Сир, вы не должны были этого делать. Это опасно.

— Было бы опасно, — заметил Карл, — если бы я не пошел к нему. А так… Если не ошибаюсь, барон дал согласие на твое сватовство к Рэйчел. Что ж, если Гаррисону не удастся увести ее у тебя и ты все же женишься на ней, то мы вскоре породнимся — я попросил у барона руки Евы. Если тот же Гаррисон не помешает мне. Надеюсь, Робсарт теперь поспешит расторгнуть ту помолвку, чтобы породниться со своим королем.

— Сир, вы что…

— Да, я признался ему, кто я. Хотя он еще раньше все понял.

— Сир, я не о том. Я имею в виду, что вы не имели права свататься к леди Еве.

Карл не желал, чтобы слова Джулиана, эта ложка дегтя в бочке меда, таящая горький привкус рассудительности и здравомыслия, разрушили то радужное настроение, в каком он находился, поэтому он тут же стал объяснять Джулиану выгоды, которые несет ему этот союз, но тот был непреклонен.

— Все это время я наблюдал за вами и за Евой, сир. И видел, как эта рыжая лиса искушала вас, словно грешная жена Иова. Но я надеялся, что ваш разум и чувство долга позволят вам, несмотря на все невзгоды, не забывать, что прежде всего вы Карл II Стюарт и что вы не пойдете далее удовлетворения плотских желаний. Брак вы должны заключить с женщиной, достойной вас.

— Вспомни, Джулиан, — резко прервал король, — что сейчас я всего лишь изгнанник. И ни одна особа монарших кровей не желает связывать со мной судьбу. Разве моя мать, живя во Франции, не получила отказ, когда сватала для меня кузину Людовика XIV мадемуазель Монпансье, богатейшую наследницу Европы? А отказ, который я получил от принцессы Луизы Оранской? А история с Генриеттой Голландской, в руке которой мне также было отказано? Так почему же после всех этих неудач неприкаянный беглец, вроде меня, не может сочетаться браком с той, которая мила?..

— …чтобы окончательно не доказать вашим врагам, как низко вы пали, — закончил фразу за короля лорд Грэнтэм. — Да, возможно,

пока вам сопутствуют неудачи, вы не сможете подобрать себе достойную супругу. В таком случае вам вообще пока не стоит спешить с женитьбой. Вы всегда должны помнить, что ваш трон рано или поздно вернется к вам, и ваши дети должны быть достойны его. Они должны быть принцами крови, а не полукровками от недостойного брака.

— Вот-вот, дети! — вдруг вскипятился Карл, и Джулиану даже пришлось сделать предостерегающий жест, чтобы тот говорил тише. Но если король и понизил тон, то говорил с прежней горячностью. — Да, дети — продолжение рода. Мне ведь предрекли, что я уже нашел свою судьбу, и если я не пойду по ней, то мой род зачахнет. Так почему бы мне не поспешить с законным браком, не жениться на крепкой, здоровой женщине, которая нарожает мне сыновей, а не ждать призрачной невесты, изнеженной, слабой особы, которая не сможет понести от меня?

— Сир, вы не должны так думать, — едва сдерживая раздражение, спокойно возразил Джулиан. Он старался говорить не осуждающим тоном, а как можно дружелюбнее и тем не менее настойчиво. — Нельзя забывать, что брак с Евой Робсарт опорочит вас. Он может поколебать верность вам тех солидных и осторожных людей роялистской партии, которые поддерживают вашу борьбу. Станут ли они рисковать своей жизнью и состоянием, чтобы возвести на трон человека, не способного управлять даже своими страстями? И что скажут ваши наставники маркиз Хартфордский, сэр Николас и сэр Хайд о таком опрометчивом и безумном поступке, как союз с девицей столь запятнанной репутации, как леди Ева, которая была то шлюхой Руперта, то девкой Кромвеля, то…

— Замолчи, Джулиан! — строго произнес Карл. — Когда я окажусь на континенте, то только и буду делать, что выслушивать нотации моего канцлера Хайда и остальных. А пока я собираюсь поступить, как считаю нужным. Мне нужен Робсарт, нужен сильный флот, и, в конце концов, мне нужна Ева. Кроме того, чтобы не отвратить от себя сторонников, я вполне могу держать свой брак в тайне. В истории Англии уже случалось подобное. Вспомни Эдуарда IV Йорка с его тайной женитьбой на Элизабет Вудвиль. Он отстоял свое право на любовь, а леди Вудвиль была ему прекрасной женой и

королевой и родила крепких здоровых детей, потомком которых являюсь и я.

— Вы выбрали неудачный пример, сир, — констатировал Джулиан. — Именно из-за подобного супружеского альянса гордый лорд-протектор Ричард Глостер смог объявить детей Эдуарда Йоркского бастардами и занять трон. И если нынешний лорд-протектор Кромвель узнает о вашем неравном браке… Сир, вы не можете давать ему в руки такой козырь!

Карл резко отвернулся, плечи его поникли. Всего час назад он думал, что взвесил все «за» и «против», когда пошел на разговор с Робсартом. Но эти доводы Джулиана, его неторопливая, почти задушевная манера убеждать!.. Проклятье! Он уже давно пришел к выводу, что чужое мнение не должно влиять на его решения и нужно прислушиваться только к себе самому. А внутренний голос ему говорил, что убежденность Джулиана о недопустимости такого альянса скорее основана на его чисто французской сословной ограниченности, чем на трезвом убеждении. Ни разу, к каким бы аргументам ни прибегал лорд Грэнтэм, он не обмолвился о том, что союз короля с Робсартами имеет столь внушительную выгоду, как флот Вест-Индской компании! Разве сторонники короля на континенте не учтут этого? Особенно если брак и в самом деле какое-то время держать в тайне. Король сцепил зубы. Слова Джулиана давили на него, но собственное мнение оставалось незыблемым.

Джулиан иначе истолковал молчание Карла Стюарта. Он даже воодушевился:

— О, сир, мое единственное желание — служить вам. Прошу вас, не давайте Кромвелю повода опорочить вас — такой удачный шанс в борьбе с вами. Идите другим, достойным путем. И учтите, как бы ни нравилась вам леди Ева, вы не должны забывать: то, что прилично для обычного смертного, может очернить короля.

Карл молчал. Джулиан же был красноречив — ему во что бы то ни стало следовало отговорить короля.

— Сир, если весть о вашем недостойном браке разлетится, от вас отвернутся соратники, а иноземные дворы станут смеяться над вами…

— Если, если, если!.. — почти простонал Карл. — Сколько таких если было в моей жизни. Почему я должен полагаться на такое вот если, а не поступать, как мне кажется, должно? Я устал, как я устал…

Порой мне просто хочется человеческой жизни, хочется отказаться от всего…

Джулиан промолчал, но словно отдалился от Карла. Король по-прежнему не видел его лица, но и не думал о нем. Он понимал, что проявил при спутнике непростительную слабость, что он не должен был говорить этих слов, вырвавшихся у него в минуту отчаяния. К тому же он никогда не позволял себе забыть о своем звании, о Божественном предназначении быть королем и добиваться престола. Он тут же отбросил сказанное. Карл думал лишь о том, что ему хочется и соединить свою судьбу с Евой, и добиться трона.

— Ева… — начал он, но Джулиан перебил его:

— Ева Робсарт недостойна вас, сир.

Это было сказано сухо и твердо. Карл улыбнулся в темноте. Он давно понял, что Джулиан недолюбливает его избранницу и готов всячески опорочить ее в глазах короля.

— Ты не понимаешь, Джулиан. Я люблю ее. Но ты… Такие люди, как ты, обладающие врожденной добродетелью, не способны понять ошеломляющего натиска чувств, обрушивающихся на людей моего типа. То, что Ева не ангел… Я не слеп и вижу это. Она легкомысленна, импульсивна, высокомерна, но у нее живая натура, гибкий ум. Она способна многое понять и многому научиться. И она любит меня. Даже не догадываясь, кто я.

— Вы в этом уверены, сир? — как-то холодно и зло произнес Джулиан. — Почему вы считаете, что Ева Робсарт, так хорошо знавшая вас ранее, не догадывается, кто вы? Вот ее сестра, к примеру, говорила, что Ева, рассказывая ей, что мы роялисты, обмолвилась и о том, что узнала одного из нас. Уж, наверное, не меня, ибо мы ни разу не встречались. Карл насторожился, замер, даже словно задохнувшись. Он сам не ожидал, как больно заденут его слова Джулиана. Ведь подсознательно он упивался мыслью, что Ева полюбила именно его, Чарльза Трентона, а не короля, Карла Стюарта, союз с которым многое ей сулил. А ведь Ева, несмотря на ее пылкость и нежность, не просто влюбленная провинциалка. Она знала свет, вращалась в высших кругах, и это не могло не сделать ее честолюбивой. Тем не менее Карл постарался отогнать эту мысль прочь. Ему вдруг так захотелось простых человеческих чувств, бескорыстных и искренних, всего того, что он столь страстно искал в любви Евы.

— Джулиан, твои обязанности сделали тебя подозрительным. Ева могла сказать это, лишь бы убедить сестру. Я ведь так изменился со времен нашего знакомства, и она…

Он не окончил, резко повернувшись в сторону освещенной луной лестницы, откуда долетели торопливые легкие шаги. И появилась она, Ева.

При виде ее у Карла словно запылало все внутри. Она заметила беседующих и остановилась. В легком белом пеньюаре с пеной кружев, с распущенными ниспадающими на плечи волнами волос, она показалась королю каким-то неземным видением, легкой ночной феей из легенды. Как завороженный, он шагнул к ней, не слыша тихих проклятий Джулиана. Карл протянул к ней руки, и она кинулась навстречу; он обнял ее, вдохнул идущий от волос девушки аромат жасмина.

Она льнула к нему, ничуть не смущаясь присутствия Джулиана.

— Отец сказал, что вы были у него. Я так волновалась. Он не узнал вас?

— Разве лорд Дэвид ничего не сказал тебе, Ева?

— Нет. А что он должен был сказать?

Карлу это показалось странным. Хотя, возможно, Робсарт просто сначала хотел поговорить с Гаррисоном и официально расторгнуть помолвку.

— Я попросил твоей руки у лорда Дэвида, — сказал король.

Эти слова дались ему тяжелее, чем он мог ожидать. Даже радости он не ощутил. Возможно, сказались увещевания Джулиана. Поэтому, проговорив это, он сразу же взглянул не на Еву, а на Грэнтэма.

Силуэт лорда слабо выступал во мраке. Потом Карл увидел, как Джулиан пожал плечами и пошел прочь. И чем дальше он уходил, тем легче становилось на душе у Карла. Он даже негромко засмеялся. Вновь поглядев на Еву, он сжал ее лицо в ладонях.

— Ангел мой, Ева, я попросил твоей руки и не получил отказа.

У Евы так стучало сердце, что, казалось, его удары отдаются в горле.

— О… — только и выдохнула она. И вдруг заплакала. Это было немое, беззвучное рыдание, нервно сотрясавшее все тело.

— Что с тобой, Ева? — утешал ее Карл. — Разве мы не любим друг друга? Разве ты не хочешь, чтобы наша связь была освящена

небом?

— О, хочу, хочу! — всхлипывала она. — Но я так боялась… Я не смела и надеяться.

— Но почему? — спросил он и помимо воли вспомнил, что говорил Джулиан. О том, что Ева знает, кто он. Почему она так поражена тем, что он попросил ее руки? Сейчас она была в таком смятении, словно свершилось нечто немыслимое. Где-то в глубине души Карла проснулся холодок. Он даже отстранился от нее. — Почему ты так потрясена, Ева? Разве я поступил не по-джентльменски, что попросил руки женщины, которую совратил? И почему твой отец не мог ответить мне согласием?

Она молчала и продолжала нервно всхлипывать. Но Карл требовал ответа. Ему необходимо было понять — любит ли его Ева или же ведет с ним игру. Он сам не ожидал, насколько это оказалось для него важным.

Но что-то отвлекло их внимание: звук подков во дворе — кто-то приехал. Послышались голоса, где-то рядом хлопнула дверь. Им следовало уйти; Карл первый стал увлекать Еву. Не сразу и сообразил куда — по лестнице вниз. Они оказались на крыльце, выходившем в сад. Почти машинально Карл взглянул на часы. Одиннадцать. Парк еще не был для них опасен. И они, перебежав открытое, залитое лунным светом пространство, укрылись в беседке.

— Ева, ты не ответила мне, — продолжал настаивать король.

— О, Чарльз, разве ты не понимаешь?

Ева уже успела взять себя в руки.

— Все дело в Гаррисоне и моей помолвке с ним. Отцу ведь так нравится Стивен. Я никогда бы не подумала, что он избавит меня от этого ненавистного союза ради кого-то иного. Как тебе удалось уговорить его?

Теперь вопрошающей была она.

Но Карл не стал отвечать. С одной стороны, ее ответ удовлетворил его, а с другой, он все еще сомневался. Тем не менее сейчас, когда он обнимал ее, когда его руки чувствовали ее тело под легкой тканью пеньюара, совсем иные мысли завладели им. Он почувствовал, как его тело наполнилось истомой вожделения. Обвив рукой ее талию, он притянул Еву к себе. Сдержанность почти покинула его, когда он прижался к ней бедрами. И Ева сама потянулась к нему, жарко обняла,

ощущая ответное желание и одновременно оглушающее торжество. Он хочет жениться на ней! О, теперь она его не отпустит! Она жаждала его, хотела чувствовать его прикосновения, всей кожей ощутить его поцелуи. Она сама стянула с плеч ткань, открывая свое точеное тело его ласкам, притянула его, и когда он усадил ее на каменную ограду беседки, даже обвила его ногами, притягивая, не желая отпускать. В этом была дикая и необузданная страсть, но был и рассудочный вызов. Почти прильнув к его губам, она прошептала:

— Ты женишься на мне?

— Да.

— Поклянись!

Обычное требование женщины, стремящейся заполучить возлюбленного. Но что-то в ее тоне насторожило Карла. Он и раньше не раз давал своим любовницам подобные клятвы, но всегда понимал, что лжет. И они это понимали. Это был лишь флирт, любовная игра. Сейчас же все происходило всерьез. В его руках находилась женщина, к которой у него были самые честные намерения. Но ее требовательность почему-то взволновала его. Он не отвечал, склоняясь к ее груди, целовал и покусывал соски; она выгибалась в его руках. И все же, задыхаясь, повторила:

— Поклянись, что сделаешь меня своей женой!

Карл почти терял от нее голову. Ее ответная страстность, ее желание принять его, и ее вкус, ее запах!..

Он не давал ответа. Сознание его словно раздвоилось. Один Карл Стюарт упивался покорностью женщины, другой — наблюдал за ней. Нет, ему непременно надо убедиться, что она не лжет!

— Я так люблю тебя, Ева! И так хочу. Хочу делать с тобой все, что угодно, хочу вытворять с тобой всякие безумства, чтобы сам Эрос позавидовал мне, как я в свое время завидовал Руперту, когда он так же в беседке занимался с тобой любовью!

Это было сказано словно в порыве страсти, но вполне сознательно. И Ева, задыхающаяся, счастливая, одурманенная ласками, сначала ничего не заметила. Но Карл наблюдал за ней и даже оторвался от ее тела, взглянул на это блаженное, едва различимое в полумраке лицо. В порыве страсти она могла ничего и не заметить. Тогда это выдало бы ее. Поначалу она не придала значения его словам.

— Как славно, — прошептала она, пока ее руки нервно расстегивали пуговицы его камзола. Но вот ее пальцы замерли. Все еще тяжело дыша, она медленно повернула к нему лицо. Глаза ее мерцали, как темные звезды. — Чарльз?

Он ждал. Делая вид, что не придает значения вопросу в ее голосе, стал целовать ее за ухом, но она отшатнулась. Теперь они, сдерживая дыхание, глядели друг на друга. Ева мягко отстранилась, запахнула пеньюар.

— Что вы сказали, мистер Трентон? Вы упомянули принца Пфальцского? Да, у меня был с ним роман. Но откуда вам знать про беседку?

— Я наблюдал тогда за вами.

Она отшатнулась.

— Какой стыд! Вы безжалостны, сэр! Хотя… Что значит — вы наблюдали за нами? — И через минуту, с пьянящим короля испугом, спросила: — Кто вы?!

Карл готов был целовать ей ноги. Но вместо этого серьезно сказал:

— Разве вы не знаете? Я Чарльз. Ваш Чарльз. Но вместе с тем я и Стюарт. Король Карл II Стюарт.

Ветер зашумел в листве, тронул ветви винограда на беседке. Казалось, весь мир колышется и плывет. У Евы в самом деле закружилась голова, и вместе с тем она была собрана до предела. Сейчас решалась ее судьба: король ждет ответа. Он желает испытать ее — что ж, она ничем не выдаст себя. Поэтому она слабо вскрикнула, покачнулась, словно теряя силы. Когда он подхватил ее, она позволила себе на какой-то миг замереть у его груди. Потом отстранилась, глядя на него в полутьме снизу вверх.

— Мне ведь не однажды казалось, что вы мне кого-то напоминаете. Силы небесные!.. Вы принц Уэльский… О, простите, Ваше Величество.

Она опустилась в низком реверансе с растерянным, почти виноватым видом. Чего ждет от нее король? Он испытывает ее? Что ж, она будет сама невинность.

— Мне надо возвращаться, Ваше Величество. Те вольности, что я могла позволить со своим возлюбленным Трентоном, не дают мне права вести себя так с помазанником Божьим.

Она словно хотела уйти, но Карл не отпустил ее и сильно привлек к себе.

— Глупости, Ева. Для тебя я все тот же мистер Трентон, и я люблю тебя. Я попросил твоей руки и не откажусь от тебя. Я твой, Ева. Если ты не будешь любить короля меньше, чем любила простого беглеца-роялиста.

Ева чувствовала, что хмелеет от радости. Итак, он ей поверил. Этот коронованный юноша сдался на ее милость. Но ей не следует проявлять свою радость, показывать, как легко она проглотит принесенную судьбой удачу. Но и холодной с ним быть тоже нельзя. Она нежно обвила руками его шею и прильнула к нему изо всех сил. Со всею женской слабостью. И сказала абсолютно искренне:

— Я люблю вас, как свою душу. Да, я была любовницей вашего кузена Руперта. Но с тех пор я не испытывала любви. Вы много знаете обо мне, сир, все мои просчеты и слабости. Я недостойна вашей любви, ведь все, что я могу предложить вам, это свое сердце. Достаточно ли этого приданого для невесты короля?

Приданым Евы был флот ее отца, но Карл не сказал ей об этом. Он смотрел на нее, обнимал, слышал у себя на груди удары ее сердца. И был безмерно счастлив.

— Ты лучшая из всех невест, какую я мог бы пожелать для себя. Будь моей женой и королевой, Ева!

Новый порыв ветра заколыхал тени вокруг них, спутал их волосы. Уста их слились, и, казалось, в мире ничего больше не существовало.

Но это было не так.

Легкое облако наползло на луну, они оказались почти в полном мраке, когда раздался дикий крик — жуткий, тягучий, с подвыванием — и сорвался на самой высокой ноте.

Карл вздрогнул и разнял обнимавшие Еву руки, почти отшатнулся. Они стояли в полной темноте, потом серебристый свет ночного светила появился, вновь осветил летевшую с деревьев листву, качающуюся занавесь из листьев, укрывавшую беседку, зыбкую преграду от чего-то жуткого, что таилось за ее пределами.

— Что это? — спросил король.

Он старался не выдать, насколько его напугал этот крик, не думать о том смятении, что он вызвал, отчего по спине прошел озноб. Этот жуткий звук… Где-то в отдалении, но словно и совсем близко. Помимо

воли Карл вспомнил обглоданный труп Джека Мэррота, и волосы зашевелились у него на затылке. В темноте парка таилось что-то жуткое. Эти ночные вопли, загадочный призрак монаха, зверски убитая в своей комнате леди Элизабет… А главное, таинственность, сопровождавшая все это, все, что сейчас для короля сплелось в одно понятие — страх. Он стоял, прислушиваясь к звукам ночи, вглядываясь в светотень лунных бликов, а потом повернулся к Еве. И повторил, стараясь сдержать дрожь в голосе:

— Что это, Ева?

В неровном освещении он слабо видел ее лицо. Но блик луны отражался в одном из ее глаз. Карл увидел, как напряженно, в упор, она глядит на него.

— Что это было, Ева? — в третий раз спросил он.

— Я не знаю.

Она сказала это спокойно, и этим выдала себя. Ее не ужасали тайны Сент-Прайори, а значит, она все-таки знала что-то. Карл понял, что сейчас она лжет. Ее некоторая взволнованность, то, как она отвернулась от него, глядела на заросли за беседкой, словно боясь встретиться с ним взглядом… Во всем этом было что-то неестественное, боязливое. Но это был не тот страх, что испытывал Карл. Она опасалась не того, что таилось за этим воплем, а то, что он его услышал и теперь спрашивает ее.

— Я не знаю, — снова повторила она. Твердо и упрямо. Потом вскинула голову. — Мне страшно, Чарльз. Давайте уйдем.

Король вышел из беседки первым. Ему было не по себе: ему было страшно, ей — нет. Он слышал ее сердитое дыхание, когда она догнала его. Они вошли в замок, и Ева закрыла дверь. Карл остановился, словно дверь могла оградить его от ужасных тайн Сент-Прайори.

— Так что это было, Ева? Только не говори, что этот звук издают ваши псы или что так кричит птица. Это кричал человек. Он кричал, надрывался и…

— Не знаю! — перебила его Ева.

Они умолкли. Карл слабо различал силуэт во мраке. Ему стало почти больно: он полюбил ее, решился соединить с ней свою судьбу, но ему необходимо было доверять ей. Он не желал никаких тайн между ними. Тогда он сказал:

— Я не верю тебе, Ева.

Она всхлипнула в темноте и приблизилась, не решаясь обнять его.

— Это… Люди говорят, что это призрак, но они боятся старого аббатства. Мы, живущие здесь, уже привыкли к этим звукам. Но… не можем дать им объяснения. Это… Это чья-то проклятая душа, вынужденная блуждать во мраке…

— И убивать людей, — прервал ее король. — Причем обитатели замка стремятся тихо и спешно похоронить их. Вот что, Ева, — сказал он после непродолжительного молчания, — я желаю все знать. И не какие-то сказки, а правду. Возможно, я и бываю суеверен, но это отнюдь не означает, что я дурак. Пли ты мне все скажешь, или… Боже правый! Как я могу соединить свою судьбу с твоей, если не буду тебе доверять?

Он услышал, как она тихо застонала, различил ее в отчаянии заломленные руки. Ему стало жаль ее, жаль до боли, но он повернулся и пошел прочь. Интуитивно он хотел, чтобы она догнала его, раскрылась перед ним, и тогда он смог бы ее утешить. Но Евы не было. Карл в конце концов остановился, почти был готов вернуться, когда его внимание отвлекло нечто другое.

Замок не спал, он был полон звуков — голоса, шаги, хлопанье дверей. Заставляя себя не думать о Еве, Карл пошел вперед и застал всех обитателей Сент-Прайори в холле. Взволнованные слуги, удрученный барон, Гаррисон, Энтони Робсарт. Даже Джулиан был здесь и выглядел недовольным. Он, как и все, смотрел на стоявшего у дверей незнакомца. Обычного крестьянина в темной пуританской одежде. Тот что-то говорил, теребя в руках шляпу.

— Что случилось? — спросил Карл у Джулиана.

Лорд лишь кивнул в сторону прибывшего. Тот виновато поглядывал на Гаррисона. Полковник был уже в дорожной одежде.

— Я благодарен тебе, Михей, — говорил Стивен, — но не надо было поднимать такой переполох. Достаточно было предупредить меня.

— Но, сэр, старая Мэг жила в Сент-Прайори, была связана с его обитателями. Я думал, что и им следует сообщить.

— А по сути всполошить криками весь дом! — надевая перчатки, заметил Стивен и повернулся к Робсарту. — Не стоит тревожиться, сэр. Я сейчас же подниму своих людей, и, думаю, мы сможем все уладить.

— Я поеду с вами, сэр, — положил руку на плечо полковника барон. Он держался с ним приветливо, видимо, разговор о расторжении помолвки еще не состоялся. — Я немедленно кликну своих слуг, и мы присоединимся к вам. В конце концов, этот человек прав. Мэг не чужая для нас, кем бы ее ни считали местные пуритане.

— Что случилось? — вновь спросил Карл, на этот раз обращаясь ко всем присутствующим. Барон повернулся к нему:

— Думаю, вам не стоит беспокоиться, мистер Трентон. Просто местный индепедент Захария Прейзгод собрал толпу фанатиков и решил совершить самосуд над здешней ведьмой Мэг. Ведьмой… Гм. Громко сказано. Она просто не такая, как все эти, поддавшиеся влиянию Прейзгода пуритане.

— Давно следовало арестовать этого смутьяна Прейзгода, — вставил свое слово его брат, сердито глядя на Стивена.

Робсарт отдал приказание седлать лошадей.

В этот миг появилась Ева. Они обменялись взглядами с королем, и, когда Карл отвернулся, она подошла к отцу, чтобы узнать, чем вызван переполох.

— Бедная Мэг, — сказала она, но в голосе ее не было особого волнения. — Прейзгод давно натравливал на нее суеверных крестьян, рано или поздно они должны были на нее напасть. Ты едешь прямо сейчас, Стив? И вы, отец? Что ж, да поможет вам Бог! Мне в принципе нравилась Мэг, по крайней мере, я считала ее безобидной, даже полезной. Скверно получится, если ее растерзают. Рэйчел будет просто в отчаянии. Когда эти сумасшедшие вышли из Уайтбриджа, Михей? Не более часа назад? Что ж, вы можете еще и успеть ее спасти. Ты хорошо сделал, что приехал, Михей. Видишь, Стивен, ты в свое время отпустил Михея от наказания у позорного стола и приобрел тем самым преданного человека. Он сразу поспешил предупредить тебя.

Карла невольно восхитило самообладание Евы. Она держалась так, словно и не было только что ссоры между ними, хотя порой и поглядывала в его сторону. Он не стал огорчать ее и, встретившись с ней взглядом, улыбнулся. В конце концов, она была дорога ему. Затем он подошел к Робсарту и предложил свою с Джулианом помощь. Как мужчина он должен был это сделать, но как король не обязан ни во что вмешиваться. Робсарт видел в нем прежде всего Карла Стюарта, поэтому решительно отказался от помощи, попросил их с Джулианом

остаться в замке, чтобы успокоить женщин. Карл уловил даже облегченный вздох Грэнтэма, но лишь пожал плечами на его укоризненный взгляд.

Вошел Ральф и доложил, что кони оседланы. Робсарт еще обсуждал со Стивеном, следует ли ехать к жилищу Мэг или надо прикинуть, куда могут потащить ее на суд фанатики, когда Джулиан осведомился, где сейчас Рэйчел. Все переглянулись, оглядываясь, словно ожидая ее увидеть в полутемном холле.

— Может, она спит у себя в комнате, — предположила Ева. — Хотя… такой шум… Я сбегаю к ней.

— Да нет же, она была здесь, — сказала кухарка Сабина. — Она пришла одной из первых и очень испугалась за Мэг. Я даже успокаивала ее. Но потом… — Женщина развела руками.

И тут Ральф заявил, что леди Рэйчел, пока он седлал лошадей, взяла лошадку Михея и ускакала.

— Сидя по-мужски, — добавил он, хихикнув. — У Михея-то не дамское седло на его буланой. — Улыбка застыла на его лице, когда он увидел лица окружающих.

Воцарилась тишина.

— И ты не предупредил меня?! — наконец прямо взорвался барон. — Молчал, олух этакий?!

Ральф заморгал и втянул голову в плечи, словно опасаясь, что Робсарт ударит его хлыстом.

Ева вдруг вскрикнула:

— Она что, с ума сошла?! Эти идиоты считают ее не многим лучше Мэг!

Она хотела еще что-то сказать, но так и замерла, словно задохнувшись. Глаза ее расширились от страха, и, пронзительно взвизгнув, она громко разрыдалась, почти упав на руки горничной Нэнси.

В следующий миг все мужчины кинулись к выходу — Стивен, Робсарт, его слуги. Даже преподобный Энтони заметался и поспешил следом за всеми. Ибо стало ясно, что, стремясь вступиться за кормилицу, Рэйчел может принять гнев фанатиков на себя.

Карл выбежал вместе со всеми. Уже седлая лошадь, он увидел выводившего своего гнедого коня Джулиана. Они лишь обменялись быстрыми взглядами. В кои-то веки Грэнтэм заботился не только о

короле. Он спешил и даже не стал просить Карла остаться. Рывком, не касаясь стремян, он взвился на коня, пришпорил его, пуская с места в галоп, и понесся за уже умчавшимися остальными. Карл, когда садился в седло, еще слышал стук копыт его лошади. Но когда он доскакал до ворот, Джулиана уже не было. Карл на минуту придержал коня, не зная куда ехать. За кровлями хижин селения уходила сероватая в лунном свете бескрайняя равнина. Огромный диск луны освещал ее, казалось, до самого горизонта. Тем не менее в колеблющейся мгле все рисовалось смутным и неясным. Но не настолько, чтобы не найти дорогу к домику ведьмы Мэг, Карл неплохо помнил ее. Поэтому, опустив поводья и пришпорив коня, Карл поскакал в этом направлении.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Рэйчел неслась, пригнувшись к гриве своей косматой лошадки. Она не была хорошей наездницей, да и сидеть по-мужски ей было непривычно. Пару раз, когда лошадь перескакивала через рытвину, девушка теряла стремя, но не сдерживала темп, справляясь на ходу. Она хорошо видела дорогу, вернее, не дорогу, а свой путь через равнину. Лунный свет очерчивал неровности почвы, и девушка опасалась только того, что лошадь попадет ногой в кроличью нору и повредит ногу, не сможет скакать дальше. А ведь ей надо было спешить, надо было успеть!..

Ее волосы разметались по спине, одежда сбилась. Она еле успела надеть юбку, когда в замок приехал Михей Баррот с известием. Жакет ее был застегнут не на все пуговицы, но, всегда аккуратная и щепетильная по поводу достойного внешнего вида, Рэйчел сейчас не думала об этом. Как и не думала, что совершает оплошность, когда в одиночку выбежала из дома и вскочила на первую, оказавшуюся взнузданной, лошадь. Эти мужчины так медлили, а ведь ей надо было спешить!.. Если убьют Мэг… Она боялась об этом думать. Боялась представить, что в ее жизни не останется ни единого по-настоящему близкого ей человека. Ее кормилицы, ее второй мамочки, ее подруги… ее Мэг, которая так понимала, жалела, направляла ее, дарила поддержку в самые трудные минуты. И теперь эти фанатики… Как они смеют?!

Рэйчел не знала, как сможет оградить от них Мэг. Почти интуитивно она надеялась, что, как всегда, сыграет роль тот неосознанный страх, какой она вселяла в людей. Не будь девушка в таком смятении, она бы более трезво подумала, что Мэг пугала их своим существованием куда сильнее, чем она сама. Могла бы припомнить, что ее так называемая связь с темными силами, как считало суеверное население, отнюдь не оградила ее в церкви в Уайтбридже, когда она хотела вступиться за Еву. Более того, слова Сары Холдинг о ней как о ведьме только распалили толпу. Но ни одна из этих мыслей, даже если бы и появилась, не остановила бы Рэйчел. Она понимала лишь одно: Мэг в беде, значит, следует заступиться за нее, быть с ней в трудную минуту. Она знала, куда ехать.

Когда она прискакала к жилищу Мэг и не нашла там никого, то поняла, куда толпа фанатиков потащила свою жертву для самосуда. Ни в одно из поселений они бы не решились явиться, опасаясь вмешательства властей. Следовательно, было лишь одно место, где они могли совершить казнь: древний храм друидов сам по себе вызывал у народа трепет и почтение. Там ведь еще в старину приносились жертвы. И Рэйчел, погоняя лошадь, неслась к Каменному кольцу. По сути, ее вел не разум, а интуиция. Ей нужно было скакать в Стоунхендж.

Еще издали она увидела золотистый свет над темными гигантами равнины. Огромные каменные арки кромлеха казались черными на фоне горевших внутри кольца огней. И там, под камнями, происходило какое-то движение, метались тени. Рэйчел подстегнула лошадь. Тут случилось то, чего девушка подсознательно опасалась всю дорогу. Ее лохматая лошадь споткнулась, резко полетела через голову, и Рэйчел была с силой отброшена прочь. Это спасло ее от участи быть придавленной тушей животного, но тем не менее от удара о землю она лишилась дыхания.

С трудом различив, как лошадь поднялась и затрусила прочь, Рэйчел лежала какое-то время оглушенная, потом стала тяжело подниматься. Пошатываясь, она встала на четвереньки. Голова гудела, но она была уже так близко от Стоунхенджа, что могла различить тот хриплый рев, которым толпа обычно начинает свои свирепые расправы и глумления. Эти звуки словно подстегнули Рэйчел, придали ей сил. Сжав кулаки, она быстро пошла вперед:

Ее появление заметили не сразу, вначале она слилась с обезумевшей, вопящей толпой никем не узнанной. Собравшиеся были словно не в себе и потрясали факелами; в центре пылал костер из вереска, слышались вопли, проклятия, но все же большая часть присутствующих, охваченная религиозным фанатичным пылом, пела, вернее, орала, псалом:

…И сердце верное твое
Пусть силы грешной не боится!
Блеснет архангела копье —
И дело правых разгорится.

Рэйчел не узнавали, толкали. У нее сильно кружилась голова, отчасти после падения, отчасти благодаря той нервозной, почти

безумной атмосфере, которая царила среди каменных монолитов. Люди, одетые во все черное, с искаженными фанатичной ненавистью, озлобленными лицами, сейчас, в неровном свете огней и отблесках луны, выглядели скорее выходцами из преисподней, нежели обычными добропорядочными пуританами. В самой толпе было нечто жуткое. Обыкновенные люди словно превратились в диких зверей, а цель, которая возбудила их и казалась праведной, заставляла творить жестокости. Рэйчел с трудом узнавала знакомые лица: увидела обычно приветливого трактирщика из Уайтбриджа, сейчас, с дубинкой и факелом в руке, более походившего на опьяненного злом убийцу; здесь была воинственная Сара Холдинг, настоящая фурия, с ее выбившимися из-под чепца космами и налитыми кровью глазами. А ее молоденькая дочь Рут почти визжала, находясь в полушоковом состоянии от охватившего ее приступа кровавой лихорадки. То, что они считали праведным гневом, скорее напоминало безумство пораженного болезнью стада.

Но вот какой-то здоровенный мужчина отошел, и Рэйчел увидела Мэг. Женщина стояла в одной рубахе, в какой ее, видимо, и выволокли из дома. Худая, с всклокоченными седеющими волосами, дико озиравшаяся, она и в самом деле сейчас была похожа на ведьму. Мэг стояла под одной из каменных арок Стоунхенджа со связанными за спиной руками, на ее шею накинули петлю, а длинный конец веревки перебросили через балку у нее над головой, и держали его двое здоровенных мужчин, ожидавшие только приказа потянуть. Собравшиеся глядели во все глаза на Захарию Прейзгода, стоявшего на огромном лежачем камне и сверху руководившего толпой. В своей широкополой шляпе и просторном женевьевском плаще он напоминал какой-то темный призрак и на своем возвышении казался особенно высоким, подавлявшим толпу и главенствующим над ней. Он тоже пел, но лицо его, в отличие от большинства присутствующих, было спокойным, почти достойным, только глубоко запавшие темные глаза горели властным блеском. Он был здесь главой, эти люди подчинялись ему, и он почти не скрывал торжества. Вот он поднял руки ладонями вперед, и толпа стихла. Воистину его власть над собравшимися была неоспорима.

— Дети мои! — воскликнул Захария. — Чего не сделаем мы для Господа, чего не совершим ради Его великой святости?! Не страшась

греха, мы совершим богоугодное дело, когда повесим ее, и узрим, как нечистый вылетит из ее рта!

— Нет! — Рэйчел выкрикнула это, прежде чем поняла, что делает — она заметила, что Прейзгод готов подать знак к началу казни.

Растолкав толпу, она кинулась вперед.

— Остановитесь, ради Бога!

Ее появление возымело шокирующее действие. Толпа притихла, глядя, как эта молодая женщина с разметавшимися по плечам черными волосами кинулась вперед, стала отталкивать готовых взяться за дело палачей. Онемев, те отступили, да и толпа будто отхлынула.

Рэйчел повернулась к Прейзгоду. Глаза ее из-под спутанных волос метали молнии, кулаки нервно сжимались. Она была так хороша в этот миг, что присутствующие словно не признали в этой прекрасной фурии тихую, всегда скромную и сдержанную дочь Робсарта, с которой привыкли считаться, хотя и делали за ее спиной предохраняющий жест.

— И вы станете внимать ей? — почти выкрикнул Прейзгод диким голосом. — Вы подчинитесь ей, отступники, когда наша карающая длань уже поднята? Меч Господа и Меч Гедеона! — проорал он библейский клич. — Да пребудут с вами силы небес, дети мои! И помните: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царства Божия!»

О, говорить преподобный Захария Прейзгод умел! А главное, от него словно исходили какие-то магнетические волны, от которых толпа вновь стала приходить в неистовство. Опять послышались крики и проклятия. Рэйчел сама, как завороженная, не могла отвести взгляд от проповедника. Она дрожала и даже ощущала, как шевелятся волосы у нее на голове. Кольцо вокруг сужалось, казалось, фанатики вот-вот бросятся на нее. Но она словно не замечала этого, глядя на священника, испытывая лишь беспомощность и ненависть!..

Сквозь гул девушка различила отчаянный вопль Мэг:

— Беги, Рэч, беги!..

Но он оборвался столь резко, что Рэйчел поняла, что случилось. По знаку Прейзгода палачи потянули веревку, и тело Мэг поднялось в воздух, забилось в конвульсиях. Толпа вопила, ликовала, орала. Рэйчел же широко открытыми глазами глядела на тело своей молочной

матери. Тут она закричала не своим голосом, а затем вдруг резко умолкла, и сделала то, что не должна, не имела права делать.

Она устремила свой взгляд на палачей и толкнула… ударила их взглядом. Изо всех сил. Она и не знала всей силы того, что таилось в ней. Но удар был так силен, что оба дюжих молодца отлетели прочь. Выпустив веревку, они кубарем покатились по земле и остались лежать, оглушенные.

Тело Мэг упало на землю. Она еще билась. И Рэйчел, забыв обо всем на свете, кинулась к ней.

Мэг была еще жива. Но глаза ее вылезли из орбит, язык высунулся изо рта, она задыхалась и билась, суча ногами. Рэйчел, срывая ногти, напрягая всю силу рук, стала развязывать узел, рвать его, стремясь ослабить петлю. Она заплакала, когда ей это удалось, и Мэг со стоном, задыхаясь, втянула воздух. Но глаза ее закрылись.

— Мэг! Мэг! Ты слышишь меня? О, ответь, Мэг!

Рэйчел показалось, что голос ее звучит необыкновенно громко. Так оно и было в наступившей тишине. Толпа безмолвствовала, объятая страхом и трепетом. Сейчас все видели силу ее колдовства. И даже те, кто не понял, что произошло, умолкли, растерянные и сбитые с толку.

Рэйчел склонилась к Мэг, обняла ее, тихонько баюкала.

— О, моя Мэг! Ты жива. Я все же сделала это.

И тихо, как шелест травы, прозвучал шепот Мэг:

— Зачем, девочка?.. Ты погубила себя. А мне это горше смерти.

Рэйчел еще не понимала, что случилось. Но эта тишина, эти взгляды, которые она ощущала На себе, точно порыв ледяного ветра, заставили ее оглянуться. Люди смотрели на нее. С гневом и ужасом, и не понять было, чего больше. В неровном свете огней они показались ей какими-то совершенно нереальными, жуткими призраками. Они напугали ее, и она прижала к себе Мэг, словно ища у той защиты. Но Мэг была слаба и беспомощна, а у Рэйчел сил уже не оставалось.

Они словно поняли это и стали медленно приближаться, сужая кольцо вокруг несчастных женщин. Потрескивала смола факелов, слышалось шумное дыхание. А горящие взгляды летели в испуганную Рэйчел глухим рокотом потаенного гнева.

В этой тишине почти визгливо прозвучал голос Прейзгода:

— Чего же вы ждете? Она раскрыла себя! Сейчас все вы видели ведьму, и лишь от вас зависит: попадете ли вы в царствие Божье или поддадитесь нечистому! Тот, кто отступится, — пропадет! Поэтому проявите рвение и…

Его последние слова заглушил рев толпы. В Рэйчел впилось сразу множество рук; ее оторвали от Мэг и потащили куда-то. Она кричала и рвалась. Вновь повторялся ужас в церкви Уайтбриджа, но на этот раз все было еще страшнее. И девушка почти панически осознала, что пропала.

Затем прогремел гром.

Рэйчел упала, кашляя и задыхаясь после давивших ее вражеских рук. Мир кружился, и она лишь плевалась землей, на которую упала, пока не поняла, что что-то случилось и ее отпустили. Земля загудела под ней, потом она услышала цокот копыт и различила тень лошади. Рэйчел слабо подняла голову. Всадник показался ей огромным. В руке его дымился пистолет, и еще один он сжимал в другой.

— Убирайтесь! — услышала она властный и спокойный голос. — Убирайтесь, ибо, клянусь, я пристрелю первого, кто сделает хоть шаг.

Стивен. Рэйчел лежала на спине, снизу вверх глядя на него. Сознание медленно возвращалось к ней. Она увидела несколько поднимавшихся с земли пуритан, видимо, сбитых лошадью Стивена, поняла, что гром, который она слышала, был звуком выстрела. Медленно стала она пытаться встать, машинально подтягивая оторванный и сползший до локтя рукав жакета. Ее голова болела — так сильно ее дергали за волосы, все тело ныло от побоев. Диво, что ее не разорвали.

Опять в каменном кольце Стоунхенджа застыла тишина. Теперь было полутемно, так как в давке многие факелы оказались затоптаны, а пламя костра стало угасать. Но по-прежнему светила луна, и в ее серо-серебристом свете картина казалась особенно нереальной.

Стивен так не считал. Он навел пистолет на толпу и сухо, сквозь зубы, заговорил:

— Властью, данной мне в округе, я приказываю вам разойтись. Только если вы подчинитесь, я могу сулить вам прощение. Вы не имели права вершить самосуд здесь, в безлюдном месте, среди этих камней, подобно мерзким безбожникам, которым вы сейчас

уподобились. Вы же христиане, и не должны забывать, что живете в стране, где есть закон.

— Эти ведьмы — пособницы дьявола! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Что бы вы ни думали на их счет, — спокойно и властно продолжал Гаррисон, по-прежнему не сводя пальца с курка, — вы не имеете права поступать подобным образом.

Захария Прейзгод тем временем опомнился и, сойдя со своего возвышения на камне, стал наступать на Стивена, угрожающе подняв руки. Он чувствовал свою власть над толпой, и это придавало проповеднику уверенности.

— К чему призывает нас этот отступник? Он хочет, чтобы мы, воинство Божье, отступились от своей миссии и сдались на милость тех, кто при заступничестве Робсартов не позволит нам вершить Божий суд. Я же скажу — изыди, сатана! Не мешай нам творить наше дело Господне!

Стивен начал нервничать. Сжав в кулаке поводья, он сдерживал разгоряченного коня.

— Вы не имеете права творить беззаконие, вы, ничтожный поп и подстрекатель. Я приказываю вам: удалитесь!

— Моя власть от Бога! — надменно и непреклонно заявил фанатик. — И вы…

Стивен не дал ему возможности договорить.

— Я готов признать власть Господа с радостью. Но если власть подстрекает, травит и убивает — это не Его власть.

Захария на какой-то миг задохнулся от гнева. Воспользовавшись замешательством предводителя, Стивен обратился к толпе:

— Видимо, я ранее был слишком милостив к вам, если вы вновь склоняетесь к бредням этого полоумного убийцы. Вы забыли один из мудрейших законов Англии, более того — один из законов, начертанных в сердце каждого христианина своим Господом. Вы забыли, что в заповеди сказано: «Не убий!» Если вы не разойдетесь, я буду судить каждого из вас как преступника, и тогда…

— Не слушайте этого жалкого изменника! — заверещал Прейзгод. — Не признавайте власть этого филистимлянина, ставшего на защиту нечестивых созданий! Мы должны завершить начатое, и не этому псу остановить нас. Меч Господа и Гедеона! Помните — царство

Божье перед нами. От нас лишь зависит, кто узрит его во всей славе ангелов и архангелов. Тот же, кто отступит — да пропадет!..

Стивен понимал, как опасны такие речи для воспаленных умов фанатиков, знал он и об овладевающем толпой красноречии Прейзгода. Он понимал, что один ничего не сделает против толпы. Но ему надо было спасаться, более того, необходимо было отвлечь внимание пуритан, вырваться и попытаться спасти хотя бы Рэйчел. Глас Захарии гремел, и Стивен видел, что не сможет долго держать толпу под дулом пистолета. Они были как безумные, готовые стать мучениками ради того, к чему призывает их предводитель. Подумав минуту, он поднял пистолет и нажал на курок.

Захария замер на полуслове и схватился за грудь. Выпучив глаза, он стал медленно оседать на землю, прохрипел: «Слава Господу!» — и, упав, забился в конвульсиях.

Это вызвало шок, но кратковременный. Теперь Стивен был безоружен и знал, что вот-вот последует. Поэтому, не теряя времени, он подхватил Рэйчел и, рывком посадив ее перед собой, пришпорил коня.

В тот же миг толпа разорвалась криком. Люди кинулись к ним, но храпящий конь уже несся, врезался в толпу. Кто-то пытался схватить его под уздцы, но сильное животное, понукаемое всадником, уже устремилось вперед и, храпя, сбило кого-то. Стивен даже успел заметить, что это Сара Холдинг, услышав ее визг. В следующий момент конь уже пронесся меж монолитных столбов и, набирая скорость, поскакал по равнине.

Это был не конец. Многие из собравшихся фанатиков прибыли к Стоунхенджу на лошадях, и вскоре беглецы услышали позади шум погони. Стивен пришпоривал коня, понимая, что преследователи, распаленные убийством своего предводителя, не прекратят гонку, будут нестись, пока хватит сил их лошадей. И пожелают отомстить. Оставалось надеяться лишь на то, что их кони уступают в скорости его вороному. Но вороной несся под двойной ношей, да и уже выдержал перед этим изрядную скачку, а кони преследователей были свежими, отдохнувшими. Что ж, приходилось скакать сколько будет сил, пока они не найдут убежища, не встретят его людей, уже наверняка выехавших к Стоунхенджу, либо не затеряются на равнине. Только в такую лунную ночь это было маловероятно, да и догонявшие неслись

по степи, стараясь разъехаться полукругом, не давая беглецам свернуть к какой-либо усадьбе или поселку.

А тут еще начавшая приходить в себя Рэйчел стала беспокоиться, вырываться:

— Там осталась Мэг! Мы не можем бросить ее!

— Тише, малышка, не сейчас.

— Но ведь Мэг…

— Там скоро будут мои люди. Главное — отвлечь их сейчас и ускакать.

Они почти кричали друг другу сквозь свист ветра, и от этого или от страшного напряжения Стивен так сильно сжал Рэйчел, что она застонала. Но это успокоило ее, и она перестала вырываться. Стивен откинул голову, ибо его ослепляли ее разметавшиеся волосы, и выругался сквозь зубы. Вперед уходила бескрайняя равнина, в предательском свете луны они были хорошо различимы для преследователей. Расстояние между ними не сокращалось, но и не увеличивалось. Стивену оставалось лишь молить Бога, чтобы скачка остудила пылающих ненавистью и местью фанатиков, и они наконец опомнились. Вместе с тем, он знал, как по-ослиному упрямы эти пуритане. К тому же он совершил то, что могло их распалить не на шутку — вырвал у них жертву и убил предводителя.

Скачка продолжалась. Постепенно местность стала не такой ровной, появились ложбины и возвышенности. Это ни к чему не вело, хотя Стивен лихорадочно соображал, что можно предпринять.

Один раз Рэйчел взмолилась:

— Оставь меня, Стив. Им нужна я, а ты можешь спастись.

Она забыла о всяком этикете, обратившись к нему по имени, но и он забыл всякую церемонность, когда лишь грубо выругался ей на ухо. Какое все это имело сейчас значение? Они ведь могли погибнуть в любой миг. Пару раз сзади звучали выстрелы, и любой мог оказаться роковым. К тому же начинавший задыхаться конь мог пасть, споткнуться, наконец, особенно когда дорога стала резко спускаться под уклон, и конь в самом деле пару раз оступился. Рванув повод и пришпоривая его, Стивен заставил вороного выровнять ход. И тут ему в голову пришла дерзкая и отчаянная мысль.

Они вынеслись из ложбины и скакали между двух пологих холмов. Стивен стал узнавать местность. Тут облако наползло на луну,

настал мрак. И тогда Стивен решился. Преследователи как раз были в низине, стало темно. Другого такого момента могло не представиться.

Гаррисон сдержал храпящего коня, резко соскочил и снял с седла девушку. В следующий миг он сильно ударил коня по крупу, заставляя продолжать путь, а сам, увлекая обессиленную Рэйчел к склону близлежащего холма, повалил девушку на траву и налег сверху, прикрыв собой. Сейчас, если его маневр заметят и их обнаружат — им конец. Если проедут мимо, у беглецов появится шанс. Стивен поглядел на скрывшее луну облако. Достаточно большое, чтобы во мраке всадники не заметили их и пронеслись мимо, следуя на звук подков несущейся впереди лошади без седоков. Он замер, и, сдерживая рвущееся дыхание, непроизвольно молился.

Земля загудела, всадники проехали мимо. Один пронесся так близко, что стук подков о землю слился с биением сердец беглецов. Но когда звук начал удаляться, Стивен вскочил и, рывком подняв Рэйчел, стал изо всех сил увлекать ее в сторону. Им надо было успеть добежать, обогнуть незримую в темноте возвышенность, за которой должен был появиться путь в низину, где располагалась усадьба квакеров.

Рэйчел ни о чем не спрашивала и молча бежала со всех ног во тьме. Один раз она споткнулась, но Стивен рванул ее так, что она слабо застонала. Он почти потащил ее по земле, пока она не смогла вскочить и опять бежать с ним. Стивен оглядывался. Спасительное облако медленно отползало прочь, края его уже засеребрились. Им надо было успеть до того, как луна осветит все вокруг, и преследователи смогут различить обман. Тогда у них останется всего несколько минут, пока фанатики не сообразят, в чем дело, и не начнут рыскать по равнине; они быстро догадаются, где искать беглецов.

Силуэт усадьбы квакеров был еле различим во мраке, но путь им указывал слабый отсвет в двух-трех окошках. Помогут ли им квакеры? Стивен очень надеялся на это. В противном случае они пропали. Но он ведь всегда был другом этих сектантов, да и Рэйчел сделала им немало добра. К тому же квакеры держались особняком от пуритан, не имели с ними ничего общего и вряд ли были склонны потакать фанатикам. По крайней мере, для беглецов это была последняя возможность спастись.

Свет появившейся луны показался ослепительным, когда они, задыхаясь и почти падая, добежали до ворот усадьбы. Мощная стена, как в крепости. Ярость пуритан не сможет сокрушить ее. Слабо сверкнула надпись над воротами: «Я отринул беды прочь». О, Господи, если бы это было так!

Стивен стучал из последних сил. Почему никто не открывает ворота? Почему они медлят? Краем глаза он видел осевшую у створки ворот, поникшую Рэйчел, а назад боялся и оглянуться. Как скоро фанатики сообразят, что они могли укрыться у квакеров? И сообразят ли вообще? Может, преследователи будут рыскать на равнине, выискивая своих жертв в траве и ложбинах? Но почему им не открывают?

Наконец внутри раздался взволнованный вопрошающий голос. Стивен, с трудом проглотив ком в горле, почти простонал:

— Джошуа! Джошуа Симондс! Это я, Гаррисон. Отоприте, во имя всего святого.

Они почти ввалились, падая на руки взволнованным квакерам.

— Боже правый! Стивен… Рэйчел… Миледи… Да что случилось, скажите во имя Бога?

Стивен лишь жестом попросил закрыть ворота. Какое-то время он не мог вымолвить ни слова, задыхаясь.

— За нами гонятся, Джошуа. Фанатики Прейзгода… Уже покойного Прейзгода…

— Что? Вы убили этого служителя сатаны? Воистину богоугодное дело. Но тогда все ясно. Входите скорее в дом И ничего не бойтесь.

— Это опасно для вас, Джошуа, — честно признался Стивен, кладя руку на плечо сектанта. — В этих фанатиков словно сам дьявол вселился. Они жаждут отомстить и хотят расправиться с мисс Рэйчел, объявив ее ведьмой.

— Ничего, ничего, — почти улыбался квакер. — У нас крепкие стены. Нам уже не раз приходилось…

— Джошуа, они не успокоятся. Они могут позвать подмогу, если что-то заподозрят.

До Джошуа Симондса наконец стало доходить, какую опасность представляют нежданные гости. Если фанатики что-то вобьют себе в голову, они так скоро не успокоятся. Он умолк, глядя на переводящую дыхание Рэйчел, на взволнованного Гаррисона. Во дворе стали

собираться его люди, его община. Он был ответственен за них и не мог подвергнуть их жизнь риску. И еще он явственно стал различать шум, долетавший с равнины, топот коней, крики. Шум приближался. Квакер нахмурился, глядя в упор на все еще тяжело дышащего полковника. И вдруг выругался, что совсем не пристало для патриарха его ранга.

— Дьяволово семя! Вы все же наш друг, Стивен. И бедняжка Рэйчел…

Он повернулся к своим людям:

— Никто из вас не видел этих людей! Вы поняли? Расходитесь поскорее.

Потом что-то негромко сказал одному из своих единоверцев. Тот помялся мгновение, потом кивнул:

— Следуйте за мной, господа.

Джошуа на миг задержал Гаррисона.

— Клемент проводит вас, но вы станете молчать о том, где были. Я тебе верю, брат, ты честный человек. И наш друг. Я же поговорю с этими. Может, даже придется впустить их, чтобы убедить, но вас они не найдут.

После этого он пошел с самым решительным видом к воротам, из-за которых уже явственно слышались голоса с требованием отворить. Невозмутимый Клемент сделал знак гостям следовать за ним.

Для Рэйчел все казалось нереальным. Тело ее слабо ныло, колени дрожали от напряжения. Как во сне она прошла в дом, двигалась по каким-то переходам. Открылась одна дверь, потом другая, третья. Свет фонаря слабо высвечивал ступени лестниц, белые стены, грубую, топорную мебель. Потом они оказались в каком-то заставленном шкафами помещении, и их проводник оставил фонарь, сделав знак Стивену помочь ему. Тяжелый звук отодвигаемого шкафа, и они увидели в стене за ним небольшую дверцу.

— Входи, брат, входи, сестра, — по-квакерски простодушно обратился он к ним. — Джошуа верит вам, значит, вы сохраните в секрете, что увидите.

Он протянул им фонарь. Сгибаясь в низкой арке двери, они прошли внутрь и увидели уводящие вниз ступени. Дверь закрылась, было слышно, как Клемент кряхтит, рывками задвигая на место шкаф.

Рэйчел взглянула на Стивена. Он был растрепан, без шляпы, которую обронил где-то по пути. Приподняв фонарь, он осветил

лестницу, потом поглядел на девушку и чуть улыбнулся.

— Чудаки эти квакеры. Знаете, мисс, где мы сейчас оказались? Ставлю голову против стертого пенса, что мы в том самом тайнике, где они хранят свой контрабандный коньяк. Словно мне неведомо, что они им приторговывают.

Он пытался шутить, но Рэйчел было невесело. Она медленно стала спускаться по ступеням вслед за Стивеном.

Они оказались в продолговатом, довольно обширном помещении с очень низким сводом. По-видимому, усадьба квакеров была выстроена на месте более древних построек, и это помещение, с его встроенными в стену толстыми колоннами римского типа, носило следы глухой древности. Однако огромные бочки, располагавшиеся здесь, были совсем новые, схваченные толстыми железными обручами. На полках у стены стояли уже разлитые в пузатые бутылки напитки.

Гаррисон приподнял факел и осветил все вокруг.

— Н-да. Коньяк. Превосходный французский коньяк из-под полы. Господа квакеры зачастую не позволяют себе даже бутылки вина к обеду, но неплохо зарабатывают на продаже этого напитка.

Он старался отвлечь Рэйчел от пережитого волнения; она же молча осела на скамью у стены. Затем он опустился на перевернутый пустой бочонок перед ней, отставив в сторону фонарь. Вид у девушки был по-прежнему измученный, черные спутанные локоны падали со щек. При слабом освещении фонаря они отливали синевой, а глаза, отрешенные, словно в страхе, расширенные, светились острым напряженным блеском на осунувшемся смуглом лице. Стивен ощутил жалость к ней. Стараясь отвлечь Рэйчел, он заговорил, что давно знал, что квакеры приторговывают спиртным, и стал объяснять, отчего закрывал на это глаза.

Вряд ли девушка слушала его. Даже когда он стал говорить, что Джошуа Симондс вряд ли заинтересован в выдаче покровительствующего ему помощника шерифа, она никак не отреагировала. Он продолжал говорить, надеясь, что его слова отвлекут ее — о том, что в усадьбе крепкая стена, что квакеры скроют их и что даже если впустят кого-нибудь в усадьбу, преследователи вряд ли найдут их в этом тайном убежище. Он говорил долго.

— Мэг, — вдруг произнесла девушка. — Мы оставили ее. Они могут докончить начатое. Боже, помоги ей. — Она заломила руки и

всхлипнула.

Стивен виновато вздохнул:

— Я сделал все, что мог, клянусь вам. Надеюсь, что худшего не случится. Ведь большинство из этих фанатиков поскакали за нами. А те, что остались, достаточно отвлечены гибелью своего предводителя, этого пса… — В голосе Стивена прорвалась неприкрытая злость, но он взял себя в руки и глубоко вздохнул. — Успокойтесь, мисс. Я ведь послал Михея Баррета за моими людьми в Уайтбридж и велел им скакать к Стоунхенджу. Не знаю, что мне подсказало, что эти фанатики соберутся там. Жаль только, что я не поделился своими соображениями с вашим отцом. Он ведь тоже выехал со своими людьми из Сент-Прайори на поиски. Так что то ли они, то ли милиция из Уайтбриджа должны вот-вот появиться там. Возможно, ваша кормилица и не пострадает.

— Они ее едва не повесили, — словно простонала девушка. — Я вырвала ее у них почти из петли. И этим разозлила.

Они молчали. Рэйчел начала всхлипывать. Стивен подумал, что это к лучшему: если она заплачет, ей станет легче. Он лишь сказал, что она поступила неблагоразумно, в одиночку ускакав из замка и подвергнув тем самым себя смертельной опасности.

— Я не могла поступить иначе, — сквозь слезы говорила Рэйчел. — Я была словно не в себе от страха за кормилицу.

Он чуть кивнул, заметив, что она мелко дрожит. Да и он сам был в каком-то нервном напряжении, хотя пытался не выказывать этого.

— Вот что, мисс, нам с вами следует выпить. Коньяк сейчас — то, что нужно. Думаю, господа квакеры простят, если мы немного похозяйничаем в их подполье.

Он подошел к одной из полок, взял бутылку с коньяком, снял с нее восковой колпачок и без малейшего толчка извлек из горлышка крепко забитую пробку. При этом он поглядывал на девушку, которая сидела, склонив голову на скрещенные пальцы рук. Да, ей сейчас необходимо выпить, чтобы немного взбодриться. Он покрутился, ища, куда бы налить жидкость. У одной из бочек стояла пустая кружка. Стивен налил ее до половины и протянул Рэйчел. Она безучастно взяла ее. Другой посуды не было, и Стивен отпил прямо из горлышка. Несколько добрых глотков. Он закашлялся, вытер губы тыльной

стороной руки. Коньяк был крепче, чем он ожидал, но сейчас это даже к лучшему. Стивен почувствовал приятное тепло в груди.

— Ну же, Рэйчел, пейте. Это сейчас как раз то, что нужно.

Так как она не двигалась, он присел рядом, поднял ей голову и прижал край кружки к самым губам, так что ей пришлось глотнуть несколько раз. Девушка была явно не привычна к напиткам подобной крепости и закашлялась; даже на глаза навернулись слезы. Потом по-прежнему молчала, глядя перед собой, но постепенно краски стали возвращаться на ее щеки.

Они сидели рядом. Стивен вновь глотнул из горлышка, ему стало тепло. А вот Рэйчел, хотя и сказала, что чувствует себя почти нормально, продолжала мелко дрожать. Здесь, в подполье, было все же прохладно. Одежда девушки казалась совсем растерзанной, особенно жакет: один рукав совсем оторван, и у горла вырван клок. Стивен вдруг уловил, что не может отвести глаз от ее кожи на груди и плече, казавшейся матово-светлой рядом с темными, как ночь, прядями рассыпавшихся волос. Сейчас это была словно какая-то другая Рэйчел, не чопорная, опрятная пуританочка, а женщина с распущенными волосами, драматически-привлекательным лицом, почти полураздетая. Лишь в талии жакет был застегнут на пару пуговиц, тонкая нижняя рубаха обтягивала высокую грудь с чуть проступавшими сосками, плечи открытые, еще по-девичьи хрупкие, но сильные и округлые. Это была совсем другая женщина, словно незнакомая ему. И она его волновала.

Стивен тряхнул головой, отгоняя непристойные мысли, и вновь хлебнул из горлышка. Нет, он должен всегда помнить, что рядом с ним сидит слабая, беззащитная девушка, недавно пережившая страшное потрясение, которую он сам взялся защитить. К тому же сестра его невесты.

— Выпейте еще, мисс Рэйчел. Вы вся дрожите.

Она повиновалась, залпом допила и, задыхаясь, отдала ему кружку, чуть склонившись при этом. Стивена едва не обдало жаром ее близости. Нет, он должен гнать от себя подобные мысли. Подумав немного, он снял камзол и накинул ей на плечи. Она поблагодарила его кивком, но мысли ее были далеко.

— Какой это был ужас, Стив.

Он увидел, как из ее широко открытых глаз скатилась тяжелая слеза и застыла в уголке пухлых губ. Он не мог отвести от них глаз, и оттого, что она так просто назвала его по имени, что-то дрогнуло у него в сердце. Но он лишь произнес:

— Успокойтесь. Не думайте, не вспоминайте.

— Не могу, — простонала она. — Так и вижу перед собой толпу — горящие факелы, крики, вой и жестокие, оскаленные, злорадные, непристойные лица.

Теперь она задыхалась и была на грани истерики, почп; вскрикивала. У нее даже застучали зубы.

— Ну тише, тише, девочка.

Он обнял ее, успокаивая и мысленно ругая себя за столь несвоевременное желание крепко сжать ее, сдерживал силу рук. Он ласково провел пальцем по волосам девушки. Они были такие густые, шелковистые. Стивен стал утешать ее, ласкал как ребенка, а она все плакала и плакала, не замечая, что от ее слез уже намок ворот рубашки утешителя. Цепляясь за него, дрожа, она постепенно ощутила у него на груди безопасность и такое приятное чувство быть с ним, находиться в его руках, под его защитой. О, она так мечтала об этом. Потрясший ее ужас стал ослабевать, порывы страха и отвращения угасли. Она перестала задыхаться, дыхание ее стало ровнее. Ей сделалось так хорошо. И стыдно.

Она быстро отстранилась. Показалось или нет, он словно нехотя разнял обнимавшие руки, и от этого ей стало еще более неловко. Она словно отчетливее ощутила свою обнаженную руку под его теплыми ладонями; до нее наконец дошло, в каком беспорядке ее одежда. И что на ней камзол Стивена. Она плотнее стянула его у горла, трясущимися руками стала пытаться поправить жакет на груди, торопливо застегивая пуговицы. У нее это получалось неловко. Наверное, потому, что Стивен продолжал глядеть на нее. Она покосилась на него и заметила в его взгляде нечто такое, от чего у нее мурашки побежали по спине и рукам. Они сидели одни в небольшом пятне света фонаря, как на острове среди тьмы. Словно ничего иного больше не существовало.

Тут до них донеслись звуки возни у двери. Стивен моментально поднялся и, положив руку на эфес шпаги, направился к выходу. Рэйчел сразу стало одиноко и страшно без него. Замерев, она прислушивалась к тихим звукам голосов в проеме двери. Потом Стивен появился опять.

Он что-то нес, перекинув через плечо. Лицо у него было чуть нахмурено.

— Дело в том, Рэйчел, что мы не сможем сейчас уйти. Квакерам все же пришлось впустить этих фанатиков, чтобы те удостоверились, что нас тут нет. Похоже, их это не очень убедило, но они уже не грозятся спалить усадьбу. Большинство из них, правда, уехали, но несколько человек они оставили на случай, если мы появимся. Так что Джошуа предложил нам переночевать здесь. Вот дал плащи, здесь прохладно. Он даже великодушно позволил нам выпить коньяка, чтобы согреться. Что мы уже и сделали, не так ли? — И он хитро подмигнул девушке.

Рэйчел вдруг уловила, что улыбается:

— Налейте мне еще этого заморского напитка.

Он покорно налил, но при этом заметил, чтобы она не увлеклась, ибо коньяк — крепкое зелье. Что, однако, не помешало ему самому допить бутылку, после чего он облизнул губы, смакуя напиток.

— Я, кажется, начинаю входить во вкус. Когда все закончится, непременно прикуплю у Джошуа пару бутылочек.

Рэйчел засмеялась, сама не зная чему. Возможно, она уже охмелела, а может, была довольна, что осталась вместе со Стивеном. Пугало ли ее его общество? Пожалуй, что да. Но вместе с тем, она была ему рада. Отхлебнув из кружки, облокотившись затылком о стену, она глядела, как он усаживается на стол у противоположной стены, небрежно бросив рядом с собой плащи. Он сидел, чуть болтая ногами, как мальчишка. Она улыбалась ему и видела сквозь полумрак, как блестят его глаза. Потом он тряхнул головой:

— Кажется, я опьянел.

— Я тоже.

Да, ей стало по-хмельному легко. Почти хорошо. Голова уже не болела, тело расслабилось. Она глядела на своего спасителя, на свою давнюю, потаенную любовь. Рэйчел нравилось, как ему на глаза падают волосы, какой он растрепанный. Она замечала, как рельефно выделяются его могучие мускулы под тонким полотном рубашки, и это ее взволновало.

— Славная была погоня, — улыбнулся Стивен.

Она увидела, как сверкнули его зубы, и тоже улыбнулась:

— Да.

Но потом нахмурилась:

— Только…

— Успокойтесь, Рэч. Все будет хорошо, вот увидите. А то, что было… Вспомните, в Писании сказано: «Всему свое время, и всякой вещи под небом. Время убивать и время врачевать. Время ненавидеть и время любить…»

На последнем слове он запнулся.

— Да, — снова сказала она. Ей было хорошо и легко. Он прав, не стоит думать о том, что произошло. Они спаслись. Он спас ее… И Мэг тоже кто-то выручит из беды. Обязательно. Он ведь так сказал. А она ему верит. Сейчас ей надо просто насладиться тем, что по воле случая они могут побыть вдвоем. Просто так. Иначе и быть не может.

Она снова отхлебнула из кружки. В груди разливалось приятное тепло. Хихикнув, она заметила, что тоже купит у квакеров коньяка.

Стивен вдруг вскочил со стола и стал мерить шагами помещение. Она следила за ним глазами и улыбалась, а он чувствовал это и злился. Его волновал ее взгляд, ее улыбка. В этом был словно какой-то вызов с ее стороны, который ему безумно хотелось принять. Пару раз и ранее ему казалось, что он замечал нечто подобное в ее глазах… черных, влекущих… колдовских глазах. Как они, однако, не схожи с Евой…

Мысль о невесте несколько привела его в чувство. Он прижался пылающим лицом к холодному камню и подумал, что опьянел. Пьян, как свинья Давида… Нет, ему надо отвлечься, думать о чем-то другом.

Он опять сел на стол. Так меж ними было хоть достаточно большое расстояние.

— Рэйчел, что сказал ваш отец по поводу гибели леди Элизабет? По поводу всех этих загадочных смертей?

Улыбка медленно сползла с лица девушки. Теперь она глядела на него почти сердито. Потом вдруг приникла к кружке и выпила ее залпом, даже задохнулась, вскакивая, и затрясла напряженно кистью руки.

— Рэйчел, вы пьете, словно заправский пьяница, — усмехнулся Гаррисон.

Она справилась с дыханием и поглядела на него:

— Разве вы не обсуждали эту тему с моим отцом?

Опять эти почти злые нотки в голосе. Они словно стали удаляться друг от друга. Стивен с какой-то болью подумал, что, возможно, это и

к лучшему.

— Почти нет. Я начал было разговор, но барон сказал, что разберется со всем сам, сам всех допросит и все узнает. Не опрометчиво ли это? Ведь то, что происходит в замке, — опасно. Для всех. И для вас также, Рэйчел.

Она лишь подумала, что он не говорил о Еве, и это обрадовало ее. Но вслух произнесла:

— Как оказалось, вне стен замка мне находиться тоже опасно.

— Я разберусь с этим, — перебил ее Гаррисон.

Она думала о чем-то своем и улыбалась:

— Отец все уладит. А я… Что ж, если вы не забыли, лорд Джулиан Грэнтэм попросил моей руки. И я скоро уеду из Сент-Прайори.

Она почти вызывающе подняла подбородок. Глаза ее ярко блестели. Особенно при виде того, как поник Стивен.

— Ваш отец, — начал он, запнулся. — Вы… мисс Рэйчел… Вы согласились?

— Да!

Он промолчал:

— Конечно, он привлекательный мужчина. И лорд. Но вы ведь совсем не знаете его?

Она заулыбалась, крутя в руках пустую кружку.

— Вы что, не одобряете мой выбор?

— Нет.

Теперь Рэйчел глядела на него не улыбаясь:

— Вас это не должно касаться. И почему вы все время говорите только обо мне? Не о Еве?

Он молчал. От его молчания Рэйчел почувствовала слабость и немного испугалась. Но одновременно ее охватила какая-то странная радость. Голова кружилась, сердце стучало, и вместе с тем она была странно напряжена. С ней что-то происходило. Знакомое и еще не известное, волнующее. Она глядела на него и ощущала каждой клеточкой своего тела, что хочет быть с ним, прикоснуться к нему, прижаться, довериться его рукам.

— Вы молчите? Отвечайте же!

Она не имела права требовать, но тем не менее настаивала. Он смотрел на нее. Даже в полумраке она видела его горящий взгляд.

— Потому что сейчас со мной рядом вы. И я ни о чем не могу думать, кроме вас, — тихо и словно с усилием и стыдом, что говорит правду, ответил Стивен.

У нее забилось сердце так, что стало больно дышать. Мир кружился и плыл. Все казалось нереальным. Как во сне… Как в одном из тех упоительных снов, в которых он говорил ей эти слова. Она боялась лишь одного — что сейчас проснется.

— Стив… — тихо произнесла она, затем медленно встала и пошла к нему, но пошатнулась. Он подхватил ее быстрее, чем она ожидала.

— Я, кажется, пьяна, — прошептала она, положив голову ему на плечо. Рэйчел почувствовала, что Стивен готов отпустить ее, словно ее слова принудили его к этому, но теперь уже она не пускала его, обняв и крепко прижавшись.

Его лицо было так близко, а прикосновение поддерживающих ее сильных рук волновало. Пьянящее влечение к Стивену пронзило ее, подчинив все остальные чувства и мысли. Она слышала лишь свое прерывистое дыхание, оглушающе стучащее сердце.

— Я ведь еще не поблагодарила вас за то, что вы спасли меня.

— Рэйчел, — задыхаясь, почти умоляя, произнес он, но она прижала палец к его губам. Потом ее рука скользнула по его лицу, едва касаясь, прошлась по губам, светлым усам, контуру уха, пропуская меж пальцев шелковистые волосы.

— Рэйчел, — опять произнес, почти шептал он. — Мы просто пьяны.

Его глаза горели огнем, и это сделало ее смелой. О, она бы умерла, если бы сейчас он отпустил ее. Она вся дрожала, словно не в силах поверить в это. Все ее тело пылало и задыхалось от охвативших ее чувств. Забыв все на свете, она прошептала:

— И нам хорошо вдвоем. Не так ли?

Он поглядел на ее губы. Яркие, пухлые, манящие. Он медленно закрыл глаза и приник к ним. Ах, этот вкус, этот аромат, ее аромат и нежность ее губ были так знакомы, будто он целовал ее сотни раз. Она была так близка ему, дорога, желанна… Целуя ее, он почувствовал, как разомкнулись ему навстречу ее уста, как, еще не искушенная, она сильно вздрогнула, ответила ему, и сильнее обняла. «Она хотела

этого», — пронеслось у него в сознании с запоздалым удивлением, и он забыл обо всем, целуя ее со все возрастающим желанием.

Рэйчел не нужно было учиться целоваться. Она поняла все мгновенно. Ее горячая испанская кровь, ее так долго сдерживаемый темперамент подсказали ей все. Она словно попала в родную стихию, захваченная страстью обнимавшего ее мужчины, и поддавалась ему, совсем не сдерживая себя; чувствовала его жаркие губы на своих устах… Потом на шее, на плечах… Его камзол упал с ее плеч, руки ласкали ее со все большей страстью, он целовал так жадно, словно хотел выпить всю ее кровь… Больше она не могла думать ни о чем, растворяясь в сладостной жажде его любви. Раскаяние следовало оставить на потом…

Она с радостью позволила ему раздеть себя, видела, как, отстегнув и отложив шпагу, он резко сорвал с себя рубаху. Рэйчел глядела на него как зачарованная. Он был таким сильным… таким притягивающим. Она гладила его плечи, сильные руки, грудь, запускала пальцы в волосы. А его прикосновения к ней… Как сквозь сон она увидела, что он расстелил на полу плащи, лег, увлекая ее за собой. Она уступала быстро, ей вовсе не хотелось ждать; когда он стал ласкать ее грудь, она вздрогнула с головы до ног, и в ней стало нарастать ощущение неимоверной радости.

— Стив, — прошептала она. — Я так давно люблю тебя… Я была так несчастна.

Она не понимала, что говорит, и, лишь на миг приоткрыв глаза, увидела счастливое изумление в его глазах. Это было более, чем она могла себе представить. Его ласки доводили ее до исступления.

— Пожалуйста!.. — молила она, совсем не понимая, что именно она хочет. Но где-то в ней таилось какое-то невероятное, сводящее с ума напряжение. И освободить от него мог только он. Она всегда так хотела этого. Рэйчел понимала, что сейчас что-то произойдет, но именно этого она и ждала.

Когда он наконец нежно и бережно овладел ею, она даже не испытала боли, настолько сильным оказалось ожидаемое наслаждение. Она поднялась ему навстречу, зная, что именно этого он и ждет. Невольный стон вырвался из его груди и прошептал ее имя… Так нежно, так бесконечно нежно… Каким-то остатком сознания она отметила, что именно ее имя, а не сестры, он повторил у самых ее губ.

И еще подумала, что доставляет ему радость… что же ей еще было желать? А потом была страсть. Сумасшедшая, упоительная, в которой движения обоих были подчинены какой-то непонятной силе, владеющей ими без их на то воли, уносившей их все дальше и дальше, но одновременно делающих все ближе друг к другу… уводя туда, к искрящимся далям, где рождается экстаз.

Потом она глядела прямо перед собой, не замечая текущих по лицу счастливых слез. Он целовал ее лицо и улыбался, и она, придя в себя, улыбнулась ему. Они не замечали, где они, не чувствовали холода, о чем-то говорили, почти не зная о чем. И опять целовались и целовались, сжимая друг друга в объятиях, прерывая поцелуи, чтобы опять их возобновить со счастливым смехом. Они вдруг забыли, что не принадлежат друг другу, что Стивен с приездом Робсарта считал, будто его женитьба на Еве уже не за горами, а Рэйчел забыла, что еще недавно ответила «да» другому, в которого, как считала, была влюблена.

Дивно, как вмиг изменился мир. Он стал другим, словно созданным только для них. Они даже не вспомнили об опасности, которой недавно подверглись, не видели убогости своего холодного обиталища.

— Ты восхитительна, — шептал Стивен. — Это тебя я искал всю жизнь.

— Я твоя, Стив, я так давно твоя. Всю жизнь…

— И ты скрывала!

Он чуть не сказал: «Что ты наделала?» Но не произнес этого. Существовал определенный барьер, сквозь который они не смели сейчас переступить из подсознательного страха разрушить дивное очарование, словно понимая, что тогда все исчезнет. Они наслаждались этим неожиданным, ослепительным счастьем, будто зная, что срок для него так краток…

Она чуть вздрогнула от холода, и он укрыл ее:

— Нам надо согреться.

Он подошел к стеллажам за новой бутылкой, и она, приподнявшись на локте, улыбнулась, проводя его взглядом. Глядеть на него было приятно. У него было такое сильное, смуглое тело, мускулистые стройные ноги, широкая спина. Тугие мускулы так и перекатывались под гладкой кожей. Когда он вернулся и сел рядом, она

прильнула к нему, ласково гладя его и словно удивляясь шелковистости и нежности его кожи.

Теперь они оба пили из горлышка бутылки. Рэйчел поперхнулась, струйка жидкости потекла по ее горлу, и Стивен склонился к ней, отставив бутылку, снова стал целовать ее. И опять был ураган ласк, поцелуев, объятий, а потом упоительное блаженство, которое они так легко и радостно дарили друг другу.

Мир уплывал.

Склоняясь над расслабленной, счастливой Рэйчел, любуясь ею, Стивен тихо шептал строки из «Песни песней»:

— Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, стан твой похож на пальму, груди, как виноградные кисти…

Девушка сонно и счастливо улыбалась, прикрыв глаза. Она не заметила, когда заснула. Покоиться в его руках было так надежно и упоительно, что она не ощутила, когда ее сознание начал туманить сон. Пережитые потрясения и блаженная усталость растворились в глубоком успокаивающем сне. Лишь когда она стала мерзнуть и у нее от непривычно жесткого ложа заболело плечо, она проснулась и села, еще ничего не понимая со сна.

Рэйчел увидела, что она в комнате одна.

У стены она разглядела свою разбросанную одежду, заметила, что укрыта несколькими плащами. Огонек свечи за стеклом фонаря тускло светил, вырисовывая контуры бочек и бутылей на полках. Но Стивена не было. Это показалось ей столь странным, что у нее промелькнула мысль, не пригрезилось ли ей все это. Но то, что она лежала нагая под плащами, указывало, что это не сон. Что это случилось, и теперь она стала другой — женщиной.

Ее вдруг обуял страх. Что она наделала? Как могла?.. И где Стивен? От того, что его не было с ней, ей стало еще страшнее. Он ушел, понял, что они просто напились и совершили глупость. И теперь им надо молчать о том, что произошло, надо скрыть это от всех.

Рэйчел стала торопливо одеваться. И вдруг поняла, что плачет. Ей стало так больно… от тоски, страха и безысходности. Надо было как-то успокоиться. Начатая бутыль с коньяком все еще стояла на полу. Она сделала глоток и скривилась. Как она вчера могла пить эту гадость? Но вчера все было по-другому.

Коньяк вскоре подействовал. Она ощутила приятное тепло, и силы стали возвращаться к ней. Она накинула квакерский плащ с капюшоном, чтобы скрыть порванную одежду. Боже, что с ней было вчера! Только вчера. Как много произошло за это время. А главное, изменилась она сама.

Девушка быстро пошла к выходу, толкнула дверь. В белесом свете нового дня она увидела Джошуа Симондса. Он сидел за столом и что-то писал. Заметив ее, он отложил перо и улыбнулся:

— Ты уже выспалась? Доброе утро, сестра. Вернее, уже добрый день. Ты долго спала, но Стивен не велел тебя беспокоить.

Похоже, квакер ни о чем не догадывался. Проглотив ком в горле, Рэйчел спросила, давно ли ушел полковник. Да, едва начало светать, сразу, как уехали фанатики. С рассветом они успокоились, похоже, стали соображать, что наделали ночью. Было ведь полнолуние, когда глаз ночи мутит разум людей и смущает их души. Но с приходом дня все изменилось. Поэтому пуритане поспешили убраться, едва рассвело. А следом за ними отбыл Стивен. Утром к усадьбе прибился его вороной, вот на нем он и уехал. А ее велел не трогать, сказал, что леди Робсарт уснула, а сон — это как раз то, что успокоит ее, вернет силы.

«Попросту сбежал, — зло подумала девушка, — чтобы не объясняться со мной».

— Я тоже хочу уехать. Дадите мне лошадь или мула?

— Конечно, конечно. Но разве ты не изволишь потрапезничать с нами, сестра?

Эта квакерская бесцеремонность в обращении сейчас особенно раздражала Рэйчел. Отказавшись, она стала торопиться. Во дворе ее окружили обитатели усадьбы, выражая сочувствие. Она еле разжимала губы, отвечая им. Дождавшись, пока ей приведут оседланного пони, она стегнула его, вынеслась со двора и поскакала крупной рысью по дороге, глотая сырой туманный воздух. Потом резко осадила лошадку и еле удержалась в седле, когда конь вздыбился. Но Рэйчел почти не думала об этом. Она сидела, тупо глядя перед собой. Как ей теперь быть? Как она сможет глядеть в глаза сестре, отцу, Джулиану? И Стивену. Что ей говорить им, когда ее жизнь войдет в нормальное русло и она станет такой, как прежде? Лгать ли или во всем сознаться? Ее вдруг охватило чувство непоправимой потери. Оно окончилось, ее

греховное и счастливое приключение. Она хотела этого, но только сейчас поняла, что предала всех, кто был ей дорог. Она совершила грех, в этом было даже что-то библейское, и теперь за грехом неотвратимо последует наказание. А Стив уехал… Оставил ее один на один с собственной судьбой. Сначала он спас ее, потом погубил. Теперь ее нравственные понятия и природное чувство женского достоинства были разрушены, она осталась одна.

Она не знала, сколько провела так в оцепенении. Ее лошадка, устав стоять, шагом двинулась по тропе. Рэйчел ее не сдерживала, погруженная в свои горестные думы. Очнулась она лишь когда впереди замаячили кровли какого-то хутора. Легкий ветер доносил блеяние овец. Вокруг текла жизнь, обыденная и обыкновенная, словно ничего не изменилось. И Рэйчел предстояло жить в этом нормальном мире.

Она вздохнула и подумала, что ее домашние наверняка волнуются о ней, и надо сообразить, что она скажет им. Потом, как струна, заныло беспокойство о Мэг. Захваченная своими переживаниями, она и не вспомнила о кормилице. Возможно, в ней говорил обычный человеческий эгоизм, а может, ее просто успокоили речи Стивена о том, что Мэг обязательно спасут. Но сейчас она не на шутку забеспокоилась. Ей следует поскорее ехать и все разузнать. Сейчас это главное, а личные проблемы… Рядом с беспокойством о судьбе Мэг они отошли на второй план.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТЬ

Ева провела ужасную ночь.

Несмотря на уговоры Нэнси, она отказывалась подняться к себе и мерила шагами пространство холла, зябко кутаясь в теплую шаль. Все уехали, оставили ее одну, без вестей, без поддержки, а те, что оказывали ей услуги, только раздражали. Она прогнала их и бродила от стены к стене; порой садилась в кресло, даже начинала дремать, потом резко вставала и вновь начинала ходить.

У слабо мерцавшего угольями камина шерстяным ковром разлеглись спаниели; порой они шевелились, зевали, поглядывая на хозяйку. Она не ласкала их, не играла, а пару раз, когда та или иная из собачек начинала семенить за ней, прыгать на юбки, резко их отгоняла. Ева была словно сама не своя.

Она и не ожидала, что так сильно любит сестру, не думала, что настолько испугается за нее. Глупая маленькая Рэч, услужливая, внимательная тихоня, скромная пуританочка, которой она едва ли не пренебрегала. Думая лишь о себе, она почти не уделяла внимания сестре, не интересовалась, что у той на душе. Сестра всегда казалась незаметной, и Ева считала ее существом ограниченным, погрязшим в делах хозяйства, ничем, кроме этого, не интересующимся. Ведь Рэйчел всегда была так внимательна к ней, так нежна, старалась быть опорой в трудную минуту. А она почти злилась, замечая, что Рэйчел становится хорошенькой, завидовала ее юности. Но если с Рэйчел что-то случится… если эти пуритане что-то сделают с ней!.. О как глупо, как опрометчиво поступила сестра, кинувшись в одиночку спасать свою диковатую кормилицу. Но Ева понимала, что будь на месте Мэг кто-то из них — она, отец или Энтони… даже Стивен… Попади они в беду… И тогда бы Рэйчел поспешила им на помощь. Для нее помогать близким было словно дышать. В этом была она вся, недаром их отец так рассчитывал на нее. Именно на нее, а не на свою старшую дочь Еву.

Она начала беззвучно плакать и вздрогнула, когда рядом появился силуэт горничной.

— Боже мой, Нэнси. Как ты тихо ходишь.

— Я принесла вам подогретого эля, миледи. Вам надо подкрепиться.

Но Ева даже не взглянула на поднос.

— Что еще? Я ничего не хочу, — резко сказала Ева, когда Нэнси не ушла, переминаясь с ноги на ногу.

— Миледи… Эти звуки в парке. Мне страшно.

— Глупости. Там сейчас Бен Петтигрю, а он хороший, надежный охранник. Не то что пьяница Томас.

Она умолкла. Томас Легг сейчас вместе с отцом ускакал разыскивать Рэйчел. Господи, хоть бы весточку от них получить. Неизвестность хуже всего.

Нэнси все стояла рядом, и Ева успокоила ее уже мягче, сказав, что в ночи полнолуния в парке всегда шумно.

Это навело ее на другие мысли. О том, что Карл Стюарт попросил у отца ее руки. Она и сейчас невольно задохнулась при одном воспоминании об этом. Это было почти счастье, настоящий триумф. Если она сможет оправдаться в его глазах. Ей надо переговорить об этом с отцом, он что-нибудь придумает. Но что? Из-за проклятия рода Робсартов она может упустить Карла Стюарта! И опять остаться пленницей Сент-Прайори.

От этих мыслей становилось совсем скверно. Хорошо еще, что переполох из-за Рэйчел позволил ей избежать немедленного объяснения с Карлом; есть время придумать что-нибудь. Но сейчас все ее мысли путались из-за тревоги за сестру. Одна надежда на отца. Он что-нибудь придумает, успокоит короля, сумеет скрыть позорную тайну их семейства.

Под утро ей все же удалось заснуть. Ева спала, свернувшись калачиком в кресле, уронив голову на подлокотник. Разбудило ее тявканье спаниелей. Она увидела, что в окна льется сероватый предутренний свет, и тотчас различила цокот подков по плитам двора. Стремглав вскочив, она кинулась к двери и стала отодвигать засовы.

Энтони Робсарт устало слазил с лошади, разминая затекшие ноги. Ева подбежала к нему.

— Что? Где Рэйчел? Где все? Да отвечайте, ради всего святого!

Но Энтони заговорил, лишь когда прошел в дом и устало опустился на скамью, опершись затылком о стену. Видимо, он был очень утомлен, так как в кои-то веки начал не с цитат из Библии. Он

него Ева узнала, что Уайтбридж бурлит, потому что люди Стивена этой ночью разогнали толпу обезумевших фанатиков. Многие в страхе перед наказанием разбежались, но лорд Робсарт поехал даже в Эймсбери, чтобы вызвать войска и переловить всех. Мятежники должны понести наказание.

— А Рэйчел, дядюшка? Где наша Рэйчел?

Оказалось, Энтони не знает. Перед рассветом в Уайтбридж прибыл Стивен Гаррисон и сказал, что Рэйчел удалось спастись от разбушевавшейся толпы. А вот Мэг пришлось туго, эти сектанты ее чуть не повесили. Старуха совсем плоха, еле шевелится, да и с речью у нее что-то. Стивен повез ее в свою усадьбу и поручил заботам своей матери.

Ева обрадовалась, что Мэг удалось спастись, но ее куда более интересовала участь сестры. И еще она то и дело справлялась о Чарльзе Трентоне. Видел ли его Энтони? Где они сейчас? Энтони отвечал неопределенно. Похоже, что мистер Трентон поскакал вместе с Робсартом в Эймсбери. Ева сначала опешила, но потом попросту поняла, что дядя высказал первую пришедшую на ум догадку, не желая показать себя неосведомленным. Просто он не имеет понятия, где Рэйчел и Чарльз Трентон. Зато он сообщил, что Захария Прейзгод убит. Так тому и надо, поделом. Возомнил себя орудием Божьим в руках провидения, а сам лишь сеял смуту и раздор, подбивая правоверных христиан совершать казни, по сути жертвоприношения, в Стоунхендже. Этот фарисей… и далее уже передохнувший Энтони, завидев собирающихся слуг, приступил к своей излюбленной манере цитировать строки из Библии. Ева в нетерпении оставила его, вышла на крыльцо и остановилась, задумчиво глядя перед собой.

Утро вставало безмятежно тихое, солнце тускло светило сквозь туманную дымку. Ева достала часики, которые носила у пояса, встряхнула и завела маленьким ключиком. Было начало девятого. Скоро должны появиться поденщики, и в отсутствие Рэйчел ей следует распределить их обязанности. Хвала Всевышнему, с сестрой, видимо, ничего не случилось. Но все равно, Еве было бы спокойнее, если бы малышка Рэч скорее оказалась дома.

Вокруг было странно тихо. Даже галки, обычно стаями сидевшие на ветвях деревьев старого парка, вспорхнули и разлетелись неведомо куда. Потому-то стук хопыт, раздавшийся на аллее в парке, показался

таким громким. Ева с надеждой глядела, кто едет, но, когда появился всадник, сердито повела плечами, почти отвернулась. Джулиан Грэнтэм.

Он подъехал, осадил коня. Джулиан выглядел усталым, но конь горячился, так и плясал под ним.

— Мисс Рэйчел уже дома?

— Разве вы не знаете? Вы что, не были с остальными?

— Нет. Я отбился от них и заплутал на равнине.

— О, какой опытный воин. Заблудился среди солсберийских пустошей в полнолуние!..

— Не язвите, Ева. Я очень волнуюсь о вашей сестре. Она ведь моя невеста, смею напомнить.

Ева, вздохнув, поглядела на лорда уже более доброжелательно.

— Со слов дядюшки Энтони я поняла, что Рэйчел удалось избежать опасности. Но я не знаю, где она сейчас. Думаю, в Уайтбридже.

— Главное, что ей уже ничего не угрожает. Слава Создателю! А… — он запнулся, — не известно ли вам, где может быть… мистер Трентон.

— Если вы имеете в виду Его Величество…

— Тише, ради Бога! — встрепенулся Джулиан.

Еву забавляла его нервозность. Она недолюбливала Джулиана, и ей попросту хотелось его позлить.

— Мистер Трентон отбыл с моим отцом в город Эймс-бери, — сдерживая усмешку, сказала она. — Они хотят вызвать войска, чтобы пресечь беспорядки в округе.

— Но это невозможно! — скорее изумился, чем возмутился Джулиан. И, заметив ироничный взгляд Евы, добавил: — Вы ведь не хуже меня понимаете, как ему опасно привлекать к себе внимание.

Она это понимала, но не желала разубеждать Джулиана. Пусть попереживает. Насмешливо улыбаясь, она глядела, как он повернул коня и помчался к воротам. У этого хватит ума скакать до самого Эймсбери. Что ж, вольному воля.

Но Джулиан вернулся весьма скоро, с королем и людьми из Сент-Прайори. Видимо, он встретил их на равнине. Все выглядели утомленными, кони спотыкались на каждом шагу. Джулиан сердито посмотрел на Еву, но она даже не взглянула в его сторону. Она

смотрела лишь на короля. Вдруг она спохватилась, сообразив, что выглядела не лучшим образом: усталая, кое-как одетая, с развившимися, растрепанными волосами. Ева знала, что эта прическа не красит ее, подчеркивая короткую шею; а у глаз наверняка пролегли усталые круги. Поэтому, пока Карл тяжело слазил с седла, она юркнула за ближайший угол, торопливо заплела волосы, покусала губы, чтобы покраснели, и нащипала бледные щеки, стремясь вернуть прежний румянец.

Когда Ева выглянула из-за укрытия, она едва нос к носу не столкнулась с королем. Оба опешили, потом рассмеялись.

— Ты сейчас выглядишь, как девочка, Ева, как прелестная маленькая пастушка. Прямо дитя с этими косичками.

Она, едва достигая ему до плеча, почти подпрыгнула, чтобы поцеловать его. Он поймал ее на лету. Карл выглядел усталым и счастливым. И Ева была счастлива — от того, что он вернулся и находит се хорошенькой, что сейчас ему не до расспросов о тайне Сент-Прайори. Наоборот, она его засыпала вопросами. Он отвечал: да, у них была славная охота; людей лорда Робсарта он догнал у хижины Мэг. Там все было перевернуто, Мэг исчезла. Куда ехать, они не знали, но кто-то догадался, что следует скакать к Стоунхенджу. Если мятежников там нет, они поедут в Уайтбридж. Когда они прискакали к Каменному кольцу, там был настоящий переполох, люди из милиции Гаррисона сгоняли сектантов в кучу, как перепуганных овец. Там они узнали, что предводитель пуритан убит полковником, а сам Гаррисон преследует верхом разбежавшихся… или они его преследуют — было не разобрать — такая царила там неразбериха. И еще эти фанатики кричали, что ведьма Робсартов избежала кары, а значит, Ева может быть спокойной — с ее сестрой ничего не случилось. Где она? Карл не мог сказать ничего определенного. Когда он сопровождал Мэг в Уайтбридж — Мэг ему симпатична, и он лично вызвался доставить ее в безопасное место, — та по пути рассказала, что ее и Рэч спас Гаррисон. Барон Робсарт, правда, все равно отправился на поиски дочери.

— Их еще нет, — пожала плечами Ева. — Дядюшка сообщил, что отец ускакал в Эймсбери за подмогой.

Карл впервые нахмурился, даже разнял обнимавшие Еву руки.

— Не следовало бы ему этого делать.

Ева поняла, что он имеет в виду. Появление новых людей опасно для беглого короля, и Робсарт должен это понимать. Ева стала говорить, что если отец и приведет «красные мундиры», то даже близко не подпустит их к замку, но тут же осеклась, поняв, что выходит, будто отец не допустит чужаков в Сент-Прайори не столько ради короля, сколько ради того, чтобы сохранить в безопасности тайну их обиталища. Желая отвлечь Карла, она начала спрашивать, что еще было слышно о Рэйчел, и, когда король ничего не смог добавить, со смехом сообщила, как опростоволосился Джулиан, заблудившись ночью на равнине.

Карл тоже рассмеялся:

— Надо же! Действительно, забавно. Он ведь обычно неплохо ориентируется, да еще в такую лунную ночь… Но бедняга Джулиан сам не свой из-за вашей сестры. Ускакал, даже забыв о моей священной особе. Хм. Рэйчел Робсарт действительно ему очень нравится. И он ей вроде бы тоже. Да!.. — встрепенулся Карл после минутного раздумья. — А где же наш храбрый полковник? Он еще не появился в Сент-Прайори?

— Дядя говорил, что он повез Мэг в свою усадьбу, — ответила Ева, и в ее голосе скользнуло невольное раздражение. — Почему вы спросили о нем? При чем здесь Стивен? Он ведь почти уже не жених мне. Или… — она с волнением заглянула в глаза короля, — вы передумали?

Карл посмотрел на нее с нежностью. Он искренне был рад встрече с ней, его забавляло ее волнение. После этой сумасшедшей ночи он как-то не вспомнил о вчерашней размолвке с Евой. К тому же присущая ему черта сохранять жизнерадостность и не предаваться мрачным мыслям не оставила ему времени на сомнения и подозрения. На миг они забыли обо всех неприятностях, и лишь удивленные, сдержанные возгласы заметивших их поденщиков заставили Еву и Карла оторваться друг от друга.

— Немало из этих простолюдинов найдут приятное в том, чтобы сообщить об этом Гаррисону, — заметила Ева, когда они шли к крыльцу.

Но Карл лишь рассмеялся и обнял ее за плечи:

— Нам-то какое до этого дело? Вскоре приедет ваш отец и сам переговорит с распрекрасным помощником шерифа. А там и огласит

нашу помолвку.

Однако лорд Робсарт не появлялся. Ева не беспокоилась о нем, куда больше ее волновало отсутствие Рэйчел. Она уселась у окна в большой галерее с вышиванием в руках. Обычно Ева терпеть не могла заниматься рукоделием, но сейчас взяла его, чтобы ее оставили в покое. В конце концов, супруги Шепстон сами справятся с делами, а ее сейчас интересовало одно — когда появится Рэйчел. Она уже не волновалась так болезненно, как ночью, но все же не могла позволить себе отдохнуть и успокоиться. Непрестанно зевая, она больше исколола пальцы иголкой, чем продвинулась в вышивании узора. Порой Ева поглядывала в окно, на кружащего по двору Джулиана: он то входил в замок, то вновь появлялся на крыльце. Она улыбнулась, видя его беспокойство, и даже прониклась к нему симпатией. Ей вдруг захотелось выйти, поговорить с ним, успокоить. Бог с ней, с их неприязнью. Сейчас их связывает беспокойство за Рэйчел, а это ли не повод, чтобы наладить отношения?

Но едва она встала, как увидела, что Джулиан перебежал двор. И тут же появилась Рэйчел на косматом неуклюжем пони, в широком, светлом квакерском плаще с капюшоном.

Ева счастливо заулыбалась — и от того, что сестра уже дома, и от мысли, как она сразу не догадалась, что Рэйчел могла укрыться у своих приятелей-квакеров. Подумала, что хорошо будет, если об этом не догадается дядя Энтони. Он просто измучает девушку своими проповедями — якобы та, общаясь с сектантами, подвергла свою душу страшной опасности. Ева уже хотела бежать к ней, но задержалась, наблюдая встречу Джулиана и Рэйчел.

Джулиан хотел помочь девушке сойти с лошади, но она спрыгнула сама и увернулась от хотевшего ее обнять жениха. Скромница Рэйчел, могла бы и помягче обойтись со своим избранником. Ева видела, что Джулиан пытается задержать ее, говорит что-то. Но Рэйчел почему-то словно сжалась и только пятилась от него, втянув голову в плечи. Он что-то повторял ей, улыбался, но девушка не позволяла ему приблизиться и словно боялась взглянуть на него. Быстро, при первой же возможности, Рэйчел убежала. Джулиан расстроенно глядел ей вслед, переминаясь с ноги на ногу. Потом, вздохнув, он взял пони под уздцы и повел его в сторону конюшен. Плечи молодого человека были опущены, голова поникла. Еве на какой-то миг даже стало жаль его.

Но уже через минуту она и думать забыла о Грэнтэме, спеша навстречу сестре.

— О, Рэйчел, как же я волновалась за тебя! — твердила она, радостно обнимая девушку. — Как ты могла так поступить?! Силы небесные — одна уехала к этим озверевшим фанатикам! Видимо, происшествие в Уайтбридже ничему тебя не научило. Милая малышка Рэч! Неужели ты не понимаешь, как ты дорога нам? Мы все изволновались!

Сестра словно старалась вырваться из ее объятий. Выглядела она как-то странно, будто испуганное животное, и взгляд настороженный — и не то враждебный, не то виноватый.

— Ева…

— Что, малышка? О, слава Создателю — ты дома. Я так волновалась за тебя, не могла даже уснуть. Спать хочу, сил нет. Но я не отпущу тебя, пока ты мне не расскажешь все.

Рэйчел резко отвернулась. Лицо ее выглядело так, словно она вот-вот расплачется.

— Ну что ты? — льнула к ней старшая сестра. — Все уже позади, ты дома, с нами. И мы безмерно счастливы.

Рэйчел вздохнула, как всхлипнула. Сжала руки.

— Ева, ты знаешь, что с Мэг?

— Да, девочка. С ней все в порядке, Стивен отвез ее к себе в имение. Его мать выходит ее.

— О, слава Богу!

Ева принялась рассказывать, что Стивен убил Захарию Прейзгода; а его люди разогнали остальных фанатиков. Стивену, конечно, ничего не будет за убийство, и даже мировой судья Эзикиэл Бате вынужден будет отказаться от нападок на полковника, ибо тот защищал дочь лорда. А дядюшка едва не благословлял Стивена. Еще бы, теперь во всем приходе у него нет ни единого соперника, и, безусловно, он станет главным духовным пастырем во всем графстве.

Она говорила и говорила, поднимаясь по лестнице вслед за Рэйчел. Ей и в голову не приходило, что сестра хочет побыть одна. Ева зашла вместе с ней в комнату, по пути крикнув Нэнси, чтобы та сбегала на кухню и принесла им чай с кексом.

— Я, знаешь, ужасно голодна. Да и ты, наверное, тоже.

Она стала рассказывать, как справилась с делами по хозяйству в отсутствие сестры. Не хуже самой Рэч. Что? А, отец… Он уехал в Эймсбери. Он хочет, чтобы эти фанатики понесли всю ответственность за свершившееся. Хотя теперь, когда не стало их предводителя, они будут тише воды, ниже травы. Славно поступил Стивен, что пристрелил его как бешеного пса. Сестра присутствовала при этом? Представляю, какой переполох это вызвало. А потом она укрылась у квакеров? Тоже разумно. Эти распаленные фанатики могли вытворить все, что угодно. Хотя Рэч следовало послать кого-нибудь из квакеров в Сент-Прайори. Ведь здесь так волновались о ней, она сама места себе не находила. Ну, Рэч, успокойся, не надо плакать. Сейчас они попьют чаю, потом отправятся отдыхать. Она вот, Ева, совсем не спала, и у нее от этого даже резь в глазах.

Рэйчел сидела на кровати, глядя на сестру. Та сама придвинула низкий столик поближе и приняла у Нэнси поднос. Ева резала кекс, не умолкая ни на минуту, и притихла, лишь приступив к чаю. Она кивнула сестре, чтобы и та присоединялась, и окинула взглядом ее комнату. Она была обставлена не менее роскошно, чем ее собственная, и Рэйчел в своем простеньком наряде казалась здесь чем-то неуместным.

— Еще я велела нагреть тебе воды для ванны. Ты такая измученная, сестренка. Когда согреешься в лохани, сразу почувствуешь себя лучше. Знаешь, Джулиан просто места не находил, так волновался о тебе.

Рэйчел отставила поднесенную было к губам чашку и странно поглядела на сестру:

— Ева…

— Что?

Рэйчел втянула в себя воздух, словно собираясь с духом.

— Ева, мне надо кое-что поведать тебе. Родная моя… Я не могу. О, Ева… — Она спрятала лицо в ладонях и зашлась плачем.

И опять сестра успокаивала ее, гладила по плечам, целовала заплаканное лицо. Но Рэйчел, все еще всхлипывая, почти оттолкнула ее.

— Я так люблю тебя, Ева. Ты лучше всех. А я… Я не достойна даже называться твоей сестрой.

Теперь Ева озадаченно молчала. Глядя, как Рэйчел встала и заметалась по покою, она сама ощутила волнение.

— Что такое, Рэч?

Понадобилось несколько томительных минут, прежде чем Рэйчел смогла подойти к ней, поднять на нее полные тайной муки глаза.

— Ева, я стала другой. Это ужасно… О Создатель, дай мне силы! Ева… Я изменилась этой ночью. Я уже не та Рэйчел, которую ты знаешь.

Ева выглядела озадаченной.

— Ну конечно. Ты пережила такое потрясение…

— Нет, сестра, нет. Пойми, все гораздо хуже. Я… я стала женщиной.

Она хотела еще что-то сказать, но зашлась краской, стояла, не в силах вымолвить ни слова.

— Это вышло насильно? — помолчав, спросила Ева. — Эти фанатики посмели…

— О нет, Ева! Я сама, понимаешь, сама…

— Сама?.. То есть ты этого хотела? Ты занималась любовью с мужчиной?

Ева удивленно посмотрела на Рэйчел и вдруг рассмеялась. Глядя на недоумевающую сестру, она расхохоталась еще больше, а затем в изнеможении откинулась на постель.

— Бог мой, Рэч! Так вот что тебя гнетет? Поистине пуританское воспитание! Господи, да если ты сама этого захотела, что же тут дурного? А я-то гадала, что это он мне толкует, будто заблудился на равнине? Ах, хитрец! Вроде и места себе не находил. Теперь понятно, почему ты была так смущена при встрече с ним. Днем ведь все меняется в отличие от ночи. Но, Рэч, ангел мой, ничего страшного не случилось! Женский жребий лежать в объятиях мужчины выпал тебе, как и всем дочерям праматери Евы, и в этом нет ничего дурного. О, не смотри на меня так. Все эти понятия о приличии… Если хочешь знать, даже наш дядюшка имеет любовницу, хотя и всячески скрывает это. Да, да. Он ведь не так и стар, наш преподобный Энтони, ему лишь немногим более сорока. И как он ни старается придать себе солидность, но сам-то по ночам ходит к одной милой вдовушке. И то, что ты, молодая, здоровая женщина, решилась на это… Успокойся, сестренка. К тому же, когда вы поженитесь, то, что сейчас ты считаешь

позором, станет для тебя одним из моментов бытия. И никто не посмеет дурно думать об этом. Даже ты сама.

— Поженимся?.. — тихо и изумленно повторила Рэйчел.

— Ну да! Отец ведь дал согласие на твой брак с Джулианом Грэнтэмом, не так ли? А то, что вы вкусили запретного плода до того, как священник соединил ваши руки перед алтарем… Так что ж тут такого? Сплошь и рядом происходит подобное. Но Джулиан-то! Посмотришь — сама ходячая добродетель. А сам…

И Ева рассмеялась. Почти злорадно.

Рэйчел не сводила с нее глаз. Она словно силилась что-то сказать, но не могла. Уверенность сестры, что она вступила в связь с Джулианом, словно оглушила ее. И напугала: ведь Еве и в голову не могло прийти, что Рэйчел могла уступить кому-либо иному, не говоря уже о ее собственном женихе. Рэйчел вдруг ослабела и позволила сестре усадить себя рядом; руки ее бессильно упали, глаза расширились, словно она видела перед собой нечто ужасное. Свой неискупимый грех, свое предательство. И у нее не было сил сказать о нем любимой сестре.

Ева же смеялась и болтала без умолку — о том, что Джулиан и Рэйчел скоро поженятся и Рэйчел станет настоящей леди; только ей придется избавиться от своих пуританских привычек, изменить манеру поведения, прекратить одеваться подобно прислуге, во все простенькое с неизменным передником, словно экономка. Ах, ей столькому еще надо научиться, если она хочет стать достойной дамой: правильно и плавно двигаться, кланяться, делать реверансы, управляться с веером, накладывать грим, держать горделивую осанку и, главное, избавиться от этого грубого местного акцента.

— О, у нас с тобой будет много дел, — щебетала Ева. — Ну а то, что ты согрешила до свадьбы, успокойся. Это нормально. Учти, каковыми бы ни были внушаемые нам принципы, человеческие чувства всегда возьмут свое. Потом ты станешь достойной дамой, и Джулиан будет доволен своей избранницей. Ты ведь подлинный образец жены, матери, хранительницы очага. Я же не такая… Мой жребий соблазнять, добиваться своего.

Она улыбалась и наконец умолкла; мысли ее унеслись куда-то далеко. Рэйчел чувствовала себя словно оглушенной. Она отчетливо понимала, что уже не сможет собраться с духом, чтобы во всем

признаться сестре. По крайней мере, сейчас. Может, позже… О Господи, дай ей мужества!

Она чуть покосилась на Еву. Сестра глядела прямо перед собой, лицо ее было отрешенным, мечтательным. И высокомерным.

— Знаешь, Рэч, — вновь заговорила она. — Я ведь скоро тоже выхожу замуж.

Рэйчел почувствовала, что начала мелко дрожать. Ева, рука которой покоилась на плече сестры, ощутила это, но она уже думала только о себе, волнение Рэйчел не заинтересовало ее. Она вдруг встала и закружилась по комнате, что-то напевая.

— О, Рэч, я так счастлива! Скоро все будет так чудесно. Даже лучше, чем ты думаешь. Знаешь, за кого я выхожу замуж?

Она рассмеялась, увидев, как странно глядит на нее девушка.

— О, я выйду отнюдь не за нашего прекрасного помощника шерифа. Конечно, Стивен мил, хорош собой, храбр, почтителен. Но мы с ним не пара, совсем не пара. Поэтому я обручусь с другим. Хочешь знать, кто станет моим мужем? О как странно ты смотришь, Рэч! Ну, хорошо, тебе я признаюсь. Чарльз Трентон просил у отца моей руки. И думаю, — теперь улыбка ее была исполнена торжества, — отец не посмеет ему отказать.

Она ждала реакции сестры, но Рэйчел лишь глядела на нее, с трудом переводя дыхание.

— О… Тогда… Стивен…

— Ах, оставь Стивена в покое! — Ева нетерпеливо передернула плечами. — Стивен не будет сильно переживать и скоро утешится с какой-нибудь скромной добропорядочной тихоней. Я же… О, Рэч! Я не могу более скрывать. Ты ведь славная девушка и не выдашь нас?! — Она склонилась к сестре, так что их лица оказались совсем близко. — Наш славный мистер Трентон… Рэйчел, ты и не догадываешься! Но мой жених — сам король Англии, его величество Карл II Стюарт!

Напряжение Евы не давало ей сил сдерживать тайну. Бессонная ночь, пережитое волнение и тот взрыв веселья, какой вызвало в ней признание сестры, напрягли ее нервы до предела. Она просто не могла больше таиться. Ведь не выдаст же их Рэйчел! Она торопливым шепотом начала говорить, что сразу узнала в Чарльзе Трентоне Его Величество и всячески стремилась очаровать его, влюбить в себя без памяти. Теперь она добилась, чего хотела: не далее как вчера король

просил ее руки у лорда Робсарта, и тот ответил согласием. Вскоре они обвенчаются, она станет супругой изгнанника Карла Стюарта, войдет в королевскую семью, а со временем — да будет с ними милость Божья! — ее голову увенчает корона!

Взволнованно дыша, она наконец умолкла. Лицо Рэйчел после ее слов поначалу пошло пятнами, но теперь стало белее мела. Еве не понравилось, как сестра глядит на нее. С сомнением, почти с жалостью.

— Ну же, Рэч! Что ты мне скажешь?

Рэйчел вздохнула и поникла, словно сломавшись:

— Да, Ева, ты скоро выйдешь замуж. И выйдешь за Стивена Гаррисона, ибо то, что ты поведала мне о браке с королем, — немыслимо. Я, конечно, хотя и с сомнением, готова признать в нашем госте беглого Карла Стюарта. Но я никогда не поверю, что он женится на тебе. Монархи не имеют привычки соединять свою судьбу с обычными смертными.

У Евы вырвался жест, словно она хотела ударить сестру. Но она сдержалась и резко отвернулась.

— Ты просто дура, Рэч, не хочешь признать очевидного! Карл Стюарт здесь, в Сент-Прайори. Он в нашей власти, и я сумела не упустить свой шанс. Отец тоже. Вскоре он приедет, и тогда…

— Даже если состоится ваша помолвка, — с болью глядя на Еву, начала Рэйчел, — я и тогда не перестану сомневаться. Даже если вы обвенчаетесь — и тогда. Королю просто не позволят объявить тебя законной женой. Милая моя, бедная Ева. Ты просто влюбилась, и это чувство ослепляет тебя. Увы, как это ни прискорбно, но брак с Гаррисоном для тебя все же наилучший выход.

Ее голос задрожал, словно от сдерживаемых слез. Ева медленно повернулась. Глаза ее по-кошачьи прищурились, губы скривились в насмешливую улыбку, но на щеках по-прежнему играли очаровательные ямочки.

— Сказать, почему ты мне это говоришь? Потому, что завидуешь. У тебя чисто плебейское воображение, которое не может простираться дальше кухонь и хозяйственных дворов. Да вам, леди-прислуга, даже повезло, что Джулиан Грэнтэм заприметил вас. Если, конечно, его сватовство не вызвано лишь желанием отвлечь внимание от особы Его

Величества. И если он не бросит вас, когда последует за королем на континент. После того, как натешится вволю.

Диво, что Ева ее все же не ударила, а лишь вышла, хлопнув дверью. Ева была взбешена. Да как Рэйчел посмела?! Теперь, когда все наконец уладилось! И все же Еве стало страшно: как бы она ни стремилась задеть сестру, оскорбить и уличить в узости кругозора, она понимала — Рэйчел не откажешь в трезвости суждений. «Ему просто не позволят объявить тебя королевой», — так и вертелось в голове Евы. В этом был свой резон. Но отец-то… Он ведь достаточно здравомыслящий человек, а все же дал согласие… Значит, он на что-то сделал ставку. О, скорей бы он вернулся! Тогда все наконец уладится.

Еве вдруг до безумия захотелось увидеть короля. Убедиться, что все так, как она и считает, что счастье наконец улыбнулось ей. Она почти бежала в то крыло, где находились покои гостей, лишь у двери сдержалась и тихо вошла. Карл спал, расслабленно, крепко и устало. Ева смотрела на него, прижав ладонь к груди в том месте, где бешено стучало сердце. Сейчас он выглядел отнюдь не красавцем — длинное скуластое лицо, резкие неправильные черты, крупный перебитый нос, глубоко сидящие в глазницах глаза. От широких бровей и отросшей бороды он казался почти по-цыгански смуглым, но там, где в вороте расстегнутой рубахи виднелась сильная грудь, кожа была гораздо светлее. Ева видела небольшой, сбившийся набок, нательный крестик, лежавший у ключицы. В этом месте слабо белел белесый шрам… шрам, который она так любила целовать в минуты страсти. Ева вспомнила эти мгновения, и у нее заныло в груди. Боже, помоги ей — она и в самом деле без памяти любила этого человека.

«Ему не позволят», — вновь вспомнилось ей, и ее обуял страх.

Осторожно приблизившись, она склонилась над ним, почти материнским жестом убрала влажный локон со лба. Карл что-то пробормотал во сне, повернулся на бок. Ева невольно улыбнулась — нет, она не откажется так просто от своей любви. От своего шанса стать его законной женой. И королевой.

Она вышла, гордо вскинув голову, и в конце перехода увидела Джулиана. Какое-то время они глядели друг на друга. Потом медленно стали сходиться — как противники во время дуэли.

— Итак, сэр…

— Итак, миледи.

Лицо Джулиана было застывшим, словно маска прекрасной статуи. Ева не видела ничего, кроме полыхающей ненависти в его взгляде, и понимала, что глядит на него так же.

— Вы считаете, что все-таки добились своего? — сухо и зло бросил Джулиан.

— А вы сомневаетесь?

— Конечно. Для Его Величества вы лишь очередная прихоть, забавное приключение, происшедшее с ним в годину странствий. Такое с ним уже случалось: Прелестная Маргарет Картре, на которой он был почти готов жениться, но дальше слов дело так и не пошло. И дивная, еще по-детски очаровательная Гортензия Манчини. А еще была отважная пуританка Джейн Лейн. Карл называл ее «жизнь моя», очень уважал, не сводил с нее влюбленных глаз… и все. Все они для монарха Карла II стали лишь эпизодами. Теперь вот явились вы. Думаю, и с вами зайдет не далее, чем с остальными. По крайней мере, когда все закончится, он поймет, как ошибался. Ведь прежде всего он — король милостью Божьей, и понимает, сколько за ним стоит людей. Могущественных людей, в поддержке которых он заинтересован. Вот они-то не позволят, чтобы леди Ева Робсарт метила на титул его королевы.

Еву пронзил озноб. Джулиан говорил то же, что и Рэйчел, но бросал злые слова прямо в лицо, не задумываясь, как ранят девушку эти обидные слова, даже упиваясь от каждого жестокого выпада. Но Ева не позволила себе запаниковать и немедленно вскинула голову.

— Чем же это я так плоха для короля без короны? Я принадлежу к древнему роду, богата, знатна, образованна. И я люблю Его Величество. — Она сделала вид, что не заметила ядовитой усмешки на устах Джулиана. — В конце концов, у моего отца есть флот! — выпалила она и сама удивилась, как мало значения придавала ранее этому факту. В том, что она попала в цель, Ева поняла, заметив, как нервно дернулся рот Джулиана.

Он словно через силу заставил себя улыбнуться:

— Тем не менее вы не более чем шлюха. Знатная шлюха, наподобие тех, кто постоянно увивается вокруг короля. Ваша репутация столь подмочена, что…

— Кто бы говорил! — фыркнула Ева. — О небо! Взгляеите на эту ходячую добродетель. Прямо целомудренный Иосиф Прекрасный!

Который, меж тем, не раздумывая, совратил невинную девушку. И не смотрите на меня столь удивленно, милорд, — Рэйчел мне обо всем рассказала. О том, как вы провели с ней время этой ночью. Конечно, лишить невинности собственную невесту — не великий грех. Он, видите ли, заблудился на равнине, но не преминул сделать из Рэйчел женщину. И теперь смеет обвинять меня! Вот что, сэр, если вы не желаете, чтобы я обо всем рассказала моему отцу… и моему жениху — вы будете держать свой змеиный рот под замком. Так-то, сударь.

Она видела, как сильно он побледнел, даже пошатнулся. Как она презирала этого лицемера! Прибыл раньше Рэйчел, делая вид, что волнуется, а сам… Ей было приятно видеть его смятение. Что ж, последний удар все же остался за ней. Она даже опустилась перед ним в реверансе и удалилась, посмеиваясь. И лишь когда ушла, Ева поняла, что сама изрядно перепугалась. Как она устала… Машинально выпростав руку из кружевного манжета, она провела ладонью по лицу. Ей следует пойти отдохнуть… немного поспать. Ей еще понадобятся силы — ее бой пока не доведен до конца.

Джулиан продолжал стоять в сводчатом переходе, глядя перед собой застывшим взором. Почти машинально он вошел в свою комнату, сел в изножий кровати. Он был ошеломлен тем, что узнал. Рэйчел… Милая, скромная, девственно чистая девушка, она очень нравилась ему. Был ли он влюблен? Чувства Джулиана обычно были либо трезвы и рассудочны, либо на грани нервного срыва. Но к Рэйчел Робсарт у него возникло особое отношение — приятное, почти нежное, вносящее покой в душу. До разговора с лордом Дэвидом он не задумывался о ней всерьез, не строил на ее счет никаких планов. Потом он переговорил с Робсартом и даже получил удовольствие от того, что теперь связан с его дочерью. У него не было мыслей поступить с ней непорядочно, он стал всерьез воспринимать ее как свою будущую жену. Достойная леди, сдержанная женщина приятной наружности. Поэтому он и был так обеспокоен, когда с ней могло случиться несчастье. И искренне волновался. А вышло… «Рэйчел мне обо всем рассказала, — бросила ему в лицо Ева. — Рэйчел теперь не девственница».

И эта женщина осмелилась ему говорить такое! Он промолчал лишь потому, что был ошеломлен. Вчера он сватался к Рэйчел, и вчера же она… Он вдруг ощутил острый прилив гнева. Неужели он так

ошибался в этой милой девушке? Неужели его постигла такая кара и разочарование? Выходит, Рэйчел Робсарт — всего лишь сестра Евы, такая же потаскуха, как и она. Да еще хочет свалить всю вину за случившееся на него, Джулиана.

Он вдруг понял, что догадывается, с кем была Рэйчел. О пуританах он не думал: когда их разогнали, дочери Робсарта там уже не было. Как не было и этого «круглоголового» полковника Гаррисона. Сейчас Джулиан уже не помнил, кто и когда сообщил ему, что Стивен убил Захарию и увез от фанатиков Рэч. Возможно, уже тогда он ощутил смутное беспокойство. Ведь король давно намекал, что девушка неравнодушна к Гаррисону, он же не придавал этому значения. Или думал, что не придавал. Если Стивен вызывал в нем неприязнь, то Джулиан относил это на счет опасений, как бы местный помощник шерифа не опознал Карла Стюарта. А то, что он нравился Рэйчел… Сейчас, однако, Джулиан вспомнил, как девушка, едва он попросил ее руки, перво-наперво посмотрела на Стивена. Тогда это задело его, но не настолько, чтобы обеспокоиться всерьез. Раньше он тоже не задумывался, замечая, как она смотрела на полковника, даже когда сторонилась его, стремясь избежать расспросов.

Сейчас Джулиану осталось только с горечью удивляться своей слепоте. Он просил ее руки, Рэйчел дала согласие — это в то время, когда она только и думала о другом… и поспешила сойтись с тем, другим, при первой же возможности. Джулиан уже ни на миг не сомневался, кто лишил невинности его избранницу. Как не сомневался, что она отнюдь не вспоминала о чести жениха, когда это случилось, и с легкостью уступила… Было ведь в ней нечто, какое-то потаенное пламя, даже манящее притяжение, которое он порой ощущал рядом с ней. Оно смущало его настолько, что он даже прилагал усилия, стремясь его не замечать. А Стивен Гаррисон… Джулиан вдруг понял, что ненавидит этого человека. Ненавидит до дрожи. И эта боль внутри… Он ощутил давящую, обжигающую силу ревности, которая путала его мысли. Он даже не знал, как называется это чувство, ибо ранее не испытывал ничего подобного. Что-то словно толкнуло его, он рванулся, сдерживая горлом крик; не столько обида, сколько ненависть опалила его. Он узнал это свое состояние. Когда он, словно безумец, может вытворить все, что угодно. Безумец… Ему все труднее было сдерживаться, и от этого стало страшно за себя. Надо любыми

средствами не допустить… Этим он погубит себя. Думать следует лишь об одном — он слуга короля. Это главное.

Тем не менее словно клокочущая магма поднялась в нем и ослепила, опалила мозг. Сдержаться!.. Он кинулся лицом в подушку и грыз ее, рыча и задыхаясь. Он опозорен, его предали, его унизили. Ох, Господи, пронеси! Дай сил удержать себя в руках!..

Ему все же удалось совладать с собой. К черту все! Сейчас нужно попытаться заснуть. Ему ведь столько удалось, он столького достиг. Рэйчел Робсарт не стоит того, чтобы так взрываться. Она недостойна его страданий, она вообще его недостойна. Может, и к лучшему, что все так скоро раскрылось — теперь он свободен от сватовства. Остался лишь долг перед королем, и он выполнит его — чего бы это ни стоило!

Джулиан пролежал в кровати несколько часов. Заснуть ему так и не удалось, но неподвижность тела несколько притупила его ярость. Поэтому, когда он к вечеру вышел из комнаты, то выглядел вполне спокойным. В трапезную он пойти так и не смог — настолько ему не хотелось никого видеть. Он сидел в галерее у погасшего камина и слышал голоса: разглагольствования Энтони, дерзкие реплики Евы, смех короля. Лишь один раз он различил голос Рэйчел. Девушка волновалась, что до сих пор нет вестей от отца, пора бы ему уже появиться. Такой нежный, мелодичный голос. Джулиан непроизвольным жестом сжал подлокотники кресла. Так он и просидел в сумерках, пока не услышал топот копыт, а затем — голос Стивена. Тогда, не в силах больше сдерживаться, он ушел.

Стивен торопливо прошел в холл и велел доложить о своем прибытии. Его приняли приветливо, если не считать того, что Рэйчел сразу поспешила уйти. Он проводил ее взглядом, но она так и не оглянулась. А к нему уже обращался с цветистой речью Энтони Робсарт, постаравшийся придать своему лицу максимально приветливое выражение:

— Сударь, благодаря вашему мужеству и милости Бога, который разрушает злые умыслы людей, удалось предотвратить большое несчастье. Вы поступили совершенно правильно, что убили этого подстрекателя и смутьяна Захарию Прейзгода.

— Воистину благое дело, — улыбнулась Ева.

Она отошла от Карла и стояла теперь подле Стивена, взяв его под руку. Во-первых, для короля будет не вредно немного поревновать. А

во-вторых… Ева боялась подумать о разрыве с королем, но все же была достаточно практична чтобы не отказывать Стивену до того, как с ним переговорит отец. Вот когда все будет улажено и ее не будут смущать речи Джулиана и сестры…

Поэтому она мило болтала:

— Этот мерзкий Захария… Брр! Как вспомню его злостную рожу!.. Вам бы давно следовало разделаться с этим сумасшедшим, еще после происшествия в Уайтбридже. А так он продолжал сеять смуту, угрожать всем адским пламенем, запрещал веселиться и петь, чтобы все только и делали, что молились. Он даже не улыбался никогда, видимо, считая и это грехом. Но сам-то только и делал, что подстрекал к убийству.

Она старалась казаться веселой и кокетливой, хотя так и не поняла, почему Стивен отступил от нее. А поведение Карла — он даже дружелюбно пожал Стивену руку — задело ее. Неужели Стюарту все равно, что она кокетничает с другим?

Но король и в самом деле словно не придавал этому значения. Он справился насчет Мэг, и Стивен сказал, что та уже чувствует себя лучше. Он прибыл сообщить об этом леди Рэйчел, ведь девушке явно интересно узнать, как обстоят дела с ее кормилицей.

Ева заметила, что сестра только что была здесь, но куда-то вышла, и предложила послать за ней. Стивен поблагодарил ее, сказав, что сам найдет Рэйчел. Он уже выходил, когда его окликнул Энтони и справился, не прибыл ли его брат. Стивен странно поглядел на него:

— По. правде сказать, я рассчитывал застать барона дома. Он еще не появился?

— Нет. Разве вы не знаете? Он отбыл в Эймсбери, чтобы привести отряд для наведения порядка.

— В Эймсбери? Странно. Конечно, сегодня в Уайтбридж прибыли верховые из города. Но они были вызваны мировым судьей, а не вашим братом. С чего вы взяли, что он отправился туда?

Ева удивленно взглянула на дядюшку. Тот пожал плечами.

— Я слышал это из уст самого лорда. Да ведь и вы слышали, не так ли, мистер Трентон?

Но Карл не мог припомнить. Хотя, все может быть — такой переполох, всего не упомнишь.

— Ладно, — вздохнул Стивен. — Думаю, лорда Дэвида что-то задержало, и вскоре мы получим от него вести. А сейчас я бы хотел переговорить с мисс Рэйчел. — Помедлив немного, он добавил: — И с вами, Ева.

Она выглядела теперь удивленной, даже недовольной.

— Хорошо, я иду.

Они вышли в галерею. Сквозь большие готические окна потоками лился лунный свет. Они остановились у одного из оконных проемов. Вид у Евы был отсутствующий; машинально она достала флакончик духов из сумочки на поясе и прикоснулась пробкой от флакона к вискам, запястьям, к открытой в вырезе декольте груди. Он узнал исходящий от нее запах жасмина и амбры, ее запах, который когда-то сводил его с ума, заставляя желать ее страстно и трепетно. Но сейчас ничего не всколыхнулось в его душе. Он видел перед собой красивую, нарядную, холеную молодую женщину, с которой его когда-то многое связывало. Теперь же он ощущал к ней лишь приятельские чувства. И чувство вины. Ибо хотел поставить все точки над «и», сказать, что они уже давно стали чужими, что их помолка была ошибкой и он сам не заметил, как привязался к ее сестре, полюбил другую. Он понимал — не следует говорить ей все сразу, чтобы не оскорбить. Поэтому Стивен начал издалека: заметил, что от него не укрылось — Ева уже не так рада его приездам и постепенно удаляется от него; он даже чувствует себя нежеланным гостем в Сент-Прайори.

Ева вдруг заволновалась, поняв, к чему он клонит. Может, это и хорошо, но не теперь. О, она совсем не хотела потерять Стивена до того, как убедится, что Карл Стюарт принадлежит ей полностью. Поэтому она перебила Стивена и начала лихорадочно оправдываться, даже просить прощения за свое легкомыслие. Стивен странно смотрел на нее и почему-то выглядел едва ли не огорченным:

— Ева, так вы по-прежнему не против нашего союза?

— Бог мой, что дало вам повод так думать? Конечно, вы правы, за последнее время мы несколько удалились друг от друга. Я была суха с вами, но это только из-за моей нервозности. Все эти странные события… Мистер Трентон отвлекал меня от них, веселил, а вы были так погружены в заботы… Вам было не до меня, и я сердилась на вас. Но это же не повод, чтобы…

Господи, она совсем не против расторжения их помолвки, но ей необходимо, чтобы это исходило от нее, а не от него. Она поглядела на него снизу вверх. В лунном свете была хорошо очерчена линия его носа, скул. Обычно светлые глаза казались сейчас темными, особенно по сравнению с искрящимися лунным светом белокурыми волосами. «Он очень привлекателен, — подумала Ева. — Но почему он так огорчен?» Она ведь, по сути, извинилась перед ним. Да что он о себе возомнил? «Круглоголовый», чертов сектант. Но как хорош…

И все же Ева подумала, что симпатия к Стивену послужит ей слабым утешением, если она потеряет короля. Нет, она должна сделать все, чтобы добиться своего. Почему они считают, что у нее ничего не выйдет? Карл попросил ее руки, и отец дал согласие — значит, все идет, как задумано.

Она почти выдохнула:

— Но где же отец? Он мне так нужен!

Стивен выглядел удрученным.

— Мне самому нужен лорд Робсарт. И…

Он хотел что-то добавить, когда его прервало восклицание Евы, указывающей на что-то за окном.

— Смотрите, Рэйчел и Джулиан. Бог мой, как чопорно они держатся друг перед другом. Лицемеры. Я-то уж знаю, что этой ночью…

Она не договорила, лукаво улыбаясь. И вдруг вскрикнула: Джулиан резко дал Рэйчел пощечину и замер на месте, скрестив руки на груди. Рэйчел стояла перед ним, прижав ладонь к щеке, но от ее позы исходила такая покорность, что Ева возмутилась:

— Как она это позволила? О, Боже! Быть такой овечкой! Она ему еще не жена. И, клянусь небом, никогда ею не станет. Да я сейчас…

Она хотела бежать, но Стивен удержал ее:

— Прошу вас, Ева, не говорите никому о том, что видели.

— Это еще почему?

— Я очень прошу. Я сам разберусь с лордом Грэнтэмом. Верьте мне.

Было в его тоне нечто, заставившее Еву помедлить. К тому же ей пришло в голову, что она выставит сестру не в лучшем свете, если разгласит, какую та получила оплеуху. Да и ее Карл так держится за

этого Грэнтэма. В самом деле, не стоит ей поднимать шум раньше времени.

— Хорошо, Стив, — только и сказала она.

— Вы обещаете?

— Обещаю.

Он улыбнулся и почти бегом кинулся вниз по лестнице.

…Рэйчел и Джулиан столкнулись совершенно случайно, когда она возвращалась, отпустив на ночь поденщиков, а он молча шел с прогулки по главной аллее. Они остановились у подстриженных тисов, на залитой лунным светом площадке. Рэйчел опустилась в реверансе.

— Добрый вечер, сэр.

Лица Джулиана она не видела — он стоял спиной к свету. Ее жених… Как-то теперь у них сложится? Имеет ли она право скрывать от него все? Но ей было страшно, она боялась коснуться темы своей измены… своего падения. Храбрясь, она заставила себя улыбнуться этой безмолвной, стройной тени.

— Мы ведь не общались сегодня, милорд, а утром я была так подавлена, так измучена. Пожалуй, мне стоит извиниться за свою резкость. Может, теперь прогуляемся вместе? Ведь вечер так тих и чудесен… Правда, немного холодно.

Она плотнее закуталась в шаль и даже сделала шаг к нему, словно собираясь взять под руку. Он отшатнулся. Теперь лунный свет упал на его лицо; глаза Джулиана отразили лунный блеск, блестя, словно от слез. Он продолжал молчать, и Рэйчел занервничала. Лицо его было очень красиво, но так холодно, так презрительно… Эта чуть брезгливая складка в уголке губ. Рэйчел продолжала глядеть на него и наконец все поняла. Стыд, гнев и горькая боль захлестнули ее; она почувствовала себя обнаженной, словно он одним своим взглядом содрал с нее одежду… вместе с кожей.

— Вы знаете? — с трудом заставила она вымолвить себя.

Он молчал, и это было красноречивее слов.

А потом он ее ударил. Больно, оглушающе. Рэйчел прижала ладонь к запылавшей щеке и тихо заплакала.

— Это вполне исчерпывающий ответ? — Как спокоен его голос. Спокоен и холоден. — Думаю, девка, нам не о чем больше говорить. Считайте, что никакой помолвки никогда не существовало.

Она все всхлипывала, а потом повернулась и пошла прочь, почти побежала.

Джулиан глядел ей вслед. Он не испытывал жалости, только холодное презрение. И жажду отомстить. Ему. Ее совратителю. Поэтому, когда он увидел подходившего Стивена, его рука непроизвольно стала шарить, ища у бедра шпагу. Шпаги не было, но Стивен заметил этот его жест и согласно кивнул:

— Сейчас не время и не место.

— Вы отказываетесь? Или думаете, что ваши пуританские принципы позволят вам уклониться от подобающего для дворянина способа ответить за содеянное?

Стивен смотрел на него. Они были почти одного роста, возможно, полковник был чуть мощнее в плечах. Но и в изящной стати Джулиана таилась известная сила.

— Вы не отвечаете?

— Я ведь сказал — сейчас не время и не место. Во-первых, я при шпаге, а вы нет.

— Немного времени займет, чтобы я сходил за ней.

— Сходите. И постарайтесь, чтобы это заняло у вас где-то час, пока все не отойдут ко сну. Вы ведь наверняка не хотите, чтобы нас разняли? Через час я буду ждать вас во внутреннем дворе, в том торце западного крыла, где закрытые покои. Место там пустынное, и нам не помешают.

Джулиана бесило его спокойствие.

— Я ненавижу вас, сэр!

Стивен чуть кивнул:

— Понимаю.

Этот час показался Джулиану вечностью. Он нервничал, ходил из угла в угол и с трудом взял себя в руки, когда зашел Карл. Король говорил о том и о сем, затем сказал, что проведет ночь с Евой — ведь Робсарт еще не вернулся, а Гаррисон уехал.

— Уехал! — так и взвился лорд, но тут же понял, что Стивен наверняка где-то поблизости. Он, конечно, мерзавец, но не трус, и придет в назначенное место.

Карла несколько удивила нервозность спутника, но тот сослался на пережитое волнение и, извинившись, сказал, что хотел бы пораньше

лечь спать. Король пристально поглядел на него и явно что-то заподозрил, но не стал расспрашивать.

— Что ж, я вполне понимаю, когда я нежелателен.

— О сир, простите…

— Успокойся. К тому же меня ждут в другом месте. Думаю, и у тебя назначено свидание? — Он хитро подмигнул.

— Да, милорд, — поклонился Джулиан.

Когда Карл ушел, Джулиан впервые подумал, что неожиданная дуэль, по сути, является нарушением его долга. Он не имеет права отвлекаться, его долг — посвятить себя служению и охране короля. Но разве он чем-то рискует? Разве под силу «круглоголовому» полковнику одолеть его? Джулиан взял в руки шпагу и зловеще улыбнулся. Нет, он не зря слыл одним из лучших фехтовальщиков в королевской свите. Ему просто не помешает развлечься. Отомстить, да еще и отправить в ад родственника одного из убийц короля Карла I. Что ж, это будет, по сути, богоугодное дело.

Дожидаясь положенного часа, Джулиан оглядел свое оружие — дорогое, хоть и без лишних украшений. Был еще и парный к шпаге кинжал. Джулиан минуту разглядывал его острое отточенное лезвие, чему-то улыбаясь. Вбросив кинжал в ножны, он вновь занялся шпагой: пощупал пальцем острие и, уперев его в спинку кровати, согнул дугой, проверяя гибкость клинка. Потом он сделал несколько быстрых выпадов, вслушиваясь, как клинок со свистом рассекает воздух. Глаза его блеснули торжеством, тонкие ноздри затрепетали.

— Я убью его! — убежденно вымолвил он.

К назначенному времени он был на месте. Луна светила ярко, словно разбросав слепящие искры по уже прозрачным осенним листьям, и от этого тени казались еще чернее. Поэтому лорд не сразу заметил привязанного к дереву коня Стивена, а рядом — его самого. Лишь когда опавшая листва зашуршала под ногой полковника, он оглянулся:

— Мне сообщили, что вы уехали.

Стивен снял шпагу и плащ и сложил их на выступе стены. Вытаскивая шпагу, он произнес:

— Я подумал, что лучше, если сочтут меня отбывшим. Тогда у вас не будет неприятностей, если исход поединка решится не в мою пользу: мое тело пополнит список тайн Сент-Прайори.

Джулиан невольно вздрогнул, но тут же взял себя в руки.

— Надеюсь, вы уже успели помолиться.

— А вы?

— Я буду молиться позже.

Он усмехнулся, расстегивая камзол. Стивен последовал его примеру. Теперь они были в одних рубахах и медленно обходили друг друга, выбирая более удобное место для поединка. Наконец Стивен остановился, чуть сжимая в руках шпагу, и рывком откинул со лба волосы.

— Вы готовы, сэр?

Он уже занял исходную позицию, когда Джулиану пришла в голову недобрая мысль.

— Одну минуту. Прежде чем я вас убью, я хочу, чтобы вы кое-что узнали. Едва стало известно, что вы отбыли, как ваша невеста поспешила впустить к себе моего спутника. Она неверна вам, сэр. И уже давно.

Стивен какое-то время смотрел на него.

— Это подло, сэр.

— Не большая подлость, чем ваша — совратить чужую невесту.

Стивен вздохнул:

— Что ж, приступим.

Клинки скрестились и, не отрываясь, скользнули один против другого, словно пробуя друг друга на вкус, с той осторожной медлительностью, которая присуща поединку, когда его ведут опытные бойцы, предчувствуя, что их схватка должна закончиться смертельным исходом. Затем противники сделали несколько быстрых взаимных выпадов с одинаковой ловкостью и отвагой. А вскоре, несмотря на холод осенней ночи, им стало жарко в тонких рубахах.

Теперь дуэль перешла в настоящий бой. Шпаги скрещивались и звенели, блестя в свете луны; порой при особо сильном ударе с них летели голубоватые искры. Стивен скоро понял, как опасен его соперник и с каким мастером фехтования он имеет дело. Но он тоже был опытным воином, и не раз его умение сражаться спасало ему жизнь. Он наступал на Джулиана, стараясь не подставить себя под удары, и делал выпад за выпадом, которые тот неизменно парировал.

Джулиан вскоре поймал себя на мысли, что испытывает удовольствие от поединка. В нем проснулось невольное уважение к

противнику, даже гнев отступил на второй план. Но это лишь придало ему хладнокровия, а значит, он почувствовал себя в своей стихии. Он делал ловкие и сильные выпады, сознательно не нападая, а только парируя удары, ожидая, когда его противник основательно выдохнется. Ловко отражая выпады Стивена, он, улучив момент, молниеносно оцарапал ему руку и отступил.

Стивен, тяжело дыша, взглянул, как по белой ткани стало расползаться темное пятно. Рана была неглубокой, но сильно кровоточила, и Стивен понял, что вскоре рука начнет неметь, а следовательно, шансы его противника увеличатся. Ему следовало либо усилить натиск, пока он не ослабеет, либо постараться занять оборонительную позицию, на что неторопливая тактика Джулиана не давала ему ни малейшего шанса. Он видел, как лорд, отсалютовав ему шпагой, вновь занял позицию, ожидая нападения.

И вновь скрещивались и звенели шпаги, мелькая с молниеносной быстротой. В какой-то миг Стивену послышался где-то вверху подозрительный, странный звук, но у него не было времени отвлечься. Лишь спустя мгновение, когда они, обходя друг друга, переводили дыхание, он заметил, что и его противник быстро взглянул в сторону, куда-то вверх, там, где над зубцами парапета слышалось какое-то странное прерывистое хрипение. Но, возможно, это был лишь обманный маневр, ибо Джулиан тут же сделал резкий выпад. Стивен отбил его и невольно застонал от резкой боли в кровоточащей руке. Он стал задыхаться.

Джулиан видел это, и по его губам скользнула торжествующая улыбка. Все, его время пришло, теперь можно покончить с совратителем Рэйчел. Но опять его что-то отвлекло, а Стивен успел занять оборону. В следующий миг Джулиан обрушил на него целый ряд быстрых, мастерских ударов, которые Стивен еле успевал отражать. Он уже понял, что проиграл. Стоило ему открыть хоть малейший просвет, как туда проникала шпага Джулиана, и нужно было, почти не глядя, отбивать атаку. Рука его совсем онемела, а. вскоре шпага противника скользнула по ребрам. Лишь чудом удар оказался скользящим. Боль обожгла бок. Стивен вскрикнул и, устало дыша, стал пятиться. Джулиан наступал.

— Ты хороший боец, полковник. Но я тебя убью.

Сознание Стивена словно раздвоилось. С одной стороны, он продолжал напряженно следить за клинком соперника, с другой — прислушиваться к чему-то. Что-то отвлекало его. Похоже, что и Джулиана тоже, — он вдруг сделал ошибку, парировал колющий удар Стивена столь широким полукругом, что лезвие Гаррисона скользнуло сквозь оборону. Теперь настала очередь вскрикнуть Джулиану, когда клинок Стивена поразил его в плечо. Он отскочил.

— Левое плечо! — Он улыбнулся, изящно вращая кистью правой руки со шпагой. И тут же кинулся вперед.

Вдруг он оступился.

В пылу боя они давно сошли с ровной площадки у стены и бились уже среди низкой поросли кустарников. Когда Джулиан вновь стал наступать, он зацепился носком ботфорта за корень и рухнул, едва успев перевернуться на спину, чтобы отразить удар.

Но Стивен почему-то не напал и даже не смотрел на поверженного противника. Снизу Джулиану было видно, как он напряженно замер, глядя куда-то вверх.

И тут он услышал это.

Громкое, зловещее ржание, перешедшее в ликующее повизгивание. Чем-то отдаленно это напоминало смех. Но смех был столь жутким, что даже привязанная в кустах лошадь Стивена забилась, стала испуганно фыркать.

— Господи Иисусе! — вырвалось у Стивена.

Джулиан резко сел и проследил за взглядом Гаррисона.

— О святые угодники!

В призрачном свете луны на стене, меж зубьев, сидело нечто. Огромное, лохматое существо, дьявольский паук, свесивший со стены свои длинные мускулистые лапы. Оно почувствовало, что его заметили, и стало подпрыгивать, не вставая с корточек, затем заухало. И вдруг, подняв к диску луны лицо, оскалилось, зашлось диким безумным смехом. Жутким смехом, перешедшим в протяжный вой.

Мужчины глядели на него, не отрываясь, и даже не слышали, как, ломая кустарник, сорвалась с привязи лошадь Стивена, уносясь прочь с диким ржанием. Существо на стене это как будто позабавило: оно стало лопотать, порыкивать и вдруг, спрятавшись за зубья, исчезло. До них донеслись лишь его подвывания, которые стремительно удалялись.

Они наконец смогли переглянуться.

— Что это?.. Кто это был? — почти заикаясь, спросил Джулиан.

Стивен перевел дыхание:

— Я не знаю.

Они словно начисто забыли, зачем пришли сюда, и стояли какое-то время, глядя друг на друга. Но когда у угловой башенки опять возник странный призрак, оба, словно не сговариваясь, сжали шпаги и кинулись следом.

Стивен выкрикнул на бегу:

— Там у башенки люк в пустое помещение. Если оно…

Он не договорил.

Бегом они обогнули угол, толкнули дверь. Мрак на лестнице ошеломил их, но где-то там, наверху, вновь послышались тяжелые шаги и скачки. Они бегом понеслись по лестнице.

На повороте Джулиан задел Стивена; тот ударился раненой рукой о стену и застонал. Но Джулиан не заметил этого, в нем проснулся охотничий азарт. Страха не было, было лишь желание догнать.

— Оно там, на выходе в галерею. Слышите, стукнула дверь.

Стивен с трудом догонял его. Это было заброшенное пустующее крыло замка. Тишина здесь казалась гнетущей. Толкнув створки двери, они оказались в лишенной мебели галерее. Какое-то движение угадывалось в ее конце, но разглядеть что-либо было невозможно. Лунный свет еле проникал сюда, так как разросшийся в этой части замка плюш почти совсем закрывал узкие решетчатые окна.

Джулиан и Стивен стояли в дверях, слыша собственное тяжелое дыхание.

— Оно там, — выдохнул Джулиан.

Он не замечал, что улыбается какой-то кривой, нервной улыбкой. Почти машинально Джулиан переложил эфес в левую руку, а правой сделал крестное знамение. Стивен почему-то заметил это, и у него мелькнула нелепая сейчас мысль, что лорд Грэнтэм католик. Но это открытие оставило его равнодушным, он думал о том, кто таился во мраке уходящей вдаль таинственной галереи. Стивен машинально сжал кровоточащую руку, и боль несколько остудила его пыл.

— Если дверь в конце открыта, оно может попасть в жилые помещения.

— Что ж, тогда поспешим. Ату его! — почти прокричал Джулиан.

Ответом ему послужил жуткий демонический взрыв смеха в дальнем конце, а затем стук распахнувшейся и захлопнувшейся двери.

— Вперед! — скомандовал лорд, бросаясь во мрак.

Грохоча ботфортами, они пронеслись по темной галерее, миновали несколько пустующих помещений, где хранилась старая мебель, тюки, рамы от картин. Во мраке они то и дело налетали на них, спотыкались. А оно то повизгивало, то хохотало впереди.

— Веселенький призрак! — вдруг тоже захохотал Джулиан, и Стивену не понравился его смех.

— Стойте! Мы сами гоним его в жилое крыло. Остановитесь, ради Бога! Нам надо быть осторожнее.

— К дьяволу! — Джулиан толкнул очередную дверь и гневно оглянулся на удержавшего его полковника.

— Погодите! Мы не должны просто так гнать его.

Оно выло и бесновалось где-то на уводящей вверх деревянной лестнице. Сверху посыпалась пыль и известка.

— Да стойте же! Нужно отрезать ему путь. Здесь лестница петляет, и нам надо пройти по этому боковому переходу, тогда оно окажется в ловушке. Проклятье! Сэр, да выслушайте…

Похоже, его трезвость словно раздражала лорда Грэнтэма. Он вырвался и, перескакивая через ступеньки, понесся вверх. Стивен выругался и толкнул узкую дверь сбоку. Почему-то догадывался, что Джулиану не под силу догнать таинственное существо. Но пока они будут носиться по переходам, сам Стивен — дай, Боже, сил! — сумеет выйти в галерею над холлом и запереть двери, ведущие к спальням. Тогда и призрак, и его преследователь окажутся на коридорной площадке, откуда останется путь только в библиотеку. Если он пойдет им навстречу, оно не успеет выскользнуть через библиотеку — и тогда они смогут поймать его.

Сейчас Стивен почти интуитивно догадывался, что для призрака путь через библиотеку оставался единственным способом бегства. Если они успеют его догнать и справиться с ним… Что-то подсказывало Стивену, что это будет не так просто.

Задыхаясь, стараясь не обращать внимания на боль и слабость, он пробежал по узкому коридорчику и выскочил в большую галерею. Стивен смутно уловил чьи-то голоса, мелькнул свет; он даже различил силуэты у противоположного конца помещения. Они были в светлых

ночных одеждах, кто-то держал в руке лампу. Не останавливаясь и не обращая внимания на оклики, он выскочил в дверь, захлопнул ее и опустил щеколду. На миг он бессильно припал к ней, собирая силы, крепче сжимая эфес шпаги.

Вверху он видел освещенную отблеском луны округлую площадку, на которую выходили несколько дверей. Снизу было трудно что-либо разглядеть — мешали повороты деревянной лестницы, но промелькнувшая мимолетная тень все же не ускользнула от его глаз. Как он и предполагал, она мелькнула и исчезла в проеме ведущей в библиотеку винтовой лестницы. Затем послышались быстрые тяжелые шаги.

— Лорд Грэнтэм, стойте! Это опасно!

Но Джулиан, казалось, не услышал предостерегающего Окрика. Сейчас его холодный и рассудительней ум был помрачен азартом травли, по силе равным панике. Но это была воинственная паника; он не мог остановиться и ворвался следом за тенью в проход.

Здесь царил полный мрак, и он тут же сильно споткнулся, едва не упал. На миг Джулиан остановился, переводя дыхание. Он сообразил, что допускает оплошность, несясь очертя голову в полном мраке. Но сердце его по-прежнему гулко билось, кровь кипела. Джулиан покрепче сжал эфес и почувствовал себя вооруженным и неуязвимым; направляя острие во мрак, он начал подниматься. Где-то сзади слышался голос Стивена, а впереди притаилась зловещая тишина. Это озадачило Джулиана и заставило насторожиться. Сдерживая дыхание, он не спеша продвигался вперед. Ступени винтовой лестницы были не очень удобными: узкими на одном конце и широкими — на другом. Джулиан старался ступать там, где они были шире, и слышал, как хрустит под ногой каменная крошка. Привыкли ли его глаза ко мраку или откуда-то поступал свет, но он вскоре стал различать даже шероховатость стен и увидел высеченные у основания сводов скалящиеся маски химер.

Потом, после очередного поворота, он понял, откуда проникал свет. Вход люка вверху был открыт, и из библиотеки лились молочно-белые потоки лунного зарева. Маски на стене стали отчетливее, резче обозначились провалы их скалящихся ртов. Он почти дошел до люка. Тишина. А потом он увидел еще одну маску, с живым блеском глаз, склонившуюся сверху. Джулиана вдруг словно пронзил холодный

огонь ужаса, он замер, перестав понимать что-либо. Мускулы рта химеры чуть дрогнули в жутком оскале, на Джулиана волной хлынул зловонный смрад. Химера беззвучно смеялась; он смотрел на нее, даже не слыша где-то позади торопливых шагов Стивена. В голове навязчиво и тупо вертелась строфа из Писания: «Трепет объял меня, и кости мои задрожали от страха».

Затем химера сделала резкое движение, что-то мелькнуло в ее руке. На голову Джулиана обрушился чудовищный удар.

Он стал отклоняться назад, падать. Каким-то углом сознания он успел заметить, как опустилась, грохнула крышка люка вверху. Затем — удары, звон в голове, мрак. Джулиан кубарем скатился по лестнице, и, когда его подхватили руки Стивена, лорд Грэнтэм уже ничего не осознавал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Звуки прогремели, как глухой рокот. Рокот приближался, и Джулиан постепенно стал различать отдельные голоса. До него явственно донеслись слова:

— Боюсь, что у него сотрясение мозга. Если это так, его будет тошнить. Подайте мне лед.

Холод на голове был так приятен…

Джулиан медленно открыл глаза. Светлое пятно постепенно стало приобретать более четкие контуры, и он узнал, кто так заботливо склонился над ним. Рэйчел. Темные глаза, извилистые змейки черных волос, выбивающиеся из-под ночного чепца.

— Лорд Джулиан? Вы узнали меня?

Он узнал и сразу вспомнил, как она обошлась с ним. Джулиан попытался отвести ее руку и привстать. Тут же в его животе словно все перевернулось, тяжелый ком рванулся изнутри к горлу.

«Она ведь говорила, что мне станет дурно», — подумал он, склоняясь над тазом в мучительных спазмах.

Едва переведя дыхание, он сказал:

— Уходи. Пусть она уйдет.

Последняя фраза относилась к находившимся в его комнате людям.

Теперь он ясно различал, что это его комната: откинутый полог, резные быльца кровати, ларь в нише стены. На него Джулиан глядел долго и стал вдруг волноваться, что кто-то откроет его.

— Уходите!

Это относилось ко всем: Рэйчел, Стивену, Карлу и взволнованной Ребекке Шепстон. Но вышли лишь женщины, Стивен и Карл остались. Джулиан слышал, как Карл произнес:

— Что же все-таки это означает? Весь этот переполох… Похоже, у вас была дуэль?

Чуть приоткрыв глаза, Джулиан взглянул на Гаррисона. Тот был все еще в одной рубахе — порванной, со следами крови. Карл тоже был полуодет: поверх сорочки он накинул халат с шелковой опояской; явно только что от любовницы. И вдруг Джулиан вспомнил — он

предал короля, сказал Стивену, что Карл и Ева… Он не убил Стивена, а тот все знает…

— Пусть он уйдет, — пытался указать он на полковника.

— Уйду, — кивнул Стивен. — Но не ранее, чем вы все расскажете.

Все? Что все? Мысли путались, голова кружилась. Он помнил только дуэль. И еще что-то: он гнался за кем-то. И был весел. Почему? Что могло так развеселить его? Недостойно развеселить…

Он вдруг заметил, что король и Стивен разговаривают спокойно и миролюбиво.

— Это была обычная дуэль, из-за некоторых разногласий между нами. А потом появилось оно.

Король не очень-то понимал. Что значит «оно»? Это был человек? Возможно. Он проник в замок, и они, прервав поединок, погнались за ним. Стивен опасался, что этот — кем бы он ни был — доберется до жилых покоев, и поспешил отрезать ему путь. Джулиан продолжал преследование и побежал следом за странным существом по лестнице, ведущей в библиотеку. Стивен поспешил за ними, но нашел только Джулиана. Вернее, подхватил, когда тот кубарем катился по ступенькам. Лорд был без сознания, голова вся в крови. Шпагу он выронил на верхних ступенях у самого люка, там она и лежала. Стивен, передав бесчувственного лорда на руки женщинам, взял факел и опять отправился на место происшествия. Тогда и нашел оброненную Джулианом шпагу. Люк был закрыт, но не заперт, и он легко проник в библиотеку. Там никого не было, но возле люка валялся чеканный письменный прибор, тяжелый, черненого серебра, с фигурками охотничьих псов и двумя массивными емкостями для чернил. Чернила были разлиты. По всей видимости, этот прибор и послужил орудием таинственному посетителю замка.

Чугь прикрыв веки, Джулиан слушал рассказ помощника шерифа и постепенно все вспоминал. Но там, где в рассказе Гаррисона был пробел — когда они разлучились и он один оказался на лестнице в библиотеку, — память Джулиана точно тонула в тумане. Он что-то вспоминал, но нечто странное, фантастическое.

— Вы что-нибудь заметили, сэр? — обратился к Грэнтэму Карл.

Джулиан чуть нахмурился:

— Химера. Я помню, мне улыбалась химера.

Король и Стивен переглянулись.

— Похоже, он бредит.

Стивен пожал плечами:

— Там у сводов высечены старинные ухмыляющиеся маски химер… этакие отвратительные горгульи из камня. Возможно, сэр Джулиан увидел ее перед тем, как его оглушили.

Он говорил устало. Кое-как наложенные повязки на ранах плохо сдерживали кровь, и Стивен заметно слабел.

Король заметил это и сказал, что полковнику следует обратиться за помощью к Рэйчел, иначе к утру он свалится в лихорадке.

— Только не к ней! — вдруг встрепенулся Джулиан. — Этот негодяй не смеет и тени ее коснуться!

Карл удивленно поглядел на них обоих. Похоже, он догадывался, что произошло, и, несмотря на драматизм ситуации, еле сдержал улыбку. Что ж, милая тихоня Рэйчел смогла заставить схватиться за оружие двоих джентльменов. Прямо как в испанской драме с кровопролитием.

Когда Стивен вышел, король еще какое-то время посидел с Джулианом и собственноручно напоил его успокоительным настоем. Джулиан был тронут. Он бормотал слова благодарности, стремился поцеловать руку короля, потом сказал, что его помолвка с Рэйчел — дело прошлое. Король был заинтригован, но не стал расспрашивать. Вопросов о странном существе, за которым гнались они со Стивеном, он тоже больше не задавал — хотя любопытство не давало покоя, он молчал, не желая волновать спутника. Однако еще долго он размышлял об этом, когда Джулиан уже заснул.

Через полчаса он вышел из комнаты и понял, что в замке что-то происходит: кругом раздавались какие-то крики, слышалась торопливая беготня. Карлу показалось, что повторяется предыдущая ночь. Ну, что там опять? Воистину другого столь беспокойного места, как Сент-Прайори, не встретишь в целой Англии!

В холле горел свет, все опять были в сборе. При отблесках двух-трех светильников трудно было что-либо разглядеть — темные силуэты, белые чепцы женщин; как всегда меж присутствующих метались и тявкали спаниели: Одна из собачек стала выть, другие подхватили, и Мэтью Шепстон выгнал их на улицу. Все что-то говорили, но сквозь этот гомон Карл различил отчаянные рыдания

Евы. Слуги и еще какие-то пришлые столпились у одной из скамей сбоку от камина. Карл спускался по лестнице, не понимая, что всех встревожило. Он увидел Рэйчел, бледную, застывшую как изваяние, с прижатыми к груди сцепленными руками. Среди присутствующих был и Стивен, уже с новой повязкой, в наброшенном на плечи камзоле. В лице его не было ни кровинки. Слышался гневный, почти визгливый голос Энтони Робсарта.

— И вы только сейчас удосужились объяснить, в чем дело, олухи вы этакие!

Один из незнакомцев — типичный простолюдин в крестьянской одежде, с нахмуренным, суровым лицом — мял у груди шляпу и говорил глухим басом:

— Преподобный отче, мы ведь сами только узнали об этом. Пастух Варнава забрел в рощу только потому, что разыскивал корову мельника Грегори. Грегори сказал, что шкуру с него спустит, если Варнава не найдет его пегой — у нее ведь лучшие удои во всем околотке, это верно, как то, что я — добрый христианин.

— Не мели что попало, Питер! — кричал Энтони. — Говори по порядку.

Король уже подошел, когда к нему вся в слезах кинулась Ева.

— О, Чарльз!.. Отец… мой отец!..

Теперь он видел и сам. На полированной скамье у стены покоилось бездыханное тело лорда Дэвида Робсарта. Длинные развившиеся волосы, бескровное лицо. Оно казалось удивительно спокойным, словно умиротворенным. И лишь темное круглое отверстие во лбу — след от пули — придавал этой величественной маске нечто жуткое, неестественное.

— Как это вышло?

— Его убили!.. Убили! Проклятые фанатики! — рыдала Ева.

Стивен, казалось, не придавал значения тому, что его невеста столь явно ищет поддержки в объятиях другого. Видя, что привезшие тело лорда крестьяне теряются под гневным натиском Энтони, он стал допрашивать их сам.

Все то же самое, но менее сбивчиво. Простолюдинам было спокойнее разговаривать с помощником шерифа, нежели с метавшим громы и молнии пресвитером. Опять последовал долгий рассказ, как местный пастух Варнава — перепуганного мужичка даже вытолкнули

вперед — искал корову мельника. Он забрел в рощу, что на возвышении, там, где тропа к замку сворачивает к проходу у озер. Забрел потому, что ему показалось — за деревьями маячит нечто белое, крупное. Но это оказалась не корова, а белый конь милорда. Он запутался поводьями в кустарнике и не мог уйти. Варнава освободил его, стал уводить, когда наступил на что-то мягкое и непонятное. Присев, он стал шарить в темноте и нащупал лицо. Холодное лицо мертвеца. Со страху пастух убежал, примчался в селение и поднял переполох. Тогда несколько мужчин, захватив факелы, отправились в рощу. Белый конь все еще был там, но уже не на том месте, где Варнава обнаружил труп. Над ним уже стали подшучивать, когда огонь факелов высветил на развилке букового ствола мушкет — дорогой, с серебряной насечкой на стволе. Он был установлен так, что его дуло смотрело в просвет между деревьями, где открывалась тропа. Место там уединенное, дорога скрывается меж деревьев и торфяников. Видимо, кто-то поджидал там убитого. И давно, ибо земля вокруг была основательно истоптана и утрамбована.

Слушая их рассказ, Карл приблизился, оставив всхлипывающую Еву на попечении Нэнси. Он невольно проникся уважением к этим простолюдинам, отметил их наблюдательность и с удовлетворением подумал, что эти люди такие же англичане, как и он. Выходит, не прав был его августейший отец, когда не ставил их ни во что. Ему следует это учесть на будущее. Как и не забывать, чем окончилось подобное пренебрежение для Карла I.

Рассказчик меж тем продолжал:

— Тогда мы поняли, что дело тут нечисто, и Варнава вовсе не напутал с испугу. Начали шарить меж деревьев. И обнаружили его милость, совсем уж холодного и окоченелого — мир его праху. Он был хорошим господином, обычно прощал недоимки в неурожайные годы, и хоть редко приезжал, но каждый мог к нему обратиться на суд. Ну, вот, мы просто уложили его на его плащ и решили нести в Сент-Прайори. Закоченелый он был, что бреано. На коня-то мы не могли его пристроить, вот и тащили. Это ведь не так и далеко… от замка до той рощи. Не по себе нам было — и барона жаль, и Сент-Прайори недоброй славой пользуется, ночью туда никого не впускают. Но привратник, когда понял, в чем дело, сразу открыл ворота.

Король вспомнил о недавних таинственных событиях, жертвой которых стал его спутник. Однако что бы они ни таили в себе, сейчас все отошло на задний план. Он взглянул на Стивена; тот, похоже, рассуждал так же. Он подошел к барону и ощупал его раскинутые руки. Карл с невольным содроганием подумал, что их придется ломать, чтобы тело Робсарта смогли положить в гроб.

— Его убили часов двенадцать назад, если не больше, — заметил Гаррисон. — Вполне возможно, что кто-то из разгневанных фанатиков под утро…

— Нет, — вдруг подала голос Рэйчел и указала на лежавший на тумбе мушкет, принесенный крестьянами. — Отца убили из этого оружия, вот уже несколько дней как пропавшего из оружейной. Стреляли из него не пуритане, а кто-то из замка. Тот, кто заранее взял его и готовился к убийству.

На какой-то миг повисла почти звенящая тишина, даже Ева перестала всхлипывать. Энтони Робсарт прямо-таки взорвался от негодования:

— Что ты мелешь, племянница? Что за греховные, смущающие речи? Кто это мог желать смерти моему брату? Это явно происки фарисеев, каких настраивал против нас пес Захария — да сгорит душа его в аду!

И, ущипнув Рэйчел, добавил тише:

— Угомонись. Не смей говорить лишнего при крестьянах. Тебе что, не дорого доброе имя Робсартов?

— Мне ценна истина, — устало и обреченно вымолвила Рэйчел.

Карл увидел, что Стивен пытается натянуть камзол. С рукой на перевязи это удалось ему не сразу.

— Думаю, мне следует оглядеть место происшествия. Вы проводите меня, друзья мои?

Карлу такая поспешность показалась странной: что надеется обнаружить — или припрятать — Стивен Гаррисон? Да еще сейчас, ночью? Хотя, может, он просто возбужден после всех этих событий — волнительная предыдущая ночь, его дуэль с Джулианом, странный злой дух, скрывающийся в замке. К тому же Карлу не понравилась восковая бледность лица полковника, какой-то горячечный блеск в его глазах.

— Вы никуда не поедете, сэр, — властно произнес он и решительно кивнул, встретившись взглядом со Стивеном. — Во-первых, сейчас это бессмысленно, ночь на дворе. А во-вторых, если вы не отдохнете, у вас начнется лихорадка, и вы совсем сляжете.

Все посмотрели на Стивена. В пылу невероятных и трагических потрясений никто не задумался, откуда у полковника эти ранения. Но Стивен и не желал ничего объяснять. Поглядев на Карла, он помолчал какое-то время, потом согласно кивнул:

— Что ж, прошу меня извинить. Ева, мисс Рэйчел, если вам нужна моя помощь…

— Идите отдохните, мистер Гаррисон, — спокойно ответила Рэйчел. Взгляд ее был каким-то пустым, отрешенным. — Если понадобится, мы пришлем за вами, но это вряд ли случится. Смерти в Сент-Прайори — не такая уж редкость, мы знаем, что делать.

Она отвернулась, не замечая внимательного, почти болезненного взгляда Гаррисона. Он вышел.

Король поглядел на Еву. Теперь, когда первое потрясение прошло, она уже не плакала. Взгляд ее был задумчивым, но уже не полным тоски; казалось, она напряженно о чем-то размышляет, а ее первые рыдания были обычным шоком. Карл и не подозревал, что она придет в такое смятение из-за гибели отца; она всегда казалась ему сильнее, и вдруг — такое отчаяние. Выходит, он ошибался в ней: ведь и из-за сестры она тоже очень переживала. Он глядел на Еву, и сердце его исполнилось нежностью и одновременно печалью. Ведь теперь, когда нет ее отца… Он не стал об этом думать и обратился к Энтони Робсарту, предлагая свою помощь.

Преподобный Энтони явно вновь почувствовал себя главой. Гибель любого из членов его семьи словно только воодушевляла его. Сейчас он быстро отдавал распоряжения: барона, если учесть, что убит он уже давно, следует похоронить как можно скорее, пока тело не подверглось тлению. В Сент-Прайори похороны происходят скоро, но смерть лорда, пэра Англии, не должна пройти незаметно. Следует пригласить на поминки местную знать и окружную администрацию, а также душеприказчиков Дэвида Робсарта, чтобы вскрыть завещание; необходимо отписать в Лондон и в Саутгемптон, сообщить о смерти адмирала. Так что дел предостаточно. Поэтому он быстренько ткнул несколько монет привезшим тело лорда крестьянам и, выпроводив их,

занялся делами. Но и своих духовных обязанностей он не забывал и обратился ко всем с успокоительной речью:

— Кто мы такие, чтобы плакать и роптать на то, что допустил Господь? Да, мой брат умер, и я искренне скорблю о нем, как Давид по Ионафану. Но Богу было угодно, чтобы вышло так — да будет благословенно имя Его! На Него лишь уповаем. Он один может ниспослать утешение, когда будет на то Его Святая воля.

Пресвитер, по сути, красовался собой и своей речью и выглядел воодушевленным, как на проповеди. Его слова возымели действие. Державшая до этого себя в руках Рэйчел расплакалась и тихо, как обиженный ребенок, отошла от всех в темный конец холла, словно стыдясь или не желая, чтобы ее утешали. Служанки тоже зашмыгали носами, даже кое-кто из мужчин смахнул скупую слезу. Карл увидел, что Ева глядит на него — беспомощно и жалко. Губы ее дрожали, она словно искала у него поддержки. Карлу стало невыносимо, и он вышел.

Едва рассвело, в замок стали съезжаться приглашенные и выражать сочувствие одетым в траур дочерям покойного. Энтони держался главой семьи, воем приказывал и повелевал. Лишь однажды он обратился к Карлу и начал расспрашивать о странном ночном переполохе. Карл посоветовал узнать все у самих преследователей неизвестного, но Энтони возразил, что те оба спят. Карл знал об этом, он уже стучал Стивену в дверь и навестил Джулиана. Джулиан спал чутко и пришел в себя, едва шпага короля задела о косяк двери. Выглядел лорд неважно. Карл рассказал ему о гибели Робсарта; Джулиан глядел на него, словно не сразу понял, в чем дело. Однако его слова убедили короля в обратном:

— Теперь не владеть вам Вест-Индским флотом.

— Похоже, это обстоятельство вас радует, сударь? — сухо заметил король.

— Меня радует другое, — отметил Джулиан.

Король ушел рассерженный. По сути, лорд Грэнтэм сказал то, что волновало и печалило его самого. Ева. Теперь все будет по-другому. Поэтому он был раздражен и на вопросы Энтони отвечал несколько резко, но затем взял себя в руки и подробнее рассказал о случившемся, Энтони выглядел озадаченным. И смущенным.

— Похоже, мое пэрство начнется с проблем, — вздохнул он.

Карл не придал значения его словам. В замок прибывали люди, и для короля было небезопасно встречаться с ними. Поэтому он попросту уехал, поскакал туда, где нашли тело лорда Робсарта. Он был хорошо знаком с окрестностями, а тропинка между болотом и рощей была как раз тем местом, где он частенько поджидал Еву в их уединенных прогулках по утрам. Этот закрытый со всех сторон участок дороги к Сент-Прайори был идеальным местом для убийства. Карл словно воочию видел, как здесь ехал Робсарт, когда его настигла смерть. По-видимому, барон не сразу упал с коня, а испуганная лошадь, не разбирая дороги, кинулась прямо в чащу молодых зарослей орешника, где то там, то здесь виднелись стволы старых дубов и буков. Тело лорда выпало из седла, конь запутался поводьями в ветвях. Сколько он простоял? Если судить по словам Стивена, убийство произошло рано утром. Тогда конь мог заржать, когда по дороге то и дело проносились всадники. Этого не произошло, возможно, его здесь не было, и, следовательно, барона убили позже, когда все уже проскакали и находились в поместье, а Стивен просто ошибся, определяя время убийства. Однако полковник был человеком военным, не раз видевшим смерть, и он способен определить по трупу, сколько тот пролежал. К тому же конь мог убежать гораздо дальше, а вернуться лишь позже, как лошади возвращаются к телу поверженного хозяина. Тогда все же получалось, что лорда Робсарта убили утром, когда он ехал в замок разузнать, не вернулась ли Рэйчел после того, как спаслась от фанатиков.

Карл старался не думать, зачем забивает себе голову всеми этими, отнюдь не королевскими мыслями. Его ведь не заинтересовала ни таинственность смерти Патрика Линча, ни гибель мальчика Осии, ни трагическая кончина Джека Мэррота. Конечно, они были только слугами. Но даже жуткое убийство Элизабет Робсарт не заставило его разгадывать все эти тайны. Теперь же он словно поставил себе целью докопаться до истины, словно не хотел думать о другом. О Еве Робсарт и о том, что ни о каком браке между ними теперь не может быть и речи.

Он слез с коня и углубился в рощу. Старый дуб с раздвоенным стволом, хорошо видный среди облетевшей листвы кустарников, он нашел быстро. Сухие листья шуршали под ногами короля, когда он приблизился к дереву. Да, развилка была подходящей подставкой для

дула мушкета, и вид на дорогу отсюда просто превосходный. Одновременно нижний толстый ствол дуба мог прекрасно скрывать убийцу. Карл поглядел под ноги, земля и в самом деле была утрамбованной. Видимо, убийца не один раз побывал здесь, не зная точного времени прибытия лорда в замок. Наверное, ему было известно, что Робсарт может в одиночку совершать верховые прогулки. Значит, этот человек был близок к барону и хорошо знал его привычки. Фанатик ли это? Украденный в Сент-Прайори мушкет показывал, что такое допущение маловероятно. Убийцей мог быть только человек, имеющий свободный доступ в замок.

Карл еще раз внимательно оглядел утрамбованную землю. Из-за опавшей листвы отпечатки следов было трудно различить, и все же кое-что Карл заметил. Отпечаток каблука. Глубокий, квадратный. Такой обуви простолюдины не носят, это след от дорогого башмака или ботфорта. Карлу стало не по себе от того, что он подумал. Он вернулся к лошади и сел в седло. Время уже было за полдень, когда он миновал торфяники, выехал на дорогу с разрушенным каменным крестом и увидел приближающегося со стороны замка всадника. Стивен Гаррисон, родственник одного из палачей его отца. Встречаясь с ним в Сент-Прайори, он как-то позабыл об этом факте и даже находил некоторое удовлетворение в редких беседах с помощником шерифа. Тот был разумен и обаятелен, хотя, как и всякий пуританин, несколько мрачноват.

Завидев короля, Стивен стал натягивать поводья, сдерживая ход лошади. Карл догадывался, куда он едет. На место происшествия. Но у него сейчас не было желания общаться с полковником, поэтому, лишь чуть прикоснувшись к своей шляпе, он проехал мимо. Карл неожиданно задумался над тем, где бы мог быть Стивен прошлой ночью. Или утром. Ведь в Уайтбридж он прибыл, когда уже рассвело…

Карл не собирался присутствовать на похоронах и потому повернул к конюшне, заслышав долетавшее из часовни пение псалма:

— Краток век у смертного, рожденного женщиной…

Король завел лошадь в конюшню, расседлал ее, потом через служебные ходы прошел в парк. Он машинально направился в сторону пустующего крыла. По смятым кустам Карл догадался, где именно происходила дуэль Джулиана со Стивеном, которую прервало

появление загадочного существа. Опустившись на каменный, осыпающийся выступ стены, он задумался. В замке было слишком много таинственного и непонятного. Ранее он не размышлял об этом, очарованный любовью к Еве, теперь эта таинственность стала утомлять и раздражать его. Какого черта? Что он делает в этой забытой Богом дыре? Чем это там так занят Уилмот, что до сих пор не прислал за ним человека? А теперь еще и Джулиан слег. Правда, Ребекка Шепстон говорила, что лорд Грэнтэм скоро поправится — сотрясение мозга опасно лишь на первых порах, и если Джулиан будет пить приготовленные мисс Рэйчел травяные настои и пробудет хотя бы сутки в постели, то вполне сможет восстановить силы для поездки. Она так и сказала этим утром — для поездки. Словно знала, что долго они уже не останутся в замке.

Карла воодушевила эта мысль. Да, он хотел уехать и как можно скорее вырваться из этого круга забвения и несчастий. О Боже, у него ведь столько дел! Столько людей его ждут! Он вспомнил осторожный, чуть суровый взгляд своего канцлера Хайда, беспечный смех герцога Бэкингема, добрую улыбку сестры Марии, во владениях которой он нашел прибежище. Подумал и о заплаканных глазах своей матери Генриетты-Марии. Она, наверное, с колен не встает, молясь о нем, а он застрял здесь, в глуши. Но тут Карл подумал, что еще недавно был так счастлив в этом замке. Так влюблен. Его кровь бурлила в ожидании воплощения самых несбыточных надежд, но сейчас он отчетливо понял, что ошибался. Почему он так поверил в предсказание Мэг? Может, он сам хотел в него верить?

После смерти лорда Робсарта он словно очнулся и понял, что не имеет ничего общего с Сент-Прайори. Все это было будто забытье, золотистый осенний сон, в котором он утонул, спасаясь от кровавых воспоминаний о своем поражении, от угрызений совести и печали о погибших сторонниках. А сейчас…

Он зябко поежился. Холодный ветер срывал с деревьев листву. По небу неслись темные тучи. Мир потускнел. Пришло прозрение.

К нему подбежал спаниель и стал ластиться. Эта умильная мордочка и круглые преданные глазенки внесли некоторый покой в душу короля. И когда он заслышал шаги и шелест юбок, на его лице уже играла улыбка.

Ева Робсарт увидела его из окна и решила поговорить. Ей казалось, что с момента гибели отца Карл словно избегает ее. Она понимала причину этого. Достаточно проницательная, чтобы сообразить, что одних ее чар для сватовства было бы недостаточно, она догадалась, что корабли ее отца стали решающим доводом, отчего Карл Стюарт попросил ее руки. Но погиб отец, а с ним ушел и довод. Осталась лишь страсть, что, словно вихрем, закружила их. На нее Ева делала последнюю ставку. Ведь Карл еще здесь, с ней, и ей во что бы то ни стало надо удержать его. Этим утром она старалась выглядеть особенно привлекательно. Нэнси было велено отполировать госпоже шелком до блеска волосы и тщательно завить их, хоть та и ворчала, что в такой день это просто неприлично. Ева тщательно надушилась, умыла лицо холодным французским кремом, но губы подкрасила лишь чуть-чуть. Она выбрала траурное платье из черного шелка с лифом на китовом усе и очень пышной юбкой. Зная, что черный цвет ее старит, положила на плечи широкий, как пелерина, воротник из белоснежных голландских кружев. Вид ее был несколько нескромен для глубокого траура, и во время похорон она слышала недовольный ропот вокруг, но старалась не придавать этому значения. Разве не была она всегда притчей во языцех? К тому же слезы, что она лила над телом отца, несколько успокоили злопыхателей.

Правда, Ева не знала, так ли уж она горюет об отце, которого не слишком любила, полагая; что тому и дела нет до нее. Она плакала от страха, от того, что теряла слишком многое. Она абсолютно искренне не думала о троне. Ее любовь к Карлу Стюарту была так сильна и неожиданна, что она тревожилась о своей любви, как о боли, от которой нет спасения.

Сейчас, когда Карл улыбался ей, слезы так и хлынули с новой силой. И король кинулся к ней, обнял — он не выносил женских слез.

— Ева! Ангел мой, Ева! Прошу вас… Не надо. Не надрывайте мне сердце.

Она подняла к нему заплаканное личико, зная, что слезы не портят ее. Нос не краснеет, лишь чуть припухают губы, но это ей даже идет. А слезы на длинных ресницах придают ее глазам особое сияние. Она не раз плакала перед зеркалом и нашла, что рыдания даже придают ей нечто волнующее.

— Карл, — произнесла она. — Ваше величество, мой король, имею ли я право просить у вас утешения? Не забыли ли вы свое обещание, свою клятву жениться на мне?

У короля сжалось сердце. Сейчас, когда она в таком состоянии, у него не было сил оттолкнуть ее, сказать «нет» всем ее надеждам. И он лишь ласково привлек ее к себе. Он был таким сильным, высоким, а она трепетала в его руках, как дитя. Красивое дитя. Эти черные ленты в ее кудрях казались столь яркими на фоне золота ее волос. Такой контраст… В душе Карла было то же: боль от утраты надежд на союз по любви и прежняя радость, что он обнимает ее, что она с ним. Да, натура Карла даже в горестях стремилась найти нечто радостное. И сейчас он был рад, что Ева так любит его, что им было хорошо вместе. Было… Где-то в его сознании словно всплыли силуэты кораблей — мачты и паруса. Отныне всегда, когда он будет видеть флот, он станет думать о ней. Ибо он любит ее, но не сможет на ней жениться. Однако это ведь не означает, что они должны расстаться? Почему бы им не быть вместе… без оформления брачных отношений?

Какая простая и радостная мысль! Карл ласково стер слезы со щек возлюбленной.

— Если на то будет воля Божья — мы не расстанемся.

Это не был конкретный ответ, но все же он несколько успокоил Еву. Она попыталась улыбнуться и взяла себя в руки.

— Гости уже разъезжаются. Вам нечего опасаться; когда они справлялись о вас с Джулианом, им ответили, что «Чарльз Трентон» отбыл, а лорд Грэнтэм болен. Больше они не задавали вопросов. В замке сейчас остались лишь нотариус, мировой судья и несколько соседних сквайров, которые в качестве душеприказчиков будут присутствовать при оглашении завещания. Еще там останется Стивен. И как должностное лицо, и… в качестве общеизвестного моего жениха. Отец ведь не успел публично расторгнуть нашу помолвку.

Опять этот жалкий и тревожный взгляд.

У Карла заныло сердце, но он заставил себя улыбнуться и ласково погладил ее по щеке:

— Все в порядке, Ева. Я понимаю. Значит, Гаррисон не уехал?

— Он уезжал, но ненадолго. Сейчас он уже в Сент-Прайори.

Карл чуть кивнул.

Они пошли ко входу. На лестнице король подал ей руку и попробовал пошутить.

— Выше нос, моя прекрасная возлюбленная. Обещаю, что Мое Величество потерпит, если сегодня вы будете сидеть возле «круглоголового» полковника.

Ева поддержала тон:

— Я верю слову моего короля.

Они прошли через то же пустое крыло замка, куда вчера вбежали, гонясь за призраком, Джулиан и Стивен, и миновали полутемную прихожую, глядя лишь друг на друга. Они даже не заметили застывшего в нише стены, одетого во все черное Энтони Робсарта.

Он стоял, не шевелясь, и глядел им вслед широко открытыми, удивленными глазами. Сюда, в эти помещения, он пришел, заинтригованный рассказами о появлении странного существа. Энтони давно понимал, что от него скрывают какую-то тайну Сент-Прайори. Все эти непонятные события, таинственные звуки по ночам — о них молчали, явно не догадываясь, что он что-то заподозрил. Он же волновался, хотя и не имел права выказать этого. Страстно желая стать хозяином замка, он все же чувствовал себя в нем постояльцем, непрошеным гостем. Но теперь-то все изменится, а значит, он должен обязательно разгадать эту тайну. Поэтому, распростившись с гостями и оставив попечителей заботам Рэйчел, он отправился в эти покои. Заметив Трентона и Еву, он на всякий случай притаился в сторонке. Они его не заметили, а вот он… То, что он услышал, поразило его, и он начисто забыл, зачем пришел. «Мое Величество», — сказал Чарльз Трентон. «Я верю слову моего короля», — ответила Ева.

Энтони был оглушен. Чарльз Трентон и… король. В его памяти всплыли тексты всех этих листов с описанием Карла Стюарта: очень высок, смугл, черты неправильные, черные глаза и волосы… Все сходилось. Никто не знал, где скрывается беглый король. А выходит, он совсем рядом, только что он, Энтони, должен предпринять?

Пастор даже икнул от потрясения. В пустых покоях этот звук прозвучал неожиданно громко. Энтони испугался и прикрыл ладонью рот, озираясь. Нет, они уже ушли, он остался один. Медленно, весь во власти мыслей, он стал подниматься по лестнице. Как сомнамбула, он шел по пустынным покоям и, лишь заслышав голоса, остановился. Ему нужно побыть одному и все как следует обдумать. Он подошел к

прикованной скамье в нише окна, машинально вытер с нее пыль и сел, глядя перед собой немигающими глазами. Он понимал, какой шанс у него в руках. Как он может выслужиться перед новыми властями, или, наоборот, возвыситься в кругах сторонников монархии. Но что лучше предпринять, он еще не решил.

Почему-то он вспомнил свою жизнь. Никчемную жизнь, в которой его постигало одно разочарование за другим. С детства он чувствовал себя ущемленным тем, что родился в семье младшим. Духовная карьера — единственное, что светило ему. Он с готовностью ухватился за эту возможность, хотя по-настоящему набожным не был — мешало тщеславие и жажда мирских благ. Религия для него служила лишь ширмой, за которой он прятал свое честолюбие, одновременно пытаясь создать себе репутацию рьяного поборника церкви. Сначала католической — ибо это считалось модным и престижным, потом — пресвитерианской, после казни епископа Лода и прихода к власти пуритан. О своих чаяниях он не говорил никому, кроме сестры Элизабет — она-то уж была глупа, как гусыня, и он ничем не рисковал, доверяя ей. Но почему-то все, с кем он общался, относились с явным сомнением к его религиозным речам и откровениям. А его брат Дэвид, который сделал столь блестящую карьеру, даже пальцем не пошевелил, когда он попросил его выполнить свой семейный долг и похлопотать за младшего брата.

— Мужчина должен добиваться всего сам, — только и ответил он.

Презренный негодяй! Как он смел говорить такое? Он, кому все падало прямо с неба! По крайней мере, так считал Энтони. Ведь если бы их старший брат не погиб на дуэли, разве стал бы Дэвид пэром? Так бы и торчал в Ирландии среди этих католиков-полудикарей, на одной из которых он даже женился, породив столь порочное создание, как Ева. Потом все его победы на войне — сколько фамильных земель он распродал, чтобы сформировать свои войска, да и взяток, наверное, надавал немало. А его работа в Вест-Индской компании? Энтони никогда не думал, что успех поднятия ее флота зависел от титанических усилий брата, и считал, что тому просто повезло. И опять же, если он продолжал распродавать земли, то отнюдь не ради работы. Наверняка, чтобы позолотить ручку Кромвеля, у которого аристократия Англии была не в чести. Вон лорд-протектор хоть и разогнал палату лордов, а с его братцем все же был на короткой ноге.

А Дэвид, несмотря на все это, так и не ударил палец о палец, чтобы вытащить его, Энтони, из дерьма.

Энтони давно понял, что ненавидит всех, но особенно — свою семью и брата Дэвида. Вот если бы их не стало… Тогда он мог бы отказаться от духовного сана, стать лордом, бароном Сент-Прайори, пэром Англии.

Итак… если он откроет, что его милые племянницы скрывали коронованного врага республики — их сразу не станет. Если же, став пэром, он поможет королю скрыться — трудно представить, какие возможности откроются перед ним, если монархия вернет свое. Энтони зажмурился — ему уже мерещилась должность в Совете короля, орден Подвязки, немыслимые богатства и титулы. Эх!..

Где-то сквозняком захлопнуло дверь. Энтони вздрогнул и очнулся от своих мечтаний. Он встал, оправил одежду. Пора было идти слушать завещание. О своем открытии он пока умолчит. У него еще будет время обдумать, как поступить.

В это время вернувшийся Стивен находился в библиотеке замка. Его рука все еще покоилась на перевязи, но чувствовал себя он уже нормально. В отличие от физического состояния, в душе его царил полный переполох. Разгон фанатиков, дуэль с Джулианом, когда он едва избежал смерти, таинственное существо, прячущееся в Сент-Прайори, неожиданное убийство лорда Дэвида… Стивен был привязан к барону и искренне скорбел о нем. И еще Рэйчел. Неожиданное, слепящее чувство любви к этой милой девушке… их связь. И это в то время, когда Ева настаивает на соблюдении помолвки. А потом известие, что Ева — любовница… короля. У него появился шанс разорвать помолвку, которой он уже не желал, но он ведь обещал барону жениться на Еве. У Стивена голова шла кругом..

Он с трудом взял себя в руки. Итак… Пока он ничего не может разузнать о смерти лорда Робсарта, ему следует сосредоточиться на таинственном существе, прячущемся в замке. Человек ли это? Стивен решил, что человек, или почти человек. И от этого «почти» ему становилось не по себе. Это скрывало в себе опасность и объясняло многое из того, что происходило в замке. Таинственный монстр-убийца, присутствие которого сулит опасность обитателям Сент-Прайори. Стивен подумал о Рэйчел, и сердце его дрогнуло — она знает

об этом получеловеке, но молчит. Значит, и она в опасности. Но он разведает эту тайну, даже вопреки ее воле.

Стивен огляделся. Светлая библиотека с ее старинным сводом, готическими окнами и книжными шкафами. В ней было нечто уютное и в то же время таинственное. Сюда рвалось то жуткое существо и здесь исчезло. Сейчас помещение казалось каким-то сумрачным, возможно, из-за пасмурного дня. За окнами шумел опадающей листвой старый парк; по полу пробегали тени. Глядя на них, Стивен остановил свой взгляд на чернильном пятне у люка. Его бы уже давно стерли, если бы все в замке не были так поглощены похоронами. И тут внимание Стивена привлекло нечто другое: пятно было не единственным. Тот, кто разлил чернила, видимо, запачкался в них. Стивен увидел еще несколько мазков на плитах пола на некотором расстоянии друг от друга, словно пола одежды мела по плитам там, где касалась пола. Стивен поежился. Видимо, монстр делал огромные скачки, когда убегал. И следы вели… он уже догадался. К таинственной двери у камина. Он заметил, что на двери нет замка, и это почему-то поразило его. На створке двери тоже виднелись следы чернил, вернее, огромных пальцев. Возможно, впечатление усиливалось оттого, что след был размазан. Стивену стало не по себе, и он невольно положил руку на эфес. Он попытался открыть дверь, но она не поддалась — видимо, была заперта изнутри.

Стивен глубоко вздохнул. Пожалуй, нечто подобное он и предполагал. Тайный ход, ведущий куда-то, к тому, о ком обитатели замка предпочитают умалчивать. Однако если бы не убийство Робсарта, тайна уже была бы раскрыта. Ибо теперь было двое свидетелей, знавших о ней: он сам и лорд Грэнтэм.

Сзади на лестнице послышались шаги, а потом появилась Рэйчел. Сначала она не заметила Стивена, а когда увидела, то отшатнулась, словно хотела кинуться назад к люку. Но он уже увидел, что она держала в руках и поспешила спрятать его за спину — цепь с замком.

Стивен пошел к ней, протягивая руку.

— Давайте, Рэйчел, я помогу вам. В самом деле, намного безопаснее, если эта дверца будет закрыта извне.

Ее пальцы дрожали, когда он брал у нее замок, и сердце Стивена затопила нежность к девушке. Ему захотелось обнять ее, успокоить, сказать, что ей нечего опасаться его, он не враг, и она может

рассчитывать на его помощь и поддержку. О небо! Ему еще столько надо сказать ей!..

Пока он вдевал цепь в скобы и подвешивал замок, она молчала. Ключ протянула беззвучно, стараясь избегать встречаться взглядом. Лишь когда он спросил, не желает ли она дать ему кое-какие пояснения, из груди ее вырвался невольный вздох.

— Что ж, придется. Однако, если вы позволите, я бы хотела отложить этот разговор на другое время. Мне надо посоветоваться с сестрой. Пока, думаю, нам стоит пройти в летнюю гостиную. Там мировой судья Эзикиэл Батс и душеприказчики отца. Они ждут, когда все соберутся, чтобы вскрыть завещание.

Они говорили сухо и официально, словно не было меж ними той упоительной ночи, полной страсти, близости, любви. Стивену стало больно. Рэйчел стояла перед ним, прямая и напряженная, как струна, ее черное платье с высоким воротом плотно облегало талию, делая девушку особенно хрупкой, но вместе с тем выгодно обрисовывая контур высокой груди. Стивен вдруг ощутил, как глухо забилось сердце: он по-прежнему хотел ее, она была ему мила, он был влюблен в нее.

— Погодите, Рэйчел, — схватил он ее за руку, когда она хотела уйти. — Ради Бога, погодите! Нам ведь есть, о чем поговорить. О нас.

Она подняла на него глаза, смущенные и страдающие, обиженные и печальные.

— «Нас», мистер Гаррисон, не существует.

— Нет, Рэч, это не так. Милая моя, не отвергайте меня. Я люблю вас, вы любите меня — через это нельзя так просто переступить.

— Но вы жених моей сестры, — ответила Рэйчел с ощутимой укоризной в голосе и слегка покраснела. — А я…

— Я понял, что ваша помолвка с лордом Грэнтэмом не состоится. Вы свободны и…

— Но вы не свободны! — Она вырвала руку из его рук. — Вы связаны с Евой брачным обязательством. И сейчас, когда она в беде, вы не оставите ее!

— Она сама накликала на себя беду! — сухо отрезал Стив.

— О… Вы знаете?

Она выглядела испуганной. Стивен кивнул.

— Да. Я знаю. И это ли не повод, чтобы я расторг помолвку?

— Вы не сделаете этого! — Голос Рэйчел стал непреклонным. — Еве всегда не везло в жизни, ее постигали одни удары. Она храбро держится, но и она может сломаться. Вы же просили ее руки, вы дали слово моему отцу…

Тут глаза ее наполнились слезами, губы задрожали, и она отвернулась. Но едва Стивен попытался ее обнять, она отпрянула. Так Рэйчел и стояла, вскинув голову, всеми силами пытаясь сдержать рыдания.

— Рэйчел, милая моя, — мягко заговорил Стивен, — почему ты всегда думаешь только о других, а не о себе? Нам ведь было так хорошо вместе. И неужели ты не понимаешь, что ты отдала мне, моя чистая, добрая девочка? Ведь это положено отдавать лишь мужу. Теперь, когда я соблазнил тебя и твоя помолвка с лордом Грэнтэмом расторгнута…

— До этого вы также владели Евой, — быстро отрезала девушка. — А то, что было… Что ж, я сама этого хотела. А теперь не хочу. И оставьте меня… ради Бога!

Она резко повернулась и ушла. Стивен стоял какое-то время в пустой библиотеке, чувствуя себя больным и разбитым. Он понимал, что ему не совладать с волей Рэйчел, но упрямо сцепил зубы. Нет, он так просто не откажется от нее. Ему следует поговорить с Евой.

Поговорить сразу ему не удалось. Едва он спустился в галерею, как его позвали выслушать завещание. На правах должностного лица и все еще в качестве жениха Евы Робсарт он должен был присутствовать при этой церемонии. Когда он вошел в летнюю гостиную, там уже собрались все. Несколько пожилых джентльменов, которых покойный лорд Робсарт удостоил своим доверием, судья Эзикиэл Батс, Рэйчел, Энтони, Ева, почти вся прислуга Сент-Прайори, включая нескольких прибывших с лордом Робсартом сопровождающих. Рэйчел сидела чуть в стороне от остальных и нервно мяла косынку. Глаза ее были все еще красны от слез, но с учетом траура в замке в этом вряд ли можно было усмотреть что-либо необычное. Ева выглядела спокойной, указала Стивену на место подле себя и даже попробовала негромко пошутить:

— Взгляни-ка на дядюшку, Стив. Вырядился, подобно Иосифу Прекрасному.

Энтони Робсарт и в самом деле выглядел необычно. Вместо принятых по сану темных одежд на нем был камзол из серого камлота,

обшитый золотым позументом. Кружева водопадом ниспадали у него с горла и запястий, а у икр даже нависали над мягкими голенищами щегольских сапожек. Он сидел в кресле, как на троне, важно опираясь на трость с вызолоченным набалдашником.

Меж тем завещание было вскрыто и зачтено нотариусом. В нем отмечалось, что большая часть земель Робсартов была продана во время войн, и сейчас у семейства оставались лишь земли Сент-Прайори — 100 акров земли, 15 акров пастбищ, рыбные озера и охотничьи угодья — земли, вместе с замком дающие титул пэра, а также большой особняк во флорентийском стиле с садом в Лондоне, несколько домов в Саутгемптоне и некоторые владения на севере Англии в Йоркшире. Большая часть состояния Робсартов представляла собой денежные вклады в банках Лондона и на континенте. Сумма была нешуточной, более ста пятидесяти тысяч фунтов стерлингов. Из нее внушительная часть предназначалась в уплату слугам, настолько внушительная, что нотариус, словно не поверив, поправил на носу очки и вновь пробежал глазами по строчкам. Слуги держались невозмутимо, кое-кто даже переглянулся со значительным видом — мол, мы знаем, чего заслуживаем, и лишь толстуха Сабина, уткнувшись в передник, расплакалась. Оставшуюся сумму барон разделил между своими дочерьми и сестрой, ибо завещание было написано еще зимой этого года, когда леди Элизабет была жива и ничто не предвещало ее скорую кончину.

Стивен невольно чуть улыбнулся в усы — он не сомневался, что теперь эти деньги покойной леди приберут к рукам парламентские чиновники. Однако и Ева, и Рэйчел, получившие по сорок с лишним тысяч, превратились в весьма состоятельных леди. Гаррисон украдкой покосился на Энтони: пока что в завещании о нем не было ни слова. Глаза дядюшки расширились, когда он услышал дальнейший текст о том, что несколько тысяч барон выделял на приют для вдов и сирот моряков его флотилии и еще некоторая сумма шла на госпиталь для лечения инвалидов гражданских войн.

«Мое поместье Сент-Прайори, — гласил дальнейший текст, — и остальные мои земельные угодья, равно как и наследственный титул пэра, должны перейти к сыну моему от второго брака Николасу Робсарту, а если он по какой-либо причине не вступит в свои владения, то опекунами Сент-Прайори я оставляю свою младшую дочь Рэйчел и

человека, которому полностью доверяю, — полковника Стивена Гаррисона, жениха моей дочери Евы. Если же упомянутый Николас Робсарт в течение пяти лет не предъявит свои права на титул пэра и земли, то пэрское звание должно перейти к моей младшей дочери леди Рэйчел, ибо, как бы ни любил я остальных членов моей семьи, она одна достойна стать пэресой, с передачей титула своему мужу и детям. Подобное заявление обговорено мной с членами парламента и зафиксировано в документах в нотариальной конторе в Лондоне.

Что касается моего брата Энтони Робсарта, то это человек порочный и импульсивный, и я, полагая, что он будет настаивать на получении титула, настоятельно прошу моих душеприказчиков подтвердить мою последнюю волю, чтобы мой брат не получил титула, оставленного моему сыну. Энтони Робсарт решил посвятить себя духовной карьере, и я готов помочь ему в этом, выделив для него и нужд его прихода сумму в размере пяти тысяч фунтов стерлингов…»

— Да будь он проклят! — так и подскочил преподобный Энтони. — Пусть черти зажарят в аду его порочную душу!..

— Ваша милость, — поспешил прервать Робсарта-младшего судья Эзикиэль Бате, — ведите себя скромнее, уважайте память покойного.

— Что?! — почти взвизгнул Энтони. — Этот пес лишил меня всех полагающихся по закону прав и думает, что я успокоюсь его ничтожной подачкой? Чертово семя, разрази его демон! Он обобрал меня, он лишил законного титула! Он не имеет права! Он сдох, как свинья, и теперь я его единственный наследник!

— Так вот почему вы так вырядились? — иронично заметила Ева. — Вы уже считали себя пэром Англии!

— И я им буду! — потряс кулаками над головой Энтони Робсарт. — Пэрство передается по мужской линии, если есть хоть один наследник мужского пола. И Рэч ничего не получит. А Николас… Кто этот Николас, где он? С ним всегда было нечисто, Дэвид не признавал его. И теперь он все оставил этому ублюдку только затем, чтобы отстранить меня! Не дождетесь! — тряс он в бешенстве пальцем перед спокойной Рэйчел. — Ха! Пэреса Рэч! Сатанинское отродье! Ты ничего не получишь, ведьма!

— Сударь, вы ведете себя в высшей степени непристойно, — заслоняя девушку, вступился Стивен.

Но Энтони не так-то просто было угомонить. Он кричал, угрожал, обещал, что потребует пересмотра вопроса о пэрстве в палате лордов, начисто забыв, что при нынешнем режиме она просто упразднена. Когда ему напомнили об этом, он все равно не пожелал сдаваться.

— Вы думаете, что можете отделаться от меня? Не дождетесь! Это я могу устранить всех вас. О, я знаю, что сделаю: я всех вас объявлю предателями и преступниками. Вы лишитесь всего, а Сент-Прайори станет моим.

— Дядюшка, да вы безумны! — возмутилась Ева. — Ваше место в приюте для умалишенных!

— А твое, девка, в портовых кабаках. Или на плахе!

Теперь поведение Энтони возмутило всех. Стивен молча сгреб его за шиворот и хотел выбросить вон, но дядюшка вырвался и отскочил к камину, вытянув руки, словно удерживая Стивена.

— Все! Все! Я умолкаю. — Он перевел дыхание, оправил сбившуюся одежду и даже постарался придать себе солидный вид. Затем вскинул растрепанную голову и процитировал: — «Злой дух пока отступил от Саула». Я удаляюсь, чтобы вы имели время подумать и признать мою правоту.

Он вышел величественной походкой; оставшиеся еще долго с возмущением обсуждали его поведение.

— Он уехал, — заметила Рэйчел, выглянув в окно.

— Скатертью дорога, — оправляя фалды юбки, встала Ева. Она была скорее весела, чем взволнована — поведение дяди лишь позабавило ее. Потом она с улыбкой взглянула на Рэйчел: — Ты станешь пэресой, Рэч. И это верно, как судьба. Видит Бог, ты достойна этого, как никто из нас. И уж тогда-то ты будешь самой завидной невестой в Англии! Видишь, как славно все складывается.

По сути, ее не обидело, что титул, в обход ее, старшей дочери, переходил к младшей. Как бы эгоистична ни была Ева Робсарт, но в глубине души она понимала: Сент-Прайори — это Рэйчел. К тому же сейчас ее волновало нечто другое — деньги. Огромные деньги, что отныне принадлежат ей. Это и будет то приданое, какое она предложит королю.

Она выскользнула из летней гостиной, где все еще обсуждали странное поведение Энтони Робсарта, незамеченной.

— А где сейчас ваш брат Николас, леди Рэйчел? — почтительно обратился к девушке мировой судья Эзикиэл Бате. — Думаю, нам следует поставить его в известность.

Почему-то этот вопрос привел присутствующих в некоторое замешательство. Все глядели на Рэйчел, но она, хоть и побледнела, ответила со спокойным достоинством:

— Николас Робсарт проживает во Франции, в провинции Бретань, у родни своей матушки Бомануаров.

— Бомануаров? — переспросил с беспокойством судья. Его несколько нервное, пухлое лицо вдруг вытянулось. — Бомануаров? — вновь повторил он и нахмурился, словно припоминая что-то. — Это не те Бомануары, сын которых сбежал из родового замка и поджег корабли в порту, а племянник главы рода избил епископа Байе?

Рэйчел надменно вскинула голову:

— Я не знаю, о чем вы толкуете, милостивый государь. Бомануары — это древний, почтенный род, они ходили в крестовые походы под знаменем Людовика Святого и принимали участие в знаменитой «Битве тридцати» в годы Столетней войны. Глупая выходка кого-то из Бомануаров не может опорочить столь прославленное имя. Леди Шарлотта де Бомануар была второй женой моего отца и родила ему сына Николаса.

Ее голос как-то странно звенел, когда она произносила все это, а взгляд так и полыхал.

— Да, да, конечно, — пробормотал мировой судья и вскоре поспешил откланяться.

Стивен подошел к Рэйчел:

— Кажется, Джулиан Грэнтэм тоже родственник Бомануаров? Помню, он говорил, что якобы ничего не знает о вашем брате.

Рэйчел проглотила ком в горле.

— Ради Бога, мистер Гаррисон, не сейчас. Я очень утомлена. Если можно, мы обсудим все позже.

Стивен пристально смотрел на нее и поцеловал ей руку.

— Уже темнеет. Вы и в самом деле утомлены, простите меня. Думаю, мы обсудим все завтра.

Ева нашла короля у Джулиана. Грэнтэм чувствовал себя уже лучше, краски вернулись на его лицо, и ел он с аппетитом. Хотя на голове его была повязка, он уже улыбался и уверял Его Величество,

что хоть сегодня готов вскочить в седло и скакать. Однако когда появилась Ева, он сразу помрачнел и сжал зубы так, что на щеках обозначились желваки. Казалось, он еле переносит прелестницу.

Ева поспешила увести короля. Расположившись в одном из покоев, в эркере большого окна, она поведала ему о странном поведении дядюшки, а главное, о том, что теперь она богата, так богата! Она нежно и испытующе смотрела на него, ожидая ответа, и пыталась бодриться, но явно нервничала: пальцы ее чуть дрожали, когда она перебирала складки юбки.

Карл уловил ее напряжение. Он мягко улыбнулся, прижался губами к ее руке, но глаза его остались серьезными. Во-первых, для себя он уже решил, что Ева после смерти Робсарта уже не так ценна для него, а во-вторых, он серьезно задумался над тайной Сент-Прайори в обличье таинственного существа, которого обитатели замка старательно скрывают. В-третьих, Ева так стремилась доказать, что в ней, в ее деньгах, есть какой-то смысл для него, что это навело его на мысль — она не так проста и бескорыстна, как хочет казаться. Сорок тысяч фунтов. Это, конечно, деньги, но для Карла, в сравнении с его планами возвращения престола — лишь капля в море. Все сильно изменилось.

— Ты не оставишь меня, мой прекрасный король? — тревожилась Ева, испытующе заглядывая ему в глаза.

Карл ощутил себя негодяем. Но что значили все человеческие чувства и переживания в сравнении с его высшей целью — вернуть трон отца?

Поэтому он ушел от прямого ответа и расспросил Еву подробнее о тексте завещания. Он поинтересовался, что думает Ева о своем брате Николасе и о том, как скоро он может предъявить права на пэрство. Ева отвечала как-то неопределенно, но у Карла сложилось впечатление, будто она вообще сомневается, что Николас воспользуется титулом отца. Скорее всего этот шаг был предпринят Робсартом, чтобы уберечь для дочери пэрство в связи с ожидаемыми претензиями Энтони. Ева считала, что Рэйчел достойна стать пэресой, даже в обход ее, старшей дочери, и это умилило Карла. Но, с другой стороны, разве Ева не метила выше — на место королевы? Она так убежденно говорила об этом, хотя он сам дал ей повод, попросив ее руки.

Сейчас для короля этот вопрос был наиболее мучителен. Он вновь ушел в сторону и заговорил о загадочном убийстве лорда Робсарта. Кому это было выгодно? Он стал расспрашивать Еву, кто и в какой очередности прибывал в замок в то утро, после мятежа. Она, словно через силу, заставила себя сосредоточиться: сначала прибыл Энтони, затем лорд Джулиан Грэнтэм, который, узнав, что короля все еще нет в Сент-Прайори, тут же уехал его искать и вернулся только с Его Величеством и сопровождающими. Потом приехала Рэйчел, но ее Карл не мог ни в чем заподозрить — не могла же Рэйчел убить собственного отца, даже если со смертью последнего она становилась свободной и богатой. А вот Энтони… Он-то рассчитывал, что с гибелью старшего брата перед ним откроются широчайшие перспективы. Николаса он просто не брал в расчет, так как о том редко заходила речь, да и все считали, что Николас незаконнорожденный. Поэтому Энтони вполне мог, предварительно похитив мушкет, рано утром убить брата. Недаром же он так отвлек внимание всех, заверив, что лорд Дэвид отправился в Эймсбери. Откуда он мог это знать? Может, конечно, он и в самом деле слышал, что барон говорил о поездке за подмогой, но мистера Гаррисона это озадачило с самого начала. Хотя где был всю эту ночь сам Стивен? Он и словом не обмолвился об этом…

Карл сказал ей о своих сомнениях насчет Стивена; Ева выглядела озадаченной, даже испуганной.

— Стивен, конечно, был очень привязан к отцу, но все же его карьера была испорчена, и ничего, кроме места помощника шерифа, ему не светило. С другой стороны, он был моим женихом и мог рассчитывать, что титул пэра достанется не Рэч, а мне. И все же… О, силы небесные!

— Что такое? — забеспокоился Карл, видя, как расширились глаза Евы. Но хоть, слава Богу, она уже не донимала его вопросом об их браке. — Что такое, Ева? — вновь спросил он.

Она вздохнула и повернулась к окну, а король вдруг заметил, какая у нее короткая и совсем не аристократическая шея. И эта вялая складочка в уголке губ, отчего Ева уже не казалась столь прелестно юной. Неужели она теперь не так нравится ему? Или он сознательно выискивает в ней недостатки, стремясь разувериться в чувствах к ней, убедить себя, что их любовь прошла? Но тонкий профиль Евы был по-прежнему чист и прекрасен, а аромат ее духов кружил ему голову.

— Так что тебя взволновало, милая? Ты что-то вспомнила?

— Дело в том, — начала Ева, — что я видела, как метко стреляет Стивен. Я недавно стреляла по голубям, когда ко мне присоединился Гаррисон. Он тоже выстрелил, и метко, без промаха, даже не целясь, попал в мишень. Так как он часто бывал в замке, то вполне мог взять мушкет.

Король подумал о своих утренних подозрениях и о следах, что разглядел на земле. Мужских следах с отпечатком ботфорта. Интересно, во что был обут дядюшка Энтони в ту злосчастную ночь?

За окном моросил мелкий осенний дождь. Было тихо. Карлу стало тоскливо, ему надоел Сент-Прайори с его вечными тайнами и подозрениями. Он хотел уехать.

На лестнице послышались шаги, стук сабо. Кто-то из прислуги. В проеме лестницы появилась Ребекка Шепстон и остановилась, глядя на них.

— Чего тебе? — сухо спросила Ева.

Женщина замялась:

— Мне бы переговорить с мистером Трентоном.

Ева всем своим видом дала понять, что не собирается уходить. Карл же был истинным джентльменом, и ему в голову не приходило отослать ее, да и неожиданное желание прислуги переговорить с ним не вызвало у него особого интереса. Но, услышав пару фраз служанки, он встрепенулся.

. — Сэр, тут прибыл один человек. Прибыл издалека. Он пока остановился в селении у моей кузины Дженни, но заплатил ей, чтобы она устроила через меня ему встречу с вами или с лордом Грэнтэмом. В замок он прийти не решился, так как тут целый день было много людей. Но он настаивает на встрече.

Карл вдруг вспомнил, как уверенно Ребекка Шепстон говорила сегодня, что лорд Грэнтэм скоро сможет пуститься в путь. Видимо, она достаточно проницательна, чтобы понять, что приезжий доставил вести об их отъезде. Карл сразу оживился и стал расспрашивать Ребекку, видела ли она гонца, и если да, то как он выглядит. С ее слов он понял, что это не иначе, как верный слуга Уилмота Роберт Сван.

— Бог мой, значит, старина Уилмот все же сумел зафрахтовать посудину. Скоро я буду на свободе и уеду отсюда.

— А я, сэр?

Ева смотрела на него так, словно от его ответа зависела ее жизнь. Карл вдруг ощутил, как его грудь словно наливается свинцовым холодом. Он попытался улыбнуться ей, но улыбка более-походила на гримасу.

— Я должен уехать без вас, Ева. Сейчас брать вас с собой опасно. Может, потом я пришлю за вами, но не сейчас. Многое зависит не от меня.

В последовавшем за этим молчании она наблюдала за выражением его глаз — виноватых, бегающих — и чувствовала, как умирает ее надежда. Окончилось ее волшебное приключение, все вернулось на свои места. Он стал, как прежде, надеждой роялистов, королем Англии, и она уже ничего не значит для него, она — его прошлое. А его впереди ждет нечто другое, более важное, где для нее не отведено места. Ева вдруг почувствовала себя обманутой и столь одинокой, будто весь окружающий мир погиб, и от него не осталось ничего, только она, бредущая во мгле по опустевшей земле.

— Ева, пойми меня, — умоляюще произнес Карл. — Я, правда, люблю тебя. Но ведь не все в моей власти. А ранее… Пойми, дорогая, что мы не всегда способны рассуждать здраво, когда нами владеют чувства.

— Да, — тихо ответила Ева, и ее глаза и голос потускнели.

Они молчали, глядя друг на друга, но словно не видя: он уже в предвкушении предстоящих дел, она — в ожидании тихого, безрадостного существования, в котором ей придется бороться со своей болью.

Ребекка Шепстон, все еще стоявшая здесь и понимавшая, что этим двоим сейчас не до нее, тихо отошла к соседнему окну и глядела в темную ночь сквозь ромбы стекол. Она первая уловила торопливый стук подков и рассмотрела прискакавшего к крыльцу всадника.

— Кто-то приехал. Похоже, полковник Гаррисон вернулся. Велите принять его, миледи?

Ева все еще пребывала в состоянии прострации, король же заволновался.

— Гаррисон? Что побудило его так скоро вернуться?

Через несколько минут Стивен вошел, точнее, вбежал к ним. Обеспокоенная Рэйчел еле поспевала следом. Свет лампы в ее руке

высветил взволнованное лицо Стивена, который тут же кинулся к Еве и Карлу. Вернее, к Карлу.

— Сир, нельзя терять ни минуты. Энтони Робсарт сообщил, что Ваше Величество в Сент-Прайори, и сейчас он будет здесь вместе с бейлифом и его солдатами. Вам надо спешить.

Несмотря на его нервозность, никто не тронулся с места. Король скорее удивленно, чем взволнованно, глядел на Гаррисона.

— Вы… полковник, вы знали, кто я?

— Да, да! Но какое это сейчас имеет значение? Вы в опасности. Мне лишь чудом удалось обогнать их, они явятся с минуты на минуту. Скорее, сир! Вам надо уезжать.

Он почти потащил Карла по коридору, но вдруг остановился.

— Поздно. Слышите? Они уже подъезжают.

Из темноты ночи долетел цокот копыт, лязг металла, голоса. На миг все замерли в растерянности. Но Стивен, видимо, лучше других владел ситуацией. Он повернулся к служанке.

— Ребекка, голубушка, скорее закройте вход в дом. Задержите их под любым предлогом у дверей. Я очень надеюсь на вас. Так, а теперь, Ева, Рэйчел, придумайте что-нибудь. В замке столько укромных закоулков, потайных покоев. Нам надо где-то спрятать ваших гостей. Это для вашего же блага, ибо Энтони готов выдать вас властям за укрывательство короля. Ну же, скорее! Слышите, они уже подъезжают. Рэйчел никак не могла опомниться, слишком многое свалилось на нее сразу за последнее время. Она старалась взять себя в руки, но лишь беспомощно взглянула на сестру.

— Ева, что нам делать? Ведь дядюшка сам из Сент-Прайори. Он знает здесь все, каждую лестницу, каждый переход. — Она едва не вскрикнула, когда снизу раздался громкий стук в дверь. — Ева! — тормошила Рэйчел старшую сестру, словно забыв, что основные решения в Сент-Прайори обычно принимала она.

Ева по-прежнему стояла не шевелясь, неподвижно глядя куда-то вниз. Карл тоже смотрел на нее.

— Я предал вас, Ева. У вас теперь есть шанс предать меня.

— Что за глупости! — возмутился Стивен. — Ева всегда была роялисткой, она не предаст вас.

Карл не ответил, но по губам его скользнула циничная усмешка. Он-то всегда подозревал, что в Еве есть много такого, о чем ее близкие

и не догадываются.

Ева медленно подняла голову, в лице ее не было ни кровинки.

— Рэч, надо позвать лорда Грэнтэма. Ах, вот и он. И вас, сэр, поднял этот шум?

Джулиан выглядел взволнованным, его черные волосы являли разительный контраст с бледным лицом и повязкой на голове.

— Клянусь всеми святыми… Что происходит?

— Вас предали, господа. Предал наш благочестивый дядюшка. И теперь вас нужно надежно спрятать.

Ева почти спрыгнула с приоконной скамьи и чуть поморщилась, заслышав визгливый голос Энтони, требовавший впустить их. Потом повернулась к сестре.

— Рэч, пусть Долл быстро пройдет в комнаты гостей, спрячет их вещи.

— Мы сможем это сделать сами, — встрепенулся Джулиан.

— Некогда! А ты, Рэч, дай мне ключи от перехода. Живее. Это единственное место, о котором дяде ничего не известно. И где это Томас Легг? Он ведь где-то в замке. Пусть он их проводит.

— Нет, Ева! — вскрикнула Рэйчел. — Мы не можем…

— Мы должны! Скорее, иначе эти олухи взломают дверь. Давай ключ. А вот и Томас. Этот шум переполошил всех. Теперь вы, Стивен и Рэч, бегите, задержите еще немного «круглоголовых». Вы же, господа, идите за мной. Томас, проводишь их.

Гигант охранник выглядел смущенным. Он шел следом за Евой и гостями, что-то бормоча под нос. Похоже, ругался.

Ева провела короля и его спутника в библиотеку. Джулиан невольно поежился, косясь на маски горгулий на стене.

— Куда вы нас ведете?

Ева не отвечала. Почти пробежав расстояние до двери у камина, она нервно отомкнула замок, толкнула дверцу. Засов с внутренней стороны был поднят. Из темного провала за дверью на них пахнуло затхлостью и холодом.

Ева указала им на проход:

— Сейчас вы войдете туда и узнаете нашу тайну — ужасную тайну Сент-Прайори. Правда, — она устало устремила на короля печальный взгляд, — это уже не имеет никакого значения.

Единственное, о чем я молю вас, молчать о том, с чем вы встретитесь. Полагаюсь на ваше благородство, милорды.

Она кивком указала на проход.

— Томас, веди. И ради Бога, охраняй их.

Они вошли, еще не понимая, почему им стало так не по себе, когда дверца закрылась и послышался лязг замыкаемого замка. Томас Легг возился в темноте, потом они услышали стук кремня по кресалу. Вспыхнул факел, неровное красноватое пламя высвечивало низкий полукруглый свод над головой и узкий проход с лестницей в конце. Стены, когда-то беленые, сейчас светились наготой камня; злобно скалилась отвратительная маска химеры, выбитая в стене.

— О, Дева Мария! — испуганно перекрестился Джулиан и повернул к королю лицо с расширившимися глазами. — Кажется, я догадываюсь, куда мы идем.

Молчаливый Томас Легг шел впереди, увлекая их за собой. Проход был узкий, двигаться можно было лишь гуськом. Они миновали узкое окошко, сплошь затянутое паутиной, точно здесь давно не бывало людей. Но оба гостя уже догадывались, что редко, когда кто-то не проходил по этому коридору. Потом был поворот, и вверху открылась площадка, куда вела лестница. Карл на миг замешкался.

— Это ход в кабинет покойного лорда?

Их провожатый, не оглядываясь, кивнул:

— Да. А вот эта лестница ведет на галерею, уводящую к руинам. Но мы пойдем не по ней, хотя этот ход и более удобен, а под землей.

Они поначалу не поняли — вход закрывала каменная плита. Томас повернул какой-то рычаг, плита с гулом повернулась, и они прошли, а тяжелый камень встал на место. Крутые потрескавшиеся ступени вели вниз. Сверху лохмотьями свисала паутина, стены прохода были сырыми.

— При монахах здесь был подземный ход, ведший в часовню за озером. Потом им никто не пользовался. Пока лорд Робсарт… Да что там. Сами увидите.

Они продолжали спускаться. Ступени были скользкими; одна выломилась и встала ребром, перегораживая спуск. Томас привычно переступил через нее, чуть задержался и посветил факелом своим спутникам. Стоял сильный запах гниения, мокрого камня, пол был осклизлым, порой под ногами чавкала наползшая откуда-то грязь.

Свод становился все ниже, приходилось сильно нагибаться; и они то и дело косились на трещины в камне над головой.

— По крайней мере, здесь нас не обнаружат, — молвил король, стараясь придать голосу веселое выражение, но сам вздрогнул: так странно и глухо звучала человеческая речь в этом подземелье. Они шли долго. Коридор сделал резкий крен в сторону, и Карл догадался, что он огибает озеро. Он ясно припомнил готические руины за озером и старую башню. Да, бесспорно, путь по открытой галерее наверху был удобнее. Ходил ли по нему кто-либо после загадочного появления призрака и гибели Патрика Линча? Даже если Карла это заинтересовало, то желания спрашивать у него не возникло, уж слишком все выглядело мрачным и таинственным. Даже зловещим.

В конце прохода замаячил свет, а потом появилась какая-то тень, загораживающая арку в конце. Томас окликнул:

— Бен, это я, но не один. Миледи велела провести их сюда. Их ищут солдаты мятежников.

Но Бен Петтигрю не спешил открывать проход и даже спросил, не пьян ли Том. Тот стал тихо ругаться и вновь объяснил, что привести сюда чужаков было велено самой миледи. Которая из сестер отдала наказ, он не уточнял, но Бен уже сообразил, что пререкаться поздно, и отступил.

Они оказались в прямоугольном помещении, наподобие старинной крипты[16]. Здесь сохранились даже остатки древнего каменного алтаря, служившего теперь обычным столом, так как к нему были придвинуты скамейки, а на его покрытой сукном поверхности стоял кувшин и лежала булка с луковицей и куском початой колбасы; у стены располагалась лежанка, на полу была рассыпана солома. Далее помещение перегораживала решетка, за которой также была навалена куча соломы, еле различимая во мраке. Воздух был ужасный, тяжелый, с резкой вонью. Король и Джулиан невольно вглядывались во мрак — там, за решеткой, на соломе кто-то находился. Они различили движение, а потом… Дикий вой, и что-то ужасное стремительно кинулось в их сторону. Оба резко вскрикнули и отпрянули. Вцепившись в кованые прутья когтистыми руками, на них глядело жуткое, безобразное существо. С трудом верилось, что это человек.

— Успокойтесь, господа. Он заперт и не причинит вам вреда.

Они не могли произнести ни слова. Только смотрели.

Да, это был человек, но что-то было в нем нелюдское. Из вороха лохмотьев торчали поросшие рыжей шерстью чудовищно длинные руки, когтистые кисти вцепились в прутья. А над ними — широкое злобное лицо, жесткие бурые волосы, спадающие на низкий лоб, клочьями росшие на скулах и подбородке. Плечи казались очень узкими, что особенно бросалось в глаза в сравнении с невероятной длиной рук. Существо сидело на корточках, глядя на них снизу вверх, и его колени поднимались выше уровня плеч. Оно походило на жуткого насекомого, паука, но лицо, эта отвратительная морда, было словно сродни каменным маскам химер. Низкий лоб сходился складками у переносицы, выпуклые надбровные дуги таили под собой блестящие прозрачно-желтые глаза, отблеск которых казался особенно жутким рядом с воспаленными белками и морщинистыми красноватыми веками. Нос был почти идеальной формы, но на этой злобной маске даже он казался уродливым, так как словно был неестественно мал, особенно рядом с чудовищно широкими скулами и тяжелыми челюстями. Рот монстра был полуоткрыт — губастый, слюнявый, не скрывавший огромных, торчащих наружу клыков. Клыков упыря, длинных и заостренных на конце, словно обточенных. С них капала слюна, будто яд сочился из зловонной и отвратительной пасти.

Королю стало дурно, он поспешил отвернуться и рванул ворот. Джулиан смотрел как завороженный и точно под гипнозом двинулся вперед. Бен Петтигрю успел его остановить, почти оттолкнув.

— Осторожней, сэр. Ник очень опасен.

— Ник? — как в забытьи переспросил Грэнтэм. — О Боже! Это Николас Робсарт?! Сын покойного лорда Дэвида?

Король наконец смог оглянуться. Ужасно, но все же в этом чудовище и в самом деле угадывалось сходство с бароном, даже с Евой. Этот точеный нос… Королю опять стало не по себе. Он стоял, хватая ртом воздух, и видел, как безумец, блестя совиными глазами, глядит то на него, то на Джулиана. Ноги подкашивались, кто-то из охранников усадил его у стены на лежанку. Потом охранники стали негромко переговариваться. Он не разбирал слов, да и соображал туго. Рядом опустился Джулиан.

Король покосился на лорда. Лицо у того было словно каменное, веки полуопущены. Он что-то бормотал, и Карл разобрал слова, текст

Писания: «И трепет объял меня, и кости мои задрожали от страха…»

Потом Грэнтэм вздохнул:

— Я уже видел его, сир. Тогда, на лестнице. Но не поверил, что это живое существо, и принял его за химеру… За ожившую маску горгульи.

Карл чуть кивнул. Немудрено, что он отнес слова лорда на бред.

Охранники по-прежнему переговаривались, потом один из них, кажется, Томас, подал им чашку с разбавленным элем. Ее не приняли, и Томас согласно кивнул:

— К этому и в самом деле надо привыкнуть. Я вон на войне всякое повидал, но когда покойный милорд приставил меня к Нику, я просыпался по ночам в холодном поту и боялся даже собственной тени. Пить тогда начал.

Бен что-то проворчал, а потом повторил более отчетливо:

— Из-за твоих пьянок этот парень сбегал несколько раз.

Томас не ответил. Он глядел на сумасшедшего, и, когда тот стал возиться и подвывать, цыкнул на него, погрозив плеткой. Плетка имела несколько хлыстов и заканчивалась впаянными крючьями. Безумец втянул голову в плечи, его лицо исказилось гримасой страха и дикой злобы.

— С ним вообще-то можно справиться, правда, с трудом. Его хоть и держат впроголодь, но силы-то у него на двоих. Нас с Беном он боится, а барона даже признавал, хотя и боялся пуще нас. Тот частенько усмирял его, избивал до крови. Ненавидел лорд его ужасно, несмотря, что сам и породил.

Карл и Джулиан по-прежнему не сводили с безумца глаз.

— Это он… убивал?

Охранники переглянулись. Наконец Бен произнес:

— Вы ведь и так уже все знаете. Что ж, расскажу. Нам-то здесь, как я понял, еще немало времени коротать.

И он рассказал, что мать Николаса сама была женщиной безумной. Правда, родня ее это скрывала, да и сама леди Шарлотта долгое время не проявляла никаких признаков помешательства. Она была красавицей, недаром лорд Робсарт завел с ней роман. Когда он узнал, что с ней не все в порядке, она уже понесла от него. Барон не хотел с ней связываться, но королева настояла. Ее Величество тогда ни о чем не ведала, а узнала все, когда уже ничего нельзя было поправить,

и безумство Шарлотты де Бомануар выплеснулось наружу. Говорят, она просила у лорда Дэвида прощения и даже на коленях стояла, особенно когда ее августейшему супругу понадобились полководческие таланты Робсарта. Но лорд их не простил и примкнул к парламентариям. Леди Шарлотта тогда уже родила Николаса и совсем помешалась. Ее держали взаперти, скрывали как могли. То, что с Николасом тоже не все в порядке, вскоре стало очень видно. Кормилицы боялись его, их приходилось часто менять, но потом поползли слухи, что сын милорда — маленькое чудовище.

Тогда Робсарт услал и безумную жену, и сына к их родне во Францию. Бомануары поспешили упрятать Шарлотту в какой-то монастырь, где она вскоре и погибла, прыгнув с башни. Николаса, пока был мал, пытались лечить, но вскоре и его пришлось прятать — уж больно он был ненормален. С ранних лет он проявлял склонность к жестокости и насилию: мучил и убивал животных, а потом стал бросаться на людей. Он был, как дикий зверь, все норовил кого-нибудь покусать, искалечить. Упырь какой-то, а не ребенок — он становился спокоен, лишь глотнув крови. Его стали запирать, избивать, запугивать. И прятать От всех.

Лорд Робсарт порой вместе с Патриком Линчем и с Беном ездил навестить его. Но эти визиты были столь мучительны для барона, что он делался после них больной, ходил подавленный и все твердил о проклятье рода Робсартов. Потом он и вовсе перестал ездить, постаравшись забыть о ненормальном сыне. Он много воевал, и это словно успокаивало его, отвлекало от мыслей об ужасном отпрыске. А затем пришло известие от Бомануаров: Николас загрыз служанку. Просто съел. Он и раньше набрасывался на людей, но пока был ребенком, они справлялись с ним. С годами сила в нем прибывала, а ум постепенно исчезал; он все более походил на чудовище, и Бомануары уже не справлялись с ним. Они пожелали вернуть его отцу, пригрозив, что, если он не примет сына, они расскажут о Николасе и тем самым запятнают имя Робсартов.

Лорду Дэвиду пришлось принять меры. Он устроил для сына это тайное обиталище и перевез его в Англию. С тех пор в Сент-Прайори больше не бывало гостей, а на замок лег покров тайны. Николасу, когда его привезли, было лет пятнадцать, но выглядел он уже как сейчас — чудовище без возраста. Говорят, такие долго не живут, но

Николас пока не собирается умирать, а у Робсарта, как бы он ни ненавидел сына, не поднималась рука убить его. А вот Николас убивал. С ним приходится быть предельно осторожным — он дьявольски хитер и изворотлив. Его кормят впроголодь, и если выпускают, то только поскакать в пустом пространстве внутри старой башни. Рядом с ним обязательно находится страж с плеткой, которую монстр боится панически, как и псов Робсарта. Его безумный дьявольский ум позволял ему несколько раз убегать. Он вылазил порой прямо по стене, но далеко от башни не отходил, боялся, видимо, псов. Это случилось, когда пару раз Том Легг, выпивши, начинал дремать. С плеткой, конечно. Если в руках плетка, безумец и не приблизится. Прежний охранник, Филип Блад, как-то оказался без нее, и от него остались одни лохмотья. Все списали на псов, как и ранее, с тем охранником-французом, что состоял при Николасе еще со времен его пребывания в Бретани. Как и с Джеком Мэрротом, когда тот Бог весть зачем пришел ночью к руинам.

— Этого ненормального порой надо выпускать в старую башню, вот он и выбрался. А Томас тогда выпил, — заметил Бен Петтигрю, покосившись на угрюмо молчавшего Томаса.

Тот вздохнул и впервые подал голос:

— У меня, бывало, такая тоска случалась от этой проклятой службы! Как тут не выпить? А уходить я не хотел, подвел бы своего благодетеля, да и платил его милость хорошо. Угостили меня, вот я и не доглядел. — Он закашлялся. — Поверьте, господа, для всех в Сент-Прайори существование здесь этого чудовища — жуткое испытание. Все эти годы… Мы ведь не знали, что он сотворит, если убежит. Вернее, знали и дрожали от страха.

— Значит, это он вырядился монахом? — спросил наконец король.

— Нет! — решительно заявил Бен. — Я тогда был с ним, и Ник оставался здесь, даже вел себя тихо.

Король видел, как монстр завозился и пустил под себя лужу, но словно не придал этому значения. Воняло от него ужасно, до рези в глазах.

— Он хоть что-нибудь понимает?

— Да как сказать. Вон на вас ведь пялится, значит, удивлен, что вы здесь. Своих-то он признает. Довольно ворчит, когда ему кидают еду. Барона узнавал всякий раз, когда тот приезжал. Но боялся его,

забивался в угол. А когда приходила Рэйчел или мистер Патрик, даже проявлял какие-то признаки радости. Они ведь всегда что-либо приносили ему от стола. Леди Ева его дразнила, но к ней он все равно относился миролюбиво. Нравилась она ему, по-своему, конечно. Но с ним такое творилось, когда она уходила, удержу не было. Мы даже сами попросили ее не навещать его. Покойная леди Элизабет была здесь лишь однажды. Пришла поглядеть, но больше не наведывалась.

— И он убил ее, — заметил король. — Выходит, это чудовище ночью пробирается в замок.

Ему стало не по себе, когда он представил, какой опасности подвергался. А вот Джулиан и Стивен даже охотились за ним.

Заговорил Томас:

— Последний раз… Перед этим такая неспокойная ночь была — я носился по степи, разыскивая мисс Рэйчел, а когда сменил Бена, меня сморила усталость. Запустил Николаса в старую башню, а сам уснул. Проснулся, он уже здесь. Я-то лишь позже узнал, что он убегал, а вы, сэр Джулиан, и полковник Стивен погнались за ним.

Король подумал, что при столь нерадивых охранниках безумец вполне мог покидать пределы усадьбы — убил же он Осию.

— Что думал с ним делать барон? — спросил Карл лишь бы отвлечься, не пялиться на это возившееся за решеткой существо.

Охранники с готовностью закивали.

— Лорд Дэвид думал увезти его. Не место ему было тут. Да еще лорд-протектор откуда-то узнал про Николаса. Старый Нол ведь все знает. Он шантажировал лорда, заставляя повиноваться, иначе, мол, раскроет его позорную тайну.

Король кивнул. Теперь многое становилось ясным: и отчего Робсарт опасался порвать с Кромвелем, и как он сам едва не породнился с женщиной, в роду которой имелась столь порочная тайна. Вполуха он слушал, как Бен говорил, что к весне следующего года Робсарт обещал дочерям избавить их от Николаса. Он где-то в Америке даже подобрал место, где можно было содержать его. Оставалось лишь найти новых верных охранников, ибо ни Бен, ни Томас и слышать не хотели о том, чтобы уехать. Да и надоела им эта работа окончательно, самим впору свихнуться.

— А что теперь, когда не стало лорда Робсарта?

Стражи лишь переглянулись.

— Ну, леди Рэйчел что-нибудь придумает. Она ведь настоящая хозяйка Сент-Прайори.

— А Гаррисон что-нибудь знал?

— Нет, конечно. Разве, если бы знал, сватался бы к леди Еве? Николас ведь как проклятье — кто захочет взвалить на себя такого родственника? Стивен все выведывал, расспрашивал, но лорд Робсарт велел всем хранить тайну, особенно от Гаррисона. Иначе его свадьбы с Евой не было бы.

Карл вновь подумал о том, какую совершил бы глупость, позволь он себе соединить судьбу с женщиной из рода Робсартов. Он, король, породнился бы тогда… Его пронзила дрожь. Он взглянул в сторону умалишенного. Тому уже наскучило пялиться на незнакомцев; он нашел в лежалой соломе какую-то кость и обнюхивал ее.

В это время впервые подал голос Джулиан. Он обратился к Томасу:

— А кто дал вам выпить в ночь, когда погиб Джек Мэррот?

Томас молчал и, невозмутимо отрезав себе хлеб, стал жевать. Он смотрел на Джулиана невозмутимым взглядом, словно ему было привычно трапезничать в этой вони.

— Он не скажет, сэр, — заметил Бен Петтигрю. — Уж как я у него допытывался!

Джулиан как-то странно усмехнулся. Карлу стало не по себе от этой его улыбки, и он сказал почти зло:

— Это ведь и твой родич, Грэнтэм. Ты ведь из Бомануаров!

По лицу лорда прошла дрожь, он дико взглянул на короля.

— Клянусь, я не знал… Я и не предполагал, мне не говорили…

Он почти заикался. Карл ощутил укол совести за столь жестокую фразу и отвернулся, не в силах вынести страдание во взгляде Грэнтэма. Чтобы показать, что он не станет больше изводить преданного Джулиана, король заговорил о том, что они здесь, как в ловушке, и неизвестно, когда смогут встретиться с приехавшим Робертом Сваном. Он впервые сообщил об этом Грэнтэму. Тот вроде оживился, но тут же стих: они здесь, *с* этим безумцем, под землей, а в замке «круглоголовые», и неизвестно, чем все закончится. Удастся ли снять с себя подозрение сестрам Робсарт и Стивену? Удастся ли ему, Карлу, вырваться отсюда? Его дела, королевство, бегство из Англии казались сейчас бесконечно далекими. Карл тоже молчал, думая о Еве. Он

бросил ее, а она его спасает. Даже ценой позора своей семьи и рискуя свободой, ибо помогавших королю не щадят. Потом он заметил Джулиану, что был о полковнике Гаррисоне худшего мнения и рад, что так ошибся в нем. Ведь Стивен первым предупредил их о том, что их предали. Вот уж воистину не знаешь, кто друг, а кто враг.

Джулиан по этому поводу ничего не ответил, лишь губы его плотно сжались. Карл догадывался, что неприязнь Грэнтэма к полковнику связана с Рэйчел. Эта дуэль и непреклонное решение Джулиана отказаться от Рэйчел — Карл понял, в чем тут дело. Он был той ночью в поле и знал, что Стивен спас девушку, а затем куда-то увез. Она-то давно глядела на него влюбленными глазами. Бедный Грэнтэм! Такой красавец — а ему предпочли другого!

Карла вообще удивило, что, находясь в подобном месте, рядом с таким чудовищем, он может размышлять о посторонних вещах. Когда находившийся словно в прострации Джулиан вдруг сказал, что здесь невыносимо воняет, король даже попробовал шутить — ему когда-то довелось скрываться в тайнике, где хранят сыры, так что неприятным запахом его уже не удивишь. Джулиан странно поглядел на него.

— Как подумаю, что приходится переносить вашей священной особе. И этот замок… Я чувствовал, что нам не следовало сюда ехать.

— Ничего, — улыбнулся король. — Здесь меня многое отвлекло. И позволило набраться сил.

Джулиан опять дико глянул на короля и перевел взгляд на глухо ворчащего Николаса.

— Робсарты, — выдавил он, и Карла поразило, сколько ненависти прозвучало в его голосе.

Время тянулось медленно, невыносимо медленно, но приходилось ждать. Карл взглянул на охранников. Догадывались ли те, кого прячут с сумасшедшим? Вряд ли. Может, думали, что они просто беглые роялисты, и с обычным прилежанием слуг выполняли приказ? Похоже, они особо не утруждали себя размышлениями — Карл увидел, как один из них достал кости и кожаный стаканчик: охранники собирались начать игру. Что ж, хоть какое-то занятие. После краткого раздумья король Англии присоединился к ним.

Сумасшедший по-прежнему возился с костью. Порой он затихал, словно дремал.

Джулиан не сводил с него глаз и был бледнее повязки на голове. Казалось, ему требовалось немало усилий, чтобы оставаться спокойным. Порой он сжимал ладонями голову, тихо постанывая. На него не обращали внимания. Лишь один раз Карл, не поворачиваясь, заметил, что Грэнтэму следует попробовать заснуть. Джулиан встрепенулся, взглянул, как невозмутимо бросил кости король, и нахмурился. Нет, он решительно не мог понять Его Величество. Ожидание… здесь… вместе с этим… Это было невыносимо, но самое ужасное, что конца ожиданию пока не предвиделось. Джулиану становилось страшно. Он начинал бояться самого себя.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Солдаты буквально ворвались в замок: они ругались, грохотали тяжелыми сапогами, задевали ножнами шпаг мебель, отталкивали слуг. Рослые парни в стальных касках с козырьками, в камзолах из грубой буйволовой кожи, перетянутых в талии широкими желтыми поясами, и высоких сапогах из недубленой кожи — это были люди из отряда «железнобоких» Кромвеля, а не обычные милиционеры из окрестных населенных пунктов. Да, дядюшка Энтони действовал наверняка. Он, видимо, успел побывать в Эймсбери или Солсбери и привел искушенных в охоте на людей ищеек, которые не упустят добычу. Роскошный камзол Энтони Робсарта был забрызган грязью, плащ сбился, волосы и борода всклокочены — он вел солдат за собой, поминутно оборачиваясь к рослому тучному мужчине, видимо, возглавлявшему отряд.

— Они еще здесь, эти изменники. Я видел их лошадей на конюшне. Значит, добыча не успела ускользнуть.

Он кинулся к лестнице и налетел на Гаррисона, преградившего ему путь. Рука полковника угрожающе покоилась на эфесе шпаги.

— Как вы смеете? — вскричал Энтони. — Прочь с дороги!

Стивен не пошевелился. На пресвитера он даже не глядел и заговорил, обращаясь к возглавлявшему солдат офицеру:

— По какому праву вы ворвались в замок Робсартов, когда здесь траур и тело владельца только недавно предано земле?

Офицер из-под своей широкополой шляпы пристально глядел на Стивена.

— Вы родственник генерал-майора Гаррисона, если не ошибаюсь? В таком случае, вы должны помочь нам. Этот джентльмен сообщил, что в замке Сент-Прайори скрывается беглый мятежник, именующий себя Карлом Стюартом.

— Досточтимый Энтони Робсарт, должно быть, ошибся, — не повышая тона, ответил Стивен. — Того, о ком вы говорите, нет в замке. С кем имею честь беседовать?

Офицер покрутил ус:

— Мое имя Соломон Верни. Я майор, верный слуга республики. Смею надеяться, что вы, мистер Гаррисон, как преданный сын нашей

церкви, присягавший на верность Национальной Лиге, не станете чинить препятствий в нашей Божьей охоте.

— Ни в коем случае, мистер Верни. И все же я должен заметить, что вы допускаете беззаконие, врываясь под этот кров и основывая свои действия только на показаниях полубезумного священника, который распален ненавистью из-за того, что его брат — лорд Дэвид Робсарт, да прибудет его душа в мире, — не передал свои владения и титул пэра младшему брату, то есть ему, пресвитеру Энтони, а оставил все сыну и дочерям. Он действует в корыстных целях, и вы. потакая ему, совершаете незаконные действия, о чем я обязательно сообщу куда следует.

Стивен подумал, что не сможет долго сдерживать солдат. У них были угрюмые решительные лица фанатиков, их было человек пятьдесят, не менее, и если он мог как-то остановить их, чтобы выиграть время, пока Карл и его спутник скроются в убежище, а слуги уберут следы их пребывания, то это можно сделать, лишь давая понять их предводителю, что подобное нападение на замок лорда может повредить его карьере.

Майор Соломон Верни и в самом деле замешкался, взглянув на Энтони Робсарта.

— Это правда, сэр? Вы просто рассержены, что вас не включили в завещание?

Энтони возвел очи горе:

— Я только являюсь смиренным орудием в руках Правосудия. И посему, едва я узнал, что мятежник Карл Стюарт пребывает в Сент-Прайори, а мои милые племянницы укрывают его, я прежде всего поспешил сообщить об этом властям. А теперь прочь, мистер Гаррисон! Уйдите, если не желаете, чтобы вас причислили к тем, кто изменил долгу и заступается за преступника!

Но Стивен не пошевелился, а спокойно смотрел на Энтони сверху вниз.

— Когда я признаю вас своим хозяином и буду носить вашу ливрею, я, может быть, и стану выполнять ваши приказания. А пока я, согласно завещанию лорда Дэвида, являюсь опекуном его дочерей…

Его прервала Рэйчел: она боялась, что Стивена могут схватить, и постаралась отвлечь внимание «круглоголовых». Девушка шагнула вперед.

— О чем речь, господа? О короле Карле II? Но разве Его Величество не убили в бою при Вустере? Мы слышали, что тело его было найдено изрубленным.

— Она лжет! — взвизгнул Энтони. — Эта ведьма лжет! Говорю вам, Карл Стюарт здесь. Я сам слышал, как моя племянница Ева обращалась к нему по титулу, и он отвечал ей, как король. И я понял, что внешность того, кто выдавал себя за Чарльза Трентона, подходит под описание сына Карла I.

Теперь все невольно поглядели на Еву.

— Мой дядя что-то путает, — ответила леди. — Да, в нашем замке останавливались два джентльмена, которых мы пригласили погостить, ибо обязаны им жизнью. Но смею заверить, эти люди — сторонники парламента, посланники комиссара. Их имена, действительно, Чарльз Трентон и лорд с севера Джулиан Грэнтэм. К сожалению, оба эти господина сразу после похорон моего отца уехали. Они посчитали нескромным оставаться гостями в замке, где все предаются печали.

— Это ложь! — воскликнул Энтони. — Они были здесь не более трех часов назад.

— Они отбыли, — подтвердила слова сестры Рэйчел. — За ними прислали и…

— Но кони их здесь, — заметил майор Верни. — Мы должны осмотреть замок. Укрывательство роялистов… — он запнулся, словно что-то припоминая. — Как вы сказали, зовут второго? Лорд Грэнтэм? Но ведь это же роялист! — Майор надулся, втягивая воздух, потом гаркнул: — Обыскать здесь все!

Солдаты кинулись вверх по лестнице. Стивену оставалось лишь отступить. Он увидел взволнованное лицо Рэйчел и чуть подмигнул ей, подбадривая. Ева держалась куда спокойнее. В то время, как солдаты стучали сапогами и хлопали дверьми, отдавая команды, носились по переходам замка, она невозмутимо опустилась на пуф возле небольшого инкрустированного перламутром столика и стала раскладывать пасьянс. Она развернула карты лицом вверх, тщательно обдумывая, как их лучше положить. Наблюдая за ней, Стивен невольно восхитился ее хладнокровием. Рэйчел после первого потрясения тоже пришла в себя, хотя нет-нет да и вздрагивала, когда слышала шум опрокидываемой мебели.

— Боже Всемилостивый! Они разнесут весь замок!

Стивен пожал плечами:

— Что ты хочешь? Это ведь солдаты и к тому же рьяные фанатики. А такие постараются разрушить все, что увидят, ибо уверены, что прекрасное является кознями дьявола и создано, чтобы соблазнять, вводить в греховные мысли. К тому же эти люди из отрядов «железнобоких», а они особенно решительны, их не остановить. Вы жили некоторое время спокойно, так как кровь, которой они наглотались при Вустере, на время насытила их. Но вот они услышали о короле — и у них вновь разыгрался аппетит.

Ева, перевернув карту, посмотрела на него:

— И все же, Стив, думаю, ты должен что-то предпринять, чтобы как-то утихомирить этих вояк. Ведь мой отец был сторонником парламента, и мы не слыли роялистами.

Стивен мрачно поглядел на нее:

— Молите Бога, миледи, чтобы эти люди оставались при таковом мнении. Ибо если они обнаружат…

— Они не обнаружат! — резко заметила Ева. Стивен усмехнулся:

— Вы, видимо, плохо знаете своего дядюшку, Ева. Он что охотничья ищейка, ощутившая запах дичи, идет прямо по следу.

Вверху раздался громкий треск. Стивен чуть поморщился:

— Кажется, они срывают со стен панели, видимо, ищут потайной ход. Ладно, попробую что-либо предпринять.

Когда он вышел, к Рэйчел подошла взволнованная Долл.

— Миледи, ради Бога, выслушайте меня. Когда я прятала вещи лорда Джулиана, я обнаружила…

Грохот наверху прекратился, но раздались громкие голоса. Энтони кричал, что в Сент-Прайори есть тайник, в котором могут скрываться разыскиваемые.

— Миледи, да выслушайте меня!..

— Позже, Долл, позже, — отмахнулась Рэйчел. — Сейчас не до тебя.

Она повернулась к Еве.

— Сестра, дядюшка рано или поздно выведет их на галерею над озером. А там ход…

— Тсс! — приложила к губам пальчик Ева. — Думаю, если это случится, мы через подземелья можем вернуть их обратно. Слава Богу, к руинам ведет два хода.

— Но, Ева, если они обнаружат Николаса…

Глаза Евы потускнели.

— Разве это сейчас так важно, Рэч? Главное — спасти короля.

Шум в зале нарастал. Порой слышались резкие команды Соломона Верни. Он повсюду поставил часовых, за дочерьми Робсарта и слугами следили, запретив выходить куда-либо. Только Стивен мог беспрепятственно передвигаться по замку.

Время шло. За окнами шумел ветер. Стивен пришел сообщить, что солдаты прочесывают парк, и он слышал истошный лай собак. Потом раздались выстрелы, и лай перешел в жалкое затихающее повизгивание.

— Они убили псов, — поняла Рэйчел. — Но зачем? Они ведь в клетке.

Лицо Евы было мрачным, она лишь процедила сквозь зубы:

— Охота Господня, они это так называют.

Было далеко за полночь, когда Стивен сказал, что майор приказал обшарить руины за озером. Сестры переглянулись.

— Снаружи они ничего не обнаружат, — успокаивающе пожала Ева руку Рэйчел. — Там все сделано так, что плиты кажутся плотно пригнанными друг к другу.

Стивен слышал эти слова.

— Но ваш дядюшка теперь уверяет, что именно там тайник, — заметил он. — Энтони начал уже паниковать, что беглецов не найдут, и готов на все. Он доказывает Верни, что вы знаете ход в этот тайник. Вас могут заставить говорить.

— Нет! — решительно произнесла Ева. — Если он настолько уверен, пусть ищет сам.

— Ты зря так горячишься, Ева, — заметил Стивен. — Эти люди вошли в раж. Их ничто не остановит, если они почувствуют себя обманутыми. Они могут приказать пытать слуг. Уверены ли вы в своих людях?

— Но… — начала было Рэйчел и замолчала, умоляюще глядя на Стивена. — Ради Бога, сэр, помогите нам!

Стивен взволнованно посмотрел на нее:

— Если они вернутся, если вынудят вас… О, Рэч, милая, сейчас не время для вашей обычной скрытности. Вы должны довериться мне!

Рэйчел, едва не плача, взглянула на сестру. Собравшиеся слуги тоже ожидали решения Евы. Они слышали слова Стивена, и как бы ни были преданы дому Робсартов, но отнюдь не желали становиться мучениками ради своих господ.

— Миледи, — всхлипнула Нэнси. — Ради Бога…

Горничная не решилась более ничего добавить, испуганно косясь на охранявших двор стражников. Бежать было невозможно, солдаты зорко следили за обитателями замка. Воспользовавшись тем, что они стоят достаточно далеко и не могут ее слышать, Нэнси умоляюще зашептала:

— О, миледи! Преподобный Энтони не оставит в покое ни вас, ни нас. А все эти солдаты Кромвеля… Они ведь живут по суровым законам Моисея и забыли о милосердии Христа. О, они способны на все!

У Евы был усталый вид. Она уронила карты и произнесла бесцветным голосом слова Писания:

— «Когда тело повержено, время слетаться стервятникам». — И добавила, устремив взгляд на сестру: — Тебе незачем спрашивать меня, Рэйчел. Хозяйкой в Сент-Прайори всегда была ты. И если ты доверишься Стивену… что ж, значит, настала пора.

Рэйчел быстро повернулась к Гаррисону и незаметно положила ему в руку ключи.

— Если дядюшка приведет солдат и начнет нас допрашивать, идите в библиотеку. Там найдите дверцу у камина, оттуда — ход в укрытие под руинами. Мы, если нас заставят, поведем их через верхнюю галерею, а вы успеете вывести Чарльза Трентона и Джулиана. В подземном переходе есть задвигающиеся плиты, вы сможете спрятать их там. Но… Дело в том, что они сейчас с нашим братом Николасом. Он не совсем нормален. Боже, что я говорю?! Он совсем ненормален. Мы скрывали это от всех. Вы не должны задерживаться у него. Главное, спасти их… и нас. — Она хотела еще что-то добавить, но резко умолкла, когда на лестнице появились солдаты. В полумраке они все казались словно на одно лицо — в плотно облегавших голову шлемах, коротко остриженные, в тускло-коричневых кожаных куртках. Только майор Соломон Верни в своей широкополой шляпе да Энтони в жалкого вида роскошном костюме с всклокоченной бородой выделялись среди них.

Энтони первый вышел вперед:

— Ева, Рэйчел, это становится невыносимо. Представители власти только зря теряют время, а вы скрываете истину. Я убедил майора Верни, что ваши гости все еще в Сент-Прайори, и теперь, когда мы их не нашли, я убежден, что вы прячете их. Не усугубляйте своего положения. Ведь вы вполне могли и не знать, кто они…

— Дядюшка, вы орете, словно попрошайка на базаре, — Ева с брезгливой гримасой прервала разглагольствования преподобного Энтони. — Говорят вам, вы ошиблись. А то, что вы якобы слышали, как я обращалась к кому-то из них, будто к королю…

— Так и было! — вскричал Энтони. — И ты, блудливая сука…

— Тише, преподобный отче! — прервал его майор. — Помните о своем сане, своем положении духовного пастыря. С этими дамами я поговорю сам.

Он говорил почти спокойно, но взгляд его изобличал непреклонную волю и жестокость. Он чувствовал себя представителем власти, и даже присутствие Стивена нимало не смущало фанатика.

— Итак, миледи, — обратился он к сестрам, — каково бы ни было ваше положение, вы должны помнить, что чистосердечное раскаяние и передача в руки властей того, кто повинен в кровопролитии в Англии, может облегчить вашу участь.

— Вы требуете от нас невозможного, сэр, — сказала Рэйчел, горделиво выпрямляясь. — Мы — дети человека, долго служившего парламенту, и вы не имеете прав…

— Знаете, миледи, — прервал ее Верни, — каков был ответ человека, приехавшего арестовать изменника Карла I на заявление, что у него нет прав? Он лишь указал королю на своих солдат, и тому пришлось подчиниться. Вы находитесь в подобном положении. Права и власть есть у меня, а не у вас, и вы должны признать это.

— Но мы не позволим делать вам все, что заблагорассудится, — ответила Рэйчел. — Вы обыскали замок, обшарили парк, убили наших псов, перевернули вверх дном весь дом — и ничего не обнаружили. На что вы надеетесь? Мы не препятствовали вам, а ваши поиски не увенчались успехом. Значит, вы ошиблись. Чего же вы хотите от двух слабых женщин, вы, облеченный законной властью и силой?

— Я хочу правды, — сурово ответил майор. — Я имею сведения, что король Карл Стюарт последний раз был замечен в Хемпшире,

после чего скрылся. И вот появляется достойный человек, священник Энтони Робсарт, который уверяет, что последнее время общался с Карлом Стюартом; я, расспросив его, убедился, что он не лжет.

— Дядюшке просто не терпится отомстить нам! — воскликнула Ева. — Он зол, как пес, у которого выхватили кость, и поэтому у него совсем помутилось в голове, раз он подверг родовое гнездо разорению.

— Тем не менее я имею основания, исходя из его слов, поверить ему. Кое-какие речи о так называемом мистере Трентоне навели меня на мысль, что последний как раз и может быть королем. Не говоря уже о лорде Грэнтэме — известном роялисте, воевавшем с кавалерами против парламентских сил.

Стивен счел нужным вмешаться:

— Вам же уже сообщили, господа, что если те, кого вы подозреваете, и нашли прибежище в Сент-Прайори, то только потому, что спасли дочерей лорда Робсарта. Преподобный Энтони в течение десяти дней сам имел возможность общаться с этими людьми и ни в чем не заподозрил их, пока не понял, что ему выгоднее сдать приезжих властям. Я же видел их и могу…

— Вы, сэр, — начал майор, — племянник уважаемого генерала Гаррисона, но при всем моем уважении к вашему родственнику замечу, что мне ведомо — вы у него в немилости. А значит, я дважды подумаю, прежде чем поверю вам.

— Тем не менее вам придется мне поверить, — усмехнулся Стивен. — Я заявляю, что те, кого вы ищете, уже отбыли из замка. Разве ваши поиски не убедили вас в этом?

Какое-то время Соломон Верни и полковник Гаррисон мерили друг друга взглядами. Лицо майора нервно подергивалось, Стивен казался невозмутимым. Но тут вмешался Энтони.

— Готов поклясться, как в судный день, что те, кого мы ищем, еще здесь. Их просто прячут. Ведь их лошади в конюшне, комнаты кое-как прибраны, да и к тому же нас почему-то не спешили впускать в замок. Когда сие обиталище было замкнуто, если всем известно, что в Сент-Прайори ни одна живая душа не смеет заглянуть с наступлением темноты? Поэтому, прошу вас, досточтимый сэр Верни, потребовать у моих племянниц ключи от всех тайников, которые они еще вам не передали. А именно: ключи от кабинета моего брата, ибо я знаю, оттуда начинается галерея, ведущая к руинам. Я более чем уверен, что

там имеется еще одно тайное укрытие, о коем мои племянницы умолчали и где вполне могут скрываться мятежники.

Воистину они недооценивали дядю Энтони. Неудачи в поисках обострили его ум, и он не собирался так просто сдаваться. Перевернув вверх дном все родовое гнездо, обшарив весь парк, заглянув даже в погреб и конюшни, он вычислил, что тайник может находиться только в заброшенных руинах, куда редко кто ходит. Возможно, с детства у Энтони сохранились неясные воспоминания о некоем скрытом помещении в руинах; может, он играл там в те далекие годы. Сейчас, правда, с трудом верилось, что этот обозленный, взвинченный святоша мог быть когда-то ребенком. Он наступал на племянниц, кричал, угрожал, требовал.

Майор последовал его примеру, стал угрожать, говорил, что велит пытать слуг у них же на глазах, и, возможно, слуги окажутся более сговорчивыми. Вмешательство Стивена ни к чему не привело. Майор чувствовал за собой силу своих солдат, к тому же, если в замке и в самом деле прячется король… Угрозы Стивена были для него ничто — он не желал упустить свой шанс.

— Это становится невыносимым! — возмутился Стивен. — Власть сейчас на вашей стороне, но я не желаю быть причастным к подобному самоуправству.

Он задержался лишь на миг, бросил выразительный взгляд в сторону Рэйчел и вышел, хлопнув дверью. По пути он то и дело проходил мимо выставленных Соломоном Верни часовых. Они глядели на него угрюмо, но останавливать родственника знаменитого Гаррисона не решались. К тому же, как ни силен был надзор над замком, здесь было слишком много запутанных ходов, чтобы можно было разместить часового у каждой двери. Поэтому неплохо знавший Сент-Прайори Стивен смог незаметно пробраться к лестнице, ведущей в библиотеку.

Здесь было пусто. Стивен беспрепятственно вошел в нее и легко отомкнул дверь у камина. Загадочная дверь, которая его так давно заинтересовала. Теперь покров тайны был сорван: ненормальный сын Робсарта, безумец, в котором почти не осталось человеческого. О, он хорошо помнил странное существо на зубцах стены замка, существо, более напоминавшее выходца из преисподней, нежели живого человека. И это было сыном гордого Робсарта, братом красавицы Евы

и Рэйчел! Стивен невольно передернул плечами и сжал зубы, заставив себя думать о другом. О том, что следует спасти Карла Стюарта, сына казненного короля, память которого Стивен Гаррисон так почитал.

Он молча нашарил в темноте связку факелов, зажег один из них и стал медленно спускаться в подземелье.

Рэйчел старалась оттянуть время, настаивая на том, что она и так позволила все осмотреть и дядюшка зря настаивает на невозможном. Кого они ищут? Короля? Абсурд. Они — семья, поддерживающая парламент, их отец слыл едва ли не другом лорда-протектора, и его возвышение при Кромвеле является тому порукой. Даже если их гости и спасители принадлежали к враждебной партии, в любом случае они уже покинули замок. Майор со своими людьми попросту зря теряет время, лучше бы они искали беглецов на равнине. Ева всячески поддерживала сестру. Им вместе даже удалось поколебать мнение Соломона Верни. Но дядюшка не унимался. К тому же он заметил, как напуганы слуги, и не преминул указать на это майору.

— Поджарим пятки любому из них — и они расскажут все, как на исповеди!

В конце концов Соломон Верни сделал знак, и двое его людей схватили бедного Ральфа Шепстона. Его мать Ребекка истошно завопила. Мэтью Шепстон кинулся оттаскивать солдат от сына, но те начали его избивать. Положение стало критическим.

— Довольно! — крикнула Рэйчел. — Остановите своих вояк, майор! Я покажу вам, где тайник. Вы узнаете, кто там находится!

Она повернулась к Энтони. Глаза ее полыхали.

— Будь по-вашему, дядюшка. И будьте вы прокляты!

Энтони Робсарт невольно попятился. Рэйчел все-таки слыла ведьмой, и он боялся ее проклятий. Поэтому он попытался задобрить ее:

— Ну что ты, девочка. Вспомни писание: «Да не будет вражды между мной и тобой, и твоими пастырями и моими пастырями…» Будь благоразумной, Рэйчел, не противься неотвратимому и не чини препятствий людям, которые только исполняют свой долг.

— Долг, — устало произнесла девушка. — Я слишком молода, дядюшка, чтобы поучать вас, но вы сами переступили границу возможного. Скажу вам, как перед Богом: вы нарушили долг перед своим родом и своей семьей. Вы сами не знаете, на что вынудили

меня. — Она вздохнула: — Только неведение может служить вам оправданием, а не ваша злоба. Что ж, идемте.

Но двигалась она так медленно, как только могла. Ева шла рядом с ней и незаметно пожала руку, словно приободряя. Рэйчел едва ли это заметила. Она мысленно представляла: вот Стивен доходит до конца подземного перехода; какое-то время у него уйдет, чтобы убедить скрыться короля и Джулиана, еще какое-то время займет изумление при виде Николаса, но Стивен сильный человек, он скоро возьмет себя в руки. Он выведет их, а Бен и Томас задвинут плитой проход в подземелье. Двоим им это вполне под силу. Потом они останутся на своем посту. Что будет дальше? Рэйчел оставалось лишь надеяться, что Николас, ее жуткий брат Николас, сам послужит объяснением, отчего они так долго не пускали солдат в тайник. Вряд ли, завидев этого безумца, они станут шарить в подземелье, ища запасной выход. Не до этого им будет. Но какой позор предъявлять полоумного, одичавшего брата! Тоже Робсарта. Какие речи теперь пойдут об их семье! Как будет опорочено их имя!..

Она нарочито медленно возилась с замком в кабинете отца. Не с тем, что за панелью, ведущей в подземный ход, а на путь в галерею. Когда они вышли, их обдало холодным ветром. Они и не заметили, что приближается рассвет. Какой же долгой и мучительной была эта ночь!

Рэйчел шла впереди, не поправляя разметавшиеся, выбившиеся из-под чепца волосы. За ней раздавались тяжелые шаги Соломона Верни и его солдат; их шпоры звякали по неровным плитам галереи. Шествие замыкали Энтони и Ева. Дядюшке стало вдруг отчего-то не по себе, он то и дело задерживался, поглядывая вниз. Он вообще-то побаивался высоты, и сейчас невольно припомнил, как убился, упав отсюда, Патрик Линч. Ева злорадно поглядывала на него.

— Идите, дражайший дядюшка. Сами же настаивали.

Они прошли над озером, слабо светлевшим в предрассветном сумраке. Слышался протяжный крик козодоя. Они уже приблизились к руинам, когда расслышали истошный, словно приглушенный мощью камня хохот. Визгливый, злой и безрадостный.

Рэйчел оглянулась и заметила, что майор и его солдаты замешкались.

— Проклятье! Что это? — невольно попятился Соломон Верни.

Рэйчел чуть пожала плечами:

— Может, вы уже передумали? Учтите, ничего такого, что бы вы хотели увидеть, вас не ждет. Это будет печальное и достойное сожаления зрелище.

Пуританин помедлил. Ему стало не по себе, но он не желал показать свое замешательство перед подчиненными. Да и невольное любопытство тоже давало о себе знать.

— Идите, мисс. Однако, насколько я вижу, этот путь никуда не ведет?

Так же сказал и Стивен, когда она несколько дней назад приводила его сюда после смерти Патрика Линча. Всего несколько дней… Ей казалось, что с того момента прошли годы. И Стивен теперь все знает.

— Следуйте за мной, — спокойно произнесла Рэйчел. Она так устала после всех потрясений, что, казалось, ее уже ничто не волнует.

Она с силой надавила рычаг в стене. Та стала тяжело отодвигаться, открывая проход. Рэйчел шагнула в него и начала опускаться по лестнице. Внизу мелькнул желтоватый свет, в нос ударило резкое зловоние.

И все же она волновалась, пока сходила по крутым ступеням. Войдя в крипту, Рэйчел быстро оглядела помещение и встретилась со встревоженными взглядами Томаса и Бена. Она чуть кивнула им, заметив, что беглецов уже нет, а каменная плита словно вросла в проем прохода.

За решеткой метался и подвывал Николас.

— Он явно возбужден, миледи, — успел заметить Томас.

Рэйчел чуть кивнула:

— Сейчас он забеспокоится еще больше. Он не привык к такому количеству посетителей.

Она отошла в сторону, открывая проход. Соломон Верни вошел, низко сгибаясь под полукруглой аркой. Поначалу он лишь приложил руки к носу и морщился, оглядываясь, потом, широко открыв глаза, стал смотреть на существо за решеткой. Солдаты обходили его и тоже замирали, вытаращив глаза и разинув рты. Некоторые быстро сотворили древние предохранительные жесты.

Безумец, взволнованный столь людным посещением, носился от стены к стене и что-то лепетал. Передвигался он несколько странно: от постоянного пребывания в замкнутом помещении его нижние конечности были развиты плохо и казались все время согнутыми,

словно им тяжело было носить массивное туловище, а длина рук была такова, что они просто касались пола. От этого создавалось впечатление, что он движется на четвереньках. Его безобразное лицо, всклокоченная грива волос и жуткие длинные лохмотья усиливали сходство с демоническим страшным существом.

— Все нормально, Ник, все нормально, — произнесла Рэйчел, сама удивляясь спокойствию своего голоса. Она устало прислонилась к каменной подпоре свода — терять ей было уже нечего.

Сумасшедший узнал ее голос и перестал метаться, сел чуть поодаль. В полумраке он был не очень различим, но от этого его ужасающая внешность казалась еще более таинственной и жуткой. Колени возвышались выше плеч, руки, как удавы, спадали меж ног до пола. Он смотрел на вошедших и глухо ворчал, скаля огромные клыки. Глаза приобрели нехорошее, злое выражение, и вместе с тем он стал улыбаться. Улыбка сияла оскалом чудовища.

Один из солдат бессильно осел у прохода, в котором только появился Энтони. Преподобный перешагнул через беспомощное тело и, забыв, что давно перешел в пресвитерианскую веру, начал креститься. Когда его сзади коснулась рука Евы, он даже подскочил, вскрикнув от неожиданности. Нервы у всех были напряжены, несколько человек тоже вскрикнули. Сумасшедший завыл, зашелся идиотским смехом.

— О Боги Израилевы! — воскликнул майор. — Да что же это такое?!

— Совсем не то, что вы искали. Не так ли, мистер Верни? — словно веселясь, спросила Ева. Посмотрев на сумасшедшего, она скорчила ему гримасу. Тот завыл не своим голосом. Нервы Евы тоже начали сдавать, и она расхохоталась истеричным смехом. — Ну, как, господа? Не тот ли это, кого вы искали? Похож он на Карла Стюарта?

Она вновь стала смеяться, пока Рэйчел не кинулась к ней, отпустив звонкую пощечину. Ева сразу опомнилась. Она тряхнула волосами, отбрасывая их с лица, и застыла, уперев руки в бока, маленькая, решительная. Теперь вопли безумца ее даже не трогали. Она в упор глядела на Энтони, и взгляд ее был нехорошим.

— Да разрази меня гром! — воскликнул майор. — Что это все означает? Что это за чудовище?

Рэйчел цыкнула на безумца, а потом спокойно назвала его по имени. Тот вроде бы притих и вновь опустился на корточки, скалясь в улыбке. Рэйчел не понравилось выражение его глаз — почти осмысленное, злое. Она невольно отошла от решетки и переглянулась с охранниками.

Энтони тыкал пальцем в безумца.

— Что это такое? Я спрашиваю, что это за исчадие ада?

Рэйчел вздохнула. Пришло время дать объяснения.

— Перед вами мой безумный брат, сын лорда Робсарта и Шарлотты де Бомануар, Николас Робсарт. Он всегда был таким, и мы вынуждены были его прятать от всех. Проклятье рода Робсартов и вечный его позор. Вы вынудили нас показать его вам. Но учтите — он опасен, и поэтому его всегда держат под замком.

Говорить ей приходилось все труднее.

— Это и был тот тайник, о котором говорил Энтони. Но, как видите, никаких роялистов мы здесь не прячем.

Вряд ли сейчас кто-нибудь думал о беглом короле, все просто смотрели на безумца. А он на них.

Энтони невольно сделал шаг вперед и стал глупо хихикать.

— Так это и есть загадочный Николас Робсарт? Сын моего дражайшего братца — чтоб черти съели в аду его душу! Ха! Николас! Наследничек! Тот, ради которого брат лишил меня всего! — Он расхохотался. — Наследник Робсартов!

— Осторожней, сэр. Не подходите так близко, — предупредил его Томас Легг.

Безумец теперь глядел только на Энтони. Тот продолжал смеяться.

— Итак, перед вами, господа, пэр Англии! — Он так и зашелся смехом.

Ева тихо приблизилась к нему сзади.

— Познакомься с племянничком, дядюшка!

И вдруг с силой толкнула его к прутьям решетки.

Следующее произошло мгновенно.

Не успел Энтони отцепиться от прутьев, как безумец с неожиданным проворством кинулся к нему и схватил огромными руками. Отчаянный крик Энтони слился с глухим рычанием сумасшедшего. Со стороны было похоже, что он целует священника.

Но на самом деле он, вцепившись ему в горло, грыз. Крики Энтони перешли в визг, потом в глухое хрипение.

Кто выстрелил первым, было непонятно, но потом все солдаты выхватили пистолеты и несколько минут стояла непрерывная пальба. Сквозь нее слышались истошные крики боли и ярости сумасшедшего, особенно жуткие в окутавшем все пороховом дыму. Даже когда выстрелы прекратились, он все еще глухо ворчал, потом затих.

Рэйчел стояла, зажав ладонями уши. Когда дым стал рассеиваться, она увидела два лежащих, сцепившихся через прутья клетки тела. Хилая фигурка Энтони нервно подрагивала, горло было залито кровью, но широко открытые глаза глядели, казалось, прямо на нее. И его по-прежнему держали, обхватывали длинные руки безумца, казавшиеся невероятными рядом с ворохом шерсти и тряпья, какое представляла скорчившаяся фигура монстра.

В наступившей тишине был еле слышен слабый жалобный стон Энтони. Он был весь залит кровью. Кто-то из солдат вышел вперед, попытался оттащить тело умирающего. Но, как продолжение кошмара, руки сумасшедшего ожили, стали хватать. Он вновь зарычал, словно весь запас пущенного в него свинца не мог лишить его жизни. И крики новой его добычи слились с нервными воплями других солдат, кинувшихся на выручку товарищу. Выхватив шпаги, они принялись разить монстра, резать, колоть. Он был уже мертв, но они все не могли остановиться. Кровь из разрубленного тела так и брызгала струйками.

Рэйчел не поняла, что кричит. Она спрятала лицо на плече сестры.

— Все, Рэч, все. Уже конец, — шептала Ева, обнимая ее.

Рэйчел слабо подняла голову. Солдаты были возбуждены, все в крови, с окровавленными шпагами, они что-то кричали и ругались, толпясь около клетки. Рэйчел увидела, что кто-то из них наступил на тело ее дяди. Тому уже было все равно. Он был мертв, даже мышцы лица его расслабились; в остекленевших глазах исчезло всякое выражение ужаса.

— Ко всем чертям! — ругался майор Верни. — Пропади я пропадом! Дьяволово семя! Уходим! Какого черта нам еще здесь надо!

Мысли о поимке короля явно больше не беспокоили его. Солдаты с готовностью поддержали приказ уйти и стали покидать подземелье. Один солдат совсем по-детски плакал, наверное, тот, что попал в руки сумасшедшего. А ведь эти суровые вояки всякое повидали на своем

веку. Сейчас же плачущего солдата вели под руки, ноги у него подкашивались.

Рэйчел постаралась взять себя в руки и даже отдала распоряжение взволнованным охранникам вынести трупы. Она сообразила, что, пока солдаты в Сент-Прайори, королю лучше оставаться в своем убежище.

Ева уже вышла. Рэйчел застала ее стоящей на галерее над озером. Налетавший ветер развивал ее волосы. Ева была бледна, она стояла с закрытыми глазами, подставляя лицо потокам прохладного воздуха. Заслышав шаги сестры, она повернулась и даже нашла в себе силы улыбнуться. Голос ее звучал спокойно.

— Рэч, мы победили. Вряд ли эти «круглоголовые» продолжат поиски. А когда они уберутся, мы сможем выпустить короля.

Рэйчел не сводила глаз с лица сестры и заговорила чуть хрипло из-за стоявшего в горле кома:

— Сейчас они все возбуждены, напуганы. Да и потом вряд ли станут смаковать подробности происшедшего. Но понимаешь ли ты…

Она запнулась. Лицо Евы окаменело.

— Договаривай!

Рэйчел сцепила дрожащие руки:

— Понимаешь ли ты, что совершила убийство?

Ева отвернулась, чуть пожав плечами.

— Ах, это… — Она жадно втянула холодный воздух. — Не будь лицемерной, сестра. По сути дела, ты должна благодарить меня — я отомстила предателю и избавила тебя от такой обузы, как Николас.

Она сказала «тебя», а не «нас». По сути, тяготы Сент-Прайори всегда лежали на плечах одной Рэйчел, Ева словно не желала их знать, избегала. Но именно она совершила решительный шаг: одним взмахом разрубила этот гордиев узел и освободила Рэйчел от непосильной ноши.

Рэйчел стало не по себе: в словах Евы было зерно истины. Она и в самом деле не любила дядю и ненавидела, боялась Николаса. Теперь она свободна, но то, как все произошло… И то, что в этом замешана Ева… Рэйчел испугало чувство злого торжества в груди. Внезапно ей стало нехорошо. Как сомнамбула, она шла следом за сестрой; мысли бессвязно блуждали, голова кружилась.

Она еле дошла до конца галереи, сквозь сгущающуюся перед глазами пелену различила взволнованное лицо сестры и услышала, как

та ее позвала.

Шаг, еще шаг. У нее больше не осталось сил. С каким-то странным облегчением она опустилась во мрак беспамятства, почти не ощущая подхвативших ее рук Евы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Король сидел на стволе поваленного дерева. Слуга лорда Уилмота Роберт Сван стоял перед ним, ожидая позволения говорить, и мял в руках шляпу. Ветер трепал его по-пуритански остриженные, тронутые сединой волосы.

— Ваше Величество…

Карл словно не слышал.

Ветер шумел в деревьях, срывал пожелтевшую листву. По водам озера пробегала рябь, колыхались с сухим шорохом камыши. Холодно, сыро, неуютно.

Карл глядел на руины по ту сторону озера. Он был уже в дорожной одежде, но ему все казалось, что его волосы, руки, тело источают жуткий запах подземелья.

Он вспомнил безумного монстра за решеткой и как он провел ночь в его компании, когда по замку рыскали солдаты, а он находился на волосок от гибели. Потом неожиданно появился Стивен Гаррисон, сообщил, что «круглоголовые» с минуты на минуту появятся здесь, и велел им с Джулианом укрыться в подземном переходе. Они повиновались, не мешкая, но Стивен все же задержался и поглядел на чудовище за решеткой. Карл его понимал. Этот Николас Робсарт… Карл невольно передернул плечами. Да, он мог понять состояние Стивена. Потом полковник тоже вошел в проход, и охранники безумца задвинули за ним каменную плиту. Сколько они пробыли в подземном тоннеле? Оказалось, немногим более часа. Но королю это время показалось гораздо более долгим. Он старался спрятать от обоих находившихся с ним мужчин свой страх, скрыть, что ожидает, как сейчас с минуты на минуту раздастся грохот отодвигаемой плиты, и солдаты Кромвеля ворвутся в подземелье. Поэтому, когда за стеной раздались выстрелы, нервы его сдали, и он невольно вскрикнул.

Джулиан зажал ему рот, хотя и сам был напуган, кажется, не менее короля. Но ничего не произошло. Проход по-прежнему закрывала плита, минуты текли, и им оставалось лишь строить догадки, что же случилось в подземной крипте. Карл старался отвлечься от мрачных мыслей, наблюдая за Джулианом и Стивеном. Эти двое словно избегали смотреть друг на друга и молчали. Карл

тоже хранил спокойствие. Он понимал, что неприязнь его спутников связана с их соперничеством из-за Рэйчел Робсарт. Хотя Джулиан старался дать понять, что меж ним и Рэйчел все кончено, его нервозность и отнюдь не дружелюбные взгляды, какие он порой бросал на Стивена, указывали, что в душе его не было мира.

Полковник держался куда спокойнее, чем его соперник: он отбил у Джулиана Рэйчел, хотя и не оказывался от Евы. Да, все это было даже забавно. Карла бы развлекла подобная ситуация, если бы положение не было столь критическим и его не отвлекали совсем иные мысли. И еще он был поражен, что в трудную минуту именно Гаррисон, человек, на помощь которого он меньше всего мог рассчитывать, оказался его настоящим другом и спасителем.

Наконец плиту сдвинули с места, и они увидели в свете факела мощную фигуру Бена Петгагрю.

— Все спокойно, господа. Они ушли. Мы не спешили выпускать вас, пока последний из «круглоголовых» не покинул пределов замка. Да и прибрать тут нужно было.

Они сразу увидели, что за решеткой никого нет, а на плитах пола остались следы крови. На их вопросительные взгляды охранник рассказал, что произошло: как сюда прибыли солдаты, и безумец Николас убил Энтони Робсарта, а солдаты, пытаясь вырвать от него Энтони, изрешетили сумасшедшего пулями. В словах Бена сквозила некоторая грусть, словно ему было жаль своего ненормального подопечного.

— Мы отнесли их тела в часовню, — продолжал он. — В Сент-Прайори принято быстро хоронить умерших. Солдаты уехали, они так были потрясены всем происшедшим, что уже и не думали о дальнейших поисках. А ведь до этого весь дом перевернули.

— Где леди Ева и Рэйчел? — спросил Гаррисон.

— Миледи Ева ухаживает за сестрой. Той после случившегося стало дурно, но сейчас она уже встала и даже велела седлать ваших коней. Будет все же лучше, если вы поскорее уедете. Не ровен час, солдаты опомнятся и решат возобновить поиски. Хотя, вряд ли: то, что здесь произошло, явно убедило их, что ни о каких укрывающихся в замке гостях не может быть и речи. Да, а леди Ева послала за каким-то незнакомцем, недавно прибывшим в селение. Говорят, он приехал за вами.

Эта его последняя фраза сразу оживила короля и лорда Грэнтэма. Они быстро переглянулись.

— Мы уезжаем, сир, — даже улыбнулся Джулиан.

— Слава Богу! — выдохнул Карл.

Да, наконец-то он покинет это проклятое место, с его раскрытыми тайнами, ужасами и опасностями. Карл едва не напевал, когда переодевался в дорогу и старался прогнать мысли о Еве. Она не появлялась, и он был этому рад — король ненавидел прощания. А потом, в какой-то момент, на него словно навалилась страшная усталость. Он старался не обращать на это внимания, думать о скором отъезде. Но, помимо воли, нервное напряжение, что он перенес этой ночью, стало выходить из него тупой апатией. Карл пытался взбодриться — в конце концов, все уже позади. Заслышав за дверью шаги Джулиана, он быстро вышел.

— Как, ты еще не готов? И где ты, спрашивается, был? Да что с тобой, Грэнтэм?

У того в лице не было ни кровинки. Он прятал руки за спину, его била дрожь, а взгляд был какой-то странный.

— Все в порядке, сир. Простите, ради Бога. Просто после всего случившегося… Словно не могу опомниться.

Карл это понимал и ободряюще похлопал Джулиана по плечу:

— Мы сейчас уедем, Грэнтэм. Наконец-то…

У Джулиана был вопрошающий, тревожный взгляд.

— А ваша Линдабарда?

Карл лишь повел плечом:

— Я пойду пройдусь в парке. Пришлешь ко мне Свана.

Его разозлила довольная улыбка Джулиана Грэнтэма — хотя теперь о Еве не могло быть и речи, Карлу стало больно, Он чувствовал себя мерзавцем.

Вот тогда он и пришел сюда, сел на поваленное дерево и стал глядеть на руины. Обычные руины, какие уже ничего не таили в себе. Он вспомнил, как впервые смотрел на них, когда гулял здесь с Рэйчел в первую ночь их приезда. Тогда, в лунном свете, они казались ему романтическими и исполненными своеобразного очарования. Потом он бывал здесь с Евой, когда, охваченные ураганом любви, они все время искали уединения. Они целовались в медовых лучах осеннего солнца, с деревьев опадала листва, Карл зарывался лицом в волосы

Евы, пахнущие жасмином и отражающие свет солнца ярким золотистым блеском. Он был тогда так счастлив, душа его отдыхала после бедствий и разочарований; он находил успокоение в любви красивой женщины, гулял с ней вдоль озера и хотел пойти к темневшим на его другом берегу стрельчатым аркам средь темного камня — они казались ему величественным оформлением проснувшегося чувства. Ева, смеясь, уводила его прочь. Потом он все же пошел к руинам вместе с Джулианом. И с тех пор в этих пустых остовах католического монастыря ему стало чудиться нечто недоброе, небезопасное. От них веяло темной тайной. Затем эти руины стали его последним пристанищем, когда его жизнь и свобода подверглись опасности; он узнал их тайну и нашел в них спасение. И вот теперь он уезжает.

— Ваше величество.

Карл только заметил стоявшего рядом Роберта Свана. Тот топтался на месте и мял в руках шляпу.

— О, сир, что с вами? Вы словно не замечаете и не слышите меня.

Сван, личный слуга лорда Уилмота. Человек из другого мира, в который он — наконец-то! — должен был вернуться.

— Сван, — улыбнулся король. — Мой дорогой Сван!

Тот был явно удивлен подобным демократичным обращением короля. Последний раз он видел Карла Стюарта после битвы при Вустере в окружении своих лордов, с которыми тот держался как человек, привыкший повелевать. Теперь же перед ним сидел усталый грустный юноша, погруженный в себя, отчаявшийся. Хотя и немудрено, если учесть, что за ним охотится пол-Англии, обшаривая каждый дюйм земли. О тех потрясениях, что королю пришлось пережить в Сент-Прайори, слуга Уилмота и не подозревал. Лишь то, что ночью в замке побывали солдаты — Сван считал, что это был обычный постой армейского подразделения, — указывало, что и это место, которое его господин, лорд Уилмот, считал безопасным, таковым отнюдь не является. Да и где сейчас может быть безопасно для беглого короля? Короля! Сван был невероятно горд, что именно его лорд Уилмот выбрал в качестве гонца к Его Величеству. Когда Карл протянул к нему руку — загорелую, как у обычного деревенского парня, однако слишком изящную для простолюдина, — он схватил ее обеими руками и, упав на колено, принялся осыпать поцелуями.

— Довольно, Сван, — заговорил король, в душе отметив, насколько он за последнее время отвык от подобных изъявлений почтения и преданности. — Довольно, говорю! Объясни лучше, как обстоят дела. И отчего это лорд Уилмот так долго не посылал за нами?

— О, сир! Вас ведь кругом ищут. Юг страны так и кишит шпионами, как дворовая собака блохами, простите за мое никчемное просторечие. Лорд Уилмот считал, что в доме парламентария Робсарта вы будете в большей безопасности, пока он наладит связи с негоциантами, торгующими с Францией, и сможет договориться о вашей переправе на континент. А потом стало известно, что Робсарт покинул Саутгемптон, и никто не знал, куда он поехал; мы страшно обеспокоились. Вот тогда-то мой господин и велел скакать мне в Сент-Прайори.

— Ты опоздал, Сван, лорд Дэвид уже был здесь. Но сейчас это уже неважно. Робсарт убит.

— Да, я уже разведал, Ваше Величество. И это как раз кстати.

Карл странно усмехнулся, скорее печально, чем весело, и вздохнул.

— Рассказывай, Роберт Сван. Что удалось сделать Уилмоту?

У Свана была неторопливая манера говорить, но сейчас Карлу это пришлось как раз по душе. Он не подгонял слугу, хотя слушал жадно, с каждым словом повествования ощущая, как в нем пробуждаются силы и он вновь становится тем, кем был, — королем Англии, Шотландии и Ирландии, наследником Стюартов, человеком, целью которого было вернуть трон. Он должен был это сделать, несмотря ни на что. Слишком много людей ожидали от него этого. Личные чувства и переживания рядом со столь высокой целью не играли никакой роли.

Итак, он узнал, что лорд Генри Уилмот сделал своим штабом поместье некоего мистера Хайда, родственника его канцлера. Он навел связи с людьми, торгующими с континентом, особенно с негоциантами, не вызывающими подозрения у новых властей, однако сочувствующими монархии и которым он мог бы довериться. Так Уилмот вышел на некоего Фрэнсиса Мансела и, убедившись в его благонадежности, открылся ему. Мансел, в свою очередь, отрекомендовал ему Татерсена, капитана брига, перевозившего уголь. Корабль его невелик, но быстроходен и с хорошей оснасткой. Татерсен недавно получил патент на торговлю с континентом, закупил партию

угля, и теперь они готовы выйти в море, как только на борт брига прибудут пассажиры, о которых условился Фрэнсис Мансел. Капитана Татерсена не посвящали в тайну его попутчиков, сказав лишь, что эти трое джентльменов — ими будут Его Величество, лорд Уилмот и лорд Грэнтэм — спасаются от кредиторов. Тем не менее капитан что-то заподозрил. Нет, что он будет перевозить самого Карла Стюарта, он не додумался, но в нынешнее время, когда люди лорда-протектора повсюду ловят роялистов, а те в свою очередь всячески стремятся покинуть королевство, он решил, что должен помочь скрыться кому-то из беглецов из-под Вустера. Поэтому капитан, помимо обычной платы — пятьдесят фунтов, потребовал еще страховку в размере двух тысяч фунтов и долговое обязательство.

Такой суммой лорд Уилмот не располагал. Из-за этого и вышла задержка, ибо им пришлось связаться с одним лондонским купцом, который и обеспечил их недостающими деньгами. Теперь Уилмот ожидает своего короля в городке Брайтхелмстоун на южном побережье, милях в пятнадцати от Чичестера. Они смогут сесть на корабль, как только прибудет Его Величество.

Карл воспрял духом:

— Выезжаем немедленно!

В своей комнате он застал Джулиана, упаковывавшего вещи короля. Весть, что они тотчас выезжают, воодушевила лорда.

— Я уже собрал ваши пожитки, сир. А лошади стоят под седлом.

Когда они спускались, Карл невольно обратил внимание, что в руках Джулиана лишь один узелок, и полюбопытствовал, где вещи самого лорда.

— Мне лестно, сир, что ваше внимание ко мне простирается вплоть до таких мелочей. Увы, здесь я бессилен. Эта глупая Долли куда-то запропастилась, а ведь именно она прибирала в моей комнате. Надеюсь, мы окажемся в иных условиях прежде, чем я начну страдать из-за отсутствия свежего воротничка или чистой рубашки.

Да, Джулиан прав, скоро все будет по-другому!

И все же во дворе им пришлось немного замешкаться. Все обитатели замка вышли проститься с гостями, один из которых — эта весть быстро распространилась среди слуг — был королем Карлом Стюартом. Они глядели на него… так глядели, словно увидели только

впервые, а не обращались с милым «мистером Трентоном» изо дня в день.

Карл был тронут. У него для каждого нашлось слово: пошутил с охранниками, что не сможет сразу вернуть им проигранные этой ночью деньги; супругам Шепстон пожелал поскорее женить сына Ральфа; хорошенькую Китти ущипнул за щечку и спросил, где ее подружка Долл. Девушка вся зарделась и смущенно пролепетала, что Долл глупая гусыня и еще не раз пожалеет, что не простилась с Его Величеством.

Карл подошел к Рэйчел и справился, где полковник Гаррисон. Девушка ответила, что он отбыл из замка, желая удостовериться, что солдаты майора Верни не надумают вернуться, а в случае осложнений — задержать их.

— Вам надо уезжать, сир, — тихо сказала она, не сводя с короля своих темных глаз газели. Она держалась с той же скромной прямотой, какая и ранее так очаровывала короля. Рэйчел спокойно кивнула, когда Карл попросил ее передать полковнику Гаррисону изъявления благодарности.

С Джулианом Рэйчел обменялась безмолвными поклонами. Если эти двое что-то еще и чувствовали друг к другу, то никак этого не проявляли.

Король не спрашивал о Еве, а Рэйчел ничего не говорила, хотя заметила, что глаза короля с невольной тоской скользнули по высоким окнам. Когда он протянул девушке руку, она присела в низком реверансе и припала к ней губами.

— Да благословит Господь Ваше Величество и убережет от врагов.

— Спасибо, милая Рэйчел. Спасибо за все.

Где-то сбоку появилась всхлипывающая кухарка Сабина.

— Я как вспомню — вы таскали мне дрова… помогали растопить камин… Выходит, я теперь самая важная дама во всем королевстве.

В глазах короля сверкнули лукавые искры.

— Ваша стряпня, голубушка, была мне достойной платой за то, что я трудился на вас.

Толстуха заулыбалась сквозь застилавшие глаза слезы:

— Я тут вам кое-что испекла в дорогу. Пирожки с бараниной и луком, до каких, я заметила, вы столь охочи.

Она протянула Карлу узелок с еще теплыми пирожками.

Король хотел было отшутиться, но молчал. Он чувствовал ладонями тепло свежего теста. Его любили в Сент-Прайори. Он — король, его обязаны любить и почитать, однако в том, как вели себя с ним эти люди, чувствовалась любовь не из чувства долга. Да, здесь его любили… Он опять поглядел в сторону замка. Показалось ему или нет, что за одним из окон мелькнул женский силуэт?

Сван держал коней под уздцы, но именно Джулиан подвел серого коня к королю. Он был близок с Карлом все это время и не желал уступать свое место подле Его Величества никому. «Теперь, если судьба мне улыбнется, я должен буду одарить его», — с каким-то раздражением подумал король. Обычное для монарших особ нежелание быть обязанным кому бы то ни было у Карла подпитывалось еще и неприятным ощущением от радости в глазах Грэнтэма: уезжая, король и словом не обмолвился о Еве Робсарт.

И именно это повлияло на Карла. Уже вложив ногу в стремя, он вдруг передумал, резко повернулся и пошел к крыльцу. Джулиан догнал его уже на ступенях.

— Сир, вы не смеете… не должны!

Он явно опасался, что чувство короля к Еве Робсарт заставит его отступиться от доводов разума.

Карл смерил его холодным взглядом:

— Вы забываетесь, сэр! Что значит — я не смею? Такова моя воля!

Джулиан опешил. За время их скитаний Карл еще ни разу столь отчетливо не указывал на разницу меж ними. Джулиан Грэнтэм отступил и склонился в поклоне, пропуская короля.

В замке было до странности тихо, шаги короля гулко отдавались в сводчатых переходах. Приближаясь к башенке, где жила Ева, он пошел медленнее, стараясь не звякать шпорами о ступеньки. Придерживая шпагу, он поднялся по винтовой лестнице. Дверь в комнату Евы была полуоткрыта. Карл тихо остановился. Сначала он заметил Нэнси, возившуюся у одного из сундуков с пышными юбками Евы. Саму леди Карл увидел, чуть отойдя в сторону: она сидела у слабо горевшего камина, положив ножку на шары решетки. Возле нее лежали спаниели, один из них дремал у хозяйки на коленях. Ева сидела неподвижно, как изваяние, в черном платье с кружевной траурной накидкой на волосах.

Карлу бросился в глаза ее тонкий профиль, бессильная рука на подлокотнике. Сердце его дрогнуло, когда он заметил, как в неверных отблесках пламени сверкнула скатившаяся по ее щеке слеза. Ева словно не замечала, что плачет; таким безмолвным отчаянием веяло от этой немой неподвижности Евы, такой маленькой и одинокой она казалась! Ему следовало уйти, но он продолжал стоять.

Спаниель на коленях Евы завозился и, увидев короля, соскочил на пол. Он кинулся к Карлу, радостно повизгивая, а за ним помчались и остальные. Они прыгали ему на ботфорты и ластились, энергично виляя маленькими хвостиками. Теперь и Нэнси увидела короля и слабо охнула. Карл сделал ей знак выйти, горничная повиновалась. Ева повернула к Карлу залитое слезами лицо и какое-то время глядела на него. Потом она быстро вытерла слезы и встала, горделиво вскинув голову; лишь руки, все еще нервно комкавшие платочек, выдавали ее волнение.

— Простите, сир, что не вышла проводить вас, но я ненавижу прощания.

В глазах Карла мелькнуло невольное восхищение: она держалась изо всех сил. От этого сердце его забилось какой-то странной, ноющей болью.

— Я оказался слабее вас, Ева, — не смог уехать, не попрощавшись.

Она старалась не глядеть на него.

— Куда лежит ваш путь?

— В Брайтхелмстоун. Это на побережье.

Она кивнула:

— Да, конечно. Дорога длинная, но я велела дать вашим лошадям двойную порцию овса, смоченную вином, теперь у них будет достаточно сил. Они смогут скакать без устали часов пять кряду, делая не менее пятнадцати миль в час.

— Ева…

— Всего доброго, сир. Уезжайте. А я… Я буду молиться за вас.

У Карла щемило сердце. Лучше бы он не приходил. С трудом проглотив ком в горле, он сказал:

— Итак, прощайте, леди Ева. И да снизойдет на вас благодать Господня.

Она выдавила слабую улыбку.

— Сейчас вы говорите, как пуританин.

Она еще пыталась шутить. Карл глядел на нее во все глаза и понимал, что подобной женщины в его жизни больше не будет. Будут другие… но не эта блистательная леди, достойная его и к тому же любящая. Ее желание избежать последней встречи окончательно убедило его в этом. Она давала ему свободу, прощала его… и отпускала.

— Ева…

— Что, сир?

Он вздохнул:

— Мы должны расстаться. Но каждый день я проживу, тоскуя о тебе.

Он сейчас сам верил в это. Она повернула к нему лицо, словно цветок к солнцу.

— Зачем вы мне это говорите?

Он молчал. Что ему было ответить? Он попросил ее руки, а потом поспешно отказался от нее. Да, теперь он понимал, что не может жениться на ней — ведь при таком попрании традиций королевского сана он должен был ожидать, что от него отвернутся все, кто в него верит. И все же… он любил ее.

Не отдавая себе отчета, что делает, он шагнул к ней, обнял и стал покрывать ее лицо, глаза, губы бесчисленными поцелуями. Слова сами сорвались с его уст:

— Я не могу оставить тебя, каждая минута с тобой — это восторг, счастье, это упоительное приключение. Я так люблю тебя!

Она на миг замерла у его груди, потом медленно подняла к нему лицо. Король говорил так страстно, так искренне, что она вдруг осмелилась просить:

— Тогда, Ваше Величество, возьмите меня с собой.

Ей было стыдно произносить эти слова, свою потаенную мечту, которую она с таким усилием пыталась скрыть. Ева почувствовала, как он вздрогнул, но только сильнее обняла его. В глазах ее светилась надежда и бесконечная мольба.

— Ева, — тихо произнес Карл, — я понимаю, о чем ты просишь. Я сам дал тебе надежду. Конечно, я могу взять тебя с собой, в изгнание, ибо я скиталец на этой бренной земле, король без королевства, человек без родины. Нужен ли я тебе?

— О да! — воскликнула она почти радостно. — Нужен, как воздух, как мое сердце, как спасение души! Я пойду за вами куда угодно. Я понимаю, что супружество не может связать нас, но я готова к этому. Готова быть вашей любовницей, спутницей, служанкой, если хотите. Только не оставляйте меня!

Король был словно оглушен. Но вместе с тем в его мозгу шевельнулась циничная мысль: «Она просто хочет избавиться от Сент-Прайори. Видит Бог, я ее понимаю!» Еще он подумал о том, что его сторонники скажут: это вызовет очередной скандал, связанный с его именем. Но сейчас, когда он видел прекрасные, умоляющие глаза Евы, все это не казалось ему столь важным. В конце концов, если они не будут связаны брачными обязательствами, он ничего не теряет. А имя его и так опорочено, одним слухом больше или меньше — это уже ничего не меняет. К тому же у Евы на континенте есть деньги, ей будет на что опереться, даже помочь ему.

Он улыбнулся:

— Хорошо, Ева. Однако учти, красавица моя, я должен буду выехать немедленно, я не смогу ждать, пока ты соберешься. Ведь солдаты все еще могут нагрянуть снова. Поэтому я выеду сейчас же с Робертом Сваном. Останется Джулиан, я велю ему привезти тебя ко мне в Брайтхелмстоун. Там мы встретимся вновь.

У Евы сияли глаза, а сердце билось так сильно, что она словно с трудом понимала его слова. Когда он в последний раз поцеловал ее и вышел, она какое-то время стояла на месте, словно опасаясь, что приход короля ей просто померещился и он так и не сказал ей этих удивительных слов: «В Брайтхелмстоуне мы встретимся вновь». Брайт-хелм-стоун — название этого городка звучало музыкой в ее ушах.

Цокот копыт за окном заставил ее очнуться. Чего же она ждет? Надо быстро собираться. И она усиленно стала звонить в колокольчик, вызывая Нэнси. На какой-то миг в ее голове мелькнула запоздалая мысль, что путь ей предстоит проделать в неприятной компании Джулиана Грэнтэма, но что это значило, если в конце пути ее будет ждать Карл Стюарт!

Она торопила Нэнси, ругалась, нервничала. Бедная горничная еле успевала складывать в шкатулку косметику госпожи, упаковывать ее драгоценности и кидаться на зов хозяйки, чтобы затянуть ей корсет

или отцепить застрявший в решетке камина шлейф амазонки. Потом понадобилось бежать торопить Ральфа, чтобы он спешно оседлал кобылу миледи.

Сборы были в самом разгаре, когда в комнату вошла Рэйчел.

— Что это значит, сестра? Ты уезжаешь?

— Только не вздумай меня отговаривать! — сердито глянула на нее Ева. И, застегивая многочисленные пуговицы алого жакета амазонки, добавила уже более миролюбиво: — Мне больше нечего здесь делать. Ведь отец оставил Сент-Прайори тебе. Ты несовершеннолетняя, но твой опекун Стивен Гаррисон сумел отстоять твое право на имение и титул. А когда ты станешь пэресой, тебе и вовсе будет не до меня. Я сама позабочусь о себе. — Она надела шляпу и кинула Нэнси баул с вещами. — Неси. — Она улыбнулась Рэйчел. — Я еду в Брайтхелмстоун, а оттуда — на корабле во Францию.

Рэйчел схватила Еву за руки, пытаясь последний раз образумить сестру.

— Ты совершаешь ошибку, Ева. Ты сама ломаешь себе судьбу и губишь свою честь!..

Ева резко вырвалась:

— Выше голову, малышка. И учти, нельзя ждать милостей от судьбы, судьбу надо делать самой. С Божьей помощью, конечно, — добавила она уже тише, потому что ей все-таки было страшно. Она тотчас взяла себя в руки, быстро обняла сестру и прижала ее к себе. Потом весело ей подмигнула и, подхватив шлейф амазонки, кинулась вниз по лестнице. Ах, как она ни спешила, но все же сильно задержалась со сборами, и, конечно, Грэнтэм ее уже ждет. Ей и самой не терпелось как можно скорее догнать короля.

Лишь на миг Ева остановилась в холле и окинула старые своды долгим взглядом. Приедет ли она еще сюда когда-нибудь? Что ее ждет впереди? Где-то в переходах замка завыла собака — заскучал какой-то из спаниелей. Еве стало не по себе, это было недоброе предзнаменование. К дьяволу! Она покинет это мрачное обиталище, и отныне все будет по-другому.

То, что путешествие с Джулианом окажется невеселым, Ева поняла, едва увидела ледяное выражение его лица. На его мрачный взгляд исподлобья она лишь пожала плечами:

— Я выиграла эту партию, сэр. Так что извольте хотя бы казаться любезнее!

— Мне было приказано, и я подчиняюсь, — сухо ответил Джулиан, а глаза его так и полыхнули мрачным огнем.

«Пес! — сердито подумала Ева. — Когда я стану королевской фавориткой, ты первый начнешь заискивать передо мной. И будешь куда приветливее».

Но пока что Грэнтэм не собирался любезничать. Он и не подумал подсадить ее в седло, а когда расстроенная Нэнси протянула ему баул с вещами госпожи, он взял его с отвращением. Заметив усмешку Евы, Джулиан почти швырнул ей вещи.

— Я обязался сопровождать вас, но не служить вашим лакеем.

Еве пришлось стерпеть. Кусая губы, она наблюдала, как Джулиан не спеша подошел к своей лошади, нарочито медленно поправил подпругу и проверил притороченные к седлу пистолеты.

В этот миг на подъездной аллее раздался цокот копыт и появился скачущий галопом Стивен. Заметив Еву в седле и дорожной одежде, он явно удивился и резко осадил коня.

Ева чуть поморщилась: о Стивене она как-то и не подумала. Теперь придется объясняться.

Джулиан явно обрадовался появлению своего недавнего врага.

— Ваш жених, миледи. Думаю, мне стоит переговорить с ним.

Но Ева догадывалась, в чем будет убеждать Стивена Джулиан, и потому загородила ему дорогу конем.

— Стойте, где стоите, сэр, вас это не касается. Я сама поговорю с полковником.

Она поскакала навстречу Стивену. Вид у нее был вызывающий.

— Вы уже вернулись, Стив? Я не ждала вас так скоро.

Если Стивен и был удивлен ее намерением уехать, то никак не проявил этого. Он сказал, что хотел убедиться, что солдаты вернулись в Эймсбери, и королю уже ничего не грозит.

— Вы опоздали со своим сообщением, Его Величество уже отбыл. За ним приехали, и он тут же покинул Сент-Прайори.

Стивен поправил шляпу и огладил рукой в перчатке холку коня.

— Что ж, вполне разумный поступок. Однако осмелюсь ли я спросить, что означает ваш отъезд?

— Только то, что я уезжаю, — с улыбкой произнесла Ева. Она смотрела на Стивена в ожидании дальнейших расспросов, но он молчал, и это разозлило ее. Она вскинула голову. — И еще это означает, что нам следует расторгнуть брачное соглашение. Увы, сэр, наша помолвка оказалась ошибкой. Я не люблю вас. Вы были всегда столь умеренны в страстях, столь рассудочны, щепетильны и холодны, что мне с вами стало скучно. А те чувства, что я когда-то испытывала к вам, сошли на нет. Но почему вы улыбаетесь?

Стивен и в самом деле не смог сдержать улыбку:

— Потому, что я полностью согласен с вами, Ева.

Она ощутила себя задетой и сердито поглядела на него:

— В таком случае нам не о чем больше разговаривать.

Но он удержал ее коня за уздечку:

— Вы едете с лордом Грэнтэмом? Мне бы не хотелось этого.

Ева оглянулась на уже сидевшего на коне Джулиана. Он наклонил голову, и его лица не было видно под полами шляпы. Она почему-то вздрогнула, но тут же взяла себя в руки.

— Смею сказать, меня это тоже не радует. Однако король приказал, и следует повиноваться. Итак, Стивен, прощайте. Не держите на меня зла.

Она стегнула лошадь и поскакала по аллее в выходу.

— Храни вас Бог, миледи, — только и сказал полковник, глядя ей вслед.

Когда мимо проезжал Джулиан, Стивен в знак прощания приподнял шляпу. Но Грэнтэм глядел прямо перед собой и сделал вид, что не заметил этого.

Когда они исчезли за деревьями, Стивен взглянул на замок, и сердце его подпрыгнуло — за высоким окном галереи он увидел Рэйчел. Он вдруг счастливо улыбнулся: сколько событий, драм, расставаний — и вот все позади. А Рэйчел здесь. Она ждет его, и ничто и никто более не стоит на их пути.

Стивен, почти не глядя, бросил поводья коня слуге, стремительно поднялся на крыльцо и взбежал по лестнице.

Рэйчел стояла у окна, выжидательно глядя в сторону двери. Какой-то миг они смотрели друг на друга через серый сумрак пустой галереи, потом Стивен пошел к ней, она к нему, и в следующий миг он уже прижимал ее к груди. Рэйчел тихо всхлипывала.

— Столько всего… Я не могу опомниться. Не успела я оплакать отца, испугаться солдат, ужаснуться трагедии в подземелье. И Ева… Все так неожиданно. Теперь ты… — Она повернула к нему лицо. — Разве мало я страдала? Разве я не заслужила хоть немножечко счастья? О Боже! Моя сестра уехала, а я почти рада этому. Ведь теперь ты мой.

— Рэйчел!

Их губы слились. Они целовались и целовались, и им казалось, что так будет всегда.

Они были вместе!.. Переводя дух, они смотрели друг на друга, словно не веря в свое счастье, и вновь целовались.

— Довольно! — наконец взмолилась Рэйчел. — Или мы забудем обо всем, как тогда. Неизвестно, к чему это может привести.

Он счастливо засмеялся, взлохматил ее волосы и залюбовался ее гладкой смуглой кожей. О, он прекрасно понимал, о чем она: Рэйчел дышала, как и он, глаза ее были словно подернуты поволокой. Он безумно хотел ее! Он успел истосковаться по ее чудесной невинной чувственности и потому с трудом уступил, когда она разняла обнимавшие ее руки и попросила умоляюще:

— Не надо!

Он наконец перевел дыхание.

— Будь моей женой, Рэйчел. Теперь-то я могу просить тебя об этом. Я свободен. И ты нужна мне.

Ее глаза засверкали. Она подняла его руку к своему лицу и прижалась к ней щекой, тихо сказала:

— Да. О да! Я ведь ждала этого так долго.

Им приходилось соблюдать приличия: в доме было два мертвеца, которых еще не успели предать земле — дядя и брат невесты. Да и траур по ее отцу не давал им прав на столь бурную радость. Дел у Рэйчел было предостаточно, но она все же позволила себе немного расслабиться, посидеть подле возлюбленного, прильнув к его плечу. Она чувствовала себя такой хрупкой, нуждающейся в его покровительстве. Благодатное тепло распространялось от его руки, обнимавшей ее; Рэйчел прикрыла веки, чтобы лучше почувствовать счастье подчинения ему. Это длилось всего несколько минут, а потом она заставила себя встать.

— Мне следует идти. Надо отдать распоряжения слугам, позаботиться о погребении дядюшки и Ника…

Печальные обязанности. Стивен уловил дрожь в ее голосе — бедная девочка, сколько ей приходится выносить! Он нежно поймал ее руки, поцеловал запястья.

— Все уже позади, Рэйчел. И я с тобой.

Она расслабилась, даже улыбнулась, а потом спросила, куда он уезжал утром. Тогда что-то мелькнуло в его глазах, и он нахмурился. Стивен сказал о солдатах, но Рэйчел почувствовала, что это еще не все.

— Стив?

Он словно не решался сказать все сразу.

— Еще я разговаривал с мировым судьей Эзикиэлом Батсом. Он не очень-то меня жалует, но тут сам вызвался на беседу. Судья расспрашивал о Джулиане Грэнтэме.

— О Джулиане?

— Да, Рэч. Он рассказал мне кое-что о Бомануарах… Это странный род. Эзикиэл Батс их хорошо знает. Он имел с ними торговые дела.

Стивен вдруг обнял Рэйчел за талию и притянул к себе, спрятав лицо у нее на груди.

— О, милая, как хорошо, что ты не стала женой Джулиана Грэнтэма!

Рэйчел еще не очень ясно понимала.

— Конечно, хорошо, Стив, тогда бы я не могла быть сейчас с тобой. Знаешь, Ева говорила мне, что надо самой ковать свою судьбу. Но судьба сама дала мне тебя. Правда, — она мило покраснела, — я тоже кое-что сделала для этого. И еще я полюбила коньяк! — пошутила она.

Но Стивен был серьезен. Он думал о своем.

— Бомануары, — вновь повторил он. — Старинный род, гордое имя. Но они сейчас потеряли былую славу и тихо живут в провинции, в Бретани. Это вырождающийся род. Частые браки между близкими родственниками, на грани кровосмешения — грех, за который неизбежно следует кара. Поэтому в роду Бомануаров так часты случаи безумства, эпилепсии, врожденных недугов. Вторая жена твоего отца была из Бомануаров, и она была безумна. Лорд Робсарт, видимо, навел справки о ней и о семье, поэтому и отказывался жениться. Но она была беременна от него, и его принудили к браку. А Николас… — Он не договорил, размышляя о чем-то. — Джулиан тоже Бомануар, но лишь

наполовину. Когда он сватался к тебе, то явно не сказал о своей бретонской родне лорду Дэвиду. Иначе твой отец никогда не дал бы согласия на эту помолвку.

Сердце Рэйчел словно подпрыгнуло в безмерно расширившейся и похолодевшей груди.

— Но лорд Джулиан приближенный короля, его друг. Он так умен, рассудителен и очень красив.

Стивен кивнул:

— Конечно. Ведь не все же Бомануары поголовно сумасшедшие. — Он вдруг вспомнил чудовище за решеткой и передернул плечами; потом встал, прошелся по галерее. — Как тихо. Словно в долине смерти… как в Иосафатовой долине.

Рэйчел почувствовала себя задетой и заметила даже более резко, чем хотела:

— Неудачное сравнение, сэр, ведь Сент-Прайори мой дом. И в нем траур.

Стивен прислушался.

— От чего это так воет собака?

Тут Рэйчел нечего было возразить, и она лишь заметила, что пес, видно, чувствует покойников в замке. Воет он, правда, уже около часа, так что сейчас она пойдет и угомонит его, раз это не удосужился сделать никто из слуг.

Но не успела она сделать и шага, как к вою присоединился женский визг. Сколько ужаса было в нем!..

Рэйчел замерла, потом повернула к Стивену побелевшее, искаженное лицо.

— Господи, помилуй…

Она пошатнулась. У нее не было больше сил выносить все это.

Гаррисон прекрасно понял ее состояние.

— Оставайся здесь!

Сам же он стремглав кинулся на шум.

Кричала Кэтти. Она стояла у двери большой кладовой и визжала, как заведенная. Стивен схватил ее, встряхнул, и тогда она занялась плачем. У их ног, скуля, крутился палево-серый спаниель. Его лапы были перепачканы кровью, целая лужа которой натекла из приоткрытой двери.

Стивен передал рыдающую в истерике девушку на руки прибежавшим слугам.

— Это опять, опять! — кричала та. — Как и леди Элизабет. Но ведь дьявола больше нет в замке? Его тело в часовне!..

Стивен заглянул в дверь, потом повернулся к слугам:

— Ребекка, голубушка, надо ее убрать. Надеюсь на вас и вашего супруга. Постарайтесь оградить свою юную хозяйку хотя бы от этого.

Служанка согласно кивнула и стала советоваться с остальными слугами. Да, на челядь Сент-Прайори можно было положиться. Они уже привыкли к трупам, хотя разве можно к этому привыкнуть?

Стивен еще раз склонился над мертвым телом: Долл, служанка. Горло перерезано острым предметом, скорее всего кинжалом. И убита она совсем недавно, тело еще не успело остыть, конечности не утратили гибкость. Маленькая, безобидная девушка. Раньше каждую смерть в Сент-Прайори связывали с ужасным монстром, живущим в руинах, но теперь его уже нет. А Долл еще утром видели живой и невредимой, правда, озабоченной и чем-то напуганной.

«Как в свое время Осия», — вспомнил Стивен.

Он вернулся в галерею. Рэйчел, как он и велел, оставалась на месте, но ей уже доложили, что случилось. Она сидела, обхватив себя руками, точно зябла, глаза ее казались непомерно расширившимися на осунувшемся лице. Рэйчел беспомощно поглядела на Стивена, и он сел рядом, привлек ее к себе.

Спустя какое-то время она заговорила:

— Это уже не может быть злодеянием Николаса…

— Я знаю, дорогая.

Он вспомнил труп несчастного Джека Мэррота — тот был просто изгрызен. Тела же Осии, леди Элизабет и Долл были изувечены ножом или кинжалом. Стивен стал догадываться, кто, кроме безумного Николаса, был ужасом Сент-Прайори. Одно имя приходило ему на ум, и он боялся произнести его вслух, чтобы не напугать девушку, ибо теперь ему и самому стало страшно.

Рэйчел вновь заговорила:

— Этой ночью Долл хотела мне что-то сообщить, но я тогда не стала ее слушать. Ведь в замке были солдаты, которые искали короля.

Стивен убрал волнистую прядь с ее щеки и спросил как можно мягче:

— Рэч, девочка моя, не вспомнишь ли ты, что именно говорила несчастная Долли?

Рэйчел чуть нахмурилась:

— Что-то о том, как она прибирала в комнате лорда Грэнтэма. И… О, Стив, я не помню. — Она сказала это почти виновато.

Он вздохнул. Лучше, если она будет озабочена тем, что не может вспомнить, чем начнет догадываться. Хотя она все равно поймет рано или поздно.

— Тебе надо отдохнуть, дорогая. Мне сказали, у тебя утром случился обморок. Ты совсем измучена, иди отдохни. Ваши слуги справятся со всем сами, для них это привычное занятие.

— Да, — тихо сказала она. Она и в самом деле была очень измучена. Когда Стивен задал ей новый вопрос, Рэйчел поглядела на него удивленно. — Не знаю ли я, куда за королем поскакала Ева? В Брайтхелмстоун. Это на побережье. Но зачем тебе?

Он уклонился от ответа и лишь проводил ее до дверей спальни.

Затем он спустился на кухню, чтобы, попросить Сабину приготовить для госпожи какой-нибудь успокаивающий, усыпляющий напиток. Рэч сейчас это просто необходимо. Там же, на кухне, он застал и Кэтти. Девушка сквозь всхлипывания говорила кухарке, что не может более оставаться в Сент-Прайори и ни за какие деньги не желает служить здесь. Увидев полковника, она умолкла.

Стивен переговорил с Сабиной, а потом подсел к девушке.

— Кэтти, ты ведь была дружна с бедняжкой Долл — да пребудет душа ее в мире. Не общалась ли ты с ней в это утро? Не говорила ли она тебе что-нибудь, что ее взволновало?

Ему пришлось выждать, пока служанка изойдет новыми потоками слез. Но оказывается, Кэтти в это время еще и соображала. Она наконец ответила сквозь нервную икоту:

— Она говорила что-то про плащ, большой дорожный плащ черного цвета с островерхим капюшоном. Он был среди вещей лорда Джулиана. А что?

Стивен не ответил. Теперь для него все прояснилось. Джулиан Грэнтэм слышал рассказы о черном призраке, и ему ничего не стоило обрядиться в монаха, если у него был плащ, схожий с сутаной. Джулиан ведь католик и хорошо знал, как вести себя, вырядившись монахом. Как он той ночью попал на галерею? Но ведь в некоторых

местах подпоры увиты плотным слоем плюща, взобраться по которому для развитого физически человека не составит труда. Особенно для человека с нездоровой психикой Бомануаров, который не побоится сорваться вниз. А вот чего боялся Джулиан? Что вынудило его пойти на такой риск, как убийство управляющего? Тут Стивен вспомнил, как бедный Патрик Линч был поражен, узнав, что Джулиан тоже из Бомануаров; он еще говорил, что ездил в Бретань и знает эту семью. Джулиан испугался, что Патрик раскроет тайну ненормальности его семьи, которую мог унаследовать и он — лорд Грэнтэм, приближенный и спутник короля. Да, именно этого он и боялся — что король узнает о нем правду.

А Осия? Мальчик, видимо, видел что-то. Он тогда как раз покинул кухню и нес собакам похлебку, мог заметить и того, кто исполнял роль черного монаха. Но он был так напуган, что никому ничего не сказал. Хотя, может, молчал он от того, что не разглядел в темноте, кто именно это был. Мальчик видел лишь высокого мужчину — не случайно и его, Стивена, Осия избегал и боялся. Несчастный маленький дикарь. Видимо, Джулиан обратил внимание, как шарахался от него ребенок, а может, тоже заметил его ночью. Сейчас Стивен вспомнил, что Осия убежал как раз перед тем, как из конюшни появился Джулиан. По сути, он уехал сразу за ребенком. Стивен сам видел это, но был так поражен тем, что узнал в спутнике Грэнтэма короля, что не обратил на это внимания. Потом на пустынной равнине Джулиан нагнал Осию… Никто тогда не заподозрил настоящего убийцу, для всех он просто отсутствовал. А Осия был убит зверски, словно убийца не мог удовлетвориться, пока не искромсал его.

Холеный отпрыск безумных Бомануаров… Так же он разделался и с леди Элизабет. Не ясно, что в поведении или в неосторожных речах пожилой леди навело его на такое решение. Он же способен был убить и барона Робсарта — никто не мешал ему взять мушкет со стены и дождаться возвращающегося лорда в роще. Стивен вспомнил, как кто-то говорил, кажется, Ева, что Джулиан прибыл под утро и сказал, что проблуждал ночь на равнине, хотя конь под ним был свежим. А потом Долл… Он убил ее, узнав, что она убирала его вещи и могла видеть плащ. Джулиан просто не мог допустить, чтобы это стало известно королю. Он убил ее быстро, ведь они уже уезжали. У него не было возможности насладиться убийством, хотя убивать ему нравилось.

Стивен содрогнулся, вспомнив, как весел был Грэнтэм во время их дуэли. И потом, когда они погнались за сумасшедшим, он выглядел странно возбужденным. Он был ловцом, настигающим жертву, вошедшим в раж. Он тогда уже готов был убить и не слышал окриков Стивена. Но безумство Джулиана спасовало перед диким безумством монстра Николаса… Тоже Бомануара.

Вернулась Сабина и сообщила, что Рэйчел заснула. Стивен кивнул, поглядел на свои руки. Они дрожали. Силы небесные — он вдруг ощутил безмерный ужас. Стивен знал, чего он боится: Ева уехала с Джулианом Грэнтэмом. С безумцем, ненавидящим ее. Неужели он… Нет, невозможно — Джулиан получил приказ от самого короля. Он предан королю и не осмелится ослушаться.

И все же… Стивен вспомнил жесткое, почти жестокое выражение на лице лорда Грэнтэма, когда он проезжал мимо, и взмолился, чтобы все его рассуждения оказались ошибочны.

Медлить Стивен больше не мог: все было слишком очевидным и опасным. Он должен убедиться, что Еве Робсарт ничего не грозит.

Бегом он пронесся по переходам замка и кинулся к конюшне. Слава Богу, Ральф слишком нерадив и не успел расседлать его коня. Стивен рывком вскочил в седло, поскакал по аллее.

Первое потрясение ждало его у ворот. Старый привратник поглядел на него с удивлением и, пожав плечами, заявил, что ни леди Ева, ни Джулиан Грэнтэм из поместья не выезжали. У Стивена замерло сердце. С трудом взяв себя в руки, он стал расспрашивать, не отходил ли куда-либо старик, не задремал ли, не мог ли их пропустить? Но привратник стоял на своем: утром из замка вынеслись солдаты, позже выехал Чарльз Трентон с сопровождающим, но более из поместья никто не выезжал. А поденщиков он сегодня не пропускал, ибо таково было распоряжение — ведь Энтони Робсарт помер и сегодня не до них.

Стивен почти не слышал ворчливой болтовни привратника. Он глядел на старые деревья парка, на заросли кустов, на галдящих галок в облегающих кронах. Почему-то ему вспомнилось, что Ева говорила, как в день смерти ее отца они разом вспорхнули и улетели. Теперь он понимал, почему: Ева могла не услышать выстрела, он прозвучал достаточно далеко и звук отнесло ветром в сторону, но чуткие птицы уловили его, он их вспугнул.

Стивен не понимал, почему он думает об этом, когда брел, пробираясь через заросли. Коня он оставил удивленному привратнику и теперь шел, путаясь ботфортами в поросли пожухлых папоротников, раздвигая кусты. Он был невероятно напряжен — сама мысль, что Джулиан и Ева еще здесь, пугала его и не оставляла надежды. Что задумал этот убийца? Куда затащил беспечную, доверившуюся ему женщину? При мысли, что он мог остановить безумца, но не сообразил это сделать, Стивену делалось дурно. Тогда он еще ни о чем не догадывался, рассказы Эзикиэла Батса только озадачили его. Потом расторжение Евой их помолвки направило его мысли совсем в другом направлении, и она осталась с тем, кто, не задумываясь, убивал. Стивен молил Бога, чтобы для Грэнтэма приказ короля оказался выше личной неприязни, но чего можно ожидать от ненормального? И еще Стивена пугало, что Джулиан и Ева не покидали Сент-Прайори. Где они? Парк огромен. Стивен с ужасом сознавал, что не надеется на благополучный исход.

В отчаянии он кричал, звал, а потом где-то в подсознании появилось воспоминание о рассказе Рэйчел, что когда-то она указала Джулиану, где находится калитка в парковой ограде. Может, они просто покинули усадьбу через нее? Но так их путь к побережью делал ненужный крюк. И все же Стивен ухватился за эту слабую надежду. Он почти бежал, врезаясь в чащобу. Обнаружить след было трудно — ночью солдаты, обшаривая парк, изрубили все кусты.

В слабой надежде, уже двигаясь вдоль стены, Стивен вновь выкрикнул имя Евы и замер, сцепил зубы, чтобы не так стучали. Он услышал ответный звук, ржание лошади. Оно показалось ему едва ли не демоническим хохотом.

Белую лошадку Евы он нашел привязанной к стволу дерева. Она фыркала, металась и не сразу подпустила его. Грива и холка ее были в крови, и этот запах возбудил лошадь.

Теперь надежды не оставалось: Джулиан решился. Все, что мог сделать Стивен, — это искать.

Он вдруг вспомнил, как был влюблен в Еву, какой она была дерзкой, смешливой, самоуверенной, какой удивительно красивой, и прижал руку к сердцу. Сначала Робсарт, потом Ева. Он был привязан к ним обоим, и это чудовище убило их. Стивен ощутил, как его опалила ненависть и злость на себя самого. Он так долго был слеп! Странное

поведение обитателей замка, таинственность этого места отвлекали его от соображений, что убийца мог оказаться и пришлым. Если интуитивно он порой и чувствовал беспокойство рядом с Джулианом, то приписывал это ревности. Ибо так и не понял, когда же полюбил Рэйчел, когда его стало задевать ее внимание к лорду Грэнтэму. Теперь Рэйчел осталась совсем одна из проклятого рода Робсартов. Седьмое колено… Ее он не отдаст никому. Он спасет ее. Но не Еву…

Когда Стивен увидел на желтых листьях шиповника кровь, он уже был готов к этому. Медленно раздвинув ветки кустарника, он смотрел. К горлу подкатила тошнота. Видимо, ненависть Джулиана не знала удержу. Кровь на алой амазонке Евы не была столь заметной, но от этого картина была не менее ужасающей: выпотрошенное тело, изрезанные, нелепо изогнутые ноги, на месте горла — дыра. Лица не было совсем — одно месиво, буро-алое, сквозь которое виднелся жуткий оскал зубов. Потоки крови сгустками застыли в волосах. Золотистое руно дивных волос Евы… Волосы казались неестественно живыми, шевелились под порывами ветра.

Стивен отшатнулся, несколько минут его мучительно рвало. Он чувствовал себя слабым, отупевшим. Потом потекли обрывочные мысли, что Джулиан и Николас, по сути, одно и то же — родственники, потрошители, монстры, гнилая кровь вымирающего рода. И еще он подумал, что Рэйчел не следует знать, какой он нашел сестру.

Он медленно пошел к замку.

Его окружили слуги, которые слышали его крики в парке. Они недоумевали, почему он не уехал, но тут же испуганно умолкли: на полковнике лица не было.

Кто-то дал ему выпить. Коньяк согрел внутренности, дал силы взять себя в руки; мысли стали более конкретными. Стивен спросил о Рэйчел. Она отдыхает, ей дали успокоительной настойки, и она проспит долго. Это хорошо, ей не стоит видеть сестру такой. Когда он стал рассказывать, лица слуг исказились ужасом. Стивен говорил монотонно и властно: всех надо похоронить как можно скорее, до тою, как проснется Рэйчел.

Слуги закивали, стали суетиться. Стивен не заметил, когда приобрел такую власть над ними. Казалось, еще недавно они считали его чужаком. Теперь он стал их господином, и ему подчинялись

беспрекословно. Но сейчас сознание этого не трогало душу полковника. Он оставил их и пошел к воротам. Несмотря на потрясение, на эту безумную ночь и переживания, Стивен не чувствовал себя усталым, наоборот, он ощущал в себе силы десятерых. Их давали ему ненависть и желание отомстить.

Вскочив в седло, он повторял только одно слово:

— Брайтхелмстоун!

Он знал, где ему искать Грэнтэма, и гнал коня, не жалея. Стивен боялся лишь одного — опоздать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Городок Брайтхелмстоун представлял собой одну длинную, мощенную булыжником улицу, вдоль которой в ряд выстроились домики из серого известняка, с крытыми дранкой крышами и высокими каменными трубами. В одном конце улицы, на холме, стояла старинная церквушка. Пологий спуск уводил к морю, где сохли под неприветливым осенним ветром утлые лодки; на колышках сушились растянутые сети.

Карл вместе с Робертом Сваном прибыли в Брайтхелмстоун под вечер. Погода была ветреная, сквозь сизые тучи просвечивались багряные полосы заката. Слышались заунывные крики чаек, шумело море, и повсюду разносился запах соли и трески, которыми словно было пропитано все побережье.

Путники остановились у единственной гостиницы в городе. Лошади были утомлены, всадники тоже. Он долгой езды под холодным ветром ноги путешественников так заледенели, что они с трудом смогли выпростать их из стремян и заставить принять груз усталого тела. Однако настроение у обоих было приподнятое, путь прошел без задержек и неприятностей, посты они миновали благополучно, и теперь путешествие близилось к завершению.

На крыльце гостиницы появился хозяин. Он кликнул служку, и пока тот отводил коней постояльцев, Сван осведомился, Не ожидают ли их, и назвал вымышленное имя лорда Уилмота. Хозяин с готовностью закивал и впустил гостей. На шедшего вторым короля он поглядел с некоторым недоумением и даже забыл об обычной для трактирщиков болтливости.

После долгой дороги приятно было оказаться в уютной комнате с растопленным камином, вдохнуть запах готовящихся кушаний, а главное — обнять старого друга.

Полнеющий, холеный господин, лорд Уилмот даже прослезился, глядя на короля. Все время он порывался опуститься на колени и поцеловать руку Его Величества, но Карл удержал его.

— Бог с вами, милорд. Неужели радость нашей встречи должна удерживаться рамками этикета? Сейчас не время и не место для, этого.

Уилмот продолжал с нежностью глядеть на молодого короля. Он нашел, что тот сильно похудел, в глазах появился незнакомый стальной блеск, резче обозначились морщины у рта. Однако одет он был ухоженно, чисто вымыт, от него даже пахло дорогим мылом. Этот лоск не изгладился даже после столь долгой и утомительной дороги; видимо, за королем хорошо ухаживали. Уилмот хотел расспросить о многом, но осмелился поинтересоваться лишь лордом Грэнтэмом, сказав, что ожидал увидеть их вместе.

— Джулиану пришлось задержаться. Однако вскоре он будет здесь.

Более Карл ничего не прибавил, а Уилмот не расспрашивал. Опытный царедворец, он знал, что ему следует не задавать вопросы, а отвечать. И пока Карл сидел, развалясь в кресле, вытянув ноги к огню, Уилмот почтительно стоял перед ним и докладывал последние новости.

Судно, на котором королю предстоит покинуть Англию, торговый бриг «Сюрприз», сейчас находится в устье реки Адур со всей командой и капитаном Татерсеном. С ним же остались и устроивший этот отъезд джентльмен, некий полковник Гоунтер и негоциант Фрэнсис Мансел. Обоих Уилмот отрекомендовал как преданных короне людей, которым известно, кем являются беглецы. А вот капитана Татерсена он решил пока не ставить в известность, однако у него рекомендации одного из лучших мореходов на южном побережье. Сейчас он с вышеупомянутыми джентльменами следит за погрузкой корабля, но вскоре они подойдут, и тогда, если будет благоприятный ветер, бриг немедленно тронется в путь.

— Но не ранее, чем приедет лорд Грэнтэм, — заметил король. О Еве Робсарт он по-прежнему умалчивал. Сейчас, возможно, из-за церемонной обходительности лорда Уилмота и его слуги Свана, Карл словно вновь входил в образ монарха. «Мистер Трентон» исчезал в нем, а с ним отходило в прошлое и все, что он пережил в Сент-Прайори. Карла ждала другая жизнь, иные дела и заботы, и он пару раз спрашивал себя, правильно ли поступил, поддавшись душевному порыву взять с собой леди Еву Робсарт. Тем не менее он не отказывался от принятого решения — поступить так с Евой после всего происшедшего было бы слишком жестоко. Поэтому, узнав у Уилмота, в каких условиях будет проходить путешествие, и поняв, что

ни на какой комфорт рассчитывать, увы, не приходится, он отметил про себя, что для женщины проделать такой переезд будет весьма нелегкой задачей. Он ждал ее; разум говорил, что Ева будет обузой, а сердце невольно трепетало при мысли о близкой встрече. Черт! Он уже успел соскучиться по своей золотистой лисичке. Выходит, он и впрямь влюблен?

Воистину, романтик и циник вели борьбу в душе короля. И ни один не одерживал верх.

— Ваше Величество что-то тревожит? — заволновался Уилмот, заметив, как по лицу короля пробегают тени. Тот поглядел несколько угрюмо:

— Разве в нашем положении это удивительно?

Уилмот счел, что не угодил королю, и стал уверять, что все детали продуманы до мелочей и с Божьей помощью…

Королю стало жаль толстяка. Он улыбнулся ему как можно мягче.

— Все в порядке, старина. Я просто устал и зверски хочу есть.

Словно вспомнив о чем-то, он протянул Уилмоту узелок с пирогами.

— Пусть Сван отнесет это на кухню. Здесь просто божественная стряпня. Из-за скачки мы не имели возможности перекусить, однако, если их подогреют, вы поймете, что нам с Джулианом жилось совсем неплохо в доме Робсарта.

Уилмот повиновался, хотя счел слова Карла намеком на собственную нерасторопность, и вновь стал оправдываться и объяснять. Странную он представлял смесь — угодливости и достойных манер. Но Карл после Вустера слишком привык к вольному обращению, поэтому остановил его, стал спрашивать о последних новостях, о родне. Он ведь так давно не имел от них никаких известий. Карлу было приятно услышать, что его мать Генриетта-Мария вместе с сестрой, тоже Генриеттой, тихо живет в монастыре Шайо во Франции. Менее радостным было сообщение, что его младших брата и сестру, Элизабет и Генри, отвезли на остров Уайт в замок Кэрисбрук, где ранее в заключении держали его отца Карла I, прежде чем отвезти в Лондон на суд. Замок очень стар и неуютен, заметил Уилмот, и это совсем не место для детей, особенно для принцессы Элизабет. У принцессы слабое здоровье, и пребывание на острове может ей существенно повредить. Хотя английские аристократы, оставшиеся

под властью Кромвеля, и ходатайствовали, чтобы детей перевезли в другое, более пригодное для жилья место, лорд-протектор отказал. Он считает, что принцессу и принца могут похитить, а на острове они надежно защищены.

Карл несколько приуныл, но следующая весть вновь подняла ему настроение. Его другая сестра, Мария, жена принца Оранского, произвела на свет сына, нареченного Вильгельмом. Это была воистину хорошая новость. Как, наверное, радуется его мать: ведь этот ребенок означает продолжение рода Стюартов. Правда, не в Англии. Король невольно сник, вспомнив предсказание колдуньи Мэг, что даже если он добьется трона, то не оставит после себя наследника, если не примет судьбу, которую он уже встретил. Карл невольно поглядел в окно, словно ожидая услышать цокот подков. Скорей бы! Он почему-то начинал волноваться.

Уилмот меж тем продолжал доклад. Карл удивленно поднял брови:

— Что, мой друг, этот беспечный повеса Бэкингем женился? На дочери Ферфакса?

У Уилмота вытянулось лицо.

— Да, сир, Джордж Виллерс может очаровать любую женщину, даже дочь врага. Говорят, он похитил ее прямо из-под венца, ибо Мэри Ферфакс была невестой графа Честерфилда, и имена жениха и невесты уже были оглашены в церкви, когда пришло известие, что она бежала с Бэкинге-мом.

Карл засмеялся:

— Узнаю старину Джорджа. Он всегда стремился поступать вопреки всему и вся.

— И тем не менее это был грубый ход, — заметил Уилмот. — Теперь его зятем стал сам Ферфакс, а он — сторонник Кромвеля. По сути, действия Бэкингема можно считать изменой. Он оправдывается лишь тем, что любит леди Мэри.

— Разве это плохо? — рассмеялся король. Уилмот развел руками:

— Мы живем в слишком суровом мире. И то, что Бэкингем женился на дочери генерала «круглоголовых»… Правда, его невеста — единственная дочь Ферфакса и очень богатая наследница…

— А в любовь ты не веришь? — насмехался король.

Уилмот замялся, а потом огорошил Карла еще одной новостью, которую приберегал, видимо, напоследок. Карл с удивлением выслушал, как его юный брат Джеймс тайно обвенчался с дочерью канцлера короля Анной Хайд. Разразился неслыханный скандал, ведь леди Анна — никто, а Джеймс — принц крови. Отец Анны, Эдуард Хайд, в ужасе, и первый стал настаивать на расторжении брака, но тогда молодые люди начали уверять, что венчания, как такового, не было. Им не верят и понимают, что подобными уловками принц и Анна только хотят отвлечь от себя внимание, поэтому нужно, чтобы Карл со всем разобрался. Лорд Уилмот не понимал, что так веселит Карла.

— Похоже, в моде браки по любви, — смеялся Карл, а потом вдруг стал серьезен и в упор поглядел на лорда. — Генри, скоро сюда прибудет Джулиан. Но не один, а с красивой молодой леди. И она поедет со мной во Францию.

Уилмот даже замахал руками:

— Ради всего святого, сир! Только не говорите, что и вы связаны узами брака.

— Разве это было бы столь ужасно? Леди Ева Робсарт…

— Господи, помилуй! — так и подскочил Уилмот. — Дочь республиканца! Сир, я умоляю вас! Я-то было подумал о пуританке Джейн Лейн, с которой вы ехали…

— Я очень благодарен леди Джейн Лейн, но она для меня уже прошлое. А Ева Робсарт…

— У нее дурная репутация, — сухо заметил Уилмот. — И самым лучшим будет, если вы станете говорить о ней, как и о Джейн Лейн — в прошлом. Если же вы совершили непоправимое… Сир, вы король. Если станет известно, что вы, как и ваш брат Джеймс, сошлись с неровней — имя Стюартов будет окончательно опорочено.

Карл поглядел на Уилмота и поразил его, будто молнией, взглядом своих черных глаз.

— Вы забываетесь, милорд!

— Нет, Ваше Величество. Я говорю так только потому, что отдаю себе отчет в каждом произнесенном слове. Я осмеливаюсь напомнить вам о вашем высоком долге, о том, что вы являете собой для таких, как я. Вы — наша надежда на воцарение законной власти в Англии, на отмщение за пролитую ради Стюартов кровь, на наше возвращение на

родину, наконец. Поэтому я говорю — вспомните о погибших на поле боя под Вустером и после того кровавого дня на эшафоте, на виселицах… и об остальных, томящихся в тюрьмах или рассеянных по свету, бежавших и разоренных из-за верности Вашему Величеству. Они пожертвовали всем ради вас и династии Стюартов не для того, чтобы вы опорочили себя неравным браком.

— Да не было никакого брака! — резко поднялся Карл и заходил из угла в угол.

Уилмот отступил:

— Тогда от всего сердца скажу — слава Богу, я ошибся. И только потому, что вы стали говорить о Еве Робсарт сразу после моих слов про женитьбу Бэкингема и недостойную связь вашего брата.

Карл остановился у окна и сложил руки за спиной:

— Вы сейчас говорили, Генри, совсем как Джулиан. Все это время он, словно тень, стоял меж мной и леди Евой.

— Тогда, сир, я искренне рад, что приставил к вам именно лорда Грэнтэма.

Король молчал. Постепенно он расслабился и даже перестал нервно сжимать заложенные за спину руки. Тогда Уилмот вновь осмелился привлечь его внимание и заговорил о делах, какие ждут короля на континенте. Что во Франции мятеж Фронды уже пошел на убыль, и теперь они могут вести с королевой-регентшей Анной Австрийской и ее министром Мазарини более конкретные переговоры о помощи. К тому же кузина короля Людовика XIV, с которой хочет обручить Карла Генриетта-Мария, сейчас в немилости при дворе, так как примкнула к враждебной королю партии и даже велела стрелять из пушек со стен Бастилии по Парижу. Она по-прежнему самая богатая невеста Европы, и теперь, когда двор отвернулся от нее, может более милостиво отнестись к сватовству Карла Стюарта. Если этот план увенчается успехом, у Карла появится прекрасная возможность организовать новую кампанию против Кромвеля.

Однако положение может осложниться. Ходят слухи, что Франция собирается начать военные действия с Испанией, а так как сейчас у Кромвеля прекрасная армия и флот, то, похоже, Мазарини пойдет на союз с Нолом — порази гром его красный нос! Тогда Карл не получит помощи от своей родни во Франции и придется начать переговоры с извечными врагами англичан — испанцами. В любом случае, Карлу

надо поспешить в Кельн, где сейчас обитает его двор со всеми примкнувшими к Стюарту сторонниками и где сейчас находится — заметил между прочим Уилмот — и любовница короля Люси Барлоу с его сыном Джемми.

Последнее обстоятельство Карл словно бы пропустил мимо ушей. Уилмот остался доволен. Ему удалось отвлечь короля от личных чувств; дела в Европе, международные события пробудили Карла, он вновь стал королем, главой подданных. Его четкие конкретные вопросы, понимание дел, острота суждений — все указывало, что перед Уилмотом его прежний повелитель, король Англии, Шотландии и Ирландии Карл II Стюарт. Даже манеры его изменились, и сквозь напускную пуританскую простоту вновь проступило величие монаршей особы.

Поэтому, когда за окном раздался топот копыт, Карл даже поморщился.

— Это они, — сказал он, имея в виду Джулиана с Евой и понимая, что ему теперь не до личных переживаний.

Однако оказалось, что прибыли капитан Татерсен с полковником Гоунтером и Фрэнсис Мансел. Подошло время ужина, и Карл вновь надел маску скромного пуританина, в основном из-за капитана, не посвященного в суть дела. К тому же Татерсен во время трапезы как-то странно поглядывал на «мистера Уильяма Джексона» — очередное вымышленное имя, под которым Карл должен был покинуть Англию. Татерсен сообщил не очень утешительные вести: он опасался, что этой ночью они не смогут отплыть, пока ветер не переменится, ибо сейчас час отлива; капитан для большей безопасности оставил «Сюрприз» в устье Адура, но вода отхлынула, и корабль лежит на мели. Ближе к рассвету они поднимутся на корабль и лишь утром смогут отчалить.

Выбирать не приходилось. Карл первый заметил это и, как пуританин, стал ссылаться на волю провидения. Затем он перевел разговор на кушанья и порекомендовал присутствующим отведать пирожков из Сент-Прайори. Он всячески старался поддерживать непринужденную атмосферу, Уилмот вторил ему. Но его слуга Сван, прислуживая им за столом, помимо воли, оказывал особые почести королю, и лишь порой сердитый взгляд Уилмота ставил его на место, и он уделял внимание и другим гостям. Негоциант и полковник Гоунтер, зная, с кем делят трапезу, держались сдержанно. Что до капитана

Татерсена, то он ел молча и лишь порой исподлобья поглядывал на короля. Когда в комнату входил хозяин гостиницы Смит, он опускал глаза, но лишь за тем закрывалась дверь, как он вновь устремлял на Карла изучающие пристальные взгляды. Наконец он отбросил салфетку и сказал, что он не такой глупец, каким, видно, сочли его присутствующие, сумел разглядеть под простой одеждой своего пассажира высокое достоинство и понял, кем может быть смуглый джентльмен, которого следует тайно перевезти во Францию.

На миг возникла пауза. Потом Уилмот как-то неестественно засмеялся и пожелал милости небес для всех смуглых высоких мужчин в Англии, а полковник Гоунтер положил руку на рукоять пистолета. Карл молчал. Лишь Фрэнсис Мансел, поняв, что таиться бесполезно, спросил капитана, что тот намерен предпринять.

— Ничего, — спокойно ответил капитан и, откусив пирожок, сказал, что он и впрямь превосходен — чудесная начинка, да и тесто выдержано в меру. Потом извинился перед королем за свои простецкие манеры и пояснил, что ему слишком хорошо заплатили, чтобы он отказывался от подобной сделки. Пока все переводили дыхание, он принялся пояснять, что с позволения пассажиров они поначалу будут плыть вдоль побережья к острову Уайт, а затем лягут на другой курс.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась и в комнату ворвался Джулиан Грэнтэм, таща за шиворот перепуганного хозяина гостиницы.

Из-за напряженной ситуации никто не заметил, когда подъехал Грэнтэм, и теперь все удивленно глядели на разгневанного Джулиана и перепуганного хозяина.

— Этот негодяй подслушивал! — кричал Джулиан. — Клянусь громом и молнией, я застал его склоненным у замочной скважины.

Уилмоту пришлось приложить усилия, чтобы утихомирить Джулиана и расспросить хозяина, который так и кинулся к королю.

— Я не хотел ничего дурного, — почти плакал тот. — Я ведь одно время был слугой у его величества Карла I — да пребудет душа его в мире — и сразу узнал в смуглом высоком джентльмене бывшего принца Уэльского. Только робость вынудила меня держаться в стороне. — Он добавил, заметив, что Карл улыбается: — Теперь, когда вы гостили под моим кровом, мне остается только ожидать, что я стану

лордом, а моя жена — леди. — Опустившись на одно колено, он облобызал руку королю.

Тут уж Карл расхохотался:

— Клянусь памятью предков, моя смуглая некрасивая физиономия знакома в Англии каждому встречному-поперечному. Но если уж узнавшие меня англичане относятся ко мне, как сейчас славный трактирщик, то — видит Бог! — я родился не для того, чтобы сложить свою голову на плахе.

Обстановка постепенно развеялась. Карлу удалось скрыть, какой испуг он пережил, убедившись, сколь часто его узнают. Было бы ужасно, если бы его предали сейчас, когда спасение кажется уже так близко. Он повернулся к Джулиану и пригласил его к столу, заметив, что лорд Грэнтэм должен обязательно отведать копченой грудинки — столь же нежной и мягкой, как девичья грудь. При этом он словно что-то вспомнил и удивленно поглядел на Джулиана. Тот скинул плащ, придвинул стул к столу и сел. Он держался спокойно, и Карл был в совершенном недоумении. Несколько раз он выжидательно поглядывал на дверь, словно ожидая, что она вот-вот откроется и войдет Ева Робсарт; но ничего подобного не происходило. Джулиан не спеша ел, и Карл начал терять терпение. В конце концов он встал и под предлогом, что ему нужно отдохнуть, вышел из комнаты, якобы направляясь в спальню, но на деле, чтобы посмотреть, где прихорашивается или отдыхает после долгого пути Ева.

Хозяин глядел на короля умиленными глазами, но на его расспросы лишь пожал плечами. Нет, он ничего не знает ни о какой леди, последний прибывший джентльмен приехал один. Карл не выдержал и велел позвать к себе Грэнтэма.

Когда Джулиан вошел, король резко спросил, не запамятовал ли лорд о его приказе привезти с собой миледи Еву?

Джулиан был бледен, повязка на его голове истрепалась. Выглядел он усталым и каким-то поникшим.

— Я ничего не забыл, сир. И своего долга перед вами также. Поэтому я приложил все усилия, чтобы отговорить леди Еву от этой поездки. У нас с ней была долгая и не совсем приятная беседа. Но все же мне удалось убедить эту даму, что, пока вы не в безопасности, пока не покинули Англию, она будет для вас лишь обузой. К тому же для женщины вытерпеть подобную скачку весьма нелегко. Я объяснил

леди Еве, что для нее лучше, если она примкнет к Вашему Величеству, когда вы окажетесь уже в безопасности, за морем. Тогда она, возможно, приедет к вам. Если пожелает и решится — когда я уезжал, в Сент-Прайори прибыл полковник Гаррисон, и она осталась с ним.

Карл устало провел рукой по небритой щеке. Что ж, Ева вполне могла сообразить, что положение супруги помощника шерифа в Хемпшире для нее надежнее и безопаснее, чем сомнительное счастье быть одной из любовниц короля-скитальца. И все же, когда он вспомнил, как она умоляла его не оставлять ее… ему стало грустно. Хотя, может, Джулиан и в самом деле убедил ее. Он обладал известным красноречием, когда считал это необходимым или его вынуждало к этому чувство долга. Причин не доверять лорду Грэнтэму Карл не видел, он знал, что Джулиан совсем не умеет притворяться, и убедился в этом во время их одиссеи, когда он куда лучше своего спутника мог изображать «круглоголового». И еще он подумал, что, наверное, оно и к лучшему, ибо теперь у него не будет болеть душа, что он сломал жизнь Евы. Не возникнет чувства вины перед ней, когда ему придется оставлять ее ради более важных дел, и не придется давать пояснения своим сторонникам, какие отношения связывают его с дочерью парламентария Робсарта.

— Ты свободен, Джулиан, — устало произнес король. — Я оторвал тебя от стола, а тебе следует подкрепиться после дороги.

— А вам, сир, просто необходимо отдохнуть. Вы все увидите в ином свете, когда поспите.

Карл вяло улыбнулся. Он не мог побороть невольную грусть.

— Тебе тоже следует отдохнуть, Грэнтэм. У тебя утомленный вид. И… О, что это? У тебя на манжете кровь!

Джулиан нервно стал заворачивать под черный бархат рукава кружево, покрытое бурыми пятнами.

— Это ничего, сир… Просто в дороге у меня открылась рана… в плече, оставшаяся после поединка с Гаррисоном. Я как-то не обращая на нее внимания, но она вдруг стала сильно кровоточить. Пришлось даже сделать остановку в Хембодоне и перевязать себя. А так как я неумелый лекарь… Вот, испачкался. Простите мою неряшливость.

Король почти подсознательно ощутил неприятное волнение, но был слишком утомлен, чтобы о чем-то думать, и лишь вяло махнул рукой.

— Пустое, Грэнтэм. Можешь идти.

Когда Джулиан вышел, Карл устало опустился на кровать. Он чувствовал себя совсем разбитым и расстроенным. Хотя к чему огорчаться? Все вышло совсем неплохо. Так он, по крайней мере, считал сейчас. У него не было бы сил сейчас заниматься еще и Евой: бессонная ночь, нервное напряжение, а потом и изнурительная скачка по враждебной территории совсем доконали его. Не думая ни о чем, зная, что впереди у него есть несколько часов для сна, он, не раздеваясь, растянулся на кровати и тотчас погрузился в сон.

В два часа ночи лорд Уилмот расплатился с хозяином гостиницы за комнаты, ужин и стал собираться в дорогу. Он вызвал к себе Грэнтэма и сообщил, что они с полковником Гоунтером и капитаном Татерсеном выедут немедленно, а Фрэнсис Мансел вернется в Саутгемптон. Грэнтэм пока останется в гостинице с Его Величеством. Так, небольшими группами, они меньше привлекут к себе внимание. Кроме того, он должен еще до прибытия короля убедиться, что больше ничего не помешает отплытию, да и за не в меру догадливым капитаном стоит присмотреть внимательнее. Джулиан с королем присоединятся к ним позже. Двигаться им предстоит на запад вдоль побережья, где нет проезжих дорог и местность, в общем-то, пустынна.

— Вот, я опять доверяю вам нашего короля, — улыбнулся Уилмот. — Но, как показало время, с вами Его Величество находится в наибольшей безопасности.

Он пожал на прощанье Грэнтэму руку. Лицо того оставалось бесстрастным; он учтиво поклонился.

«Странный он все-таки человек, — думал, отъезжая, лорд Уилмот. — Сухой, замкнутый. Есть в нем даже нечто неприятное, даром что красив, как Адонис. Но положиться на него можно. Этот на все пойдет во имя долга».

В положенное время Джулиан разбудил короля. После отдыха тот выглядел лучше — кратковременный крепкий сон придал ему сил: Их лошадей подвели к задним дверям гостиницы, и заспанный хозяин смог еще раз приложиться к руке Его Величества, уверяя, что целует самую благородную руку Англии.

Ветер уже стих. Луна светила достаточно ярко, и они хорошо видели дорогу, пролегавшую вдоль самого берега моря. Король с

наслаждением втянул прохладный, солоноватый воздух — запах надежды, запах свободы. Настроение у Его Величества было приподнятое.

Они быстро проскакали пару миль, отделявших Брайтхелмстоун от Саутвика. Берег делал изгиб; на холме над морем были видны строения деревни. Где-то одиноко лаяла собака.

Джулиан указал на развалины ветряной мельницы в стороне.

— Сюда, сир, здесь мы оставим лошадей. Далее пойдем пешком. Прилив еще не затопил русло реки, и мы сможем беспрепятственно добраться до корабля.

И все же, когда они спустились с холма и, пробравшись сквозь заросли камыша, вышли в русло, под ногами стал расходиться ил, захлюпала вода.

— Начинается Прилив, — спокойно заметил король.

У них было достаточно времени, чтобы успеть обогнуть холм и выйти к пристани, где их должен был ожидать «Сюрприз». Идти предстояло не менее мили; в этот момент Джулиан предостерегающе схватил короля за руку.

— Слышите!

Карл замер. А затем за шорохом сухого камыша и сквозь крик совы он явственно различил топот копыт. Кто-то галопом несся по дороге, по которой они приехали.

— Одинокий всадник, — заметил король. — Но лучше не связываться. Укроемся среди камыша.

Джулиан последовал его совету, однако выхватил пистолет и взвел курок. Они замерли.

Топот все приближался, а потом замер где-то рядом. По-видимому, всадник остановил коня на обрывчике, как раз недалеко от них. Они даже смогли различить во тьме его силуэт. Слышно было, как всхрапывает его конь и позвякивают удила.

В этот миг показалась луна, осветив преследователя, и они оба узнали его.

— Гаррисон! — вырвалось у короля удивленное восклицание.

В тот же миг краем глаза он заметил, как Грэнтэм вскинул пистолет. Лорд был меткий стрелок, и он бы не промахнулся, если бы король тотчас не ударил его по руке. От неожиданности удар оказался

сильнее и оружие, выбитое из рук Грэнтэма, описав дугу, отлетело в камыши.

— Черт бы тебя побрал, Грэнтэм! — выругался Карл. — Это же Стивен Гаррисон, наш друг. И если он нагнал нас, значит, у него есть на то причины.

— Но он же «круглоголовый», изменник! — воскликнул Джулиан. — Он не должен знать… Сир, ради Бога, стойте здесь! — Он резко выхватил шпагу и пошел в сторону спешившегося полковника. Тот уже заметил их.

Карл ничего не понимал. Или Джулиан забыл, чем они обязаны Стивену? Ни о каком предательстве здесь и речи быть не может. Где обычная рассудительность Джулиана? Что-то явно случилось, и Карл не собирался стоять в стороне. Он двинулся вслед за Джулианом.

Тот вдруг ускорил шаги и почти кинулся со шпагой на Стивена. Полковник еле успел выхватить оружие и отбить выпад.

— Стойте! — крикнул король. — Остановитесь немедленно! Я приказываю!

Он кинулся меж ними, хватаясь за скрещенные шпаги.

— Вы оба с ума сошли! Или у вас нет других дел, как начинать вновь сводить счеты?

— Этот человек — изменник! — выкрикнул Джулиан. — Он выследил нас — как иначе он оказался бы здесь? Не удивлюсь, если сейчас здесь появятся ищейки Кромвеля, которым он уже продал Ваше Величество.

— Успокойтесь, сир, — опуская шпагу, обратился к королю Гаррисон. — Я приехал один, и лорд Грэнтэм это знает. Он понимает, что побудило меня выехать за ним в дорогу, нестись сломя голову в Брайтхелмстоун, а оттуда, по вашим следам — сюда.

— Не слушайте его, сир! — горячился Джулиан. — Он хочет выиграть время! Нам надо спешить, нас ждут!…

— Подождут! — резко произнес Карл и повернулся к Стивену. — Я готов выслушать ваши объяснения.

— Тогда отойдите от этого человека, Ваше Величество, — держа шпагу на изготовку, молвил Гаррисон, — ибо вам опасно находиться с ним. Он ненормален. И он преступник.

— Что? — только и смог вымолвить Карл.

Джулиан расхохотался. Нервно и непривычно громко для него; а затем резко умолк, тяжело дыша и глядя на короля.

— Идемте, сир. Прилив приближается, и нас ждут!

— Но не ранее, чем король узнает, что вы убили Еву Робсарт! — резко бросил Стивен.

Все трое умолкли, глядя друг на друга. Под ногами тихо журчала вода, возвращающаяся со стороны моря.

Наконец король с видимым усилием спросил, не ослышался ли он, и поглядел на Джулиана. Тот вдруг стал удивительно спокоен, пожал плечами и даже опустил шпагу.

— Это какой-то абсурд. Я расстался в парке Сент-Прайори с леди Евой после того, как мы переговорили и…

— После того, как вы убили ее! — жестко произнес Стивен. — Она исчезла, и привратник не видел, как вы выезжали, а через час я нашел истерзанное тело леди Евы в зарослях парка. Она была убита, ее тело изуродовали с немыслимой, ненормальной жестокостью. И убили ее именно вы, потому что вы ненавидели ее! И потому, что вы — Бомануар!

— При чем здесь мои французские родственники? Что вы несете! Я уехал и…

Его слова были прерваны громким, исполненным муки стоном. Король стоял, закрыв ладонями лицо, и сгорбился, тихо всхлипывая. Прошло несколько долгих, томительных минут, прежде чем он смог взять себя в руки. Карл поднял лицо к небу, к холодной равнодушной луне и слабо произнес:

— Ева…

Он резко повернулся к Грэнтэму:

— Джулиан, вы… чудовище!

— Вы не смеете меня подозревать! — вскрикнул тот. — Как вы можете верить этому! Говорю вам… Черт побери! В Сент-Прайори ведь постоянно кого-то убивают.

— И убивали их вы! — прервал его Стивен. — Вы были убийцей и ужасом Сент-Прайори. Вы ненормальный!

Джулиан что-то хотел сказать, но лишь, задыхаясь, рванул себя за ворот.

— Пес! «Круглоголовый»! Ты не смеешь!..

— Молчите, Джулиан, — спокойно и властно прервал его король. — Если вы невиновны… — Он вновь застонал, прижал руку к сердцу и закончил, словно с трудом: — Если вы не виновны, у вас будет возможность оправдаться. А сейчас я хочу выслушать мистера Гаррисона.

Джулиан, поняв, что у него еще есть надежда, постарался овладеть ситуацией и вновь заметил, что вода прибывает и им надо поспешить. Король в упор поглядел на него.

— Я должен знать, с кем отправляюсь в изгнание. Говорите, Гаррисон!

И тогда Стивен заговорил. Он старался сдержать клокочущую ярость и выражаться как можно спокойнее и понятнее. Полковник заговорил о дурной наследственности Бомануаров, приведя в пример Николаса и два-три примера ненормальности представителей этого рода, о каких узнал от мирового судьи. Затем он припомнил, как Джулиан, опасаясь, что Патрик Линч может раскрыть «мистеру Трентону» тайну рода Бомануаров, решил, что ему следует избавиться от старика. Король едва заметно кивнул. У него была хорошая память, и сейчас он отчетливо вспомнил, как был взволнован управляющий, когда Джулиан признался, что он из Бомануаров; старик даже выронил поднос. А Джулиан начал волноваться, когда Патрик сказал, что был в Бретани и знает, каковы Бомануары. Управляющий тогда поглядел на Карла словно бы с жалостью, но молчал, видимо, полагая, что не все члены этого семейства ненормальные. Он и в самом деле мог поведать Карлу о том, что знал, если бы не погиб той же ночью.

Король еще раз кивнул, когда Стивен упомянул, как служанка обнаружила среди вещей Джулиана широкий черный плащ с капюшоном. Да, он сам помнил, этот плащ был у его спутника; не совсем монашеский, хотя при желании его можно было приспособить под рясу. Тогда он уже настолько привык доверять Джулиану, что и не вспомнил об этом, а вот служанка Долл что-то заподозрила. Джулиан сразу сообразил, что, если кто-то найдет плащ, подозрение может пасть и на него; поэтому, зная, что они уезжают, Джулиан убил и Долл. Пусть оставшиеся считают, что смерти в проклятом замке продолжаются. Они-то ведь будут уже далеко!

Карл судорожно глотнул сырой воздух и почувствовал, что дрожит.

— Ты ведь где-то пропадал этим утром, Грэнтэм, — повернулся он к темному силуэту лорда в нескольких шагах от него. Лица Джулиана нельзя было разглядеть во мраке под полями шляпы. — Потом ты пришел и сказал, что не знаешь, где твои вещи — ты ведь не спрашивал Долл об этом, когда убивал. А потом ты прятал за спиной руки, которые были в крови.

— О, сир, выслушайте…

Но Карл уже повернулся к Стивену.

— Продолжайте, мистер Гаррисон.

Удивительно, как спокойно звучал голос полковника. Он просто рассказывал, как заметил, что Осия боится кого-то, но не понял, кого, лишь догадался, что мальчик что-то заметил. А Джулиан все понял сразу, догнал ребенка на пустоши и убил. Убил зверски, потому что уже не мог остановиться, ибо был не в себе.

— Я помню, — вдруг тихо произнес король и взглянул на Джулиана. — Помню, как вы, сэр, убили доносчика в Солсбери. Вы кололи и кололи его, уже мертвого, и мне с трудом удалось оттащить вас.

Грэнтэм хмыкнул и вдруг громко расхохотался, откидывая голову. Он оступился среди потока доходившей уже до щиколоток воды и едва устоял на ногах; с него даже слетела шляпа, но он словно не заметил этого. Джулиан смотрел поочередно то на короля, то на Стивена и улыбался. Потом улыбка соскользнула с его лица, подобно ящерице с камня.

— Черт побери, да вы уже готовы поверить, сир, наветам этого… «круглоголового».

— Я ему верю, — спокойно и печально произнес Карл.

— Что ж, тогда пусть полковник объяснит и далее. Пусть расскажет, как я убил Джека Мэррота, ведь это следующее по счету убийство в Сент-Прайори. Однако, черт побери, меня тогда и близко не было в тех краях. Я находился совсем в другом месте, немало людей могут подтвердить это. Я вернулся лишь к вечеру того дня, когда мы с вами обнаружили его труп. Выходит, и Джека я убил, вырядившись призраком? Вы, мистер «круглоголовый», который знает все, не объясните ли это?

— Я допускаю, — спокойно отвечал Стивен, — что Джек Мэррот не ваших рук дело. Он вполне мог быть жертвой безумного Николаса.

Ведь охранник Томас был пьян в ту ночь…

— Да ну? — иронично покачал головой Джулиан. — Как все просто объяснить! Но, уж если дошло до этого, и я раскрою вам кое-что. Я ведь тоже интересовался этим делом, ибо заботился о безопасности Его Величества. Расспросив прислугу, я узнал, кто подсунул охраннику той ночью бренди. Прекрасная шлюшка Ева. Я-то еще до того заметил, что этот простолюдин Мэррот по-особому глядит на нее. Как хозяин. И ваша рыжая лиса, сир, нервничала под его взглядом. Чего она опасалась? Особенно когда расставила силки на Ваше доверчивое Величество? Стали бы вы целовать ей пальчики, если бы знали, что эти пальчики могли копошиться в штанах у конюха? Да, да, сир, ваша красотка — обыкновенная потаскуха, и она наверняка украсила чело достославного полковника парой рогов, отдаваясь на куче навоза обычному конюху. Вы же, сир, хотели жениться на ней. Хороша была бы королева! Ева боялась Джека и поспешила от него избавиться. О, я помню, какое было выражение лица у прекрасной Евы, когда она услышала, что Джека нигде не могут найти. Она открыто торжествовала, потому что добилась своего. Чего проще? На нее ведь никто не подумал, на этого лисьего ангелочка. А она заманила своего любовника-конюха к руинам, перед тем напоив охранника. Не удивлюсь, если она и подсыпала Томасу кое-чего в зелье. Чтоб крепче спал, пока ее братец обгладывал доверчивого Джека.

— Замолчи, Грэнтэм! — сжал кулаки Карл.

— Нет уж, слушайте, сир! — почти закричал лорд. — Слушайте, ибо вы должны знать правду!

Какой-то перелом произошел в сознании Джулиана. Он не мог больше сдерживаться, слишком долго клокотавшая в нем темная лавина теперь рвалась наружу.

— Этот проклятый замок… Эти Робсарты… Я знал, что нам не следует ехать в это болото, и видел, как оно засасывает вас. Но я все время был начеку и первый понял, что толстуха Элизабет вас узнала — эта баба видела, что у вас пошла носом кровь. Пришлось от нее избавиться… И до чего сильна оказалась дьяволица! Едва не вырвалась. Мой камзол весь измазался в крови, пришлось сжечь его в камине. Вы ведь не заметили, сир, что я больше ни разу не надел коричневый наряд.

— Господи, помилуй, — простонал Карл. — А я еще думал, что ты не умеешь притворяться.

— Я и не притворялся, — невозмутимо заметил Грэнтэм. — Я был спокоен, потому что просто выполнил свой долг. А вот Ева… Я понял, что ей удалось воспользоваться ситуацией и лишить вас разума, особенно когда вы сказали, что готовы жениться на ней… Я много раз пытался урезонить ее, но это было бесполезно. Что ж, мне оставалось лишь убить ее. Я выкрал в замке мушкет, нашел удобное место и стал караулить ее по утрам, когда вы забирали спаниелей и уходили гулять на равнину… Но мне не везло. Помню, вы разминулись с Евой, она не спеша ехала вдоль рощи, оглядываясь. Но тогда был ветер, и у меня выдуло порох с полки мушкета. В другой раз полил такой дождь, что я уже не думал, что она поедет за вами. А когда она появилась… Дьяволово семя! Я не уследил — и фитиль отсырел, я не смог его поджечь…

— Довольно, сэр! — холодно прервал его король.

Но Джулиан уже вошел в раж и даже не заметил, что прибывающая бурлящая вода доходит до голени сапог.

— Я только выполнял свой долг, но какого напряжения мне это стоило! Лишь с леди Рэйчел мне становилось немного легче. Она казалась мне столь чистой, невинной… Откуда мне было знать, что она такая же девка, как и ее сестра? А ведь я почти любил ее.

— Боже, какого же несчастья избежала Рэч, не став вашей супругой, — тихо промолвил Стивен.

Но Джулиан словно не расслышал его слов. Он говорил на удивление спокойно, но от этого исповедь убийцы не становилась менее жуткой. Он рассказал, как после ряда неудач ему наконец-то повезло: в западню попался сам Роб-сарт — убийца короля и изменник, без которого Ева ничего не значила для Карла. Той ночью, когда они искали Рэйчел, он, как всегда, караулил, затаившись с мушкетом в роще. Стояла прекрасная, тихая погода, и он молил небо… Когда Джулиан увидел одиноко возвращающегося Робсарта, то не сразу поверил в свою удачу. Он подождал, когда тот подъедет поближе, и нажал на курок. Робсарт бессильно откинулся в седле, лошадь понесла его… Выстрел никто не услышал, лишь в стороне, где располагался замок, темным облаком поднялись стаи галок.

Да, он выполнил, свой долг и был спокоен, ибо теперь Карл повел себя подобающе: он решил отказаться от Евы. И этим, по сути, спас ее. Если бы потом он не передумал… не захотел взять с собой… и не доверил ее ему, Джулиану… Тогда Грэнтэм решил, что такова, видимо, воля провидения.

Король вновь застонал:

— Эта кровь на твоем манжете… Как вы могли, сэр? Я ведь верил вам. Я поручил вам ту, которую любил…

— Которая порочила вас! — резко прервал его Джулиан. — Неужели вы не понимаете, сир, что я действовал вам во благо?! Приключение окончилось, и вам все равно пришлось бы отказаться от Евы Робсарт, а я всего лишь избавил вас от связи, которая не принесла бы ничего, кроме неприятностей и позора. Я исполнил свой долг!

Наступила тишина. Все трое молчали. Наконец король собрался с духом:

— У вас искаженное понятие о долге, Грэнтэм. Вы, как Кромвель и его пуритане, убиваете, считая, что действуете по воле небес. Ты фанатик… преступник. И должен понести кару за свои злодеяния. Поэтому я приказываю…

Он повернулся к Стивену.

— Мистер Гаррисон, вы представляете власть в Англии. Арестуйте этого человека.

Стивен повиновался:

— Вашу шпагу, милорд!

Грэнтэм не пошевелился. Он глядел на короля, остолбенев от изумления.

— Что вы говорите, сир? Я ведь действовал так исключительно из преданности вам… Я готов был на все ради моего короля.

Король вздрогнул, поморщился, как от боли. И резко отвернулся:

— Мне стыдно вспомнить, что я доверял вам. Я более не желаю вас знать.

Тогда лицо Джулиана будто окаменело.

— Еще в Шотландии маркиз Аргайл говорил мне, что вы недостойны быть королем… носить имя Стюартов. Теперь вы предаете меня…

— Боже, что вы говорите! — отшатнулся король.

Но Джулиан докончил:

— Тогда вы не достойны громкого имени, какое носите!

Он тяжело, хрипло дышал.

— Да вы истинно безумны! — воскликнул Карл.

Джулиан не сводил глаз с короля. Внезапно с его лица словно спала маска, и из-под нее проступил оскал дикого зверя. С замиранием сердца король вдруг уловил в лице этого красавца поразительное и ужасное сходство с Николасом.

— Вы безумны, — повторил Карл с ужасом.

— Нет! — вдруг истерически закричал Грэнтэм. — Я в своем уме. И вижу, что совершу доброе дело, если избавлю Англию от такого ничтожества, как Карл Стюарт!

Он кинулся к королю, на ходу поднимая шпагу. Карл не пошевелился, словно оглушенный, лишь где-то у сердца его обжег ледяной холод страха. Но Джулиан не успел… Стивен кинулся наперерез Джулиану и успел поддеть ногой его ногу. Джулиан споткнулся; они оба упали, но тут же вскочили. Стивен загородил собой короля.

— Грэнтэм, ты, кажется, забыл, что наша дуэль не окончена, — сухо сказал он и поднял шпагу. К королю Стивен обратился, не поворачивая головы, опасаясь хоть на миг упустить убийцу из поля зрения. — Вам лучше уйти, сир. У нас с Грэнтэмом свои счеты.

Но король остался стоять.

Джулиан какое-то время медлил и, тяжело дыша, глядел то на короля, то на полковника. Он понял, что, не убив второго, не достигнет первого, и улыбнулся. Выглядел он действительно ужасно: черные влажные волосы, ниспадая вдоль щек, делали его лицо уже, а повязка на голове словно удлиняла его. Это было лицо упыря, который жаждал крови. Однако Грэнтэм не терял хладнокровия, и в том, как он поднял шпагу, взмахнул ею несколько раз, словно пробуя на вес, а потом навел на Стивена, ощущалась даже известная грация.

Джулиан обходил Стивена. Тому пришлось отступать, также кружа по воде. Было тихо, лишь вода шумела у них под ногами. А затем послышался звон и сухой скрежет стали, когда Стивен парировал удар, словно отбрасывая лезвие противника. Опять одинокий выпад, удар и — оборона. Они продолжали медленно кружить по журчавшей под ногами воде и глядели лишь друг на друга, забыв о присутствии короля. Карл завороженно смотрел на них, словно

не было никакого корабля, ожидающего его. Он понимал, что это не обычная дуэль, а бой насмерть, схватка, к конце которой произойдет убийство. Возможно, где-то в глубине его сознания звучала мысль, что разумнее уйти, поспешить на корабль. Разве есть до всего происходящего дело ему — королю Англии, Шотландии и Ирландии Карлу II? Разве у него нет других, более важных целей?

Позже он сможет подумать об этом более трезво. А сейчас в его душе кровоточила открытая рана, и он хотел видеть, как падет тот, кто предал его доверие и убил его возлюбленную. Его судьбу.

Стивен ждал новой атаки. Он уже знал, какой превосходный фехтовальщик лорд Грэнтэм, и уловил его тактику изматывания противника обороной, за которой следовало стремительное наступление. Поэтому он не спешил нападать. Он понимал, что справиться с Джулианом будет нелегко, но он не имеет права проиграть. Он обязан отомстить и защитить короля.

Король вздрогнул, когда вновь неожиданно и резко зазвенели шпаги. Они скрещивались с сухим лязгом, двигались столь молниеносно, что были словно не видны, лишь холодный свет луны поблескивал на лезвиях, подобно вспышке молнии.

Теперь Джулиан то нападал, то отходил, то кружил вокруг Стивена, улыбаясь и не сводя с него глаз. Он казался легче и подвижнее более мощного противника; создавалось впечатление, что он просто играет, забавляется.

Удары посыпались один за другим, и Стивен стал отходить, обороняясь. Его не успевшая зажить рука начала отдавать болью. Джулиан тоже не успел оправиться от ранений, но тем не менее фехтовал мастерски: ложные выпады, внезапные атаки, необычные удары, отступления, нападения. Стивен, собрав волю и внимание, парировал их. Они сражались уже среди камыша.

Неожиданно шпага Джулиана описала стремительный и опасный круг. Стивен чудом предугадал этот удар, успел пригнуться, и оружие противника лишь со свистом разрезало над ним воздух, сбило шляпу.

Они поменялись местами, и вновь зазвенели клинки. Удар, лезвия скользнули одно вокруг другого, гарды стукнулись, и лица противников оказались совсем близко.

— Вы больше никого не убьете, — сквозь зубы бросил Стивен.

Грэнтэм улыбнулся и отрезал, прерывисто дыша:

— Убью. Тебя и прямо сейчас.

Стивен был внимателен до предела и уловил движение, когда Джулиан левой рукой выхватил кинжал. Он успел поймать противника за запястье и сжать руку. Стивен был мощнее и сильнее Джулиана, но в сухощавом, жилистом теле лорда Грэнтэма таилась недюжая сила, удесятеренная звериной яростью. Он вдруг завыл и рванулся, лязгнув зубами, словно намереваясь укусить противника за лицо. Это окончательно обозлило Стивена. Он в гневе выругался. Что ж, это уже не поединок, это схватка насмерть, в которой нет правил. К черту дворянскую щепетильность!

Резким движением головы он ударил Джулиана лбом в лицо. Тот охнул, попятился, упал, но тут же вскочил. Кинжал он потерял, но шпагу не выпустил. С диким криком он ринулся вперед, нанося сильные резкие удары. Стивен пятился, отбивая их с такой силой, что от клинков полетели искры.

Вода прибывала, доходя сражающимся до колен, кружила мутными водоворотами, поднимая ил. Противники пятились, нападали, вскакивали, круша камыши. О присутствии короля они начисто забыли, обоими владело лишь одно желание — убить. И Стивен, и Джулиан были уже ранены, но не серьезно; кровь текла из порезов, однако они словно не замечали ее. Мокрые, грязные, они понимали лишь одно: надо одолеть противника и уцелеть самому. Порой оба падали, поднимались и замирали, с трудом переводя дыхание, а потом вновь кидались в атаку. И все это в диком молчании, среди плеска воды, лязга железа и хриплого дыхания.

Карл не сводил с них глаз. Один раз он не выдержал и окликнул их, но ни один, ни другой не отреагировали. Сейчас им было не до него, и если бы он ушел, они бы и не заметили. Пару раз Карл оглянулся по сторонам: ему казалось, что тот шум, который подняли сражающиеся, уже давно должен был привлечь кого-нибудь. Но поднявшийся ветер, быстрое журчание воды и отдаленный гул моря заглушали звуки стычки. Карл понимал, что их ждут, и уже решил, что прибудет на корабль один. Каков бы ни был исход поединка. Король достал пистолет, но понял, что порох отсырел, и со злостью отбросил его. Затем он выхватил шпагу. Если Джулиан победит… ему придется докончить начатое Стивеном. Убийца должен понести кару. Но пока он лишь смотрел — как судья, как зритель и как сочувствующий.

Вода поднялась уже выше колен. Сражающимся приходилось тяжело: оба были неимоверно утомлены, с обоих текла кровь, они шатались, нападая, порой падали друг на друга, словно обнимались, но тут же продолжали сражаться.

Теперь они бились у небольшого обрыва. Отступая под градом ударов Стивена, Джулиан заскочил на пригорок и оказался сверху; Гаррисон был вынужден парировать его удары, оставаясь в воде. Потом Джулиан прижал его шпагу к земле и с размаху наступил на клинок.

Раздался резкий звук, шпага переломилась, и в руках у Стивена остался лишь обломок с остатком клинка у гарды. Джулиан торжествующе захохотал. Он занес оружие для последнего удара и тут же охнул, когда Стивен вогнал обломок своей шпаги ему под коленку. Джулиан закричал, Стивен схватил его одной рукой за запястье, сжимавшее шпагу, а другой за ворот и рывком опрокинул на себя, сорвав с возвышения.

Они упали в воду, подняв кучу брызг, и исчезли. Карл кинулся к ним. Бежать было тяжело, так как вода уже поднялась до бедер и ощущалось ее сильное течение. К тому же облако скрывало луну, и король с трудом мог что-то разглядеть.

Где-то совсем в другом месте раздался плеск воды, бульканье. Карл слабо различил два вдруг возникших, сплетенных вместе тела и понял, что один из противников удерживает шпагу. Тут же оба снова скрылись под водой. Это повторилось еще раз или два. Теперь, во мраке, Карл уже не различал, кто из них кто. Он стоял, сжимая эфес шпаги, казалось, забыв, что ему уже время бежать к кораблю, если он хочет успеть уехать, чтобы иметь шансы вернуть трон. Нелепо, но в этот момент он не думал, что он король. Он знал: если сейчас победит Джулиан, он сделает все, чтобы Карл Стюарт никуда не уехал. И тоже будет считать, что выполнил свой долг… на благо Англии.

А потом Карл понял, что их нет слишком долго. Журчала, все прибывая, вода… И больше никаких звуков.

— Господи, помилуй! — взмолился Карл. Он стал догадываться — противники утопили друг друга.

Когда недалеко от него раздался сильный всплеск, он едва не вскрикнул. Перед ним во мраке возник силуэт человека, слышно было

жадное, тяжелое дыхание. Карл медленно поднял шпагу, ибо не знал, кто перед ним.

Человек стоял не шевелясь, а потом сверкнул свет луны, и Карл узнал Стивена.

— Слава Богу!

Король кинулся вперед и поддержал его.

— Идем. Нам надо спешить. Вода все прибывает.

Вряд ли Карл думал о своем монаршем сане, когда, поддерживая полковника «круглоголовых», увлекал его к берегу. Стивен был очень слаб и невероятно тяжел. Идти через доходившую уже до пояса воду становилось все труднее. Когда под всплеск воды всплыло распростертое тело Джулиана, они оба отшатнулись и упали. Карл встал первым, затем помог подняться Стивену. Какое-то время он следил, как тело лорда Грэнтэма уносит течением прочь. Джулиан плыл лицом вниз, он был мертв.

В конце концов они выбрались на берег и, тяжело дыша, упали на землю. Потом какое-то время они сидели рядом, дрожа под холодным октябрьским ветром в мокрой одежде.

— Вам надо идти, — наконец произнес Стивен.

Карл кивнул, поднялся, но ушел не сразу.

— Я должен вас поблагодарить, мистер Гаррисон. Вы освободили меня от этого… и спасли.

Он вспомнил смех Евы, ее лукавые глаза, нежное тело… которое так любил. Значит — не судьба.

Стивен поднялся и спросил, не проводить ли Его Величество.

— Нет. Я не хочу давать лишних пояснений. И помоги мне, Боже, я так устал…

Стивен кивнул:

— Понимаю.

Карл поглядел на его рваную одежду, на кровоточащие раны:

— Вам нужна помощь.

Стивен снова кивнул:

— Как-нибудь справлюсь. Это ерунда, главное — все уже позади.

Карлу надо было спешить. Он понимал, как волнуются ожидающие, и все же задержался еще на мгновение.

— Я не могу что-нибудь сделать для вас?

Стивен поглядел на него с удивлением.

— Я восхищен вашим великодушием, сир. Все, что я прошу, — не считать меня в стане своих врагов… ибо я сожалею, что сражался в этой войне в рядах ваших противников. Знайте — ваша особа, претерпевшая столько злоключений, священна для меня. Если Господь благословит ваши усилия и усилия ваших сторонников и, как я надеюсь, вы вернете трон своего августейшего отца — не сомневайтесь, я буду одним из первых, кто признает в вас короля всех трех королевств.

Король чуть улыбнулся. Когда Стивен хотел встать на колено и поцеловать его руку, он удержал его, и они обменялись крепким рукопожатием.

— Возвращайтесь, сударь, — сказал Карл. — Вас ведь ждут. Леди Рэйчел… Передайте ей от меня самые добрые пожелания и скажите, что я искренне скорблю о смерти ее сестры… Думаю, теперь вас ничто не разлучит с Рэйчел. Вы станете Робсартом. Со своей стороны, я обещаю скрыть все, что произошло в Сент-Прайори, и сохранить имя Робсартов незапятнанным.

Он повернулся и быстро пошел к бухте, где его ожидал корабль.

Стивен какое-то время глядел ему вслед. Карл уходил. Его высокий, стремительный силуэт вскоре исчез, слился с сырой предутренней мглой. Стивен не знал, увидит ли еще когда-нибудь короля. На мгновение мелькнула дикая мысль, что все это ему померещилось… Он был утомлен и так измучен…

Стивен устало опустился на землю; мысли путались, он находился словно в каком-то оцепенении. Постепенно саднящая боль от порезов и холод отрезвили его. У него ведь столько дел впереди!.. Нужно привести себя в порядок, найти жилище, где ему смогут оказать посильную помощь, дать поесть и обсохнуть, перевязать раны. Иначе он просто свалится.

Он встал и пошел в сторону селения на возвышении. Уже почти рассвело. Стивен подумал, что следует договориться, как перевезти коня с того берега. Он не собирался долго здесь задерживаться, ему нужно как можно скорее вернуться в Сент-Прайори. Там его ждет Рэйчел…

Но уже на холме, возле селения, он все же несколько задержался. В серой утренней дымке море казалось бескрайним, необозримым. По его волнам от берега Англии удалялся корабль… утлое суденышко,

медленно направляющееся в сторону континента. Увозящее короля Карла II Стюарта.

В пасмурном небе раздавались резкие крики чаек, внизу шумели волны. Стивен глядел, пока корабль не превратился в крошечную темную точку. Ему даже стало грустно, словно он простился с другом, о котором будет скучать и надеяться на встречу.

Потом он услышал голоса людей, увидел выходящих из хижин рыбаков, которые удивленно глядели на израненного незнакомца. Он пошел к ним и заговорил. О короле он больше не вспоминал. Сердце его исполнилось радостью ожидания и надежды.

Эпилог

Май 1660 года

26 мая 1660 года корабль «Нэйсби», переименованный в «Короля Карла», вышел из Гааги, направляясь в Англию, в порт Дувр. Когда он бросил якорь у английского берега, в Дувре не было видно побережья — столько народа собралось приветствовать возвращение своего монарха.

Когда Карл II Стюарт ступил на берег, он сразу опустился на колени и поцеловал английскую землю. Народ восторженно кричал, многие плакали от счастья, со стен старого Дуврского замка салютовали пушки.

— Боже, храни короля! — скандировала толпа.

Да, изгнанник вернулся. Отныне он не правитель без подданных, скиталец из одной страны в другую, зависимый от милости благодетелей. Свободный английский парламент, собранный после кончины Оливера Кромвеля и неудачного правления и склок его преемников, вынужден был признать, что, если Англия хочет избежать анархии и новой гражданской войны, ей следует признать власть единственного человека, который имеет законное право встать во главе государства и прекратить смуты. И когда парламент получил письмо изгнанного короля, что тот имеет исключительно благожелательные намерения и не собирается мстить англичанам, разве что за исключением нескольких человек, напрямую повинных в смерти его отца, в парламенте, не задумываясь, решили пожертвовать этими несколькими и попросили Карла принять корону и титул его отца.

Теперь англичане ликовали. Окончилось мрачное пятнадцатилетнее засилье пуритан, к людям вернулось желание смеяться и праздновать. Ах, теперь снова откроются театры и разрешат танцевать вокруг майского дерева, вновь в моде будут спортивные состязания, карточные игры, веселый юмор, зрелища и нарядная одежда! Ибо все знали, что «черный мальчуган» — как англичане нежно называли своего короля из-за его цыганской смуглости — был

веселым королем, жизнерадостным, легкомысленным и не мешавшим веселиться никому другому. Так что население Англии пребывало в полнейшем восторге. И если среди них и оставались рьяные пуритане, недовольные возвращением Карла Стюарта и всеобщим ликованием, то они предпочитали оставаться в тени и благоразумно помалкивать.

Через три дня после высадки, 29 мая, король Карл, которому в этот день как раз исполнилось тридцать лет, въезжал в свою столицу. День выдался ослепительно ясным, безоблачным, сверкало солнце, и люди говорили друг другу, что такая погода в день нового царствования — доброе предзнаменование. Улицы были запружены народом, люди кричали, шумели, плакали от счастья. От них словно веяло волной неистового обожания, безмерного, почти религиозного. А когда мимо них во главе процессии проезжал король, они так напирали, что солдатам из ополчения приходилось прилагать немало усилий, чтобы сдержать толпу. Карл видел это, улыбался, приветливо кланялся и думал, что эти же солдаты, которые когда-то сражались против его отца и конвоировали его к месту казни, теперь вовсю старались, чтобы мог проехать его сын, Карл II, возвращающийся на трон.

— Это наш король! — кричала толпа.

— Боже, храни Его Величество!

— Да здравствует «черный мальчуган», Карл II!

Карл ехал медленно и улыбался. Он снял шляпу в знак уважения перед своим народом. Яркое солнце играло бликами на его иссиня-черных, ниспадающих до плеч волосах. Карл был одет в элегантный короткий камзол винно-красного бархата, в широкие, до колен, бриджи с золотой бахромой, опускающейся на отвороты его щегольских мягких сапожек. Рядом с Карлом ехали его братья, Джеймс, герцог Йоркский, и Генри, герцог Глостер. Сразу за ними гарцевал на горячем жеребце белокурый красавец Бэкингем, а рядом с ним ехал маленький и напыщенный генерал Монк, благодаря усилиям которого и произошло сегодняшнее празднество. Следом скакали сотни кавалеров из тех, кто сражался еще за Карла I, а потом пошел в изгнание вслед за его сыном. Сейчас все они были великолепно одеты, ехали на превосходных лошадях, перья на их шляпах развевались. Не хотелось думать, что у этих изгнанников в кармане нет ни гроша и все это великолепие взято в кредит.

Царило всеобщее ликование. Город был украшен флагами, с фасадов домов свисали яркие гобелены, над головами пестрели гирлянды самых замысловатых майских цветов, а зеленые ветки образовали арки над процессией.

Карл, улыбаясь, повернулся к своим спутникам и заметил с известной долей цинизма:

— Меня так встречают, что, наверное, я сам виноват, что столь долго пробыл за границей. За эти четыре дня я еще не встречал человека, который бы не признался, что страстно ожидал моего возвращения.

Белые зубы короля под тонкой ниточкой усов то и дело освещали его смуглое, некрасивое лицо яркой улыбкой. Однако у крыльев носа и меж бровей короля проступали резкие, усталые морщины, а в черных глазах, несмотря на кажущееся веселье, словно навсегда застыла затаенная грусть. Да, Карл Стюарт помнил, что ему пришлось пережить ради сегодняшнего дня, что претерпеть, будучи бездомным скитальцем, когда все его попытки вернуть трон оканчивались поражением и он был зависим от милости благодетелей, вынужден был терпеть унижения и глумления от тех, кто мог бы ему помочь, но не делал этого, ибо противник Карла, Оливер Кромвель, был слишком могуществен, и те, кто отказывал Карлу, тут же спешили заручиться поддержкой всемогущего убийцы короля, лорда-протектора Англии. А Карл по-прежнему колесил по Европе, вновь и вновь повторяя безнадежные попытки вернуть себе трон отца…

Потом пришло известие, что Кромвель умер. В тот день над Англией пронеслась неслыханная буря, и под ударами стихии творилось настоящее светопреставление: вырванные с корнем деревья, разрушенные церкви, снесенные жилища. А лорд-протектор в это время отходил в мир иной в жесточайших мучениях. Буря свирепствовала, и люди говорили, что сам дьявол пришел за душой жестокосердного Нола.

Это случилось через семь лет после битвы при Вустере, день в день, 3 сентября 1658 года. И изгнанник Карл вдруг вспомнил слышанный когда-то рассказ, что именно 3 сентября 1651 года к Кромвелю явился черный господин и заключил с ним контракт на семь лет, в течение которых Нолу будет удаваться все, что он пожелает. Так и вышло — все эти годы Кромвель был полноправным хозяином

Англии, ему не удалось заполучить только титул короля. Но похоронен он был со всеми монаршими почестями, в венце и королевской мантии, и на его надгробии было выведено, что здесь покоится Оливер Кромвель — «бог, человек, король…». С чисто пуританской скромностью…

Да, предсказания начали сбываться. И именно через два года после смерти Кромвеля, когда Карл совсем отчаялся вернуть трон, он неожиданно узнал, что Англия готова принять его. Как и было предсказано — без малейших для него усилий… Но сейчас Карл не хотел думать об этих предсказаниях. Ибо последнее из них гласило: если он не предпримет никаких усилий и позволит судьбе самой вести его, он получит все: власть, почести, величие, кроме одного — у него не будет законного наследника, продолжателя рода Стюартов, и вскоре эта династия сойдет на нет. А для монарха, только вернувшего себе корону, подобное воспоминание и было той ложкой дегтя в бочке меда, что жила глубоко в его душе и вселяла невольный трепет. Карл усилием воли заставил себя не думать об этом: ведь вокруг царило такое веселье, такая праздничная атмосфера!.. И Карл Стюарт улыбался.

Праздничная процессия проследовала по Лондону и выехала на Стрэнд, где располагались изысканные особняки знати с садами, спускающимися к реке. Понадобилось несколько часов, чтобы миновать эту улицу, ибо здесь процессия двигалась особенно медленно. Король проезжал со снятой шляпой мимо роскошно изукрашенных помостов, на которых располагались представители знати, сохранившие верность Карлу все время его отсутствия и приложившие немало усилий, чтобы вернуть Его Величество в Англию. И вдруг Карл остановил коня.

— Что он еще задумал? — почти возмущенно спросил брат короля Джеймс, когда Карл неожиданно спешился и пошел в сторону одного из помостов, на котором стояла нарядная группа людей.

Сидевший рядом с принцем герцог Бэкингем лишь рассмеялся:

— Ты разве не видишь, Джемми? Красивая женщина. И очень красивая, смею заметить. Наш царственный жеребец Карл Стюарт просто не в силах проехать мимо.

Да, поначалу Карл увидел лишь красивую женщину. Высокую, нарядную, с удивительно тонкой талией над пышными юбками из

бледно-желтого дамасского шелка. Карл оценивающе окинул ее взглядом. Ему всегда нравились хорошо сложенные элегантные дамы. Он заметил покатую линию плеч, покрытую удивительно тонким узорчатым кружевом, рюши которого легкой пеной обрамляли глубокий вырез корсажа; увидел прелестные полушария чуть смуглой груди, на которой восхитительно смотрелось ожерелье из мягко мерцающего жемчуга — один ряд жемчужин обвивал высокую стройную шею дамы, а несколько других спускались гирляндами по груди едва ли не до талии. «Подобный жемчуг стоит целое состояние», — подумал Карл, сам еще не понимая, что его так заинтересовало в этой роскошной даме.

Лицо ее затеняла широкополая шляпа светлого кремового цвета, из-под которой спускались вдоль лица черные, лежавшие естественной волной волосы, красиво завивающиеся на концах в локоны. Карл разглядел точеный подбородок, чувственный полный яркий рот, тонкие крылья носа. Дама засмеялась, обнажая ровные белоснежные зубы, чуть вскинула голову. И Карл с удивлением узнал эти колдовские, мерцавшие, как темные звезды, глаза, соболиный разлет бровей над ними…

Вот тогда-то он и остановил коня, совсем не думая, что за ним вынуждена была остановиться целая процессия длиной в добрую милю. А Карл лишь глядел на эту красавицу… узнавал… и не узнавал. Как вихрь пронеслись забытые воспоминания: лунный свет на стенах старинного замка, опадающий листвой парк, темные переходы, по которым движется скромная пуританочка в белом чепце, чуть прикрывая ладонью пламя свечи. И в нем словно ожил целый рой воспоминаний, почти запахов… Туманное утро над бескрайней Солсберийской равниной, ощущение опасности, таинственное, будоражащее напряжение и полное упоительного счастья сознание, что тебя любят. Нет, не эта… та, другая.

Но сейчас Карл глядел лишь на Рэйчел Робсарт. И был восхищен. Потом он увидел троих нарядных детей возле нее — двух темноволосых мальчиков, так похожих чертами на мать, и устало сидевшую на помосте рыжеволосую девочку лет трех-четырех, обнимавшую пятнистого длинноухого спаниеля. Карл заметил, что Рэйчел опустилась в юбки, присев в изысканном реверансе. Господи помилуй! И это та скромненькая неприметная Рэч Робсарт! Колдунья,

которую боялись хемпширские пуритане! Да она стала истинной леди, которой он непременно должен засвидетельствовать свое почтение. И еще Карл увидел, как стоявший подле Рэйчел высокий, щегольски одетый мужчина поспешил снять шляпу и поклониться. Выпрямляясь, рывком головы он скинул упавшую на глаза волнистую прядь золотившихся в лучах солнца волос. Стивен Гаррисон. Карл вспомнил сырую ночь, лязг шпаг и журчание воды в русле реки. Ночь, когда этот человек спас его. Робсарты! Он непременно должен переговорить с ними.

Вот тогда-то Карл и сошел с коня, вызвав недоумение сопровождающих. Но он не думал об их неудовольствии. Он — король, и его желание всегда законно. Карл взбежал по ступеням помоста.

— Крест честной! Робсарты!

— Ваши покорные слуги, сир, — вновь склонился Стивен, но Карл, как когда-то давно, не дал ему поцеловать свою руку, а крепко пожал.

— Мои друзья!

— О сир…

Рэйчел мило покраснела, чем-то напомнив королю ту скромную пуританочку из Сент-Прайори. Но как же она стала хороша!

Карл не преминул ей это заметить. И встретил открытый, знакомый ему, прямой взгляд.

— Это от счастья, сир. Ибо я так счастлива!..

— Вы заслужили свое счастье, Рэч… простите, миледи Робсарт. — Он хитро подмигнул Стивену. — А ведь я знал, куда вы спешите, распрощавшись со мной, полковник.

— Я уже давно не полковник, — заметил Стивен.

— Конечно, конечно. Барон Робсарт, не меньше. Я рад, что в числе моих лордов есть столь преданный человек. — Король на миг помрачнел, вспомнив того, кого убил Стивен — человека, которому он столь доверял и который был его злым гением: Джулиана Грэнтэма. Но сегодня не хотелось думать о мрачном, и Карл радостно осведомился, как сложились дела у его друзей.

Они словно забылись в разговоре, словно вновь он был не король, а их заезжий гость, с которым им всегда было столь легко. Да, они поженились, когда прошел срок траура по погибшим, и Стивен смог

отстоять наследие лорда Робсарта для его младшей дочери. С тех пор в Сент-Прайори царило только счастье. Проклятье Робсартов рассеялось, и таинственный замок, столько лет являвшийся чем-то загадочным и жутким, теперь одно из богатейших имений в Хемпшире с обширным штатом слуг, богатыми выездами, ухоженным парком, где часто происходят празднества.

Карл смеялся:

— О, я не сомневаюсь, что в ваших руках, леди Рэйчел, это старое поместье приобрело поистине отменный вид. Я непременно побываю у вас, когда совершу поездку по стране.

— Это будет великая честь для нас, — улыбнулся Стивен, барон Робсарт. Теперь он имел все основания быть счастливым и улыбаться. Рэйчел поспешила представить королю своих детей: серьезного семилетнего Дэвида, шестилетнего Чарльза, названного в честь славного «мистера Трентона», очаровательного сорванца с живыми черными глазами. Карл чуть не пошутил — дескать, весь в меня, — но предпочел сдержаться.

— А это наша Ева, — сказала Рэйчел, указывая на малютку у своих ног. Украшенная перьями щеголеватая шляпка скрывала личико сидевшей в обнимку со спаниелем девочки. Она, видно, так устала, что не очень реагировала или еще не понимала, что ее семейство удостоил вниманием сам король Англии.

— Ах, Ева, несносная девчонка! — затормошила ее нянька, в которой Карл узнал Нэнси, так часто проводившую его в покои к другой Еве. — Встань сейчас же и сделай Его Величеству реверанс.

Трехлетний ребенок послушно повиновался, но на личике девочки было написано неудовольствие. А потом, словно она сама решила, когда и кому дарить свою милость, маленькая Ева одарила Карла прелестнейшей из улыбок — очаровательные ямочки так и заиграли на ее щеках.

Карл молчал. Это румяное округлое личико с чуть заостренным подбородком, золотистые кудряшки, по-лисьи лукавые темно-голубые глаза… Ева!..

Карл побледнел и с трудом проглотил ком в горле, но заставил себя улыбнуться.

— Мне показалось…

Он не окончил фразы и отвлекся, заметив в числе свиты четы Робсартов две внушительные фигуры охранников из Сент-Прайори. Теперь на них были дорогие ливреи дома Робсартов, в лице застыло достоинство слуг из хорошего дома. Но Карл заставил их улыбнуться, вспомнив, что они когда-то обыграли его в кости. Он полез в карман и тут же рассмеялся, заметив, что у него с собой ни единого пенса. Что ж, у него еще будет время расплатиться.

— Мы ведь еще непременно встретимся, не так ли? И с вами, сэр Стивен Робсарт. В самое ближайшее время в моем дворце в Уайтхолле. А сейчас я вынужден проститься. Видите, какое вышло столпотворение из-за моей задержки?

И, не удержавшись, чтобы еще раз не поцеловать ручку Рэйчел, он поспешил к своей свите.

Играла музыка, кричали люди, гремели барабаны, цокали подковы лошадей проезжающей процессии. Многие из следовавших мимо спешили снять шляпы и поклониться семейству Робсартов, к которым Его Величество проявил такую милость.

Рэйчел нежно поглядела на мужа.

— Кажется, при дворе Карла II ты сможешь сделать блестящую карьеру, Стив.

Он чуть кивнул:

— Все возможно. Если не забывать, что этот «черный мальчуган» чаще дает обещания, чем их исполняет. В любом случае у меня есть ты, наши дети и Сент-Прайори. И я счастлив, как мало кто из смертных. — И, убрав завиток с ее щеки, шепнул, приблизившись: — Король так глядел на тебя, Рэч… Я даже невольно ревновал. И безумно захотел послать ко всем чертям этот праздник и оказаться дома, в нашей спальне… с тобой наедине.

Рэйчел смеялась, глаза ее вспыхивали. Потом она стала серьезной и заметила:

— Ты видел, какими глазами взглянул король на нашу Еву?

Они оба на миг помрачнели. Затем Стивен улыбнулся, подхватил дочь на руки и расцеловал в обе щеки.

Рэйчел в этот момент пришлось усмирять младшего сына Чарльза, который, устав стоять и отвешивать поклоны, развлекался, корча рожи проезжающим. Да, у них была уже другая жизнь, прошлое осталось в прошлом.

Карл Стюарт по-прежнему был в центре всеобщего внимания. Хотя встреча с Робсартами что-то затронула в его душе, он не мог долго предаваться воспоминаниям в этот день всеобщего ликования. И все же, несмотря на его оживленный вид и беспрестанные любезности и шутки, какими он то и дело обменивался с подданными, где-то почти подсознательно он ощущал горечь. Но он уже свыкся с этим чувством и не помнил, когда оно поселилось в его душе и окончательно превратило его из романтика, каким он когда-то покинул Англию, в беспринципного циника, каким он вернулся на родину. И сейчас, въехав в ворота Уайтхолла, где отцы города приготовили ему торжественную встречу, король лишь краткое время кивал, выслушивал их речи и поздравления, потом поднял руку, приказывая остановиться, и, сославшись на утомление, направился в приготовленные ему покои в старом отцовском дворце.

Брат Джеймс попытался его остановить.

— Чарльз, ты не можешь так поступать, твой королевский долг обязывает!.. Эти люди ждали тебя, они признали тебя королем…

— Раз так, то они должны понять, что монаршая просьба является для них равносильной приказу.

— Но королевский долг!..

Чуть приподняв бровь, Карл поглядел на брата, и принц Джеймс осекся, но, по-своему истолковав иронию в глазах короля, стал лепетать, что если Карл имеет в виду его женитьбу с неподобающей по рангу Анной Хайд, то он готов отречься от нее.

В уголке губ короля залегла горькая складка:

— А ведь ты так любил ее когда-то, Джемми. И сейчас, когда она ждет от тебя ребенка…

— Но когда я на ней женился, я, как и ты, был изгнанником, принцем лишь на словах.

— Ты заметил, — вдруг прервал его Карл, — того мужчину, с которым я недавно разговаривал? Это благодаря ему тебе когда-то удалось бежать из плена.

— Что? — только и заморгал Джеймс.

Карл вышел, хлопнув дверью.

Его встретили огромные пустые покои со всем слепящим блеском вновь возвращенного великолепия после того, как при Кромвеле здесь были казармы, а сейчас сияли хрустальные люстры, персидские ковры

угодливо приглушали шаги, зеркала в золоченых рамах были готовы безропотно отразить Его Величество короля Англии, Шотландии и Ирландии Карла II Стюарта. В их глубине Карл видел очень высокого, хорошо сложенного мужчину со смуглым, покрытым ранними морщинами лицом. Сегодня ему исполнилось тридцать лет. Он добился всего, чего хотел. Он счастлив. И одинок. Так одинок…

Карл вдруг резко позвонил в колокольчик.

— Проджерс, — обратился он к сразу склонившемуся в поклоне царедворцу, — леди Палмер уже здесь?

— Она ждет, сир.

Через минуту потайная дверца открылась, и в проеме показалась удивительно красивая женщина. Карл улыбнулся ей, в глазах его мелькнуло искреннее восхищение.

— Барбара!..

Леди Барбара Палмер, любовница короля Карла, была дивно хороша. Высокого роста, божественно сложенная и хрупкая одновременно, она сразу поражала воображение. Сейчас, в очень открытом платье из лилового бархата с волнами розовых кружев и бантиков, она казалась соблазнительной и величественной одновременно. У нее были роскошные локоны цвета темного золота, овал лица по своей форме напоминавший сердечко, точеный маленький нос и миндалевидные, по-лисьи раскосые глаза темно-синего, почти фиолетового цвета.

Она опустилась перед королем в низком реверансе и кокетливо поглядела из-под пушистых ресниц.

— Сир, а я опасалась, что среди всех этих празднеств вы совсем забудете меня.

— Забыть вас, сердце мое? — беря ее за кисти рук и заставляя выпрямиться, спросил король. — Плохо же вы меня знаете. Я никогда не забываю тех, кого любил и люблю.

Барбара польщенно улыбалась. Вновь этот кокетливый взгляд из-под ресниц.

— Ваше Величество…

Он словно ничего не слышал, глядя на нее, но взгляд его был необычным, внимательным и словно бы отрешенным одновременно. Он будто что-то искал в ее лице.

— Сир? Что с вами?

Карл словно очнулся и попытался улыбнуться.

— Ты так похожа, Барбара… так похожа!

В прекрасных глазах Барбары Палмер появился колючий блеск.

— На кого, Карл? О, вы порой пугаете меня. Вы словно ищете во мне кого-то. Но я — это я. Такой второй нет.

— Да, второй такой нет, — как-то бесконечно печально повторил король. И этим окончательно разозлил фаворитку. Она высокомерно вскинула красивую головку.

— Я слишком хороша, сир, чтобы вы могли восхищаться мной самой, а не сравнивать меня с кем-либо.

Карл иронично поглядел на нее и весело рассмеялся. Да, в этом была вся Барбара. Надменная, властная, непримиримая. И чувственная до кончиков ногтей. О, сколько упоительных ночей они провели вместе! Карл знал о ее честолюбивых планах в отношении его, знал, что она ждет от него ребенка. Но вместе с тем Барбара устраивала его как любовница и была достаточно открыта и проста, чтобы он мог кое в чем доверять ей, обсуждать с ней определенные вопросы. И сейчас, переодеваясь — так и не кликнув никого из целого отряда ожидавших за дверью лакеев, — он с горечью говорил, что его брат Джеймс желает расторгнуть брак с Анной Хайд, на котором когда-то столь настаивал, расторгнуть сейчас, когда она ждет от него ребенка, а он приплачивает своим приближенным, чтобы они распускали слухи о своих связях с леди Анной, что позволило бы объявить ее ребенка незаконнорожденным. Он-то, Карл, слишком хорошо знает леди Анну, ее отец — его друг и советник, и он не позволит их оскорблять. Он вынудит Джемми прилюдно признать Анну женой, а ее ребенка — своим наследником. А еще этот Бэкингем!.. Его жена Мэри тает прямо на глазах, видя, как он изменяет ей с другими, а он словно не может остановиться, хотя и твердит, что любит только Мэри Ферфакс.

Барбара удивленно поглядывала на короля. К чему столько горечи, если он сам не пропустит мимо ни одной юбки? И она, подавая Карлу то рубашку, то флакон с духами, прятала улыбку, пока не заметила, что Карл испытующе смотрит на нее. Тогда она спросила, к чему все это неожиданное красноречие. И в такой день!..

Карл вздохнул.

— Просто сегодня я достиг всего, о чем мечтал. И вдруг понял, как я одинок. Понял, что мне предстоит жить в мире, где не ценят

любовь. А ведь я видел… не далее как сегодня видел, насколько может преобразить и осчастливить людей это чувство.

Барбара по-кошачьи прищурилась и почти замурлыкала, обнимая короля.

— А как же мы, сир? Мы ведь так любим друг друга! У меня будет ребенок, я никогда не перестану любить вас… О, какое великое будущее ждет нас!

Король пристально поглядел на нее, и его большой рот скривился в знакомую циничную улыбку. Однако жест, которым он погладил Барбару по щеке, таил известную нежность.

— Идем, леди Палмер! У нас впереди еще столько дел — благодарственная служба в Вестминстерском аббатстве, церемонные приветствия от горожан и… да мало ли еще что. Весь день, Барбара, вы будете со мной, по правую руку от меня… как моя жена, как королева!

Барбара воспряла. «Как королева», — сказал он. О, как она этого жаждала!

Карл улыбнулся, заметив этот блеск в ее глазах. Он протянул ей руку и, когда красавица облокотилась на нее, вместе с ней вышел из покоев.

---

notes

Примечания

1

Круглоголовые — так сторонники монархии презрительно называли республиканцев, ибо те коротко стригли волосы в отличие от «кавалеров», сторонников монархии, носивших длинные, завитые в локоны, волосы.

2

Роялисты — приверженцы монархии.

3

Кромвель, Оливер (1599—1658) — крупный политический деятель, возглавивший английскую революцию. Во время гражданской войны проявил выдающиеся способности полководца. После победы и казни короля возглавил республику. Лордом-протектором стал не в 1651 г., когда происходят события романа, а в 1653 г.

4

Пуритане (от латинскогоpurus — чистый) — проповедовали мирской аскетизм, выступали против роскоши, не признавали культа святых, были сторонниками строгих нравов, сурового образа жизни.

5

Чарльз — по-английски: Карл.

6

Торговая организация, ведающая отношениями с американскими колониями.

7

В 30-х годахXVI в, из-за несогласия Папы Римского дать королю ГенрихуVIII разрешение на развод ГенрихVIII упразднил католичество и распустил монастыри, земли и богатства которых достались королю и его приверженцам.

8

Нол — сокр. от Оливер.

9

Одно из прозвищ Оливера Кромвеля.

10

3 сентября — победа под Вустером, а за год до этого — победа республиканцев в Шотландии под Данбаре.

11

Кромлех — круг из вертикально стоящих каменных глыб.

12

Ночь с 1 на 2 ноября.

13

Вульгата — название латинского перевода Библии, осуществленного вIV в. CXVII в, признан каноническим.

14

Контрфорс — выступ в стене, здании, мощный внизу и сужающийся кверху. Служит для поддержания устойчивости строения.

15

Линдабарда — героиня средневекового рыцарского романа «Зеркало рыцарства», ее имя сделалось синонимом возлюбленной.

16

Крипта — подземная церковь под храмом, чаще всего под его алтарной частью.

Содержание

Симона Вилар Замок тайн
Пролог
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ПЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ТРИНАДЦАТЬ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
Эпилог
Примечания
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

13
14
15
16